

ПСИХОЛОГИЯ ЭННЕАТИПОВ
ЭННЕАТИП 8
ПОХОТЬ

*Перевод выполнили Агасфер и Defakee (админы
канала @velyrtypings)*

**Клаудио Наранхо
И его сотрудники**

**ПСИХОЛОГИЯ ЭННЕАТИПОВ
ЭННЕАТИП 8
ПОХОТЬ**

Садисты, собственники и мстители

Ясно одно: путь исцеления эннеатипа 8 неизбежно проходит через любовь. Это важно для всех, но для нас — это единственный путь. [...]

Потому что внутри Восьмерки есть нежное, детское ядро, защищенное мощной броней, и если нет уверенности, что другой примет тебя с любовью — даже если он может противостоять тебе, опираясь на факты, а не переходя на личности, — у нас нет возможности открыться.

По моему опыту, любовь — это единственный путь, способный пробить эту мощнейшую броню, которую мы носим.

*Д-Р ХУАН ХОСЕ АЛЬБЕРТ,
из беседы с Клаудио Наранхо.
Пилас, Севилья, 6 декабря 2008 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Клаудио Наранхо

Вместо пролога: Сьюзи Строук берет интервью у Рамона Ресино

Вместо введения: Основные различия между подтипами Э8: самосохранения, сексуальный и социальный

КНИГА ПЕРВАЯ. ЭННЕАТИП 8, ПОДТИП САМОСОХРАНЕНИЯ

Координатор: Марк Фрескет

1. Страсть в сфере инстинкта: как похоть проявляется у подтипа самосохранения
2. Характерная невротическая потребность. Удовлетворение
3. Межличностная стратегия и связанные с ней иррациональные идеи
4. Другие характерные черты Э8 самосохранения и психодинамические аспекты
5. Эмоциональность и фантазии
6. Детство
7. Персона и Тень: деструктивное для себя и для других
8. Любовь
9. Исторический персонаж: Елена Блаватская
10. Литературные и кинематографические примеры: Клаус и Лукас/Тони Сопрано
11. Анекдоты и карикатуры/зарисовки
12. Процесс трансформации и терапевтические рекомендации

АВТОБИОГРАФИЯ. ВОСПОМИНАНИЯ ДИКОЙ ДЕВОЧКИ

Мати Джонс

КНИГА ВТОРАЯ. ЭННЕАТИП 8, СЕКСУАЛЬНЫЙ ПОДТИП

Координатор: Леонор Кабрера

1. Страсть в сфере инстинкта: как похоть проявляется у сексуального подтипа
2. Характерная невротическая потребность. Собственничество
3. Межличностная стратегия и связанные с ней иррациональные идеи
4. Другие характерные черты Э8 сексуального подтипа

и психодинамические аспекты

5. Эмоциональность и фантазии

6. Детство

7. Персона и Тень: деструктивное для себя и для других

8. Любовь

9. Исторический персонаж: Чагдуд Тулку Ринпоче

10. Литературные и кинематографические примеры: Джанго/Стэнли Ковальски

11. Анекдоты и карикатуры/зарисовки

12. Процесс трансформации и терапевтические рекомендации

АВТОБИОГРАФИЯ. ЦЕЛЬ ИСЦЕЛЕНИЯ, ЧТОБЫ ОТДАТЬ СЕБЯ МИРУ

Мюриэль Монди

АВТОБИОГРАФИЯ. ПОЗНАТЬ ДЬЯВОЛА И ОТОМСТИТЬ БОГУ

Жерар Кастельо Дуран

КНИГА ТРЕТЬЯ. ЭННЕАТИП 8, СОЦИАЛЬНЫЙ ПОДТИП

Координатор: Эвания Райхерт

1. Страсть в сфере инстинкта: как похоть проявляется у социального подтипа

2. Характерная невротическая потребность. Соучастие

3. Межличностная стратегия и связанные с ней иррациональные идеи

4. Другие характерные черты Э8 социального подтипа и психодинамические аспекты

5. Эмоциональность и фантазии

6. Детство

7. Персона и Тень: деструктивное для себя и для других

8. Любовь

9. Исторический персонаж: Карл Маркс

10. Литературные и кинематографические примеры: Педро Баля/Темуджин (Чингисхан)

11. Анекдоты и зарисовки/карикатуры

12. Процесс трансформации и терапевтические рекомендации

АВТОБИОГРАФИЯ. СЛАДКАЯ И СУРОВАЯ БОРЬБА ЗА ТО, ЧТОБЫ СТАТЬ СОБОЙ

Эвания Райхерт

ПРИЛОЖЕНИЕ. АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ E8: Самосохранения, сексуального и социального

ВВЕДЕНИЕ

Клаудио Наранхо

Я не помню точно, когда это было, но, должно быть, более двадцати лет назад я задумал серию книг, которая с выходом этого, девятого из девяти томов, наконец-то подходит к концу.

Это должны были быть книги, написанные не мной, но воплощающие и развивающие мое понимание 27 характеров, выделенных при помощи применения эннеаграммы к личности — знание, которое я получил (скорее в неявной, чем в явной форме) от Оскара Ичазо в 1969–1970 годах и развивал с тех пор.

Концепция этих книг заключалась в том, чтобы представить каждый из характеров через:

1. Теоретическую главу (совокупность которых вполне можно считать трактатом по психологии эннеатипов), структура которой была сформулирована мной много лет назад и предложена для разработки группе учеников в сотрудничестве с другими добровольцами.
2. Автобиографию, написанную другим из моих учеников, о котором можно сказать, что он прошел богатый путь трансформации и был готов создать документ, подразумевающий публичную исповедь, учитывая ту искренность, которой требует биографический рассказ перед семьей и знакомыми. Я пришел к убеждению в пользе такого упражнения в «прозрачности» через публикацию собственной автобиографии на основе предыдущего опыта, поэтому предложил его в том же духе, и это действительно стало богатым опытом для участников.

Естественно, представление различных характеров через эти две взаимодополняющие формы — психологическое эссе и повествование — обратится к обоим полушариям мозга читателей («научному» и «гуманитарному»).

Безусловно, 27 глав, составляющих трактат по психологии эннеатипов, будут особенно интересны академическим психологам, и, следует надеяться, что совокупность 27 показательных биографий заинтересует любого читателя, который захочет найти среди них своего психо-духовного брата или сестру. Ведь встреча с процессом самопознания человека, который очень на нас похож и который нашел в себе смелость и смирение, чтобы открыть свою тень, облекая свое «сошествие в ад» в слова, очень помогает в осознании самих себя.

Проект этой работы в девяти томах (каждый из которых посвящен трем подтипам, соответствующим одной из девяти страстей, признанных в протоанализе Ичазо) медленно зрел, пока Давид Барба не предложил мне установить даты публикации этих томов. Этот шаг подразумевал более активную редакторскую работу, чем та, что я предлагал своим соавторам до этого, или та, что они вели между собой. Поэтому я пригласил к участию в этой задаче Грацию Чеккини, которая с тех пор вела с ними тесную переписку с целью усовершенствования текстов.

Поскольку мне самому уже за 85, я не могу не чувствовать, что завершение этой работы совпадает с концом моей жизни, и это придает этой задаче определенное ощущение «выполненной миссии».

Любопытно, что в первые годы преподавания этого предмета я никогда не чувствовал, что на мне лежит долг его развивать, или что у меня есть какие-то особые заслуги. Лишь столкнувшись с коммерциализацией эннеаграммы и шарлатанством подражателей моей ранней работы в Беркли (положивших начало международному сообществу или движению эннеаграммы), я начал осознавать собственную заслугу в том, что предложил более серьезную и обладающую большей преобразующей силой работу. Однако лишь недавно, оглядываясь на десятилетия назад, я почувствовал, что, как и предсказывал мне Ичазо, на мою долю выпадет задача стать посредником этого знания для западного мира нашего времени. Надеюсь, что изложение всех этих идей на бумаге станет скорее помощью, чем препятствием для их глубокого понимания,

ведь я часто думал, что египетский бог Тот был прав, полагая, что дар письменности превратит людей в простых повторителей слов, отдаляя их от мудрости. Я полагаю, что в этом случае мои будущие читатели разделятся на тех, кто воспользуется нашими усилиями для собственной трансформации, и тех, кто предпочтет посвятить себя своему академическому, культурному и материальному обогащению.

Мне остается лишь поблагодарить всех, кто внес вклад в этот девятый том серии, как за их усилия, так и за их терпимость к моей критике, и пожелать им, чтобы успех их труда принес им удовлетворение от служения массовому процессу самопознания, который характеризует наше поколение. Особенно я благодарю Грацию Чеккини за то, что она сменила меня на посту редактора в тот момент моей жизни, когда моя преподавательская деятельность и другие незаконченные книги требуют моего внимания, а также Давида Барбу из издательства Ediciones La Llave, без чьей поддержки я, несомненно, продолжал бы откладывать завершение этих девяти томов до тех пор, пока для моего участия было бы уже слишком поздно.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

СЬЮЗИ СТРОУК БЕРЕТ ИНТЕРВЬЮ У РАМОНА РЕСИНО

«Я оставил позади упрёки и месть, и теперь живу в мире».

Рамон Ресино и Сьюзи Строук, которых уже нет с нами, были двумя светочами в программе SAT Клаудио Наранхо. Их страстная самоотдача и человеческое тепло глубоко повлияли на целые поколения психо-духовных искателей. Рамон, с его неудержимой силой и способностью превращать гнев в нежность, стал живым примером интеграции эннеатипа 8, показывая своим примером, что истинная сила рождается из уязвимости, которую мы осмеливаемся принять. Сьюзи, с ее присутствием мудрой матери, принимающим взглядом и любящим юмором, умела создавать пространство доверия, в котором каждый участник чувствовал себя увиденным и поддержанным в самых сокровенных глубинах своего процесса.

Это интервью, состоявшееся во время Симпозиума по психологии и трансформации эннеатипов в Пиласе (Севилья) с 4 по 8 декабря 2008 года, запечатлело встречу двух великих душ, чья человечность и харизма продолжают быть источником вдохновения для тех из нас, кто чтит путь самопознания и сострадания, который они оба воплощали с отвагой и радостью.

Сьюзи: Рамон, Клаудио попросил меня взять у тебя интервью о твоём жизненном пути, о твоей трансформации. Мы могли бы начать с того, как формировался твой характер, в основном в детстве. Как ты видишь это сегодня?

Рамон: Я восьмой из десяти детей, и родители дали мне изысканное воспитание. Я не видел в себе Восьмерку... Когда говорили о Восьмерке, я

думал, что речь идет о моем следующем брате, покойном: он был активным революционером, и я отождествлял его с силой Восьмерки.

Я не видел в себе Восьмерку. Так что же могло сделать меня таким сильным, таким цельным? Я ничего не находил. Разве что выживание. В моем доме нужно было быть самодостаточным. Например, утром мы все учились, а после обеда — все работали. К старшим братьям было неслыханное уважение. Любой старший брат — а я был восьмым — имел право меня дисциплинировать, отдавать приказы. И нужно было быть очень ловким, самодостаточным, чтобы найти свое место, свое личное пространство. Иначе я постоянно чувствовал, что в него вторгаются.

Сьюзи: Насилия не было?

Рамон: Нет, никогда. Но в школе меня подвергли другому стрессу. С тех пор как я пошел в школу, в шесть лет, мне внушили, что я одаренный. И каждый год меня переводили через два-три класса. Братья-маристы говорили: «Этот мальчик очень умен, он теряет здесь время». К десяти годам я чувствовал себя измотанным необходимостью соответствовать ожиданиям. Это позже сказалось, когда мне было 19 лет, умер мой отец, и я сказал себе: «Вот теперь я точно буду самодостаточным».

В доме был обычай: женщины прекращали учебу, чтобы мы, мужчины, могли пойти в университет. Но я отказался от этого обычая, чтобы совмещать университет с работой. Я хотел попробовать все.

Сьюзи: Ты чувствовал, что чего-то не хватает?

Рамон: Нет, у меня было все. И хорошее воспитание, и еда. Но была одна серьезная вещь. Серьезная, и я понял это позже. Меня много растлевали. Была часть, которая мне нравилась, потому что я чувствовал себя избранным...

Сьюзи: В каком возрасте это примерно произошло?

Рамон: С двух, трех, четырех лет... Пока однажды моя мать не застала женщину, которая меня растлевала, с ее любовником. Эта женщина меня вырастила...

Меня кормили грудью две женщины: моя мать, которая кормила нас до следующей беременности, и Няня. Но Няню, женщину, которая за нами ухаживала, отправили в ее деревню рожать. Когда я родился, она была

беременна, но забеременела, будучи незамужней, а это считалось позором. Она оставила своего сына в деревне, а когда я родился, вернулась, и ее грудь разрывалась от молока; тайком от моей матери она давала мне грудь во второй раз. И я сосал ее.

Эта же женщина со своим любовником, который к тому же был военным, подвергали меня насилию. Меня и моего брата. Я не помню, чтобы мне причиняли физическую боль, сбивало с толку то, что я помнил удовольствие. Ах! Позже, повзрослев и осознав, я понял, какой вред они мне причинили и как украли мою невинность. Все это я связываю с тем, что священники, братья-маристы, говорили, что я такой умный, такой сообразительный, такой бойкий...

Сьюзи: Конечно, такой преждевременно развитый.

Рамон: Сегодня я не держу зла на эту женщину. Мне удалось ее найти, и мы смогли поговорить о случившемся. Ни на эту женщину... ни на ее сына. Я очень люблю его, он мой ровесник. Родился в один день со мной, только ему пришлось обойтись без матери, чтобы она могла служить нам.

Так прошло мое детство, и никто не знал об этой боли, и даже я, повзрослев, не осознавал ее, кроме тяги ко всему, что было связано с сексуальными оргиями. Только став взрослым, я понял, что у меня украли невинность, и что это было настолько серьезно, что я вооружился силой перед лицом жизни.

Сьюзи: Это как будто тебя вывели на уровень удовольствия раньше, чем следовало. И, возможно, это привело к зависимости от удовольствия.

Рамон: Да, да, к зависимости. Не знаю, была ли это ранняя сексуализация или то, что меня кормили две женщины. Моей матери, когда ее видели на улице со мной, говорили: «Сеньора, ваш мальчик как с рекламы "Пеларгона"!» — была такая молочная смесь в те времена. А моя мать, хитрая, отвечала: «Вскормлен рукой своей матери!». Но она не знала о другом... И я не знаю, было ли это обстоятельство, и то, что я просто сиял, потому что был как солнышко, тем, что потом привело меня к привыканию к этой интенсивности. Вот здесь я вижу передозировку, и за этим последовала сексуальная тема.

Сьюзи: Это очень хорошо объясняет, что да, ты сексуальный подтип; хотя твоя история отличается от историй других сексуальных Восьмерок.

Рамон: Когда мои товарищи в группе SAT говорили: «Я чувствую гнев, потому что со мной плохо обращались», я чувствовал, что не знаю, что такое плохое обращение; всего лишь одна пощечина от отца, воспитательная, и он умел ее давать. Это были точечные и твердые пощечины. Но, честно говоря, если я и вспомню одну или две, то это уже много. Послушай, мой отец воспитывал нас со строгостью, но не с жесткостью. Он не обращался с нами плохо, просто был очень строг.

Сьюзи: А скажи, глядя на свою жизнь... Тебе уже сколько лет?

Рамон: 58.

Сьюзи: Хорошо прожитых! Итак, оглядываясь на свои 58 лет, расскажи мне о моментах, которые, как ты чувствуешь, оставили след в твоей жизни, будь то для раздувания твоего эго или для его умирения.

Рамон: Опыты, о которых я рассказал, из детства, из детского контекста, и как меня подталкивали и подвергали стрессу в каждом классе. Это было чрезмерно. А потом в моей жизни происходило нечто странное: люди, которых я любил, особенно мужчины, когда я признавал любовь, самоотдачу, щедрость... они умирали. Когда я стал ближе к своему отцу и больше его уважал, он мгновенно умер от инфаркта в ночь, когда ему исполнилось 70 лет. Ну вот, я его потерял. Он ушел в мире, и потом мы все были рядом с ним, но, ах, как будто я только что отдался ему или только что признал его... А мой отец начал становиться нежным в общении, потому что он был очень твердым, очень суровым... Я потерял его от мгновенного инфаркта.

Я нашел большое утешение в своем брате, который был следующим за мной, он был моим близким другом. Я уже говорил, что он посвятил себя революции по убеждению. Он был младше меня, и он был единственным, с кем моя мать теряла самообладание в общении, даже будучи революционером; единственным, о чьих секретах, стратегиях, оружии она знала... Он был хорошим другом.

Однажды мне сообщили об аварии. Он погиб с еще пятью людьми, своими близкими, своей возлюбленной... В тот вечер он дольше всех боролся за жизнь. Но мы не успели. И единственным, кто смог его опознать из семьи, был я, хотя мы все любили его одинаково. Я нашел его, и снова потерял дружбу, любовь.

Или, вернее, выражение любви, а не саму любовь, потому что я чувствовал ее много раз, но осмелился выразить ее именно там.

Такие вещи не расскажешь в любой беседе, но меня всегда предупреждали заранее. Не они; энергия, дух... Иногда мне приписывали способность к интуиции, к таким вещам; я не верил, а потом жалел, что не поверил.

Сьюзи: Что впоследствии подтверждалось.

Рамон: Да, это был дар, что меня предупреждали, а я не хотел слушать, из-за собственной боли, а потом это случалось... Эта способность наблюдать за уходящими людьми продолжала со мной происходить, и не только с друзьями. На работе, на определенных работах, меня предупреждали, что тот или иной человек заканчивает свою жизнь.

Сьюзи: И теперь, в последнее время, ты можешь этим пользоваться.

Рамон: Да, я использую это в работе и ставлю на службу завершению, уходу.

Отношения с Клаудио были очень похожи на те, что были у меня с отцом, из-за твердости, из-за требовательности, которую означает нахождение рядом с ним. Даже если он ничего не просит, ничего тебе не делает, но он требует многого в процессе: честности, последовательности в отношении к неврозу... И в этом он почти так же суров, так же требователен, как был мой отец: нельзя было ослаблять бдительность, нельзя было отступать в работе, в выживании. Нет! Нужно было быть на посту... Ну, не знаю, ответил ли я на что-то из этого.

Сьюзи: Сколько времени ты с ним? Уже двадцать лет?

Рамон: С Клаудио? Я познакомился с ним в 1988 году. Ровно двадцать лет. Это была очень красивая встреча.

Сьюзи: Тогда, снова оглядываясь в прошлое, что, по-твоему, ты оставил позади из своего характера, из того более бессознательного образа жизни, который вел, до сегодняшнего дня, когда у тебя больше осознанности?

Рамон: Когда умер мой отец, мне было 19 лет. Мои сестры не могли больше меня содержать, и я подумывал бросить учебу... Но нет, я этого не хотел. Я посвятил себя учебе и работе, но поскольку я учился не одному предмету, а нескольким, да еще и работал, в течение трех лет я не знаю, когда спал. Вот

тогда я немного сошел с ума... Если кто-то и видел меня с искаженным или безумным взглядом, то это было в те годы, когда я не знал, когда сплю, потому что работал по ночам в роскошном хостеле в Севилье. Днем я ходил в университет, а вечером — в Школу драматического искусства.

В то время я получил работу воспитателя для детей, находящихся под опекой провинциальной администрации. Совпадение было в том, что эти дети были детьми проституток, из злачных мест Севильи, и оттуда я сделал театральную постановку: «История человека, который превратился в собаку», которая принесла мне первую театральную премию. И с этим спектаклем я пошел в элитную школу «золотой молодежи» Севильи, 35 лет назад, где была часть тех самых господ, отцов тех брошенных детей роскошных жриц любви, которые содержали эти злачные места. И я работал там и с их детьми тоже.

Потом я уехал жить в коммуну, потому что хотел все попробовать. Да, теперь я сам буду решать, что пробовать, а что нет. Я подвергал себя всевозможным передозировкам. Ах! В коммуне я был открыт всему, и это было здесь, совсем рядом с Пиласом. И я был открыт смерти, наркотикам, оружию. Но были вещи, которые я понимал ясно, и когда я увидел, что мы себя уничтожаем, я отстранился.

Главным «приобретением» коммуны было знакомство с Антонией, моей женой. Это был подарок, который мне дала коммуна. Когда я увидел путь самоуничтожения, по которому мы шли, я сказал ей: «Антония, теперь я хочу моногамии, и с тобой. Если последуешь за мной — хорошо; если нет...». К счастью, Антония последовала за мной, и мы вместе по сей день, уже тридцать лет. У нас родилось трое детей.

Сьюзи: Ты видишь в себе что-то от этого антисоциального аспекта Восьмерок?

Рамон: Антисоциальный? У меня прекрасные социальные навыки! Люди очень хотят быть со мной, но это правда, что если я отстраняюсь, то отстраняюсь по-настоящему. Мне легко входить и выходить: есть что-то антисоциальное в том, что никто не может меня удержать. Мне все больше нужно личное пространство, нужно возвращаться к индивидуальности, нужно возвращаться в свое логово, в уединение, и там я восстанавливаюсь.

Сьюзи: Какие еще черты невроза остались позади?

Рамон: Я оставил позади капризы и ссоры. Мне не нужно воевать с обществом или с кем-либо еще. Иногда людям по-прежнему кажется внушительным мое поведение: «Ты так смотришь...», «когда ты говоришь...». Ну, душа моя! Так уж есть. Но мне больше не нужно ни с кем драться или искать ссор. Я живу спокойной жизнью. Я оставил позади упреки, месть: так должно было случиться, я принимаю это и живу в мире. Я не ищу виновных. Могу сказать, что во мне сильно выросла снисходительность.

Сьюзи: А как насчет самодостаточности? И собственничества?

Рамон: Сегодня в группе сексуальных Восьмерок мы много говорили о нашей самодостаточности и сошлись на том, что это характерная черта. Есть мысль: «Если я могу сделать это сам, если я могу справиться один, зачем мне другие?». Поэтому мне трудно работать в команде, следовать порядку, биоритму команды.

Если я хочу, чтобы кто-то или что-то принадлежало мне, у меня есть способность взять это, сделать своим. Я этим владею. Эта черта остается. Изменилось то, что, прежде всего, я владею сильным ощущением принадлежности самому себе. Я настолько убежден, что способен и справлюсь, что считаю бесполезным беспокоить других, прося о помощи. Раньше я не осознавал этой силы в себе; я осознал это благодаря SAT и работе с Клаудио.

Признаюсь тебе в одной вещи: знаешь, в сентябре у меня обнаружили зашкаливающее давление? Я пошел проверить аминокислоты, и мне измерили давление: 240 на 120.

Сьюзи: И ты его не чувствовал...

Рамон: После визита я спокойно встал и пошел на работу. «Да ты сумасшедший, ты сумасшедший», — говорили мне. И теперь я прохожу полный медицинский процесс: мне регулируют давление, и сейчас, когда я на спаде, без кофе, без соли, без всей той гиперактивности, что у меня была, вот теперь я по-настоящему чувствую тот биоритм, в котором привык жить.

Сьюзи: Ах, конечно, в сравнении...

Рамон: Это как джетлаг, как будто я постоянно живу со сбитым временем.

Сьюзи: Какая вещь! Впечатляет.

Рамон: Вчера, когда я впервые пошел к кардиологу, я почувствовал что-то похожее на испуг. Когда он называл мне цифры моего давления, я отвечал: «Да нет, я ничего не чувствую», а он отвечал: «Конечно, не чувствуешь, потому что твое тело привыкло так функционировать, на таком высоком ритме». Но вчера, честно, я почувствовал испуг, как бы спрашивая себя: «Так я что, пытаюсь убить себя этим ритмом? Я что-то упускаю в своей жизни? Я что-то выбрасываю на ветер таким образом жизни?».

Сьюзи: Ты начал задаваться вопросами.

Рамон: Да, как потребность больше любить себя, по-настоящему заботиться о себе. У меня устроенная, упорядоченная жизнь: мои дети, моя жена, мой дом... Мне этого достаточно, но я так много работаю! У меня столько либидо вложено в работу... Часто всплывает голос совести моих родителей: что нужно иметь профессию, четкий жизненный путь. И теперь, если я остановлюсь раньше времени, мне кажется, что я не завершаю свою жизнь «как положено». И все это создает у меня небольшой внутренний конфликт.

Сьюзи: Ну, другое дело, что тебе нравится твоя работа, конечно, но ты слишком много от себя требуешь.

Рамон: Когда я начинал, я делал это с бессознательностью того, кто может работать утром и вечером без остановки. Но теперь, когда я осознал, как будто у меня открылись все регистры моей чувствительности, как будто я стал более уязвимым для всего.

Сьюзи: Ты слишком сильно отдаешься всему, что делаешь, и именно туда уходит вся эта передозировка энергии, да? Очень, очень много.

Рамон: И хотя Клаудио однажды пытался указать мне на эту самоотдачу, говоря: «Кажется, ты хочешь завладеть царством праведных», ну, возможно, бессознательно это так. Но как я это вижу, это скорее: «Чтобы чувствовать, что я чего-то стою, мне нужно отдаваться так сильно».

Сьюзи: Тогда, Рамон, скажи, что бы ты мог посоветовать человеку твоего энеатипа? Что-то, что могло бы помочь ему сократить путь.

Рамон: В этом цикле, в котором я вижу себя исцеляющимся, собирающим свои части, возвращающимся к себе, это были бы три вещи:

Во-первых, хочешь верь, хочешь нет, я годами молюсь. Но я не знаю, сказать ли, что я учусь, когда молюсь, или молюсь, когда учусь, потому что для меня знание стало формой молитвы. Смотри, какая любопытная вещь: первый спектакль в моей жизни, в шесть лет, был в первый день в школе. Один из братьев учил нас гласным очень необычным способом, и мы поставили маленький спектакль. Это меня глубоко тронуло, потому что он был о тайне Святой Троицы, с шестилетними детьми. Были Бог Отец, Сын, а мне досталось стоять с распятием в руках, представляя Сына и Святого Духа. Представляешь, хочешь верь, хочешь нет, единственное, что я унаследовал от матери, кроме всего состояния и воспитания, было ее распятие? Оно у меня в спальне. Моя мать никогда не ложилась спать, не преклонив колени для молитвы, и если ты когда-нибудь наблюдал, как она встает утром, первое, что она делала, — это становилась на колени и молилась. Хочешь верь, хочешь нет, теперь, когда она недавно умерла, я взял ее распятие, оно у меня в комнате, и я молюсь. И это меня возвышает, центрирует. Назови это молитвой, назови медитацией, но это всегда связано с учебой, с открытием себя знанию.

Вторая вещь — это то, о чем я говорил ранее о яде собственного эго: сказать «Нет! Я ухожу, я запираюсь в себе». Но тут я думаю: «Нет, так меня буду терпеть только я сам, никто не обязан терпеть мои капризы». Тогда я это проглатываю, перевариваю, как я говорю. И когда я это поглощаю, я совершаю с этим алхимию и выхожу оттуда с большим пониманием самого себя.

И третья вещь, это только для тех, кто верит в любовь. Эннеатип 3 самосохранения очень хорошо подходит для Э8 сексуального, ха-ха-ха! Мне очень помогла моя спутница, моя жена, правда, очень. Она была для меня равновесием, заземлением. Смотри, сейчас говорят, что у меня большой успех, и доказательством тому является то, что на мои семинары чаще всего приходят психопаты. Иногда коллеги говорят мне: «Да кого ты сюда приводишь! В любой день нас выгонят! Как ты смеешь работать с этими людьми?». И я думаю, что передозировка самоотдачи, которую я вкладываю в работу с ними, — это противоядие: относиться к ним с любовью. Они приходят в поисках войны, они приходят, говоря: «Мне сказали, что нужно выплеснуть гнев, что есть такой Рамон Ресино». И приходят бывшие заключенные из Севильи, из других городов, и я принимаю их с теплотой, и они поражаются и доверяют. И я думаю, что тот, кто научил меня справляться с ними, — это моя жена, с ее способностью справляться со мной, не пугаться и не робеть. Она умеет меня

усмирять. Поэтому я и советую: если бы люди могли найти кого-то такого, это была бы огромная поддержка, потому что я вижу, какая у меня гармония с тройками... Моя жена была той, кто подтвердил мне все это, кого я использовал как стимул, как антенну, как заземление.

Сьюзи: Что ж, возможно, на этом можно и закончить, потому что это хорошее завершение. Спасибо.

Рамон: Хорошо. Спасибо тебе и Клаудио.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПОДТИПАМИ Э8: САМОСОХРАНЕНИЯ, СЕКСУАЛЬНЫМ И СОЦИАЛЬНЫМ

Страсть Э8, называемая «похотью», была бы незначительной, если бы заключалась лишь в жажде удовольствия, как ее описывает христианская традиция смертных грехов. Напротив, это скорее свирепый аппетит к захвату жизни силой, с интенсивностью и без меры. Это характер, которому необходимо доминировать над окружением и удерживать скипетр власти, чтобы защитить себя от страха быть уязвимым, хотя даже сами они не решаются в этом признаться. Больше всего они, какими бы жесткими ни были, боятся контроля, обмана или предательства, поэтому возводят вокруг себя стену жесткости и бесцеремонности, проецируя самодостаточность, которая не всегда так крепка, как кажется.

Они не терпят правил и ограничений, которые им пытаются навязать другие, что приводит к столкновениям с институтами, начальством или структурами. Их бунтарство часто является скорее инстинктивной реакцией, чем осознанным актом свободы. Они хотят быть свободными, но иногда превращают эту свободу в поле битвы, а свои связи — в арену, где их мощь сокрушает жизни других.

Дело в том, что Восьмерки движимы интенсивным желанием ощущать жизнь во всей ее полноте, действовать, принимать решения, находясь в грубом, прямом контакте с жизненной энергией, которая исходит из инстинкта и тела, часто резко и без фильтров. Из всех инстинктивных типов Э8 — самый физический и выносливый, с импульсивностью, которая кажется неиссякаемой, хотя их трудности с установлением контакта с нежностью делают их холодными или жестокими в повседневной жизни. Они отдаются настоящему моменту, и поиск немедленного удовлетворения толкает их к принципу «все или ничего»,

что мешает им сделать паузу и поразмыслить над своими более глубокими эмоциями, которые они часто презирают, считая помехой.

Они обычно прямолинейны, порой до жестокости, и получают удовольствие от вызовов и конфронтации: они способны бросить вам правду в лицо в манере, которая иногда граничит с жестокостью и беспощадностью. Они колеблются между защитной интенсивностью, чувством справедливости, которое может быть как подлинным, так и крайне корыстным, и потребностью в контроле, которая может стать тиранической и подавляющей, при этом они не осознают, что сокрушают тех, кого намеревались защитить.

Желание власти и страх быть раненым

В любом из своих подтипов этот характер разделяет общую основу интенсивности, недоверия и жажды контроля, но каждый вариант придает свой оттенок этой страсти к доминированию над жизнью и избеганию уязвимости. Наблюдая за Э8 в его многообразии, можно увидеть, как его гнев, желание власти и страх быть раненым определяют его стиль пребывания в мире и, в своих худших проявлениях, могут быть уподоблены поведению садиста, собственника или агрессивного утилитариста.

Э8 самосохранения, называемый «удовлетворением», направляет свой импульс на обеспечение материальной безопасности и наслаждение жизненными удовольствиями. Его территория, еда, время и деньги являются продолжением его власти и автономии, и любая угроза этому доминированию может вызвать прямой и сокрушительный гнев. Это самый прагматичный и приземленный из трех подтипов, он обычно действует практично и с малой терпимостью к чужой слабости. Этот подтип может стать жестоким или бесцеремонным с теми, кого воспринимает как захватчиков или неспособных постоять за себя, часто путая заботу с собственническим контролем над своим окружением. Он ищет удовольствия и комфорта, но иногда этот поиск превращается в стену, которая изолирует его от рефлексии и открытости собственной уязвимости.

Э8 сексуальный, характер, известный своим собственничеством, переносит инстинктивность Э8 в сферу отношений, где интенсивность, страсть и желание слияния смешиваются с потребностью доминировать над другим. Его способ подчинения — эмоциональный и эротический, он колеблется между пылкой самоотдачей и постоянным подозрением, в своего рода качелях «ты мне

нужен, но я за тобой слежу». Этот подтип склонен становиться собственническим и эмоционально удушающим, используя страсть как проверку силы и верности, в то время как в глубине души боится быть преданным или оказаться во власти другого. Сексуальность для этого подтипа — не просто удовольствие, а подтверждение силы, привлекательности и власти над другим. Его жажда интенсивности часто превращается в препятствие, мешающее отличить настоящую любовь от компульсии к доминированию.

Наконец, Э8 социальный, или «соучастие», направляет свой импульс в сферу лидерства и защиты группы. Это человек, который чувствует призвание быть проводником, защитником и авторитетной фигурой, защищая «своих» со смесью харизмы и бдительности, которая может быть как вдохновляющей, так и тиранической. Социальный Э8 следит за преданностью, анализирует динамику власти и стремится сохранить свою значимость, чтобы успокоить внутреннее недоверие. Его стремление к справедливости и защите часто превращается в жесткость, оправдывая свой контроль речами о заботе, которые на практике подавляют автономию других. Он воспринимает власть как ответственность, но часто запутывается в иллюзии, что его ценность зависит от того, чтобы быть постоянным ориентиром для группы.

Сравнивая три подтипа, самосохранения ищет власть в материальном и в удовольствии, сексуальный преследует ее в отношениях и эмоциональной интенсивности, а социальный проецирует ее на коллективное лидерство. Все трое избегают уязвимости, но каждый делает это со своей территории: самосохранения — с броней эффективности и собственничества, сексуальный — со страстью и бдительностью, а социальный — со стратегией и групповым контролем.

Глубинная ярость

Во всех подтипах Э8 присутствует гнев, и это не простое раздражение: это древняя, глубинная и жестокая ярость, которая активируется в ответ на то, что они считают несправедливостью или любой попыткой ограничить их желания. Она может проявляться как защитная ярость по отношению к «своим», как мстительный гнев в ответ на предательство или как категорическое неприятие правил, которые они считают абсурдными. Но если этот гнев не осознается и не направляется в нужное русло, он оборачивается против них самих или тех, кого они больше всего любят, и может принимать жестокие и разрушительные формы, оставляющие глубокие шрамы в их отношениях.

Бессознательная фиксация Э8 — это месть: убеждение, что никому нельзя доверять и что, если они не возьмут то, что им нужно, никто им этого не даст. Их внутреннее правосудие часто бывает более карательным и беспощадным, чем справедливым. Хотя они считают себя неуязвимыми, эта фантазия о мести питает их недоверие и ощущение, что жизнь — это место, где нужно бороться, чтобы тебя не растоптали.

За всем этим все три подтипа разделяют идентификацию с агрессором. Фигура авторитарного отца принимается и интроецируется, создавая собственную роль авторитета, который не подчиняется никому другому. Однако в глубине души продолжает действовать страх предательства и унижения, что приводит к злоупотребляющему поведению.

Три подтипа также демонстрируют заметные различия в том, как они управляют гневом, властью, сексуальностью, удовольствием, человеческими отношениями и своим сильным недоверием.

Э8 самосохранения — самый отстраненный и изолированный, с очень оборонительной позицией, хотя он и не осознает эту защиту, воспринимая ее скорее как безразличие к другому и к миру. Он не проявляет гнева или агрессии, по крайней мере, на первый взгляд. Он стремится обеспечить себе удовольствие, контроль над ресурсами и удовлетворение своих базовых потребностей, даже если это приводит к установлению утилитарных и доминирующих отношений, с прагматизмом, который порой кажется холодным и бесцеремонным. Возможно, это самый закаленный и стойкий из Восьмерок, но неспособность чувствовать пределы своего тела делает его очень саморазрушительным, и он часто оказывается во власти поиска интенсивности.

Э8 сексуальный жаждет интенсивности в отношениях, смешивая страсть с властью, но с потребностью доминировать над другим, которая часто становится собственнической, ревнивой и садистской в эмоциональном плане. Гнев у этого подтипа становится инструментом доминирования в отношениях: он подчиняет, провоцирует и постоянно проверяет границы партнера, стремясь подтвердить свою власть над ним. Кроме того, они выставляют напоказ свой бунт, свое несогласие, свою агрессию. Агрессивность сливается с эротизмом, а сексуальность становится пространством завоевания, где удовольствие наполнено напряжением, вызовом и желанием подчинить другого, даже унижить или сломить его, чтобы почувствовать, что право на самоотдачу

завоевано. Он колеблется между моментами подлинной самоотдачи и эпизодами требования верности и абсолютного внимания, с ранящей жесткостью, навязывая свое желание как закон в отношениях. Садизм в отношениях может проявляться в том, чтобы эмоционально сломать другого, чтобы проверить, выдержит ли он, а затем вознаградить интенсивностью и теплом, создавая динамику притяжения и страха, в которой утверждается его власть.

Э8 социальный направляет свою силу на группу, стремясь быть лидером и ориентиром, с желанием вершить правосудие, которое иногда превращается в тиранический контроль. Он убежден, что знает, что лучше для всех, даже когда переступает через волю других. Гнев здесь управляется через навязывание своего видения коллективу: они чувствуют себя вправе диктовать правила и наказывать тех, кто им не соответствует, превращаясь в капризных и требовательных лидеров. Их упорство в итоге становится деспотичным, замаскированным под защиту или справедливое дело, но под ним скрывается страх стать неважным, не иметь ценности для группы или быть преданным. Чтобы избежать этого исключения, они развивают компульсивную потребность доминировать и контролировать социальные связи, демонстрируя харизматичное обаяние и одновременно маневрируя, чтобы держать своих союзников под контролем. Они способны на великие и защитные жесты, но ожидают абсолютной верности, и когда не чувствуют взаимности, могут стать мстительными, используя информацию и отношения для поддержания своей власти. Непотизм, фаворитизм и манипуляции становятся инструментами для укрепления их положения, в то время как они поддерживают образ силы и лидерства, скрывающий глубокое недоверие к миру.

Недоверие и подавление уязвимости

Это недоверие — воздух, которым дышат Восьмерки. Хотя они представляются людьми прямыми и ясными, за этой жесткостью скрывается глубокий страх быть преданными, использованными или униженными. Поэтому они возводят стены и спешат укрыться за сильным образом, любой ценой избегая проявлений мягкости или нужды.

Для всех них проявление уязвимости воспринимается как риск быть раненым или использованным, поэтому они предпочитают сохранять свою броню жесткости, даже если эта жесткость изолирует их от искренней связи с другими и от нежности, которой они в глубине души жаждут, но боятся.

Э8 самосохранения поддерживает свой контроль, железной хваткой управляя своей территорией, опасаясь, что если он расслабится, кто-то воспользуется этим, чтобы отнять то, что ему принадлежит. Он может быть жестким, резким и бесцеремонным с теми, кто вторгается в его пространство, давая понять, что с ним шутки плохи.

Э8 сексуальный переживает это недоверие в сфере отношений, смешивая страсть с бдительностью, притяжение с контролем, в постоянном напряжении, которое может стать собственническим и эмоционально удушающим для другого. Кроме того, во многих его действиях присутствует сильное наслаждение риском.

Э8 социальный переносит это недоверие на группу, оценивая союзы, вынюхивая предательства и осуществляя лидерство, которое иногда граничит с тиранией, всегда с оправданием, что «это необходимо» для поддержания всеобщей стабильности.

Любовь, сексуальность и трудности с самоотдачей

Любовь — опасная территория для Восьмерки, хотя они и жаждут ее с интенсивностью. Любовь подразумевает самоотдачу, а самоотдача несет риск: зависимость от кого-то, ощущение уязвимости. Это порождает в Восьмерке постоянный конфликт между желанием глубокой связи и страхом, что эта связь сделает ее эмоциональным заложником.

Согласно концепции «Трех видов любви», примененной к энеатипам Клаудио Наранхо, Э8 страстно отдается эротической любви, но сохраняет жесткий контроль в интимной близости, используя секс как утверждение власти и жизненной силы. Его интенсивность может стать собственнической и доминирующей, затрудняя подлинную встречу с другим.

Что касается любви-восхищения, они чувствуют уважение и связь с сильными и смелыми людьми, проявляя верность к тем, кого признают членами своего клана. Однако их потребность восхищаться сильно ограничена их нигилизмом и недоверием, и может превратиться в завышенные ожидания по отношению к другому, от которого требуется не проявлять слабости или ошибок.

Любовь-сострадание — самая трудная для Восьмерки, потому что она подразумевает открытие боли и нежности, снятие брони неуязвимости, которую им было так трудно выстроить.

Э8 самосохранения воспринимает сексуальность как пространство физического удовольствия, стремясь подтвердить свою жизненную силу, хотя может сохранять контроль даже в моменты самоотдачи, разделяя секс и привязанность и используя тело как территорию, утверждающую его автономию. Из трех видов любви, после эротической, которая соответствует его эннеатипу, ему наиболее доступна любовь-сострадание, в том смысле, что его привязанность к конкретным потребностям побуждает его заботиться о выживании и базовых нуждах других, все это, конечно, в его очень субъективной манере «заботы» о своих.

Э8 сексуальный ищет слияния и интенсивности в паре, со страстью, которая может превратиться в поле битвы за власть, смешивая нежность и требовательность. Этот подтип колеблется между желанием полностью отдаться и страхом оказаться беззащитным, создавая связи, где желание близости смешивается с постоянными проверками на верность, которые могут быть удушающими. Потребность быть любимым у этого характера превращается в чрезмерное и эгоистичное требование эксклюзивности: другой должен демонстрировать абсолютную покорность его желаниям, что для этого характера является единственным доказательством любви, которое он обычно принимает.

Э8 социальный интегрирует сексуальность в свою ауру лидерства, используя харизму и присутствие как инструменты привлечения. Даже в интимной близости он стремится сохранить свою позицию силы, остерегаясь проявлять слабость, превращая любовную самоотдачу в территорию, где авторитет продолжает играть центральную роль. Среди Э8 это подтип, который может быть наиболее открыт для любви-восхищения, выражающейся как любовь к идеалам справедливости, равенства и братства.

Соматические проявления

Тело Восьмерки — отражение его характера: основательное присутствие, уверенные шаги, грубоватый голос и широкие движения, которые естественно занимают пространство. Их глубинная энергия проявляется в позе, которая ясно дает понять, что они ни у кого не просят разрешения, с напористостью, которая может пугать других.

Э8 самосохранения обычно имеет крепкое тело, со склонностью к полноте, как будто эта основательность является декларацией власти и изобилия. Его

походка твердая, шаги словно метят территорию, давая понять, что это пространство его, и тот, кто его пересечет, должен быть готов к последствиям.

Э8 сексуальный излучает магнетизм, с чувственной, но твердой жестикуляцией, интенсивным взглядом, который может обезоруживать или бросать вызов, и телесностью, выражающей животность и агрессивность. Этот подтип использует тело для соблазнения и доминирования, не отказываясь от власти даже в самые интимные моменты.

Э8 социальный предстает с прямой спиной, внимательным взглядом и движениями, которые передают личную силу. Его манера держаться в мире вызывает уважение, но также и навязывание, используя свое физическое присутствие как инструмент власти, хотя иногда эта власть становится тиранической, когда ее не оспаривают.

Гнев и компульсия к действию отражаются в напряжении челюстей, в жесткости грудной клетки и в решительной походке. Каждое движение словно говорит

«не останавливай меня», демонстрируя их способность двигаться вперед без колебаний и давая понять, что если они почувствуют вторжение, ответ может быть жестоким.

Ловушки характера и его интеграция

Э8, в любом из своих подтипов, попадает в ловушку своей тяги к излишествах, к доминированию над другими и к отрицанию своей уязвимости. Он верит, что его выживание зависит от того, чтобы оставаться сильным и доминирующим, жить интенсивно, навязывать свою волю и не позволять никому себя сломить, хотя этот импульс к власти становится ловушкой, которая его изолирует и ожесточает.

Его глубокий страх быть раненым или преданным скрывается за броней инстинктивности, которая мешает ему соединиться с нежностью, состраданием и подлинной самоотдачей; это способствует отношениям, основанным на конфронтации и недоверии, подпитывая конфликты, которых можно было бы избежать, и толкает его к компульсивному желанию быть правым и главным.

Эта компульсия часто берет свое начало в опыте несправедливости, покинутости или предательства в детстве, где и возникла эта бессознательная фантазия о мстительном правосудии: «если ты меня ранишь, я тебя уничтожу». Эта фантазия питает желание мести, которое проникает в его связи и видение

мира, делая недоверие его способом защиты, даже если он становится жестоким и несправедливым с окружающими.

Как будет показано в этой книге, пути интеграции для преодоления этих ситуаций или переживаний различаются для каждого из трех подтипов:

- Э8 самосохранения может научиться превращать свой поиск удовольствия в щедрость и делиться без собственничества.
- Э8 сексуальному необходимо научиться отличать интенсивность от настоящей любви, культивируя нежность и открытость как выражение силы, а не слабости.
- Э8 социальный призван открыть, что его ценность зависит не от лидерства, а от его способности служить общему благу со смирением.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЭННЕАТИП 8, ПОДТИП САМОСОХРАНЕНИЯ

Координатор

Марк Фрескет

Соавторы и редакторы

Хавьер Миранда, Мануэль Куэста, Кэрол Вильялон, Мерсе Кукерелья, Соня Зангарини, Алехандро Руджеро, Марлис Ильзе Мейер, Наталия Мартинес и Мэри Джонс.

Переводы

Факундо Пиперно

1. СТРАСТЬ В СФЕРЕ ИНСТИНКТА: КАК ПОХОТЬ ПРОЯВЛЯЕТСЯ У ПОДТИПА САМОСОХРАНЕНИЯ

*Автор: Марк Фрескет
при участии Хавьера Миранды*

Клаудио Наранхо описывает похоть у эннеатипа 8 как экспансивную энергию, стремление выйти за пределы обыденного опыта, со страстью к излишествам, конфронтации и доминированию над окружением. Для Э8 похоть не ограничивается сексуальной сферой; это метафора его способа бытия в мире: интенсивного, вызывающего и направленного на самоутверждение.

Однако эта страсть проявляется по-разному в зависимости от инстинктивного подтипа (самосохранения, социального или сексуального). У Э8 самосохранения похоть принимает особую форму: она направлена на материальную безопасность, контроль над ресурсами и обеспечение благополучия в более прагматичном и осязаемом смысле, что охватывает такие разные аспекты, как деньги, дом или отношения. У этого подтипа наблюдается сильная потребность накапливать ресурсы, доминировать на своей территории и гарантировать, что ничто и никто не сможет угрожать его выживанию.

Таким образом, страсть действует не столько как внешний взрыв энергии, сколько как сила, направленная на защиту того, что считается своим, и на создание контролируемой и безопасной среды. Похоть направлена на то, чтобы убедиться, что ни в чем нет недостатка. Мы говорим о решительном, прямолинейном характере, который обычно немногословен и, кажется, будто устранил из своей жизни все нюансы, потому что они кажутся ему запутанными, а он хочет, чтобы все было ясно.

Мой первый год работы был в качестве учительницы, с сентября по июнь. В июле я сдала государственные экзамены. На следующий год в июле я купила дом. Еще через год в июле у меня родилась дочь.

МЕРСЕ

Ненасытность и самодостаточность

Это похоть, которая выражается как скрытая ненасытность: неутолимая потребность гарантировать себе удовольствие, сохранять безопасность и доминировать на своей территории. Для этого характера жизнь превращается в постоянный поиск немедленного и осязаемого удовлетворения, с аппетитом, который редко утоляется: обильная еда, полноценный отдых, абсолютный контроль над своим окружением... Он не позволяет себе слабости или нехватки, потому что это означало бы потерю власти. Он накапливает, наслаждается и защищает свое с яростной интенсивностью, убежденный, что удовольствие и безопасность существуют только тогда, когда они гарантированы его собственными усилиями.

Однако эта жажда самоудовлетворения может стать ловушкой: чем больше он накапливает, тем больше боится потерять; чем больше себе позволяет, тем больше ему нужно. В своем стремлении обеспечить себе благополучие он рискует оказаться в цепях бесконечной борьбы за утоление голода, который никогда полностью не исчезает, словно бездонный колодец.

Проблема этого голода в том, что он питается не только материальными или территориальными вопросами, но также часто проявляется в неуважительном использовании людей, извлекая из них выгоду благодаря своему таланту к доминированию, подчинению и запугиванию. Таким образом, существует нечувствительность к боли, как к своей, так и к чужой, и презрение к потребностям любого другого, кроме него самого. И это часто доходит до крайностей, нередко с наглостью и без церемоний. Без комплексов, что то же самое, что и без зазрения совести.

Внешне Э8 самосохранения может показаться не таким открыто вызывающим или экспансивным, как сексуальный или социальный Э8, но это не значит, что он менее интенсивен. Он обычно проявляет себя через крайнюю самодостаточность, сопротивление зависимости от других и одержимость обеспечением своего выживания и комфорта. Он воплощает страсть похоти в более сдержанной и стратегической манере. Вместо того чтобы агрессивно расширяться, его инстинктивный импульс побуждает его гарантировать самодостаточность себе и своим близким, устанавливая жесткий контроль над своим окружением и ресурсами, которые он считает необходимыми для своей стабильности.

Во время упражнения на одном из семинаров SAT нам нужно было в парах изобразить собаку и ее хозяина. Мне сначала выпало быть хозяином, и я построил для собаки лучший дом в группе — самый большой и прочный, изолированный и защищенный. После

того как я ее накормил, я уже не знал, что с ней делать. Другие хозяева играли и смеялись. Это было показательно.

МЕРСЕ

Это может привести его к жизни с большим материальным успехом и стойкостью, но также может вылиться в избыточное недоверие и жесткость, мешая ему расслабиться и принять поддержку других. В своей особой жажде контролировать материальное он развивает сильный аппетит к накоплению и управлению ресурсами, которые обеспечивают жизнь без лишений. Он также выделяется своей прагматичной и защитной силой: вместо того чтобы выражать похоть через прямую агрессию или соблазнение (как это происходит у других подтипов), у Э8 самосохранения существует воля защищать себя и своих близких посредством стабильности и материальной безопасности, что не означает, что он не может дойти до крайностей невиданного насилия, если нужно «навести порядок» или обеспечить свое доминирование.

Он часто скрывает жесткость под маской добродушия: он склонен казаться доступным и щедрым с теми, кого считает частью своего близкого круга, но его щедрость обычно зависит от его собственного видения верности и справедливого обмена. Он ничего не дает, не убедившись, что сохраняет свою позицию силы.

Его похоть также может проявляться в сильной склонности к чувственным удовольствиям: он интенсивно наслаждается хорошей едой, отдыхом и другими сенсорными переживаниями, но без показной роскоши. Ему не нужно демонстрировать свою власть через богатство, а скорее через внутреннее ощущение безопасности и самодостаточности.

Работа — это естественная территория для подтипа самосохранения. Туда можно вкладывать бесконечную энергию, потому что это не просто работа: это жизнь. С интенсивностью. Делается все необходимое, чтобы делать то, что хочется, и при этом достойно зарабатывать на жизнь.

Как говорил один мой дядя: «Хорошая жизнь стоит дорого. Есть и подешевле... но это не жизнь».

ХАВЬЕР

Весь этот импульс связан с глубоким подсознательным страхом уязвимости и предательства, который часто берет начало в детстве, отмеченном опытом насилия, покинутости или отсутствия защиты. В своей потребности защитить

себя этот подтип развивает эмоциональную броню, которая мешает ему доверять другим или позволять кому-то заботиться о нем. Эта крайняя независимость может привести к изоляции или эмоциональной недоступности, что мешает ему получать помощь, когда она ему нужна.

Прагматизм и импульсивность

У этого подтипа инстинкт самосохранения соединяется с похотью, создавая профиль, сочетающий интенсивность с прагматизмом. Поэтому он самый практичный из всех Э8, а также «самый вооруженный», как определяет его сам Наранхо, особенно в преследовании своих потребностей.

Так, в своем стремлении к самозащите в материальном мире, он делает сильный акцент на обеспечении материального (деньги, имущество, еда), но не как самоцель, а как гарантию независимости и власти. В этом смысле он — выживший, который знает, как выживать: он научился этому на горьком опыте в детстве. И он знает, как добиться своего.

Похоть также означает импульсивность. И эта импульсивность может проявляться как в насильственных, неэтичных или незаконных действиях, так и в действиях, которые можно считать «хорошими», то есть в защите близких или уязвимых существ. В любом случае, существует огромная трудность в контроле импульса, и это определяет все. Последствия его действий для других не принимаются во внимание, по крайней мере, на этапах до развития осознанности. Компульсия к действию захватывает все, и это действие обычно агрессивное, запугивающее, вторгающееся.

Под этим скрывается нетерпимость к фрустрации и тревоге. Как описывает Хуан Хосе Альберт, наблюдается избегающее поведение и постоянное бегство от чувств хрупкости, незащищенности или нехватки:

«Остановить импульс, — утверждает Хуанхо Альберт, — также означает дать другим возможность увидеть нас лишенными той власти, которой мы себя наделяем. Это возможность предстать как ограниченные и нормальные люди, от чего мы бежим, поскольку это может подавить источник нашей безопасности».

Другой характерной чертой Э8 самосохранения является его видимая жесткость и зависимость от этого образа как источника безопасности. Его могут воспринимать как внушительного, как того, кто лидирует с позиции силы, даже как пугающего. И все же за этой броней скрывается глубокий страх хрупкости и боязнь быть использованным или обманутым. Х. Х. Альберт продолжает:

[Э8 самосохранения] верит, что доброты и добрых намерений не существует. То, что мы делаем, — это обесцениваем и дискредитируем перед собой и другими любые чувства или людей, идеи или институты, которые противостоят нашим желаниям. Мы также обесцениваем просто для того, чтобы было против чего идти.

И заключает:

Это компульсивное движение [идти против чего-либо] отвечает лишь нетерпимости, фрустрации и тревоге, и в глубине души это не что иное, как желание мести, причина которой даже неизвестна.

Инстинктивность

Инстинктивная страстность обычно проявляется открыто только в уединении, будь то в домашней-семейной обстановке или в кругу доверия, таком как друзья (которых всегда мало) или на работе. В этих пространствах — особенно в личном — он может выражаться с избытком ассертивности, жесткости и резкости. Он может казаться негативным, взрывным, вербально агрессивным и нетерпимым к разногласиям, доходя до того, что становится пугающим. В то же время он может взять на себя роль харизматичного лидера: ярого защитника своих, проницательного проводника или вдохновляющего «командира» в бунтарских или справедливых делах.

В кругу семьи те, кто живет с кем-то этого подтипа, часто терпят гневный и взрывной деспотизм, а также нелюбящее отношение (в смысле, противоположном влюбленности). Это выражается как смесь грубой нежности гориллы и эмоциональной сухости, которая оскорбляет чувствительность или эго окружающих.

Другие индивиды этого подтипа, напротив, кажутся менее страстными. У них наблюдается своего рода эмоциональная летаргия, соответствующая подавлению или отрицанию похоти подтипом самосохранения. Они проявляются как субъекты с притупленной сенсорной устойчивостью, которая ограничивается базовой склонностью к гедонизму или инерции обустройства в самых элементарных аспектах повседневной жизни, без явной мотивации к чему-либо более трансцендентному или экзистенциальному. Они не показывают вовлеченности, приверженности или идеологических убеждений. Их отношение напоминает аморальное безразличие ко всему, что обычно трогает человеческое сознание.

Словно наркоманы комфорта и удовлетворения, кажется, что у них нет другого знамени, кроме эгоистичного «быть в кайф» и делать то, что взбредет в голову, путая свободу, автономию и бунтарство с циничной вседозволенностью и абсолютной отстраненностью от любых моральных уз. И это, с точки зрения пути к осознанности, является еще большим грехом, чем мстительная ярость: это приближает их к жизненной позиции самых ленивых типов эннеаграммы.

Э8 самосохранения часто разделяет базовую идеологию — народную, тестостероновую — которая отождествляет личную ценность с грубой силой и готовностью к драке. Мы уже упоминали об инструментальном использовании им людей и их жизней в своих интересах — даже тех, кого он, по его словам, любит, — будь то из-за ярости или невежества.

Также важно признать его нечувствительность к собственной и чужой боли, его бесцеремонность и отсутствие эмпатии, что заставляет его относиться к другим как к простым поставщикам своих потребностей.

Страстная интенсивность в сфере сексуальности всегда присутствует в этом характере, как интимная склонность всех подтипов Э8. Однако у подтипа самосохранения она является частью набора интенсивных потребностей, которые требуют настоящего и компульсивного удовлетворения. Одно из ее главных проявлений — это срочная необходимость удовлетворять инстинктивные желания, действовать, владеть вещами и людьми. Эта сильная импульсивность и компульсия к действию отвечают на нетерпимость к фрустрации и тревоге, столь типичную для Э8 самосохранения, находящегося в постоянном бегстве через избегающее поведение. В глубине души это трусость перед пустотой и тишиной небытия.

Для этого индивида, субъективно и эмоционально, эта импульсивность представляет собой разницу между тем, чтобы быть живым или мертвым, существовать или исчезнуть, достичь или быть аннулированным, дышать или задохнуться. По этой причине поиск удовлетворения превращается в мощную энергию, которой необходимо властно переступить через собственные и чужие границы.

Выживание превыше всего

Проявляет ли этот характер избыточное чувство выживания? «Такого не бывает», — первое, что приходит на ум. Выживание — это выживание: нет излишеств, когда на кону жизнь. Это все или ничего: Вкл/Выкл. Без полумер. И так живет Восьмерка самосохранения: с интенсивностью, как в режиме непрерывного настоящего, где выживание оказывается под угрозой из-за любого неожиданного обстоятельства, которое выходит из-под контроля. Это не паранойя, нет предвосхищающего страха. В этом нет нужды. Потому что он

уже исходит из ощущения контроля. То, что вторгается и дестабилизирует, вот это да, воспринимается как прямая угроза выживанию.

Когда я ехал на мотоцикле по городу, меня бесили машины и такси, которые перестраивались без поворотника: они «ставили под угрозу мою жизнь». Именно так это ощущалось. Реакция была колоссальной, если смотреть со стороны. Я преследовал их, пока не догонял на светофоре, и обрушивал на них свой гнев, говоря, что в тот день, когда они кого-нибудь убьют, они вспомнят этот разнос... Пока я не видел страх или подчинение на их лицах, и тогда я с полным удовлетворением называл их идиотами. Победа с самого начала была моей. В те разы, когда они не подчинялись, не признавали ошибку или ускользали, мой гнев и бдительность в следующий раз были гораздо строже. Доходило до того, что я несколько раз вступал в конфликт с «безмозглыми», которые не хотели признавать свою «жизненную ошибку».

ХАВЬЕР

Можно сказать, что существует две формы «излишества», когда мы говорим о выживании. Первая — это внешняя реакция. Она наиболее заметна со стороны — что, кстати, не означает, что она очевидна для того, кто ее проявляет. Изнутри реагирующий вовсе не воспринимает свою защиту как чрезмерную; скорее, он чувствует своего рода сострадание к себе за то, что не лишает жизни другого (и, конечно, потому что юридически это ему невыгодно). Реакция становится «чрезмерной» только тогда, когда он слышит о последствиях или реакциях, которые она вызывает у других. Он не столько признает свою чрезмерность, сколько ощущает непонимание его потребности защищаться. Другой человек не может понять интенсивность ответа, который кажется ему непропорциональным. И он чувствует себя глубоко непонятым.

И здесь вступает в игру второе излишество: чувствительность. Это невысказанное, хотя и неоспоримое для сознания, табу. Как будто существует крайняя чувствительность к восприятию собственной жизни в опасности. Мы можем сделать такой вывод из реакции: если она так экстремальна, то таким же экстремальным должен быть бессознательный страх, который ее вызывает. Полярности: чем сильнее реакция, тем глубже лежащий в ее основе страх. В конце концов, постоянное ощущение необходимости выживать — это способ придать жизни смысл, это и есть жизнь.

Примерно в два с половиной года, в самый разгар приучения к горшке, мама оставила меня одного на горшке в ванной. Через

некоторое время — должно быть, я сидел очень тихо — она пришла посмотреть, как дела, и нашла меня с ершиком для унитаза в руке, радостно рисующим собственными какашками на всем, что было в пределах досягаемости моей волшебной кисти: биде, плитке, занавесках... То, что произошло потом, — это уже другая история. Моя мать, на восьмом месяце беременности, впала в истерику. Крича: «Ты меня доведешь до могилы!», она ударила меня и потащила в кладовку в коридоре — темную каморку размером примерно метр на метр, — где заперла меня, пока сама до блеска отмывала ванную. Тем временем ребенок — сломленный изнутри — плакал все с большим отчаянием и бессилием. Мальчик, вышедший из этой кладовки, был уже не тем, что вошел в нее.

ХАВЬЕР

Недоверие

Столь типичное для этого характера недоверие — это защитная эмоция, производная от страха. Ощущение, что его могут предать при первой же возможности, мешает ему открыться. Это также выученная аффективная реакция на уязвимость или покинутость в детстве. У этого подтипа недоверие обычно глубоко укоренено в эмоциональном опыте незащищенности в детстве, что, кроме того, когнитивно подкрепляется жестким, прагматичным и оборонительным взглядом на мир.

В результате чувствительность скрывается от сознания, и на ее место приходит слой дистанции, жесткости. Иногда ледяной, иногда пламенной. В крайних случаях эта жесткость может отрицать или даже уничтожать. Эта броня — экстремальная, но бессознательная — следит за тем, чтобы ничто не проникло в чувствительную зону, ту внутреннюю область, отрицаемую сознанием, но которая может стать видимой в моменты одиночества или интимности.

В уединении, которое дарит одиночество, когда приходит осознание глубокой боли, возникает невозможность ею поделиться. Чувствуется, что никто не смог бы выдержать такой груз: столько вреда, столько океанической боли. Поэтому молчание и отступление становятся разумным выбором: так избегается демонстрация как крайней чувствительности, так и чрезмерной защиты, которая могла бы активироваться, если бы кто-то подошел слишком близко. Чтобы защититься от излишества, он отступает... с тем же излишеством.

Контакт и отступление переживаются в крайностях. Средний путь — если он вообще существует — трудно найти. Недоверие к получению чего-либо от другого заставляет брать на себя ответственность за все, что связано с

собственной жизнью. Трудно делегировать нечто столь важное. Потому что на кону выживание. И там, где помещается смысл жизни, там же помещается и сама жизнь — со всеми ее защитами, чувствительностью и излишествами.

Эмоциональная заморозка

Зная о грубой силе своего характера, контакт с другим — когда это важно — становится порой чрезмерно уважительным. Чтобы не беспокоить, я даже не звоню. Или, поскольку я не знаю, удобно ли ему сейчас, чтобы не вторгаться, я не выхожу на связь... Фрустрация плохо переносится логикой удовлетворения. На самом деле, это враг, которого нужно победить. Всегда.

Сверхагрессивный. Сверхотстраненный. Таковы колебания. Характер убеждает себя, что уважение — это «не вторгаться», поэтому следующая, по умолчанию чрезмерная, реакция — это дистанцироваться. Это не месть в прямом смысле слова. Это своего рода эмоциональная заморозка, рациональный коллапс, который мешает думать и чувствовать. Автоматическая реакция для контроля импульсивности — это реактивная заморозка. Жар/холод. Быть или не быть. Своего рода «либо я, либо ничто».

Помню совещание команды, на котором мы обсуждали представленные для работы эскизы. Я хотел, чтобы мое видение было услышано, которое в основном заключалось в том, что бюджет — это издевательство... и у меня были на то причины. Я был вовлечен в проект, предлагал идеи посреди хаоса, вызванного неведением. Наверняка, с горячностью. Потому что во время одного из таких выступлений очень уважаемый мной «старший брат» бросил мне: «Заткнись и слушай, черт возьми», что прозвучало для меня как пощечина. Неожиданно. Непонятно. Я застыл от сердца до позвоночника, и это ощущение распространилось по всему телу за две секунды. Никто не заметил. Я больше не открыл рта на эту тему за все совещание. И в последующие недели тоже. Никто и не спрашивал моего мнения. Каждый раз, когда эта тема всплывала в разговорах, возникала та же заморозка. Маскировка настолько хороша, что никто не замечает. Я хорошо себя чувствую в полумраке.

ХАВЬЕР

Высокомерие

Чрезмерное самосохранение может привести к подозрительности, своего рода гиперчувствительности в восприятии реальности. В обоих направлениях: внутреннем — «им это не понравилось, они на меня набросятся, моя жизнь на

кону» (это телесная память) — и внешне, где ты не доверяешь, не знаешь мотивов другого, зол ли он, взбудоражен ли, или прав в своем обвинении. Восприимчивость принимается за правду. Тонкости верят с той же интенсивностью, что и очевидному. И защищают с той же кишечной яростью. Трудно увидеть излишество, потому что изнутри характера ответ (каким бы агрессивным он ни был) воспринимается как соразмерный полученной угрозе. Корректировка происходит мгновенно. Поэтому нет ощущения конфликта.

Применение самосохранения ко всему изматывает... когда ты это осознаешь. Излишество в самосохранении так же, как усиливает ответ, усиливает и сопротивление. Отрицание отрицания — это подтверждение экзистенциальной невротической слепоты. Ты веришь, что если скажешь «да», мир рухнет. Что ты подчинишь свою жизнь. Что ты никогда не будешь прежним. Сдаться — не вариант, когда чувствуешь, что на кону жизнь. Лучше умереть, чем отдать жизнь. А все — это жизнь. Так что все может защищаться с той же интенсивной импульсивной горячностью. Иногда с сердцем, а иногда без. Но чаще всего это зависит не от тебя, а от того, чему научился. Или что усвоил. То, что остается от опыта, — это сам опыт, превратившийся в реакцию. Ответ автоматизируется, чтобы не потреблять больше энергии, чем необходимо (остальная нужна, чтобы сокрушить того, кто со мной играет).

Я двадцать пять лет отрицал перед Клаудио Наранхо свой характер. На нашей последней встрече его «шпилька» заключалась в том, что он представил меня на семинаре SAT как «способного ученика Пако Пеньяррубии» (моего учителя, Э7), ударив меня прямо в бессознательное. Разозлившись, что меня не слышат, я подошел к нему в перерыве и выпалил: «Что вы во мне видели, чтобы не видеть и не признавать меня как Э7?». Он выдержал мой взгляд и ответил: «Слишком чувствителен для Семерки». И это сломало меня изнутри. Я сердито поблагодарил его и ушел. Потом я написал ему яростное письмо: его фраза обошлась мне очень дорого. Я отрекся от него, больше не читал и не упоминал его.

Двадцать лет спустя я написал ему, прося прощения, признавая свою слепоту, и отправил ему давно написанный рассказ. Он ответил с благодарностью, и это облегчило мою рану. С тех пор этот костюм социального Семерки стал мне мал. Появились неудобные черты, которые я больше не мог отрицать: моя чертова правда.

Последние десять лет были переходом к принятию. Я прошел путь от невозможности даже назвать это до признания, с

гневом и облегчением, своего функционирования как Восьмерки самосохранения. Признания, что немедленное удовлетворение было моим невротическим двигателем и любимым способом отключиться. Моя борьба всегда была в этом: принять очевидное. Сегодня я объясняю это так: «Я не Восьмерка самосохранения; Э8 самосохранения — это автострада, по которой я сбегая от своего Существа».

ХАВЬЕР

Если я завишу от тебя или ты от меня, то на кону жизнь. Жизнь — это ответственность каждого. Мы не можем доверять свою жизнь никому, потому что любой спасет свою жизнь раньше, чем чужую (мою). Щедрости не существует, когда речь идет о жизни. И в этом нет ничего предосудительного. Это так.

И именно потому, что жизнь — это серьезно, мы также не можем играть с жизнями других. Тех, кто нам ничего не сделал. Или тех, кто нуждается больше. Уязвимых, особенно когда они уязвимы из-за несправедливости.

Когда жизнь несправедливо обрывается, я встаю изнутри, загораюсь сердцем и слепну умом. Размышления приходят потом. Жизнь — прежде всего. Это всегда одна и та же игра.

ХАВЬЕР

Интенсивность на службе у выживания превращает жизнь в постоянное движение между жизнью и смертью. Быть или не быть — вот в чем вопрос. Быть или не быть, Вкл/Выкл.

Подавление вины

Вследствие своей жизненной срочности он не чувствует — или избегает чувствовать — вину. Чувствовать себя виноватым за «побочный ущерб», возникший в результате управления выживанием, означало бы идти против самого себя, своего существа и существования. Вина, следовательно, подавляется через предсознательный отбор, что можно понять как часть автоматической реакции на агрессию и преследование, воспринимаемые в окружении. Только в тех случаях, когда он непосредственно наблюдает вред и боль, причиненные любимому существу, вина проявляется подлинно. Когда это происходит, как и любое подлинное чувство у этого характера, она переживается с невыносимой и уничтожающей интенсивностью. Это еще одна из фундаментальных причин подавления вины у этого подтипа.

Часто смущает наблюдать, как эти субъекты, в процессе самораскрытия, могут проявлять интенсивное и душераздирающее чувство вины, происходящее, в основном, от обмана обвиняющего и преследующего воспитания, которое запечатлело в их самовосприятии ощущение себя «виноватым» или отвратительным из-за своей инстинктивной, гиперактивной и, прежде всего, бунтарской натуры. Нам следовало бы говорить скорее о «внушении вины», чем о «вине». Таким образом, преследование с внушением вины представляет собой настолько агрессивное и уничтожающее поведение со стороны родителей (или образовательных, законодательных и т.д. учреждений), что оно вызывает инстинктивную реакцию бунта у ребенка. Чувствовать вину означало бы признать ответственность за причиненный вред, что очень трудно для этого характера.

Побег и неповиновение у этого интенсивного и спонтанного существа — это последовательные и предсказуемые поведения, которые, соответственно, влекут за собой фиксацию сопротивления, отрицания или отторжения всякой вины и обвинений.

В описаниях Клаудио Наранхо энеатип 8 в целом — это не тот, кто не испытывает чувства вины, а скорее тот, кто восстает против нее, противостоя обвинениям и социальным санкциям с высокомерием, бесстыдством и кажущимся безразличием. Проблема в том, что он не видит разницы между слепым и подавляющим авторитаризмом и уважением к этике сосуществования. Его цинизм — это не что иное, как древняя и отрицаемая боль и печаль, превратившиеся в горькое отношение отторжения, которое при более глубоком аналитическом взгляде показывает очевидную фиксацию на этих ранах.

Нарциссическая рана

Мстительный нарциссизм может проявляться в известном фаллически-нарциссическом профиле, характеризующемся высокомерием, потребностью в признании, доминирующим поведением, соревновательным импульсом, трудностью в принятии критики, эгоцентричным отношением и сильным пренебрежением к другим.

В связи с этой формой мести у подтипа самосохранения, одинокая позиция, недоверие и циничное отвержение социального и даже физического контакта с другими выражают этот гнев на жизнь и на несостоявшиеся источники любви. Таким образом, этот подтип строит настоящий бункер, крепость настолько сильную и неприступную, что она воплощает интенсивность, направленную на создание эффективного защитного барьера от невыносимого и унижительного вреда, который он воспринимает в общепринятых формах отношений и

социального обращения. В этом бункере обида — это месть, хранящаяся в уме, в памяти, привязанной к полученной ране.

С этой экзистенциальной позиции любовь может пониматься только с требованием абсолютной верности, согласно его собственным и интенсивным критериям. Противоположное, или отсутствие этого, интерпретируется как «предательство», которое наказывается «символической смертью»: агрессией, прекращением контакта, внимания и общения («врагу — ни капли воды»), в повторении нелюбви и даже жестокого обращения, полученного от родителей. Это действует как месть за перенесенный вред или просто как реакция на детскую фрустрацию нарциссических потребностей, желаний и устремлений.

Реальность такова, что под этой жесткой внешностью скрывается глубокая эмоциональная рана, которая определяет его межличностные отношения и аффективные реакции.

Интроверсия и уязвимость

Сосредотачиваясь на природе интенсивности у подтипа самосохранения, мы должны признать, что она присутствует в той же мере, что и у двух других подтипов, но здесь она контролируется, сдерживается или подавляется из-за страха потерять контроль, риска потери или чрезмерного обнажения собственной эмоциональной и физической целостности. Контроль также отвечает потребности сохранить самозащитную среду, которая оберегает его ощущаемую хрупкость, как это происходит у любого подтипа с преобладанием инстинкта самосохранения.

Похоть у подтипа самосохранения обычно проявляется более сдержанно, менее демонстративно или навязчиво, чем у двух других подтипов. Однако когнитивно-эмоциональная ошибка, связывающая интенсивность с полнотой или реализацией, остается очень сильной. Внутренне она проявляется как компульсия к срочному и настоящему удовлетворению желания, даже сверх реальных границ окружения — будь то конкретные возможности или потребности других людей. Эта срочность переживается как прямая угроза собственному выживанию, безопасности или стабильности — аспектам, приоритетным для инстинкта самосохранения. Поэтому у этого подтипа похоть принимает форму тревожного поиска удовлетворения.

Таким образом, волнение, гиперактивность или избегающая двигательная экстраверсия, свойственные похотливому эннеатипу, у подтипа самосохранения проецируются «внутрь», в субъективный, скрытый и личный мир индивида; это явление аналогично тому, что происходит с Э4 самосохранения и его завистью, или с Э5 в его изоляции.

Эта интенсивная и молчаливая интериоризация отражает постоянную попытку сохранять контроль и защищаться от воспринимаемых угроз во внешнем мире.

Один из самых интересных аспектов энеатипа 8 самосохранения — это контраст между его внешней жесткостью и внутренней нежностью, которую он редко позволяет себе проявлять. Клаудио Наранхо описал, как под броней Э8 существует потребность в заботе и нежности, которую сам индивид может отвергать, считая это слабостью. У подтипа самосохранения эта уязвимость выражается в гиперфокусировке на защите своей самой интимной и семейной сферы, что может делать его чрезвычайно защищающим по отношению к своим, но также собственническим и контролирующим.

Некоторые свидетельства о детском восприятии окружения показывают, что ребенок чувствовал себя чрезвычайно уязвимым, слабым, бессильным и запуганным перед интенсивными и порой жестокими формами выражения и обращения, которые он получал от окружающих его людей. Ребенку пришлось обзавестись броней, чтобы защитить свою деликатную часть, которую невозможно было проявить из-за отсутствия безопасной среды. Он уходил в свой собственный внутренний замок, волнующий и манящий мир. Все это предполагает крайнюю полярность между изначальной чувствительностью и бесчувственной жесткостью взрослого, охваченного похотью.

Во взрослом возрасте человек будет проявлять себя сильным и смелым, с выраженной склонностью к интенсивным переживаниям, которые в детстве парализовали бы его от страха или отторжения. Мы имеем дело с защитной структурой, которая оберегает большую внутреннюю чувствительность. Эта гипотеза кажется правдоподобной, поскольку избегающая функция невроза позволяет понять эту черту с большей широтой и точностью.

Однако и в детстве наблюдается интенсивная форма этой динамики, хотя и более скрытая: подавление или ретрофлексия похоти, которую одновременно боятся, желают и в которой нуждаются. С этой точки зрения, может быть интересно предположить, что у подтипа самосохранения похоть приобретает более интровертный характер, в то время как у социального и сексуального подтипов она проявляется в основном экстравертно.

Похоть у подтипа самосохранения сочетает в себе эмоциональную интенсивность, инстинкт выживания и страх уязвимости. По словам Клаудио Наранхо, интеграция для этого подтипа заключается в том, чтобы научиться уравнивать свою жизненную энергию, культивируя эмоциональную открытость, которая позволит ему переживать жизнь с меньшей жесткостью и большей подлинностью. Этот путь, хотя и сложный, открывает ему дверь к

подлинному самолидерству и более полной связи со своим окружением и с самим собой.

Все или ничего

Когда эннеатип 8 самосохранения хочет что-то сделать, он отдается этому всем своим телом, всем своим существом: все его существование заключается в этом, пока он это делает... а остальное просто не существует. Оно абсолютно вторично. Это не переживается как излишество. Так и не думается, конечно. Можно даже аргументированно доказывать, что полная самоотдача — это нормально: меньше этого означает не отдаваться. А если меньше, то это ложь.

Для Э8 самосохранения жизнь не в доверии, а в том, чтобы чувствовать себя организмически живым, если можно так выразиться. В том, чтобы делать то, что заставляет его чувствовать себя хозяином своей жизни, своих чувств, своих ощущений. И чем они интенсивнее, тем более живым он себя чувствует... до крайности анестезии.

Это излишество в удовлетворении любого желания приводит к тому, что он не останавливается, пока не дойдет до предела. Только вибрирующее ощущение жизни — это жизнь. Так что не так важен конец, как интенсивные ощущения в процессе.

Пример: скорость. Не так важно добраться до места назначения (хотя всегда хочется, чтобы это было немедленно), как интенсивность пути. Эта интенсивность может исходить как от езды со скоростью 150 км/ч — разве это не нормальная скорость? — так и от неспешной поездки с музыкой на полную громкость. Если нет сильных ощущений — «сделай музыку потише», всегда говорят, — то нет и ощущений. И вождение становится механическим, автоматическим, на многие километры.

Машина может ехать часами, не уставая, без необходимости останавливаться, без еды, без туалета... без разговоров. Ничего. Пока не сработает осознание потребности. Тогда ее нужно удовлетворить немедленно. Сразу же.

ХАВЬЕР

Подтип самосохранения очень чувствителен к тому, когда его «задевают». Но это переживается не как чувствительность, а как слабость. Ну, на самом деле, это даже не чувствуется. Защита настолько эффективна, что не позволяет оказаться в этой ситуации. А если это все же происходит, то он реагирует

интенсивно, почти инстинктивно, либо подчиняя другую сторону, либо убегая. Снова выживание.

В этом характере, говоря механистически, все можно прочесть в ключе выживания. Все можно довести до этой крайности. Даже внимание к текущим делам несет в себе эту точку крайнего интереса к настоящему... или к завтрашнему дню, если это подразумевает что-то, что нужно сделать сейчас.

Не знаю, насколько возможно планирование с такой реакцией. «Я не строю долгосрочных планов», — отвечаю я, когда меня спрашивают, что я буду делать завтра. Завтра — это долгосрочный план. Но если завтра мне нужно выступить с докладом и к нему нужно подготовиться, если этот доклад у меня в голове, то этот доклад — это сейчас. Так что энергия для подготовки доступна сейчас. Это нужно контролировать сейчас. Завтра — посмотрим.

ХАВЬЕР

Такой способ проживания времени как постоянной срочности означает, что планирование отвечает не столько желанию организации, сколько необходимости обеспечить контроль. Будущее существует только в том случае, если им управляют из настоящего. Долгосрочная перспектива — это всегда потенциальная угроза, потому что она ускользает от абсолютного контроля «сейчас».

Планирование на будущее — это не что иное, как подготовка в настоящем того, что нужно сделать, почти как если бы это был вопрос жизни и смерти. Хотя эта ставка, конечно, не осознается. Если нельзя подготовить все сейчас и нужно делать это по частям, то крайне важно иметь четкое видение того, какими должны быть эти этапы. Контроль жизненно важен.

2. ХАРАКТЕРНАЯ НЕВРОТИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ. УДОВЛЕТВОРЕНИЕ

Автор: Марк Фрескет

Как говорит Клаудио Наранхо в книге «27 персонажей в поисках бытия», удовлетворение — это «скорее нетерпимость к фрустрации от невозможности получить желаемое, чем само обладание. Восьмерка полностью антисоциальна, а подтип самосохранения — в особенности».

Это стремление удовлетворять свои потребности приводит его к преувеличенному, лишенному нюансов эгоизму. «Это люди, которые умеют вести дела и торговаться, чтобы возвыситься над всеми», — продолжает Наранхо. «Есть такое выражение: продавец поддержанных автомобилей. В этом и заключается искусство или талант Восьмерки самосохранения. Но это и его потребность: он — выживший, термин, который использовался для Восьмерок в целом, но который более характерен именно для подтипа самосохранения. Он знает, как выживать в самых трудных ситуациях. Он знает, как доставать вещи, как добиваться своего».

Потребность в удовлетворении для этого характера — это способ справиться со своими лишениями и попытаться найти смысл и мотивацию в жизни. Как сопутствующая страсть, она берет начало в первичной детской потребности удовлетворять или управлять физиологическими потребностями, а также аффективными потребностями, которыми окружение обычно пренебрегало: теплом, контактом, заботой, нежностью и чуткостью в уважительном обращении.

Это компульсивная потребность, связанная с детским опытом недостаточной заботы, особенно в эмоциональном плане. Словно никто не мог понять, что было нужно младенцу или ребенку, и это привело к тому, что малыш научился сам, своими силами, обеспечивать себе базовое удовлетворение, чтобы

гарантировать минимальный комфорт в течение дня. Таким образом, закладывается ключевая мотивация: гарантировать себе удовлетворение, по крайней мере, в физиологическом плане, прежде чем приступать к любой другой инициативе или повседневной деятельности.

Базовые физиологические потребности развиваются по мере взросления субъекта, так что предполагаемая компульсия к сексуальному удовлетворению также в какой-то момент появляется в широком спектре этой страстной мотивации.

Эта компульсия не всегда отвечает гедонистическому импульсу или поиску удовольствия ради удовольствия. Часто это стратегия эмоционального выживания, способ подтвердить контроль над телом и окружением, завладеть первичным источником власти и безопасности перед лицом чувства пустоты или экзистенциальной угрозы.

Таким образом, сексуальность переживается не как эмоциональная отдача, а как завоевание, как акт радикальной автономии перед лицом любой формы зависимости. Удовлетворять себя — это способ, который он нашел, чтобы не соприкоснуться с экзистенциальной пустотой ребенка, не испытавшего опыта признания себя как человеческого субъекта со своим внутренним миром.

Существует кажущееся противоречие между интенсивным поведением и инстинктом самосохранения. Поиск удовлетворения проистекает из интенсивного, непреодолимого желания, которое стремится укрепить личную безопасность этого типа личности через владение вещами, достижение личных целей и собственническое отношение к другим людям.

Это удовлетворение ищется абсолютно и бессрочно: болезненная и невыносимая детская фрустрация превращается в бегство вперед, отмеченное бесчувственностью, преобразованное в жадность к «большему», которая заменяет любое качество или аффективность. Этот процесс развивается годами как мстительное и бессознательное возмещение за ущерб, понесенный в детстве (особенно когда родители воспринимаются как «преступники» в своей халатности или жестокости), за лишения и отсутствие любви и сострадания.

Функциональный эгоизм

Эгоизм, который, кажется, проявляется в этом поиске удовлетворения с точки зрения наблюдателя, на самом деле отвечает на срочную необходимость удовлетворить важные потребности, прежде чем мир или другие застанут его врасплох своим агрессивным вмешательством.

Те, кто осуждает эгоистичную склонность этого характера к удовлетворению, часто навешивая на него ярлык психопата, вероятно, испытывают трудности с принятием того, что в истоке этого явления были невинность и хрупкость. Однако мы говорим о психопатической личности именно потому, что этот характер обычно не соприкасается с потерянной им невинностью.

Моралистическое суждение склонно осуждать этот невротический поиск удовлетворения, видя в нем удовольствие ради самого удовлетворения. Однако такой подход не признает, что эта компульсия больше связана с попыткой справиться с адом родительской холодности и насилия, с поиском чего-то, что сделает терпимой боль от этих эмоциональных лишений — истинного ядра этой потребности.

Компульсивный поиск удовлетворения у Э8 самосохранения лучше всего понимать, таким образом, как защитную реакцию на эмоциональную боль, возникшую из-за покинутости и враждебности родителей: это инициатива автономии, которая внешне проявляется как эгоизм или агрессивность и выносит наружу насилие, полученное в семье, как отрицание бытия и самой жизни.

Существует внутреннее ощущение «недостаточной готовности» к встрече с жизнью, к взаимодействию с миром и другими. Это чувство неготовности, столь типичное для всех подтипов самосохранения в энеаграмме, является ядром дефицита, из которого возникает компульсивная потребность в удовлетворении

— страстная иллюзия, что только так гарантировано выживание и сама жизнь.

По мере взросления субъекта эта эмоциональная потребность трансформируется в нечто более жесткое и стойкое, ориентированное на выживание. Таким образом, удовлетворение становится первостепенной невротической потребностью, которая стремится просто обеспечить наличие ресурсов, включая эмоциональные, вероятно, с не всегда осознанной целью гарантировать будущую безопасность или готовность к контакту с другими.

Функциональный эгоизм «выжившего» находит идеологическое оправдание в жизненном опыте, в частности, в когнитивных ошибках — мы рассмотрим их в следующей главе, — например: «Люди никогда не сделают для тебя ничего хорошего; если они увидят твою слабость, то без колебаний воспользуются этим».

Этот пессимистический подход способствует оборонительной позиции подтипа самосохранения, который вынужден действовать как изгой, не ожидая ничего ни от кого и не веря ни в какое сострадание или эмпатию к себе, и ищущий компенсацию в фантазии о будущем реванше.

Выживание

Потребность в удовлетворении также связана с конфликтом с обществом, особенно через мстительное отношение: эмоциональная компенсация за унижения, перенесенные в детстве, которые проецируются на протяжении всей жизни на отношения с властью и авторитетом, воспринимаемыми как произвольные.

Мсть в этом контексте не является немедленной, как у других подтипов, а сдерживается как отложенный ответ в ожидании будущей возможности нанести ответный удар. Это желание мести никогда полностью не удовлетворяется, что выливается в озлобленное отношение к миру и к другим, характеризующееся недоверием и оборонительной позицией при любом социальном контакте.

Этот паттерн также связан с отказом давать и получать, поскольку воспринимается, что другие не сделают этого без какой-либо выгоды для себя. Часто это сопровождается циничным юмором и преувеличенной оценкой собственной хитрости.

Таким образом, он стремится удовлетворять свои потребности антисоциальными методами, не полагаясь на свободный контакт с другими или на законы, регулирующие социальное поведение. Так, эмоциональное и физическое выживание становится приоритетом, что ведет к циклу одиночества, недоверия и, часто, к стремлению искать ссоры с миром.

В моем случае речь идет не просто о поиске интенсивности или «садистском» доминировании над другими. Срочность, которую я чувствую, иногда ошеломляющая, заключается в том, чтобы «иметь все свое наготове», быть готовым здесь и сейчас ко всему, что может случиться, заботясь о себе и занимаясь собой.

Мое самовосприятие всегда было как у изгоя, кого-то настолько жалкого и ничтожного, что он даже не заслуживал воздуха, которым дышал. Как уличная собака, которая ищет любую возможность добыть немного еды, чтобы выжить еще один день.

МАРК

В школе я была ужасно жестока с мальчиками и довольно злой с некоторыми девочками. На переменах и в свободное время я дралась со всеми и отбирала у них бутерброды или вещи,

которые мне нравились. Думаю, и сегодня мне стыдно вспоминать, что я с ними делала.

НАТАЛИЯ

Навязчивость

В своей порой сокрушительной спешке выжить этот характер может легко вторгаться в целостность и потребности других, потому что, кто же не пошевелится, чтобы получить то, что ему нужно? Ожесточение и бесчувственность, как внешние, так и внутренние, постепенно нарастают из-за страданий и взросления «уличного щенка», изгоя, которым, в конце концов, и чувствует себя этот тип личности.

Его ожесточение контрастирует с глубокой эмоциональной хрупкостью и с огромной неудовлетворенной и до крайности отрицаемой потребностью в привязанности и терпимости, которую лишь немногие субъекты этого подтипа способны честно признать. Именно эта потребность, парадоксальным образом, защищает жесткость, бесчувственность, функциональный эгоизм и компульсию к удовлетворению.

Я часто ловлю себя на том, что повышаю голос, перекрывая потребности своих дочерей, требуя: «А как же я!», «Я уже сказал вам, чего хочу!», «Делайте, что я сказал, и все!». Как будто то, что им нужно, менее важно, чем то, что нужно мне здесь и сейчас. В такие моменты я должен остановиться и напомнить себе о своей роли взрослого мужчины и отца, и об обязанности моей силы, которая должна быть даром для мира и для других, особенно для тех, кого я люблю. Мои дочери, в силу своего возраста, имеют меньше ресурсов, и на этом этапе их взросления и папа, и мама являются их ресурсами. Когда моя сокрушительная срочность растаптывает их, я передаю им то же отрицание права нуждаться, быть и иметь право, которое навязала мне моя мать, и то же отсутствие отцовской поддержки, которое я пережил.

МАРК

В общем, функциональный эгоизм Э8 самосохранения — это защитная реакция эмоционального выживания в ответ на враждебно воспринимаемую среду, порождающая межличностные конфликты, которые маскируют глубокую эмоциональную хрупкость и законную неразрешенную потребность в привязанности.

Самый вооруженный из трех подтипов

Сокрушительный эгоизм, который в близких отношениях может выливаться в эксплуатацию, еще более разрушителен, потому что, несмотря на то что он скрывает огромную потребность, он изолирует вас. Он превращается в отказ от связи и обмена с другими, выставляя вас перед ними как человека угрюмого, неприятного и одинокого, закрытого или даже опасного.

Как говорит Клаудио Наранхо, «Восьмерка самосохранения — самый вооруженный из трех подтипов», что, с точки зрения невротического вклада, означает, что он самый хрупкий, самый незащитный, самый отрицаемый в своем бытии и кастрированный в своем потенциале. У этого подтипа сила действует как броня. Но эта броня не только защищает: она также изолирует. Эмоциональный панцирь в конечном итоге мешает реальному контакту, разделенной нежности, подлинной восприимчивости. Таким образом, идентичность застывает в образе абсолютной автономии, который препятствует любой эмоциональной сдаче, до такой степени, что любовь воспринимается как угроза свободе или как форма долга. Броня, которая в детстве была спасением, во взрослой жизни становится тюрьмой.

Не уступать, не сдаваться

Как вторичная невротическая потребность, производная от стремления к удовлетворению, Э8 самосохранения обычно живет в постоянном противоборстве с жизнью и другими, чтобы ни в коем случае не уступать и не сдаваться. Речь идет не о простом «победить всех» из-за нарциссического соперничества, а скорее выражается как «они со мной не справятся».

Детский и подростковый опыт стыда, унижения и отсутствия смелости противостоять жестокости и соперничеству привел меня к развитию защиты, основанной на высокомерной жесткости. Эта позиция позволила мне выдерживать боль, избегая проявления страха или страдания, и принимая вызывающий взгляд по отношению к тем, кто меня унижал. «Не сдаваться» стало психологической борьбой, способом устоять на ногах, пока я пытался обхитрить чужую власть. Однако научиться проигрывать — это также признать, что не всегда можно дать сдачи и что вечная борьба только культивирует ненависть, делая жизнь горькой.

МАРК

Компульсивное сопротивление, хотя и наделенное заметной жизненной энергией, часто порождает изнурительное существование, где любая связь становится потенциальным полем битвы. Эта позиция может препятствовать

глубокому обучению, которое рождается из сдачи и разделенной уязвимости. Научиться уступать в этом контексте не означает слабость, а открытость: сдаться любви, боли, помощи, отдыху.

Мой отец с самого детства учил меня драться, даже причиняя мне боль или показывая мне приемы удушения на мне самой... «Ты должна быть жесткой», — говорил он. Если я расслаблялась, он смеялся надо мной и оставлял меня одну, если я что-то роняла или ошибалась, он тоже смеялся.

НАТАЛИЯ

Общая вина

Вина, одно из самых болезненных чувств, когда всплывает, переживается как онтическая вина за сам факт существования, и очень мало как прямая вина, связанная с ответственностью за целостность другого, которая обычно отрицается или преуменьшается.

Негативное самовосприятие и подразумеваемая им общая вина мешают четко осознавать ответственность за благополучие других. Эта глубокая вина не всегда выражается как раскаяние за конкретные поступки, а как смутное, экзистенциальное недоумение, которое окрашивает в пессимистические тона взгляд на мир и на себя. Это вина без имени и объекта, которая выливается в яростную самотребовательность или в потребность исправить что-то невыразимое. Риск, если не осознать ее корень, — стать палачом для себя или для других, бессознательно ища наказания или искупления.

За Марией, подругой, которая разводилась, я ухаживал, разговаривая с ней и выводя в свет — то, что ей было нужно. Так продолжалось до одной вечеринки, когда я просто сказал ей:

«Сегодня ты не можешь пойти со мной, потому что я хочу повеселиться, и если мне придется за тобой присматривать, я не смогу». Я, конечно, не осознавал отсутствия заботы в моих словах, пока со временем она мне на это не указала.

МЕРСЕ

Желание и фрустрация

Желание, особенно когда оно интенсивно, неизбежно ведет к страданию. Э8 самосохранения может испытывать много фрустрации в своей жизни из-за пылких желаний. Эта фрустрация может подтверждать ощущение, что «никогда не бывает достаточно», укрепляя внутреннюю идею дефицита, которую нужно во что бы то ни стало преодолеть.

Эта фрустрация проистекает из ранней эмоциональной кастрации, связанной с глубоким ощущением отсутствия разрешения нуждаться или быть любимым. Последствия этого варьируются в зависимости от эмпатии и доброжелательности матери, которая играет ключевую роль в эмоциональном развитии.

Э8 самосохранения может преодолеть фрустрацию, вызванную компульсивным желанием, признав свою собственную ценность и достоинство за пределами объектов или внешних подтверждений, находя таким образом подлинное удовлетворение в эмоциональных отношениях и в самой жизни.

Компульсивная потребность в материальных благах также отражает эту фрустрацию. Накопление становится символом автономии: иметь — значит никому ничего не быть должным. Но это обладание, вместо того чтобы насыщать, лишь усиливает пустоту, когда оно не связано со смыслом. Удовлетворение мимолетно, как жажда, которую не утолить соленой водой.

Для меня всегда было важно владеть «фетишами», объектами, которые, в моем самовосприятии бедности, представляли собой временное удовлетворение желания иметь. Со временем взросление научило меня, что эти объекты символизировали ложное ощущение обладания или полноты, попытку компенсировать пережитую нехватку всего.

Потеря материальных вещей, по моему опыту, была мощным инструментом для обучения. Я обнаружил, что потерянное стоит гораздо меньше, чем усвоенное. Я потерял не только материальные блага, но и ожидания признания и оценки со стороны определенных людей. Отпуская, ты понимаешь, что тебе не так уж много нужно, чтобы двигаться дальше. Освобождаясь, я понял, что мне не нужно зависеть от внешнего признания, чтобы чувствовать себя достойным и целостным.

МАРК

Страсть к коллекционированию

У этого характера наблюдается инерция «коллекционирования» красивых и символических объектов, успешных или приносящих удовлетворение опытов (а если они таковыми не были, то они пополняют длинный список незавершенных дел, за которые нужно будет отомстить, что порождает постоянное ощущение, что жизнь перед тобой в долгу), любви и людей, в которых ищется интимная и стабильная безопасность.

Желание удовлетворения не ограничивается только или обязательно сексуальным влечением, как могла бы подсказать поверхностная трактовка страсти похоти. Оно также выражается в жадности к материальным объектам (коллекции, мощные автомобили или другие «красивые» для его чувствительности артефакты), опытам и людям, на которых проецируется эмоциональная зависимость.

Такая проецируемая зависимость может принимать форму защиты, щедрости и, особенно, собственничества. Все это — способы овеществления желания или, вернее, проявления компульсии к удовлетворению. Однако эта тенденция обычно сосуществует с позицией циничного безразличия и отстраненности по отношению к жизни и социальному окружению в целом.

Телесное самоутверждение

У Э8 самосохранения тело — это не просто средство для действия: это территория онтологического утверждения. Инстинктивная энергия, свойственная этому подтипу, имеет тенденцию концентрироваться в телесном опыте, который становится основой всей личной силы. Тело закаляется, укрепляется, становится неприкосновенным. Это траншея, из которой он противостоит миру, обеспечивает себе удовлетворение и навязывает свою волю.

Эти отношения с телом не всегда полны любви или гармонии: часто они утилитарны и даже тираничны. Тело тренируется, чтобы сопротивляться, а не чувствовать; оно используется для обеспечения автономии и доминирования. В этом контексте телесное самоутверждение становится способом нарциссического удовлетворения, замаскированного под самодостаточность: субъект подтверждает себя через физические подвиги, силу, выносливость или способность наслаждаться, как будто боль и усталость — это постыдные слабости, предательство идеала силы.

Мой отец очень гордился тем, что я умела драться, и ребята в кемпинге звали меня на все драки, потому что я была большой, сильной, хорошо держала удар и сильно била.

НАТАЛИЯ

Это постоянное напряжение может привести к компульсивному желанию контролировать внутренние ощущения — голод, сон, усталость, уязвимость, болезнь — как будто уступить телу равносильно сдаче. Тело, которое изначально было сценой покинутости, становится последним бастионом суверенитета: если я не могу ни на кого положиться, я хотя бы могу владеть собой. Физическая выносливость, конечно, присуща этому характеру.

В этом смысле отношение к телу также выражает бунт против изначального забвения: быть оставленным без внимания, прикосновений без нежности, проигнорированным в своих самых базовых потребностях. Поэтому требование удовлетворения основывается на закаленном теле, утвержденном не из любви к себе, а из отрицания боли. Чем больше бесчувственности, тем больше кажущейся власти. Но эта власть хрупка: она покоится на исключении уязвимого, аффективного, нежного.

Парадокс заслуженности

Один из самых парадоксальных узлов Э8 самосохранения — это конфликтные отношения с чувством заслуженности. С одной стороны, он ведет себя так, будто имеет право на все — наслаждаться, владеть, навязывать свою волю — и яростно это защищает. С другой стороны, он несет в себе бессознательное убеждение, что не заслуживает ничего, или что должен зарабатывать свой хлеб с боем, в вечной борьбе с жизнью.

Этот двойной паттерн порождает постоянное напряжение между требовательностью и недоверием: он много требует от мира, но не верит, что мир может дать что-то подлинное; он требует привязанности, но не верит, что ее можно получить, не заплатив цену или не потеряв контроль. Эта амбивалентность мешает по-настоящему наслаждаться тем, что достигается или получается: удовлетворение становится мимолетным, подозрительным, отравленным виной, тревогой или необходимостью все защищать.

Корень этого парадокса лежит в детском опыте выживания без разрешения нуждаться, без признания себя достойным заботы или любви. Отсюда возникает внутренняя этика, основанная на компенсации: если что-то приходит, это потому, что я это заслужил; если не заслужил, я это украду или отниму; но я никогда не принимаю это с миром.

Эта экзистенциальная модель ведет к ожесточенному взгляду на мир, где нежность интерпретируется как слабость или манипуляция, а дарение становится угрозой. Э8 самосохранения не умеет — его не научили — принимать. Он умеет только сопротивляться или брать. Только на пути глубокого самопринятия может начать пробиваться идея, что любовь, привязанность или красоту не нужно завоевывать: их можно принять, если признать собственное достоинство.

Таким образом, невротическая потребность в удовлетворении — это больше, чем желание удовольствия или защита от лишений: это само ядро жизненной философии, построенной на боли, эмоциональном забвении, на необходимости существовать без разрешения.

Понять эту страсть — значит признать ее происхождение как жизненный протест, как стратегию выживания, которая, со временем и осознанностью, может трансформироваться, если научиться отпускать, не сопротивляться, не побеждать, а жить с достоинством свое собственное желание, без необходимости компульсивно его удовлетворять. Только так рана может открыться нежности, а удовлетворение уступить место покою.

3. МЕЖЛИЧНОСТНАЯ СТРАТЕГИЯ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕИ

Авторы: Алехандро Руджеро и Соня Зангарини

Далее мы рассмотрим, как энеатип 8 самосохранения формирует свою особую «жизненную философию» и стратегии межличностного взаимодействия.

Эта философия проистекает из фиксации, то есть из ошибочного и искаженного восприятия реальности, которое напрямую поддерживает его страсть (в данном случае — похоть). Данная фиксация представляет собой выражено субъективное когнитивное видение, которое индивид невротически воспринимает как объективное и которое служит для поддержки и оправдания похоти. Речь идет об измененном когнитивном ядре, из которого вытекают определенные субъективные убеждения, также называемые «иррациональными идеями».

Это искаженные автоматические мысли, возникающие из когнитивных фиксаций, связанных с каждым энеатипом. Эти фиксации искажают восприятие реальности и обуславливают поведение. Они зарождаются в детстве и закрепляются как часть программы эго, которая повторяется автоматически. Таким образом, разум порождает иррациональные идеи, которые действуют бессознательно, но доминирующе.

Мечь и бунтарство

Слово мечь описывает центральную фиксацию энеатипа 8. Это характерологическая структура, стремящаяся к власти и контролю над другими, принимающая внутреннюю моральную логику, в которой вознаграждаются те,

кого считают «верными», и наказываются те, кого воспринимают как врагов или предателей.

Любопытно, что эта установка редко бывает очевидна для того, кто ее переживает. Многие представители этого эннеатипа не узнают себя в роли мстителей и не понимают, почему они вызывают напряжение или сопротивление в своем окружении. Нередко они удивляются, обнаружив, какой устрашающий эффект производят, не замечая, что броня, которую они построили для защиты, также их изолирует.

Клаудио Наранхо также связывает эту динамику со словом бунтарство: сопротивление подчинению, противостояние авторитетным фигурам, отказ повиноваться, избегание приказов, сведение счетов с каждым, кто подверг его какой-либо форме несправедливости. Эта вызывающая позиция по отношению к миру может быть понята как реакция на ранний опыт бессилия, унижения или насилия.

Люди со страстью похоти глубоко не доверяют доминирующей культуре, которая кажется им пропитанной фальшью, подавлением и двойной моралью. Они воспринимают большинство как подчиненное отчуждающим социальным нормам и предпочитают, чтобы их считали «плохими», чем быть вынужденными изображать лицемерную доброту. В этом смысле их бунтарство — это радикальная защита своих импульсов: своего рода антиинтеллектуализм, а не подлинная инстинктивность.

Исходя из этого, Э8 утверждается в идентичности вершителя правосудия, который присваивает себе право действовать согласно собственным этическим кодексам. То, что в детстве было беззащитностью, сегодня компенсируется силой и автономией, узаконивая индивидуальное действие как способ восстановления равновесия.

Мама в детстве всегда говорила мне, что я водилась с изгоями класса или школы. В подростковом возрасте я подружилась с лесбиянкой из лица и защищала ее позицию перед всеми. В юности я добавила еще одно требование: мой язык, каталанский. В одиночку, без политических действий.

МЕРСЕ

Тем не менее, эта вызывающая позиция часто выливается в то, чтобы брать правосудие в свои руки, в позицию наказания, сведения счетов. Эта логика опирается на нарратив «меня ранили, теперь моя очередь», что в итоге воспроизводит на других те же злоупотребления, которые однажды оставили

на нем след. Таким образом, то, что начинается как импульс к восстановлению справедливости, заканчивается бессознательным повторением несправедливости.

Несколько лет назад коллега прямо попросила, чтобы я не участвовала в совместном проекте, потому что мое присутствие ее «смущало». Проект уже был в разгаре. Я ушла. Ничего не сказала. Просто приняла к сведению. С того момента я решила больше никогда не делить с ней никакого пространства, ни личного, ни профессионального. Я прервала все связи.

Спустя годы она попыталась возобновить контакт. Жаловалась, что я ее игнорирую. Для меня этой связи больше не существовало. Я позаботилась о том, чтобы она больше не приближалась к моему миру ни по каким каналам. Для меня она вычеркнута с планеты.

Моей мстью стала дистанция. Окончательная. Не подлежащая обсуждению.

СОНЯ

Следует, однако, уточнить, что бунтарство Э8 самосохранения — это не всегда лобовое противостояние власти, а скорее стратегическая автономия, которая оценивает каждое указание с точки зрения его внутренней логики. Его сила проявляется в молчаливом суверенитете над собственными решениями, в выборе, когда подчиниться, не воспринимая подчинение как угрозу. Эта позиция питается не конфликтом, а разборчивостью, действуя решительно и иногда выбирая кажущееся послушание для сохранения истинной внутренней свободы.

В отличие от импульсивного бунтарства, Э8 самосохранения не ищет реванша и не действует из мести. Его импульс — защитный, он стремится гарантировать, что опыт вторжения или боли, который однажды его ранил, больше не повторится. Таким образом, его позиция — это не столько «меня ранили, теперь моя очередь», сколько «это больше не повторится». Это способ защитить свое достоинство, свою целостность и свою эмоциональную территорию, избегая новых вторжений.

Со стороны эта позиция может показаться холодностью или наказанием, но это стратегия, чтобы не бередить старые раны. Действия Э8 самосохранения направлены не на карательное правосудие, а на то, чтобы преградить путь

боли. Однако если эта защита становится жесткой и бессознательной, она может в итоге повторить ту же жестокость, от которой он пострадал в прошлом, — не как месть, а как автоматическая защита, которая уже не различает реальную опасность и унаследованные страхи.

Фиксация у Э8 самосохранения

У подтипа самосохранения фиксация приобретает более сдержанный, скрытый и даже парадоксальный оттенок: это образ верного друга или ожесточенного защитника. Его видение мира превращается в поле битвы, где выживают только сильные и где уязвимость воспринимается как прямая угроза. Жизненный девиз: «Я защищаю, я сопротивляюсь, мне ничего не нужно».

Я всегда жила независимо, как эмоционально, так и материально. Если я что-то даю, я делаю это из состояния изобилия. Давать мне несложно, и это не создает связи. Это не накладывает на меня обязательств.

Давать — это как разменная монета, которая позволяет мне оставаться свободной — свободной от любых уз.

Эта идея поддерживала мою идентичность годами. Хотя я оказывалась в реальных ситуациях зависимости, я не воспринимаю себя как зависимую или нуждающуюся.

И если ситуация становится невыносимой, я решаю ее, думая о том, что я сделаю, чтобы вернуть свою свободу и независимость. И я это делаю. Иногда медленно, годами. Но делаю.

Даже когда я завишу, я чувствую, что вношу больше, чем получаю. И я делаю все, чтобы сохранить это ощущение: если я получаю финансовую помощь, например, я взамен даю заботу, близость, защиту, решение проблем... все, что позволяет мне чувствовать, что я по-прежнему «на высоте».

Однажды, несколько лет назад, я попросила у мамы в долг. Я до сих пор не смогла его вернуть. Она сказала, что не хочет, чтобы я его возвращала. Но я все равно думаю, что, как только смогу, сделаю это. Я не выношу мысли, что однажды она сможет сказать, что помогла мне.

Мое переживание — это жизнь во враждебном мире, где за уязвимость платят очень высокую цену. Я предпочитаю

казаться щедрой, чем нуждающейся. Благодаря этой логике я могу продолжать видеть себя сильной, даже когда это не так.

СОНЯ

В отличие от социального Э8, который направляет свою силу вовне, на группу, и ищет лидерства или противостояния, Э8 самосохранения направляет ее внутрь: он защищает свою интимную территорию с молчаливой верностью и эмоциональной бдительностью. Его жизнь определяется тайным пактом с самодостаточностью, и он ожидает того же от других. Не доверяя любви и помощи, потому что и то, и другое порождает долг или зависимость, этот характер отказывается нуждаться. Он подавляет страх и нежность с тем же рвением, с каким заботится или защищает. Он не позволяет к себе прикасаться, но требует полной верности.

Некоторые повторяющиеся иррациональные идеи могут быть такими: «Если я покажу слабость, меня уничтожат», «Никто не будет мне указывать, что делать», «Мне не нужна помощь», «Тот, кто просит о помощи — слабак».

Это когнитивное искажение создает стратегию оборонительного самоутверждения для сохранения неприступного «я». Эмоциональная привязанность воспринимается как угроза вторжения. Помощь интерпретируется как вмешательство. Чувствовать — значит подставляться; плакать — предавать себя; просить — ослабевать.

Эгоизм

Э8 самосохранения отдает приоритет своим личным потребностям и властному желанию их удовлетворить. Эта индивидуальная потребность преобладает над требованиями группы или более широкого социального окружения. Импульс к ее удовлетворению заставляет считать этот характер выраженно эгоистичным. Поскольку для этого характера характерен импульс к решительному решению проблем, ему трудно осознать свой эгоизм, отсутствие эмпатии к потребностям другого и то, что он предпринимает, что нужно делать для других.

Однако потребность не ограничивается исключительно вопросами выживания, а охватывает желания, мотивы, мечты, проекты, идеи, имеющие личное значение. При встрече с другим посыл ясен, прям и прозрачен: «То, что важно для меня, должно быть важно и для тебя». Эгоизм этого характера — это не подлинный контакт с самим собой, а потребность утвердить свою власть, как бунт против того, что он пережил в детстве, когда его потребности унижали.

Конечно, эта встреча с другим также происходит из нездорового, эмоционально искаженного, высокомерного и жестокого эгоизма. В этом случае отношения

перестают быть обменом и превращаются в использование другого для исключительной выгоды собственного удовлетворения.

В здоровом эгоизме есть ясный контакт с наслаждением, удовольствием, благополучием и безопасностью. Для энеатипа 8 удовольствие превратилось в установку, ориентированную на интенсивное удовлетворение, сопровождаемую невозможностью отказаться от удовлетворения или отложить его. Это удовлетворение, сопутствующая страсть Э8 самосохранения, поддерживается иррациональной идеей о том, что не реагировать немедленно на то, что ты хочешь, означает не иметь власти, не доминировать над миром, внутренним и внешним.

Однако страдание, боль, неудовлетворенность, небезопасность и хрупкость не признаются и не обрабатываются; напротив, они отрицаются и проецируются вовне. Отношения с другим становятся инструментальными: другой перестает быть субъектом и становится объектом для использования. Действие рождается не из подлинного желания, а из необходимости сбросить скрытую тревогу.

Самое значительное в этом случае — не только подавленное страдание, но и его отрицание. Э8 самосохранения в этом состоянии не осознает своей собственной тревоги, что приводит его к защитному механизму, основанному на доминировании, навязывании и инструментализации других.

Существенное различие между здоровым и нездоровым эгоизмом заключается в эмоциональной связи. Когда есть контакт с собственными потребностями и с наслаждением жизнью, самоутверждение не разрушительно, а вдохновляюще. Однако, когда потребность возникает из непризнанной внутренней пустоты, эгоизм становится стратегией избегания боли, используя других как простые средства для достижения цели.

Маскировка боли

Люди с этим характером обычно маскируют избегание боли под удовольствие, эмоциональную отстраненность — под спонтанность, импульсивность — под лидерство, а собственную выгоду — под предполагаемое общее благо. Их защитная позиция, ориентированная на самосохранение, приводит их к замкнутости, герметичности и отстраненности от других, делая их недоступными и заставляя перестать делиться своими чувствами. В этом состоянии самоисключения энеатип 8 самосохранения перестает вносить вклад в общество, а то немногое, что он передает, усиливает установки, которые с гуманистической точки зрения считаются негативными: эгоизм, отсутствие эмпатии, слабая солидарность, овеществление другого,

нетерпимость к фрустрации, насильственные реакции на инаковость и тенденция извлекать максимум, давая минимум.

У меня нет прямого доступа к боли. Не потому, что я не проходила через трудности, а потому, что это слово, «боль», не имеет ясного места в моем теле. Иногда я могу когнитивно признать, что что-то было тяжело... но мне не больно. Это меня не ломает. Не парализует.

Когда случается что-то настолько сильное, что умудряется меня задеть, у меня нет прямого доступа к боли. Такова правда. Вместо боли я чувствую напряжение, гиперактивацию, которая не дает мне спать, как будто я постоянно в опасности, но я не чувствую страха или тревоги. Тело не отдыхает. Оно готово к действию.

Я также не чувствую себя изолированной. Я общаюсь, делюсь, присутствую. Но никто не знает, что я чувствую. Даже я сама. Нет отстраненности, потому что нет попытки установить связь. То, что я чувствую, находится где-то там, в безымянном месте.

То, что воспринимают другие, — это своего рода страх передо мной. Они не могут меня прочесть, понять, что я чувствую или думаю в той или иной ситуации. Они становятся подозрительными и часто проецируют на меня свои эмоции или негативные аспекты, приписывая их мне. А где еще лучше разместить то, что они не выносят в себе, как не в сосуде, который кажется пустым?

В очень редкие моменты что-то открывается. И когда это происходит, я чувствую настоящую глубину, как старая дверь, которая с трудом открывается после того, как была слишком долго заперта. Это не бьющая через край эмоция. Это боль. Настоящая боль. И хотя больно, это приносит облегчение. Потому что, наконец, я себя вижу.

Потом я возвращаюсь в то место, где умею держаться: в тихое и спокойное место, как на дне моря, где меня ничего не касается и все доходит приглушенно.

СОНЯ

Однако важно уточнить, что литература об энеатипе 8 часто делает чрезмерный акцент на его жесткости и кажущемся эгоизме, что может привести

к морализаторским трактовкам, искажающим его истинную природу. В случае Восьмерки самосохранения его эмоциональное молчание и холодность — это не злые черты, а стратегии выживания, выкованные в отношениях, воспринимаемых как угрожающие. Он не «плохой» в моральном смысле, а глубоко отмечен невидимой раной, которая связывает уязвимость с опасностью, и он научился защищаться, скрывая свою хрупкость.

Иногда казаться опасным или эгоистичным становится стратегией, чтобы избежать вторжений и сохранить свое достоинство. Однако этот образ, если не понять его корень, укрепляет стереотипы, которые сводят Восьмерку самосохранения к образу жесткого и непроницаемого персонажа. При этом забывается, что под этой броней существует сложная, защитная и глубоко человеческая психическая структура, чья жесткость — это не что иное, как способ сохранить свою свободу и избежать повторения пережитой боли.

Единственно верное мышление

Эннеатип 8 самосохранения обычно рассеян, невнимателен к сигналам, которые посылают ему другие. Он не замечает нюансов, различий, возможных предупреждений, которые могли бы указать ему, что реальность сложнее, чем он себе представляет.

Здесь важно ввести понятие, существенное для переживания этого характера: доверие. Часто эннеатип 8 ассоциируют с недоверием. На первый взгляд, нет восприятия другого как угрозы и ему не приписываются дурные намерения. Другой — это просто тот, кого нужно убедить, кого можно привлечь на свою сторону. Доверие связано с союзом: если другой подчиняется, он становится верным союзником, и ему можно доверять; если он нарушает союз, это подтверждает общее убеждение, что никому доверять нельзя.

Чего Э8 самосохранения не осознает в этот момент, так это того, что он уже установил неявное условие: отношения действительны только до тех пор, пока другой согласен с его видением, с его «единственно верным мышлением». Сам того не замечая, он провел невидимую черту, которая отделяет тех, кто остается в его идеальных рамках, от тех, кто начинает от них отклоняться. «Либо со мной, либо против меня».

Всю свою жизнь я была чрезвычайно строга к тому, кого впускаю в свой мир. В отношениях с партнерами, друзьями или семьей я придерживалась очень четких «идеальных рамок». Любой, кто выходил за эти рамки — из-за неверного слова, жеста, который я считала неприемлемым, — оказывался за бортом. Безжалостно. Я разорвала связи с несколькими родственниками, закончила отношения, которые, возможно, при чуть большей

открытости с моей стороны, могли бы продолжаться. Я прекратила дружбу без возможности возврата.

Ощущение было такое, будто я защищаю свою территорию и впускаю только тех, кто этого заслуживает, кто разделяет мой взгляд на жизнь. С таким фильтром, конечно... я осталась практически одна, и для меня это не проблема. Мне хорошо одной. Одиночество — это безопасное место, которое не требует от меня энергии.

С годами я стала более гибкой. Потребность стереть с лица земли того, кто не думает или не действует как я, все еще присутствует, но теперь я останавливаюсь. Иногда я представляю, каково это — убрать кого-то из своей жизни. Я играю с этой идеей. Но я больше не делаю это так легко.

СОНЯ

Другой как угроза

Я полностью ориентирована на действие, сосредоточена на выполнении того, что нужно сделать. Я живу в контакте с конкретными фактами, с исполнением, с материализацией того, что считаю необходимым. Однако в этом процессе я никогда не останавливаюсь, чтобы соединиться ни со своим собственным переживанием, ни с переживанием другого.

Я ничего не утаиваю. Я даю очень много и жду, что меня за это признают: как надежного, честного, трудолюбивого человека, как опору, которая все держит, как человека, способного изменить ситуацию благодаря своей ценности, уму и способности решать проблемы и брать на себя тяжелую работу.

Но другие не всегда отвечают так, как я ожидаю. У них свое видение, свои цели, и они идут своим путем, следуя своим собственным указаниям.

СОНЯ

Ориентация на действие определяет способ бытия в мире, сосредоточенный на конкретизации, исполнении и материализации того, что считается приоритетным. Внимание поглощено достижением ощутимых результатов, в то

время как связь с внутренним опытом — своим и чужим — откладывается или полностью игнорируется.

При таком функционировании энергия не задерживается: отдается много, берется на себя тяжелая работа и ищется способ изменить ситуацию через эффективность, ум и готовность поддерживать других. Желание быть признанным как надежный, ценный и способный решать проблемы становится постоянным двигателем усилий. В этом процессе Э8 самосохранения забывает о себе, будучи оторванным от своего эмоционального мира.

Здесь возникает ключевой вопрос: какое место этот характер отводит другим? Какое пространство есть для их мнений, для их способа делать вещи, для их желаний, интересов и чувств? Что происходит, когда другие начинают сомневаться, когда они отстраняются, когда все идет не так, как он ожидает?

Этот сценарий порождает фрустрацию и ощущение потери контроля и власти. Страдание, стоящее за этим, очень трудно осознать. Эти переживания нелегко признаются как свои собственные и не обрабатываются как часть эмоционального опыта. Отсутствие контакта с собственной уязвимостью и отрицание этих эмоций являются истинным ядром конфликта.

С более глубокой точки зрения — и здесь парадокс, потому что речь идет о глубине того, что автоматически отрицается, — то, что на самом деле достигается этой отстраненностью, — это избегание ощущения себя эмоциональной жертвой. Потому что, по восприятию этого характера, именно другой его фрустрирует, именно он причиняет боль, не принимая его условий и его способа делать вещи.

Эмоциональная отстраненность

Большая ловушка заключается в следующем: собственная нехватка не признается, но проецируется на других. Эмоциональная отстраненность мешает воспринимать собственный дефицит, и вместо этого он ясно виден в других:

«Они не видят». «Они не знают». «Они не последовательны». «Они не вкладывают столько же энергии и самоотдачи, сколько я».

Принять это со зрелостью означало бы также взять на себя ответственность за собственные недостатки. И здесь снова возникает противоречие: «Если есть виновный, то это должен быть другой». Угроза всегда исходит извне...

Так, он начинает замечать несоответствия, фрустрации, признаки того, что что-то не работает. В то время как этот характер продолжает фокусироваться на «делании того, что нужно делать», по его мнению, другие «теряются в эмоциональных историях». Он начинает судить их за их хрупкость, за отсутствие

прагматизма, за их лицемерие... не признавая, сколько лицемерного, фальшивого или корыстного есть и в нем самом.

Я уже не просто вижу их как слабых или непоследовательных, а как противников. Если я чувствую себя преданной, проигнорированной или дискредитированной, я могу ответить садизмом, местью или расчетливой холодностью. Я могу стать кем-то, кто уже не ищет общего блага, а стремится максимизировать свои собственные интересы. Здесь уже нет и следа первоначального энтузиазма или иллюзии общей цели. Остается только стратегия, грубая сила и воля навязать себя другим. Я придерживаюсь идеала чистоты и правильности в том, что я делаю и думаю. Однако разрыв между моим видением и реальностью становится все больше, пока не станет непреодолимым. Разделение полное: я на одной стороне, а остальные — на другой.

СОНЯ

Если кто-то согласен с точкой зрения Э8 самосохранения, его используют, но не строят с ним настоящей связи. Его могут отбросить в любой момент, если он перестанет быть полезным. В этом и заключается ловушка: верность, энергия и защита обусловлены тем, что другие не ставят под сомнение его правила или его самого.

Таким образом, активируется интерпретация происходящего, служащая отрицанию его самых глубоких желаний, которых он обычно не осознает, таких как быть любимым, быть защищенным, быть принятым во внимание. И чтобы не соприкоснуться с этой нехваткой, он цепляется за то, чем хочет обладать: «Лучше умереть, чем не получить удовлетворения». В этот момент месть поддерживает его верой в то, что он имеет право на то, чего хочет, любой ценой.

Жестокость зверя

Воля Э8 самосохранения стоит выше всего остального, особенно его хрупкой части, которую он безжалостно подавляет ради цели. Но какова на самом деле эта цель? Здесь появляется скрытая потребность: наблюдать, регистрировать реакции других в стрессе, замечать их слабые места, предвидеть бойкоты и предательства. Собирается информация, чтобы знать, как действовать, когда все рухнет. Потому что есть скрытое убеждение: это случится.

Привыкшая выживать в самых серьезных угрозах, я как лев, который поворачивается к стаду газелей и говорит: «Спокойно,

я вас не съем; сейчас я не голодна. Но берегитесь разбудить меня, потому что я не делаю исключений. Я не вспомню, кто вы и как сильно вы меня любите, когда решу вас съесть. Я сделаю то, что необходимо, когда это будет необходимо».

В этот момент я становлюсь худшим, что порождает система: войной, законом сильнейшего, «либо они, либо я». Если кто-то хочет чего-то отличного от того, чего хочу я, я реагирую так, будто он пытается меня убить. Мой ответ разрушителен. Я закрываюсь, изолируюсь, становлюсь самодостаточной. Я рассчитываю только на себя. Другие чувствуют себя обесцененными, эмоционально дисквалифицированными. Я отбрасываю их, как старые ботинки. Они неспособны, предатели, разрушители. Они не заслуживают моей энергии.

СОНЯ

Был момент, когда я научилась закрывать сердце, чтобы чувствовать себя в безопасности. Постепенно я изолировалась, перестала доверять другим и поверила, что только я могу устоять на ногах. Для меня выживать — значит культивировать закон сильнейшего, и так я становлюсь разрушительной.

МАРЛИС

Избегая контакта со своей уязвимой частью, человек этого подтипа превращается в абсолютного разрушителя. Он обесценивает все и всех. Он больше не ищет понимания и не понимает себя. Он действует, оторвавшись от настоящего, от реального: он не в контакте с текущей ситуацией, а с предельным состоянием из прошлого, где все было вопросом жизни и смерти.

Другие чувствуют себя под серьезной угрозой, потому что взгляда больше нет, есть только проекция. Другой видится не таким, какой он есть, а как воплощение тех, кто не заботился, кто причинял боль, кто отказывал в человечности.

Это один из самых опасных моментов цикла: когда непонимание порождает еще большую агрессию, а агрессия — еще большее непонимание. Внутренняя логика оправдывает любое защитное действие как справедливость, но под этой жесткостью продолжает взывать желание быть увиденным, поддержанным, понятым.

Мсть и дегуманизация

Я не хочу признавать свое страдание. Я предпочитаю заставлять страдать. Мсть становится моим механизмом контроля. Я оправдываю свою позицию, презирая других как слабых и лицемерных. Я дегуманизирую, разрушаю. Я не в контакте ни с собой, ни с другим. Это отчаяние и глубокая тревога, которую я не чувствую, но которую компульсивно отыгрываю, чтобы заполнить космическую пустоту.

СОНЯ

Здесь цель уже не строить и не защищать: а наказывать и мстить. Накопленная обида действует как линза. Изоляция оправдывается как достоинство, но это механизм, чтобы снова не чувствовать то, что слишком больно. Рана прошлого — не увиденная, не поддержанная, не проработанная — толкает на создание самосбывающихся пророчеств неудачи и разрыва. Все эмоциональное воспринимается как угроза. Потребность мстить превращается в обобщенное убеждение, что условием для сохранения жизни и власти является «устранение» другого, чтобы он никогда больше не смог причинить боль. Из этой когнитивной программы поддерживаются все рациональные оправдания его поведения.

Отрицание, навязчивые мысли и внутренний диалог

Внутренняя интенсивность этого характера проявляется в виде навязчивых, спекулятивных и часто обсессивных мыслей. Возникает постоянный внутренний диалог, своего рода циничный, пессимистичный и негативный закадровый голос, хотя и с мощными фантазиями и иллюзиями, напоминающими одинокий бред Трэвиса, главного героя фильма «Таксист» (М. Скорсезе, 1976).

Это ментальное беспокойство выражается в телесном возбуждении, синхронном с умом, что затрудняет отдых при наличии активации. Это беспокойство заглушается внешними анестетиками, такими как еда, напитки или секс, которые питают интенсивность, служащую тому, чтобы не чувствовать.

Невротическое мышление Э8 самосохранения исходит из восприятия мира — и особенно изначальной связи с матерью — как глубоко враждебного. Это не активная паранойя, а горькое и безнадежное видение: мир не заслуживает доверия, и перед его жестокостью остается только ожесточаться еще больше.

Скрытый девиз, кажется, таков: «Зло мира сделало меня настолько сильным и жестким, что теперь ничто и никто не сможет меня сломить или ранить».

Отрицание как защитный механизм

В моем случае отрицание началось как детское «нет» власти, воспринимаемой как нелегитимная, часто в форме жестокого обращения со стороны моих родителей. Это отрицание было не только ответом им, но и обобщенным отношением к миру. Отрицание отдалило меня от подлинного контакта с другими, создав броню бесчувственности и высокомерия, которая позволила мне держаться подальше от источников боли. Однако эта броня также привела меня к самоотрицанию, к ложной самодостаточности, которая отрицает уязвимость и, в конечном счете, настоящую связь.

МАРК

Тренер моей баскетбольной команды в средней школе унижал меня. Я противостоял ему, но больше не доверял никому в школе, потому что никто ничего не сделал, чтобы его остановить. Я ушел из команды и больше никогда не играл ни одного матча.

МАРЛИС

«Нет» миру превращается в «нет» жизни. Это отрицание защищает от страдания, но также блокирует любую возможность открытости, роста или любви. Эмоциональная изоляция становится хронической, смелость превращается в высокомерие, а хрупкость остается взаперти. Только сознательный процесс контакта с собственной болью может начать растворять эту броню.

Отрицание — это защитный механизм, который временно защищает Э8 самосохранения от эмоциональной боли, но в долгосрочной перспективе мешает ему по-настоящему устанавливать связь с другими. Его признание и преодоление позволяют вернуть более полную и подлинную эмоциональную жизнь.

Одно из собранных свидетельств ясно иллюстрирует эту логику замкнутости и крайней самодостаточности:

Во время серьезной болезни в подростковом возрасте я отвергала любые проявления сострадания. Я не выносила, когда на меня смотрели с жалостью или предлагали помощь. Я притворялась, что все в порядке, даже когда у меня была температура или боль.

Эта позиция убедительно раскрывает стратегию Э8 самосохранения: не показывать себя нуждающимся, сохранять независимость как щит и самодостаточность как норму. Ему трудно просить, получать, показывать, что ему нужно. И вместо того, чтобы сближаться через уязвимость, он делает это через предложение: он предлагает свою силу, свою верность, свое присутствие. Но взамен требует, чтобы его не трогали и не ставили под сомнение, и чтобы признавали его власть.

Верность без привязанности

Связь у Э8 самосохранения строится на основе молчаливых пактов. Эмоциональное выражение остается за скобками; важны присутствие, твердость, исполнение. Тот, кто не подводит, остается. Но если есть предательство или неверность, разрыв немедленный, резкий, окончательный. Этот характер не нападает первым, но если чувствует себя преданным, он захлопывает дверь, не оглядываясь.

Эта логика строит долговечные, но маловыразительные отношения, прочные, но не нежные, эффективные, но не интимные. Привязанность проявляется через действия, а не через слова или эмоциональные жесты. Дистанция становится проверкой на верность: если другой уважает дистанцию — что означает не автономию, а подчинение, — то он считается достойным.

Таким образом, невротическая потребность в удовлетворении, питаемая когнитивной фиксацией на мести и бунтарстве, порождает стратегию выживания, где контроль, замкнутость и эмоциональное отрицание обеспечивают хрупкое, но функциональное равновесие. Эта структура, эффективная для выживания после травмы, со временем становится тюрьмой: она укрепляет эго, но изолирует его; защищает, но обедняет.

И так, во имя силы, он часто остается один. Окруженный пактами, но без тепла. Верный своему кодексу, но неспособный сдаться любви. Сильный, да... но безнадежно одинокий.

Некоторые связанные иррациональные идеи

- **«Проявлять слабость опасно».**

Раскрывать боль — все равно что вручать оружие другому. Хрупкость ассоциируется с прошлым, с моментами, когда защиты не было. Поэтому создается броня, скрывающая любой признак нужды. Лучше казаться жестким, чем дать повод для причинения вреда.

- **«Мне никто не нужен».**

Просить о помощи — значит признать, что чего-то не хватает, а это

невыносимо. Самодостаточность становится убежищем и окопом. Доверять другим — значит наделять их властью, а это плохо переносится. Лучше одному, чем в эмоциональном долгу.

- **«Жизнь — это борьба».**

Окружение воспринимается как место, где всегда нужно быть начеку. Расслабиться — значит рискнуть быть застигнутым врасплох или раненым. Недоверие становится основной стратегией выживания. Он не живет, а сопротивляется.

- **«Лучше защищать, чем доверять».**

Забота о другом дает позицию силы, которая сохраняет автономию. Доверие, напротив, открывает дверь боли и покинутости. Если я даю — я контролирую; если я получаю — я подставляюсь. Связь становится безопасной только с позиции защитника и доминанта.

- **«Любовь — это молчаливый пакт, а не сентиментальность».**

Привязанность не нуждается в словах или нежных жестах: она доказывается делами. Сказать «я тебя люблю» звучит хрупко; быть рядом, когда это важно, — нет. Обязательства заменяют выраженные эмоции. Любить — значит защищать, а не плакать.

- **«Нежность меня ослабляет».**

Поддаться нежности — все равно что открыть трещину в броне. Риск быть подчиненным или раненым становится слишком высоким. Предпочтение отдается жесткости, даже в чувствах. Мягкость воспринимается как вражеская территория.

- **«Тот, кто меня предает, исчезает».**

Предательство не переваривается: оно пресекается на корню. После разрыва уз верности пути назад нет. Прощение воспринимается как неприемлемая капитуляция. Внутренний мир требует ясности: черное или белое, внутри или снаружи.

- **«Сентиментальность бесполезна».**

Эмоции замедляют и отвлекают от важного. Действие — вот что имеет значение; остальное мешает. Остановиться, чтобы почувствовать, кажется ненужной слабостью. Нужно идти вперед, чего бы это ни стоило.

- **«Если ты признаешь мою силу, значит, ты меня любишь».**

Любовь у энеатипа 8 связана с властью, поэтому доминирование над другим путается с его защитой. Когда другие признают его силу, для него это в конечном итоге означает, что его принимают, любят и дают ему то место, которого, по его мнению, он заслуживает.

- **«Никто не может мне приказывать».**

Сохранение доминирования — единственный способ чувствовать себя в безопасности, как физически, так и психически. Если бы он согласился

подчиниться власти, это означало бы снова почувствовать риск быть униженным и раненым.

4. ДРУГИЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ Э8 САМОСОХРАНЕНИЯ И ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Автор: Мерсе Кукерелья

Эмоциональная и физическая ненасытность.

Эннеатип 8 самосохранения определяется постоянной и глубокой ненасытностью, которая не ограничивается едой или сексом, а пронизывает весь его жизненный опыт. Существует внутренний импульс, который заставляет их пожирать жизнь, жадно присваивать то, что дает им ощущение полноты. Они не терпят нехватки или ожидания; им необходимо удовлетворять свои импульсы немедленно, словно в любой отсрочке таится скрытая угроза. Эта ненасытность — не просто черта характера, а защитная стратегия против невыносимого для них чувства первичной пустоты. Их тело становится основным средством связи с миром, и инстинкт толкает их потреблять удовольствие, отношения, опыт и блага интенсивно и зачастую бессознательно. Эта позиция может приводить их к излишествам и компульсиям, особенно когда они чувствуют, что что-то или кто-то ограничивает их свободу или доступ к желаемому. Мысль о необходимости ограничивать себя кажется им унижительной, и они бунтуют против любого навязывания. Это физический, эмоциональный и экзистенциальный голод, который определяет их изнутри.

Первичная чувственность и защитный гедонизм.

У Э8 самосохранения связь с чувственным имеет сокрушительную силу. Это прямой и первичный способ бытия в мире. Тело становится главной территорией утверждения, удовольствия и власти. Именно через телесное они чувствуют себя живыми и контролирующими ситуацию. Поэтому физическое удовольствие становится быстрым способом успокоить глубокие тревоги,

коротким путем, чтобы заглушить любой признак уязвимости. Есть, прикасаться, чувствовать, наслаждаться: все это больше, чем просто удовольствие, это способ оставаться под контролем и избежать внутреннего коллапса. Через чувственное они могут смягчать эмоции, с которыми не умеют справляться, и укреплять броню самодостаточности. Однако этот защитный гедонизм может сделать их склонными к зависимостям, импульсивными, с трудностями в отказе от того, что приносит им немедленное удовлетворение. При поверхностном взгляде они кажутся любителями удовольствий или излишеств; с более глубокой перспективы видно отчаянную попытку избежать тревоги и никогда не чувствовать себя слабыми или во власти других.

Инстинктивное неприятие уязвимости.

Одна из самых определяющих характеристик 8 самосохранения — это его инстинктивная аллергия на проявление уязвимости. Уязвимость для них — не просто слабость, а прямая угроза их эмоциональному выживанию. Они отвергают любую ситуацию, в которой могут почувствовать себя беззащитными, зависимыми или эмоционально обнаженными. Это неприятие выражается в жестком, пренебрежительном и даже агрессивном поведении, когда они воспринимают, что кто-то пытается «пробить» их защиту. Они ненавидят, когда им указывают на их раны или пытаются их растрогать. С самого раннего возраста они научились скрывать свою хрупкость за маской силы, используя гнев или безразличие как механизмы уклонения. Эта динамика может привести их к саботажу отношений или к эмоциональной закрытости тогда, когда им больше всего нужно было бы открыться. Однако под их фасадом скрывается огромная чувствительность, которая была заключена в капсулу, чтобы избежать страдания. Их главная борьба — не поддаться боли, которая живет в них, даже если это приводит к жизни в отрыве от своих самых сокровенных потребностей.

Закаленный и недоверчивый характер.

Жесткость — это печать на личности 8 самосохранения, которая часто проявляется как неприступный характер, устойчивый к любым попыткам манипуляции или внешнего контроля. Они научились защищаться броней, которая оберегает их от предательств, злоупотреблений или нежелательных зависимостей. С детства они обычно развивают недоверчивый взгляд на окружающий мир, будучи убежденными, что никто ничего не дарит просто так и что любое проявление привязанности может иметь скрытую цену. Эта

позиция подкрепляется жизненным опытом, который подтверждает их видение мира как враждебного или корыстного. Поэтому они предпочитают предвосхищать любой вред, демонстрируя силу и самодостаточность.

Автономный.

Вероятно, человек этого характера с детства усвоил, что его принимают и ценят за независимость и решительность, что любовь случайна, что он может нравиться или не нравиться без видимой причины, и что его также могут просто так бросить. Таким образом, он приходит к выводу, что все действуют в своих интересах и что, когда они следуют правилам или обещаниям, они делают это из соображений выгоды. Его автономия проистекает из отсутствия опыта заботы и внимания. Обычно он получал послания о том, что нужно справляться с жизнью в одиночку и ни на кого нельзя рассчитывать.

Для независимости нужна уверенность в себе, которая переживается как субъективное ощущение способности, возможности достигать целей. Если не получается, он пытается снова или отказывается от затеи, но без ощущения провала. Это также переживается как внутреннее чувство уверенности, знание того, что тебе нужно, чего ты хочешь и куда следует идти, даже если в определенный момент лучшим решением может быть сомнение или изменение курса.

Помню, как в 7 или 8 лет я попросила у мамы репетитора. Через неделю, когда она уже нашла его, я уже сама начала ходить на занятия и даже не сказала ей об этом. Мои родители не знали, что я делаю по вечерам и с кем хожу. Вскоре я уже сама с удовольствием объясняла материал своим одноклассникам. Хотя я просила о помощи, я не очень осознавала свои интеллектуальные ограничения и смотрела на учителей без восхищения, потому что была уверена, что и сама достигну их уровня знаний. Я также не сразу осознала свои физические ограничения. В подростковом возрасте я попыталась потрянуть бильярдный стол, как видела у своих товарищей, и не смогла; они засмеялись. Я была в замешательстве; не чувствовала себя смешной или что-то в этом роде, просто не понимала, почему у девушки ростом 1,55 м не может быть такой же силы, как у них. Уже будучи взрослой, подруга напомнила мне мои первые слова после рождения дочери: «Если это зависит от меня, все будет

хорошо». Сейчас, будучи старше и осознаннее, я не берусь за проекты, которые не могу решить, хотя эта уверенность во всем, что я делаю, все еще со мной.

МЕРСЕ

Одиночка.

В психических инстанциях, описанных Карен Хорни, Э8 самосохранения «уходит в сторону» (а не «к» или «против», как социальный и сексуальный 8 соответственно). То есть он прячется, изолируется... Это самый молчаливый из Восьмерок. Он предпочитает дистанцию публичности, молчание — ненужным спорам. Это одинокий волк, привыкший все решать самостоятельно, не прося об одолжениях и не делясь своими тяготами. Ему неуютно в толпе, он ненавидит светские сборища и в глубине души презирает стадность. Его убежище — изоляция: там он чувствует себя сильным, неуязвимым, свободным от чужих глупостей. Чем меньше он нуждается в других, тем лучше он себя чувствует.

Конфронтационный.

У Э8 самосохранения конфронтация прямая, конкретная и быстрая. Он обнаруживает слабое место противника и точно знает, на чем сосредоточиться, чтобы вскрыть несправедливость или ложь. В отличие от сексуального подтипа, он может применять стратегию и контролировать момент, а в отличие от социального, он более автономен и индивидуалистичен. Легкость в столкновении и конфронтации опирается на убеждение, что он — единственный, кто видит правду, единственный, кто имеет право решать, кто прав, а кто нет. Таким образом он обеспечивает себе самоутверждение.

Мне было около 6 лет, и учительница не отпустила меня в туалет. Я решила проблему, помочившись посреди класса и обвинив ее, когда за мной пришли. Я не чувствовала ни вины, ни стыда.

МЕРСЕ

Он верит, что в глубине души все действуют, чувствуют и думают так же, как он, признают они это или нет: все хотят кусок побольше, но, возможно, не

решаются его взять, в то время как он решается. Поэтому, как он считает, им восхищаются — за то, что он способен действовать прямо и искренне.

Снисходительный к себе.

Он все себе прощает, будучи убежденным, что имеет право на любое действие, не считаясь с последствиями, даже когда они разрушительны для него самого или для других. Его снисходительность к себе больше связана с диссоциацией, в отличие от Э7, чья снисходительность направлена на поддержание хорошего образа себя. У Э8 самосохранения снисходительность служит интенсивности, утолению своих желаний без тормозов и угрызений совести. Важно удовлетворить импульс, а не оправдываться или сдерживаться.

Эгоистичный, неэмпатичный.

Он представляет собой стереотип магната — типа Гражданина Кейна — человека, который сделал себя сам, прагматичного и непреклонного. Э8 самосохранения не интересуется и не испытывает любопытства к жизни других. Он ищет информацию только для того, чтобы контролировать ситуацию; личные или эмоциональные детали его утомляют, и он быстро их забывает, если они не полезны для решения проблемы. У него слабая потребность в общении, и его раздражают пустые социальные формальности: все должно иметь конкретную цель. Даже поиск партнера или создание семьи отвечают критериям самосохранения.

Он не может сопереживать, потому что он в значительной степени диссоциировался от своих эмоций, чтобы скрыть свои раны. Чувствовать то, что чувствует или в чем нуждается другой, означало бы войти в контакт со своим собственным внутренним миром, то есть со своей детской болью. Он считает бесполезным любое эмоциональное или социальное сближение, когда на самом деле он защищает собственную хрупкость: открыться — значит подвергнуться риску ущерба, от кого бы он ни исходил.

Меня раздражает начало встреч, эти типичные фразы для установления контакта или приветствия.

МЕРСЕ

Когда моя младшая дочь жаловалась, что одноклассники говорят ей гадости или обвиняют ее, моим советом было

отвечать с силой: «И что?», чтобы им самим пришлось оправдываться, и тогда она увидит, что они не будут знать, как продолжать.

МЕРСЕ

Циничный и материалистичный.

Его мир — это мир действия, желания и удовлетворения. Он может быть умным и даже интеллектуальным, но он не живет в уме или воображении. Это мир без фантазии. Если желания нет, он спокоен; если оно есть, его нужно быстро удовлетворить.

Я забывала лицо парня, о котором никогда не фантазировала, и если он мне изменял, я сохраняла невозмутимое лицо. Моей единственной целью было скрыть любые эмоции и не дать заметить свою уязвимость.

МЕРСЕ

Когда Э8 самосохранения сравнивает себя с другими, то делает это, чтобы измерить силу, жесткость, способность справляться с ситуациями, навязывать свою волю и доминировать. Это вызывает дистанцирование и молчание, чтобы быть эффективным. Э8 самосохранения мало говорит; он делает это только в игровых ситуациях или в доверительной обстановке. Он как бы нейтрален, может общаться несмотря на конфликт или зная, что неприятен другому. Ему трудно просить и получать, но не брать, если инициатива исходит от него. Он не чувствует зависти или обиды; его месть реактивна, быстра, и потом он забывает. Он не удерживает в памяти события, а тем более детали, но это остается в теле как инстинктивная мудрость о том, где таится опасность и какой путь наиболее выгоден. Он также не чувствует вины за свои реакции, потому что убежден, что в тот момент они были необходимы.

Единственное, за что я чувствую себя виноватой, — это за то, что не была достаточно внимательной матерью. Я хотела все делать правильно и была очень заботлива к ее физическим потребностям; я думала, что и к эмоциональным тоже, потому что кормила ее грудью и считала, что этого достаточно. Когда мой ребенок плакал, потому что хотел больше ласки и

контакта, я играла в тетрис. Я следила за ней, но не понимала ее. Теперь я чувствую себя виноватой, потому что только я могла дать ей эту ласку. Моя дочь уже взрослая и здорова. Однако я знаю, что эта слепота — невротическая, и с тех пор, как я ее увидела, я стараюсь действительно видеть другого; не свою идею о другом, а то, что он хочет мне сообщить, даже если это трудно.

MEPCE

Гипербдительность и территориальный контроль.

Э8 самосохранения развивают очень выраженный территориальный инстинкт. Их дом, их вещи и их близкие воспринимаются как продолжение их самих, и они чувствуют постоянную обязанность бдительности и контроля над всем, что считают «своим». Этот контроль является как физическим, так и эмоциональным: они контролируют пространства, людей и ресурсы, следя за тем, чтобы ничто и никто не ускользнул от их надзора. Существует бессознательная потребность всегда следить за важным, чтобы избежать неприятных сюрпризов или ситуаций незащитности. Эта гипербдительность заставляет их всегда быть начеку, иметь очень развитые «антенны», чтобы улавливать любое движение, которое может представлять угрозу, даже минимальную. Однако эта позиция может быть изнурительной как для них, так и для окружающих, поскольку они часто вторгаются в чужое пространство с инстинктом защиты, который воспринимается как контроль или собственничество. Им трудно доверять настолько, чтобы расслабиться и отпустить, поэтому они живут в постоянном состоянии напряжения и активной защиты.

Функциональная аморальность и собственный кодекс.

Отношение Э8 самосохранения к социальным нормам, мягко говоря, своеобразно. Хотя они не обязательно антисоциальны, они обычно руководствуются очень личным чувством этики, подчиненным их собственному кодексу ценностей. Что правильно или справедливо, определяется их опытом и выгодой, не обязательно в соответствии с общепринятыми нормами. Это позволяет им действовать с большой свободой, но также приводит к оправданию злоупотребляющего или эгоистичного поведения, если они считают, что имеют право так поступать. У них низкая терпимость к внешней

власти, и они обычно лучше реагируют на свою внутреннюю логику, где важно не подставиться, не быть обманутым и получить то, что они считают по праву своим. Эта функциональная аморальность может сделать их очень прагматичными людьми с большой способностью выживать в трудных условиях, но также и людьми, которые преуменьшают влияние своих действий на других. Дело не в том, что у них нет морали, а в том, что мораль они создают сами, в зависимости от того, что позволяет им выживать и удовлетворять свои потребности.

Ритуализация и зависимость от удовольствий.

Менее очевидная, но глубоко укоренившаяся черта Э8 самосохранения — это его склонность создавать рутины или ритуалы вокруг удовольствия. Речь идет не просто о наслаждении жизнью, а об установлении компульсивной связи с определенными удовольствиями, которые позволяют им поддерживать эмоциональное равновесие. Эти ритуалы могут включать определенные блюда, потребительские привычки, сексуальные рутины или ежедневные обычаи, которые становятся маленькими якорями безопасности. Повторяемость и предсказуемость этих удовольствий дает им ощущение контроля перед лицом мира, который они считают враждебным и непредсказуемым. С психодинамической точки зрения, эта зависимость работает как эмоциональный амортизатор: она помогает им избегать контакта с тревогой, нехваткой или экзистенциальной пустотой. Удовольствие становится убежищем, анестезией и утверждением власти над собственной жизнью. Попытка оспорить эти ритуалы может вызвать яростное сопротивление, поскольку они воспринимаются как необходимая линия защиты от внутреннего страдания. Поэтому их ритуалы получения удовольствия — это не просто привычки, а защитные конструкции с большим эмоциональным зарядом.

Нетерпеливость и агрессивность перед лицом фрустрации.

Нетерпеливость — это не просто мимолетное беспокойство: она часто сопровождается вспышками агрессии, раздражительности и запугивающего поведения, когда они воспринимают, что что-то или кто-то блокирует им доступ к тому, что они считают по праву своим. Они склонны реагировать яростью, угрозами или пренебрежительным отношением на фрустрацию, потому что переживают ее как форму несправедливости или унижения. Их защитная структура не терпит бессилия, и любое внешнее ограничение воспринимается как личное оскорбление. Эта трудность в управлении фрустрацией приводит их

к компульсивному поведению, эмоциональному шантажу или чрезмерным реакциям, особенно в домашней обстановке или в отношениях с партнером. Научиться терпеть ожидание, лишение или отказ — одна из их самых сложных задач в процессе эмоционального созревания.

Соппротивление власти и презрение к нормативному.

Повторяющаяся черта Э8 самосохранения — это его лобовое сопротивление власти и естественное презрение к нормам, навязанным извне. Они чувствуют сильный внутренний импульс бросать вызов любой фигуре, которая пытается ограничить их свободу или навязать им чужое мнение. Это сопротивление не всегда взрывное; часто оно выражается скрыто, через неповиновение, иронию или незаметный саботаж. Их автоматическая реакция на приказы или навязывание — недоверие, с предположением, что за любой нормой скрывается попытка доминирования или манипуляции. Эта позиция может сделать их людьми с бунтарским духом, которые превыше всего ценят свою способность принимать решения самостоятельно и не терпят подчинения иерархиям. Однако это презрение к нормативному также может привести их к трудностям в сотрудничестве в социальных, рабочих или семейных структурах, где требуются соглашения или базовые правила сосуществования. Развитие более зрелого отношения к власти для них означает признание того, что не всякий внешний контроль подразумевает угнетение, и что определенные нормы могут быть функциональны для общего блага.

5. ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И ФАНТАЗИЯ

Автор: Кэрол Вильялон

Эннеатип 8 самосохранения — один из самых закаленных вариантов в характерологии эннеаграммы. Его эмоциональность, хотя и существует, заключена в капсулу, защищена броней, которая препятствует ее естественному выражению. Это тип человека, который, кажется, не испытывает эмоций или, по крайней мере, не проявляет их, что создает образ жесткости и бесчувственности. Однако эта холодность — не отсутствие чувств, а стратегия выживания, усвоенная с детства.

Для этого эннеатипа эмоциональность связана не с уязвимостью, а с удовлетворением. Существует тенденция связывать интенсивность с ощущением контроля над окружением: чувствовать опасно, но достижение целей, навязывание своей воли или защита порождают своего рода удовольствие или безопасность. Удовлетворение становится осью эмоционального опыта, а эмоции отходят на второй план, если только они не служат конкретной цели.

Этот подтип может даже убедить себя в том, что он очень эмоционально чувствителен, но на самом деле то, что он испытывает, — это высокая реактивная интенсивность, а не подлинная связь с его глубокими эмоциями. Часто он обнаруживает эту разницу в близких отношениях, когда партнеры возвращают ему образ бесчувственного или неспособного сопереживать человека. В такие моменты диссонанс между его самооценкой и восприятием других становится очевидным.

Я считаю, что Э8 воплощает ценности патриархальной культуры и капитализма: независимость, власть, агрессивность, эгоизм, коммерциализацию. Я наблюдала на семинарах SAT, как людям этих эннеатипов придается особое значение, с чувствами от восхищения до зависти, и к ним относятся очень особенно и предвзято. Я сама пережила это в своем процессе: помню свой девиз «впусти Э8 в свою жизнь» — это была своего рода идеализация патриархальных ценностей, нормализующая насилие (как в сказке о красавице и чудовище).

КЭРОЛ

С детства эти люди усвоили, что эмоциональность опасна, потому что ее могут использовать против них, будь то из-за навязчивой материнской фигуры, нестабильного окружения или опыта, где уязвимость наказывалась. Поэтому они развивают структуру личности, основанную на власти и контроле.

Поскольку эмоциональность подавляется или фильтруется через интенсивность, стресс и тревога обычно проявляются соматически. Вместо того чтобы признавать грусть или страх, Э8 самосохранения испытывает физическое напряжение, мышечную жесткость, проблемы с пищеварением или крайнюю усталость. Гнев и отторжение других становятся преобладающими проявлениями неуправляемой эмоциональности.

Этот подтип разделяет с другими Восьмерками восприятие того, что усталость — это симптом серьезной болезни, и что любой недуг — это угроза их автономии. Потому что болеть — значит быть в руках других. А Э8 самосохранения ненавидит зависеть.

Болезнь несет с собой реальность уязвимого, конечного тела, и это переживается с огромной фрустрацией.

Я не знал худшего пациента, чем я сам. С высоты прошедшего времени я очень сожалею о том, каким невыносимым я был для партнеров, которым приходилось меня терпеть, когда я подхватывал обычный грипп. Врач — это для других. Сам факт похода к врачу — это бюрократическая процедура, на которую я шел, только когда меня кто-то заставлял.

МАНУЭЛЬ

Зависть может переживаться с раздражительностью и дискомфортом и никогда не будет признана публично; сказать, что он завидует, может поставить под угрозу его ощущение автономии и отсутствия нужды в ком-либо. Перед лицом этой эмоции он обычно выбирает один из двух путей: бегство или соперничество.

Когда эмоция угрожает проявиться, первичной реакцией является изоляция или отрицание. Это способ сохранить контроль над внутренним состоянием, которое может привести к потере власти. Однако этот механизм также порождает глубокую оторванность от собственного эмоционального мира, затрудняя доступ к подлинной саморегуляции.

Процесс эмоционального открытия

Переход к более интегрированной эмоциональности подразумевает процесс деконструкции брони. Обычно это начинается, когда Э8 самосохранения осознает, что его предполагаемая бесчувственность на самом деле является защитным механизмом. Начав наблюдать за собой с большей честностью, он может заметить, как его тело регистрирует эмоции раньше, чем их распознает ум: физический дискомфорт, напряжение, чувства отторжения, изоляции...

Ключ в этом процессе — принять уязвимость как часть человеческого опыта и как дверь к более глубокой связи с собой и с другими. Речь идет не о потере власти, а о ее переосмыслении. По мере того как человек начинает позволять себе чувствовать, он обнаруживает, что истинная сила заключается не в броне, а в способности выдерживать свои собственные эмоции, не боясь быть ими разрушенным.

Влияние детства: эмоциональное вторжение и контроль

Детство многих Э8 самосохранения отмечено родительской фигурой, которая вторгается в эмоциональное пространство, не обеспечивая подлинной поддержки. Во многих случаях это выражается в подавляющей, манипулирующей или эмоционально нестабильной матери, которая монополизирует эмоциональный опыт семьи. Или в жестоком, ожесточенном, сухом отце, который не выполняет родительских функций или прямо подавляет. Ощущение такое, будто нет пространства для развития собственной

эмоциональности, так как все занимает материнская, а отец обычно воспринимается как сокрушающий.

В ответ на это вторжение ребенок ожесточается. Он учится тому, что выражать эмоции опасно, потому что их могут использовать против него или потому что им просто нет места в семейной обстановке. Гнев становится защитным барьером, а присвоение власти — защитным механизмом. Внутреннее послание таково: «Ты больше не причинишь мне вреда».

От матери я не получила ни одного поцелуя, ни одной ласки. От отца были только требования и произвольные, несправедливые приказы, без физического насилия, но полные агрессии. И это считалось нормальным. Только благодаря терапии и слушая комментарии друзей, я начала понимать, что мое собственное поведение тоже было агрессивным.

МЕРСЕ

Этот подтип меньше всего позволяет себе явное выражение гнева: в этом обычно нет нужды, так как он может «рубить головы», даже не моргнув глазом. Его месть молчалива, и переживание предательства может оказаться непоправимым. Ненависть иногда является эмоцией, которую трудно выдержать, потому что это «слишком много» эмоций, но в то же время она очень присутствует. Всеобъемлющая ненависть может привести его к тому, что он станет антисоциальным. В терапевтическом процессе он может обнаружить, что эта ненависть, проецируемая вовне, на самом деле является выражением ненависти к себе или отражением бессознательного убеждения, что все его презирают. Самосбывающееся пророчество, которое снова и снова усиливает его изоляцию.

Со временем этот паттерн сохраняется и во взрослой жизни. И когда Э8 самосохранения начинает эмоционально открываться, он обычно чувствует, что теряет власть и контроль. Ощущение хрупкости экстремально и может вызвать сильное отторжение к терапии, партнеру или любой фигуре, представляющей возможность быть опекаемым. Эмоциональная зависимость, даже минимальная, вызывает дискомфорт и сопротивление.

Истинный рост для этого эннеатипа заключается в том, чтобы позволить себе переживать уязвимость, не интерпретируя ее как поражение. Вместо того чтобы изолироваться при появлении боли или грусти, задача состоит в том, чтобы оставаться в настоящем, исследовать эти эмоции и признать, что они не означают потерю контроля, а обретение подлинности.

Терапевтическая работа, самонаблюдение и готовность бросить вызов своим собственным защитным механизмам позволяют Э8 самосохранения восстановить более сбалансированные отношения со своей эмоциональностью. Связь с собственной уязвимостью не только обогащает его внутренний мир, но и улучшает его отношения и позволяет жить с большей глубиной и полнотой.

Интенсивность против эмоциональности

У эннеатипа 8 самосохранения эмоциональность переживается не с глубиной, а заменяется интенсивностью. Это энергия, направленная на удовлетворение и немедленное действие, а не на подлинное исследование внутренних состояний. Вместо аутентичной связи с эмоцией существует срочная необходимость ее разрешить: если появляется грусть, автоматический ответ — «я должен перестать грустить». Эмоция воспринимается как препятствие, которое нужно быстро преодолеть, не задерживаясь на ней слишком долго.

С этой точки зрения, речь идет не о неспособности чувствовать, а о трудности выдерживать эмоции в их чистом виде. Это попытка подняться над ними, попытка не застрять в уязвимости. Внутренний мир Э8 самосохранения обусловлен этой потребностью в немедленном разрешении, что мешает эмоции укорениться и быть обработанной естественным образом.

Процесс эмоционального открытия включает в себя постепенное снятие брони, которая годами защищала сердце.

В моем случае работа в качестве терапевтического сопровождающего помогла мне развить большую эмоциональную готовность. Хотя я все еще в этом процессе, я научилась выдерживать эмоции, не чувствуя себя под угрозой и не пренебрегая ими. Однако эмоциональное развитие остается вызовом: иногда я обнаруживаю, что мой эмоциональный мир недоразвит, как у маленькой девочки, которую никто не научил

понимать и принимать этот сложный мир, как будто я расшифровываю язык, который все еще кажется мне чужим.

КЭРОЛ

Вместо того чтобы работать непосредственно с эмоциями, полезно укреплять присутствие: быть здесь, в моменте, не позволяя себе уноситься эмоциями, но и не отвергая их. Это становится ценным инструментом, так как позволяет сохранять стабильность и поддерживать других людей, не теряясь в их эмоциях. Тем не менее, естественная дистанция остается: понимание эмоциональности не означает, что он будет чувствовать так же, как кто-то с более эмоциональным профилем. Даже если он выучит язык эмоций, способ их обработки у человека этого подтипа всегда будет иным.

Шизоидная структура и самооценка изоляции

В эннеатипе 8 самосохранения есть шизоидный компонент. Согласно типологии Карен Хорни, этот характер склонен к стратегии «ухода»: отдаления от мира как формы защиты. Символический образ — это Чудовище из «Красавицы и Чудовища»: принц, запертый в неприступном замке, окруженный ловушками и угрозами, чтобы держать подальше незваных гостей. Строится крепость изоляции, бронированная башня, куда никто не может легко войти.

Этот паттерн привел меня в начале программы SAT к идентификации с эннеатипом 5, потому что я переживаю это ощущение дистанцирования. Однако было очевидно, что, хотя я и чувствовала себя шизоидной, моя базовая структура не могла быть структурой Пятерки, как и моя телесная структура или мое присутствие.

Фундаментальное различие заключается в том, что, несмотря на изоляцию, мой внутренний мир не минималистичен и не лишен содержания, а богат и динамичен. В отличие от Э5, который склонен сокращать свои стимулы и потребности, моя изоляция — это скорее пространство, полное активности и движения, с множеством интересов и текущих проектов.

Несмотря на склонность к самодостаточности, мне необходимо поддерживать определенный баланс. Если я провожу

слишком много дней без социального контакта, мое настроение ухудшается. Однако в моей изоляции есть большая внутренняя активность. Музыка, искусство и, прежде всего, поиск опыта являются для меня фундаментальными.

Мой мир не статичен и не пуст: он полон исследований и приключений, будь то через творчество или физическое движение. Путешествовать, открывать новые места, переживать опыт, исследовать невозможное... все это питает мое ощущение жизни и не дает изоляции превратиться в блокировку.

КЭРОЛ

В конечном счете, ключ не в том, чтобы полностью избавиться от брони, а в том, чтобы найти баланс, где изоляция — это не тюрьма, а убежище, в которое можно входить и выходить без страха. Научиться выдерживать эмоции, не убегая от них, — это часть процесса интеграции, путь к более глубокой связи с собой и с другими людьми.

Фантазия и творчество

Фантазии эннеатипа 8 самосохранения обычно не романтичны или идеалистичны, а представляют собой сценарии выживания. Часто он представляет себе ситуации нападения, предательства или сопротивления, где ему нужно защищаться, отстаивать свою территорию или навязывать свою волю перед лицом угрозы. Эти фантазии выполняют адаптивную функцию: они укрепляют идею о том, что мир враждебен и что только с помощью контроля и силы можно избежать вреда.

Э8 самосохранения не отличается буйным воображением в плане абстрактной или романтической фантазии. Его ум ориентирован на конкретное, на то, что можно материализовать. Фантазия сама по себе вызывает у него дискомфорт, если у нее нет пути к реализации. Если что-то нельзя осуществить, нет смысла об этом думать. Говорить о проектах или идеях, которые не будут реализованы, — это пустая трата времени и источник фрустрации. Существует выраженная нетерпимость к бессилию, аллергия на ощущение невозможности что-либо сделать.

Когда фантазия существует, она служит действию. Это не бесцельное мечтание, а построение возможных сценариев. В этом смысле ее функция инструментальна: визуализировать то, что можно реализовать, и искать способ сделать это возможным.

Если у Э8 самосохранения и есть преобладающая фантазия, то это фантазия о всемогуществе. Убеждение, что «все, что я могу помыслить, я смогу и сделать», становится опорой его идентичности. Ощущение, что неудача в чем-либо означает экзистенциальный провал, вызывает глубокую тревогу. Бессилие — неприемлемый вариант; если что-то не получается, единственное возможное объяснение — это то, что он недостаточно этого хотел. Этот взгляд, хотя и является мощным двигателем для действий, также может создавать огромное внутреннее давление и крайнюю самотребовательность.

Однако, когда вместо «фантазии» говорят о «творчестве», это понятие становится более естественным и приемлемым.

В моем случае, как арт-терапевта и преподавателя искусства, творчество является центральной силой в моей жизни. В творчестве нет границ; все возможно, и эта идея идеально соответствует моему характеру. Основа творчества — это вера в то, что все можно реализовать, и в этом смысле оно подкрепляет то же всемогущество, которое всегда было частью моей структуры.

КЭРОЛ

В творчестве также есть определенная трансгрессия: потребность ломать границы, выходить за рамки установленного. Странное, причудливое, транперсональное, природа и приключения за пределами нормативных пространств являются источниками интереса и исследования. Все, что выходит за рамки чисто человеческого, кажется захватывающим, в то время как само человеческое склонно вызывать разочарование.

Разочарование в человечестве

За этим предпочтением транперсонального или нечеловеческого скрывается разочарование в человеческом состоянии, а также уже упомянутая изоляция. Для многих Э8 самосохранения человечество — это провал. Общество,

особенно на Западе, воспринимается как дефектная, повторяющаяся и полная противоречий система. Это распространенная мысль для этого подтипа, и ее истоки как в непонимании, перенесенном в детстве, так и в тенденции чувствовать себя выше других. В этом суждении есть нарциссический и эгоистический компонент, который нелегко признать, но который тесно связан с трудностью установления контакта с эмоциональным.

Не имея возможности в полной мере насладиться эмоциональным, мир становится холоднее и отстраненнее. Жизнь теряет интерес и глубину. Однако в определенные моменты маленькие человеческие жесты могут принести неожиданное благополучие.

Э8 самосохранения стремится превзойти человеческое состояние, но не через духовность или эмоциональную интеграцию, а через отрицание. Он ближе к концепции сверхчеловека Ницше: преодоление человеческих ограничений через силу, самодостаточность и власть. В этом процессе нежность и эмоциональность отходят на второй план, рассматриваясь как препятствия, а не как существенные части человеческого опыта. Это желание превзойти человечество, не интегрируя его, граничит с нигилизмом и мизантропией.

Насилие и бесчувственность

Тема насилия и агрессии является центральной для Э8 самосохранения, но не всегда в самой очевидной форме. В отличие от других подтипов, где агрессия может быть более физической или взрывной, у Восьмерки самосохранения насилие часто проявляется в безразличии и бесчувственности к другим. Если другой не воспринимается как полноценный человек, причинить ему вред гораздо проще.

Лично мне никогда не приходилось прибегать к физическому насилию; моего запугивания было достаточно. Но есть и другая форма насилия, более тонкая и менее заметная: тенденция переступить через другого человека, даже не замечая этого. Это не преднамеренная агрессия, а отсутствие восприятия другого человека как кого-то значимого. Этот стиль физического или вербального «наезда» в большинстве случаев возникает не из сознательного намерения причинить вред, а является актом бессознательного подавления, отсутствием регистрации человека, стоящего перед тобой.

Такое поведение — одна из причин, по которой люди склонны от нас отдаляться. Признать и изменить это — непростой процесс, потому что он требует сломать глубоко укоренившиеся паттерны.

Нейроотличность и положение в обществе

Часто эннеатип 8 самосохранения воспринимается как «странный тип», который пугает. И не зря. Его присутствие иногда непроницаемо, герметично, невыразительно. Оно передает скрытое напряжение, как будто он может взорваться в любой момент, хотя почти никогда этого не делает. Его манера бытия в мире не располагает к сближению: она навязывает. Он мало говорит, но когда говорит, то для того, чтобы обозначить территорию или дать понять, что ему никто не нужен.

Он не улыбается без причины, не прикасается, не позволяет к себе прикасаться. Ему неуютно от чужих эмоций, и он презирует свои собственные. Он считает, что проявлять привязанность — это слабость, а зависеть — унижаться. Он действует по негласным договоренностям и ожидает абсолютной верности, которую никто не подписывал. Если ты не соблюдаешь его невидимый кодекс, ты выбываешь. И если ты осмелишься его предать — по его личной шкале непростительного, — он не даст тебе второго шанса. Он вычеркнет тебя без шума, без объяснений.

Этот подтип не вызывает нежности или восхищения: он вызывает дистанцию. Он настолько ожесточается, чтобы не страдать, что в итоге дегуманизируется. Он живет в режиме хронической обороны, путая контроль с безопасностью, холодность с силой, одиночество со свободой. Иногда он кажется сильным, но на самом деле он в ловушке. Он так забронировался, что уже не знает, как выбраться. И когда мир не соответствует его внутреннему сценарию, он его просто презирует.

В моем случае это восприятие усилилось из-за несоответствия нормативным гендерным ролям и из-за того, что я приняла на себя роль власти, которая часто вызывала страх у других. Быть «неприятной» или человеком, который пугает, долгое время было для меня источником власти, стратегией выживания и способом поддерживать безопасную дистанцию. Однако со

временем я начала задаваться вопросом, почему люди мне не доверяют или почему никто не рассказывает мне о своих проблемах.

Ведение терапевтических рабочих групп для меня гораздо естественнее, чем индивидуальная терапия. В группе моя энергия может раскрыться без требования интенсивной эмоциональной близости. То, что меня видят как сильную и отстраненную фигуру, невротически приносило мне пользу, но также ограничивало мою способность вызывать доверие в более интимной сфере. Понимание этого стало частью процесса интеграции, видения не только защитных механизмов, которые меня оберегали, но и их последствий.

КЭРОЛ

Тайна

Возможно, что-то может измениться в отношениях с Тайной, с чем-то большим, чем ты сам.

Эннеатип 8 самосохранения подходит к Тайне с недоверием и вызовом. Он не сдается: он противостоит ей. Он интуитивно чувствует, что есть нечто большее, необъятное, но не сдается перед этим легко. Его импульс — не предаться Абсолюту, а помериться с ним силами. Если Тайна его не сокрушит, тогда он ее уважает. Он ищет ее по-своему: в тишине, в одиночестве, на грани смерти. Не через сладость или преданность, а в том, что сопротивляется, в том, что не сгибается. И только когда Тайна пронзает его без спроса, возможно — только возможно — он позволит себе плакать.

Мои отношения с Тайной, как минимум, любопытны, и, возможно, немного противоречивы.

Я бы разделила Тайну на несколько аспектов. С одной стороны, тайна как то, что находится за пределами восприятия. Эта тема меня всегда завораживала: понять мир за пределами абсурда этой такой ограниченной реальности. Какое-то время я была увлечена квантовой физикой и всем, что нельзя объяснить с помощью маленького ума. В этом аспекте осознание того, что

эта реальность — лишь малая часть целого, расслабляет меня и придает больше смысла жизни.

Я понимаю не-двойственность и много раз ее прозревала. Этот аспект таинственного дает мне спокойствие и создает внутреннее пространство, думаю, отчасти потому, что он выходит за рамки человеческого, что меня больше всего и напрягает. В этом смысле моя работа с музыкой очень сосредоточена на этой невыразимой тайне.

Другой аспект Тайны — это то, что связано с преданностью: вера во всемогущего Бога или богиню. Однажды один терапевт на сессии сказал мне: «Ты не можешь признать Бога, потому что считаешь себя Богом». Возможно, в этом была доля правды. Так и есть: я не верю в высшее божественное существо, перед которым нужно склонять голову, и уж тем более не доверяю себя в его руки. Слишком много уязвимости. Я не верю в веру; это нечто неосязаемое, и это ставит меня в положение слабости, которое мне не нравится.

Однако есть место, где я могу склонить голову и почувствовать что-то от этого аспекта преданности: перед животными и деревьями. Единственная религия, которая меня интересует, — это кельтское мировоззрение, со всеми его фантастическими богинями и богами, и с культом существ природы и деревьев.

КЭРОЛ

Меня не очень интересует вся эта сложная эзотерика, честно говоря, мне это не по душе. То же самое я чувствовала, когда читала Успенского или Гурджиева. Некоторые вещи я понимаю, например, самовоспоминание, но многое другое — не мое. Сложные иерархии, психические феномены, оккультизм... меня никогда по-настоящему не привлекали эти вещи. Думаю, я меньше эзотерик и больше мистик. Я сентиментальна и романтична. Может быть, потому что я художник, музыкант. Я больше животное, больше дух природы.

МЭРИ

6. ДЕТСТВО

Автор: Мануэль Куэста

С самого раннего возраста Э8 самосохранения воспринимает мир как угрожающую среду, населенную людьми, обладающими подавляющей агрессией и злонамеренной обвинительностью по отношению к нему. Это восприятие заставляет его чувствовать себя беззащитным, испуганным, беспомощным и глубоко уязвимым. В ответ он направляет свои ограниченные детские ресурсы на то, чтобы защититься от этой враждебности, как физически, так и психологически. С ранних лет он вооружается броней, которая отрицает его хрупкость, проецируя на других ту силу и гнев, которые не позволяет себе признать в себе. Неспособный опереться на себя, он в итоге идентифицируется с сильным, чтобы не переживать роль жертвы.

Именно такое поведение я сам пережил в детстве, подростковом возрасте и ранней молодости. Заносчивый и высокомерный деспотизм моей матери выдумывал бредовые истории обо мне, моих поступках и намерениях. Она не могла смириться с моим неповиновением и идеологической и духовной автономией. Она стремилась к абсолютной власти, контролю и слепому повиновению. Ее социопатический нрав проявлялся в раздутом, маниакальном и обожествленном самомнении, которое уничтожало любого, кто не подчинялся ее видению, стремясь даже к публичному унижению. Для этого она

прибегала к клевете, создавая традицию, которую переняла вся остальная семья и ее окружение.

МАРК

Во многих случаях этих детей с раннего возраста клеймят как «плохих», «хулиганов» или даже «преступников», ставя им психоповеденческие диагнозы, которые упрощают их реальность с помощью ярлыков вроде «расстройство поведения» или «начинающаяся психопатия». Определение «плохой ребенок» берет начало в семье, увековечивается в социальном окружении, и сам ребенок в итоге действительно идентифицирует себя как плохого, признает себя в этой категории. Этот ярлык оставляет глубокий след беспомощности в ребенке, которого вместо того, чтобы понять, наказывают за его же потребность в любви и самовыражении.

Когда мне было три или четыре года, я уже понимал, что женщина, которая была моей матерью, не была «нормальной», не была как мамы моих одноклассников. Она не проявляла той эмоциональной (любящей?) заботы, которую другие матери сочетали со своей властью или невротами. Ее враждебность и способность причинять мне вред казались не свойственными матери, а кому-то, кто ненавидит тебя, не зная почему.

МАРК

В некотором смысле, Э8 самосохранения — это эмоциональный сирота. Возможно, сиротство подтипа самосохранения — самое выраженное из трех подтипов эннеатипа 8. Его жесткость, его изоляция, его жизнь в стороне от других — это мстительный ответ на это никогда не признанное и не проработанное сиротство. Вместо того чтобы принять свою потерю, он переживает ее через обиду и отторжение.

Я не помню, чтобы мама меня ласкала, утешала или успокаивала, она была абсолютно практичной, и нужно было делать много дел. Лучше было не шуметь и не слишком мешать. Это послание я получала всегда. Она специалист по тому, чтобы нападать на меня, выставляя себя жертвой, и у нее отлично получается делать вид, что она ничего не понимает. Ее

послания всегда были очень двойственными: с одной стороны, она хотела, чтобы я была свободной и независимой, а с другой — жаждала, чтобы я осталась рядом с ней, была как она и заботилась обо всем клане.

НАТАЛИЯ

Рождение и раннее детство

Детство Э8 самосохранения обычно отмечено ранним опытом насилия, небезопасности или отсутствия защиты. Конфликт — это не единичное событие, а почти постоянное состояние, в которое ребенок погружен с самого начала своей жизни. Эта реальность может принимать различные формы: от прямого физического насилия до постоянного напряжения в семейной или социальной среде. Во многих случаях послание, полученное в детстве, — это не «тебя любят», а «ты должен быть сильным», чтобы выжить.

Всегда говорят о ране ребенка, который не получил любви, но мало говорится о ребенке, чью любовь не приняли.

Мои родители, с их нарциссическими, зависимыми, алкоголизированными и насильственными отношениями, не могли принять меня. Они не могли принять мою любовь, мою невинность, мою радость жизни. Все это было похоронено в ядре сердца, которому пришлось построить вокруг себя скалу, чтобы не развалиться.

МАНУЭЛЬ

Детство для этого характера — это не этап игры или естественного развития, а поле битвы, на котором выживание становится неотложным приоритетом. В отличие от других детей, которые могут опереться на свои фигуры привязанности, этот тип вынужден строить внутреннее убежище, обычно телесное. Это также приводит к особому вниманию к избеганию обмана, к стремлению к сути.

Примерно в три или четыре года я поклялся, что меня никогда не подчинят. Ни моя мать, ни кто-либо другой не пробьет стены моей неприступной крепости. Это стало источником

моей жесткости. Я не чувствовал себя сильным, но чувствовал себя стойким, несокрушимым, как гранит.

МАРК

Согласно теории привязанности, ребенку нужна безопасная база, с которой он может исследовать мир. Для Э8 самосохранения эта база обычно представлена не родителями или опекунами, а строится внутри него. В то время как другие дети могут найти убежище у матери или отца, которые их поддержат, Э8 самосохранения находит убежище в себе. Часто родители бывают жестокими, отсутствующими или и то, и другое одновременно. Ощущение самосохранения становится краеугольным камнем его характера: «Если мир опасен и я никому не могу доверять, то я стану своим собственным убежищем».

На курсе по системным расстановкам, делая репрезентацию моей семьи, я встал напротив своего отца, с напряженным и наклоненным вперед телом, вызывающе глядя ему в глаза, а руками защищая братьев и сестер за своей спиной. Моей матери не было. Годы спустя, на семинаре по семейным расстановкам, человек, представлявший мою роль, к моему удивлению, построил точно такой же образ, усилив жесты лица таким интенсивным гневом, что становилось страшно. Расстановщик, желая меня спровоцировать, сказал, что будь он моим отцом, он бы лишил меня наследства. Внутри я чувствовал себя уязвимым и в то же время стойким, но это меня задело. Внешне я проецировал жесткость; так мне сказали.

МЕРСЕ

Я с самого детства научилась почти ничего не рассказывать, замирать, становиться бесчувственной и диссоциироваться.

НАТАЛИЯ

Холодные или жестокие родители

Терапевтический опыт показывает, что антисоциальное поведение этого характера во многом зависит от отношений с родителями, особенно с матерью,

хотя в народе этот характер ассоциируется с бунтом против авторитарного и сильного отца.

В его истории часто фигурирует мать, воспринимаемая как жестокая, навязчивая или холодная, чье отсутствие эмпатии к детским потребностям вызывает у ребенка реакцию эмоционального закрытия, бунта и последующего ожесточения. Когда мать воспринимается как слабая, отец может взять на себя эту кастрирующую или травмирующую функцию. Суть в том, что для этого ребенка любовь ассоциируется с предательством, наказанием или злоупотреблением властью.

Моя мать, в частности, была настолько безжалостной и яростно сокрушительной, что ощущение ее агрессивной потребности растаптывать и наказывать воспринималось как серная буря, которая прерывала любую попытку удовлетворить мои потребности. Ребенок, которым я был, должен был стать «изгоем» своих собственных

потребностей. МАРК

Во многих случаях отец «прощается» по мере взросления юноши — особенно у мужчин, — так как этот характер идентифицируется с мужскими ценностями честности и уважения. Это позволяет ему принять, понять и даже интегрировать функцию отцовской власти. Эта открытость не противоречит общей идее бунтарства, характерной для эннеатипа 8 — Клаудио Наранхо даже определил бунтарство как фиксацию этого эннеатипа. Интеграция фигуры отца как части процесса личностного развития не обязательно означает преодоление этой фиксации. Тем не менее, выборочное исследование могло бы принести сюрпризы в отношении эннеатипа 8 самосохранения в этой области.

В случае немногих женщин Э8 самосохранения из выборки, обычно происходит так, что мать «прощается» или просто презирается как слабая, глупая или некомпетентная. Тогда именно отцовская фигура (сильная, жесткая и малоэмпатичная к девочке) оказывается самой трудной для принятия и преодоления.

Мой отец очень жестокий, очень агрессивный, собственнический, обычно очень тонко и коварно, а иногда явно,

вредно и извращенно, ему нравится давить на больное, чтобы тебя задеть. Он много лжет и использовал меня как щит для своей лжи перед матерью.

НАТАЛИЯ

Фаллический отец

С лакановской точки зрения, Э8 самосохранения не отрицает нехватки: он не выставляет себя идеальным и ему все равно, критикуют ли его или указывают на его недостатки. Он не считает себя непогрешимым. Он с детства привык, что его считают «плохим». Его уверенность не зависит от имиджа. Таким образом, он сам себя возводит в абсолютный закон: присваивая другого, он отменяет авторитет. Он сам — авторитет.

В этом процессе и мать, и отец символически «обезглавливаются»: нет фигуры выше него, потому что он сам становится фаллическим отцом. Власть, в его опыте, — это лишь пустой концепт, потому что он никогда не признавал третьего, кто навязал бы ему реальный закон.

Это порождает особый тип отношений с другими. Э8 самосохранения не признает людей в их целостности, а только в той мере, в какой они ему полезны.

Ярким примером был случай на семейном обеде с моей бывшей партнершей. Стол был длинный, человек на двадцать. Было много еды и праздничная атмосфера. В какой-то момент я попросил соль, и кто-то мне ее передал. До этого момента все было нормально.

Но в тот миг я впервые увидел руку, передающую мне соль, соединенную с предплечьем, а это предплечье принадлежало человеку. Это была тетя моей партнерши, которая смотрела на меня и улыбалась.

До тех пор люди не существовали сами по себе, а только в своих функциях. Если я входил в комнату, я видел только то, что меня интересовало: женщин, которые меня привлекали, или людей, которые могли быть мне полезны. Остальные были

препятствиями, через которые я мог переступить, даже не заметив их существования.

МАНУЭЛЬ

С этой символической позиции фаллического отца, где невозможно признать собственное отсутствие отца, никто не признается как настоящий авторитет. Фигуры власти воспринимаются не как ориентиры, а как самозванцы. Отсюда презрение и постоянный вызов любому типу иерархической структуры, которая не навязана им самим.

Ожесточение как стратегия

Рассказы о детстве этого подтипа часто отмечены крайне неблагоприятными семьями, с высоким уровнем насилия и заброшенности, или с очень болезненными трагедиями, хотя и не всегда. Речь идет не просто о жесткой или малоэмоциональной среде, а о сценах большой боли или жестокости.

Для многих Э8 самосохранения детство наполнено образами, которые любой другой счел бы травмирующими: жестокие избиения, кровь, драки с оружием, похищения... Моменты, которые были нормализованы и которые только при раскрытии в терапии или в групповых тренингах оказались действительно серьезными ситуациями. Насилие настолько интериоризировано, что мягкость обжигает. Она невыносима.

Дети, подвергающиеся частому насилию, могут развивать адаптивные реакции на боль, как физическую, так и эмоциональную. Неврологически это происходит потому, что хронический стресс изменяет реакцию лимбической и вегетативной нервной систем. В частности, постоянное повышение уровня кортизола и постоянная активация миндалины приводят к сверхадаптации к враждебной среде.

Тело Э8 самосохранения формируется в этой среде. Не только с точки зрения психологической защиты, но и на биологическом уровне. Эндорфины, выделяющиеся в состояниях крайнего стресса, обладают обезболивающим эффектом, который может снижать восприятие боли при острых травмах.

Это и есть питательная среда для 8 самосохранения.

Раннее ожесточение — это не выбор. Это способ, которым ребенок адаптируется к чрезвычайно жестокой среде.

С детства у меня была сила. Я это знаю, потому что другие дети просили меня показать бицепс и удивлялись. Мне никогда не нужно было заниматься спортом, чтобы быть сильным. Это было всегда. Но проблема не в силе.

Проблема в том, как эта сила, в сочетании с бесчувственностью и абсолютным недоверием к эмоциональным связям, создала для меня огромную трудность в признании своих границ, в принятии фрустрации и в выдерживании уязвимости.

МАНУЭЛЬ

В детстве Э8, и всех людей, переживших предельные ситуации, появляется жестокая ясность относительно неотъемлемых прав детства. Ты видишь, что что-то не так, что кто-то должен появиться, чтобы защитить ребенка. И когда этого не происходит, ребенок понимает, что что-то глубоко неправильно. Затем, своими ресурсами, в зависимости от своей структуры, среды и культуры, в которой он растет, он прорабатывает эту покинутость как может.

Для Э8 это отсутствие защиты порождает глубокое разочарование в людях, потому что он знает, что он невинен, и знает, что вред может случиться, но непростительно бездействие окружающих, когда ребенку причиняют вред. И это считается как трусость. Это восприятие бездействия как трусости — зародыш его разочарования в человечестве.

Поэтому нежность может проявляться к животным и детям, потому что они ни в чем не виноваты, и потому что Э8 может проецировать на них свою собственную невинность. Но больше ни на кого.

Детство как поле битвы

Детство часто является периодом постоянной конфронтации, как результат прямого насилия, или потому что контекст, в котором он растет, пропитан напряжением и риском. Во многих случаях часты воспоминания о ситуациях физического или эмоционального насилия в детстве.

На упражнении «линия времени» в рамках программы SAT, работая с Хоаном Гарригой, всплыл образ моей матери, беременной мной, которую избивает мой отец. Я заново пережил ощущение удара ногой в ее живот. Еще до рождения мое тело уже регистрировало мир как враждебное место.

МАНУЭЛЬ

Есть случаи, когда насилие является явным: физические издевательства, злоупотребления, родительская халатность, покинутость или модели воспитания, где жесткость является нормой. Но в других случаях насилие более тонкое, проявляющееся в атмосфере дома, в отсутствии эмоциональной защиты или в подверженности опасным ситуациям.

Один пациент Э8 самосохранения рассказывал, как его отец, алкоголик и насильник, постоянно подвергал семью рискованным ситуациям. Одно из его самых ярких воспоминаний — как он сидел в машине со своей сестрой, пока его отец выходил драться с другим водителем. Другой мужчина, дальнобойщик, достал нож. В тот момент пациент был уверен, что его отец умрет. Но что больше всего его поразило, рассказывая эту историю, было не страх, а презрение. Ощущение, что его отец был слаб, что он снова их подставил, что на него нельзя было положиться.

Избиения, которые я получал, всегда были чрезмерными. Избиение — это всегда избиение, но есть уровни. Несколько раз моя жизнь была в реальной опасности. Помню, например, когда мой отец схватил меня за шею и поднял над головой, с налитыми кровью и ненавистью глазами. Я задышался. В тот миг я почувствовал, что умру. Но что больше всего врезалось в мою память, было не только страх, но и разочарование: моя мать делала недостаточно, чтобы меня защитить. Я понял, что не могу доверять ни одному из них. В тот момент, в шесть лет, я дал себе внутреннюю клятву: «Больше никогда они не причинят мне вреда, и они за это заплатят». Даже если на это уйдут годы.

Это был окончательный разрыв с эмоциональными связями. Не то чтобы я перестал нуждаться в любви или связи, но с тех пор

эмоциональное стало синонимом смертельного риска. Любая форма эмоциональной зависимости стала угрозой.

МАНУЭЛЬ

Эта постоянная подверженность неопределенности и опасности порождает характерный паттерн у Э8 самосохранения: потребность брать контроль на себя. С раннего возраста ребенок учится, что зависеть от других — нежизнеспособный вариант, и что единственный способ чувствовать себя в безопасности — это взять ситуацию в свои руки. В таких условиях нежность или уязвимость не являются доступными эмоциями. Проявлять слабость — это риск, потому что другие могут этим воспользоваться.

Кроме того, эти ситуации порождают преждевременное отстранение от эмоционального контакта и презрение к зависимости. Ребенок не может позволить себе доверять, потому что опыт научил его, что быть слабым равносильно уничтожению. Он вынужден выбирать между психической смертью и радикальным ожесточением. Чувствительность не исчезает, но заключается в капсулу в самых глубинах существа, защищенная слоями гнева, гордости и смелости.

Я не помню себя особенно шумным или реактивным, скорее, чрезмерно чувствительным ребенком, склонным обижаться. Я чувствовал, что у меня «нет кожи», что почти все я переживал с невыносимой интенсивностью, особенно боль, стыд и унижение. Но да, я был очень зол на маму.

МАРК

В этом смысле можно понять, что агрессивность Э8 самосохранения не является беспричинной или темпераментной, а представляет собой защитный механизм, чрезвычайно адаптированный к враждебной среде. Речь идет не просто об особенно жестокой личности, а о способе бытия в мире, в котором жизненная энергия была направлена на сопротивление.

Мой отец был алкоголиком, с параноидальным расстройством и чертами пограничного расстройства личности (ПРЛ). Его присутствие дома было не просто агрессивным, оно создавало

атмосферу постоянного ужаса. Несмотря на это, я помню, что восхищался им. Не потому, что он меня защищал или давал мне чувство безопасности, а потому, что в моем детском уме я воспринимал его как сильного. И, напротив, презирал свою мать за то, что она недостаточно защищалась. За то, что кричала и жаловалась вместо того, чтобы разбить ему голову и сбежать. В конце концов, она сбежала. Но к тому времени, когда она это сделала, мой взгляд на жизнь уже был сформирован. В 15 лет я сам разбил голову своему отцу.

МАНУЭЛЬ

Мир как постапокалиптический сценарий

До моей работы с Хоаном Гарригой я участвовал в сессии аутентичного движения с Бетиной Вайсман. В этом упражнении нам предложили представить постапокалиптический мир, опустошенный ядерной войной. Задачей было визуализировать, как мы будем себя чувствовать, проснувшись в этом новом, бесплодном мире. К моему удивлению, мое восприятие совершенно не изменилось: не было никакой разницы между этим вымышленным сценарием и тем, как я уже жил свою жизнь.

Это открытие было шокирующим. Оно заставило меня осознать, что мой повседневный опыт основывался не на возможности процветания или роста, а на постоянной борьбе за выживание. Мой способ бытия в мире был как у воина во враждебной среде, где получение самого необходимого было ежедневной битвой. Недоверие и гипербдительность были не исключительными реакциями, а базовым состоянием моего существования.

МАНУЭЛЬ

Такая жизнь в режиме выживания подразумевает тесную связь с местью, как с чувством, которое рождается в детстве и постоянно пытается компенсировать тогдашний ущерб. В логике Э8 самосохранения, где все воспринимается как вопрос власти и сопротивления, месть — это не вторичная эмоция, а принцип

внутреннего правосудия. Речь идет не о желании причинять боль ради удовольствия, а о восстановлении нарушенного порядка: порядка детства, который был преждевременно отменен теми, кто должен был заботиться о ребенке. «Если ты меня ранил, ты за это заплатишь». Эта ментальная схема еще больше усиливает жесткость характера и затрудняет возможность отпустить прошлое.

Внутренний бункер

Как мы описывали, детство Э8 самосохранения становится процессом постепенного ожесточения перед лицом постоянной угрозы. В среде, где эмоциональная связь искажена или отсутствует, ребенок развивает радикальные механизмы самосохранения. Преждевременный отказ от связи — это сдаться раньше времени — часто является единственной стратегией для эмоционального выживания.

Этот отказ приводит к созданию «внутреннего бункера», герметичной эмоциональной крепости, из которой можно наблюдать за миром и отражать его атаки. Эта броня формируется не для того, чтобы навязывать свою волю, а для защиты чувствительности, которая, если бы проявилась, не смогла бы выдержать жестокость окружения.

Диссоциация — это частая реакция у Э8 самосохранения. Травма взросления без защиты не обрабатывается линейно; она заключается в капсулу, замораживается, отрицается. Для многих пережить эти моменты с полным осознанием невыносимо, и поэтому характер вооружается жесткостью. Речь идет не просто о защитной позиции, а о стратегии сохранения: если я позволю себе почувствовать эту боль, я рискую сломаться.

Жесткость, которую проявляет этот подтип, в значительной степени является видимым выражением необработанной, травматической боли из прошлого. Гнев, гордость, агрессивность, даже презрение — это не что иное, как слои защиты от непризнанного страдания. Поэтому терапевтическая работа с этим характером требует большой деликатности: резкое вскрытие этих слоев может быть воспринято как смертельная агрессия. Знание этого может помочь в более эмпатичном и сострадательном подходе к характеру, который часто воспринимается через призму жестких стереотипов, полон мифов, восхищения и в то же время презрения.

Во многих случаях меня осуждали, указывали на мой эгоизм, мою жесткость, мою холодность или напористость. Не в качестве оправдания, но за этим стоит боль, такая же большая, как проявляемая жесткость и насилие. Боль, которая выходит за рамки. Я настаиваю, многие люди переживали подобные ситуации, и это всегда следует учитывать, но я не знаю биографий Восьмерок, которых бы не клеймили таким образом.

МАНУЭЛЬ

Еще одна постоянная — это ощущение непринадлежности. Семья, вместо того чтобы быть пространством поддержки, предстает как враждебная среда. Ребенок чувствует себя изгнанником в собственном доме, символически изгнанным из любви и права на защиту.

Моя собственная мать была моим врагом. Пропитанная огромной яростью и разрушительным желанием по отношению к миру, она покончила со всеми, даже с моим отцом, этим бедным отсутствующим человеком.

МАРК

Эта атмосфера раннего отвержения порождает паттерн радикального отчуждения. Ребенок отходит от правил группы не из-за беспричинного бунтарства, а потому что святость уз уже была предана. С тех пор он доверяет только своему собственному кодексу, внутреннему закону, основанному на уважении и верности, а не на послушании.

Для меня было важно вернуться к верности той клятве, которую дал тот ребенок. Больше не молчать перед «добренькими», перед нечестной игрой. Снова чтить правду невинности, того, чем я был, без вины.

МАРК

Этот внутренний кодекс может показаться строгим или даже мафиозным, но в его основе лежит стремление к порядку, безопасности, элементарной взаимности, которой не было в детстве.

Исходя из этой логики, агрессивность или даже месть переживаются не как разрушительные импульсы, а как принципы эмоциональной справедливости. Э8 самосохранения, таким образом, стремится восстановить равновесие, нарушенное в его детстве, и делает это с личной точки зрения, не допускающей разногласий или двусмысленности.

Конфликты с властью

Но детство Э8 самосохранения отмечено не только конфликтом с родителями, но и сложными отношениями с властью в целом. С самого раннего возраста этот ребенок воспринимает, что навязанные правила не защищают, а угнетают, и что те, кто их воплощает, — это не фигуры заботы, а угрозы. Это порождает радикальное неприятие любой формы власти, кроме своей собственной.

В 18 лет я пошел получать водительские права. Я завалил теорию, но для меня это не имело никакого значения. Я уже водил без прав. Закон никогда не был для меня реальным. Если нет третьего, кто навязывает норму с уважением, то остается только фарс.

МАНУЭЛЬ

В отсутствие действенных внешних фигур Э8 самосохранения строит свою собственную систему внутренних законов. Речь идет не просто о бунтарстве, а о потребности в легитимности: можно подчиняться только тому, что воспринимается как подлинное. Это требование последовательности настолько радикально, что даже во взрослом возрасте многие иерархические фигуры воспринимаются с презрением.

С самого начала дом, улица, школа... все было моим. Я никогда не чувствовал, что где-то нахожусь на птичьих правах. Я ходил по коридорам школы с убеждением, что они принадлежат мне, даже если директор об этом не знал.

МАНУЭЛЬ

Это чувство присвоения пространства возникает не из высокомерия, а из необходимости создать собственную территорию во враждебном мире. Когда в детстве не было безопасного места, ты сам становишься своей территорией.

Таким образом, во многих случаях первое ощущение безопасности приходит не извне, а из внутреннего убежища: собственного тела. Его адаптивная стратегия основана на ранней саморегуляции: он сам решает, что безопасно, а что нет, не доверяя никакой внешней власти. И когда среда небезопасна, единственная альтернатива — это развить соматический якорь в себе, ощущение самосохранения, которое выражается в структуре характера, основанной на самодостаточности и недоверии к другим.

Преобладает моторика: детская травма бывает настолько сильной, что развивается особое восприятие пространства, чисто из соображений выживания. Это не рациональный вывод, а соматический опыт: «Никто меня не защитит, я должен защищаться сам».

Моя бесчувственность помогла мне выжить... но она также стала большим препятствием для того, чтобы чувствовать жизнь. Я обнаружил особую чувствительность, которую мне пришлось скрывать в детстве, глубокую эмпатию, восхищение красотой мира...

МАРК

На телесном уровне Э8 самосохранения проявляет сильную инстинктивную ориентацию. Тело — это не только убежище, но и инструмент познания. Этот тип развивает интуицию, которая воспринимает окружающую среду желудком, нутром, инстинктами.

Мне нужно очень четко понимать, что подлинно, и отделять это от обмана. Я чувствую это нутром. Мое знание не рационально, оно интуитивно, соматично. Речь идет о выживании.

МАНУЭЛЬ

Это телесное считывание мира сопровождается тенденцией к ожесточению. Боль, как физическая, так и эмоциональная, фильтруется или отрицается. Тело адаптируется к травме, превращаясь в прочную броню, и душа делает то же самое: оцепенение становится необходимостью.

После занятия любовью моя партнерша нежно погладила меня по груди. Когда я опомнился, я уже сбросил ее с кровати одним ударом. Мое тело среагировало раньше, чем мой разум.

МАНУЭЛЬ

Отстраненность и контроль

Эта отстраненность отражает центральный парадокс Э8 самосохранения: чем он чувствительнее в глубине души, тем больше ему нужно ожесточаться на поверхности. Чем больше он жаждет нежности, тем больше он от нее защищается. Это парадоксальная, инвертированная структура: то, чего больше всего желаешь, больше всего и боишься.

Этот панцирь не только защитный; он также формирует особый способ взаимоотношений. Э8 самосохранения устанавливает связи не на основе спонтанного доверия, а на основе присвоения. Его способ обеспечить себе привязанность — это владеть, контролировать, делать другого своим. Это стратегия эмоциональной безопасности.

Моя семья не была моей биологической семьей. Моей семьей были «моя жена и мои будущие дети». Хотя мне было 9 или 12 лет, я уже это четко знал. Все, что я делал — работа, деньги, партнерша, — было для этого. Это была моя миссия: построить семью, где я смогу любить.

МАНУЭЛЬ

В конечном счете, ищется не столько власть, сколько убежище. Но это убежище должно быть абсолютным, без трещин, щелей или возможности предательства.

Поэтому самая безопасная связь — это та, что защищена контролем. Э8 самосохранения не отдается легко: ему нужно убедиться, что другой не станет угрозой. Это проявляется и в сексуальности, где может быть раскол между удовольствием и любовью, между желанием и нежностью.

В сериале «Клан Сопрано» есть диалог, где Тони спрашивают, почему у него есть любовница, если его жена — прекрасная женщина. Он отвечает:

— Потому что с ней я делаю другие

вещи. На что другой спрашивает:

— Твоя жена тебе не отсасывает?

— Ты шутишь? Тем же ртом, которым она целует моих детей?

Эта фраза идеально меня описывает. Есть что-то священное в месте матери, семьи. Оно не может быть осквернено.

МАНУЭЛЬ

Этот священный характер своего и своей территории контрастирует с общим видением мира, воспринимаемого как поле битвы, как дистопия без порядка.

Может показаться наивным, но я нахожу невинность в крайней верности мафиозного кодекса чести. Как будто мы верим, что с четкими правилами и кодексом поведения можно быть в безопасности в хаотичном мире. Это отражает стремление к семье, в которой можно отдохнуть, к семье, которой никогда не было в детстве. Это как ребенок, строящий форт из одеял и стульев, чувствуя, что там он будет в безопасности. Только моим фортом была вся школа. Двор, классы, учителя, одноклассники: все принадлежало мне.

МАНУЭЛЬ

В этой наивности есть и надежда: возможность создать мир, где, наконец, можно будет доверять. Его самый большой вызов в жизни — это не внешняя борьба, а научиться признавать, что его сила не в завоевании мира, а в способности открыться для настоящей связи с ним, как, возможно, это было в самом раннем детстве.

Ущерб привязанностям и построение безопасных связей

Привязанности у эннеатипа 8 самосохранения оказываются глубоко поврежденными. Способ, которым этот характер устанавливает безопасные отношения, основан не на доверии к другому, а на присвоении связи. Для Э8

самосохранения семья — это не просто эмоциональные узы, а продолжение его самого.

Эта семья может принимать различные формы: биологическая семья, партнер и дети, а также животные, природа и определенные незыблемые ценности. Это не просто внешние связи, а внутренние элементы идентичности Э8 самосохранения. Причинить вред его семье — значит причинить вред ему напрямую. Точно так же, когда кто-то посягает на его ценности, он воспринимает это как личное нападение.

Однако, вдали от стереотипов массовой культуры, таких как мафиозность, настоящим ключом к этому поведению является не насилие само по себе, а потребность в верности и структуре. Э8 самосохранения ищет контроля не только ради доминирования, а потому что, по его опыту, отсутствие контроля равносильно опасности.

Проблема в том, что этот же механизм, который позволяет создавать глубокие узы, может также стать барьером для настоящего доверия. Потому что Э8 самосохранения не доверяет, он владеет. И это происходит не только в личных отношениях, но и во всех сферах его жизни.

Другим ключевым аспектом детства Э8 самосохранения является трудность в поддержании связей без конфликтов. Любовь и привязанность окрашены подозрением, страхом предательства, телесной памятью, которая ассоциирует близость с болью. Поэтому этот ребенок с самого раннего возраста часто проявляет смесь восхищения и отторжения по отношению к значимым фигурам. Он ищет привязанности, но отстраняется, когда получает ее, как будто что-то внутри него предупреждает, что он дорого за это заплатит.

Моя мать воплощала поистине жестокую фигуру, настоящую преступницу в терминах Фрица Перлза. Казалось, она получала удовольствие, отрицая и унижая саму природу ребенка, которым я был. Я много страдал в своей жизни из-за этой динамики, особенно в отношениях с женщинами, путая желание и собственничество с потребностью в любви.

МАРК

В этом паттерне нежность ассоциируется с зависимостью, а зависимость — с унижением. Тогда ребенок выбирает форму любви, которая не подразумевает полной отдачи. Так возникает парадокс: он желает любить и быть любимым, но не готов подвергать себя боли, которую это влечет за собой.

Я отказался от хороших отношений с другими, от доброты, от простого факта делиться с другими... И, отказываясь от доброты, я также отказал себе в том, чтобы быть кем-то, достойным любви.

МАРК

Такой отказ — это не сознательный акт, а стратегия выживания. То, что нельзя получить без боли, избегается. Логика жестока, но эффективна: лучше не любить, чем быть раненым. С годами этот механизм превращается в стиль отношений: контролируемые отношения, привязанности под стражей, связи, за которыми наблюдают издалека.

Моя жесткость не была беспричинной. Это была броня для защиты крайней чувствительности. Но эта чувствительность также включает в себя сильную нарциссическую уязвимость. Я легко чувствовал себя униженным критикой, и если у меня не хватало смелости ответить, внутренний взрыв был разрушительным.

МАРК

Когда эта агрессия не может быть выражена вовне, она обращается внутрь, и то, что возникает, — это смесь обиды, скрытой враждебности и экзистенциальной горечи. Э8 самосохранения, не проработавший свой детский эмоциональный мир, обычно становится ожесточенным взрослым, с горьким взглядом на мир, запертым во внутренней тюрьме, которую он сам построил для своей защиты.

Но не все сводится к закрытости. В глубине души есть и стремление к исцелению, к восстановлению изначальной невинности, к тому, чтобы снова доверять. Эта возможность появляется, когда характер может примириться с

собственной историей и начать смотреть на другого не как на угрозу, а как на возможность встречи.

К счастью, этот этап остался позади. Когда я наконец смог дать себе то мужество и достоинство, в которых мне отказала моя мать, я начал исцеляться. Сегодня у меня есть жена, чье сердце бьется в унисон с моим, и три дочери, которые — самое ценное, что я оставляю в этом

мире. МАРК

Битва за достоинство

Путь к этой трансформации лежит не через подчинение или искусственное смягчение, а через признание собственной правды. Э8 самосохранения нельзя заставить доверять: ему нужно восстановить уважение к себе, перестать скрывать свой законный гнев, почтить свою историю и свою раненую чувствительность.

Я обнаружил, что для меня полезно давать, делиться с другими, признавать общую человечность, которая нас объединяет. Эгоизм превратился в возможность для исцеления.

МАРК

Это изменение, однако, не означает ослабления, а возвращение к подлинной силе. Не к защитной силе характера, а к невинной жизненной силе ребенка, который однажды, по необходимости, должен был ожесточиться, чтобы не умереть.

Мои дочери теперь представляют то, что действительно важно. Я больше не самое важное; мои неврозы больше не имеют никакого значения.

МАРК

Это возвращение к сути не устраняет характер, но оттачивает его. Э8 самосохранения останется интенсивным, инстинктивным, защищающим. Но ему больше не нужно будет все время жить в обороне. Он сможет различать

врагов из прошлого и союзников из настоящего. Он сможет опустить защиту, если обстановка позволит. Он сможет, наконец, отдохнуть.

Детство Э8 самосохранения можно, в конечном счете, понять как битву за достоинство. Его невинность — это не незрелость, а верность тому, чем был ребенок до того, как мир его предал.

Э8 самосохранения хранит внутри себя живую память о том, какой должна была быть любовь, и необходимо, чтобы эта память снова стала его проводником. Именно эта верность объясняет его недоверие, его агрессивность, его упрямство. Он не отказался от своей правды, но похоронил свое детское сердце.

Когда ты позволяешь своей естественной, спонтанной и инстинктивной реактивности свободно течь, обида исчезает... Глаза становятся более круглыми, открытыми, а взгляд — менее острым.

МАРК

Выжить в собственном детстве

В итоге, мы имеем ребенка, который не становится сильным. Он строит себя сильным, чтобы выжить. Его жесткость — это не высокомерие, а единственно возможная структура в мире, где мягкость воспринимается как угроза. Его бесчувственность — это не выбор, а механизм адаптации к травме.

Но под этой броней, под силой, под самодостаточностью... есть ребенок, который научился не чувствовать. Ребенок, которому пришлось присвоить мир, чтобы не потеряться в нем. Ребенок, который, сам того не зная, все еще ищет убежище, где можно отдохнуть.

Эннеатип 8 самосохранения — это выживший в собственном детстве. Он не ждал, пока мир его защитит, потому что с самого начала понял, что этого не произойдет. Поэтому он стал своим собственным убежищем и своим собственным законом.

Ключом к его выживанию было предвосхищение. Он не ждет, пока придет угроза; он действует до того, как это случится. Его структура личности основана на предотвращении опасности и создании среды, где он имеет абсолютный

контроль. С детства он присваивает окружающую среду, чтобы изменять ее в соответствии со своими потребностями и контролировать, согласно трем принципам: абсолютная автономия (не зависеть ни от кого, чтобы избежать уязвимости), контроль над территорией (присваивать окружающую среду для минимизации непредвиденных обстоятельств) и отрицание боли и нехватки (если нет нехватки, нет и страдания).

Поэтому Э8 самосохранения не просто выживает: он навязывает свою волю своей истории. Он не бежит от прошлого и не сокрушается о пережитом; вместо этого он строит настоящее, в котором нет возможности снова стать жертвой.

7. ПЕРСОНА И ТЕНЬ: ДЕСТРУКТИВНОЕ ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ ДРУГИХ

Автор: Мануэль Куэста

Прежде всего, давайте вспомним, что Юнг дает четкие определения для персоны и тени. Архетип персоны — это социальная маска, та часть личности, с которой мы предстаем перед миром, роли, которые мы принимаем в различных социальных контекстах. Какова же Персона Э8 самосохранения, для которого изображать социальную роль — это почти что предательство самого себя?

Первое, что нужно сделать, — это реабилитировать роль маски. Юнгианский взгляд не рассматривал маску как нечто, что можно снять по собственному желанию (или простым актом осознания), а как неотъемлемую часть существования человека, естественный результат его адаптации к среде. Маска — это тоже часть того, кто мы есть.

Маска закаленного характера

У эннеатипа 8 самосохранения маска — в юнгианском смысле — предстает с почти мифической прочностью. Это функциональная броня, выстроенная с самых ранних лет как защита от среды, воспринимаемой как враждебная, предательская, непредсказуемая. Человек предстает жестким, цельным, без трещин. Это тот, кто не сомневается, не колеблется, не жалуется. Фигура, которая со стороны кажется высеченной из камня: непогрешимой, самодостаточной, невозмутимой.

Эта маска — не выбор, а жизненная необходимость. Она возникает из раннего восприятия мира как места, где проявление слабости равносильно смертному приговору. Исходя из этой внутренней логики, эмоции — это роскошь, которая может дорого обойтись. Поэтому эннеатип 8 самосохранения учится не показывать ни страха, ни грусти, ни даже энтузиазма. Эмоциональная сдержанность — это не просто форма контроля, а механизм защиты, глубоко укоренившийся в телесности. Эмоциональная броня — это также мышечная, жестовая, энергетическая броня. В ней нет места для мягкости.

Образ, который проецируется на мир, — это образ того, кому ничего не нужно, кто не просит, кто не сгибается. Субъект, который берет то, что желает, не спрашивая разрешения, переступая через любые препятствия или людей. Маска — это также послание: «Не подходи, если не знаешь, зачем идешь». Такое представление внушает уважение, восхищение или страх, но редко — нежность или близость. И это так и задумано.

В этой маске есть и своя неявная эстетика: сдержанность, функциональность, аскетизм. Нет ненужных украшений. Манера одеваться, двигаться, говорить обычно прямая и без излишеств. Все передает силу, сдержанность и прагматизм. Проявлять вкус к красоте, к деталям, к хрупкому было бы рискованно. Это бы показало, что есть что-то, чего можно коснуться.

Маска Э8 самосохранения надета не из тщеславия. Она приварена по необходимости. Это точная адаптация ребенка, который не мог позволить себе быть ребенком. Но, как и любая маска, если носить ее слишком долго, она в конечном итоге смешивает носителя с тем, что скрывает. И тогда опасность не в том, что другие не увидят, кто за ней, а в том, что сам ее носитель забыл, кто он такой.

Адаптация к среде насилия, столь обычной в происхождении этого характера, происходит за счет ресурсов, которые есть у Э8 самосохранения, то есть его силы, решительности, асертивности...

Поскольку с детства у меня была сильная мускулатура и двигательная база, предрасполагавшая к действию, моим способом адаптации к этому насилию стали бесчувственность, жесткость, контроль над средой через ее присвоение и, наконец, эмоциональное дистанцирование, так как я эмоционально

отстранился от всего, что не служило моей выгоде. С детства у меня было очень ясное ощущение, которое можно было бы отнести ко многим людям этого характера: я хочу все, потому что я могу все.

МАНУЭЛЬ

Этот характер обладает физическим ощущением неуязвимости, силой и прочностью, которые воспринимаются как неотъемлемая часть себя. Это даже не зависит от физической формы, это просто есть. И это основано на той двигательной биологии, свойственной этому эннеатипу. Исходя из этого, в отличие от реляционных (или эмоциональных) характеров, которые стремятся адаптироваться к среде, или ментальных, которые стремятся ее понять, двигательные типы присваивают себе среду и перестраивают ее в соответствии со своими потребностями. В случае Э8 самосохранения особенно ясно, что это присвоение мира (например, возделывание огорода) не было бы само по себе чем-то плохим без дополнительного компонента мести и доминирования, который превращает мир в объект.

Это самовосприятие, мегаломаниакальное, титаническое, скорее колосса, чем человека, — это часть того, что люди обычно проецируют на этот характер. И это также моя персона, моя маска, с которой кто-то вроде меня может настолько идентифицироваться, что практически не видит даже ее функции как адаптивной роли.

На одной из сессий мой терапевт предложил мне закрыть глаза и позволить всплыть сцене, которая символизировала бы причину моей усталости, которую после многих лет терапии я начал чувствовать. Образом было то, как я держу в руках провинцию Таррагона. Я не осознавал ни этого собственности, ни рабства, которое оно подразумевает.

МАНУЭЛЬ

В то время как сексуальный Э8 проецирует это собственничество на партнера, а социальный Э8 — на свою сеть друзей или социальный/политический проект, в случае Э8 самосохранения оно проявляется на территории. Контролировать ее — это способ контролировать будущее, минимизировать риск смерти и в то же

время гарантировать себе все необходимое для изобильной жизни. Но это изобилие не должно демонстрироваться, потому что это означало бы проявление некоторой нужды, а следовательно, хрупкости.

Это особенно компульсивный характер. «Я чувствую, что все, чего я желаю, — мое, и в любом случае другой еще просто этого не понял». «То, чего я хочу, — мое». Потому что желание связано с риском смерти. Настолько, что для выживания это желание возникает, обеспечивая себе всю территорию. Территория и все, что на ней находится, воспринимаются как продолжение собственного тела.

Помню, как друзья попросили меня проверить ход работ в их доме, пока они были в отъезде. Войдя, я автоматически почувствовал, что дом — мой. Мне не нужно было представляться, рабочие отвечали на мои вопросы так, будто я был хозяином, хотя они никогда раньше меня не видели. И дело в том, что, хотя это компульсивно и не имеет сознательного намерения, образ, который я проецирую, — это образ доминирования, контроля, уверенности и непроницаемости.

МАНУЭЛЬ

В частности, Э8 самосохранения меньше заинтересован в том, чтобы казаться «хорошим», как социальный Э8, и меньше нуждается в том, чтобы его видели, чем сексуальный Э8, который обычно без комплексов показывает себя миру. Однако он прилагает усилия, чтобы предстать как полностью автономный. Нуждаться в другом было бы признаком слабости, чем-то непростительным и презренным. Он показывает себя как человек без трещин. Тот, кто не нуждается и не просит, а берет то, что желает, и никто не может этому помешать.

Он не ищет симпатии, а ищет уважения, контроля и подчинения. И в этом, в некотором смысле, он обычно совершенно нечестен. Потому что обман, игра в наперстки или изменение правил игры не воспринимаются как ложь или мошенничество, а как нечто необходимое и допустимое, что применяется к тому, что он считает своей собственностью. Поэтому нет ощущения, что он обманщик.

Уверенность, которую излучает Э8 в целом, проистекает из веры в свою собственную, подлинную внутреннюю силу, для которой ему не нужно прилагать усилий: она просто есть. И этот образ со стороны вызывает столько же восхищения, сколько и страха.

Репрессивная маска

Э8 самосохранения, в частности, не слишком заботится о том, какой образ он проецирует. Это самый «пятерочный» (близкий к Э5) из трех подтипов Э8, и его образ основан не столько на том, чтобы что-то показывать, сколько на том, чтобы не показывать. Он основан на том, чтобы не показывать радости и того, что можно было бы счесть слабостью, чем бы это ни было. Это включает в себя не показывать ни страха, ни грусти, ни даже гнева, ничего. Это эмоциональное подавление — не результат сознательного решения, а результат инстинктивной, двигательной программы, которая защищает его уязвимость. В итоге мы имеем дикое животное, которое охотится скрытно и любит сливаться со средой, чтобы не быть замеченным.

Для этого характера выглядеть ярко, весело или броско — будь то в одежде, украшениях, на машине или в доме — это риск. В отличие от сексуального Э8, который без колебаний украсит себя золотыми цепями на шее, для Э8 самосохранения это демонстрация незнания того, как устроен мир.

В фильме «Американский гангстер» Ридли Скотта главный герой создал наркоимперию без лишнего шума, не привлекая внимания. В одной сцене его жена дарит ему очень броскую серебристо-серую норковую шубу, чтобы пойти на шумевший боксерский поединок. Он неохотно соглашается. Полиция ведет расследование, но не знает, кто босс, и у них нет данных. Когда они фотографируют зрителей этого вечера, они видят этого человека в норковой шубе, сидящего в первых рядах, и задаются вопросом, кто он, что он здесь делает, как у него оказались такие привилегированные места и почему люди выказывают ему уважение. Его фотографируют, и с этого момента начинается его преследование. Когда он это осознает, придя домой, он снимает шубу и бросает ее в камин, обвиняя жену в том, что она его подставила.

Способ представления себя миру тесно связан с выживанием. Ношение украшений и ярких цветов делает тебя более заметным, а это ведет к большей уязвимости. Э8 самосохранения не раскрывает свои карты легко. Норковая шуба его выдала. Его увидели, потому что он выделялся. Выделяться было смертельно опасно.

Однажды меня спросили, почему я всегда хожу в черном. Я всегда одевался в сдержанные цвета, клетчатые рубашки, джинсы, и почти ничего больше. Мой ответ был: «Я что, на клоуна похож?». Эта сдержанность подразумевает, с одной стороны, защиту, а с другой — серьезность. Это способ сказать тебе, что тебе придется воспринимать меня всерьез. Что я не занимаюсь ерундой.

МАНУЭЛЬ

Эти вопросы обычно полностью отрицаются или являются бессознательными. Нет никакого осознания при подготовке одежды или любого другого эстетического вопроса. На самом деле, если кто-то на это указывает, можно почувствовать стыд и отреагировать с презрением. Другой, напомним, нас нисколько не волнует, но если кто-то подумает, что имидж для нас важен, это будет воспринято как слабость. Это было бы проявлением трещины.

Я носил штаны, скрепленные степлером, рубашки, залатанные двусторонним скотчем. Меня нисколько не волновала моя одежда, и я презирал тех, кто обращал на это внимание. Но что не подвергалось сомнению, так это удобство, удовлетворение, комфорт. Ни в одном из этих бессознательных решений о выборе одежды не было никакой давящей резинки, никакого ремня, ничего неудобного. Лично у меня нет татуировок, потому что я не чувствовал, что хочу, чтобы какая-то из них сопровождала меня всю жизнь.

МАНУЭЛЬ

Антисоциальный и антилицемерный

Что касается общества, Э8 самосохранения воспринимает людей как лицемеров и трусов. И, честно говоря, возможно, эта оценка не так уж и ошибочна.

Проблема здесь в том, чтобы принимать часть за целое, плюс дополнительное значение. Очевидно, что мы живем в лицемерном обществе: люди предпочитают всаживать нож в спину и улыбаться в лицо, вместо того чтобы честно решать конфликты, — думает этот характер. Очевидно, что это результат эгоистичной трусости, продукт культуры, которая все больше индивидуализирует и разделяет людей; вот и оправдание для его нигилизма.

Важно подчеркнуть, что такого рода суждение исходит не из моральной абстракции, а из телесного опыта предательства. Это не столько идеология, сколько память, запечатленная в плоти.

Очевидно, что происходит не только это; не все так поступают, и не все, кто так поступает, действуют из злобы или глупости. Понимание того, что эти процессы так же законны, как и его постоянная конфронтация, его чрезмерная автономия, его интенсивность и т.д., — это необходимый процесс, который помогает этому характеру вернуть себе мир, не присваивая его, и, следовательно, вернуть чувство принадлежности.

Потому что этот критический взгляд, эта способность очень ясно видеть скрытые пружины за маской другого — что так помогает, например, тем из нас, кто является терапевтом, — появляется именно потому, что человек хочет любой ценой избежать манипуляций. То есть эта социальная и культурная игра в принадлежность, в которой Э8 самосохранения чувствует себя изгоем, его не захватывает: он не попадается на игры в угождение. Эти клише, как сказал бы Перлз, ему не нужны. Э8 самосохранения их не понимает и презирает.

С другой стороны, этот контакт с инстинктивным, в сочетании с опытом ситуаций на грани жизни и смерти, обостряет внимание к самым сущностным процессам, позволяя легче распознавать изыски, маску, за которой скрывается другой или общество.

Эта способность видеть сквозь формы не дается даром: это обратная сторона глубокой трудности в доверии. Цена за то, чтобы не быть обманутым, — одиночество.

Проблема, вызов для Э8 самосохранения будет заключаться в том, чтобы понять, что эта маска необходима. И это придет через развитие сострадания, которое рождается естественным образом из осознания того, что вначале он не сделал ничего плохого. Что отвержение, которое он пережил, избиения,

насилие, которому он подвергся, не были его виной. Это станет возможным только в том случае, если он будет готов открыться огромной боли, которую влечет за собой этот контакт, боли, от которой он защищался яростно и беспощадно.

Физическая и эмоциональная боль, которую я пережил в детстве, была настолько интенсивной, что во многих случаях я терял сознание. Эти обмороки случались, когда по какой-то причине я был более проницаем и открыт.

МАНУЭЛЬ

Какова Тень для Э8 самосохранения?

Юнг определяет тень как все то, что человек стремится скрыть, все содержимое психики, воспринимаемое как неприемлемое и не переживаемое на сознательном уровне. Также как то, что человек скрывает, намеренно или нет. Если маска этого характера жестка, то его Тень — глубоко чувствительна. Скрывается не насилие, как можно было бы подумать со стороны, а хрупкость. Тень состоит из всех тех переживаний, эмоций и желаний, которые он научился считать неприемлемыми: нежность, невинность, потребность быть любимым, глубокая грусть, страх покинутости...

Тень Э8 самосохранения — это место, где заперта травма. Речь идет не только о болезненных воспоминаниях, но и о том влиянии, которое они оставили: отсоединение от эмоционального тела, ожесточение как способ выживания. Этот характер усвоил, что чувствовать может быть невыносимо, и во многих случаях так и было. Поэтому, вместо того чтобы проработать эту боль, он заключил ее в капсулу. Оставил позади, как тот, кто хоронит что-то слишком священное или слишком опасное, чтобы смотреть на это в упор.

Также доброта является частью Тени. Э8 самосохранения старается не казаться добрым. Не потому, что он плохой человек, а потому, что он научился ассоциировать доброту с наивностью, с подверженностью вреду, со слабостью. Быть добрым воспринимается как привилегия, доступная детям, старикам или животным. Но не тем, кто должен бороться за жизнь. Поэтому, когда кто-то ведет себя общепринято по-доброму, Э8 самосохранения может отреагировать с презрением или подозрением: ему это кажется фальшивым или просто опасным.

Доброта, таким образом, становится частью Тени Э8 самосохранения, так же как и его невинность. Тень также содержит спонтанные таланты, природные дары. Также радость находится в Тени, как и большинство его талантов. Потому что проявлять талант — это форма доброты. Можно быть хорошим в том, что делаешь, но с позиции завоевания, силы, вызова... но не с позиции естественности таланта (хотя он, конечно, подразумевает много часов работы).

За бортом остается любая форма благодати. То, что не было заработано тяжелым трудом, что не получено через усилие, не терпится.

Гнев на жизнь

В этом характере его неверие, его недоверие и его скептицизм указывают на скрытый гнев на жизнь. Каков этот гнев?

Это не столько активный гнев (что подразумевало бы возможность перемен), сколько уверенность: «Все — лицемеры и трусы», поэтому нет нужды прилагать усилия для каких-либо изменений. А если бы они и произошли, то недолго. Это холодное смирение, «истина», которую он усваивает с самого раннего возраста.

Поиск благополучия, удовлетворения, получения всего, чего я хочу, когда я этого хочу, является противоположным отражением внутренней и отрицаемой доброты. В этой доброте все хорошо, и есть глубокая благодарность за сам факт жизни, потому что она включает в себя и любовь, и боль. Эта чувствительность настолько отрицается, что Э8 самосохранения верит, что если он откроется ей, то умрет. Следовательно, способ проживать ее через маску — прямо противоположный: беря, а не отдавая.

Брать, в этом смысле, — это также способ защитить себя. Если я беру, у меня не могут отнять. Если я желаю и завоевываю, я не подвергаю себя риску отказа.

Э8 самосохранения неутомим в своей преданности семье и тем, кого он считает своей семьей, но эта преданность сопровождается такой же требовательностью к другим, как и к себе. Он контролирует людей, доминирует, присваивает другого, чтобы минимизировать риск потери и боли. Вместо того чтобы проявлять любовь, он подавляет другого, маскируя глубокий страх быть раненым и ощущение хрупкости, которое появляется только в определенные моменты, например, во время болезни.

У этого характера есть существенная трудность в проявлении любви. Эгоизм преобладает над чувствами, потому что любить — значит доверять, а Э8 самосохранения не может позволить себе доверять никому.

Акцент на материальном удовлетворении, отрицание эмоциональности, страх перед нежностью, деликатностью — вот самые заметные черты персоны Э8 самосохранения. Нигилизм, мизантропия, отсутствие веры в человечество — другие, возможно, не столь заметные характеристики. Э8 самосохранения не просто не верит в человечество, он считает его трусливым. Его мизантропия не идеологическая и не интеллектуальная, а эмоциональная: его эмоциональное неверие глубоко связано с травматическим опытом. Речь идет не о рациональной позиции или философской конструкции, а о повторяющемся опыте покинутости и безразличия.

Гнев как месть: деструктивное для себя и для других

Для Э8 самосохранения отсутствие защиты, которое он пережил в детстве, порождает глубокое отчуждение от людей, потому что он считает непростительным то, что окружение его не защитило. И он считывает это как трусость. Это восприятие бездействия как трусости — зародыш его отчуждения от человечества и его гнева.

Поэтому нежность может проявляться к животным и детям, потому что они ни в чем не виноваты, и потому что Э8 может проецировать на них свою собственную невинность. Но больше ни к кому.

Для Э8 самосохранения присвоение семьи и территории — это часть его мести, но также и сарказм и презрение к любой инициативе, направленной на изменение мира.

Способ заставить заплатить родную семью, отомстить ей, проявляется по-разному, но всегда с позиции силы.

В 16 лет я уже садился во главе семейного стола. Этот акт был символическим: присвоение себе места моих родителей. Остальное меня не волновало.

МАНУЭЛЬ

Меня арестовали за кражу в 18 лет и приговорили к тюремному заключению. Я оставил приговор на кровати. Когда мои дедушка и бабушка его прочитали, мой гнев был направлен не на приговор, а на то, что они вошли в мою комнату без моего разрешения. Я знал, что они это сделают, потому что какие родители или дедушки с бабушками не беспокоятся, узнав, что их внук попадет в тюрьму? Это была ловушка, которую я им подстроил. И меня совершенно не волновали их страдания или беспокойство. Они знали, что мой отец ежедневно меня избивал и никогда ничего не делали. Я жил с ними, потому что хотел учиться и потому что чувствовал, что они мне это должны. И я ясно дал понять, что мне не за что их благодарить. Предоставить мне жилье — это было самое меньшее. Но сколько бы они мне ни давали, они никогда не смогли бы компенсировать свою трусость и эгоизм.

МАНУЭЛЬ

В конечном счете, Э8 самосохранения, выкованный в горниле насилия и раннего предательства, строит броню, которая оберегает его от боли, но также и от жизни, и в этом процессе он заживо пожирает уязвимого ребенка, которым был. Это решение — радикальное, преждевременное, необратимое — определяет всю его жизнь. Он учится выживать, отрицая свою потребность в любви, скрывая нежность за маской неуязвимости. Результатом становится идентичность, построенная на отрицании: он отрицает боль, зависимость, страх, слабость, нежность. Но то, что отрицается, не исчезает: оно гниет в подвале и питает внутреннее давление, которое рано или поздно становится разрушительным.

Взрослый обычно представляет собой характер, который пожирает самого себя требовательностью, перегрузками и презрением к собственным границам. Он живет так, будто бессмертен, будто ничто не может его сломить. Он не заботится о себе, не слушает себя, не отдыхает, не позволяет себе быть уязвимым. Он чувствует, что ослабить бдительность — значит умереть. Его инстинкт самосохранения не делает его осторожным, а делает его жестоко стойким: он не защищается от вреда, а ожесточается против него.

Он подвергает себя токсичным средам, холодным отношениям, одиноким рутинам. Он не просит о помощи, потому что чувствует, что просить — это унижаться. Он не выражает эмоций, потому что проявить свою боль означало бы предать пакт силы, с которым он выжил. Таким образом, он становится своим собственным тюремщиком: он живет в плену брони, которая изолирует его от других и от самого себя. Эмоциональная отстраненность не делает его свободным: она делает его рабом собственного высокомерия.

Его способ искать любовь парадоксален: ему нужно, чтобы им восхищались, чтобы он был незаменим, силен, но он презирает потребность в любви у других и у себя. Он умеет заботиться, защищать, даже жертвовать собой ради тех, кого любит, но не умеет принимать заботу, не чувствуя, что теряет контроль. Если любовь открывает в нем трещину, он закрывает ее требовательностью, гневом или уходом.

Подавление уязвимости порождает постоянное напряжение, безымянный гнев, который в итоге становится саморазрушительным. Э8 самосохранения ранит себя через излишества: работает до изнеможения, бросается в экстремальные вызовы, накапливает мышечное напряжение, ест или пьет компульсивно, насилует тело до излома, и когда что-то внутри него просит пощады, он заглушает это криком.

Он также наказывает себя морально: презирает свои самые человеческие потребности, требует от себя не чувствовать, не зависеть, не сомневаться. Если он терпит неудачу, он становится еще жестче. Если он страдает, он убеждает себя, что страдание — это часть цены за свободу. Таким образом, его кажущаяся сила — это не здоровье, а подавление. И это подавление высушивает его изнутри. Он стареет раньше времени, теряет радость, нежность, чувствительность. Жизнь для него становится борьбой, сопротивлением, контролем.

В глубине души он умирает от эмоциональной жажды. Но вместо того чтобы попросить воды, он глотает пыль пустыни и кричит, что ему никто не нужен.

Однако самое показательное в этом пути — то, что под его стальной броней на самом деле защищается подавленная чувствительность. Работа с тенью для этого характера подразумевает восстановление контакта с этой отрицаемой

частью: с мягким, уязвимым, раненым. И это нельзя сделать силой, потому что именно сила поддерживала эту отстраненность.

Интеграция происходит только тогда, когда Э8 самосохранения начинает понимать, что он не был виноват в причиненном ему вреде, что его хрупкость не делает его слабым, и что его человечность — это не угроза, а его величайшее сокровище.

Железная культура

Деструктивное для других связано с тем, что, когда этот характер не проделал глубокой работы над осознанностью, он обычно является силой навязывания в мире. Он несет в себе неудержимую энергию; но без сознательного направления эта энергия превращается в насилие. Это может быть тонкое или явное насилие, но всегда вторгающееся. Потому что этот характер, чтобы выжить, не адаптируется, а навязывает. Он не слушает, а доминирует.

Он живет с недоверием к миру. Куда бы он ни пошел, он создает невидимую иерархию, в которой он находится наверху. Он может казаться симпатичным, услужливым или даже благородным, но в глубине души он стремится обеспечить свое доминирование. Это доминирование не всегда физическое или иерархическое: иногда оно энергетическое, эмоциональное, символическое. Ему нужно, чтобы другие подчинялись, чтобы его не оспаривали, чтобы уважали его закон. Если кто-то ему противоречит или противостоит, он реагирует смесью презрения, ледяного отстранения или даже насилия.

Его сила может сокрушить. В близких отношениях его интенсивность может быть настолько высокой, что не оставляет места для хрупкости другого. Он чувствует, что если любит, то должен владеть. Что если защищает, то также имеет право требовать, чтобы другой ему подчинялся, превращаясь таким образом в тирана. Так, хотя у него иногда бывают жесты огромной щедрости, эти жесты отравлены требованием верности и подчинения. Другой должен благодарить, платить, сдаваться.

Кроме того, у него грубое отношение к правде: он говорит, что любит правду, но использует ее как оружие. Он не соизмеряет воздействие своих слов. Если что-то кажется ему фальшивым, мягким или трусливым, он безжалостно это осуждает. Но не из-за справедливости, а из-за гордости. Он без колебаний

унижает, сокрушает, выставляет напоказ слабости других, если чувствует, что это утверждает его как сильного или истинного. У этого характера искренность — не добродетель, а инструмент власти.

Он может создавать напряженную атмосферу, где бы ни появился. Более чувствительные люди парализуются или закрываются в его присутствии. Его критический взгляд, его постоянные требования, его позиция «все или ничего» мешают игре, нежности, спонтанному творчеству. Среда, которую он занимает, становится более жесткой, более ригидной, более оборонительной. Хотя он говорит, что хочет свободы, он часто способствует созданию атмосферы страха.

Этот самосохранения не осознает, сколько вреда он причиняет. Он считает, что поступает справедливо, прямо, сильно. Но то, что он передает, — это угроза. Он защищает, вторгаясь. Его инстинкт заботы может превратиться в замаскированное доминирование. И когда кто-то пытается установить ему границу, он реагирует яростью или презрением. Он не терпит, когда его оспаривают, даже из любви.

Это характер, который может быть очень жестоким. Не только из-за того, что он делает, но и из-за того, что он излучает. Его физическое присутствие может быть пугающим. Его тон голоса, его взгляд, его манера занимать пространство, повышать голос, подходить слишком близко могут вызывать настоящий ужас. Ему не нужно прибегать к физической агрессии, чтобы сеять страх: его присутствия достаточно, чтобы многие почувствовали себя запуганными. В спорах он загоняет в угол, навязывает, нападает. Он может использовать гнев как инструмент контроля. Он может сеять панику в близких отношениях, особенно если есть дисбаланс власти. И когда он чувствует себя преданным или под угрозой, он становится беспощадным. Он не дает вторых шансов, не прощает. Мсть может быть тихой или громкой, но часто жестокой.

Люди вынуждены подстраиваться под него, чтобы не вызывать его гнева, скрывают от него вещи из-за страха его реакции, адаптируются, чтобы не быть наказанными. Этот самосохранения, сам того не зная, может быть эмоциональным диктатором. Не со всеми, не всегда, но с теми, кого он считает частью своей эмоциональной территории.

Он способствует неблагополучию в мире, когда превращает свою личную рану в идеологию: идеологию презрения к хрупкости. Он продвигает жесткость как

добродетель, самодостаточность как идеал, контроль как способ жизни. И так он воспроизводит железную культуру патриархата: без нежности, без пауз, без души. Вместо того чтобы освобождать других своей силой, он заставляет их ожесточаться, как он сам. Он не строит, а навязывает. Не сопровождает, а тащит за собой. Вместо того чтобы спрашивать, он решает. И при этом считает, что поступает правильно. Потому что его рана стала доктриной.

8. Любовь

Автор: Хавьер Миранда

«Любовь, любовь, ты пахнешь кровяной колбасой». Это первая детская фраза, которая приходит мне на ум. «Любви не существует» — это «взрослая» фраза, нарратив, сформированный жизненным опытом. У этого подтипа существует недоверие к любви, потому что она причиняет боль, потому что она не «настоящая», потому что она лжет. Она ненадежна. Она может даже стать смертельной, или так интенсивно воспринимается Э8 самосохранения: он чувствует угрозу своему выживанию.

Сразу оговорюсь, что нелегко облечь в слова первичные переживания, породившие такое отношение к любви, потому что они произошли в том возрасте, когда не было способности к малейшему мышлению, ни даже самой базовой организации эмоций. Это переживания или опыты, которые остались в клеточной, организмической памяти, и которые впоследствии пришлось отрицать, отщеплять от сознания. Механизм, который активируется в качестве защиты, — это отрицание: «Этого просто не было»... Трудно писать о чем-то, что заранее отрицается. Такое огромное отрицание любви должно скрывать столь же огромный и столь же отрицаемый вред.

Если в целом уже трудно писать о любви, то у этого характера трудность возрастает до n-ной степени. Излишество в самосохранении — это максимальная интенсивность, приложенная к выживанию, что, говоря о любви, пробуждает абсолютное недоверие. Это (почти) табу.

Как писать о чем-то, что априори воспринимается как ложь или просто не воспринимается? Начиная с насмешки и крайнего недоверия (как в начале текста), чтобы потом иметь возможность добровольно открыться опыту и показать его.

В начале — сопротивление

Если быть честным, первое, что со мной происходит, когда я сталкиваюсь с необходимостью писать о любви, — это телесное ощущение: как будто ледяной топор раскалывает меня пополам по груди. От горла до диафрагмы тело

замерзает до конечностей, и мысли подчиняются только тому, что происходит внизу (желудок, кишки, живот и низ живота), и ответ в уме таков: «нет». Любви нет. Опасно. Тревога выживания. «Не лезь туда».

ХАВЬЕР

Пробуждаются не «чувства» или «эмоции», а телесная реакция, которая отсекает или замораживает все, что не является существенным для сохранения целостности жизни в данный момент. Все ненужное — эмоции или рационализации — игнорируется или, вернее, «не существует». Единственное важное — «не подвергать себя риску, не выставляться». Слова не могут описать экзистенциальный опыт этой телесной реакции; его можно лишь вызвать, представив себе примитивное животное, у которого для выживания есть только кишки и мозг. Мозг на службе у кишок, чтобы выжить.

Это жесткий образ, который может дать представление о том, что здесь означает отрицание: исчезновение эмоционального мира в отношениях.

«Ледяной топор» в груди — это глубокий раскол в эмоциональной сфере, разрыв в управлении эмоциями, который делит пополам «Я-Ты» и превращает его в «Я или Ты», что чрезмерный импульс самосохранения в критические моменты превращает в экзистенциальное, жизненное «Я, не Ты». Потому что обратное — немыслимое, даже трудно написать — «Не Я, Ты» было бы смертельным.

Это описание первой физической реакции на любовь, которое переводится как: «ее не существует, я чувствую недоверие, она не настоящая». И правда, за этой первой «кишечной правдой» (которая ею и является), более глубокая Истина заключается в том, что говорить о любви очень (интенсивно) больно. Поэтому об этом и не говорят.

Любовь/боль затрагивает очень чувствительные (гиперчувствительные) струны, и одно лишь упоминание, «ощущение» этого, рискует увлажнить глаза и выдать себя, показать крайнюю, интенсивную... чрезмерную? чувствительность и уязвимость. Тогда поднимается защита, чтобы не показывать боль/любовь, чувствительность/уязвимость (слабость), потому что меня ранят, или будут смеяться, или не поймут, или не смогут выдержать, и это их перегрузит, потопит, причинит боль, ранит, даже убьет.

Одно лишь увлажнение глаз открывает шлюз к океаническим эмоциям, которые потом кажутся невозможными для сдерживания. И настолько «реально» переживание «нет» любви.

Контакт — отступление

В вопросе любви функционирование не отличается от того, что мы видим в других жизненных вопросах: излишество в ответе и, с той же интенсивностью, в его противоположном полюсе. Вместо обычного «контакта-отступления» в гештальт-отношениях, здесь почти можно говорить о «вторжении-покинутости» — если смотреть со стороны, конечно. Изнутри обе крайности не воспринимаются как таковые, а как забота.

Существует характерологическая трудность в различении границ в любви, и они переживаются в абсолютных терминах «все или ничего». Вторжение или отступление. Бери или уходи.

В интенсивном контакте забота о другом превращается в полную отдачу для удовлетворения его желаний или потребностей. Речь идет не только о том, чтобы у него ничего не не хватало, а о том, чтобы было изобилие, «чтобы не чувствовалось нищеты». Обеспечение этого «полного удовлетворения» — синоним «полной любви», абсолютной отдачи, которая может быть воспринята как вторжение или аннулирование тем, кто получает это столь чрезмерное внимание, потому что его не услышали в его потребности и он чувствует себя скорее перекормленным, чем удовлетворенным. Граница контакта была перейдена, и началось вторжение.

Можно сказать, что у этого характера есть любовь-действие: его способ проявлять любовь — это совершать «добрые» поступки, чтобы покрыть все потребности и желания другого человека, до такой степени, что он может казаться услужливым (например, быть шофером). Это действие, далекое от покорности или унижения, вызывает полное удовлетворение от того, что он полностью удовлетворяет этого человека. И так Э8 самосохранения переживает ощущение полного единения двух полноценных индивидуальностей.

В этом чрезмерном характерологическом контакте видна только собственная потребность «наполнить удовлетворением» (или полными ощущениями) другого человека, не видя его реальной потребности и не видя его самого по-настоящему (вместо «Я-Ты» есть «Я, не Ты»). И тогда случается, что, если я

причинил вред, я должен абсолютно удалиться. Если мое присутствие вредно, я должен исчезнуть. Если моя забота причиняет боль или фрустрацию, я должен исчезнуть. Если моя «чистая», цельная любовь каким-то образом тебя ранит, я должен исчезнуть. В любом случае, ухожу я, а не ты.

Исчезнуть здесь — это способ больше не причинять вреда. Это кажется наказанием, но это не так. Для этого характера очевидно, что исчезнуть — это лучший вариант, чтобы больше не было боли. Другая сторона может воспринять как «эмоциональную покинутость» то, что на самом деле сделано для удовлетворения потребности больше не страдать от вреда («с глаз долой...»). Как в раннем детстве: то, что исчезает из поля зрения, того нет. И не больно. Ни тебе, ни мне. Любовь — это отсутствие боли, отсутствие вреда.

Гиперчувствительность — Бесчувственность

Перед лицом кажущейся бесчувственности характера, стоит задаться вопросом, не скрывается ли под ней на самом деле огромная чувствительность. Ее почти никогда нельзя увидеть снаружи, и не всегда легко увидеть изнутри (из-за отрицания), но, возможно, ее можно интуитивно почувствовать. Что-то, что нуждается в такой мощной, быстрой, интенсивной и решительной защите, должно скрывать под собой что-то, ощущаемое как хрупкое, слабое, гиперчувствительное и очень уязвимое. Размер защиты — это показатель размера старой, все еще открытой раны.

Если то, что мы усваиваем как любовь, — это то, что мы пережили в детстве, то мы должны понимать, что детство этого характера окрашено двумя крайними и трудно совместимыми полюсами: ранние переживания, вызывающие интенсивные ощущения полноты, удовлетворения, жизни, за которыми следуют другие, которые радикально и резко прерывают эти переживания, превращая их в жизненную тревогу.

Невинное и детское открытие любовным отношениям с другим (абсолютная отдача) сменяется каким-то опытом, который представляет собой «абсолютную фрустрацию» (тревогу), полный разрыв этого момента открытой отдачи. Это переход от полностью открытой и отданной чувствительности к полной бесчувственности (ледяной топор), в одно мгновение. Немедленное закрытие перед лицом невыносимой тревоги. И это также происходит в обратном порядке: ситуация (это может быть игра) жизненной тревоги для младенца (спрятать его в шкафу) может быть разрешена таким же интенсивным

(жизненным) и столь же непонятным для этого существа восторгом радости и веселья (спасти его).

Как будто ранние эмоциональные отношения со взрослыми происходили по меркам взрослых, без учета органических потребностей и способности незрелого младенца справляться с ситуациями такого стресса. Это использование младенца для собственного удовлетворения (развлечения), без эмпатии. И это «оставляет след в характере»: так, «чувства» становятся «интенсивными полярными ощущениями» без эмоциональной обработки.

И так усваивается, что чувствительность лучше не показывать, потому что ее не принимают во внимание, или видят как слабость, или она становится поводом для насмешек со стороны старших. Научиться отрицать ее — «жизненно важно». Чувствительность может больше раскрыться в интимности наедине. Она безопаснее (более контролируема?), чем открытие в группе или в массе. Здесь слой бесчувственности будет на максимуме, чтобы избежать любого публичного выставления, так как в интенсивном переживании характера это рискует стать унижительным.

Часто партнеры этого характера жалуются на то, какими «близкими и любящими» они могут быть в интимной обстановке, и на то, какими проигнорированными или покинутыми они могут чувствовать себя на светских мероприятиях. Там партнер исчезает. Интерес к некоторым личным контактам может присутствовать или появиться, так же как и безразличие или прямое неприятие других.

С партнером мои интимные отношения переходят в соучастие в социальной сфере, на социальной дистанции. Он должен позволять мне «не выставляться», в то время как я позволяю ему делать то, что он хочет. Все, что нужно, по полной: полное удовлетворение обоих. Таков контракт, который устанавливается (неявный или явный): полная независимость.

ХАВЬЕР

На публике нет проявлений любви из-за риска насмешек, которые избыточность характера, в его гиперчувствительности, воспримет как унижение иотреагирует соответственно интенсивно.

Любовь-удовлетворение

Нет ощущения, что ты заслуживаешь любви; глубокое убеждение — в незаслуженности. Полученная любовь просто не воспринимается как настоящая. Недоверие больше, чем любовь (которая неизвестна). Тогда любовь путается с удовлетворением, а любовь к себе превращается в полное удовлетворение всех желаний здесь и сейчас, интенсивно, мгновенно, до пресыщения чувств: это отдача «необходимости больше не чувствовать», что, в конечном счете, является формой анестезии от собственной боли.

В этом интенсивном эгоистическом удовлетворении (путем с любовью) есть огромное реальное самоотречение. Это отрыв от любви-заботы о себе, возможно, из-за экзистенциального незнания. Этому не научили.

Это и есть великая путаница, великая ошибка характера: он усвоил удовлетворение как эквивалент любви, сенсорную полноту как замену эмоциональной полноты. Жизненная интенсивность органического удовлетворения до предела «полной отдачи» заменяет, в переживании характера, утраченное непостижимо рано (отрицаемое сознанием) любовное слияние.

Поскольку это любовное слияние не может прийти от контакта с другим, я обеспечиваю его себе до крайности. Функция — это полнота, которая эквивалентна отсутствию дальнейшей тревоги (то есть, невосприятию потребности в чем-то неудовлетворенном).

Долгое время я описывал потребность как «то, что я могу удовлетворить сам». То есть, то, что я не могу удовлетворить сам, мне просто не нужно. Удовлетворение как отрицание потребности в «ты».

ХАВЬЕР

Любовь-удовлетворение также работает и с другим (партнером, детьми, близкими друзьями). Любимый человек полностью удовлетворяется в своих желаниях, его потребности полностью покрываются. Любовь — это отсутствие

нужды. Удовлетворить — значит больше не нуждаться. Чтобы другой чувствовал себя удовлетворенным, чтобы ему больше ничего не было нужно, — это лучшее проявление полной, настоящей любви.

И потом, есть еще кое-что: иногда любовь Э8 самосохранения выражается как желание владеть и защищать того, кого он любит. Тогда он демонстрирует позицию «я забочусь о тебе, потому что ты мой», с ожиданием, что ему продемонстрируют абсолютную верность, и с потребностью чувствовать, что другой ему принадлежит. Результатом является захват другого, его тирания.

Недоверие и вред

Для кого-то этого характера это обычно имена любви. Недоверие, из-за лжи, которую скрывает любовь, и потому что лучше держать ее подальше. Вред, потому что это то, что она производит при близком контакте. Это полярность, которую он переживает в любви, и оба полюса переживаются интенсивно, с верой в эту абсолютную истину: «это плохо кончится, это причинит вред».

Малейший признак нелюбви уже переживается с полным недоверием, как окончательное обесценивание всего пережитого до этого момента. Нелюбовь, или все, что так интерпретируется, воспринимается как предательство. Это порождает боль и недоверие, которые наносят непоправимый вред отношениям. Вред и недоверие подпитывают друг друга.

Возможно, из-за трудности их чувствовать и признавать в себе, самые интенсивные и vehementные эмоциональные проявления некоторых людей с определенными характерами воспринимаются как «истинные» Э8 самосохранения, и, ошибочно, принимаются за таковые. Эта эмоциональная интенсивность доходит до него с подлинностью (кажется ему реальной, абсолютной). Ясность, с которой они показывают свои чувства, и их интенсивность кажутся четкими для его характера, что интенсивно активизирует его любовное желание (поскольку интенсивность похожа на любовь, в его глазах).

Как будто то, чего он желает, — это эти «интенсивные чувства» другого человека (истинные для характера), потому что они пробуждают «интенсивные ощущения», которые понимаются и переживаются как любовь. Это как любовные чувства, которые ведут к «отдаче этой истине».

Предательство

Однако, если кто-то надежный (по-настоящему), кому было оказано доверие (моя жизнь), оказывается, солгал мне, то это предательство, а предательство в любви никогда не прощается.

Если в любви происходит предательство, то появляется уничтожающая ярость, и другой человек просто исчезает из его жизни. Его даже не упоминают.

Внутренняя ярость против него может длиться долго, а недоверие будет вечным и инстинктивным. Время не лечит рану, скорее, шрам превращается в напоминание об обмане, которое питает ярость и мысли, стремящиеся уравновесить чаши весов («мечь»): заставить почувствовать столько же боли, сколько причинила его непростительная ложь. И убить тебя внутренне после этого. Ты не существуешь.

Внутренняя ярость против себя становится интенсивно мучительной, почти уничтожающей, за то, что я поверил в любовь: «Идиот, ты же знаешь, что любовь — это ложь и всегда предает». Я поверил, что любовь настоящая, а это не так, и я мучаю себя за то, что поверил. Это может показаться суровым самонаказанием, и тем не менее, для характера это тяжелый жизненный урок, который нужно усвоить, чтобы заботиться о себе: не доверять любви, чтобы никто больше не причинил мне вреда.

ХАВЬЕР

Три вида любви

Любовь-восхищение.

Этот тип любви наименее развит у подтипа самосохранения Э8. Недоверие и жестокое обращение со стороны фигур, которые должны были быть ориентирами, не позволяют смотреть на кого-то, кто может быть «выше» или в положении власти. Кроме того, такое признание активировало бы весь опыт вреда и полученного унижения. Дать кому-то власть — значит отнять ее у себя.

Мне нелегко ставить кого-то на пьедестал. Я могу восхищаться человеком за истину, которую он передает, и за целостность и последовательность, которые ощущаются в его словах и поступках, но это восхищение может превратиться в

свержение при малейшем признаке предательства этой истины, последовательности или недостатка целостности. Если есть любовное чувство, может быть труднее обнаружить предательство, я могу его минимизировать или прямо отрицать.

ХАВЬЕР

Восхищение для этого характера зарабатывается делами и может быть потеряно из-за любого малейшего жеста. Без полного доверия (истины) нет любви-восхищения.

Мне было 19 лет, и я был наставником на конфирмации в церкви моего города, вместе со своей девушкой. Мы сопровождали подростков в размышлениях о религии с точки зрения повседневной жизни и Теологии Освобождения. Мы были преданы Евангелию. В день церемонии конфирмации более тридцати молодых людей, с их семьями и приготовленной едой, епископ, который обещал приехать еще год назад, сообщил, что не придет. Что он забыл. Что уже поздно. Нам пришлось искать пьяного vicaria в баре в 10 километрах, чтобы импровизировать церемонию. В ту ночь, возвращаясь домой, у меня был разговор с Богом. Я сказал ему, что это не моя Церковь и что я не уверен, существует ли он. Что каждый пусть делает свою работу, и если он существует, мы еще встретимся. Так закончились мои отношения с Церковью (но не с идеей Иисуса). С одного дня на другой. Безвозвратно. С последующим семейным расстройством и ссорами, которые остались без ответа.

Когда меня предают, реакция немедленная: я полностью отзываю доверие. Если я поверил в идею, защищал ее, а потом обнаруживаю, что то, во что я верил, меня предает, значит, я отдал свою жизнь в руки предателя. Моя жизнь в руках ненадежных людей? Нет, спасибо.

ХАВЬЕР

Любовь-восхищение превращается в презрительное, почти разрушительное отношение к тем, кем раньше восхищался. Я осознаю, что это звучит очень жестко, но реальность, ощущаемая в момент принятия решения, — «абсолютно естественна», и «невозможно было бы понять» другую реакцию. На самом деле, не понимаешь, когда смотришь отсюда, почему нет такой же решительной реакции всегда и при любых обстоятельствах... Остальное — ложь, полуправда и... смерть. Моя жизнь в руках ненадежных людей? Нет, спасибо!

Эротическая любовь.

Среди инстинктивных характеров в верхней части эннеаграммы, Э8 — самый эротичный, что невротически превращается в интенсивность и немедленное удовлетворение собственных потребностей, любой ценой. Таким образом, теряется подлинная характеристика эротической любви как заботы о себе, и она в итоге превращается в чистый эгоизм.

Этот тип любви интересен из-за удовлетворения, которое он приносит, но опасен из-за близости, которую он создает. В паре делается ставка на «все», на полную отдачу. Интенсивность собственного удовлетворения может иногда приводить к коротким интрижкам вне пары, которые не воспринимаются как измена, потому что их значимость также минимизируется или отрицается.

Сексуальная отдача может быть подорвана недоверием, и именно в доверии и близости, которые предлагает партнер, субъект этого характера сможет более открыто показать свою собственную чувствительность, свою боль от мелочей, которые его ранят, страх быть «плохим» и причинять вред, слезы... Именно в интимной обстановке с партнером можно «плакать как ребенок» и показывать уязвимость в моменты близкой встречи. Плакать от любви или от незаслуженности.

Любовь-сострадание.

Любовь-сострадание рождается из видения боли или нужды другого, и это напрямую связывает с сердцем и с собственной раной. Если любовь — это отсутствие вреда, боли или нужды, то, когда что-то из этого идентифицируется в другом, возникает сострадание, боль вместе с ближним и импульс покрыть или полностью удовлетворить эту столь болезненную нехватку.

Люди, которые узнают себя в этом характере, — заботливые; но, в отсутствие эмпатии, забота лишена слушания самых интимных потребностей и чувств другого. Забота импульсивна и направлена на удовлетворение другого, не давая ему пространства и времени, предвосхищая то, что ему необходимо.

Таким образом, не признается автономия ближнего, и он вовлекается в пакт верности, по которому безопасность имеет цену подчинения людей его власти. Подтип самосохранения — самый «сострадательный» из трех Восьмерок, в смысле обеспечения материальных благ для существ своего «клуба». На самом деле, сострадание теряет ценность предоставления места другому и сопереживания его страданию, превращаясь в гарантию материального удовлетворения.

Эта «сострадательная» любовь, хотя и трудно ее признать, является самой значимой для характера. Она, будучи одновременно отрицаемой, переживается с наибольшей интенсивностью.

Любовный финал

Организмическое характерологическое убеждение в том, что любовь причиняет вред (убивает), никогда не исчезает. С жизненным опытом должна подтверждаться более универсальная истина: что любовь причиняет боль.

Доверие для этого характера проходит через сомнение в том, что было усвоено как «неоспоримая истина», чтобы уступить место более актуальному опыту.

Боль от любви не столько убивает, сколько заставляет нас осознать существование другого человека и дает нам меру того, где находится граница в этих отношениях сейчас. Боль — это мера контакта, а не показатель злобы (вреда); это скорее регулятор отношений, чем переключатель, который их включает или выключает.

Доверие в любви учится через слушание тонкого, а абсолютное никогда не бывает тонким.

9. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ: ЕЛЕНА БЛАВАТСКАЯ

Марлис Ильзе Мейер

Мадам Елена Петровна Блаватская, основательница Теософского общества и ключевая фигура современного оккультизма, воплотила в себе многие черты энеатипа 8 самосохранения. Ее сильный, бросающий вызов и бесстрашный характер проявлялся в импозантной энергии и необычайной способности преодолевать невзгоды. Ее лидерство было твердым, бескомпромиссным, а жизнь была отмечена радикальным разрывом с социальными нормами своей эпохи: как русская женщина XIX века, она бросила вызов традиционным ролям с редкой дерзостью, что принесло ей как похвалы, так и сильное неприятие.

Во главе Теософского общества ее стиль руководства был спорным, конфронтационным и даже авторитарным, почти тираническим, и ей удавалось навязывать свою волю в очень враждебных ситуациях или в среде, доминируемой мужчинами, благодаря своей силе воли и способности генерировать власть и влияние. С точки зрения анализа, предлагаемого энеаграммой, Блаватская воплощает одну из самых сложных форм энеатипа 8 самосохранения, поскольку она была одновременно духовным учителем и спорной фигурой, которая ни перед чем не останавливалась и вызывала как поклонение, так и отторжение везде, где появлялась. Да, она была женщиной, но женщиной, отвергавшей слабость, не из жестокости, а как защиту от мира, который отрицал за женщинами право на ту же свободу, что и у мужчин. Она была человеком, который нелегко проявлял свои эмоции, но в то же время мы

говорим об исключительно страстной фигуре. Она осуществляла большой контроль над своим окружением, не из тщеславия, а потому что ей нужна была самоотдача своих последователей в общем поиске священного. Доминировала ли она из эго или из духовного выживания? Это большой вопрос, на который, возможно, эти строки помогут ответить...

Ее характер был ее судьбой

Ее склонность публично демонстрировать свои «психические способности» и жестко защищаться от нападков, которые она получала, говорят нам о внутренней структуре, отмеченной потребностью в самоутверждении и защите. Ее биотип, устойчивый и внушительный, сопровождался физическим телом, способным выдерживать жизнь, полную путешествий, болезней и экстремальных вызовов, и все это без близких больниц, без безопасности, без антибиотиков... в разгар XIX века. В своих скитаниях по Востоку она часто была резкой, небрежной и сосредоточенной на защите своего жизненного пространства и своей миссии.

Однако, помимо этих черт выживания и демонстрации личной силы, Блаватская также воплотила самые преобразующие ценности своего характера. Ее видение имело четкую коллективную направленность: она боролась за то, что считала необходимой духовной переменой в мире, привлекла многих последователей и создала сильные и долговечные структуры, такие как Теософское общество, которые внесли значительный вклад в пробуждение более глубокого духовного сознания в ее эпоху. Ее неустанный поиск Истины — понимаемой как глубокая миссия, даже ценой конфликта — отражает это сочетание инстинктивной силы и трансцендентной цели, которое определяет великих духовных реформаторов с душой воинов.

Следовательно, ее характер был ее судьбой. И ее инструментом. Ее способом любить была защита. Ее способом учить был вызов. Ее способом жить было сопротивление. Если подтип самосохранения энеатипа 8 можно представить как живую крепость, Блаватская была крепостью в огне: горящей изнутри, но неприступной снаружи. Она не искала наследников, но оставила пламя. Она не хотела быть понятой, но была незабываемой. Она не была совершенной, но была реальной. Елена Петровна Блаватская была огнем, который сжигает твою дверь, не спрашивая разрешения. Ни у Бога, ни у мира, ни у общества мужчин.

Девочка, которая не знала страха

Детство Елены Петровны Блаватской прошло в аристократической и культурной среде, пронизанной сильными контрастами. Родившись в 1831 году в Екатеринославе (ныне Украина), она росла в окружении книг, мистических рассказов и народных легенд, в жестком обществе, отмеченном строгой иерархией и глубокими суевериями. Но с самого раннего возраста она дала понять, что это ее коснется лишь в той мере, в какой она сама позволит: она была не как другие девочки, а независимой, пытливой и с трудно сдерживаемой жизненной силой. Она не подчинялась по привычке; она ставила под сомнение, бунтовала и отвергала любую форму власти, от кого бы она ни исходила: от наставников, священников или слуг.

Ее темперамент был свирепым, с порывистыми, вспыльчивыми приступами и необычной физической силой. Когда кто-то пытался доминировать над ней, она не плакала: она защищалась, убегала или противостояла со всей интенсивностью своей воли. Эта неиссякаемая энергия проявлялась также в ее любви к риску — например, когда она без колебаний садилась на диких лошадей — и в острой чувствительности, неспособной терпеть лицемерие или несправедливость. С раннего возраста она, казалось, несла судьбу разрыва: она не вписывалась, не сгибалась и уже демонстрировала ту смесь безрассудства, гордости, влечения к тайнам и необходимости защищать свой внутренний мир, которые сопровождали ее всю жизнь.

В восемь лет ее склонность приказывать, а не подчиняться, уже была очевидна. Она также обладала странным восприятием реальности: утверждала, что видит существ и слышит голоса, которые другие не могут воспринимать. Ее внутренний мир, обширный и таинственный, был тем, что она чувствовала необходимость защищать всеми силами. Не только ее упрямый характер или пронзительный взгляд бросали вызов ожиданиям, но и ее необузданная манера присваивать себе мир. С железной волей, приводившей в замешательство тех, кто пытался ее укротить, она противостояла любой попытке навязать ей что-либо. К тому времени она уже естественно бросала вызов авторитетам любого ранга и делала это с силой человека, который знает, что пришел в мир не просить разрешения. Когда кто-то навязывал ей свою волю, девочка не плакала: она рычала, защищалась, била, убегала. И с этой силой она бросала вызов священникам, наставникам и слугам в равной степени.

Преждевременная смерть ее матери, когда Елене было одиннадцать лет, лишила ее единственной связи с нежностью и истинной защитой. Вместо того чтобы сломать ее, потеря, казалось, закалила ее. Она стала еще более независимой, более грубой, более решительной выжить, никому ничего не

будучи должной. Энеатип 8 самосохранения, иногда называемый «выживающим», ярко проявляется в этом детстве, отмеченном потерей и неповиновением: это не открытая боль, а панцирь. Девочка не ищет утешения; она ищет силу. И находит ее в своем вызове слабости, в своем стремлении быть неукротимой, в уверенности, что зависеть от других — слишком большой риск.

В подростковом возрасте Елена не только сохранила свой вызывающий характер, но и усилила его таинственными оттенками. Она интересовалась оккультным, необъяснимым. Она говорила, что видит вещи, которых другие не видят. Некоторые говорили о дарах, другие о безумии. Она не объясняла: она просто утверждала. Ее слово было мечом. Эта уверенность в своем видении, это презрение к чужому мнению также являются центральной чертой Восьмого самосохранения: она не ищет одобрения, она ищет контроля над своей реальностью.

В семнадцать лет, в поступке, озадачившем ее семью, она вышла замуж за мужчину намного старше ее, Никифора Блаватского. Некоторые биографы предполагают, что она сделала это, чтобы сбежать из семейного окружения. Но если это так, она не стала медлить со следующим шагом: сбежать и от брака. В течение нескольких месяцев она оставила мужа, не вступив в брак, и пустилась в жизнь, полную приключений. Она не просила разрешения. Она не предлагала оправданий. Это был ее способ сказать миру: никто не запрет меня.

Здесь начинается странствующая стадия ее жизни: она путешествовала по Египту, Турции, Греции, Индии, Италии, Мексике. Источники сбивчивы, некоторые противоречат другим, но есть нечто, проступающее ясно: ее жизнь была чередой перемещений, не как бегство, а как утверждение. Восьмому самосохранения нужно завоевывать окружение, чтобы чувствовать себя в безопасности; он не прячется, он расширяется. Где большинство искало бы стабильность, она искала интенсивность. Каждое новое место было вызовом, джунглями, которые нужно приручить, структурой власти, которую нужно поставить под сомнение.

Ее не интересовали удобства или роскошь, несмотря на то, что она родилась в аристократии. Она могла спать на полу, пересекать пустыни, выживать в нищете. Комфорт не определял ее: ее определяла воля. Многие свидетельства описывают ее как неопрятную, мало заботящуюся о социальных условностях. Иногда она курила трубку, ругалась, издевалась над дамами, игравшими в добродетель. Тело было для нее инструментом действия, а не украшением. Эта дистанция от эмоционального и декоративного мира «традиционной

женственности» не была интеллектуальным жестом, а висцеральным: она не стремилась нравиться, она стремилась навязать свою истину.

Невидимая сила

В 1850-х годах Елена Блаватская путешествовала по Индии и Тибету. Хотя исторические записи не подтверждают все ее рассказы, она рассказывала, что училась у духовных учителей в Гималаях, которых называла Махатмами. Говорили, что она была посвящена в различные эзотерические знания Востока и что ей удалось развить психические способности: ясновидение, телекинез, автоматическое письмо... Важно, помимо достоверности этих рассказов, то, как она их использовала: как символический капитал власти. Невидимое было для нее не убежищем, а территорией, которую нужно подчинить.

Некоторые Восьмые самосохранения, когда они связывают себя с духовным, делают это с позиции завоевания, а не только отдачи, как это может быть также в случае Георгия Ивановича Гурджиева. Они стремятся управлять оккультным, а не просто растворяться в нем. Елена Блаватская не проповедовала смирение или отречение: она говорила о космических иерархиях, о могущественных существах, о высших волях, управляющих судьбой. И она всегда располагалась рядом с ними. Она не была мистиком в пассивном смысле: она была стратегом потустороннего, если можно так выразиться. Ее способ управления духовным мог бы отдаленно напоминать способ управления материальным другого Восьмого самосохранения: персонажа Чарльза Фостера Кейна из знаменитого фильма Орсона Уэллса. Ее духовный дискурс был вертикальным, структурированным, даже авторитарным. В этом смысле Блаватская не была преданной: она была командующей тайны.

В 1875 году она основала Теософское общество вместе с Генри Стилом Олкоттом и другими последователями. Его целью было исследование скрытых законов природы, развитие всеобщего братства и возрождение древней мудрости Востока. Но помимо идей, именно она поддерживала жизненную силу организации. Олкотт был дипломатическим лицом; она была вулканической душой. Она управляла внутренними спорами железной рукой, презирала двусмысленности, выбирала стороны с жесткостью. Когда кто-то предавал ее — или ей так казалось — она могла стать жестокой, резкой, безжалостной. Прощение не было частью ее природного репертуара.

Строительница миров

Елена Петровна Блаватская прибыла в Нью-Йорк в 1873 году с немногим более чем чемоданом, горсткой невероятных историй и несокрушимой решимостью. Последние годы она провела в путешествиях по Египту, Парижу и другим городам мира, общаясь со спиритами, оккультистами, авантюристами и эксцентричными аристократами. Психический мир кипел от интереса после восстаний рационализма, и Америка предлагала благодатную почву для необычайного. Она не только знала это: она чувала это.

Она была женщиной без устойчивой нации, без постоянного дома, без мужа и детей. Но у нее было то, чего многие жаждали: присутствие. Когда Блаватская входила в комнату, она оставалась незамеченной. Ее грубоватый вид, резкие манеры, хриплый голос, прямой и вызывающий взгляд сбивали собеседников с толку. Она не приспосабливалась к социальным нормам: она навязывала свои. Она навязчиво курила черные сигареты, говорила с акцентом и командным тоном, безудержно смеялась. Ее характер, вместо того чтобы смягчаться с годами, укрепился как своего рода живая стена. Ей было 42 года, и она была полностью неукротима.

Именно в этом контексте она познакомилась с Олкоттом, американским юристом и военным, интересовавшимся спиритизмом. Между ними родился мощный союз. У него был престиж, умственная структура и организаторские способности; у нее был огонь, видение и естественный авторитет того, кто не просит разрешения говорить. Вместе они основали Теософское общество с целью исследования общих принципов всех религий, изучения психических феноменов и продвижения всеобщего братства. Но на практике Блаватская была хребтом этой структуры. Она была той, кто вдохновляла, увлекала, запугивала. Она была источником доктрины и центром конфликта.

Энеатип 8 самосохранения, когда получает доступ к институциональной власти, делает это не для того, чтобы фигурировать или представлять: он делает это, чтобы укрепить свое видение. Он не выносит внешнего хаоса, если не может доминировать над ним изнутри. Для Блаватской Общество было не просто исследовательским клубом; это был ее бастион, ее духовный окоп. Она стала безжалостным стратегом: она следила, отбирала, исключала. Те, кто осмеливались поставить под сомнение ее авторитет, безжалостно отвергались. Но она также была щедра со своими союзниками: она защищала, отстаивала и отдавала себя целиком тем, кто признавал ее центральную роль.

В 1877 году она опубликовала свой первый крупный труд: «Разоблаченная Изида» — энциклопедический сборник по эзотерике, оккультной науке, древней символике и критике научного материализма. Это была бурная,

лабиринтообразная, порой малопонятная работа, но полная жизненной энергии. Ее целью было не угодить читателю, а подтолкнуть его к разрушению стереотипов. Она делала это с императивного, страстного голоса, который не ходил вокруг да около: она не объясняла, она утверждала; она не сомневалась, она декретировала. Сила «Разоблаченной Изиды» не в ее ясности, а в ее мощи. Блаватская писала так же, как жила: бросая истины, как молоты.

И автор поставила перед собой цель не меньше, чем развенчать устоявшиеся истины науки и религии своего времени и восстановить сокровенное знание древних эзотерических традиций. Книга, результат титанической работы по сбору, интуиции и связи с восточными и оккультными источниками, явила Блаватскую как пророческую фигуру, полную решимости восстановить утраченную связь между человеком и божественным. На своих страницах она отстаивала извечную мудрость, лежащую в основе всех великих религий, подвергая сомнению авторитет слепой веры и научного материализма. С «Разоблаченной Изидой» Блаватская не только заложила основы современной теософской мысли и значительной части западной духовности XX века, но и открыла духовный раскол в эпоху, отмеченную позитивистским разумом.

Вскоре после этого она вместе с Олкоттом решила перенести штаб-квартиру Теософского общества в Индию, конкретно в Адьяр, Мадрас (ныне Ченнаи). Для нее Восток был не просто географическим местом: это было духовное сердце планеты. Именно там она попыталась закрепить синтез между древней и новой мудростью, между Востоком и Западом, между наукой и религией. Но она делала это не как человек, который смиренно учится: она делала это как тот, кто воздвигает символическую империю. Восточные учителя — Махатмы, которые руководили ею — представлялись как фигуры высшей силы, но именно она была посредником между ними и миром. Ее контакт был привилегированным, эксклюзивным, неоспоримым.

Эта потребность в духовной центральности рождается не только из нарциссизма, но из более глубокого ядра характера Восьмого самосохранения: уверенности в том, что внутренняя сила должна защищать ядро смысла. Блаватская не боялась ошибиться: она боялась, что мир утонет в невежестве, если она не встряхнет его истиной. Она ненавидела лицемерие, фальшь, что свойственно всем, кто обладает этим характером, независимо от чистоты или гнили их сердец. Ее страстность была защитой. Ее догматизм был броней. Ее способность противостоять износу — физическому, психологическому, институциональному — была поразительной. Даже больная, она продолжала писать, спорить, основывать ложи, бороться с оппонентами.

Фигура Восьмого самосохранения проявляется здесь как неутомимой строительницы. В Индии, несмотря на климат, болезни и колониальную гниль, Блаватская работала с необычайной решимостью. Она противостояла христианским миссионерам, скептически настроенным ученым, злонамеренным переводчикам. Она отвечала на критику грубой силой: иногда сокрушительной иронией, иногда оскорблениями. Она не отступала: она контратаковала. Говорят, у нее был архив с письмами, статьями и доказательствами против ее критиков, чтобы защитить себя в любой момент. Но помимо того, что она хранила в бумагах, ее истинной защитой была ее жизненная энергия. Она не боялась потерять друзей или репутацию: она боялась быть заставленной замолчать.

В 1885 году, однако, она получила тяжелый удар. Доклад Общества психических исследований обвинил ее в мошенничестве, предположив, что она манипулировала якобы паранормальными явлениями. Хотя позже доклад был поставлен под сомнение и опровергнут, репутационный ущерб был огромен. Елена Блаватская почувствовала себя преданной, особенно потому, что некоторые члены Общества не защитили ее твердо. Именно тогда ее характер Восьмого самосохранения проявился в своей самой сырой форме: она замкнулась, отдалилась от многих сотрудников и решила снова уехать в Индию.

Рана была не только публичной. Она была интимной. Для представителя подтипа самосохранения предательство созданного им твердого ядра равносильно осквернению. Это не просто уязвленная гордость: это потеря жизненной территории. И хотя Блаватская не сдалась, она никогда больше никому полностью не доверяла. С тех пор она удвоила свою бдительность в контроле за ближайшим окружением. Она становилась все более требовательной к своим ученикам. Она отвергала равнодушных. Она предпочитала окружать себя верными. Не потому что искала лести, а потому что доверяла только самой сильной верности, в типичном договоре сообщничества, столь свойственном этому характеру.

Затем она обосновалась в Европе, сначала в Германии, затем в Лондоне, где оставалась до самой смерти. Больная, тучная, с проблемами почек и кровообращения, она продолжала писать. Именно там она создала свой самый амбициозный труд: «Тайная доктрина» (1888) — обширный трактат, который должен был воссоздать скрытую историю вселенной и человека. Она писала часами от руки, диктовала целые отрывки, обсуждала каждый пункт со своими сотрудниками. Тело больше не слушалось, но воля оставалась нетронутой.

Те, кто был рядом с ней в те годы, говорили о ее свирепом характере, но также и о ее теплоте. Она была женщиной крайностей. Она могла кричать на тебя в ярости, но также дать тебе пальто, если тебе холодно. Она громко смеялась, рассказывала грубые шутки, плакала в одиночестве. Те, кому удавалось войти в ее доверие, считались духовными детьми. Но она не выносила полутонов: ты либо с ней, либо вне. Ее жизнь, как и ее характер, была тотальной.

В последние годы она сформировала новый интимный круг учеников, известный как «Эзотерическая школа». Там она передавала более сокровенные учения, говорила о душе, о космических циклах, о карме, о духовном пробуждении. Но она не стала мистиком в романтическом смысле. Ее способ обучения оставался сухим, прямым, даже резким. Она говорила о всеобщей любви не как о бальзаме: она говорила о ней как о заповеди. В ее духовности не было сладости, была интенсивность. Как пламя, которое не хочет согревать, а хочет жечь.

Она умерла в Лондоне 8 мая 1891 года в возрасте 59 лет. В окружении нескольких учеников она оставила после себя монументальное наследие, организацию, которая существует до сих пор, и образ, который более чем через столетие остается озадачивающим: женщина, русская, мистик, бунтарка, свирепая. Она не была святой. Она не была мученицей. Она не была дипломатом. Она была Блаватской: силой природы. Воплощенной волей.

Огонь, который не спрашивает разрешения

Елена Петровна не была легкой женщиной. Она не была безмятежным духом или примиряющей фигурой. Она была разрушительной силой, пожаром в викторианских гостиных, громом, говорившим с русским акцентом и глазами, не опускавшими взгляд ни перед кем и ни перед чем. И именно поэтому, потому что она не стремилась нравиться или приспосабливаться, потому что она не была удобной или снисходительной, она остается живой фигурой. Невозможно думать о ней как о мученице, но она также не вписывается в шаблон шарлатана. Она была человеческим феноменом, который трудно классифицировать. И это, по сути, одно из самых чистых лиц Е8 самосохранения.

Те, кто знал ее, говорили о ее странной смеси грубости и нежности. Она могла с жестокостью отчитать ученика за мелкую ошибку, а затем приготовить ему суп, если он был болен. Ее способ заботы был не мягким, а прямым: она защищала тебя, если ты был верен. Предательство же было формой духовной смерти. Более чем в одном случае она разрывала отношения со старыми союзниками коротким, резким, безоговорочным письмом. Как и все Восьмые самосохранения, она не выносила эмоциональной двусмысленности, а также

того, чтобы кто-то не соглашался с ней. Ее мир четко делился на тех, кто был с ней, и тех, кто был против нее.

Тот же инстинкт, защитный, висцеральный, побуждал ее яростно защищать Теософское общество, даже когда у нее уже не было сил поддерживать его телом. Из своей маленькой лондонской квартиры она писала инструкции, медитации, письма. Много дней она не могла ходить или стоять на ногах, но продолжала учить. Для нее передача эзотерических знаний не была роскошью или хобби: это был долг. И она выполняла его с той же интенсивностью, с какой десятилетиями ранее пересекла полмира в поисках Махатм.

В отличие от спиритов своего времени, Елена Блаватская не стремилась утешать людей загробной жизнью. Она не предлагала контактов с любимыми душами или сладких посланий с того света. Ее предложение было требовательным: духовная эволюция, дисциплина, учеба, отказ от эгоизма. Она верила в перевоплощение, в карму, в существование скрытых иерархий и высших планов, но не для того, чтобы украсить настоящее, а чтобы радикально его преобразить. Ее видение не было сентиментальным. Оно было структурным. Вселенная, для нее, была живой архитектурой невидимых законов, и человек должен был завоевать в ней свое место усилиями, волей и знанием.

Эти усилия, этот воинственный тон ее доктрины не были наигранными. Они рождались из того же места, что и ее характер: потребности защищать суть. Подтип Восьмого самосохранения фокусируется на этом: заботиться о ядре, сопротивляться угрозам, укреплять важное. И Блаватская прожила всю свою жизнь так, как будто носила в груди священное пламя, которое не могла позволить себе погасить. Все, что она делала — путешествия, писания, споры, видения — было на службе этому пламени. Которое всегда было в движении.

В последние годы своей жизни Блаватская начала более открыто размышлять о зле. Она говорила о «невидимом враге», о темных силах, действующих в индивидуальном и коллективном. Она говорила, что современный мир, хотя и облачен в рациональность, все больше отдаляется от души. Она обличала поверхностность науки, лицемерие религии, вялость популярного спиритизма. Она не была нигилисткой или пессимисткой: она была раненой воительницей. Она слишком много видела. Ее предавали много раз. И она не была готова приукрашивать речи.

Ее смерть не была драматичной, но и не была спокойной. Она страдала телом, как тот, кто использовал последнее дыхание для сопротивления. Она умерла сидя, в своем кресле, в окружении горстки учеников. Один из них сказал, что

когда она умерла, ее лицо стало почти безмятежным. Почти. Возможно, на мгновение панцирь, который она носила всю жизнь, смягчился. Возможно, в конце борьба уступила место отдыху. Но если и был мир, то без капитуляции. Блаватская не из тех, кто опускает защиту.

Сегодня ее фигура все еще разделяет. Для скептиков она была блестящей обманщицей; для посвященных — духовным пионером. Но помимо исторического суждения, есть нечто, чего никто не может у нее отнять: ее силу. В эпоху, когда женщины не руководили философскими школами, она основала одну, которая до сих пор жива. В эру жестких умов она предложила открытую, символическую, древнюю вселенную. В разгар современного цинизма она говорила о душе, о космосе, о цели.

И она делала это, не спрашивая разрешения.

10. ЛИТЕРАТУРНЫЕ И КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ

КЛАУС И ЛУКАС

«Толстая тетрадь» Аготы Кристоф (1986)

Хавьер Миранда

«Толстая тетрадь» — это первый том трилогии о Клаусе и Лукасе, написанной Аготой Кристоф (Чикванд, Венгрия, 1935 – Невшатель, Швейцария, 2011). Опубликованная в 1986 году, эта работа, являющаяся шедевром современной европейской литературы, разворачивается в контексте неопределенной войны, что усиливает ее универсальность и вневременность, хотя между строк просматривается Восточная Европа времен Второй мировой войны, в частности Венгрия.

История повествует о переживаниях двух близнецов, Клауса и Лукаса, которых мать отправляет жить к бабушке в сельскую местность, чтобы защитить их от ужасов войны. Мать, неспособная заботиться о них из-за обстоятельств, принимает это решение в отчаянии. У бабушки есть огород, и она занимается всякой прибыльной торговлей, в то время, когда такие вещи, как картофель, являются настоящим предметом роскоши. Известная как «Ведьма» из-за своей жестокости и нравственной низости, бабушка встречает их холодно и с недоверием, отмечая начало для них периода адаптации к среде крайней бедности и насилия. «Я научу вас, как живут!» — это первая фраза, которую они слышат от своей новой опекуны, которая, кстати, постоянно называет их «сукиными детьми».

За ужином бабушка говорит:

— Вы уже поняли. Кров и еду нужно зарабатывать.

Мы говорим:

— Дело не в этом. Работа тяжелая, но смотреть без дела на того, кто работает, еще тяжелее, особенно если он старый.

Бабушка говорит с сарказмом:

— Сукины дети! Хотите сказать, что я вам жалка?

— Нет, бабушка. Нам просто стыдно за себя.

Днем мы идем в лес за дровами.

С этого момента мы делаем всю работу, на которую способны.

Близнецы понимают, что их опекунша будет им мешать, что выжить трудно, что мир неисправим, и, несмотря ни на что, они разрабатывают систему выживания, которая включает в себя самоналагаемые упражнения по эмоциональному и физическому закаливанию. Их цель — устранить любые следы слабости, будь то эмоциональные или телесные, чтобы противостоять жестокости окружающего мира. Эти упражнения включают в себя подвергание себя экстремальным условиям голода, боли и унижения, все с целью закалиться перед жестокостью жизни. Они причиняют себе вред, чтобы стать нечувствительными к физической боли, оскорбляют друг друга, чтобы научиться игнорировать обиды, учатся попрошайничать, лгать, воровать и даже убивать, потому что «нужно уметь это делать». Близнецы отказываются от защиты детства и становятся безжалостными юношами: «Мы никогда не играем», — заявляют они. Они циничны, жестоки, бессердечны, прагматичны.

Их видение мира, как и у любого Е8 самосохранения, отмечено выживанием, удовлетворением потребностей, обеспечивающих физический факт жизни. Их мораль приспособляется к жестокости окружения, и их действия бросают вызов границам общепринятого. От мелких краж до актов крайнего насилия, близнецы оправдывают все необходимостью и выживанием. И повествование углубляется в такие темы, как дегуманизация, потеря невинности, невозможность этики во время войны и братская связь с их темными сторонами, все это через обнаженную, почти клиническую прозу, которая усиливает эмоциональное воздействие событий.

Способ повествования отражает холодность переживаний главных героев. События излагаются от первого лица множественного числа, что подчеркивает

неразрывное единство близнецов и устраняет любой субъективный или эмоциональный подход. Записи в той «толстой тетради», куда близнецы заносят свои переживания, кратки, лишены моральных суждений и отмечены хирургической точностью, что усиливает воздействие описываемых ужасов.

Когда нужно будет убить какое-нибудь животное, позови нас. Мы сделаем это.

Она говорит:

— Вам нравится, да?

— Нет, бабушка, как раз наоборот, нам не нравится. И поэтому мы должны привыкнуть.

Она говорит:

— Понимаю. Это новое упражнение. Вы правы. Нужно уметь убивать, когда это необходимо.

Начинаем с рыбы. Хватаем их за хвост и бьем головой о камень. Мы быстро привыкаем убивать животных, предназначенных для еды: кур, кроликов, уток. Позже мы убиваем животных, которых не нужно было убивать.

Клаус и Лукас

Клаус и Лукас — идентичные близнецы, как физически, так и эмоционально, по крайней мере, на поверхности. Это первоначальное равенство становится повествовательным стержнем, позволяющим исследовать темы идентичности, человеческой связи и деперсонализации во время войны. Однако по мере развития сюжета между ними появляются тонкие различия, которые обогащают повествование и придают глубину персонажам.

Клаус — более решительный и прагматичный из двоих, и он явно является Е8 самосохранения. С самого начала он проявляет защитный характер по отношению к Лукасу и берет на себя лидерскую роль в их совместных усилиях по выживанию. Хотя он разделяет упражнения по закаливанию, Клаус демонстрирует чуть большую способность контролировать свои эмоции и принимать хладнокровные решения. Его ориентация на действие и потребность сохранять контроль указывают на сильный и аутентичный темперамент.

Клаус также демонстрирует врожденную способность быстро адаптироваться к обстоятельствам, что позволяет ему принимать стратегические решения в критических ситуациях. Его прагматизм и психологическая стойкость делают его

главным двигателем действий, ведущим брата на каждом этапе их борьбы за выживание.

Лукас, хотя и похож на Клауса во многих аспектах, проявляет более интроспективный и чувствительный оттенок. Он менее вербален и, хотя он также принимает необходимую для выживания жестокость, его человечность иногда проявляется тонкими способами. Лукас склонен больше размышлять о последствиях своих действий, что делает его слегка более сложной фигурой с эмоциональной точки зрения.

Отношения между ними отмечены симбиозом, который делает их различия скорее дополняющими, чем конфликтными. Клаус и Лукас действуют как неделимое единство, что усиливает воздействие их повествования на читателя. Это единство также ставит философские вопросы об идентичности и взаимозависимости в экстремальных обстоятельствах. Являются ли они на самом деле двумя, или они одно лицо, учитывая, что у Клауса и Лукаса даже одинаковые буквы? Насколько мы ответственны за свои действия в контексте крайнего выживания? Как переопределяются понятия морали и человечности в мире, лишенном порядка и сострадания?

Отношения между Клаусом и Лукасом представляют собой микрокосм человеческих сложностей. Их симбиоз позволяет им выживать вместе, что, вероятно, было бы невозможно поодиночке. Однако эта связь также несет в себе внутреннее напряжение, поскольку их единство зависит от взаимного отрицания индивидуальности. Клаус и Лукас — по сути две половины единого целого, и любая попытка разделения угрожает дестабилизировать их идентичности.

По ходу действия повествование показывает нам, как они дегуманизируются, теряют невинность, становятся все более жестокими. Эта потеря причиняет боль. Читатель восстает против собственных чувств. Мы можем лучше понять это из следующего отрывка:

Бабушка говорит нам:

— Сукины дети!

Люди говорят нам:

— Ведьмины дети! Шлюхины дети!

Другие говорят нам:

— Идиоты! Проходимцы! Сопляки! Ослы! Свиньи! Боровы! Хулиганы! Бесстыдники! Маленькие негодяи! Преступники! Уголовники!

Когда мы слышим эти слова, у нас краснеет лицо, звенит в ушах, щиплет глаза и дрожат колени.

Мы не хотим краснеть и дрожать. Мы хотим привыкнуть к оскорблениям и ранящим словам.

Мы садимся за кухонный стол, друг напротив друга, и, глядя друг другу в глаза, говорим слова все более и более ужасные.

Один:

— Козел! Придурок!

Другой:

— Пидор! Сукин сын!

И мы продолжаем так, пока слова не перестают проникать в наш мозг и даже не долетают до ушей.

Так мы тренируемся примерно по полчаса в день, а потом идем гулять по улицам.

Мы делаем так, чтобы люди нас оскорбляли, и убеждаемся, что наконец научились оставаться равнодушными.

Но есть еще старые слова.

Наша мать говорила нам:

— Дорогие мои! Любимые мои! Жизнь моя! Мои обожаемые малыши!

Когда мы вспоминаем эти слова, у нас глаза наполняются слезами.

Эти слова мы должны забыть, потому что теперь никто не говорит нам таких слов, и потому что воспоминание о них — слишком тяжелая ноша, чтобы ее вынести.

Тогда мы начинаем наше упражнение по-другому.

Мы говорим:

— Дорогие мои! Любимые мои! Я вас люблю... Я никогда вас не брошу... Я буду любить только вас... Всегда... Вы — вся моя жизнь...

Повторяя их снова и снова, слова постепенно теряют свой смысл, и боль, которую они несут, ослабевает.

Один Е8 самосохранения или два?

Энеатип 8 характеризуется силой, автономией и глубокой потребностью контролировать свое окружение, чтобы защитить себя от уязвимости. В рамках подтипа самосохранения эти качества проявляются в постоянной заботе о физической и эмоциональной безопасности. Клаус иллюстрирует эти черты несколькими способами:

- **Контроль и защита:** Клаус берет на себя ответственность за обеспечение выживания обоих, проявляя непоколебимую решимость даже в самых трудных обстоятельствах.
- **Устойчивость к боли:** Его упражнения по само-закаливанию отражают классическую стратегию энеатипа 8 по отрицанию слабости.
- **Независимость:** Клаус избегает зависимости от других, проявляя врожденное недоверие к авторитетам и незнакомцам.

В темной стороне этот энеатип может стать агрессивным, авторитарным и полностью оторванным от эмоционального. Клаус часто переступает моральные границы, которых другие избегали бы, оправдывая свои действия как необходимые для выживания. Лукас следует за ним, и хотя он тоже может быть Е8 самосохранения, иногда он может казаться Е6 или Е4, измененными обстоятельствами.

Оба интенсивны, но не в эмоциональном смысле, особенно в случае Клауса. Близнецы энергичны, жестки, решительны, жестоки, люди действия, которые знают, как получить от жизни то, что им нужно, переступая через кого угодно и что угодно. Их неприятие контроля и авторитета настолько велико, что не имеет себе равных: они просто игнорируют все и являются хозяевами своей судьбы, но платят за это очень высокую цену — почти полную потерю сердца и отрицание силы привязанностей, сострадания, нежности. Так, они испытывают явное неприятие к своим чувствам нежности, попирают и радикально отрицают их. То же самое происходит с любой формой печали, уязвимости или чувства неспособности.

Их окружение сильно усложняет ситуацию, но они все равно стремятся контролировать его, доминировать над своими неблагоприятными

обстоятельствами, пока не скрутят им шею. Когда их отец наконец возвращается с войны, встреча с ним холодна. Позже, когда устанавливается новый оккупационный режим (предположительно советское вторжение), близнецы пытаются бежать в соседнюю страну через минные поля и колючую проволоку. И они не забывают взять с собой отца, но для цели, весьма далекой от сыновней любви.

Патруль удаляется. Мы говорим:

— Идем, папа. У нас есть двадцать минут до прихода следующего патруля.

Папа берет две доски под мышку, идет вперед, ставит одну из них на барьер, забирается.

Мы прячемся ничком за большим деревом и затыкаем уши руками, открыв рты. Слышен взрыв.

Мы бежим к колючей проволоке с двумя другими досками и брезентовым мешком.

Наш отец лежит упавший рядом со вторым барьером.

Да, есть способ пересечь границу: пропустить кого-то впереди себя. Взяв брезентовый мешок и ступая по следам шагов, а затем по безжизненному телу нашего отца, один из нас переходит в другую страну.

Тот, кто остается, возвращается в дом бабушки.

Робот-портрет этих близнецов ясен: здесь есть месть, они понимают существование как постоянную битву, где нет места слабым. Они отрекаются от своей потребности в привязанности. Они зависимы от интенсивности, от решения вопросов по-зверски, без церемоний. Они отрицают страх, не регистрируют его, зависимость от интенсивности превыше всего, даже удовольствия.

Чуть раньше видно это отрицание привязанности в поступке, который можно интерпретировать как садизм, но также и как некую степень сострадания. Это еще одна душераздирающая сцена, когда близнецы находят свою юную соседку Заячье Лицо мертвой в луже крови и спермы, после того как ее массово изнасиловали солдаты оккупационной армии. Мать просит их помочь ей умереть, и они — неизвестно, из садизма или из той капли отрицаемой человечности — соглашаются помочь в этой своеобразной эвтаназии.

Мы спрашиваем ее:

— Вы правда хотите умереть?

— Чего еще я могла бы желать? Если хотите сделать для меня что-то, подожгите дом. Я не хочу, чтобы кто-то нашел нас такими.

Мы говорим ей:

— Но вы будете ужасно страдать.

— Не беспокойтесь об этом. Подожгите, если вы способны на это, и все.

— Да, госпожа, конечно, мы способны. Можете на нас рассчитывать.

Мы перерезаем ей горло одним ударом ножа, а затем идем сливать бензин из военного автомобиля.

На следующий день бабушка говорит нам:

— Дом соседки сгорел. Они были внутри, дочь и она. Дочь, должно быть, что-то забыла в огне, ведь она была сумасшедшая...

Мы идем забирать кур и кроликов, но соседи уже забрали их ночью.

Жестокость, как можно видеть, сочетается с моментами неожиданной человечности. Близнецы, со своим безжалостным интеллектом и своеобразной моралью, противостоят враждебному миру с храбростью, которая иногда граничит со сверхчеловеческой.

Темная трилогия

Произведение продолжается еще двумя книгами: «Доказательство» и «Третья ложь», образуя три самостоятельных романа, которые Агота Кристоф опубликовала с персонажами Клауса и Лукаса в центре. В первом томе оба брата разделяют главную роль; во втором повествование фокусируется исключительно на Лукасе; а в третьем, хотя оба появляются снова, это можно интерпретировать как историю, более ориентированную на Клауса.

Вся трилогия передает ощущение безнадежности и жестокости, вызывающее глубокое отторжение. Например, трудно принять, что бабушка, фигура привязанности, настолько зла и жестока, хотя каким-то образом она выполняет свою «воспитательную» функцию ради выживания внуков.

В некотором смысле, жестокость Кристоф говорит нам также о мире, который мы унаследовали от Второй мировой войны, — об обществе, основы которого глубоко подточены этой безжалостной конкуренцией за выживание, этой «игрой в кальмара», где, кажется, выжить может не только сильнейший, но и жесточайший.

Кроме того, произведение призывает осознать, как война особенно влияет на детей, делая ее последствия очень долговременными и глубокими.

«Толстая тетрадь» с самого начала устанавливает литературное правило, которому главные герои-дети следуют неукоснительно: «Изложение должно быть правдивым. Мы должны писать только то, что есть, что мы видим, что мы слышим, что мы делаем». Это подразумевает повествование без прикрас, лишаящее слова эмоциональной двусмысленности, где описывается лишения, но не преувеличивается эмоционально, где читатель обнаруживает, что все персонажи, главные и второстепенные, отмечены зверством и ужасом. С этой точки зрения, произведение находится за пределами общепринятой морали.

Однако эти закаленные дети вырабатывают свой собственный моральный кодекс. Они защищают Заячье Лицо, свою неуравновешенную и маргинализированную соседку, и противостоят садистам из деревни, другим столь же обездоленным детям. Они даже терпят сексуальные домогательства, не осуждая своих обидчиков. В акте справедливости они заставляют священника, который надругался над Заячьим Лицом, кормить ее всю зиму. Удивленный, он бросает им вызов:

— Это чудовищно. Вы знаете, что вы собираетесь сделать?

— Да, сеньор. Шантаж.

— В вашем возрасте... Это достойно сожаления.

— Да, достойно сожаления, что мы вынуждены до этого дойти. Но Заячьему Лицу и ее матери нужны деньги, они действительно нужны.

Священник встает, снимает рясу и говорит:

— Это испытание, посланное мне Богом. Сколько вы хотите? Я не богат.

— В десять раз больше той суммы, что вы нам дали. Раз в неделю. Мы не просим невозможного.

Он достает деньги из кармана и дает нам.

— Приходите каждую субботу. Но не думайте, что я делаю это, уступая вашему шантажу. Я делаю это из милосердия.

Мы говорим:

— Это именно то, чего мы и ожидали от сеньора священника.

Как можно заметить, за внешностью рассказа о храбрых и неукротимых детях произведение поднимает альтернативную мораль, рожденную из хаотичной и дегуманизированной среды. История разворачивается в контексте крайнего насилия: сексуальное насилие, военные преступления, марши пленных и разрушения во время нацистской и советской оккупаций. В этом мире близнецы выживают, развивая свой собственный этический кодекс, минимальный, но твердый, чтобы противостоять жестокости мира.

Трилогия выходит за рамки жанра темной сказки, например, о Гензеле и Гретель, переосмысливая детство как период неуязвимости благодаря игре и абсолютному единству. Однако Кристоф также развенчивает литературную иллюзию: то, что мы читаем, нереально, и автор отвергает литературу как убежище или эскапизм. Неумолимым стилем она заставляет нас столкнуться с нашей собственной реальностью, давая понять, что литература не должна служить утешением, а должна быть актом правды.

Хотя многие предпочитают грубую и прямую силу «Толстой тетради», две другие книги добавляют сложности, раскрывающей истинный масштаб опустошения и потери, пронизывающих всю трилогию. Это произведение, в конечном счете, является свидетельством сопротивления через письмо и невозможности избежать нашей разбитой человечности. И верным отражением этого типа личности.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ПЕРСОНАЖ

ТОНИ СОПРАНО

«Клан Сопрано», сериал HBO (Дэвид Чейз, 1999-2007)

Марк Фреске

Предварительное признание

Люди, у которых была неуравновешенная и садистская мать, которая вместо того, чтобы передавать материнскую эмпатию, проецировала жестокость и неприязнь к сыну или дочери, часто развивают своего рода защитную или охранительную аморальность, чтобы интегрировать и сосуществовать с реактивными чувствами, которые не принимаются в социальных рамках морально правильного или ожидаемого от сына по

отношению к матери.

Аморальность — это не конкретное отсутствие морали, а скорее когнитивный инструмент, позволяющий терпеть определенные действия и принципы, не подвергая их слишком строгой этической оценке. Такие действия были, в первую очередь и в значительной степени, теми, которые мы сами видели и перенесли как жертвы этой преступной матери и, с другой стороны, как результат осуждения социальной средой, в которую мы не вписывались, возможно, из-за того же антисоциального настроения, переданного семейной атмосферой.

В этом контексте общепринятые моральные или этические принципы отвергаются субъектом как принадлежащие миру, который его покинул и который основан на благонамеренных предрассудках. Аморальность выражает в данном случае обиду на социальные ценности, которые не учли его шаткое положение и не защитили его. Это идеология и семантика любви, которые забыли о нем и кажутся выдуманными репрессиями и идеализмом тех, кому повезло больше в детстве и поэтому они не могут ничего в нем подвергать сомнению.

То, что с точки зрения общепринятой морали считается злым, вполне может иметь происхождение и мотивацию в страдании. Оно может искать справедливого возмещения... Преступная мораль, мафиозные кодексы представляют собой альтернативную мораль, по сути антисоциальную, которая, возможно, разоблачает определенные аморальные аспекты общепринятой морали.

Защитная аморальность — это усилие не быть побежденным — уничтоженным — матерью. Это борьба, поддерживаемая во времени, которая отражается в

эмоциональных признаках спектра тревожных расстройств и поведенчески находит соответствие в эмоциональной анестезии, описанной в симптоматологии посттравматического стрессового расстройства.

В данном случае это были бы не последствия какого-то конкретного шокирующего события, а переживание стресса или эмоционального ужаса (страх потери, агрессии, унижения и т.д.), поддерживаемое в течение длительного периода времени. Тревога, онемевшая под насильственной жизнью в самой семье, является первичным фактором тревоги выжившего.

«Ты мафиози, папа?»

В седьмой серии «Клана Сопрано» во время одного из терапевтических сеансов Тони поднимается драма передачи насилия и преступной жизни от отцов к детям. Тони наблюдает, как его дети постепенно узнают истинную личность своего отца, и узнает в своем сыне Энтони ту же интроекцию отцовской роли, которую он сам — тоже названный Энтони — получил и усвоил от своего собственного отца. Он замечает, хотя и не может вербализовать это, как невежество и бессознательность воспроизводят шаблоны и страдания; как его сын усваивает запутанную форму отцовской любви; как он сам причиняет ему боль, отдавая предпочтение его сестре, так же как его задевало предпочтительное отношение его собственного отца.

Он обращается к воспоминаниям и эмоциям, связанным с этим, сталкиваясь с экзистенциальной дилеммой между силой наследственности и возможностью свободной воли. Признание собственной боли в боли детей — это жестокое испытание, которое должно открыть путь к трансформации.

Мать Тони — яркий пример пограничного расстройства личности, но еще больше — садистской матери. Абсолютно эгоцентричная, ее драматические сцены всегда ставятся выше любых признаков минимально материнского отношения. Если она проявляет кажущийся эмпатичный жест по отношению к сыну, это обычно часть ее нарциссического и истерического представления. Она редко смотрит ему в глаза. Хотя можно сказать, что она скорее глупа, чем зла, она явно перегружена детскими потребностями Тони, легко теряет контроль и не сомневается в сообщении ему своих самых разрушительных чувств: «Я желаю тебе смерти», «Мне хочется вонзить в тебя эту вилку» и другие подобные агрессии жертвы, которые в некоторых случаях могут быть обычными в детском опыте энеатипа 8 самосохранения с его матерью.

Садистская любовь оставляет отпечаток агрессивности и ненависти в детях, как к миру, так и к самим себе. Возможность быть покинутым вызывает ужас, сопровождаемый гневом: «Если ты предашь меня, я убью тебя», потому что единственная любовь, казавшаяся подлинной, была любовью-убийцей.

Я до сих пор живо чувствую взгляд отвращения и ненависти моей матери на мне, ее пренебрежительное отношение и мегаломанию превосходства перед моими детскими потребностями, перед моей тревогой. Ее привычка оскорблять меня унижительными эпитетами: «трутень!» было ее любимым словом...

Тревога выжившего

Тони Сопрано — не первый вымышленный мафиозный босс, характеризующийся симптоматикой генерализованной тревожности. Политика преступного синдиката тому способствует, постоянно поддерживаемая напряжением контроля и страхом аннигиляции.

Его психологический профиль подчеркивает недостаток эмоциональных ресурсов, чтобы поддерживать себя и справляться со своими конфликтами, и тем более для пересмотра себя или своего жизненного пути. Тони должен посвящать большую часть своей энергии стратегическому планированию с кажущейся холодностью своих действий, решений и управления кланом.

«Знаменитая невозмутимость дона Вито Корлеоне исчезла навсегда», — отмечается в одном из многих психологических анализов персонажа. Оказывается, у крутого парня есть чувства. Он чувствует боль от потерь и любит людей и идеи. Ущерб, нанесенный его самооценке и самоуважению в детстве, проявляется в его поведении без его согласия.

Восьмой самосохранения часто является тревожным типом. Обычно он не проявляет маниакальной эйфории сексуального подтипа или авторитарного мессианства социального. Тревога выжившего управляет Тони; на самом деле, кажется, что тревога — это настоящий босс. Жесткость и высокомерие плохо сочетаются со страхом и постоянным ощущением угрозы. Тревога Тони является обычной и бессознательной у субъектов этого подтипа, она остается незамеченной для них самих из-за их двигательной бесчувственности, по крайней мере, в течение большей части их жизни.

Тони грустит из-за отлета семьи уток из его сада, но подавление его чувствительности превращает его эмоции в симптомы или панические атаки. Грустить из-за уток? Какая глупость! Проблема не может быть в этом: мафиозный босс не должен проявлять чувства, интерпретируемые как слабость.

Контроль и власть не допускают такой чувствительности; и это то, что он пытается исправить, когда обращается к психиатру. Присутствие некоторых эмоций бойкотирует политическую роль босса — классический аргумент, ставящий под сомнение типичный диагноз психопатии. Другое дело — говорить о патологической аморальности, которая отвергает чувствительность до оцепенения, но которая иногда всплывает, создавая конфликт в его переживаниях и решениях.

Это ключевой момент персонажа: это поврежденный человек с нормальной, но испорченной эмоциональностью, искривленной неврозом выживания. Добавлю еще одну черту: Тони всегда видел своего отца как слабого человека перед безэмпатичной, эгоистичной и мстительной женой. Она также жестокая и безответственная мать, смертельный враг собственного сына. Поэтому он не позволяет себе другого образа, кроме как непоколебимого типа, яростно защищающего свою идентичность и убеждения перед материнскими обвинениями. Это усилие оставляет его с огромными трудностями в отношениях с женщинами и болезненным отчуждением от детей, следствием блокировки нежности.

Прищуренные глаза Тони, которые, кажется, несут тяжелый груз или сопротивляются боли, и та улыбка, одновременно озорная и тревожная, отражают закалку того, кто выжил во враждебной среде. Эмоциональная непрозрачность в сочетании с его импульсивностью и вспыльчивым характером — лишь часть его профиля. Детский опыт научил его скрывать свои чувства перед лицом материнской фигуры, которая использовала их, чтобы унижать его, и неэффективного отца без каких-либо родительских навыков.

Восьмой самосохранения научился стискивать зубы, не доверять, быть бдительным и хитрым, чтобы защитить свою чувствительную внутреннюю суть. Его эмоциональность висцеральна и взрывна. Подавление из страха быть раненым создает внешний образ беспринципности. Он может казаться холодным, но взрывается, как вулкан, потому что живущий в нем внутренний ребенок все еще в ярости.

Лгать самому себе

Семейный контекст Тони очень часто встречается у Восьмых самосохранения: отсутствующий отец, не служащий здоровой мужской моделью, и манипулирующая мать, которая наказывает его независимость. Отсутствие отцовского образца компенсируется предрассудками и высокомерием; от материнского контроля и манипуляции учишься лгать стратегически. Тони часто

лжет как часть своей самозащиты. Ложь — часть политики любого правительства... И лгать внутри собственной семьи? Конечно! Кто в этом сомневается?

Те, кто замышляет причинить тебе вред вместо того, чтобы любить, не заслуживают даже малейшего жеста честности или искренности. Какой оттенок морального сомнения мог бы здесь быть? Злые люди существуют. Когда ты знал их так близко, так рядом и так глубоко, ты можешь их узнавать, можешь чутать их издалека. Эти люди двигаются, используя и манипулируя общепринятыми ценностями, умело ставя себя в роль жертвы. Амораль-мораль защищает таких людей, как Тони, от этого лицемерного и злонамеренного «доброцентризма»; хотя у Тони это бессознательный фактор, поскольку он чувствует сильную вину за плохие чувства к матери. И когда его терапевт возвращает ему комментарии о манипуляциях и кастрации с ее стороны, Тони закрывает отрицанием любую перспективу, которая не заканчивается его катастрофической ролью сына... несмотря на то, что он явно проявляет обиду на мать и говорит насмешливо или критически о ее выходках. Очевидное проявляется: «Вы ненавидите свою мать», но это не может быть принято Тони, потому что в его предрассудках это равноценно не-любви к ней, а последнее влечет за собой трагическую и болезненную правду о том, что это он сам не чувствует себя любимым.

Ложь также и прежде всего занимает патологическую самооценку любого начинающего пациента, лгущего терапевту так же, как и себе. Тони показывает себя на сессиях как тот, кто контролирует и знает всю информацию о себе и своих обстоятельствах. Но как можно управлять антисоциальной жизнью, преступной деятельностью, без нечестных инструментов? Вся жизнь Тони — это, по сути, ложь, направленная на поддержание преступного бизнеса и его законов. Но также включение его родителей в его взросление и личность — это искаженная модель: ни его отец не был лидером, которого Тони идеализировал, а скорее отсутствием модели, основанной на пустых архетипах; ни с его матерью никогда не происходит ничего, в чем он должен себя винить, кроме извращенной воли разрушить его из-за ее кастрирующего намерения, свести его к «не-мужчине».

Однако то, что интроецируется, воспроизводится, и Тони, кажется, унаследовал способность к притворству и обману от Ливии, своей матери. Поэтому его способ самовыражения, его желания, ценности и мнения всегда показывают между строк остроту подозрения; вероятную возможность того, что его потребности или намерения отличаются от того, что он показывает или говорит, хотя,

вероятно, он сам не осознает такого смещения, поскольку ложь самому себе является частью эмоционального воспитания, которое он усвоил.

Стоит отметить относительно «преступного» бизнеса Тони и его образа жизни, что это нечестное или незаконное измерение является неотъемлемой частью способа отношений Восьмого с границами норм, особенно если речь идет о подтипе самосохранения, поскольку он действует более скрытно или подпольно, чем другие два подтипа.

Неуважение к родителям, учителям и т. д., являющееся следствием преследований, которые он пережил или чувствовал со стороны авторитетных фигур, в конечном итоге насильственных и жестоких, неизбежно проецируется на социальные нормы (законодательные, экономические или иные). Всегда существует тенденция избегать полного соблюдения правил или запретов, так что его способ адаптации к структуре социальных условностей не совсем законен: всегда есть действия, которые уклоняются от норм, соблюдаемых всеми.

Мир, в котором вращается Тони, управляется этим параллельным измерением «Б». То, что показывается, скрывает или маскирует то, что не разрешено в законном измерении и ускользает от требований закона. Это способ восприятия любой области жизни и ведения переговоров с ее границами. Торгашество, обман, обмен услугами или долги по связи очень характерны для этого энеатипа в понимании отношений. Аморальность становится безнравственностью, когда она терпит и включает сознательное решение манипулировать реальностью, что может навредить другим.

И защитный механизм аморальности Тони фактически представляет собой своего рода отключение или моральное бессознательное, которое позволяет ему одновременно совершать два действия противоположной этической значимости: как сопровождать свою любимую дочь в посещении ее будущего университетского городка и заодно казнить старого предателя из клана, который скрывался и которого он случайно встречает в этой поездке. Это убийство может сосуществовать с его отцовской ролью, поскольку оба они задуманы в одном семантическом поле любви и ответственности: перед дочерью и перед кодексами чести, перед памятью члена семьи, который погиб. Месть — это обязательство, которое призвано возместить боль, придать ей смысл, без которого она неприемлема для невротических эмоциональных дефицитов Восьмого самосохранения.

Вот так Тони любит и просит любви: приносить сладости маме, каждый раз навещая ее (первая любовь входит через рот и остается навсегда как любовный акт), услуги, подарки, защита и восстановление чести. От приношения кофе доктору Мелфи на сессиях или отправки машины на ремонт до избиения тех, кто досаждают кому-то из близких. Или что-то столь известное и свойственное мафии, как вознаграждение деньгами за любую информацию, задание или жест уважения со стороны низших кругов. И что говорить о тех конвертах, полных купюр, которыми они обмениваются на свадьбах или других торжествах: чем больше купюр, тем больше любви и связи. Любить — значит дарить, и в этом акте есть искренняя щедрость, но она требует серии долгов и верностей, которые принадлежат не любви, а контролю, как будто сеть долгов между людьми и есть любовь: способ построения и поддержания этой связи.

Отключение сознания

Пленник самоназначенной роли главы семьи, Тони должен заботиться о ее членах, особенно о своей матери. Все, что влечет за собой эта роль, включая политику бизнеса, слежку, интриги и т.д., оборачивается симптомами его тревоги, и у него почти не остается психической энергии, чтобы видеть дальше собственного носа и замечать властные игры этой матери. Очень базовая, компульсивная эмоциональная картина, бессознательная по отношению к собственному бессознательному и очень свойственная висцеротонии похотливого.

Отсутствие отцовской структуры и материнский контроль помешали Тони развить эмоциональные ресурсы, проявляясь импульсивно, неспособным управлять фрустрацией и с большими недостатками эмоциональной стабильности. Это отражается в его тревоге, взрывах гнева и насилии.

Его невротическая потребность в величии пытается компенсировать поврежденную самооценку, реагируя яростью на любой признак презрения. Его компульсия также выражается в зависимости от еды, лекарств или секса, который ищет не подтверждения мужественности, а разрядки или ухода от напряжения.

Тони поддерживает свою самооценку в одобрении других мужчин, это «быть важным человеком», что часто можно наблюдать у мужчин-Восьмых. В этом успех. В этом ценность товарищества и верного и щедрого поведения между мужчинами-равными. Предательство со стороны тех, кого он считает «одним из наших», является самым позорным и непростительным грехом: «Люди стали мягкими, легко поддающимися коррупции, предателями...» — с ностальгией по

определенным честным ценностям говорит он на одном из своих терапевтических сеансов; невротические потребности в любви и уважении! Он не развивает таких чувств зависимости к женщинам, за исключением материнской и защитной роли, которую он может проецировать на некоторых из них, например, на доктора Мелфи, которая представляла бы сладкую, любящую или просто поддерживающую мать, которой у него никогда не было.

Вопрос о неизбежном насилии и включении необходимых «побочных ущербов» для третьих лиц в его ремесло и достижение его целей приводит нас к обсуждению предполагаемых психопатических черт у Тони и его кажущегося отсутствия эмпатии. Это очень распространенный дебат о похотливом энеатипе. У Тони нет реального отсутствия эмпатии, но, в силу функционального эгоизма, свойственного этому подтипу, это эмпатия, ограниченная кругом людей, которых он любит или которые ему важны: те, кто отвечает ему любовью и верностью в отношениях. Остальной мир может быть использован инструментально, если этого требуют его дела или другие афферы. Это эмпатия, легко растворимая в рамках аморальности.

У Восьмого особый тип эмпатии. Он может проявлять глубоко укорененные висцеральные убеждения в чувствах уважения или достоинства к тому, что можно и чего нельзя делать с собратом, своего рода примитивная видовая эмпатия. И, тем не менее, чувствовать ту же твердую убежденность в наказании, которого заслуживают поступки, которые его чувствительность считает недостойными. Предполагаемую психопатию мафиози нельзя напрямую и упрощенно приравнивать к структуре характера энеатипа 8, только ради желания определить «злодея», который укрепляет самооценку «хороших». Мы имеем дело, на самом деле, с перечнем его малоизвестных невротических потребностей. Ключ к этому различию — та идеология чести или достоинства. За исключением вспышек гнева или мести, Тони не стремится причинить вред ради самого вреда. Это, в свою очередь, отличает специфику садиста. Он не садист, но не раскаивается в мстительном и правосудном вреде, причиненном в ходе его решений и целей.

Его склонность к «отключению сознания» проявляется в его обмороках как крайнее выражение его неспособности выдерживать эмоциональную боль. Отключение — это радикальный механизм, с помощью которого его организм реагирует на тревогу, которую он не может сознательно управлять. Это «отключение» сознания, а также его малое самосознание, кажется, представлены в симптоматологии и аналитической метафоре его обмороков, как будто это образ наиболее далекого от любого пробуждения или даже

какого-либо маленького инсайта. Это также аспект импульса к бегству, как фундаментальный закон его опыта в джунглях его прошлой и настоящей жизни.

Его дурное настроение сочетается с легким чувством юмора и любовью к шуткам и смеху среди людей его ближайшего окружения. Что сказать о его глуповатых, наивных, но диких выражениях лица, о его недостатке собственного мнения о вещах мира или людях; о его бесчувственной, предвзятой искренности и чувстве интеллектуальной неполноценности. Или, добавив еще один пример, о его поиске мирских развлечений в телевизионных новостях, торговле любого рода или мужских посиделках для простого выпивания, еды и сплетен.

Без надежды на перемены?

Обычная когнитивно-поведенческая терапевтическая перспектива, которая стремится нормализовать поведение субъектов, не питает больших надежд на изменения в случае Тони Сопрано. Без его аддиктивных заменителей самооценки, как такой глупый человек мог бы выдержать такую головокружительную пустоту? Страх этого клинического взгляда указывает на фатальную дезинтеграцию его самооценки. Кто знает — опасаются эти гипотезы — не привело бы это к небрежности в его делах, что спровоцировало бы кровавые стычки между кланами, которые могли бы стоить Тони жизни. Для официальной медицинской модели нельзя ожидать эмоциональной адаптации или улучшения его регуляторных механизмов в сторону «нормальности».

«Какой ужасный этот мир, который толкает людей на грех», — утверждает «Последний дон» (Марио Пьюзо, 1996). Дон Доменико Клеркуцио, мафиозный босс, изображенный в этом романе, на смертном одре проводит испытание совести о разрушительности страстей и жадности к власти, которые привели его клан к самоуничтожению, вместо того чтобы к процветанию и увековечению.

Обретение осознания вреда, причиняемого собственными когнитивными ошибками (себе и другим), не приводит похотливый характер к какой-либо «нормализации» поведения и даже к морализации в общепринятом смысле. Скорее, достигается понимание необходимости прекратить войну с миром, наблюдая за болью, которую он порождает, и распространением нелюбви или даже ненависти. И достигается, как и в случае с Тони, понимание эмоций как чего-то естественного, что можно признать и позволить себе чувствовать: например, печаль по поводу болезни и смерти любимого друга или искренняя любовь к своей ближайшей семье.

Трагедия отрицания

На протяжении сериала Тони переживает личный процесс, ограниченный его семейной культурой, невежеством и когнитивными недостатками. Однако ему удается достичь некоторого созревания в осознании и ответственности за свою жизнь и эмоции, по-своему. Для стойких характеров, как у него, принятие ответственности за реальность не означает придания важности «тому, что заставляют меня чувствовать другие» или защиты «здорового эгоизма». Помимо этого, поиск величия у этих характеров влечет за собой особую легкость в придании трансцендентного или экзистенциального смысла усилиям по трансформации и осознанию последствий своих действий.

Энергичное лидерство, стратегическое видение и другие интересы, или особая примитивная эмпатия Тони могут быть переработаны через щедрость и солидарную поддержку, которые энеатип 8 имеет в своем потенциале. Хотя мы не знаем, не слишком ли это много для терапевтического процесса Тони. Его первая большая трудность характера — достичь позитивного переноса с доктором Мелфи. Первое — это недоверие, параноидные размышления о предполагаемых манипуляциях психиатра с ним, защитная реакция из-за чувства неполноценности перед кем-то с университетским дипломом. И попытка его невежества не потерять контроль: Тони позволяет себе бросать сессии, когда его конфронтируют, или даже расследовать личную жизнь доктора. И, конечно, желание... компульсивная сексуализация женщины сверх факта строгих отношений между профессионалом и пациентом. Имея такую мать, как у Тони, кто бы не почувствовал желания или не влюбился бы в умную, образованную и нежную женщину, чье отношение всегда уважительно и даже защитно по отношению к избитому ребенку внутри нас?

Дело в том, что сексуальность с женщиной — это не просто разрядка или очередное похотливое отвлечение. Эмоционально это поиск любящей матери, идеального материнства, где ребенок чувствует себя любимым, желанным в том смысле, что «она» желает ему добра и заботится о нем по-настоящему матерински. Желание — это преобразование этого поиска, этой огромной потребности. Сексуализация — это эдипов детский импульс к интеграции «хорошей матери». Но также, как таковая, она является первичным проявлением позитивного переноса на доктора Мелфи. «Я начинаю понимать, что разговоры помогают», — утверждает Тони в какой-то момент; или «мне никто никогда не помогал и не облегчал задачу», — говорит он, имея в виду обретение помощи в докторе... Хотя фрустрация и конфронтация почти по любой теме, затронутой на терапии, всегда возвращают его, как автоматическая инерция, к его обычному генерализованному негативному переносу.

После этого, со временем процесса и большим терпением в профессиональном отношении Мелфи, пациент мог бы конструктивно признать помощь, которую профессионал предлагает ему своими анализами и интерпретациями. И его повседневная борьба, обманчивые две стороны его личности, симптомы его тревоги и т.д. начнут проявляться, как сказал бы нам Фриц Перлз, в их истинной природе трагедии, драмы, которую представляет собой жизнь, которую Тони ведет и построил. Его заботы, возможно, стали бы теперь экзистенциальными размышлениями, связанными с подлинными чувствами. И симптомы тревоги, управлявшие его настроениями, должны были бы сублимироваться в состояния осознания и ответственности за свои потребности, эмоции и решения.

Но как преодолеть эту чудовищную мать, которая засела так глубоко, что скрывает от тебя реальный мир? Как достичь невинного счастья, которое вернет тебя к изначальной нежности? Как освободить врожденное мирное и доброе лидерство... Возможно, путь — это почувствовать себя помазанным и любимым простым вращением Земли, подвешенной в космосе, способность признать и принять творческую логику жертвы: позволить и дать умереть тому, что ты старался спасти. Принять, что не все можно исправить, что есть необходимые потери. И в этой пустоте освободить место для чего-то более простого и реального: дарующей и щедрой невинности сильных.

11. АНЕКДОТЫ И КАРИКАТУРЫ

«Права человека — их всего три: видеть, слышать и молчать».

«Опять они пытаются строить из себя жертву».

«Я вам уже три раза сказал, что мы осуждаем насилие. Вам понятно?! Вы меня уже просто задолбали, и в следующий раз я вас...»

12. ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ И ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Марк Фреске, Хавьер Миранда,
Кароль Вильялон, Мануэль Куэста и Мерсе Кукерелья

Е8 самосохранения необходимо признать, что его процесс глубокой трансформации начинается с раскрытия фундаментальной иллюзии: его истинное изменение начинается, когда он осознает, что идея о том, что мир разделен на хороших и плохих, сильных и слабых, — это ложь, которую он проглотил, чтобы выдержать. Как говорит Хамед Альмаас, эта жажда справедливости и мести, которая жжет тебя изнутри, — не что иное, как искаженное эхо более глубокой боли: что ты отключился от Истины и того единства, которым ты был в детстве, до того как все пошло к черту.

Дело в том, что ты веришь, что должен указывать на виновных, раздавать тумаки, наказывать тех, кто заслуживает, — все это чтобы исправить мир, который кажется тебе несправедливым. Но это всего лишь твой способ попытаться снова почувствовать, что все имеет смысл, хотя бы ценой злости. Суть в том, что тебе не нужно взыскивать долги или вершить правосудие с помощью кулаков, чтобы быть в мире с самим собой. Исцеляет открытость более великой и более жесткой истине: никто у тебя ничего не отнял, это ты сам был вынужден отпустить то единство, чтобы выдержать боль. И признание этого не лишает тебя силы, а возвращает ее.

Быть истинным — это не то же самое, что быть самым крутым в районе. Нужно научиться быть в своей уязвимости без смертельного страха (потому что это так: уязвимость тебя пугает), оставаться с открытым сердцем, не хватаясь за мачете при каждой боли, научиться доверять, даже если твоя история постоянно говорит тебе не быть дураком, не давать собой манипулировать, не позволять себя обманывать... Когда ты снимаешь доспехи, ты обнаруживаешь, что не умираешь: настоящая сила — это не та, что контролирует и подавляет, а та, что интегрирует, прощает и понимает.

Трансформироваться — значит перестать видеть мир как джунгли хищников и начать видеть, что можно по-настоящему соединяться с людьми. Перестать стремиться все контролировать и научиться быть присутствующим. Перейти от требования справедливости к обретению покоя в своей груди, от сведения счетов к тому, чтобы смотреть в лицо своей боли без бегства и без наказания.

Этот путь не в том, чтобы потерять свою силу, а в том, чтобы научиться правильно ее использовать: поставить ее на службу заботе, взять на себя обязательства перед тем, что важно, и быть подлинным. Таким образом ты не теряешь свою мощь, а освобождаешь ее из тюрьмы недоверия и этой потребности наказывать, превращая в силу, которая исцеляет, а не разрушает, силу, которая служит жизни, а не твоим призракам.

Некоторые рекомендации для начала, Хавьер Миранда

Особенность людей, фиксированных на этом характере, в том, что они с трудом принимают рекомендации или советы, и им также нелегко их давать. Для этого характера собственный опыт имеет гораздо большую ценность, чем чужие ссылки, и, доведенное до крайности, это может привести к серьезному ограничению. Полезно признать, что нарциссизм затрудняет слушание. Осознать силу импульсивного в противовес рефлексивному.

Особенно важно в этом характере сопровождать без принуждения. Их высокая реактивность и чувствительность, обе отрицаемые изначально, делают сложным для этих людей позволение себя сопровождать, и это может привести к преждевременному прекращению процесса из-за нарциссической травмы. Мощь отрицания соразмерна травме пережитого унижения, все еще отрицаемой от сознания, и поэтому переживаемой заново при каждой встрече. Уважение.

Признать отрицание как первый реактивный импульс по умолчанию в любом человеческом контакте. Это так, и отрицать это вслух, осознавать это — первый шаг процесса. Ответственность.

Помогает работа с тонким на всех уровнях: телесном — расширение чувств; ментальном — нюансы в размышлениях; и эмоциональном — слушание нежных чувств. В противовес тенденции характера к поиску интенсивности-власти как способу показать себя не слабым перед собой и миром, речь идет о постепенном открытии сознания к восприятию тонкого во всех аспектах. Конфронтация с тонким вместо интенсивности.

Осознавать других людей через наблюдение эффектов своих действий на них. После первоначального отрицания есть риск вторжения океанической эмоции-боли из-за причиненного вреда. Не путать подлинную эмпатию во встрече Я-Ты с сентиментальностью или сюсюканьем. Интересный дебат для размышления о многих промежуточных точках между крайними полюсами контакта и отступления.

Эмоциональная интенсивность компенсируется легкостью смены регистра и радикального отсечения океанической эмоции. В полярности бесчувственность-гиперчувствительность, Вкл/Выкл, речь на первом этапе идет о том, чтобы овладеть выключателем, открывать и, главное, закрывать по желанию шлюз эмоционального, чтобы позже заменить этот двухпозиционный выключатель на регулятор, то есть научиться сосуществовать с эмоциональным потоком в данный момент. Учиться управлять медленностью в противовес непосредственности. Дышать.

Различать чувствительность — качество ощущения эффекта чего-либо, что помогает восприятию тонкого, — от уязвимости — качества быть восприимчивым к ранению или страданию, способности позволить себе быть тронутым, что помогает контакту с собой и с другим. Важно отличать оба от слабости — недостатка силы или энергии для противостояния ситуации. Безжалостное характерное отрицание слабости в любой ее форме делает сложным принятие собственной чувствительности, и тем более уязвимости, и поэтому невозможно воспринять их как собственные инструменты для отношений. Интегрировать.

Выдерживать двусмысленность и неопределенность, Мануэль Куэста

Для энеатипа 8 самосохранения выдерживание двусмысленных пространств — это вызов. От самого повседневного — например, затянувшийся тривиальный разговор в лифте — до отношений, которые не полностью определены, любая ситуация, где контроль не является абсолютным, представляет собой внутренний вызов. В своем личном процессе я намеренно подвергал себя этим неопределенным пространствам, чтобы испытать, каково это — обитать в них без ощущения угрозы.

Контроль E8 самосохранения строится на доминировании, конкретности и непосредственности. Работа над этим механизмом означала для меня столкновение с, казалось бы, незначительными, но глубоко символическими ситуациями. Один пример — покупка красных брюк. Годами ношение яркой одежды казалось мне нелепым, своего рода ненужным саморазоблачением.

Выдерживание этого пространства уязвимости, делая это с вниманием и привязанностью, без принуждения и без унижения, открыло новые возможности. Это стало маленькой дверью к тому, чтобы облагородить хрупкость, которая, вместо того чтобы сломать меня, позволила мне смягчиться.

Другое упражнение — задержка немедленного удовлетворения. Если я знаю, что хочу что-то купить, я заставляю себя ждать. Удлинение времени, в течение которого укрепляется желание, — это способ постепенно признавать пространство, принимать пористость моей структуры. Потому что Е8 самосохранения воспринимает себя как цельный, и любое движение, заставляющее его увидеть свою проницаемость, является вызовом. Поэтому абреакции (взрывные катарсисы) бесполезны в этом подтипе; процесс должен быть прогрессивным, осторожным и осозанным.

Спасательные круги и спасатели душ, Кароль Вильялон

То, что помогает этому характеру, — это научиться ценить как то, что служило спасательным кругом, так и то, что служит потенциальным преобразователем на психологическом, экзистенциальном и духовном уровнях. И ценить оба, не ставя спасательные круги, более осязаемые, выше того, что трансформирует на тонком уровне: спасателей душ. Потому что не все, что позволило мне выжить, позволяет мне жить; но почитать оба пути — это часть того, чтобы научиться жить во мне с достоинством и перестать быть в состоянии войны с самой собой.

Я четко различаю то, что позволило мне устоять на ногах — мои спасательные круги — и те процессы, которые помогли мне жить более спокойно и выходить за пределы, хотя бы немного, моего характера. Среди этих спасательных кругов была моя страсть к работе: быть терапевтом и диджеем, и эта самоотдача музыке как пространству трансценденции, которая позволяет исцелять без необходимости прикасаться к людям. Для меня было важно увидеть, что то, что меня страстно увлекает, может помочь другим, что я могу вернуть что-то из того, что получила в своем собственном процессе. Музыка, искусство, танцпол, ритмический пульс, общая вибрация... это было то, что позволило мне выжить в этом мире и, частично, продолжает поддерживать меня, потому что дает мне место, где я могу чувствовать свою силу без ощущения ее потери, где я могу принести плод миру.

Еще одним моим спасательным кругом была природа. Животные. Их простое присутствие, без осуждения, их чистота, которая соединяет меня с чем-то важным, позволили мне успокоить то внутреннее напряжение, которое всегда

сопровождало меня и которое напоминает мне молчаливо, что мне не нужно ничего доказывать, чтобы существовать, что я могу просто быть.

Но если говорить о трансформации, о том процессе, который пригласил меня открыться и выйти за пределы моего собственного характера, я бы сказала, что это был процесс отпускания идентификации с той «плохой девочкой», которую я носила внутри, той крутой, отвязной, завораживающей, которая управляет из диджейской кабины с видом неприкасаемой. Эта фигура служила мне, чтобы держаться отдельно, управляя нитями без необходимости в реальном контакте, без интимности, запертой в моей собственной внутренней кабине. Перестать поддерживать этот образ было глубоко сложно, потому что, когда маска падает, появляются страх и испуг от ощущения себя без того контроля, к которому я привыкла. Но я также обнаружила, что могу быть одной из многих, без необходимости ставить себя выше, и что я не теряю свою силу, когда проявляю свою человечность, а становлюсь более настоящей.

На этом пути мне помогали конкретные люди, как правило, мужчины старшего возраста, у которых было терпение и твердость смотреть на меня дальше моей провокации, моей агрессии, моего насилия и той привычки «отрубать головы» каждый раз, когда появлялась близость. Это был паттерн: искать поводы разорвать связь и не поддерживать близость. Я помню одного человека, который сказал мне: «Мы будем продолжать ссориться, пока не решим это». Эта фраза изменила меня, потому что показала мне, что ссора не всегда должна означать потерю другого человека. На моем пути присутствовало несколько таких взрослых и доброжелательных фигур, которые не отвечали на мою агрессию, которые оставались, когда я ожидала, что они уйдут, и это научило меня, постепенно, что любовь может быть терпеливой и что моя интенсивность не обязательно должна все разрушать.

Наличие партнера также очень помогло мне. Я не растворяюсь в партнере, не теряю свою форму, но это поддерживает меня. Так же как меня поддерживает мой дом — пространство, где я могу отдохнуть и чувствовать себя защищенной, без необходимости всегда быть начеку или доказывать, что я все могу.

И, без сомнения, программа SAT для меня стала поворотным моментом. Во-первых, потому что она позволила мне перестать притворяться, признать свою агрессивность — такое слепое пятно в моем характере. Затем, потому что она помогла мне признать группу как поддержку, увидеть, что я не отделена от мира, как я считала в своем нарциссизме, и что мир существует не только для того, чтобы я питалась от него. Это также позволило мне открыться эмоциям, признать мое влияние на общество и расположиться более правдиво в моем

энеатипе; и осознать, что я не была островом, что существовало племя, которое могло поддерживать меня без потери моей автономии.

Ценить то, что меня поддерживало, и то, что меня трансформировало, — это, по сути, один и тот же акт благодарности: признать, что жизнь в каждом своем биении дала мне именно то, что мне было нужно, чтобы продолжать учиться жить, и что даже мои самые жесткие части имеют право быть обнятыми, пока я продолжаю двигаться к доверию и открытости.

Жить без доспехов, Мануэль Куэста

Любовь для характера Е8 самосохранения — это территория, полная мин: она переживается как угроза выживанию, а не как пространство роста или слияния. Эмоциональный мир был закрыт первичной травмой, и остается телесный панцирь, который защищает жизнь, отрицая боль... и отрицая также любовь.

Парадокс глубок: кто больше всего боится любви, возможно, тот, кто может чувствовать ее наиболее глубоко. Интенсивность, с которой переживаются защита и недоверие, прямо пропорциональна отрицаемой чувствительности. И эта чувствительность, которая остается живой под тоннами защиты, — это та же самая, которая, когда находит трещины, может превратиться в истинное сострадание, в реальную самоотдачу, в любовь, которая не стремится вторгнуться или исчезнуть, а сопровождать.

Возможно, самое глубокое обучение для этого характера — не любить больше, а позволить себе быть любимым без бегства, без защиты, без контроля и отрицания. Признать, что не всякая любовь — это ловушка, не всякая боль — предательство, не всякая потребность — зависимость.

Любить, тогда, не как героический акт того, кто дает без меры, не как анестезия от ощущения недостатка, не как слияние, уничтожающее другого, а как ясное присутствие. Любовь, которая видит, уважает ритмы, слушает, прежде чем действовать, которая не нуждается в объятии всего. Любовь как пространство, обитаемое двоими. Любовь как мужество быть без масок.

И, возможно, величайший акт любви для этого характера — это не закрывать грудь, когда что-то болит, а вместо этого открывать ее чуть шире.

Когда Е8 самосохранения начинает испытывать эмоциональную открытость — будь то в терапии, на семинарах или в любовных отношениях — часто возникает противоположная реакция. Ощущение растворения характера, потери

защитного слоя может быть ужасающим. Не потому что любви нет, а потому что отсутствие защиты воспринимается как смертельная опасность.

Проблема не в любви, а в уязвимости, которую она влечет за собой, для того, кто в детстве был вынужден отказаться от любви, не найдя другой стратегии выживания. Для Е8 самосохранения опустить защиту означает подвергнуть себя риску, существование которого он отрицал всю жизнь. Восприятие опасности перед лицом уязвимости настолько сильно, что любая эмоциональная открытость может вызвать реакцию бегства, гнева или даже полной блокировки. Поэтому в этих процессах крайне важно пересматривать катарсисы и ритм проработки эмоций. Такой закаленный характер не может быть разоружен одним ударом, потерять жесткость. Открыться привязанности, нежности переживается как риск смерти.

Путь к интеграции для этого энеатипа нелегок, но и не невозможен. Речь идет о том, чтобы научиться, что сила заключается не только в сопротивлении и бесчувственности, но и в способности выдерживать собственную хрупкость. Страх не исчезает, но переосмысливается. То, что когда-то было страхом смерти (реальным страхом), теперь становится страхом быть раненым. И то, что раньше было невыносимо, теперь перестает быть таковым. И, постепенно, обнаруживается, что не все является либо все, либо ничего, что жизнь имеет оттенки, что можно доверять мало-помалу, что можно любить, не боясь, что другой тебя поглотит, воспользуется тобой или уничтожит. Доверие заключается в принятии того, что это может случиться, что тебя могут обмануть, что все может пойти не так, но что это не уничтожит тебя. И в принятии того, что за достижениями всегда был ребенок, ждущий, чтобы его увидели, признали и обняли.

Терапевтическая работа с этим характером должна быть направлена именно сюда: на восстановление доверия без требования покорности, на открытие сердца без отрицания чести, на примирение уязвимости с силой. Речь не о том, чтобы превратить Е8 самосохранения в мягкого или покорного, а в том, чтобы помочь ему заново открыть ценность нежности и контакта, исходя из его собственной логики.

Воссоединение с внутренним ребенком, Мануэль Куэста

Понимание того, что значило для меня расти в среде насилия, потребовало глубокой и постоянной работы. Я никогда не воспринимал себя как ребенка, потому что детство в моем опыте не было периодом защиты и игры, а выживания и борьбы. Однако для меня было важно научиться видеть себя в детях, чтобы признать себя на этом этапе своей жизни.

Наблюдение за нежными, чувствительными и уязвимыми телами детей помогло мне визуализировать мою собственную детскую хрупкость. Наблюдение за их ограничениями, жестами, потребностью в заботе и защите позволило мне начать помещать себя туда, в то место, которое я когда-то занимал, но которое мой разум заблокировал. Это было необходимое упражнение: представить себя ребенком, избитым до крови, брошенным, презираемым, униженным. И делать это с открытым сердцем, с готовностью понять, что я тоже был тем ребенком.

Для энеатипа 8 самосохранения контакт с этой чувствительностью не является линейным или немедленным процессом. Каждая попытка эмоциональной открытости несет с собой воспринимаемый риск, ощущение уязвимости, которое вместо облегчения может активировать еще более сильный защитный механизм. Не было ни одного случая, когда после пикового опыта открытости моя агрессивность не усиливалась бы по возвращении домой.

Когда я начал медитировать, моя партнерша говорила мне, что мне это не идет. Я не понимал, почему, ведь медитация должна успокаивать. Но каждый раз, когда я выходил из комнаты или возвращался из центра, возникали ссоры. Мое напряжение и восприимчивость возрастали. То же самое происходило с массажами, дыхательными упражнениями, биоэнергетикой или даже терапией. Если восстановление чувствительности не вводится деликатно и постепенно, опыт становится не только подавляющим, но и воспринимается как агрессивное вторжение.

Этот процесс не может быть просто техникой или «как будто». Он должен исходить из внутреннего движения, из эмоциональной и телесной работы, которая позволяет выдерживать накопленное одиночество и боль. Без этой основы любая попытка открытости будет поверхностной и приведет к еще большей внутренней борьбе.

Сдаться, Марк Фреске

Сдаться, вместо того чтобы быть актом поражения, означает научиться вести переговоры с жизнью, признавать потребности других и становиться в равное положение без страха поражения и бессилия. Это процесс отпущения и понимания, что эти отказы не унижают нас, а позволяют нам двигаться вперед в мире.

Высокомерие было в свое время инструментом защиты. Теперь я вижу и уважаю его как старого учителя достоинства. Оно дало мне силу противостоять жестокости моей матери, научило меня защищаться и выживать. Это была

любовь, которую я не получил от других, руководство к самооценке и мужеству, а также способ восстать против несправедливости мира. Однако высокомерие может быть превращено в нечто доброе и облагораживающее, чтобы предотвратить истощение духа и самого смысла жизни из-за ненависти и постоянной борьбы. Подлинная сила, доброта и вера в себя становятся истинными столпами для противостояния боли мира с безмятежностью.

Научиться уступать не означает поражения, а мудрость и внутренний покой. Преодоление первоначального высокомерия E8 самосохранения позволяет более аутентично соединяться с другими и с собой, освобождая от эмоционального износа, вызванного постоянной и бесконечной борьбой.

Осознание того, что не нужно так много, Марк Фреске

Только время и адекватный терапевтический процесс могут привести человека с этим характером к относительности его желаний и потребностей. Когда он наконец чувствует себя ценным и признанным за то, что он есть, он может достичь осознания подлинного удовлетворения без необходимости чрезмерно желать. Тогда усваивается, что желание и потребность действуют на разных уровнях в самосознании, и что компульсия может быть умерена, когда этот характер чувствует себя аутентично оцененным и признанным.

Именно в этот момент появляется более ясное осознание реального и достаточного удовлетворения, которое позволяет добровольно отказаться от избытка. Жизнь продолжает быть ценной, даже если уже не преследуется с тревогой немедленное удовлетворение. Твоя личная ценность проистекает тогда из внутренней благодати, а не из того, что ты можешь получить или взять из окружения.

Так искупается вор: пробуждением осознания того, что не нужно так много, что есть достаточно, что нужно принимать границы реальности и уважать признание и уважение, которые другие ему оказывают. Мощь, смелость и мужество, которые у тебя есть, становятся тогда даром, а дар должен быть разделен с теми, кто действительно в нем нуждается.

Подлинная эмоциональная свобода E8 самосохранения приходит с пониманием того, что ему не нужно компульсивно удовлетворять все свои желания, чтобы чувствовать себя ценным. Признание собственной внутренней благодати позволяет жить в полноте, устанавливая более сбалансированные и гармоничные отношения с окружением.

Разоружиться для самосохранения означает отпустить, выразить ярость, подчеркнуть и потребовать границы, полностью погрузиться в похотливую интенсивность и принять собственную свирепость. Возможно, это также означает полностью принять внутреннего лидера, который живет внутри, и позволить также проявиться инстинктивному, шумному, но невинному и нежному ребенку, который всегда рядом с собакой, которая сильно кусается, сталкиваясь с границами жизни.

Это сила, противоположная жесткости и сдержанности эгоиста, его требующей мести. Это давать и обнаруживать, что то, чем ты обладаешь по природе, является благотворным и освобождающим для других, и что ты должен позволить себе быть собой без страха оспаривания, признавая, обнимая и предлагая миру доброту и невинность, которые ты закрыл и защищал.

Таким образом, компульсия к самоудовлетворению теряет свою срочность. Ты больше не раненый зверь, который выживает, а достойный и ценный член человеческого сообщества. Удовлетворение тогда перестает восприниматься просто как удовлетворение инстинктов, как предполагается в фаллико-болезненном видении фрейдистского вдохновения, и понимается как форма самозаботы, невротическая попытка поддержки перед лицом пустоты любви, никогда не заполненной, что является частью человеческого страдания.

Процесс разоружения освобождает Е8 самосохранения от его самонавязанной изоляции, позволяя ему подлинно соединиться со своей внутренней силой, которая, будучи признанной и принятой, превращается в источник собственного и чужого благополучия.

Признание и улыбка, Марк Фреске

Первоначальным предшественником изменения для любого подтипа Восьмого в целом может быть обретение помощи признающего и уважительного взгляда другого. Кого-то, кого высокомерный аутсайдер может признать, что чрезвычайно сложно. Кого-то, чье внимание он ощущает; того, кто может увидеть в нем ценность, которую, возможно, никогда раньше никто не видел. Кого-то, чья мудрость трогает тебя; учителя, лидера в том виде, в каком ты представляешь его в своем воображении. Средства, которое, возможно, спасет такого человека от кислого и жесткого ощущения себя изгоем всего; кого-то отвергнутого за то, что он есть. В конкретном случае энеатипа 8 это не будет укреплять его эго, а откроет зарождающуюся связь с человеческим окружением, более благожелательную оценку себя и других. Оттуда может постепенно развиваться процесс преодоления обиды, с мужеством встречая собственные

раны и признавая без вуали высокомерия суровость прожитой тобой жизни и задержанную там боль.

Когда ты чувствуешь себя оцененным, ты автоматически способен ценить. В Восьмом глубоко укоренены эмпатия и щедрость, почти инстинктивные, которые освобождаются от обиженной и недоверчивой сдержанности, когда находят любовь для него среди других. Тогда ты принимаешь нечто вроде миссии: твоя мощь, сила и устойчивость больше не являются теми самоапологетическими навыками воина; они становятся дарами, которые должны быть отданы миру.

Исцеляет установка активной бдительности в отношении ограничивающих идей негативного и недоверчивого дискурса о людях. И хотя это может показаться простой шуткой, исцеляет практика или тренировка улыбки: переживание и интеграция эффекта открытости и когнитивных изменений от улыбки миру, даже если ее нужно сначала немного форсировать, как в комическом трюке дурака Шрека, и заново открыть красоту мира, которую внутренний ребенок уже научился ценить до того, как ему пришлось заковать себя в доспехи для выживания.

Культивирование пространства для боли, Марк Фреске

Пение сирен реактивной мести неотразимо. Требуется большая, сложная, но также и великая работа — преобразовать эту компульсию в абсолютную ответственность за собственную боль, раны и отсутствие любви. Остановиться перед лицом этой реактивности и оставить пространство для чувства боли, печали, подавленности или безнадежности, выходя за рамки воспринятого оскорбления или агрессии. Дело не в том, что мир не полон ублюдков, а в том, что фиксация на нанесении ответного удара погружает тебя в ту же вечную войну с другими, в твое страдание и в твое негативное мышление. Сознательное переживание этого доказывает тебе истинность поговорки «мечь оставляет тебя пустым», действительно, увековечивая внутреннюю пустоту. Мечь не заполняет эту пустоту, не исправляет боль или унижение, так же как свирепый Ахилл созерцает всех тех, кого он убил, ожидающих его по ту сторону Стикса.

Доброта, содержащая твою собственную невинность, — это истинная сила. Она делает тебя важным для других и дает путь к расцвету харизмы, которая является твоей подлинной. Доброта, которую ты мог бы позволить себе излучать, присуща тебе, она всегда была там. Это не «доброцентризм», не моральное притворство, чтобы нравиться или казаться лучшим человеком, чем ты есть. При свете твоей мощи эти врожденные добродетели выравнивают тебя

с самым существенным в твоём существе. Тебе нужно только, через твой поиск, принять и обнять свою хрупкость. Быть тем, кто ты есть, несет в себе чистую эмпатию и невинность, которые, возможно, многие люди в твоей жизни не смогли оценить за интенсивным и непослушным зверьком. И ты понял, что твоё место было по другую сторону — место отверженных мира.

Осознанное родительство, для тех, кто этого хочет

Мой процесс воссоединения с собой, принятие частей, которые я научился скрывать, начался с рождения моей дочери.

Единственный горький спор с моим бывшим мужем произошёл, когда должна была родиться наша дочь. Он хотел разделить со мной первые моменты, а я нет. Я знала, что не смогу почувствовать нежность, которую требует этот момент, если не в контексте абсолютной интимности...

На вводном курсе программы SAT, во время упражнения, где мы писали письмо своему собственному эго, я услышала, как говорю: «Я могу отказаться от всех, кроме моей дочери; от её любви я не могу отказаться». Эта фраза ознаменовала начало моей трансформации, сказав «нет» эго. Я почувствовала сострадание к себе, и вся нежность, которая оставалась замороженной, начала течь, пока я гладила и целовала ту бумагу, которая представляла меня, такими нежными жестами, что их почти не было видно.

Благодаря материнству и терапии я смогла деконструировать свой путь, восстановить без стыда то детское стремление и ощущение себя достойной любви, которое было разбито. Это был процесс узнавания себя и, одновременно, обретения моей дочери, что полностью изменило смысл моей жизни.

Однако работа на этом не заканчивается. Она требует постоянного наблюдения и напоминаний. В моём случае мне помогает общение с эмоциональными людьми, подражание их способу самовыражения и изучение их языка, чтобы продолжать открывать путь нежности, которую материнство помогло мне пробудить.

Мерсе

Моя дочь неизмеримо счастливее, чем я могла бы мечтать в её возрасте. Она была и чувствовала себя любимой без сомнений, как я никогда не чувствовала. Она гораздо свободнее, уважаемее и эмоционально умелее, чем была я. Эта истина открылась мне как величайшее доказательство победы над цепями

судьбы, которая по инерции стремится увековечить страдание. Должно быть, я сделала что-то лучше, чем мои родители, в конце концов. Я думаю, что это открытие научило меня доверять освобождающей силе любви и ценности усилий духа и сознания для преодоления человеческого страдания.

Так что, в рамках терапевтических рекомендаций, я бы сказала, что для меня было очень целительным само по себе естественное событие — иметь детей: переживать хрупкость, чистоту и зависимость ребенка, чтобы найти или созерцать свою собственную. Смочь принять и пройти через свою собственную хрупкость и пережить бессилие и страх, которые передают тебе их крошечные тела. А также убедиться, заботясь о них, убирая за ними, укачивая их, что кто-то делал это для тебя в прошлом.

Присутствовать, пока они растут, и переживать инерцию, силу и последствия их собственного выбора, не имея возможности спасти их или избежать того, во что ты страстно желаешь вмешаться. Затем наблюдать проявление равновесия природы и человеческого духа, видя, как они превращаются в здоровых, уравновешенных и свободных людей или, как сказал бы Чарльз Дарвин, сильных, здоровых и счастливых индивидов.

Марк

Отдать себя миру, Марк Фреске

Для Е8 самосохранения также фундаментально, через уже упомянутую активную самонаблюдение, перестать предаваться гедонистической устойчивости, той ленивой и эгоистичной инерции, которая просто ищет удовлетворения желаний или базовых, инстинктивных потребностей, не возвращая энергию в творчество или в полезность собственного существования в мире.

Существенный фактор трансформации состоит в том, чтобы найти или открыть, в смысле заново обрести, то в твоём существе, что может быть отдано миру, твой самый трансцендентный талант. И делать это, делать без усталости, каждый день до конца твоей жизни. Не цепляйся за благополучие, не отдавайся чувственной новизне любви ради любви — это для тех, кто верит, что смысл их существования только в том, чтобы снова почувствовать благодать контакта и материнской любви. Ты такой?

Прими свою жертвенную природу, прими себя как дар и отдайся этому титаническому акту любви к миру. Вот где находится героическое бессмертие, которое ты всегда считал своей судьбой, вот где смысл и польза твоих грандиозных идей.

От страха к доверию

Мы уже заканчиваем, завершаем книгу, и понимаем, что Е8 самосохранения должен понять, что трансформироваться — это не значит стать мягким или потерять ту силу, которая держала тебя в живых, а вытащить ее из той тюрьмы, которой являются страх и потребность наказать всех, прежде чем они тебя достанут. Быть сильным не означает быть бесчувственным, а развить способность выдерживать собственную хрупкость, не стыдясь ее. Это возможность сказать «да, мне больно», не чувствуя себя при этом неудачником. Это возможность открыться любви и доверию, не позволяя панике, что тебя предадут, превратить тебя в бешеную собаку, которая кусает прежде, чем ее коснутся. В этом процессе помогает постепенное открытие любви и доверию, позволяя себе получать без страха быть преданным.

Это о том, чтобы помириться со своей историей, перестать бороться с тем, что ты пережил, посмотреть уязвимости в глаза, не плюя в нее, научиться быть нежным, не чувствуя себя идиотом, который разоружается. Все это двери, ведущие к более правдивой жизни, где твоя сила уже не для того, чтобы давить, а чтобы поддерживать, защищать, дарить. Трансформироваться — это не убить свою страсть, а поставить ее на службу заботе, творчеству, присутствию с другими без необходимости доминировать над ними. Любовь — это не ловушка и не дыра, где ты потеряешься, а место, где ты осознаешь, что ты не так одинок, как всегда думал, и что твоя сила может быть подарком для тех, кто рядом. И, конечно, трансформация — это не опыт, который ты проживаешь на выходном ретрите. Это путь, болезненный путь, на котором ты учишься доверять шаг за шагом, любить, не поглощая другого и не позволяя поглотить себя, удерживаться в этой открытости без бегства при каждой боли. Принимается, что эмоция — это эмоция, без отклонения, без уклонения.

Огнеед из «Пиноккио» — это уродливый и ужасный персонаж, который чихает каждый раз, когда собирается что-то почувствовать, потому что не умеет чувствовать. Это его способ выплюнуть нежность до того, как она смягчит ему грудь. До того, как дрогнет голос. Лучше рычать, чем плакать, думает он. Поэтому он притворяется крутым, хозяином сцены, ни в ком не нуждаясь. Но каждый чих — это сердцебиение, которое хочет стать слезой. Напоминание о том, что он не из железа. Что под огром есть испуганный ребенок, который все еще хочет любить.

Перестань быть Огнеедом: стань чувствительным, стань хрупким, тронься... Твоя сила может стать состраданием. Твоя страсть — превратиться в нежность. И та

ярость, которая всегда была твоим двигателем выживания, может превратиться в огонь, который движет твою жизнь на службе чему-то большему, чем ты сам.

Рекомендации для терапевтической работы

- **Твердое, теплое и ясное присутствие:** терапевт должен удерживать рамки, не поддаваясь запугиванию и не подавляя силу E8.
- **Телесная работа:** биоэнергетические и соматические подходы, облегчающие полное дыхание, освобождение хронических напряжений и контакт с подавленными эмоциями.
- **Гештальт-подход:** работа в здесь и сейчас, с прямыми интервенциями, облегчающими контакт с ощущениями, эмоциями и сопротивлениями.
- **Переосмысление власти:** направлять E8 к осознанию того, что его сила может служить жизни и защите уязвимых, превращая гнев в ясность, а компульсию — в сострадательное присутствие.

АВТОБИОГРАФИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ ДИКОЙ ДЕВОЧКИ

МЭРИ ДЖОНС

Похоть не является добродетелью. Она легка, она автоматична. Это сжатие существа, как и другие страсти. Это попытка расширения, заполнения пустоты. Это видимость расширения, силы. Многие Восьмые хвастаются своим характером, считают себя выше. Их действительно могут восхищать более робкие и подавленные характеры. Но это остается сжатием и заменителем полноты сущности, потому что возникает из места нехватки.

Происхождение / семья

Мои родители были иммигрантами из Великобритании. Моя мать происходит из английской рабочей семьи, и когда она встретила моего отца, она уже была замужем за немцем и имела трех дочерей от этого брака. Мой отец вырос на ферме в Уэльсе, во время войны. Это были тяжелые времена. По всем рассказам, его отец был тираном.

Когда я познакомилась с некоторыми родственниками из Уэльса, особенно с некоторыми дядями, я заметила в них определенную бессентиментальность, скупость и суровость, остроумие и прагматизм, а иногда и злобу, мелочность, жестокость и садизм. Я помню, как видела своего отца, дядю и крестного (который был из того же региона), сидящих вместе часами, болтающих на валлийском. Они казались мне тремя гориллами с серебряными спинами. Мой крестный (думаю, он был сексуальным Е8) был особенно садистским и похотливым. Я обычно называла его «недостающим звеном». Одна из моих сестер утверждала, что он домогался ее в детстве. Меня это не удивило. Он имел обыкновение сильно щипать меня за задницу. Я испепеляла его взглядом, но он только смеялся. Я чувствовала себя маленькой среди этих горилл и делала все возможное, чтобы они меня не растоптали.

Однажды мой отец рассказал моей матери следующую историю, а она рассказала ее мне: На валлийской ферме собака — не домашнее животное, а

рабочее животное для выпаса овец, и если она не выполняет свою функцию, ей там не место. У моего отца была любимая собака. По какой-то причине она не справлялась со своей работой, и когда отцу было 10 лет, его дед приказал ему повесить ее. Если он этого не сделает, его изобьют. Мой отец попытался повесить собаку, но она сбежала. Тогда дед сам повесил собаку и избил моего отца, чтобы тот научился.

Когда я услышала эту историю, я плакала и плакала. Я почувствовала глубокое сострадание к мальчику, которым был мой отец, к его боли и горю, которые ему пришлось подавлять и блокировать. Эта боль затем прорывалась во вспышках жестокого гнева, в угнетающем авторитаризме и в холодном равнодушии, твердом как камень. Когда я думаю о нем, мне часто приходит на ум это выражение: «Это как пытаться выжать кровь из камня».

Когда он был вне дома, на работе, все мы могли вздохнуть немного свободнее. Очень, очень редко он смеялся, обычно над какой-нибудь комедией BBC по телевизору. Мы с сестрами перекликались: «Папа смеется, папа смеется, идите смотрите!». Это было настолько необычное событие, что мы чувствовали себя немного расслабленнее. Ах, в конце концов, он был человеком...

Я думаю, мой отец тоже был E8 самосохранения. Я была его единственной дочерью. А еще у меня были три сводные сестры. Старшая была бунтаркой и постоянно ввязывалась в неприятности с парнями. Мне было всего три года, но я помню, как видела ее с фингалом от удара отца. Она рассказала мне, что он избил ее так пять раз, прежде чем она наконец сбежала из дома и оказалась в центре для несовершеннолетних.

Полагаю, можно сказать, что мои родители принадлежали к уважаемому рабочему классу. И были очень консервативны. Мой отец считал, что женщины должны сидеть дома, заботиться о детях и не работать. Он считал, что женский труд частично ответственен за упадок общества, безработицу и прочие проблемы.

Когда мне было 17, я попросила его научить меня водить, и он отказался. «Зачем женщине водить?», — говорил он. «Женщина должна сидеть дома и заботиться о детях». Моя мать тоже не водила.

Моя мать — жизнерадостный, стойкий человек, многострадальная. Она хороший человек, эксцентричная в том английском стиле (слегка чокнутая!). Она из тех, кто всегда съедает подгоревшие тосты без жалоб. Совершенно очевидно, что она E9.

Она привнесла в мою жизнь смех и веселье, и я всегда буду ей за это благодарна. Мне ясно, что часть моей комической безуминки я унаследовала от нее. Но я также знала, на каком-то уровне, что она слаба, что она не может поддержать меня в трудные времена. Иногда я видела ее поверхностной и не желающей или неспособной углубляться. Она постоянно прикидывалась дурой, принижая себя как «идиотку», бросившую школу. Я помню несколько случаев (мне было около 10 или 12), когда она пыталась меня обнять, а я стояла как каменная, с руками по швам и сжатыми кулаками. Я не хотела, я не могла принять эти объятия. Что-то в них казалось мне неискренним или слабым. Когда она злилась на меня, она говорила: «Ты точь-в-точь как твой отец».

А он говорил противоположное.

Несмотря на свое рабочее происхождение, она питала определенные надежды, что ее дочери будут, по крайней мере, немного женственными. С раннего детства было ясно, что я никогда не впишусь в эту форму. Я была слишком ершистой, неопрятной и непокорной. Моя старшая сестра говорила, что даже боялась меня, когда я была маленькой, хотя мы были на пять лет старше. Мне казалось, куда бы я ни шла, люди хотели исправить меня, изменить, смягчить, придать мне более социально приемлемую форму. Особенно это исходило от матери.

В какой-то момент они попытались записать меня в нечто вроде школы этикета для девочек. Ха! Ни за что! Это была не та поддержка, которая мне была нужна от матери. Собственно, это было полной противоположностью.

И все же есть вещи, которые я ценю и уважаю в своих родителях. Что-то в их рабочей приземленности: они практичные, стоящие на земле, настоящие люди. Оба инстинктивные люди (E8 и E9).

В целом, интеллектуальное и эмоциональное взаимодействие с родителями не поощрялось и поэтому было минимальным и слабо развитым во мне. Мы говорили, если вообще говорили, о практических вещах. Мой отец умел починить почти что угодно, чем я очень гордилась.

Его позитивное взаимодействие со мной было минимальным, но иногда он просил меня помочь с какой-нибудь работой в саду или мастерской. Например, я должна была очень неподвижно держать кусок металла, пока он его сваривал. Эти моменты были для меня важны, и я очень старалась сделать все хорошо. Это был один из немногих способов связаться с ним, сколь бы минимальным он ни был. Между нами было мало слов, только основные практические инструкции.

Важно было показать ему, что я тоже практична. Хотелось бы мне произвести на него впечатление таким образом. Но, конечно, в том возрасте я мало что знала о сварке. Если я делала что-то не так, он становился снисходительным и пренебрежительным и обращался со мной как с идиоткой.

Я не думаю, что справедливо ожидать от девочки знания таких вещей.

Ранние годы / Начальная школа

Я родилась в душных тропиках крайнего севера Австралии. С момента появления на свет я была младенцем, который громко и безутешно плакал, или по крайней мере так говорят. Даже медсестры в больнице сказали моей матери: «У вас будут проблемы с этой».

Мой отец с большим удовлетворением рассказывает, как ему удалось заставить меня замолчать. Однажды ночью, когда мне было 18 месяцев, он вошел и ударил меня так сильно и так много раз, что я перестала плакать. «И ты больше никогда не плакала!», — с гордостью говорил он. Чего он не знал, так это того, что с того дня я научилась плакать молча и наедине (беззвучный крик) или вообще ничего не чувствовать. Моему страданию не было сострадания.

У моего отца не было никакой терпимости. Я не знаю, какой вред он причинил мне той ночью. Однажды терапевт сказала мне: «Нужно сильно ударить младенца, чтобы он перестал плакать». Но дети живучи.

Было еще несколько случаев, когда его насилие проявлялось, обычно в виде сильного удара по голове. Как правило, я даже не знала, что сказала или сделала не так. Я только слышала: «Не дерзи». Есть записи, где мне три года, и я слышу, как я «дерзю», но в игривой манере. Слышно, как я говорю громким и уверенным голосом, с энтузиазмом пою (и в такт!).

Я также не знаю, почему так много плакала. Я спросила мать, были ли у меня колики или другие проблемы в младенчестве, но она сказала, что нет. Во время процесса перерождения на SAT 3 у меня было отчетливое ощущение, что я не хотела возвращаться в этот мир. Рождение было травматичным, потому что, каким-то образом, я уже знала, что такое жизнь: столько боли и трудностей.

Мать не кормила меня грудью. Она сразу перевела меня на бутылочку с сахарной смесью. Возможно, это мне мешало. Она кормила грудью своих других дочерей, но когда я родилась, она уже устала это делать.

Тем не менее, я помню счастливые дни игр. Я помню, как сопровождала мать на ее работу домашней прислуги. Незадолго до начала школы я внезапно набрала вес и стала довольно пухленькой, хотя мать говорила, что я ем не больше остальных. Это преследовало меня почти всю жизнь. И я хорошо помню свой первый день в школе. Был сезон муссонов (влажный сезон), и дождь лил как из ведра. Моя мать была в платье в стиле 70-х с коричнево-оранжевым рисунком. И я была, кажется, одной из немногих, кто не плакал. Я была взволнована походом в школу и чувствовала себя уверенно, прощаясь с матерью. Но во время первого обеда надо мной насмехались за то, что я толстая. Я подошла к детям с добротой, а в ответ получила унижение. Классическая жестокость школьного двора.

В школе у меня все шло очень хорошо без особых усилий. В одном из моих первых школьных отчетов говорилось, что я очень чувствительная девочка. Несколько лет спустя одна учительница описала меня как «уверенную в себе». Все давалось мне довольно легко. Я была одной из лучших учениц до 13 лет, когда мои оценки немного упали, несомненно, из-за травмы подросткового возраста.

Иногда у меня были друзья, иногда нет. Между 8 и 10 годами у меня был маршрут по песчаному школьному двору, который я проходила одна во время обеда. Это был мой личный мир. Иногда я останавливалась, чтобы поговорить с другими детьми, возможно, немного поиграть, а затем продолжала свой путь. Девичьи игры мне наскучили и казались притворными. Меня не интересовала игра в домик или красивые косички. Если учителя хотели быть жестокими и снисходительными, они называли меня «маленькая девочка». Я ненавидела это. Как-то это звучало как оскорбление. Если я играла с другими детьми, я предпочитала игры в догонялки или игрушечные грузовики.

В жаркие и влажные летние дни мы промокали насквозь каждый день на перемене, строя дамбы, глиняные городки и кораблики, чтобы пускать их по течению. Мне это нравилось. Но если кто-то был жесток со мной, я просто уходила. Я больше не играла с этим человеком. Я никогда не была агрессивным ребенком. Долгое время я сомневалась, что я Е8, особенно из-за того, как я справлялась с жестокостью в школе. Никто меня не бил и не нападал физически — возможно, потому что я была крупнее большинства, и, возможно, поэтому они никогда не пытались. Иногда я думаю, что если бы они это сделали, было бы легче справиться. Жаль, что отец не научил меня драться. Вместо этого он пытался избить из меня любое сопротивление. Если бы я могла вернуться в те

времена... я бы сделала больно тем маленьким ублюдкам, которые жестоко обращались со мной.

Я была отличной ученицей почти во всем, кроме спорта. Мне нравились игры, но не серьезные виды спорта. Так как я была немного пухленькой, я не была быстрой и гибкой, как большинство детей вокруг. Я была крупной, белой, толстой и умной. Я отличалась от них. В 9 лет я начала играть на кларнете в школе. Моя сестра Джилл играла на флейте, и я тоже хотела научиться. Мать нашла дешевый кларнет за 80 долларов, потому что отец отказался покупать мне. Но когда я быстро продвинулась и показала большой талант, он в итоге заплатил за лучший. Я сдавала экзамены и выступала перед всей школой.

В Австралии любого, кто преуспевает или считает себя лучше других, «спускают с небес на землю». Иногда я задаюсь вопросом, поэтому ли меня так сильно атаковали. Одной из вещей, которая спасла меня в ранние годы, была моя кузина Энн, на год старше меня, жившая примерно в четырех часах езды. Мы виделись на школьных каникулах и были неразлучны. Она была ближе мне, чем мои сестры Джилл, Дебби и Сьюзен, которые были старше меня на 5, 10 и 12 лет.

Я помню, как часами играла в реке, создавала воображаемые миры, разыгрывала собственные спектакли и без конца смотрела «Звездные войны». Именно с ней я больше всего помню магическое качество детства: без самосознания, без неловкости, только бесконечные игры и бесконечные разговоры. Мы часто переписывались. Мы оставались близки, пока я не пошла в университет. Тогда она вышла замуж и завела детей, а я становилась все более чужой.

Жизнь на ферме

В 11 лет мы переехали на небольшую ферму на холмах, в полчаса езды от города, окруженную сельхозугодьями и тропическим лесом. Было здорово иметь так много места. Моя сестра завела лошадь, а потом и я. Моя была старой скаковой лошадью, практически готовой на корм для собак. Но она все еще могла бегать!

Мы с Джилл проводили выходные, катаясь по фермам и лесам, водили лошадей к прудам и прыгали с них в воду. Иногда мы даже устраивали гонки. Я представляла себя профессиональной наездницей.

Было весело, невероятное чувство свободы для девочки. Мы не учились верховой езде формально, это был грубый и импровизированный стиль,

никакой классической выездки для нас. Мы носили ковбойские шляпы и вестерн-седла. Но большую часть времени, когда мы с Джилл ездили верхом, мы делали это молча. Нам не нужно было говорить. Думаю, каждая была в своем мире. Джилл довольно молчаливый человек.

В той местности я не завела друзей. Был конный клуб, но он был полон противных девчонок. Они всегда пытались указывать мне, что делать, а я отказывалась. Они насмехались надо мной за моей спиной по причинам, которых я даже не понимала. Я не принимала их приказов. Джилл уехала из дома, когда мне было 12. С тех пор я каталась одна, в компании диких кабанов, кенгуру, ядовитых змей и моего любимого коня.

Подростковый возраст

У меня начались месячные в одиннадцать лет. Несмотря на наличие трех старших сестер, я понятия не имела, что происходит. Я думала, что больна. Через несколько дней я показала это матери. Она дала мне гигиеническую прокладку и сказала: «Это из-за детей и тому подобного». На этом разговор закончился. Полагаю, это вписывается в остальную мою жизнь: меня никогда особо не интересовали женские дела.

Подростковый возраст никогда не бывает легким, но если ты уже аутсайдер, все может стать намного хуже. В конце начальной школы я чувствовала себя королевой мира: я была лучшей ученицей, начинала становиться более общительной и немного популярной, у меня было несколько хороших друзей, и я даже становилась более спортивной. Но начало средней школы, с кучей новых людей и некоторыми грубыми и жестокими детьми в группе... а также тяжелый случай подростковых прыщей, стало сокрушительным ударом.

У меня были фурункулы на лице, которые должен был вскрывать врач. Это цветение женственности было чертовым кошмаром. Бутон был проклят еще до того, как раскрылся, и так и не расцвел полностью. Я чувствовала себя Иовом из Библии, наказанной Богом.

Детская невинность превратилась в конкуренцию за противоположный пол. Конкуренцию, в которой я чувствовала, что не могу даже участвовать, не то что выиграть. Я стала настоящей одиночкой. У меня не было друзей. Во время школьных обедов я без остановки бегала весь час или укрывалась в библиотеке, где читала и мечтала о далеких, очень далеких местах. Я хотела спрятаться от людей, но также избежать того, чтобы они заметили, что у меня никого нет. Я чувствовала себя глубоко опозоренной каждый день и чувствовала, что у меня

мало оружия, чтобы защитить себя от такого рода жестокости. Думаю, я бы предпочла физические нападки; по крайней мере, я могла бы ответить тем же. Но они никогда этого не делали. Я получала только жестокие и насмешливые слова. Они не ненавидели меня настолько, чтобы драться со мной. У меня не было острого, быстрого и злого языка, который был у многих жестоких мальчишек. Если я пыталась ответить чем-то остроумным и колким, это звучало слабо или я запинаясь, что заставляло меня выглядеть нелепо.

Был один парень, который каждое утро при виде меня называл меня Принцесса Прыщ. У меня до сих пор комок в желудке, когда я вспоминаю это. Было больно быть отвергнутой именно в тот момент, когда я начинала осознавать свой интерес к противоположному полу и изменения в собственном теле. Какой бог накладывает такие проклятия на столь юных? Я знаю, что в мире есть вещи и похуже, но в тот момент мое внутреннее состояние было невыносимым. Мои отношения с группой были разрушены, и мне не к кому было обратиться. Я стала неприкасаемой.

Я чувствовала себя беспомощной и маленькой, нежеланной, отвергнутой. Единственное, что я могла сделать, — это держаться за себя и высоко держать голову. Я не позволю этим ублюдкам победить меня. Я не покажу слабости. Я спрятала свою душу от света. Я не позволю этим псам растоптать то немного, что у меня есть, единственное, что было моим. Я думаю, что в тот момент что-то во мне затвердело. Я чувствовала себя очень одинокой в этом мире. Я не знала, что делать, поэтому возвела вокруг себя неприступную стену и обратилась к собственным ресурсам. У меня не было оружия, чтобы встретиться лицом к лицу с жестоким миром.

Если у тебя нет оружия, тебе нужно больше доспехов. Стена росла: чем больше дерьма на меня бросали, тем толще и сильнее она становилась. Добра вокруг было мало, и то, что было, становилось все труднее принять. Стена стала слишком сильной. Моя стратегия быть доброй с людьми казалась бесполезной, бессильной. То, что работало у других, не работало у меня. У меня не было естественного обаяния или нежности, это тоже казалось неэффективным.

Я также не была беглой говоруньей. Я говорила все меньше и меньше. Не то чтобы мой разум был пуст, но когда я пыталась выразить себя словами, я чувствовала пустоту. В конце концов, кому было дело до того, что я скажу? Я помню недельную школьную поездку с ночевкой на природе, когда мне было 12 лет. В первые дни я физически потеряла голос, а когда он вернулся, я уже так отдалась от остальных, что почти не говорила.

В последний день один учитель сказал мне: «Ты мало говоришь, Мэри». Я ответила: «Мне нечего сказать».

Я чувствовала пустоту, когда дело касалось социального взаимодействия. Говорить значило рисковать быть выставленной напоказ, подвергнуться новым унижениям. Сказать что-то означало выдать слишком много информации. Я помню, как говорила что-то другим детям, а они только смеялись надо мной. Я никогда не понимала, что смешного было в том, что я сказала.

В конце концов, я была одной из лучших учениц. Я не была глупой. Но когда я говорила, я делала это прямо, без обиняков. Я не понимала игры слов и социальных игр. Светская беседа и типичные девичьи разговоры смертельно меня скучали.

Я все больше укрывалась в вещах, которые приносили мне утешение и помогали чувствовать себя сильной в этом мире. Я переживала мир людей — социальный мир — как враждебное, жестокое, мелочное место. Я чувствовала пропасть между мной и другими, пропасть, которая, казалось, становилась все глубже. Это достигло своего пика, когда мне исполнилось 20.

Бег приносил мне утешение.

Когда мне было 12 лет, меня вдохновили Игры Содружества по телевизору. Меня заворожила легкая атлетика. До этого я никогда не была спортивным человеком, но в том возрасте я начала бегать. Мое тело стало сильным и ловким. Да, я была аутсайдером, но там я обрела свою силу и убежище. Эта сила была не в других; она была во мне и в природном мире. Если бежать достаточно долго, начинаешь испытывать нечто иное, хотя тогда я ничего об этом не знала. Я помню интенсивное ощущение себя животным. Почти всегда хищником: большой кошкой, пантерой, тигром. Иногда волком.

Не было ничего темного в этом ощущении себя животным-охотником. Волк просто такой, какой есть: он неустанно бежит по своей территории, знает свой мир вдоль и поперек. Каждую группу деревьев, каждое убежище, каждый пруд, каждый холм, каждое фруктовое дерево. Если я была уверена, что никто не видит, я иногда бегала голой. Я чувствовала глубокое желание быть в полной гармонии со своей животной сущностью. Это было хорошо. Это было правильно. Это было то место, где я чувствовала себя наиболее собой. У животного есть достоинство, которого, кажется, нет у многих людей. Я отношусь к ним с глубочайшим уважением. Я пыталась пить из ручья, как волк, только языком. Я знала, как избегать змей, диких кабанов, клещей и пиявок. Мне не было

страшно. В этом мире, моем собственном мире, я была могущественной. Мне было 13 лет, и я никогда никому об этом не рассказывала. Кто бы мог понять? Ни мои родители, ни мои сестры. А в школе... нечего и говорить.

Но хотя природа была моим убежищем, моим другим великим утешением была музыка. Я начала играть на кларнете в 9 лет и быстро продвигалась, с музыкальной чуткостью, страстью и умом. В 10 с чем-то лет я исполнила знаменитую медленную часть Концерта для кларнета Моцарта на небольшом концерте. Моя учительница и пианистка, аккомпанировавшая мне, сказали, что у них побежали мурашки по коже. В школе, полной деревенщины, это лишь делало меня еще более странной. «Моцарт? Что это?». Но мне было все равно; музыка дала мне голос, которого у меня не было нигде. Она показала мне мир: великие страсти, нежность, любовь к природе, красоту, триумф, скорбь, романтику, страх, войну и мир и все, что между ними.

В 13 лет я была единственной дочерью, оставшейся дома. Только я и мои родители. Я проводила часы в своей комнате, слушая то, что моя мать называла «тяжелой классической музыкой». Им она была невыносима. Я была аномалией в этом доме. Чайковский, Прокофьев, Бетховен... Чем громче и драматичнее музыка, тем лучше. Но были и моменты нежности, невинности, такой чистой деликатности, что я плакала.

Теперь я вспоминаю отрывок из «Ромео и Джульетты» Прокофьева: флейта выводит легкую, вибрирующую мелодию, пока Джульетта, еще девочка, начинает осознавать свою женственность. Это невероятной красоты и нежности. Я знала, что красота, любовь и нежность существуют в мире, потому что слышала их в музыке. Музыка служила мне зеркалом. Она отражала во мне нежность — и многие другие качества — которые иначе могли бы быть потеряны.

Недавно один друг-художник сказал мне: «Музыка сохранила часть тебя открытой». И я думаю, он прав. Я не могу представить, где бы я была сегодня, если бы не получила этот особенный дар. Иногда мне даже удавалось чувствовать себя принятой в какой-то группе, как будто я наконец принадлежала чему-то. В такие моменты моя сильная и общительная натура проявлялась легко. Это случалось не так часто, как мне хотелось бы, но я хорошо их помню. Какими бы трудными ни были некоторые периоды, я знаю, что у меня большая способность к сопротивлению. Мне отчаянно нужны были забота, внимание и доброта. Я придумывала людей, в полной тайне, в своей комнате или на открытом воздухе. Людей, которые говорили со мной с нежностью, предлагали мне любовь, в которой я так нуждалась. Я думаю, это был способ уравновесить вещи, молчаливая попытка исцелить то, что было сломано. Иногда я не

замечала, что говорю вслух, и отец слышал меня. Он стучал по стене и кричал: «С кем ты там разговариваешь?». Вероятно, я казалась сумасшедшей. Но мне было все равно. Мне нужна была эта нежность в моей жизни.

Университет

В 17 лет я уехала в университет изучать музыку. Почти две тысячи километров от родителей! Свобода! Освобождение! Я навещала их на каникулах, но никогда больше не жила рядом с ними. Мой путь шел вперед, никогда назад. Первые годы были чудесными. Я нашла несколько родственных душ, людей, страстно любящих музыку. Я выделялась и некоторое время была довольно популярна. Я похудела, снова начала бегать. Я была в хорошей форме и неплохо выглядела, несмотря на шрамы на лице. Я также вступила в Университетский полк — армейский резерв — и играла в военном оркестре. Я не особенно патриотична; для меня это было просто весело. Я испытала чувство товарищества, которое было редкостью в моей жизни. Я была шумной, экстравертной. Даже пехотная подготовка в поле казалась мне в основном приключением. Как поход, но с оружием.

Все начало разваливаться, когда меня отверг парень, которым я была полностью одержима. Я впала в коварную депрессию. Даже с моим новым социальным успехом, даже хорошо выглядя и будучи до некоторой степени популярной, я все еще не была любима и принята как женщина. Я жаждала глубокой и особенной связи с другим существом. И даже в моем лучшем виде (как я тогда думала) этого было недостаточно, чтобы найти любовь. Я очень страдала из-за этого. Я потеряла интерес к учебе. Жизнь потеряла смысл. Я перестала бегать и начала много пить. В своем отчаянии и пустоте я оттолкнула многих людей. Многие бывшие друзья и поклонники просто бросили меня. Я не была социально искусенной, так что без моего веселого и любящего вечеринки лица во мне мало что оставалось для других. В отчаянии я искала смысл в Боге и присоединилась к христианской общине, левой группе, ориентированной на социальную справедливость, которая не ходила в церковь. Я по-прежнему ненавидела церковь, поэтому не ходила. Я пробыла с ними около четырех лет и даже ездила с ними в Индию на миссии.

Во многих смыслах это было началом моего взросления. Именно там я впервые услышала о гештальт-терапии. Люди в этой группе были заинтересованы в том, чтобы быть цельными, здоровыми и интегрированными, хотя и в христианских рамках. Меня не интересует традиционное христианство, но я вспоминаю то время как важную фазу моего роста. Я никогда не жалела, что была там. Как ни странно, община называлась Stepping Stones (Ступеньки). И для меня это,

безусловно, была ступенька. В конечном счете, я оттолкнула и большинство из них. Я обнаружила, что истина и реальность не могут быть заключены в одну книгу, и мой короткий роман с организованной религией закончился.

Я провела шесть месяцев в регулярной армии в Сиднее и была близка к тому, чтобы подписать четырехлетний контракт, что было бы почти невозможно разорвать. Этот полк не был таким беззаботным и веселым, как университетский. Я прислушалась к своему инстинкту и сказала «нет» военной карьере. Я не позволю, чтобы мной командовали.

Я провела около года в поисках, переезжая с места на место, пока не оказалась в Сиднее, городе, где я никого не знала. Я была полностью изолирована, много пила, иногда до такой степени, что требовалась госпитализация. Жизнь казалась пустой, бессмысленной. Я не находила мотивации что-либо делать, и сама идея достижений казалась мне абсурдной.

Когда кто-то пытался приблизиться, моя нехватка социальных навыков обычно разрушала любую возможность связи. Часто я напивалась и меня рвало в саду. Иногда я была шумной и игривой; в других случаях принимала вызывающий тон, конфронтировала других, указывала на их противоречия. Это отношение, конечно, гарантировало, что вечер закончится плохо для всех... и что меня больше не пригласят.

Мое чувство отчуждения достигло пика в двадцатилетнем возрасте. В течение многих лет — около восьми — я проводила долгие ночи, бродя по пригородным улицам Сиднея. Я тихо шла, наблюдая за освещенными окнами, за бытовыми сценами, мерцающими по ту сторону стекла. Я пыталась представить, каково это — принадлежать куда-то. Иногда мне казалось, что я принадлежу к другому виду, чем эти существа. Я чувствовала себя глубоко чужой миру людей.

Тьма предлагала мне убежище. Только в одиночестве я могла расслабиться. Когда меня окружали люди, все мое тело сжималось; моя душа отступала за толстый слой враждебной энергии. Это было неосознанно, но происходило. Я была очень осознанна, напротив, в боли быть аутсайдером, хотя едва понимала, как я, сама того не желая, отталкиваю других.

Я пыталась решить все изнутри. Я компульсивно читала, подчеркивала целые книги, ища ключи к пониманию жизни, счастья, человеческих связей. Я хотела узнать, как ладить с людьми, как вписаться. Я думала об этом с интенсивностью, которая трогает меня сейчас. А затем выходила гулять. На часы. Под покровом ночи, в поисках ответов.

Да... это были мои годы Степного волка. Звучит романтично, но на самом деле это было совсем не так. Интересно, что книгу я прочитала впервые только недавно. Герман Гессе отмечает, что многие люди идентифицируют себя со Степным волком, возможно, как симптом отчуждения, пронизывающего нашу культуру. Однако он предупреждает, что истинный смысл истории — не идентификация с болью, а движение: идти вперед, исцеляться, развиваться. Гарри Галлер, главный герой, понимает, что не может вернуться в мир животных, ни в мир детства и невинности. Нет возврата в материнское лоно. Существует только движение вперед. Мы должны научиться обитать в мире других, преодолевать наши реляционные недостатки, броситься — со всеми вытекающими — к связи, к общению с другими. Как бы они меня ни скучали, ни раздражали, ни даже отталкивали (я — их), я должна была научиться видеть себя в них.

Эти темы были очень близки моему уму. Как и тогда, в 13 лет, я чувствовала глубокое желание быть животным, слиться с той частью, которую считала самой чистой и благородной во мне.

Я бегала по паркам и пляжам Сиднея, иногда глубокой ночью или перед рассветом — это было мое любимое время. Именно тогда я чувствовала себя наиболее живой, наиболее присутствующей, наиболее хозяйкой своей судьбы. Я также испытывала странное чувство превосходства над человеческой посредственностью.

Я отчаянно цеплялась за немногое, что имело для меня смысл, потому что человеческие взаимодействия все еще давались мне неуклюже, с трудом. Мне пришлось учиться, мало-помалу, быть с другими. Позволять прикасаться ко мне и решаться прикасаться к ним. У меня не было харизмы, навыков соблазнения или убеждения. Я не умела легко говорить. Я была просто собой: «бери или оставляй».

Я выкладывала все на стол без фильтра. Обаяние никогда не было частью моей жизни, и я обычно не доверяю ему, когда оно исходит от других. Обычно я к нему невосприимчива. У меня не было щедрого духа по отношению к людям. Возможно, когда-то он был, но я потеряла его в пути.

Я получала мало обратной связи потому, что просто не видела и не разговаривала со многими людьми. Я не познавала себя через глаза других. Ну, может быть, через их отвержение.

У меня было хорошее чутье на неискренность в других, но очень мало осознания того, как меня видят. Я помню одно собеседование на работу, которое кто-то устроил для меня официанткой в пиццерии. Я очень старалась: была вежливой, оделась чисто и соответствующе. Меня не взяли. Позже я узнала, что владелец, ветеран Вьетнама около 50 лет, подумал, что я собираюсь его ударить.

Было несколько подобных инцидентов. Отчасти меня забавлял эффект, который я производила на людей. В конце концов, годами я чувствовала себя маленькой и беспомощной. Но это также привело меня к своего рода смирению, к еще более глубокому уходу из мира. Даже когда я пыталась участвовать, даже когда была вежлива, эти вещи продолжали случаться. Слова, которые обычно использовали для описания меня: «враждебная», «прямая», «агрессивная». Я не осознавала этого. Я пыталась ладить с другими, но все еще носила свои доспехи.

И я продолжала много пить. Алкоголь давал мне немедленное расширение тела, которого я могла добиться с трудом только бегом. Физическое напряжение, которое я носила в себе, было огромным, и алкоголь давал почти мгновенное облегчение. Он также развязывал мне язык, делал меня более общительной. Но почти всегда я переходила черту. Я могла стать вульгарной, неприятной или инфантильной до такой степени, что стыдила окружающих. Или просто слишком восторженной. Со временем я поняла, что люди мне нужны. Я не могла быть одинокой волчицей вечно. Я жаждала близости, привязанности или хотя бы друга, с которым можно было бы говорить без утайки.

Я не ввязывалась в наркотики, потому что для этого нужно знать людей. А я никого не знала. У меня были соседи по квартире, но я почти с ними не разговаривала. Я с нетерпением ждала, когда они выйдут из дома, чтобы я могла расшириться в пространстве, занять его полностью.

Были моменты, когда я пыталась заботиться о себе. Я проводила несколько одиннадцати- или двенадцатидневных голоданий. Я переживала их как глубоко успокаивающий, мирный и центрирующий опыт. Я также проходила через периоды, когда снова начинала бегать. Но алкоголь всегда был проще, и эти попытки быть здоровой обычно не длились долго.

Со временем я набрала вес, и бегать стало трудно. Тем не менее, я всегда оставалась в движении. Физическая активность была для меня жизненной необходимостью. Иногда я говорила кому-то, что гуляю одна по ночам, и почти всегда они реагировали с беспокойством. Женщина одна, ночью — считается уязвимой. Но я никогда не видела себя легкой мишенью. Если бы ночные

прогулки вызывали у меня тревогу, они потеряли бы смысл. Моей целью было расслабиться, чувствовать себя свободной и расширенной.

Только однажды кто-то пошел за мной. Было два часа ночи, вокруг ни души. Мужчина шел мне навстречу, бормоча что-то себе под нос и пристально глядя на меня. Он казался сильным, в хорошей форме. Когда мы поравнялись, что-то во мне сработало. Инстинктивно я развернулась и пошла прямо на него. Мы снова разошлись. Я посмотрела на него без эмоций и продолжила путь. Он больше не преследовал меня. Конечно, я чувствовала страх, но бегство показало бы мой страх, и я предположила, что он быстрее меня. Наверное, это было последнее, чего он ожидал: что я развернусь и пойду на него.

В 26 лет я познакомилась с группой польских музыкантов, с которыми могла разделить два своих больших удовольствия: музыку и алкоголь. Тогда же у меня был первый сексуальный опыт с одним из них. Это была мимолетная встреча, случившаяся всего дважды, но в то время она значила для меня много. Пережить такую интенсивную физическую близость с кем-то было просто замечательно.

До того я никогда не видела мужчину голым, не то чтобы прикасалась к нему. Какое странное — и удивительное — ощущение кожи другого человека. Мое животное существо мурлыкало и рычало. Это казалось совершенно естественным, и я отдалась этому опыту без сомнений.

Говорят, что к 15 годам Е8 уже попробовали все. Это не мой случай. Секс сам по себе всегда казался мне естественным. Сложным для меня был социальный лабиринт, необходимый, чтобы добраться до него. Я была поздним цветком во многих смыслах.

Я расскажу больше о сексуальности позже, но в тот же год — в 26 — я также начала процесс, который глубоко изменил мою жизнь: я начала терапию с Анной Бернет, гештальт-терапевтом. На следующий год я присоединилась к ее терапевтической и учебной группе.

К тому времени мне отчаянно нужна была помощь. Я чувствую и до сих пор чувствую себя очень удачливой, что нашла терапевта, достаточно сильную для меня. Анна не боялась гнева или агрессии. Она также не боялась сердиться или конфронтировать меня, когда это было необходимо.

Добрые самаритяне с мягкими сердцами, которые притворялись сочувствующими, всегда были мне абсолютно отвратительны. Я видела сквозь их неискренность... и их слабость.

Мне потребовалось время, чтобы научиться говорить в группе Гештальта. Я глубоко восхищалась некоторыми людьми, которые могли красноречиво выражать себя, других и жизнь. Постепенно я тоже начала это делать. Но сначала я почти никогда не находила слов.

Анна часто называла меня «детектором лжи». Если что-то было не так — если кто-то был фальшив или говорил ерунду — мое тело сразу же это регистрировало. Я становилась беспокойной, ерзала, без конца двигалась. Но я не могла это объяснить. Я могла только сказать, что что-то чувствуется неправильно. Это было так, будто мой инстинкт работал отлично, но не было достаточных связей с сердцем или умом, чтобы понять, что происходит.

Мне также пришлось научиться тому, что нормально позволять себя видеть.

С тех пор

В 30 лет я купила дом в горах, в двух часах езды к западу от Сиднея. Долой соседей по квартире! Наконец-то я могла расшириться по всему дому. Я живу здесь уже четырнадцать лет. Здесь есть особое, альтернативное, творческое и немного богемное чувство общности. Вокруг города — миллион гектаров национального парка, где я часто гуляю. Пространство! Свежий горный воздух! Дикая природа! Более медленный ритм, чем материалистическое безумие Сиднея.

Именно здесь я начала находить свое место, особенно в социальном плане. Сначала было трудно. Но мне нравится жить в небольшом сообществе: со временем начинаешь узнавать лица, все становится более знакомым, более уютным. Я пустила здесь корни: начала участвовать в некоторых общественных мероприятиях — фестивалях, общественном огороде, некоторых музыкальных сессиях (например, сессиях ирландской музыки).

Остальная часть этого периода в основном освещена в разделе «Перемена и трансформация».

Черты и характеристики

Противоположности.

Было постоянным в моей жизни чувство, что во многих смыслах внутри я противоположна тому, что люди воспринимают снаружи.

Говорят, я большая, властная. Но часто я чувствую себя маленькой и беспомощной, с очень малым влиянием на внешний мир.

Говорят, я твердая как камень, но внутри я знаю, что я мягкая, глубоко чувствительная.

Говорят, я создаю впечатление неуязвимости, что кажется мне почти невероятным. Мне кажется, моя уязвимость написана на лице.

В прошлом некоторые видели меня агрессивной, когда на самом деле я пыталась быть дружелюбной.

Говорят, я экспансивна или, менее любезно, что я подавляю, ошеломляю. И тем не менее, большую часть жизни я чувствовала себя сжатой, как сжатая пружина. Я чувствую, что сдерживалась годами. Даже когда пытаюсь ступить на цыпочках, я все еще «слишком много».

Говорят, я экстраверт, но я гораздо больше осознаю свою неуверенность перед стаей. Я могу быть застенчивой, даже замкнутой.

Если сейчас у меня, кажется, толстая кожа, плотные доспехи, то в детстве я чувствовала, что у меня нет кожи. Я чувствовала себя выставленной напоказ, беззащитной, опозоренной, как будто не было четкой границы между миром и мной. Если сейчас я кажусь равнодушной к тому, что другие думают обо мне, то это потому, что я отвергла многие правила и ценности стаи. Они не пишут правила для меня, хотя я знаю, что они все еще судят меня по ним.

Долгое время я не верила, что я E8, потому что была больше в контакте с раненой девочкой внутри и не видела, как я ее защищаю. Клаудио на одном из SAT несколько лет назад сказал мне то, что задело очень глубокую струну: что характер E8 — это защитник внутренней девочки, внутреннего животного, но сам не является ни этой девочкой, ни этим животным.

С тех пор я не переставала думать об этом.

Автономия / Бунтарство / Суверенность.

Со временем я развила замечательную способность быть изобретательной и самодостаточной. Это то, чем многие люди восхищаются во мне. Однако фундаментальная часть этой способности рождена из болезненного места. Мне нужно уметь получать то, что я хочу и в чем нуждаюсь, потому что я не доверяю, что мир предложит это мне щедро. Я также не хочу быть никому обязанной. Зависеть от других — значит быть в их власти, а это для меня ненадежное место. Быть должным кому-то — значит уступить ему власть. Передать ему власть надо мной.

В мои ранние годы мир не был щедрым. Я не чувствовала, что могу положиться на обаяние, красоту или популярность, чтобы получить что-то. Я научилась, что должна добывать вещи сама: знать, как двигаться, как ориентироваться, как выбраться из ситуации, если чувствую себя в ловушке. Я не хотела — не хочу — ни в ком нуждаться. Но, конечно, мне нужна значимая связь с другими людьми. Это всегда была одна из моих фундаментальных дилемм.

Я жажду безопасности стаи, но ценю свою свободу и достоинство больше. Стая может предложить защиту и принадлежность одной рукой, но другой требует послушания, конформизма. И наказывает — иногда жестоко — тех, кто угрожает ее стабильности или ценностям.

Достоинство перед лицом унижения было одной из немногих вещей, которые у меня были. Я держалась за себя. Я была всем, что у меня было. Я отступила перед болью и жестокостью мира и укрылась внутри себя. Это внутренний мир, территория моего «я». И Боже упаси того, кто попытается пересечь эту линию без приглашения.

Все, что у меня есть — единственное, что действительно мое, — это чувство себя суверенным существом. Поэтому я защищаю этот суверенитет всем, что у меня есть. Я буду самодостаточной. Я буду независимой. Я ни в ком не нуждаюсь. Я не нуждаюсь в тебе.

Но, конечно... это ложь. Да, мне нужны люди.

У меня висцеральное отвращение к тому, чтобы мне указывали, что делать, особенно если это делают с позиции снисходительности. Если кто-то садится на своего морального коня, чтобы сказать мне, что для меня лучше... ну, пусть готовится.

Никто не говорит мне, как мне себя вести, что думать, что носить или как жить. Для меня это прямое нарушение моего суверенитета.

Я знаю, что есть много вещей в этом мире, которые я не могу изменить, и в значительной степени я научилась это принимать. Но когда дело касается моего личного существа, решение о том, меняться ли, когда или как — это только мое. Мое и ничье больше. Я не могу это достаточно подчеркнуть.

Я была такой с самого детства: упрямой, вызывающей, реактивной. И хотя иногда люди удивляются интенсивности моей реакции, корень не в беспричинном гневе, а в чем-то более глубоком: висцеральной защите моей автономии.

Я часто реагирую яростью даже на благонамеренные комментарии, особенно если улавливаю малейший намек на моральное превосходство. Во многих случаях я делаю прямо противоположное тому, что мне предлагают. Даже если это вредит мне.

«Мэри, Мэри, совершенная противоположность...» — говорится в старой детской песенке. Это довольно точно меня описывает.

Я помню недавний пример: несколько дней назад подруга, без моей просьбы, начала читать мне снисходительную лекцию о том, что я курю. До этого момента вечер был спокойным, даже приятным. Но ее тон был для меня достаточным поводом. Я взорвалась, накричала на нее и ушла. Если я когда-нибудь решу бросить курить, это будет потому, что я так решила.

Другой эпизод, более старый, тоже оставил след: мне был 21 год, я уже ушла из дома, но приехала навестить родителей. В то время я часто жевала жвачку. Моя мать, не говоря ни слова, достала ее из моей сумки и спрятала, потому что считала, что это недостойно леди. Когда я это обнаружила, меня охватила свирепая ярость. Я закричала на нее: «Как ты посмела!?» и так далее. Жевательная резинка — пустяк, да. Но пустяком не был ее контроль надо мной. Я думала, что к тому времени она меня уже знает. Моя сестра до сих пор помнит эту вспышку так, будто она была вчера.

Я учусь принимать советы, но только если в них нет ни капли осуждения или снисходительности. Я чую моральное превосходство за километры. И если я его замечая, разговор заканчивается быстро.

Я узнаю в себе — а также в других людях, идентифицирующих себя с Е8, — твердость, свирепость, упрямство, которое редко нуждается в открытом проявлении. Это латентное присутствие, которое чувствуется во взгляде. Оно здесь, готовое активироваться, если кто-то нажмет не те кнопки. Если мне удастся заставить кого-то отступить одним лишь взглядом, я избегаю конфликта. Мне не интересно усложнять себе жизнь. Как говорил мой отец одной из своих любимых фраз: «Дважды подумай, прежде чем связываться со мной».

Иногда я смотрю на свои фотографии в 20 лет и удивляюсь свирепому выражению на лице. Я думаю, что характер энеатипа 8 — это часто характер человека, на которого вылили слишком много жестокости, слишком много стыда. Кто-то, кто чувствовал себя осажденным со всех сторон, без защиты, без пространства. В моем случае стыда и унижения было слишком много. И я развила то, что можно назвать контр-стыдом: вызывающий жест, отношение,

которое кричит миру: «Я выше стыда. Нет ничего, что ты мог бы мне сделать, чего я не смогла бы вынести». Я смотрю ему в лицо и не опускаю взгляд.

Связано с этим то, что у меня есть склонность, особенно в молодости, делать прямо противоположное тому, что ожидается. Иногда я искала действия, намеренно направленные на то, чтобы шокировать или отвращать других, и делала это при них, смеясь. Это давало мне власть: я чувствовала себя свободной от уз «быть крутой». Например, когда мне было около 12 лет, у меня было две озорные подруги, и мы приготовили смесь из всего, что нашли на кухне: тунец, сахар, соевый соус, какао. Мы принесли это в школу, все перемешали. Это выглядело как рвота. И мы ели это перед популярными девочками. Их реакция была для нас наслаждением. Они были полностью омерзены. Ха! Наконец у меня было оружие, которым я могла им ответить. Я была неуязвима для правил, которые привязывали их к идеальной стае. Я была свободна так, как они не могли знать. Звучит нелепо, и так и было, но мне это нравилось.

Зачем мне следовать моде стаи, которая уже отвергла меня? Я чувствовала, что мои эмоции не имеют значения. Моя чувствительность, моя невинность, мои чувства и весь мой внутренний мир были раздавлены снова и снова. Мне пришлось убрать все это глубоко внутрь, чтобы защитить. За стеной осады находится вся та нежность, которая не могла раскрыться, и тоска по любви, даже это, хранящееся за стенами замка.

«Твои чувства не имеют значения, ты странная, чужая, антисоциальная, неженственная, уродливая». Всегда существовала мерка, по которой меня измеряли, и я всегда не дотягивала. Поэтому я отбросила все это дерьмо.

«Засунь свою чертову мерку себе в задницу». Кто создал эту мерку? Кто пишет эти правила? Кто те люди, которые судят и осуждают меня за то, что я не следую их нормам, ценностям, ожиданиям?

И все же я удивляюсь, когда говорят, что я бунтарка. Я не вижу себя такой. Думаю, я ассоциирую бунт с теми действительно дикими девушками, которые рано вступают в мир «секса, наркотиков и рок-н-ролла». (Может быть, это больше свойственно сексуальному Е8?). Во многих смыслах я была хорошей девочкой. Я внимательно слушала на уроках, быстро училась, делала домашние задания. Только я могла быть грубой, резкой и вызывающей по отношению к ожиданиям. Я не позволю себя растоптать. Я не позволю собой пользоваться. Они не приручат дикого зверя внутри меня. Это бунт? Для меня это форма

самоуважения, самоопределения. Бунт ли это — идти против стаи? Полностью покинуть ее, чтобы в одиночку искать свой путь, свое племя?

Бунтовать против матери было легко. Она довольно добрая и жизнерадостная большую часть времени. Никак нельзя было угодить ей, став «женственной». Но бунтовать против отца было гораздо труднее. Любое подобие дерзости немедленно наказывалось насилием или угрозой насилия. Тем не менее, я отвечала ему жестко. Я ненавидела его лицемерие и конфронтировала его. Он испепелял меня взглядом и кричал: «Не дерзи, я сейчас подойду и дам тебе». Я хмурилась часами, отказываясь уступать. Но было благоразумнее закрыть рот. Все могло закончиться для меня только одним способом. Нужно выбирать битвы. Инстинкт выживания. Когда я уехала из дома в университет в 17 лет, его власть надо мной быстро ослабла (хотя я все еще частично зависела от него финансово). Я была рада, что выбралась оттуда и наконец-то могу расправить крылья.

Стратегии / оружие.

Я никогда не была особенно хороша в том, чтобы заручаться поддержкой людей. У меня была низкая способность устанавливать связи с людьми: я не знала, как подойти, как создать близость. Как правило, я была слишком на периферии стаи... или прямо за ее пределами. Для некоторых людей я была просто «странной».

Я переживала человеческий мир как нечто жесткое, неподвижное, непроницаемое. Зачем пытаться соблазнять или нравиться? Эти стратегии казались мне бесполезными, они падали в глухие уши. Нежность и обаяние, вместо того чтобы казаться мне ценными ресурсами, казались бессильными. Я чувствовала, что у меня их нет, что я не знаю, как их использовать, что у меня нет власти в этой сфере. Я не была и не могла быть типичной «папиной дочкой». Помню, меня отталкивали такие девушки, но тайно я завидовала обожанию, которое они получали.

Страдать ради внимания тоже не работало. Скорее, это давало обратный эффект. Ко мне не было особого сострадания. И особой мягкости. Страдать вслух было почти преступлением, и оно наказывалось. У моего отца не было никакой терпимости к страданиям. Он мог быть холодным и твердым как камень... разве что, когда превращался в гром и молнию. Его оплеуха достигала цели так быстро, что я почти никогда ее не видела.

Я помню один случай, уже взрослой, когда я плакала с ним по телефону. Он не слышал моего плача с детства. Я была одна в Сиднее, потеряна и без денег. Его ответом был сухой, жестокий крик: «Ты мне противна!».

Некоторые люди боязливо сливаются со стаей, ища ее защиты превыше всего. Это никогда не было для меня вариантом. Стая отвергла меня еще до того, как я успела открыть рот. Я часто презирала таких людей за их слабость.

В детстве я репетировала стратегии, чтобы привлечь внимание отца. Помню, как притворялась, что не знаю, как сделать домашнее задание. Я говорила: «Как пишется...?». Он даже не отрывал глаз от телевизора. «Посмотри в словаре», — говорил он. Или хуже: «Реши сама». Другая бесполезная стратегия, которую я оставила в подростковом возрасте.

Я пыталась быть дружелюбной. Я думаю, в глубине души я общительный, открытый человек. Но даже это имело ограниченный успех. Это не гарантировало, что меня примут, заботятся или включат. На самом деле, часто — в школе, например — я подходила с доброй волей, а ответ был неприятным, даже унижительным. Неоправданным.

Именно так: неоправданным. Я не сделала ничего, чтобы заслужить такое обращение. Так почему же я должна чувствовать себя виноватой за что-то?

Это мир должен мне.

Это оставляет только одну стратегию — двигаться против. Однажды Клаудио сказал в группе: «У некоторых типов не так много вариантов, кроме как двигаться против». Это меня сильно поразило. Забавно, но это была стратегия, о которой я меньше всего осознавала. Я была более осознанна в своей склонности двигаться внутрь, укрываться в моем животном мире или в мире фантазий, полном добрых и внимательных людей. Я не замечала, как могу подавлять других. Я все еще думала, что я слабая и маленькая. Даже когда я пыталась ступить по яичной скорлупе, я все еще была «слишком».

Я помню упражнение в группе Гештальта Анны: попробовать двигаться наружу, против и к другому по очереди с остальной группой. Отдаляться было самым знакомым. Приближаться — самым трудным. Двигаться против было тем, что мне нравилось больше всего. Однако было бы не точно сказать, что я всегда это наслаждаюсь. Обычно это момент внутреннего стресса, когда я чувствую себя загнанной в угол, злой, несправедливо обиженной. Я предпочитаю добрую волю и гармонию между людьми, но не ценой истины. Я не хочу фальшивой гармонии.

Но ты не можешь двигаться против, если никого нет. Если бы я не значила для других, они бы не утруждали себя конфронтацией со мной. Если я достаточно важна для кого-то, этот человек останется, чтобы бороться со мной. Он не отступит, не притворится сочувствующим, не будет насмехаться. Каким-то образом я жажду этого движения против: оно напоминает мне, что я жива, что другой тоже жив, и что мы в реальном контакте. Двигаться против не обязательно должно быть жестоким или унижительным (хотя этот тип мне слишком хорошо знаком). Это также может быть исцеляющим, оживляющим, как стряхнуть пыль, прорваться сквозь слои вежливости и мусора, чтобы найти сырую правду под ними. Наконец встретиться по-настоящему, полностью.

Наблюдая за своим характером, я понимаю, насколько инстинкт самосохранения доминирует над социальным и сексуальным. Кто-то описал меня как «негибкую», и я думаю, это очень точно. Но это не помогает иметь хорошие отношения с людьми. Я узнаю стратегию, настолько близкую мне, что годами я не осознавала ее. Я захожу в режим полной блокировки: никто не входит, никто не выходит. Подруги говорили мне, что я становлюсь каменной и что в этом я похожа на отца. Я отвожу свою энергию, свое существо внутрь, и стальная дверь захлопывается.

Иногда, если я была с кем-то, я становилась угрюмой, но это редко срабатывало. Большинству было все равно. А если кому-то и было не все равно, я все равно не впускала его. Я могла оставаться в этом месте долго; в свои двадцать, думаю, я жила там большую часть времени. Другие сталкивались с кем-то грозным, неподвижным, кто легко становился враждебным, если чувствовал малейший вызов. Но внутри себя я больше всего чувствовала боль, которую причиняло это отступление. Это акт самозащиты. Я сравниваю это со стеной осады. Если человек Е8 самосохранения — это замок, то я — замок в осаде.

Я до сих пор замечаю, что наблюдаю за миром из-за неподвижного лица. Один мужчина однажды сказал мне, что я похожа на ящерицу: совершенно неподвижна, двигаются только глаза, оценивая окружение. Если я под угрозой, я ничего не отдаю. «Меня не поймают». Я атакую, только если это абсолютно необходимо.

Я помню, кто-то сказал, что я выгляжу неуязвимой. Мне это казалось невероятным. Снова противоположности. Я выросла, чувствуя, что у меня недостаточно амортизации между мной и враждебным миром людей. Есть причина для этих доспехов. Возможно, самые закованные в броню люди — это те, кому она нужна больше всего.

Достоинство перед лицом унижения было одной из немногих вещей, которые у меня были. Я должна была держаться самой. Я была всем, что у меня было в этом мире. В то же время были вещи, которые я ненавидела в себе. Я знала, что должна научиться быть на своей стороне. Дом, разделенный против самого себя, не может устоять.

Людей Е8 самосохранения часто описывают как материалистов. Если это означает, что я верю, что богатство сделает меня счастливой, то я не материалистка. Я хочу иметь достаточно, чтобы ни от кого не зависеть. Например, не быть вынужденной делить жилье, когда мне на самом деле нужно пространство и уединение. Для меня важно быть максимально независимой.

Я также думаю, что мне было бы полезно снова пожить в сообществе, чтобы найти более здоровый баланс между моим частным и социальным миром.

Сексуальность / гендерные роли.

Все люди, мужчины и женщины, подвержены обусловливанию своей культуры, СМИ и т.д. Но я думаю, что параметры того, что считается «приемлемым поведением» для женщины, еще уже, чем для мужчины. В той ретроградской культуре, в которой я выросла, часто можно было услышать фразу: «Женщины должны быть босыми, беременными и на кухне». Хотя я часто ходила босиком, ясно, что эта фраза говорит о том, чтобы держать женщину в ловушке: лишить ее обуви — значит лишить ее средств побега, ее независимости.

Мужчины шутили о том, чтобы держать женщину на поводке между кухней и спальней. Я думаю, что Австралия особенно ретроградна в этом смысле, по крайней мере, в так называемом «первом мире». Мои польские подруги спрашивали: «Почему так много австралийских женщин говорят и ведут себя как маленькие девочки?». Я замечаю очень четкую разницу, например, с немецкими женщинами. Они гораздо более напористы и менее терпимы к глупостям.

Я думаю, что женщины-Е8 имеют дополнительный слой сложности в нашей жизни. Я где-то читала, что женщина Е8 воспринимается как аберрация. Мужчина может быть аутсайдером, грубым индивидуумом, идущим против течения, делающим все по-своему, как тот одинокий ковбой, который ни в ком не нуждается и скачет в закат. Он может быть вне системы, но его все равно уважают или даже восхищаются им. От мужчин даже ожидают такого отношения. В СМИ и массовой культуре множество таких моделей.

Но женщина? Это, кажется, идет вразрез со всеми имеющимися моделями. Сильное послание, которое мы получаем: «Вот какой ты должна быть, если хочешь, чтобы тебя любили, если хочешь найти свое место в мире. Ты должна быть покорной, скромной, красивой и уступчивой, смотреть на мужчину снизу вверх, уступить ему свою власть, заставить его чувствовать себя мужчиной». Девочек-подростков учат: будь милой, хорошо играй, приспосабливайся к другим, не поднимай волн, молчи. Все твое существование определяется мужчинами в твоей жизни. Он — глава семьи. У него последнее слово. Он решает, что смотреть по телевизору, управляет финансами, решает, что есть и пить, он ведет машину, он твой защитник и кормилец, но также и твой тюремщик. Именно такое отношение было у моего отца, но также и общее отношение в культуре, в которой я выросла. Как мне было не бунтовать против этого? Принять это означало отказаться от всякой воли, от всякого духа. Стать рабом-роботом. И будь я проклята, если когда-нибудь сделаю это. Для меня это не бунт, а самоуважение, самоопределение. Я не позволю запереть себя в коробку с надписью «приемлемое поведение для женщин». Я лучше останусь одна до конца жизни. Я могу выдержать боль одиночества, но я не могу выдержать боль потери себя таким образом. Я не могу сдать свой суверенитет. Я слышу голос Черчилля: «Никогда не сдавайся». Для меня сохранение суверенитета имеет первостепенное значение. Я отказываюсь принимать это подавление моей воли.

Я помню историю, которую слышала когда-то о том, как казаки укрощают дикую лошадь. Они садились на нее до тех пор, пока могли разбить бутылку водки между ее ушами. Животное, оглушенное взрывом, верило, что смертельно ранено. Тогда оно сдавалось. Его дух был сломлен, и оно принимало власть человека. Не знаю, правдива ли эта история. Но я узнаю себя в ней.

Я сопротивлялась всем, что у меня было, любой попытке сломать мою волю. Потому что эта воля — мой дух — была долгое время единственным, за что я чувствовала, что могу держаться в враждебном мире. Это был мой центр, мое убежище, мой щит.

Я никогда полностью не идентифицировала себя с девочкой. И позже, с женщиной. Я также не чувствовала себя мужчиной. Но мальчики, казалось, имели больше свободы. Им разрешалось быть шумными, дикими, бунтарскими. От них не требовали нежности, покорности или мягкости. Цепи ожиданий, казалось, менее сдавливали их шеи.

С детства я предпочитала мальчишескую одежду. Платья и красивые вещи меня не интересовали. Но я и не была, точно, сорванцом. Мне нравилось играть в

грязи с игрушечными грузовиками. Это было просто: я играла в то, что доставляло мне удовольствие, независимо от того, что это говорило о моем поле.

Я помню очень четкую сцену. Мне было около 15. Общественный сток забило листьями после тропического ливня. Я подошла и начала его прочищать. Моя мать увидела меня издалека. Она была в ужасе. Она сказала, что ей стыдно. Опять она ожидала от меня чего-то другого, более «женственного». Но я не видела ничего плохого в том, что делала. Наоборот: я считала это полезным. Это была услуга обществу. И, прежде всего, это давало мне чувство удовлетворения, что я делаю что-то правильное, конкретное, логически чистое. Мне было плевать, считалось ли это «женственным».

Когда мне было 20 лет и я жила в сообществе, женщины организовали «женский вечер». Я пошла, но с самого начала почувствовала, что не принадлежу. Я прямо сказала им, что не чувствую себя женщиной. То, что они обсуждали, не имело для меня никакого значения. Они говорили о парнях, сексе, родах... У меня не было опыта ни в чем из этого. Месячные? Зевота. Одежда и макияж? Пожалуйста! Время выйти из комнаты!

Меня тревожило чувство, что я так не на месте, но у меня также не было никакого желания притворяться, что я вписываюсь. Это был не мой путь. Эти люди явно были не моим племенем.

Думаю, я феминистка, хотя я не читаю феминистских текстов (!). Я пыталась, но они быстро меня скучают. Когда я пытаюсь участвовать в феминистских дискуссиях, я часто не понимаю, о чем они говорят. Все звучит слишком интеллектуально, абстрактно, далеко.

Я думаю, причина, по которой я узнаю себя как феминистку, более висцеральна: у меня глубокое отвращение к лицемерию и двойным стандартам. А гендерные вопросы полны этого. Такая несправедливость действительно злит меня. Я не могу молчать, с кем бы я ни была.

Что касается сексуальности, я развивалась медленно, хотя чувствовала очень сильное желание этого опыта. Я не научилась мастурбировать до 21 года, а первый сексуальный опыт у меня был в 26. Это не было осознанным решением, у меня не было ничего против секса. Но секс подразумевает другого. А у меня всегда были трудности с реляционным миром.

Были мужчины, которые желали меня, но я не желала их. И наоборот. Вся игра ухаживания казалась мне жестокой, унижительной конкуренцией, к которой я не была готова.

Кому я могла бы сдаться? Быть гетеросексуальной женщиной — это, по крайней мере, как часто преподносится, получать, открываться, смягчаться, доверчиво сдаваться. И это было — и все еще есть — очень трудно для меня. Хотя теперь немного меньше.

Секс найти легко. Мужчины всегда готовы, и они не всегда требовательны. Им не нужно сдаваться. Они могут заниматься этим как на войне, как победой, которая пронзает, мечом, который проникает, без сердца и нежности.

Чего мне не хватало — и все еще не хватает — в потенциальных интимных встречах, так это чего-то очень простого и очень редкого: доброты, уважения, принятия.

Сдаться означает опустить доспехи и передать власть другому. И я могу сделать это только при наличии уважения, доброты и принятия. Я никогда не верила в игру обольщения. С юности она казалась мне фальшивой, манипулятивной. Я ненавидела — и ненавижу — этот язык мужских «завоеваний». Никто меня не завоюет. В этом я была уверена.

Но тайно я жажду найти того, кому я действительно смогу сдаться, не теряя своего суверенитета. Так как я редко это нахожу, у меня редко бывает секс.

Немногие случайные встречи, которые у меня были, в лучшем случае были настолько удовлетворительны, как хороший чих. Хотя было некоторое животное удовлетворение.

Чего я не понимала в молодости, так это эффекта, который производила моя внешность. Мне и в голову не приходило, что мужчины могут пугаться. Что они, мужчины или мыши? Пожалуйста! Они выбирали легкий путь: красивых, уступчивых, улыбчивых девушек. Таких непохожих на меня, как луна. Чего я также не видела тогда, так это того, что мое сердце тоже было закрыто, зачерствело. По крайней мере, снаружи. В любом случае, в то время я не была бы способна на те отношения, которых действительно жаждала.

Невинная.

Решающий момент, когда я поняла, что я не энеатип 4, наступил, когда я увидела карикатуру под названием «Трансформация через восприятие». На картинке

женщина срезает цветы, помещает их за стекло, обрамляет... и называет это виной. Пытаясь понять это, исходя из того, что я Е4, я внимательно на нее посмотрела. Я хотела найти себя там. Но не смогла. Вина? Почему называть это виной?

Тоску, да, я понимаю. Я даже могу представить, как создаю искусство из этого места. Но вину... нет. Тогда я осознала кое-что фундаментальное: я не страдаю от вины. Это не то чувство, которое меня определяет. Я не чувствую, что тащу за собой невидимые обязательства или унаследованные грузы. Я не живу из долга.

Я слышала, как люди, идентифицирующие себя с Е4, говорят что-то вроде: «Я чувствую вину за то, что дышу воздухом». Эта фраза не находит отклика в моем теле. Я не понимаю и не чувствую ее и никогда не чувствовала. Если я разочаровываю кого-то или причиняю боль, я могу испытывать раскаяние и сказать «прости» — в отличие от моего отца, который никогда не извинялся. Это я бы назвала виной действия. Но то, что, кажется, затрагивает других людей, это вина бытия. Ощущение осуждения, связанное с самим фактом существования. Это мне чуждо.

Например, некоторые люди говорят о так называемой «белой вине»: чувстве дискомфорта от того, что ты белая — и среднего класса — в стране с колониальной историей. И да, обращение с коренными народами было и во многих смыслах остается ужасным. Но я не чувствую вины за то, что не сделала напрямую. Это, для меня, вина по ассоциации. Как чувствовать себя виноватой за то, что сделал твой дедушка, если он, например, был жестоким, нацистом или педофилом. Я понимаю это в историческом плане, но как личное чувство... это кажется мне абсурдным.

Я чувствую все это очень ясно. Мне грустно — и иногда раздражает — видеть людей, мучающих себя виной. Я не вижу в этом осознания или ответственности. Я вижу своего рода внутреннюю тюрьму. И если я в чем-то уверена, так это в том, что я пришла в эту жизнь не для того, чтобы быть узницей.

Перемена и трансформация

Будь мягкой. Не позволяй миру ожесточить тебя. Не позволяй боли сделать тебя ненавистной. Не позволяй горечи украсть у тебя нежность.

КУРТ ВОННЕГУТ

Это был долгий путь. И он еще не закончен.

Я думаю, что почувствую облегчение, когда умру. Но пока я начинаю получать сигналы — маленькие, конкретные — что во мне что-то изменилось. Люди, знающие меня много лет, говорят, что я стала мягче, счастливее. Некоторые даже заметили, что мое спокойствие помогает им обрести свое. Сначала мне это показалось странным: спокойствие не было тем, что я пыталась культивировать. Но теперь я думаю, что это симптом роста. Признак того, что что-то во мне помирилось с жизнью.

Ко мне возвращается одно из моих любимых выражений: «Доказательство в пудинге». Если я спокойнее, более центрирована, значит, я на правильном пути.

Гештальт стал для меня духовным домом. Я пришла из истории такого глубокого отчуждения, что просто находиться в большой группе было поначалу трудно. Но там я нашла новый способ говорить, связываться, быть с другими. Какое облегчение... Я благодарю Бога, что нашла Анну, терапевта, которая не боялась гнева или агрессии и умела работать с этой огромной энергией творческим, продуктивным способом.

Мне был 31 год, когда я прошла SAT 1 с Сьюзи [Строк] и Алаором [Пассосом], который тогда включал части процесса Хоффмана. Я полностью отдалась опыту. Я была открыта, готова учиться. И произошло глубокое исцеление, особенно в отношении моих родителей.

После того SAT впервые в моей взрослой жизни я начала видеть их как людей. Людей с историями, с юностью за плечами, с разбитыми мечтами, потерянных и сбитых с толку. Произошло очень глубокое очищение сердца. Я чувствовала физическую боль в центре груди, и в течение нескольких дней после этого меня охватывал безмятежный покой... но также сильная усталость. Я была настолько истощена, что даже не могла пойти на работу.

Один из самых замечательных опытов произошел в последний день, во время прощаний. Я подошла обнять других, попрощаться... и вдруг я ясно почувствовала, что я — чаша, переполненная любовью. Мне не нужно было, чтобы меня наполняли. Я была любовью. Я переполнялась. Я не могла не отдавать ее.

Одна терапевт посмотрела на меня и сказала: «Вау. Если у тебя так много любви, ты можешь получить все, что захочешь». Эта фраза осталась со мной. Даже когда я не чувствую ее, я знаю, что это возможно. Я знаю, что этот источник во мне... или течет через меня.

В детстве мое женское «я» было загнано в тень, как будто оно не заслуживало света. Я сопротивлялась любой попытке сделать меня более «женственной». Для меня женственное было синонимом слабости, второго сорта: босая, беременная и на кухне.

Были и более тонкие причины, которые я до сих пор не совсем понимаю. Женские модели, которые были у меня рядом, казались лишенными достоинства. Настоящим вызовом для меня было найти невинность в моем женском «я» и открыть способ быть женщиной, не отрицающий мою силу, но и не отрицающий мои более мягкие чувства, желание нежных и искренних связей.

Это все еще деликатная территория, в процессе.

Недавно Грация [Чеккини] сказала мне: «У меня такое чувство: тебе нужно отдыхать. Тебе нужно отдыхать». Я много думала об этом. Замок в осаде никогда не может отдыхать. И годами я жила так, будто нахожусь в осаде.

Только в последнее время я начала замечать, сколько напряжения и ригидности я ношу в теле. Особенно в плечах, верхней части спины и груди. Иногда я чувствую, что ношу экзоскелет. Мои глаза тоже могут становиться жесткими; я замечала это на фотографиях. Не удивительно, что некоторые люди боятся меня. Это выражение в некотором роде унаследовано. Оно напоминает мне лицо по умолчанию моего отца. Да, возможно, мне нужно отдохнуть.

И, как ни парадоксально, одна из моих форм отдыха — это интенсивный физический труд или упражнения. Мало что доставляет мне такое удовольствие, как расслабление после целого дня работы в саду. Я чувствую, как развязываются узлы. В конце дня я жива и устала, грязная и совершенно расслабленная. Я чувствую себя полностью воплощенной. Ум успокаивается. Беспокойные мысли рассеиваются. Тогда я могу легко говорить, чувствовать себя уверенно в своем теле. Сплю как младенец.

Это естественная жизнь. По крайней мере, для меня.

Физический труд и йога — или просто потягивания — стали для меня незаменимыми. Теперь я это знаю. Раньше я делала это инстинктивно, не думая. Но были моменты, когда я теряла этот контакт. Я предавалась лени и позволяла депрессии затянуть меня на дно. Я забывала свое тело... или, скорее, обезболивала его алкоголем.

Другой тип отдыха, гораздо более трудный для меня, — это отдыхать в компании других людей. Моей моделью было находить отдых в одиночестве.

Нахождение с людьми не было отдыхом: это было сжатие. Недавно одна подруга сказала мне: «Кажется, тебе нужно много пространства вокруг тебя». Возможно, так всегда и будет, в некоторой степени. Сжатие все еще возникает, когда рядом люди. Мне нужно пространство, чтобы дышать, чтобы разрядиться.

Часто одиночество вызывает у меня вздох облегчения. Но я жажду отдыхать в компании других людей. Семьи, друг, партнера... Возможность полностью расслабить механизмы самозащиты. Чувствовать себя как дома с другим без необходимости говорить, развлекать. Просто быть. Я знаю, что это возможно. Я знаю, что там есть путь вперед.

И тем не менее, долгие годы я полностью теряла контакт с этим. Одна кузина однажды сказала мне: «Мы полностью потеряли тебя примерно на десять лет». Это правда. И это не просто вид отдыха. Это отдых в принадлежности.

Начиная мою терапевтическую работу, мне было очень трудно плакать перед другими. Я не плакала ни перед кем с полутора лет. Или почти никогда. И никогда полностью. Сдаться этому чувству означало снять доспехи и остаться беззащитной. И чтобы измениться, я должна была быть готова сделать именно это: позволить кому-то поддержать меня и мою боль, не отворачиваясь.

Я помню одну групповую работу. У меня было сильное высвобождение слез. В конце терапевт спросил меня: «Одним словом, чего ты хочешь?». И первое, что вырвалось: «Защиты». Он удивленно посмотрел на меня и сказал: «Ты такая внушительная... я не думал, что тебе нужна защита». Я ответила: «Я такая внушительная, потому что мне нужна защита».

Я думаю, это одна из главных дилемм энеатипа 8.

Не помогает, когда тебе говорят: «Ты сильная, ты справишься». Люди предполагают, что все в порядке. Но человеку Е8 нужно в какой-то момент снять доспехи. Он не может исцелиться, если носит их постоянно. Принять поддержку или защиту от другого кажется глубоко рискованным. Мы живем так, как будто мы одиноки, как будто нет амортизации между нами и жесткостью мира. Мы выросли без сети. Без укрытия. Слишком рано подвергшись жестокости.

Всю свою жизнь я желала иметь союзников. Кого-то, кто бы меня поддерживал. Кто был бы на моей стороне. Кто рискнул бы ради меня. В детстве я помню только два случая, когда кто-то заступился за меня. Как правило, я была одна. И это делало меня легкой мишенью.

Есть причина, по которой я ношу столько доспехов: чтобы защитить чувствительное сердце, получившее столько отвержения и жестокости. Когда-то, в детстве, я была дружелюбной и открытой, но мои дары — мои драгоценные жемчужины любви — были отвергнуты и унижены. Не удивительно, что большая часть моей любви направлена к девочкам, мальчикам и животным. Они не отвергают меня, они ценят мою любовь и возвращают ее сторицей.

Но в группе Гештальта, на SAT, я начала чувствовать этот поток любви и доброй воли, и теперь я могу более свободно отдавать себя другим. Это было долгое и медленное путешествие обратно из места не-сердца, разбитого, печального, раненого, одинокого сердца. Но нежное сердце всегда было там, за стеной осады. Я знаю, что значит быть открытым источником любви, свободно текущим, переполняющим мою грудь.

Я усвоила кое-что важное: даже сердце, не знавшее большой любви, может научиться любить. И это, возможно, его истинное спасение. Любовь — это исцеляющий бальзам.

Клаудио, твое учение о любви на последнем SAT, который я посетила, было глубоко преобразующим для меня: что все мы хотим быть любимыми, но не всегда развиваем свою способность любить. Эта фраза отозвалась в самой глубине. Акт любви, культивирование доброй любви может освободить нас от тюрьмы безлюбия, от глубокого одиночества. Любить и быть счастливым идут рука об руку. Блокировка способности любить — сама по себе определение ада.

Удивительно, как много людей никогда не испытывали этого открытого потока сердца. Или, если когда-то и чувствовали, полностью осознают, что закрыли его... и не хотят возвращаться. Закрытое сердце становится циничным по отношению к нежности, недоверчивым к любви. И в конце концов чувствует себя пустым.

Я сама переживала это много раз: ощущение, что нечего дать, что сердце сухое, истощенное. Тогда появляется надежда, что кто-то другой придет и наполнит его. «Я заслуживаю безусловной любви», — говорят некоторые позитивные утверждения. Но эта идея, сама по себе, может стать пассивным ожиданием, вечным поиском вовне. А сердце тем временем остается неразвитым. Мышца любви атрофируется.

Я глубоко идентифицировала себя с этим образом. Закрытое сердце — это пассивное сердце. Беспомощный младенец, брошенный там, ожидающий, пока

его поднимут, медленно увядающий, потому что мир не вернул ему любовь, которую он дал.

Я поняла, что мы должны быть активными участниками здоровья нашего сердца.

Пассивное сердце подобно озеру, которое наполняется только когда идет дождь. Когда дождь прекращается, вода уходит или испаряется. Напротив, сердце, которое любит, подобно озеру, питаемому родником: оно обновляется изнутри, обильно, самодостаточно. Мы наполняемся не удерживая. Мы наполняемся, открывая этот внутренний источник любви.

Как бы ни было ранимо мое сердце, если я хочу жить полноценно, я должна позволить ему раскрыться. Вытащить его из искривленных доспехов. Снова чувствовать. Снова чувствовать к другим. Впустить свет, воздух, дождь. Позволить сердцу вымыться и очиститься.

Это точно описывает то, что я пережила на SAT 1 в 2001 году. Я не знала, что могу чувствовать столько любви. Раньше я думала, что все это — открытость, нежность, отдавание без страха — было чистой хипповской чушью.

Но это не было. Это была правда, которую мое тело и душа ждали.

Это откровение — обнаружить, что разбитое сердце, сердце, которое сочится и вянет в собственной горечи, может снова стать целым. Что оно может снова познать любовь, легкость, радость. Когда мое сердце открыто и вечный родник течет, иногда люди приближаются и чувствуют себя накормленными, тронутыми. Это что-то новое в моей жизни. Я удивлена. Это подтверждение того, что я на правильном пути. Это вдохновляет меня работать в какой-то форме терапии, потому что меня глубоко радует видеть, как другие люди обретают эту радость и освобождаются из своей тюрьмы.

Но это требует работы (активного участия) и мужества.

В мои годы в группе Гештальта я болезненно осознала, что почти никогда ни по кому не скучала. Как можно скучать по кому-то, если ты вообще не установил связь? Я также поняла, что редко чувствовала к другим то, что больше всего желала чувствовать к себе: ценить другого, привязываться, чувствовать укол нежности. Со взрослыми это казалось мне невозможным, хотя с девочками, мальчиками и животными, опять же, я иногда могла это чувствовать.

Я думаю, это размягчение и открытие сердца имеет фундаментальное значение для людей Е8, и, возможно, для всех остальных. Несколько лет назад кто-то рассказал мне о практике метты. Я не эксперт, но иногда практикую. Сначала для меня было откровением фокусировать свои нежные и радостные чувства на домашнем питомце, на знакомом младенце. Со взрослыми это все еще трудно, но уже есть больше возможностей. На последнем SAT, в прошлом году, я чувствовала привязанность к нескольким людям. Для меня это был большой шаг вперед.

Практиковать благодарность — это то, что я никогда не делала бы несколько лет назад. Это казалось мне слишком «Нью Эйдж», слишком «хорошим». И почему, черт возьми, я должна быть благодарна? Я понятия не имела, насколько эта практика может изменить мою точку зрения. И также насколько она может меня успокоить. Я думаю, это имеет много общего с моей нынешней большей безмятежностью. Чувствовать благодарность — это противоположность постоянной борьбе, войне со всем: вечной неудовлетворенности. Это способ принять настоящее, удерживать с состраданием и признательностью все части жизни. Быть достаточно большой, чтобы вместить всю жизнь.

Один шаман, которого я встретила, однажды сказал мне: «Возьми свою самую юную себя, ту раненую девочку, которую ты была, того подростка, который страдал, и обними ее. Дай ей всю любовь, сострадание и ободрение, которых она не получила. Другого пути нет». Это перекликалось с тем, что мне также говорили несколько терапевтов.

С тех пор как я начала Гештальт, когда мне плохо, я иногда представляю маленькую Мэри, сидящую со мной. Я смотрю на ее печаль, обнимаю ее, говорю с ней. Я делала это много раз. И это всегда меня успокаивает. Это действительно облегчает большую часть дискомфорта. Это ощущается глубоко исцеляющим.

Я думаю, шаман был прав: другого пути нет. Этот жест интегрирует меня с самой собой. Я на своей стороне. Я своя союзница. Дом, разделенный против самого себя, не может устоять. Мне пришлось принять серьезные решения. Буду ли я на своей стороне? Или я предаю себя? Присоединюсь ли я к стае в ее отвержении? Или я использую свою взрослую силу, чтобы защитить эту одинокую внутреннюю девочку и показать ей, что она мне важна?

Меня глубоко впечатляет фраза Ганди: «Будь тем изменением, которое ты хочешь видеть в мире». У меня есть наклейка с ней на машине. И что она значит для меня? Это значит быть доброй и сострадательной к другим людям. Я

постепенно понимала величину моей стены осады и то, как я двигаюсь по жизни за ней. Не удивительно, что люди отстраняются. Это не совсем рецепт для установления связей с другими.

Это моя бессознательная реакция по умолчанию: быть настороже. Стена осады ожидает атак. Враждебность и оружие находятся близко к поверхности. Это состояние постоянной бдительности. Но когда этот образ жизни стал осознанным, я поняла, что могу его изменить, смягчить.

Недавно, например, я была в состоянии внутренней враждебности. Я чувствовала гнев и разочарование в себе и мире. И это было ощутимо: я получала в ответ грубость и защитность. Тогда я решила провести эксперимент. Вместо того чтобы закрываться еще больше, я приложила усилие, чтобы принять нежное сердечное отношение, доброжелательный настрой к тем, кого встречала на улице. Я улыбнулась. Я сосредоточилась на мягком расширении в груди. Я искала что-то, что связывало бы меня с нежностью. И, конечно, мой день полностью изменился. Люди отвечали иначе. Что отдаешь, то и получаешь. Будь изменением...

Я думаю, я научилась обезоруживать как других, так и себя. Некоторые говорили мне, что я нахожу их обезоруживающей. Один друг даже сказал, что считает это моей «визитной карточкой»: что в напряженных ситуациях у меня есть способность помочь другим расслабиться, успокоиться, открыть сердце, и тогда начинает течь добрая воля. Я не совсем осознанно делаю это, но думаю, это хорошо. И миру нужно больше такого.

Есть еще одна сознательная привычка, которую я практикую, когда чувствую себя сжатой, напряженной, злой на все, борющейся с тем, что мне не нравится: я напоминаю себе о добре, красоте и невинности, которые действительно существуют в мире. В некоторые дни я не могу их видеть. Но я все равно пытаюсь их искать. Это как сделать шаг назад, чтобы увидеть картину целиком. Я должна напоминать себе об этом снова и снова.

У меня были близкие отношения с горечью. И я узнала, что горечь — это скользкий путь в ад. Она никуда больше не ведет. Ничего не достигаешь, предаваясь ей. Это путь наименьшего сопротивления. Есть больное — и соблазнительное — удовольствие в том, чтобы поддаться ее дешевым и грязным чарам. Как легко прожить жизнь в кислоте. Я вижу это на лицах некоторых людей, особенно пожилых, которые годами поддавались этому яду. Лицо выдает.

У некоторых людей есть веские причины для горечи. Я могла бы сказать, что у меня они тоже есть. Но я видела, куда ведет этот путь... и выбрала другой.

Мне было 34 года, когда я познакомилась с работой Экхарта Толле «Сила настоящего», которая, думаю, попала в яблочко. Вся предыдущая работа, которую я проделала, достаточно смягчила меня, чтобы я могла ее принять. Это не новое учение, но что-то во мне щелкнуло. То, чему я научилась в Гештальте, начало проникать на более глубокий уровень. Я, должно быть, прочитала эту книгу по крайней мере десять раз. Каждое чтение давало мне более ясное понимание. Я считаю, что этот момент ознаменовал начало моей истинной взрослости. Я научилась сдаваться жизни такой, какая она есть, здесь и сейчас. Сдаваться с добротой. С состраданием. Как говорит Толле: «Борьба с настоящим — это форма безумия». И я жила так долгое время. До этого я все еще чувствовала себя голодным ртом, ожидающим, что кто-то — терапевт, надежный друг — накормит меня.

Я была голодна годами. И когда я наконец нашла терапевта, которому могла доверять, вся накопленная тоска той одинокой девочки хлынула наружу. Но это был только первый этап исцеления. Это было озеро, которое наполнялось дождем. И которое снова опустошалось, если его постоянно не пополняли.

Со временем я начала чувствовать себя взрослой. Не девочкой, ожидающей, что жизнь ее спасет, а женщиной, способной заботиться о своем внутреннем мире. Брать ответственность за свое развитие. И тогда, мало-помалу, вечный источник начал бить. Сначала робко, как легкая капель. Но он был здесь. Наконец-то он был здесь.

Я впервые заинтересовалась буддизмом и медитацией, после того как довольно яростно выступала против всего этого. «Какой смысл сидеть неподвижно и ничего не делать?», — часто говорила я. Я была очень нетерпеливой, очень активной, очень реактивной. Но в конце концов я начала понимать. Я даже извинилась перед некоторыми буддистами за свое прежнее отношение. И они приняли это с достоинством!

Я научилась искать то существо, которое находится под умом. Глубоко входить в этот момент — потому что это единственное, что есть, — и обнаруживать, что этого достаточно. Потому что в этом моменте заключена вся вселенная.

Мне повезло жить рядом с несколькими буддийскими центрами, и я начала посещать ежедневные службы в монастыре Шри-Ланки, до которого могла дойти пешком. И поскольку я всегда говорю, что «доказательство в пудинге»,

меня удивили тонкие, но реальные изменения. После ретрита по медитации, например, я обнаружила, что у меня больше нет желания убивать пауков и тараканов. С моего тропического детства я была безжалостным охотником на этих существ. Но теперь я просто ловила их и выносила наружу. Это не было чем-то, над чем я работала, или целью ретрита. Это просто произошло. И такие симптомы — тихие, незапланированные — я понимаю как признаки настоящего роста.

Эта сдача настоящему также укрепила во мне кое-что еще: спокойствие. Нетерпение и беспокойство, два старых фоновых вопроса, начали ослабевать. У меня были моменты истинного покоя.

С этой внутренней трансформацией пришел и новый социальный успех. Я научилась говорить с людьми, быть среди них более естественно. Я чувствовала себя увереннее, открытее, более заинтересованной в другом. Мне еще многое предстояло развить в социальном плане, но изменилось что-то фундаментальное.

Я начала устраивать вечеринки у себя дома. Большие шумные события с живой музыкой — вокруг меня было много музыкантов — много алкоголя, разговоров, танцев, пения. Для того, кто так долго жил на периферии, это было очень особенным. Очень важным. В следующее десятилетие я устроила много вечеринок. И большинство из них были сногшибательным успехом. Некоторые даже говорили, что они были лучшими в городе.

Моя театральная и юмористическая сторона начала расцветать. Я нашла сообщество, которое приняло меня такой, какая я есть. Которое любило эту мою сторону. Я стала вокалисткой группы фальшивого цыганского кабаре, и мы объездили фестивали по всей Австралии. Я бы не сказала, что мое сердце было по-настоящему открыто в то время. Но оно было мягче, и я начала замечать, что некоторым людям я действительно нравлюсь! 34 года, и я это осознаю. Давно я не чувствовала себя любимой за то, что я есть, даже если я все еще была грубой и неуклюжей во многих отношениях. В то время я познакомилась с некоторыми людьми, с которыми у меня до сих пор близкие отношения. Люди, с которыми я могу «распустить волосы», которые ощущаются как семья. Я скучала по такому времяпрепровождению без лишних мыслей, без самосознания. Я скучала по этому долгое время.

Это все еще была очень праздничная среда, с большим количеством алкоголя и марихуаны. Но я пропустила всю эту социальную суматоху в свои двадцать, то

чувство популярности, и теперь я хотела наверстать упущенное. С размахом! Годы больших вечеринок!

Романтика все еще ускользала. У меня было пару увлечений мужчинами, с которыми я могла глубоко говорить о буддизме, о бытии и т.д. Это уже был огромный шаг после стольких лет, когда мне нечего было сказать. В 31 год я встречалась с мужчиной около восьми месяцев. Было очень ясно: «Это не отношения, мы не пара». Я не совсем понимала, что это значит, потому что он казался очень заинтересованным во мне. Он бросал мне несколько крошек, и для меня это был рай. Я не чувствовала, что влюблена; это не было так глубоко. Но это было приятно, комфортно, и было много секса. Мне нравилось спать с ним в кровати, и мне казалось невероятным, что я прожила всю жизнь, не зная этого ощущения.

После этого было еще пару любовных приключений, но я решила не повторять этот опыт. Теперь я понимаю, что ищу сердечную связь, но также вижу, что мое сердце не было готово. Иногда я не знаю, как я могу это выносить, быть одной так долго. Но у меня все больше моментов принятия. Я могу чувствовать себя полноценной без этого. Я могу быть достаточно большой, чтобы позволить даже этой тоске иметь свое место в моей жизни.

Недавно я прошла курс осознанности MBSR (снижение стресса на основе осознанности). Я была необычно дисциплинированной на этом курсе и заметила, как развивается странное и восхитительное чувство спокойствия, а также детский контакт с жизнью. Осознанность открыла мне дверь к тому, чтобы ценить маленькие вещи в жизни: стакан молока, наблюдение за воробьем, тепло солнца на коже, улыбку незнакомца. Я чувствую больше благодарности за эти тонкие вещи, составляющие повседневную магию. Это противоположность разочарованию в жизни; противоположность необходимости интенсивности и тепла, чтобы чувствовать себя живой. Конечно, осознанность требует постоянной практики. Мои марокканские друзья объяснили мне, почему они молятся пять раз в день: «Как тело нуждается в еде и питье несколько раз в день, душа нуждается в постоянных напоминаниях о Боге».

Заключение

Перечитывая это, я замечаю, что одна из повторяющихся тем — это мои отношения со стаей: принадлежать или не принадлежать. Я признаю, что все еще цепляюсь, иногда сильно, за себя и за то, что мое, за свой суверенитет, из страха, что то небольшое, что у меня есть, будет растоптано массами. В этом смысле я всегда сильно идентифицировала себя с E5: удерживая, сохраняя

внутри себя то, что ценно. Да, с жадностью. Но я знаю, что моя энергия — не энергия Е5.

Я узнала, что мне нужна стая, но не так, как они — или я — возможно, ожидали. Я все еще борюсь за то, чтобы найти свое место в мире, свой путь, свои дары... но чувствую, что я ближе. Я более конгруэнтна с собой, чем раньше. Я не последовательница, но я и не была лидером: у меня такое чувство, что мой плод все еще созревает.

Вся моя жизнь, кажется, вращается вокруг изучения нескольких фундаментальных вещей: Как я могу быть мягкой и открытой с людьми? Что это за сдача, которая дается мне так трудно? Как сдаться, не чувствуя себя побежденной?

Я учусь сдаваться и принимать вещи такими, какие они есть. Не быть в постоянной борьбе, сражаясь со всем, пытаюсь это изменить. Борьба с тем, что ЕСТЬ, — значит тратить жизнь впустую: в постоянной готовности, измотанной и полной стресса. Как освободить место даже для того, что причиняет мне боль? Принять, что я не всегда могу получить то, что хочу, что не всегда могу быть с тем, кого жажду. Принять, что некоторые вещи, возможно, никогда не изменятся. И, тем не менее, оставаться открытой и просторной. Я могу позволить себе даже разочарование и неудовлетворенность. Дзен-мастер Джозеф Бек говорит о том, чтобы стать «БКВ: большим контейнером всего», и говорит, что цель практики — быть достаточно большим, чтобы вместить всю жизнь целиком, а не только красивые части!

Почти десять лет спустя

По мере приближения даты публикации я перечитываю эту биографию, которую написала почти десять лет назад, и вижу, что она нуждается в обновлении. Что я могу добавить? Что еще? Что изменилось?

Продолжающаяся трансформация.

Я продала свой дом и уехала из Австралии, расправив крылья, создавая свою жизнь на ходу. Энергии движутся, и с ними открываются новые возможности. Как говорит Руми: «Иди и разверни свой собственный миф».

Я прошла Путь Сантьяго трижды, даже пересекая дикие горы Арагона глубокой зимой. Это были славные, расширяющие дни, иногда не встречая ни души. И тем не менее, полные присутствия. Я также участвовала в церемониях аяуаски

трижды, и процессы, открывшиеся после них, продолжают разворачиваться слоями, которые я едва могу понять.

Я пережила размягчение. Растущую восприимчивость к нежности, чистоте, невинности. И огромную, буйную радость.

Наступила менопауза. Травма колена и набор веса причинили мне огорчение. Иногда я все еще пью слишком много. Но что-то новое растет. Моя диета начала меняться, и мое тело наслаждается голоданием. Плавание и, особенно, езда на велосипеде по лесу стали неожиданными удовольствиями. Мои колени улучшаются.

Я учусь жить в сердце. Жить в душе. Жить из веры.

Я не работаю в традиционном смысле, но занимаюсь волонтерством. Я играю музыку для пожилых людей. Пою на похоронах. Я делюсь своим даром с мертвыми, умирающими и их близкими.

Это священный момент, когда завесы между мирами становятся тоньше. Музыка тогда становится лекарством. Бальзамом для души, утешением для духа, помощью в переходе через порог.

Эта работа имеет для меня смысл.

Я сильно чувствую присутствие тех, кто остался позади, кто был забыт. Мне хорошо делиться с ними. Утешать. Облегчать.

Чистота / невинность.

Два недавних опыта разверзли меня настежь. Они пришли неожиданно. В детстве у меня было больше таких моментов, но они исчезли надолго. Я могу описать это только как религиозный опыт. Поток Святого Духа (я не знаю, как еще это назвать) прошел через мое тело и сломил меня. Судорожный, глубокий плач, но не грустный, не сжатый. Плач от радости и изумления. Бег и пение по зимнему пляжу. Я не вызывала этот опыт и не могла бы его остановить, если бы даже попыталась. Это не я имею опыт, это опыт имеет меня. Это состояние благодати, огромной радости, волны любви к Богу и ко всему миру. В этом состоянии нет вопросов. Все ясно. Все совершенно.

Другой опыт был во время церемонии аяуаски, сопровождаемой небесным хором Девятой симфонии Бетховена. Снова волна и расширяющийся плач. Эти опыты — благословения.

Когда Моисей спустился с горы, его лицо изменилось. И я чувствовала то же самое. Есть переживания настолько сильные, настолько полные величия и изумления, что остаются с тобой на всю жизнь.

Я не понимаю всего, что они значат, и мне не нужно. Послание было ясным как вода: призыв к чистоте. Звучит странно, но было так ясно... Я все еще разворачиваю то, что это значит для меня, но есть нечто очевидное: быть чистым сердцем, чистым духом. Голодать с духовным намерением. Очищать ум, тело и дух. Жить в согласии со своей истинной природой. Хранить священное священным. Жить с честью и доброй волей. Идти по высокой дороге. Быть благородным. Быть невинным перед лицом обмана мира. Моя чистота и невинность — не моя слабость, как я когда-то думала: это моя сила. Мой истинный компас.

Я поделилась этим с несколькими духовными друзьями, и, к моему удивлению, все сказали одно и то же: речь идет об ангельском присутствии. Также странно, что в театрах Гештальта/SAT мне дважды давали роль ангела. Меня это раздражало в то время («опять?»), потому что я хотела более дикого, сумасшедшего персонажа. Но теперь я вижу, что это присутствие было в моей жизни долгое время. Я не знаю, является ли это реальным существом или моей высшей природой. Теология меня не интересует. Однажды Клаудио сказал мне: «Как будто ты никогда не падала полностью из рая».

Я не знаю, что все это значит и как оно развернется. Это высокий призыв. Путь высот труден, но вид с него великолепен.

Любящая.

На недавнем ретрите меня глубоко тронул один учитель. Он дал мне дар, передачу, которая проникла в самую глубину моего существа и теперь разворачивается способами, которых я не ожидала. Вся моя предыдущая работа была подготовкой к этому. Он проник в мою крепость через заднюю дверь, и я позволила ему войти. У меня никогда не было такой сильной реакции на учителя или терапевта, даже на Клаудио. Я позволила себе быть настолько открытой с ним, что сама удивилась. Он говорил со мной как любовник, не с похотью, а с нежностью. Он произнес мое имя таким любящим, таким мягким голосом, с такой привязанностью... никто никогда не произносил мое имя таким голосом. Даже моя мать никогда не говорила со мной с такой нежностью. И этот зрительный контакт без слов. Тот, который заставляет остальной мир исчезнуть. Его глаза жгли меня. Что, черт возьми, происходит? Он гипнотизер? Колдун?

После ретрита, конечно, я безумно влюбилась в него. В крепости открылась дверь, и вошел свежий воздух, пробуждая давно погребенную чувствительность.

Мне потребовалось время, чтобы проработать этот опыт и извлечь его жемчужину. Это почти превратилось в отчаянную одержимость, с учителем как источником всей любви, а я — бездонным колодцем лишений и голода. Однако энергия явно начала двигаться в разных областях моей жизни. Я стала гораздо более активной, физически и социально. Произошла странная алхимия: я обнаруживаю, что больше наслаждаюсь людьми, у меня, кажется, более щедрый дух, больше тепла и нежности. Я чувствую себя более вовлеченной в окружающих. Люди говорят, что я выгляжу иначе, более расслабленной. Я чувствую себя более вплетенной в ткань повседневной жизни сообщества, в котором живу, вместо того чтобы смотреть со стороны. Я снова пишу, с большей легкостью, с большим богатством. Моя манера пения изменилась: я чувствую, что я глубже внутри музыки, каким-то образом.

Этот учитель пробудил мою собственную внутреннюю возлюбленную.

Это было так, будто в центре моей груди был увядший бутон. Он нежно коснулся его своим присутствием, своим нежным голосом — тайным елеем для моего сердца. Тонкое и могучее лекарство.

Я чувствовала это буквально.

И теперь роза начинает цвести. Первые лепестки развернулись. Это моя роза. Моя внутренняя возлюбленная. Я теряю сознание в ее объятиях. Жизнь течет с большей грацией, с большей легкостью. Мой сердечный центр вибрирует. Мое тело становится более чувствительным к тонкому. Я позволяю себе быть тронутой, вместо того чтобы отбивать все о свою броню.

Теперь я могу представить себе нежное любовное единение, которое раньше даже не считала возможным. Слияние между возлюбленной и любимой. Интимность, рождающаяся изнутри. Я впервые стала мультиоргазмичной. Моя нервная система, кажется, была перекалибрована. Тело не лжет.

Эта воительница — уставшая, раненая, закаленная — начинает таять. Как-то крепость растворяется. И сквозь ее трещины просачивается свет.

Архетип возлюбленной родился.

Это мягкая, восприимчивая, живая энергия. Вибрация, которая не удерживает: она притягивает. Она движется через меня к миру. Смотрит глазами художника,

поэта. Музыка, которую я создаю, рождается оттуда: из любящей души внутри меня. Это вино другого сорта. Оно не вредит телу. Оно не требует и не переполняет. Это скорее качество бытия, чем интенсивное желание. Это другой способ быть в мире. Радикально иная ориентация, чем та, которую я знала.

Долгое время я считала, что воительница и возлюбленная несовместимы. Но теперь я вижу, что возлюбленная всегда была здесь. Тихая. Ждущая. Именно священное искусство музыки снова спасло мое сердце от окончательного сжатия.

И возлюбленной достаточно не только для меня или для него, но для всего мира.

Я возлюбленная мира.

Как написал Руми: «Чтобы найти любимого, ты должен стать любимым».

Это расширение неизбежно успокоится, как тучи снова накроют солнце. Боль и одиночество так же неизбежны, как времена года. Но пока это продолжает открываться удивительными способами. И я наслаждаюсь этим. Тем не менее, предстоит еще большая интеграция. Какое-то время меня вознесли на небесную гору, но теперь мне предстоит проложить свой собственный путь к этой вершине. Интеграция! Интеграция!

Травма.

Это глубокое воздействие на мою нервную систему привело меня к признанию — и началу исследования — травмы в моей жизни. Долгое время я не хотела смотреть в этом направлении. Слово «травма» казалось мне слишком сильным, слишком драматичным, слишком связанным с идентификацией жертвы.

Но по мере развития моей чувствительности к тонким энергиям стало очевидным, как много я все еще нахожусь в ловушке замороженных, непереваренных травматических реакций. Некоторые происходят из опыта, который я даже не помню сознательно. Другие, возможно, из транспокленческих ран, наследственных травм.

Почти случайно я наткнулась на учения и книги, которые проводили поразительные связи между многими моими паттернами и травматическими реакциями. Это было как включить свет в комнате, запертой десятилетиями.

Поведения и черты, которые всегда казались мне несвязанными — моя медленное социальное и вербальное развитие, ощущение, что у меня не такая

проводка, как у других, хронический беспорядок, изоляция, потому что люди меня перегружают, и я не знаю, что им сказать, затуманенный ум, постоянное чувство, что я не достигаю своего потенциала, несмотря на свои дары, романтическая одержимость, зависимости, особенно от алкоголя, — все это начало обретать смысл с этой новой перспективы.

Это недавнее осознание. Я только в начале этого изучения, но признаю, что моя работа в Гештальте и SAT уже исцелила и трансформировала многие из этих слоев. Меня воодушевляет открытие этой области. И меня вдохновляет реальная возможность исцелиться более глубоко.

И наконец, Клаудио.

Клаудио, ты был в моей жизни разными способами почти тридцать лет. Твои учения направляли меня, когда я нуждалась в них больше всего. Они были как спасительное материнское молоко в мои самые темные времена.

Ты смог увидеть, за моей грубостью, чистую жемчужину, которую я ношу в сердце. Ты облек в слова опыт, который я не умела назвать. Твоя вера в меня помогла мне увидеть себя другими глазами. Узнать то, что я сама начала забывать.

Ты был старшим. Дедушкой. Другом.

Я скучаю по тебе, Клаудио.

Пусть мы снова встретимся в новой земле.

КНИГА ВТОРАЯ

ЭННЕАТИП 8, СЕКСУАЛЬНЫЙ ПОДТИП

Координатор

Леонор Кабрера Торрадо

Соавторы и редакторы

М. Кармен Буэно Карденас, Фернанда Силва, Жерар Кастелло Дуран, Жованна Боржес, Ирене Байон, Хесус Перес Хорхе, Хесус Сальябера, Биттор Унамунсага, Мюриэль Монди, Антонио Гуржел ду Амарал, Ванесса Доротея Санчес Кальво, Галина Георгиева

Переводы

Факундо Пиперно

1. СТРАСТЬ В СФЕРЕ ИНСТИНКТА: КАК ПОХОТЬ ПРОЯВЛЯЕТСЯ У СЕКСУАЛЬНОГО ПОДТИПА

Автор: Леонор Кабрера, при участии рабочей группы

Сексуальный Э8 — это тот, чья похоть направлена на отношения. Похоть в сексуальной сфере связана со стремлением к обладанию и доминированию над другим. Это стремление к доминированию может распространяться также на вещи и ситуации. Поэтому сексуальный Э8 — это тот, кто любит привлекать внимание, быть замеченным, чтобы его принимали во внимание, даже если для этого приходится прибегать к провокациям и агрессивному, враждебному использованию правды.

Для людей этого эннеатипа жизненно важно завладеть любой сценой, и когда мы говорим о завладении сценой, мы имеем в виду добиться того, чтобы взгляды были обращены на него или на нее. При этом создается внешний образ силы, уверенности и «подлинности», а также они предстают как интенсивные личности — интенсивность, которая может проявляться даже через дыхание.

Похоть в сексуальной сфере идет рука об руку с соблазнением, необходимым для того, чтобы, помимо прочего, завладеть другим, и сексуальный Э8 демонстрирует это соблазнение не только в общении один на один, но и в любых других отношениях. Людям этого характера необходимо завладеть сценой и стать центром любого собрания, и для достижения этого они могут прибегать к провокациям, создавать конфликты или вызывать напряжение¹.

Я могу почувствовать сексуальность, когда излагаю тему и чувствую, как «проникаю» в другого. Это как манипуляция, чтобы не чувствовать себя оторванным. Вместо того чтобы подключиться к происходящему, я заставляю их подключиться

ко мне через то, в чем, как мне кажется, я хорошо разбираюсь. Это часто случается со мной на лекциях или в группах, где я становлюсь эмоциональным шоуменом. Для меня может быть скучно говорить с одним человеком. С группой возбуждение интенсивнее, и вызов больше. Это как вызвать хороший оргазм: входя, выходя и выдерживая, словно готовишь пирог, или как гипнотизировать кого-то. Иногда я думаю, что, дойдя до этой точки, я мог бы повести их куда угодно, к хорошему или плохому. Власть... Я чувствую удовольствие, похожее на секс.

ЖЕРАР

Этот эннеатип — соблазнитель, но его соблазнение отличается от соблазнения других эннеатипов, поскольку оно основано на создании образа силы, бунтарства: проблемы решаются путем подавления другого, угроз, нападения и самоутверждения. Это самый антагонистичный из Э8 и самый склонный к открытой антисоциальности, так как он больше всего ориентирован на то, чтобы идти наперекор².

Он больше всех любит привлекать внимание, в отличие от Э8 самосохранения, более замкнутого и молчаливого, сосредоточенного на поиске личного удовлетворения, что делает его самым «пятерочным» из Э8. Он также отличается от социального подтипа, который приходит к власти через союзы и предстает как волк в овечьей шкуре, более радушный, чем остальные похотливые типы.

Похоть для этого Э8 связана с поиском интенсивности в связях, в отношениях, в контакте с другими людьми или вещами, которые его увлекают и заставляют чувствовать себя живым, потому что внутри есть глубокое ощущение пустоты, внутренней смерти, бесчувственности. Как будто эту пустоту можно заполнить через интенсивный контакт с кем-то.

«Можно сказать, что жажда быть всегда более живым, характерная для похотливой личности, — это не что иное, как попытка компенсировать скрытое отсутствие жизненности», — пишет Клаудио Наранхо³, который утверждает, что это ощущение пустоты возникает из-за агрессивного неприятия мира, без которого невозможно жить. «Восстать против всего мира неизбежно повлечет за собой одиночество, сколько бы его ни пытались компенсировать похотью

или скрыть за ожесточением, и какой бы благородной ни казалась антисоциальной личности ее воинственная позиция»⁴.

Способ уйти от этого ощущения отсутствия жизненности для этого подтипа — это поиск интенсивности, особенно через отношения, что побуждает сексуальных похотливых типов пытаться завладеть людьми, вещами и ситуациями, как мы увидим более подробно во второй главе, говоря о собственничестве как о характерной невротической потребности.

Поскольку сексуальный инстинкт является его самым невротизированным инстинктом, он вкладывает в любовные связи свое «спасение». Он как бы говорит себе: «Интенсивные отношения, где я буду делить все, спасут меня от соприкосновения с моей экзистенциальной пустотой. Они подарят мне рай». И он полагается на это как на спасательный круг и как на постоянный, изнурительный и непрекращающийся поиск.

Для меня похоть, перенесенная в сексуальную сферу, связана с интенсивностью в отношениях, с необходимостью делать все интенсивным. Для меня интенсивность может быть разной. Раньше интенсивность была связана с явной сексуальностью, но по мере работы над собой я нашел другую интенсивность, более связанную с близостью; теперь не так важно завладеть телом, это может сделать любой! Теперь важно завладеть душой, сердцем.

ЖЕРАР

Эта Восьмерка также самая эмоциональная: она твердо верит в любовь, в отличие от других похотливых подтипов — неверующих, циничных и недоверчивых, — и поэтому ищет ее в каждой отношениях, хотя и путает ее с собственничеством и сексуализацией, доходя до использования другого для самоудовлетворения. Для этого подтипа любовь — это цель, место, куда можно прийти, используя сексуальность как преддверие, и в его похоти есть болезненный поиск полного слияния с другими людьми. Именно эта идея о том, что можно достичь полного слияния с другим человеком, оправдывает полное раскрытие его невроза, поскольку он путает это переживание с чувством настоящей любви, где другой — не просто объект, а тот, кем можно восхищаться, кого можно уважать и о ком можно заботиться.

Полное слияние

Этот поиск полного слияния основан на очень физическом ощущении и предполагает переживание того, что можно проникнуть внутрь другого — эмоционально, энергетически и телесно, — переживая своего рода слияние. При обсуждении этого вопроса в рабочей группе, которую мы создали для написания этой книги, состоящей из десятка человек этого подтипа, с которыми мы провели несколько виртуальных встреч, способ объяснить, как переживается эта похоть в сексуальной сфере, — это сплести пять пальцев обеих рук, соединяя их, сливая воедино, с силой и убежденностью. Уже от одного этого жеста по телу пробегает своего рода удовлетворение и полнота. Именно это ощущение невротически преследуют люди этого эннеатипа. Невроз заключается в ощущении, что пережить это — значит вернуться в рай.

Что такое похоть для сексуальной Восьмерки? Как она переживается?
Участники рабочей группы сходятся в своем определении:

Она переживается как интенсивная страсть, которая побуждает нас искать удовольствие, желание и возбуждение. Есть ощущение, что интенсивная жизнь спасет нас от уязвимости, бессилия и скуки — смерти при жизни. Поэтому, чтобы избежать контакта с этими ощущениями, мы невротически ищем интенсивность, особенно через связь с партнером.

Сексуальный Э8 нуждается в связи, чтобы существовать, поэтому он также самый романтичный: он верит в любовь, хотя и путает ее с собственничеством, и ищет ее как рай, из которого был изгнан и в который жаждет вернуться, даже если для этого придется уничтожать тех, кто встретится на его пути. Это своего рода вампир, который ищет людей, с которыми можно установить настолько интенсивные отношения, чтобы вампиризировать их и сделать своими до конца времен. Это его стремление, его цель, а также его тюрьма, поскольку вся его характерологическая структура направлена на переживание этого ощущения полного слияния.

Это собственничество, как мы объясним в следующей главе, может быть тонким, как в некоторых дружеских отношениях или в группах, или открытым и ясным, как это может происходить в некоторых парах, где иногда может стать реальностью известная фраза «я убил ее, потому что она была моей».

Иррациональная идея заключается в ощущении, что отношения подлинны, настоящи, если они интенсивны, отсюда и безудержный поиск такого типа связи, в котором в итоге происходит овладение и подчинение другого, и в котором также есть самоотдача, понимаемая как позволение себе быть уязвимым перед теми немногими людьми, которым сексуальный Э8 доверяет.

Мать

Рана этого характера обычно связана с отношениями с матерью. В биографиях сексуальных Э8, как мы увидим более подробно в главе, посвященной детству, часто бывает так, что связь с ней окрашена унижением и насилием, а также определенной сексуализацией в случае мужчин и соперничеством в случае женщин. Мать обычно является самой важной фигурой в их биографиях, и перенос похоти в сексуальную сферу — это способ попытаться снова почувствовать ощущение полного единения, испытанного в какой-то момент с матерью.

Это единение было потеряно в детстве и означало для этой Восьмерки изгнание из рая, в который она пытается вернуться, чтобы пережить это полное единение, которое может быть только у ребенка с матерью. Именно туда и направлена ее похоть.

Однажды, медитируя, я вернулась в сцену, где я, будучи девочкой, была со своей матерью и испытывала огромное удовольствие. Я хотела больше этого. Я хотела вернуться туда.

ЛЕОНОР

Ощущение полного единения было заменено ощущением покинутости, унижения и несправедливости — переживания, которые заставили мальчика и девочку поклясться, что они больше никогда не будут так себя чувствовать, и превратили их в тех, кто сам причиняет боль, как способ поддержания невротически любовной связи.

Свидетельства, подобные приведенным ниже, часто встречаются в биографиях этих Восьмерок, которые с самого раннего возраста научились путать любовь с унижением, насилием и сексуализацией.

Моя мать била меня и называла меня чудовищем. Она давила на меня, как на своего партнёра, но у неё не было со мной никаких нежных отношений, что было очень противоречиво.

ФЕРНАНДА

Помню, как мать била меня, била дубинкой по спине, при этом говорила, что любит меня, и плакала. Чувства были смешанными. Я хотела убить её, но была слишком мала, и думала: «Когда вырасту, убью тебя, сукин сын». Эта мысль наполняла меня изнутри невероятной силой, и с каждым ударом я чувствовала эту силу всё сильнее. Мне хотелось ещё одного удара, чтобы ярче прочувствовать мысль об её убийстве и удовлетворить свою месть. Думаю, это было очень садистски, потому что я представляла, как кровь струится по моим рукам, и они пульсировали от ярости; я чувствовала почти радость и почти благодарность матери за то, что она дала мне эту «силу». Я вставала и говорила «спасибо», а она снова била меня, яростно. Думаю, что в отношениях я иногда искала этого садизма, как будто становилась матерью и давала другому человеку эту «силу». Не физически, но я часто «вставляю ложку» и копаюсь снова и снова, словно ища что-то скрытое в ране другого человека. Хотя этот ресурс, возможно, и помог мне как терапевту, правда в том, что в отношениях, чтобы добиться этого, я ставлю себя выше другого человека и хочу видеть в нём какие-то сильные эмоции, практически всё, что угодно, что-то, что «даёт» мне жизнь.

ЖЕРАР

Аспект, который также часто присутствует в их биографиях, — это сексуализация, которой они подвергались со стороны одного из родителей, особенно со стороны матери, отсюда и поиск контакта через сексуальность.

Я четко понимаю, что был мужем для своей матери. И думаю, там было много сексуально окрашенной привязанности. Когда у меня родился старший сын, произошло нечто, что дало мне много подсказок о том, как моя мать заботилась обо мне. Меняя ему подгузник, она не придумала ничего лучше, чем засунуть член малыша себе в рот. Она сказала, что это все священно и чисто... Но тут я понял одну деталь: отношения с моей матерью были чисто сексуальными, потому что в них было мало восхищения и мало привязанности, ведь она проецировала на меня своего отца. Она видела во мне спасителя,

потому что ей нужен был мужчина рядом, и это помешало мне развить свою женскую сторону.

БИТТОР

У моей матери не было матери, и всю любовь, которую она могла дать, она отдала мне и моей сестре. Помню, на семинаре SAT мне было стыдно это рассказывать, потому что, в отличие от других сексуальных Восьмерок, у меня была довольно образцовая мама, что не помешало ей много работать и мне чувствовать себя очень одинокой. Она была очень хорошей мамой, с огромной привязанностью ко мне и к моей сестре. Она все время нас обнимала. У меня было единение с матерью. А вот мой отец был другой Восьмеркой, проявлял словесную жестокость.

МЮРИЭЛЬ

Сексуальные представители E8 явно склонны к капитуляции в отношениях, но эта капитуляция – капитуляция ребёнка, который не смог быть таковым, потому что ему пришлось слишком рано повзрослеть. Подобно тираническим и деспотичным детям, они ведут себя, иногда проявляя нелюбовь и уязвимость в очень близких отношениях, а иногда стуча кулаками по столу, требуя любви, в которой, как им кажется, им было отказано в детстве, и чьё отрицание даёт им право теперь проявлять свою силу и требовательность. Мы говорим о капитуляции, потому что этот эннеатип с детства, как мы подробнее увидим в шестой главе, имел очень чёткое представление о том, что «если я покажу себя уязвимым, даже перед теми, кого люблю, они причинят мне боль». Следовательно, их стремление – это невротически реальные, истинные отношения, в которых эта рана не повторяется, и чтобы эти отношения были настоящими, они должны быть интенсивными, настолько интенсивными, чтобы можно было слепо доверять человеку, с которым устанавливается связь.

Интенсивность

Он воспринимает отношения как абсолютный союз: «Либо ты со мной, либо ты против меня», и его характер направлен на то, чтобы любой ценой избежать предательства. Для этого он создает связи, в которых становится для другого человека всем, превращаясь в щедрых поставщиков для партнера: секса, денег, всевозможной заботы, потому что в этом обеспечении также кроется способ

добиться верности в отношениях, добиться безоговорочной преданности. За этим, конечно, стоит панический страх покинутости, предательства и одиночества — ран, полученных в детстве, которых он пытается избежать любой ценой.

Участники рабочей группы, созданной для написания этой книги, сходятся во мнении, что в их детстве присутствовало сильное чувство одиночества. Уже в детстве у них было ощущение, что им придется справляться с жизнью в одиночку, поэтому теперь их самое глубокое стремление связано с переживанием единения с другим человеком, которое заполнит ту огромную пустоту, пережитую в детстве.

Дружба

Парадоксально, но этим Восьмеркам трудно поддерживать дружеские отношения в течение долгого времени. Дружеские отношения недостаточно интенсивны, и им часто становится скучно, потому что они ищут чего-то более глубокого, более возбуждающего, и это возбуждение, кажется, возможно только при наличии сексуальной связи.

У меня есть отличный друг, я делюсь с ним всем, мы очень близки. Потом происходит что-то, где я чувствую, что он меня подвел или не верен нашим отношениям, и я как будто заворачиваю за угол и ухожу. Вот так просто. Утром ты был для меня всем, а вечером — ты для меня никто. Это случалось со мной много раз.

ХЕСУС ПЕРЕС

Основная проблема заключается в том, что в дружбе больше свободы, друга или подругу делят с другими людьми, поэтому доверие не достигает того же уровня, что и с партнером. Кажется, ни одна дружба не проходит полностью проверку на доверие, которой их подвергают сексуальные Э8, — только партнер. Да, дружба используется, ею пользуются в зависимости от того, «удобен ты мне сейчас или нет». В глубине души всегда живет недоверие к тому, что их могут по-настоящему любить и ценить такими, какие они есть.

Я понимаю, что никто не проходит проверку на доверие. Что со мной не так, что никто ее не проходит? Мой партнер — да,

проходит. А с дружбой у меня всплывает: «я использую». И это связано с тем, что сейчас ты мне удобен, а сейчас нет.

ХЕСУС П.

С партнером отношения более слитные, не как с друзьями. У меня были подруги, но я о них не заботилась, из-за чего потеряла троих из них, и поэтому сейчас я о них забочусь. Я забочусь о них больше, но не вхожу в такое слияние, как с моим партнером. Партнер для меня — это все, и именно там я чувствую, что могу реализоваться. Там я могу быть то ангелом, то демоном. С партнером я позволяю себе все. С друзьями — нет.

МЮРИЭЛЬ

Невротически люди этого эннеатипа нуждаются в том, чтобы их принимали со светом и тенью, и эта тень включает в себя насильственное, доминирующее и непримиримое поведение. У сексуальных Э8 есть глубокое стремление быть любимыми даже с этой тенью, и поэтому этот тип личности постоянно испытывает своего партнера, давая ему лучшее и худшее, ангела и демона. В глубине души живет глубокое чувство недостойности, ощущение, что они не заслуживают любви за то, какие они есть, и в то же время импульсивность, которая заставляет их быть такими и которая переживается с определенным бахвальством.

«Плохой парень» и «плохая девчонка»

Как мы увидим в главе 7, посвященной персоне и тени, образ, с которым сексуальный эннеатип 8 идет по жизни, — это образ «плохого парня» или «плохой девчонки», и он этим щеголяет. Эта кажущаяся «плохость» в глубине души скрывает нежность и уязвимость, которые были подавлены в детстве. То, что он ищет в партнере, — это как раз принятие обеих этих полярностей: чтобы любящий его человек принимал все, и ангела, и демона.

Однако недоверие к тому, что он может получить любовь, будучи таким, заставляет его постоянно подвергать своего партнера испытаниям любви, которые со временем становятся все жестче и требовательнее, доходя даже до садизма и наслаждаясь болью любимого человека, чтобы потом символически спасти его через нежный и ласковый контакт. В глубине души он ведет себя как

разъяренный ребенок, который после истерики, слез и агрессии нуждается в сдерживании со стороны отца или матери.

Для меня, как для сексуального подтипа, определяющим является то, что именно партнеру я могу показать свои эмоции в интимной обстановке. Там я позволяю себе расслабиться. Но цена высока, и я могу легко почувствовать себя раненым и преданным, и не смей меня там трогать. Я показываю свою слабость, а на людях — нет. Мне нужно, чтобы ты обо мне заботился, и иногда это идет от внутреннего ребенка. Эту часть я показываю только в интимной обстановке дома, это наш парный код.

ХЕСУС П.

Похоть в сексуальном проявлении делает этот тип Восьмерки особенно соблазнительным, поскольку его взгляд, можно сказать, нацелен на «охоту на другого». А как известно, для любой охоты необходимо быть сильным, иметь вид уверенного в себе человека и демонстрировать это, а также владеть искусством соблазнения. Его поведение может быть похоже на поведение львицы, которая выслеживает стадо и постепенно приближается к одной из жертв, пока не загонит и не поймает ее.

Сексуальное влечение делает этот тип Восьмёрки особенно соблазнительным, поскольку они, можно сказать, сосредоточены на охоте на другого. И хорошо известно, что для любой охоты необходимо быть сильным, иметь вид уверенности и демонстрировать её, а также владеть искусством соблазнения. Их поведение может напоминать поведение львицы, которая выслеживает стадо и постепенно приближается к своей добыче, пока не окружит её и не начнет преследовать. Поскольку сексуальность — наиболее невротизированный инстинкт, в ущерб инстинктам самосохранения и социальным инстинктам, людям этого эннеатипа необходимо постоянно подтверждать свою ценность в сексуальных отношениях, которые должны быть захватывающими, иначе им может стать скучно, а скука приводит к фрустрации. Другой человек воспринимается как объект, который должен обеспечить необходимую интенсивность, чтобы избежать фрустрации.

«В отношениях с партнером, с которым я могу говорить, жить и заниматься сексом, связь гораздо полнее, чем с другом, потому что интенсивность в близости меня больше возбуждает, словно передо мной есть что-то «бесплатное», с чем я могу играть, как мне вздумается. Здесь я могу перейти к абьюзу, если другой оставляет мне это пространство (я стараюсь завладеть им с помощью манипуляций). Я склонен «пожирать» своих партнеров, и мне нужно быть осторожным со своей фрустрацией, так как я всегда списываю ее на недостаток интенсивности в отношениях и так или иначе пытаюсь вытянуть из партнера то, чего не хватает, даже если для этого приходится спорить или вступать в конфликт. Как бы то ни было, это и есть интенсивность. А за этой интенсивностью обычно приходит желание, и, полагаю, именно этого я и ищу — снова почувствовать желание. Снова почувствовать, что я охочусь. Я ищу охоты, но потом хочу продолжать охотиться, поэтому мне нужно, чтобы «добыча» не была поймана, и это меня фрустрирует. А если я ее ловлю, я фрустрирую, потому что все заканчивается».

ЖЕРАР

Сексуальный Э8 может показаться более романтичным, чем остальные Восьмерки. А также более эмоциональным. Его внутреннее самоощущение — это ощущение пылкого и любящего человека, порой даже чрезмерно, по его собственному мнению. Он связывает эту страсть с чем-то опасным, потому что она может сделать его уязвимым. Отсюда и образ, проецируемый вовне, — образ холодного и бесчувственного человека. В глубине души бьется своего рода цинизм по отношению к связям, из которых очень немногие ощущаются как настоящие, и в основе которых лежит стремление к манипулированию другим, где он может использовать самые темные искусства, такие как ложная лесть и, конечно же, открытая и ясная сексуальность как способ обладания.

«Иногда я чувствовала, что другой — это просто лимон, который я могу выжать с помощью соблазнения. Я чувствовала, что другой — это своего рода шведский стол, с которого я могу взять все, что захочу, потому что предварительно я это заслужила, соблазнив его. Как только он выжат, он перестает представлять для меня интерес, и я переключаюсь на другого человека, которого можно выжать».

ЛЕОНОР

Именно тогда сексуальная Восьмерка становится агрессором, поскольку чувствует, что имеет власть делать с другим все, что ему заблагорассудится, и в это «все, что заблагорассудится» входит и злоупотребление, и доминирование над другим. Ведь в глубине лежит потребность показать свою силу и защитить того ребенка, который был ранен, когда проявил уязвимость. Таким образом, из того, кто подвергался насилию со стороны матери и отца в детстве, он символически занимает их место и становится тем, кто злоупотребляет другим, особенно партнером, с которым он ищет эту слитную связь. И это насилие, с его точки зрения, оправдано тем, как плохо ему пришлось. Он как бы говорит себе: «Раз мне было так плохо, теперь я могу обладать всем, чем захочу, и вершить правосудие своими руками».

В сравнении с остальными сексуальными характерами триады действия, сексуальная Восьмерка «съедает» другого и не видит его, и так чувствует себя живой; в то время как сексуальный Э9 немного «умирает», вступая в контакт с другим, поскольку он растворяет партнера в «мы»; а сексуальный Э1 смотрит на то, каким партнер «должен» быть, всегда, разумеется, по его собственному критерию.

«Я чувствовала, что отношения с другим человеком настоящие, когда между нами создавалось своего рода уникальное и общее пространство, словно мы находились в пузыре, где в этом мире существуем только мы вдвоем. Мое ощущение таково, что я могу проникнуть внутрь этого человека своим взглядом, увидеть внутри него его истину. И это порождает во мне уникальное и неповторимое ощущение интенсивности. Иногда это происходит за бокалом вина и разговором о чем-то глубоком, скрытом или даже о чем-то, что никогда раньше не произносилось; иногда это происходит в постели, во время секса, где я показываю свою силу; а иногда — в работе терапевта на сессии, когда я чувствую, что кто-то обнажается передо мной, и я могу постичь самую суть его существа».

ЛЕОНОР

Парадокс в том, что в этом поиске сексуальная Восьмерка перестает видеть человека перед собой и видит лишь того, кем можно манипулировать и над кем можно доминировать, чтобы получить желаемое и удовлетворить себя.

2. ХАРАКТЕРНАЯ НЕВРОТИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ: ОБЛАДАНИЕ

Автор: Леонор Кабрера, при участии группы

Когда мы говорим о характерной невротической потребности сексуального эннеатипа 8, это собственничество. Для сексуального эннеатипа E8 слово «собственность» развивается двояко и связано как с обладанием другим человеком, так и с обладанием сценой. И когда мы говорим о обладании сценой, мы говорим о том, чтобы привлечь всеобщее внимание к себе. Чтобы добиться этого, он или она становятся экспертом в использовании чар соблазнения. Во многом эта способность к соблазнению заключается в его или ее силе, поскольку именно так он или она устанавливает контакт с другим человеком, чтобы обладать им, и именно так он или она привлекает всеобщее внимание к себе. Это как ребёнок, которому нужно, чтобы его видели во всех отношениях, и который очень часто использует бунт и конфронтацию, чтобы сказать: «Вот он я», «Посмотрите, какой я другой» и «Сколько безопасности я вам продаю». «Сила эннеатипа 8 в том, что ребёнок агрессивно реагирует на отца и в конечном итоге узурпирует его власть», — говорит Клаудио Наранхо. В случае сексуальной Восьмёрки способ узурпации позиции отца связан с обладанием другим, с обладанием в центре внимания и, в конечном счёте, с обладанием властью и доминированием. Эта страсть к собственничеству фокусируется на захвате другого в отношениях, а также на захвате всего происходящего, потому что сексуальная Восьмёрка всегда стремится быть в центре внимания. Чтобы достичь этого, они очаровательны. На самом деле, его сила проистекает из большей соблазнительности, чем у остальных подтипов

Восьмёрки, что приводит к определённому очарованию. Как будто у других подтипов не столько ярких красок. Каково ощущение этого собственничества по отношению к другому? Обладать человеком — значит знать о нём всё, невротически иметь возможность входить в него. Это как если бы сексуальный энеатип Восьмёрка хотел вампирить важных для него людей. Подобно вампиру, который чувствует, что, укусив другого, он будет принадлежать ему навсегда, сексуальная Восьмёрка чувствует, что, когда они заключают с кем-то настоящий договор, в котором они отдают себя, а взамен обладают, возникает пожизненный союз, который будет длиться даже после смерти. Они как будто говорят: «Я защищаю тебя, я забочусь о тебе, я делаю тебя центром всего, и взамен я бесконечно предан». Этот договор обычно негласный и подписывается только сексуальным энеатипом 8. Другой человек обычно не подозревает о его существовании, но он знает, что интенсивность и безопасность энеатипа 8 покрывают его желания и потребности. Вернёмся к примеру с вампиром: эротическим вампиром, обладающим властью и способным предложить бессмертие. Именно так чувствует себя сексуальная Восьмёрка, когда выбирает, кого вампиризировать и даровать бессмертие связи, возвращенной слепой преданностью.

Более 14 лет я была с одним и тем же партнёром. Уверенность в этих отношениях мне давала уверенность в том, что я знаю, о чём думает этот человек. По правде говоря, я была убеждена, что связь между нами настолько сильна и реальна, что я знала, о чём она думает. Я даже чувствовала, что владею её мыслями.

ЛЕОНОР

Это собственничество порождает интенсивность, ту интенсивность, которая так удовлетворяет людей энеатипа 8, и это связано с проживанием жизни через Собственничество в связи с другим человеком, чтобы заполнить огромную экзистенциальную пустоту, которая съедает его изнутри. Как будто в этих «реальных» отношениях сексуальный энеатип 8 переживает реальную встречу, ту встречу, которая у него либо была с одним из родителей и была утрачена, либо которую он жаждал, но так и не произошла. Поэтому сексуальный энеатип 8 постоянно стремится в отношениях удовлетворить тоску ребёнка по этому реальному и даже эротическому контакту с отцом или матерью. Обладать отцом или матерью и таким образом поставить себя над ними, узурпируя, как говорит Клаудио Наранхо, авторитет того, кто не знал, как любить их так, как они заслуживали. Месть, слово, связанное с его фиксацией,

— это найти того, кто умеет любить его так, как не любили его отец или мать, безусловной любовью, которой, как он считает, он заслуживает. Он как будто говорил им: «Вы не любили меня так, как я заслуживал, и теперь я найду того, кто будет любить», — увековечивая себя, словно рассерженный ребёнок, который часто испытывает любовь своего партнёра и окружающих. На самом деле, одним из ключевых моментов в личном процессе людей, участвовавших в написании этой главы, является осознание того, сколько вреда они причинили тем, кого по-настоящему любили. Внутренний опыт — это переживание настоящего вулкана, полного неудержимой любви, но парадокс в том, как эта любовь, проявляясь в повседневной жизни и в сосуществовании, превращается в лаву, которая в конечном итоге сжигает всех, кто им дорог и кого они любят.

Фактически, одним из ключевых моментов в личном процессе людей, участвовавших в написании этой главы, является осознание того, сколько вреда они причинили тем, кого по-настоящему любили. Внутренний опыт — это настоящий вулкан, полный безграничной любви, но парадокс в том, как эта любовь, извергаясь в повседневной жизни и в сосуществовании, превращается в лаву, которая в конечном итоге сжигает всех, кто им дорог и кого они любят. Один из фитилей, поджигающих этот вулкан, — их нетерпимость к фрустрации. Ведь, в конечном счёте, отношения служат для удовлетворения их желаний, стремлений и потребности в любви и интенсивности. Поэтому, если в отношениях возникает фрустрация, конфронтация и ссоры гарантированы. Потому что если человек этого эннеатипа что-то и умеет, так это оказывать давление на других, чтобы довести близкого человека до предела и довести его до взрыва. Ссоры, борьба и споры — их естественная экосистема, в которой они чувствуют себя как дома. Они чувствуют, невротически, конечно, что «правда выходит наружу». Этот эннеатип 8 наиболее эмоционален и обладает внутренним ощущением большей теплоты и влажности. Можно сказать, что они даже чувствуют любовь, хотя интенсивность отношений иногда заменяет настоящую любовь, которую им трудно ощутить.

Секс как форма власти

Константа связывает секс с властью и ощущением силы через открытый, животный и инстинктивный секс, где нет границ, где другой — лишь добыча, на

которую можно охотиться и через которую можно ощутить силу, даруемую сексуальностью.

Я ощущаю похоть как безудержную, неконтролируемую потребность выплеснуть импульсивный огонь через центр сексуальной энергии. Она материализуется в одной из многочисленных сексуальных форм, но на самом деле это лишь средство. Существует инстинктивная потребность в удовлетворении, и это способ и средство, которыми я могу или умею её выразить. Мне нравится цитата Оскара Уайльда: «Всё в жизни связано с сексом, кроме секса. Секс — это власть». Я помню, как праздновала этот огонь и выбирала «того», кто «должен был» быть им, не принимая во внимание его точку зрения, того, кто должен был успокоить моё желание. Дай ему волю. Перешагни через него. А затем продолжай, как ни в чём не бывало; словно ища внутри себя следующий пожар, который нужно было потушить водой.

ХЕСУС ПЕРЕС

Когда мне нравится женщина, я чувствую, что превращаюсь в львицу, отслеживающую свою добычу, постепенно приближаясь к ней, пока наконец не начну её преследовать. И иногда охота заканчивается настоящим укусом в шею, которым я безмолвно говорю ей: «Теперь ты моя».

ЛЕОНОР

При использовании этой силы часто проявляется удовольствие от унижения другого человека, садизм, в котором также присутствует переживание интенсивности и удовольствия, как будто говоря что-то вроде: «Если я унижаю тебя, а ты страдаешь из-за меня, и ты это терпишь, значит, мы по-настоящему любим друг друга, и это любовь».

Таким образом, формируется невротический цикл, в котором сексуальная Восьмёрка чувствует, что только в интенсивных отношениях можно сдаться, показать свою уязвимость, но в обмен на эту сдачу она чувствует себя вправе обладать властью в отношениях и унижать другого. «Если я раскрываю свою истинную сущность, то это потому, что я доверяю тебе, а если я доверяю тебе, то это потому, что я могу обладать тобой», — как будто говорят они себе.

Отношения настоящие, когда они могут показать человеку, с которым состоят в отношениях, и лучшее, и худшее. Для этого энеатипа показать лучшее означает проявить нежность, любовь и преданность, а показать худшее – тиранию, насилие и агрессию. Если отношения выдерживают эти две силы, и другой человек выдерживает, эти отношения становятся тем, что сексуальная Восьмёрка невротически назвала бы «настоящими отношениями».

Я подчиняюсь тебе хорошим сексом, готовлю тебе завтрак, восхищаюсь тобой, я вся твоя. Но затем появляются мои требования, мои требования. Я такой, какой я хочу, чтобы ты был таким, каким я хочу тебя видеть. И я не собираюсь облегчать тебе задачу. Ты должен соответствовать моим ожиданиям, иначе – прощай. Вот тут-то и появляется чувство обладания другим. Если он мне позволит, я могу использовать его по своей прихоти.

ХЕСУС ПЕРЕС

Происхождение собственничества

Откуда берется это стремление обладать? Или, может, нам следует говорить об этой путанице между любовью и собственничеством? Одно ясно: для сексуальных Восьмерок нет четкой разницы между любовью и собственничеством. С самого раннего детства они путали любовь с обладанием, потому что на собственном опыте убедились, что любить — значит иметь право владеть и доминировать над другим. Именно это они пережили со своими опекунами.

В свидетельствах, собранных в группе, часто встречается восприятие любви как нестабильной и запутанной связи, с матерями, которые, проявляя любовь, одновременно унижают своих детей; с жестокими родителями, которые не умели устанавливать здоровые границы. Также есть случаи, когда родители ставили детей на несоответствующие им места, заставляя их чувствовать себя всемогущими в своих желаниях, вплоть до того, что бессознательно отводили им роль партнера, из-за чего они начинали считать себя чрезмерно могущественными детьми.

«Было какое-то слишком извращенное, интенсивное тепло, но оно было. Я была «папиным сыночком» и тайной надеждой моей матери. Я стала «шоколадным перчиком чили»: верной дочерью, которая глубоко любила, но которая яростно бунтовала, мстя за свое раненое детство всеми мыслимыми способами в

подростковом возрасте: пила, курила, бросала вызов, исчезала в опасности».

ГАЛИНА

Общий опыт заключается в том, что им пришлось очень быстро повзрослеть, почти не имея времени побыть детьми, и расти, к тому же, пробиваясь в жизни, защищаясь и превращаясь во львов или львиц в джунглях детства, чтобы выжить. Этот опыт характерен даже для детей, которым не ставили границ, и которым очень рано пришлось взять на себя ответственность за самих себя и стать собственным авторитетом, пренебрегая той любовью и нежностью, которые они ощущали внутри.

В собранных свидетельствах члены группы определяют собственничество как усвоенный в детстве урок. Дети, которые пытаются защитить мать от жестокого поведения отца, и в этом движении защиты по отношению к матери возникает собственничество; динамика эмоциональной зависимости с матерями, которые унижают своих детей и в то же время любят их; или отчаяние напуганных насилием и одиночеством детей, которые находят в своих плюшевых медведях или собаках ту связь, за которую можно уцепиться, чтобы утешиться. То, что объединяет эти свидетельства, — это потребность в безопасной связи, которой можно доверять и в которой можно чувствовать себя защищенным и принятым.

Для меня собственничество связано с безумной идеей, что любви не существует, и поскольку её нет, я заменяю её чувством собственности. Однажды я играла у друга, вместо того чтобы пойти домой. Мама пришла забрать меня, и когда я спустилась вниз, мама схватила меня за волосы и начала бить. Мои друзья всё это видели. Я чувствовала насилие и унижение, и, в каком-то смысле, мне кажется, во мне совмещались собственничество и любовь. Раньше, когда я была младше, года в четыре, мама била меня за то, что я не ела рагу, и тыкала пальцем мне в лицо. Когда кто-то спросил, что случилось, я сказала, что упала с велосипеда, и тогда мама посмотрела на меня понимающим взглядом, который я помню до сих пор, и, возможно, я почувствовала, что я рядом с мамой и зависима от неё.

ИРЕН

Я очень хотела сестру или брата. И так, когда родилась моя сестра, мне было шесть лет, я начала ревновать её к сестре, потому что видела, как мама обнимает её, прикасается к ней, и сказала: «Я тоже так хочу». И, думаю, именно тогда я затронула тему собственности с матерью, потому что она делала с моей сестрой то, чего я хотела, чтобы она делала со мной: любила меня, дарила мне ласку, принимала меня в свои объятия, выражала свою любовь.

КАРМЕН

Я задавалась вопросом, откуда взялось моё собственничество. Дома мои родители часто ссорились, и мне вспоминалась сцена, где я цеплялась за плюшевую собаку, владела ею. Эта собака была моим спасением и мостом, соединяющим меня с Богом, и я целовала собаку, веря, что поцелуи идут к Богу. Эту собаку звали Лагун, что по-баскски означает «друг», и, возможно, первыми моими вещами были животные. У меня была собака, и она была моей. У нас были собственнические отношения с собакой. Я схватил плюшевую игрушку так же, как позже схватил своих партнёров [делает жест, изображающий обхват правой рукой чьё-то тело]. Мои друзья сказали моему первому партнёру, что я собираюсь превратить его в месиво. Я крепко держал его, и это было похоже на то, как я схватил плюшевую игрушку. Теперь у меня дома на алтаре стоит эта собака, и я осознаю, какая связь у нас с ним,

БИТТОР

Когда я болел, я ложился в постель к родителям, но отец выгонял меня, а я думал, что мама не разрешит, поэтому я хватал игрушку, хватал её, и она представляла эту тоску как объект переноса. Я мог использовать игрушку и делать с ней всё, что угодно, и крепко её держал.

ХЕСУС ПЕРЕС

У меня была курица, и я мыл бедную курицу и проводил с ней весь день. И я ловил курицу; она была моей, и между нами были отношения, похожие на то, что я её беспокоил. Я знал, что причиняю ей боль, но это было как способ показать ей свою любовь. Это была моя забота, я заботился о ней, причиняя ей боль, потому что знал, как она страдает, когда я её держал. В конце концов, она сбросилась с крыши, разбилась о

землю и погибла там. Я обращался с этой птицей как с мишенью и с большим садизмом выливал в неё всю свою злость. Мне очень грустно, как будто я не способен заботиться, потому что слишком сильно сжимаю или так яростно отвергаю, что связь рвётся.

ХЕСУС САЛЛАБЕРА

Эти свидетельства показывают, как тоска по слиянию, вместо того чтобы оставить его маме или папе, переносится на животное или вещь, например, на эти мягкие игрушки, которые сопровождают этих людей в детстве, заменяя им здоровую связь.

Я верю, что это слияние с моей матерью было изначально, но оно было нарушено. Я был очень активным ребёнком, всегда жаждал большего контакта, и, думаю, она зашла слишком далеко. Я помню, как просил больше щекотки, больше контакта, и мне этого не хватает. И восстановление этого чувства – именно то, чего я ищу в партнёрах с помощью своего чувства собственности.

ЛЕОНОР

Также присутствует чувство необходимости быть сильнее одного из родителей, чтобы доминировать над ними и таким образом избегать агрессивного поведения.

Я помню, как моя мать убила котёнка, ударив его об землю. Я была совсем маленькой и помню, как просила маму позволить мне убить кошку, она отдаёт мне пакет с котятами, и я убегаю, потому что хочу их спасти. Но она меня ловит. Мне хотелось доминировать над ней, обманув её, но мне было всего два года.

ИРЕН

Я помню сцену, когда сосед, который был старше меня, бросил мяч в гнездо, и оттуда выпали мёртвые птенцы. Я думала, что должна быть сильнее его, чтобы это не повторилось.

ЛЕОНОР

В моём случае я вижу разницу между родителем, которым я хотела доминировать, и тем, которым я хотела обладать. Меня ударил отец, я соревнуюсь с ним, и я хочу, чтобы мама подняла меня на руки.

ХЕСУС ПЕРЕС

Я бунтовал. Я пил, курил, работал нелегально, сам того не зная, в подставной компании, связанной с мафией. Однажды ночью за мной гнались какие-то мужчины, и я был в ужасе, загнан в угол. Мой отец спас меня. Он любил меня, как дикий лев защищает своих детенышей. И я любил его так же, с ужасом, но верно.

ГАЛИНА

Владение и доминирование

Владение и доминирование — это константы в партнерских отношениях, и их истоки лежат в отношениях с родителями, потому что ребенок (мальчик или девочка) сексуального типа 8 чувствует, что владеть и доминировать необходимо для выживания в отношениях, сталкиваясь с двойственностью в общении с родителями. Для них владение и доминирование связаны с любовью, хотя доминирование проявляется и с людьми, которых они воспринимают как опасных: «Если я доминирую над тобой и ставлю себя выше, я в безопасности», — говорят они себе. И это доминирование достигается через запугивание другого, заставляя его воспринимать тебя как кого-то опасного. «Это демонстрация того, что главный здесь я, и есть потребность это показать и сделать очевидным», — рассказывают они.

«В отношениях с партнерами я собственник, потому что чувствую, что они мои, но я даю им свободу делать, что они хотят. Доминирование появляется, когда я вижу в ком-то угрозу, и тогда я ставлю себя выше, чтобы было заметно, что моя маскулинность выше. Теперь я знаю, что, когда я владею, владеют и мной, но раньше я этого не видел».

БИТТОР

В собственничестве также есть ощущение, что именно я обладаю властью давать свободу другому, но за этим, возможно, скрывается жажда быть во

владении матери. Наконец-то принадлежать ей, ведь они никогда не чувствовали с ней надежной связи. Никогда не могли доверять эмоциональным отношениям и их стабильности.

«Я постоянно провоцировал мать, потому что хотел ее внимания. С братьями и сестрами и с окружающими я тоже всех доставал. И я доминировал над братьями и ребятами со двора, жаждал, чтобы они делали то, что я говорю. И это перекликается с собственничеством, которое сейчас проявляется с моей партнершей, когда она пытается поставить себя выше, и тут я ее сокрушаю. Моментом, когда я чувствовал себя всемогущим, было, когда моя мать приходила с палкой, чтобы меня побить, и вместо того, чтобы убегать, я останавливался, смотрел на нее, я ей улыбался, она улыбалась мне, и для меня это была сцена любви, которая запечатлелась во всем моем теле. Возможно, это и есть собственничество. И связь устанавливалась через насилие».

ХЕСУС САЛЪЯБЕРА

Вербальное и физическое насилие — постоянные спутники в биографиях сексуальных Восьмерок. Вера в то, что они плохие, очень глубоко укоренилась, и именно поэтому существует непрекращающееся стремление найти безусловную любовь.

Безусловная любовь

Это собственничество подпитывается иррациональной идеей о том, что другой должен принимать этих страстных натур «такими, какие мы есть, с нашими светлыми и темными сторонами». За этим стоит поиск того, что они называют «безусловной любовью», и этот поиск связан с необходимостью найти кого-то, кто будет их любить и останется с ними, несмотря на то, какие они. И мы говорим «несмотря на то, какие они», потому что они могут проявлять себя неверными, жестокими, контролирующими, невоспитанными, провоцирующими, враждебными, и их потребность — быть любимыми именно такими, потому что они четко знают, что не собираются меняться, чтобы подстроиться. Возможно, это тоже одна из форм собственничества.

«Мои отношения были интенсивными, драматичными, часто жестокими. Мы любили друг друга, кричали, мирились,

расставались, дрались, плакали и начинали все сначала. Любовь была войной. Это все, что я знала. Я путала одержимость со страстью, драму — с любовью. У меня были романы с дальними родственниками. Табу меня возбуждало. Я искала нечто более глубокое, чем просто похоть: я хотела связи, слияния, чего-то нерушимого. Я часто была неверна не потому, что мне не хватало моих партнеров, а потому, что я не могла вынести риск полностью нуждаться в ком-то. Я всегда оставляла черный ход открытым».

ГАЛИНА

Страстное желание — найти кого-то, на кого можно выплеснуть всю накопленную нежность, на кого можно опереться и снова стать ребенком, который нуждается в том, чтобы его оберегали и любили безусловно. Проблема возникает, когда этой безусловности, которая бывает только у родителей по отношению к детям, не случается. Именно тогда проявляется жестокая, капризная и садистская часть, именно тогда проявляется рука, пытающаяся завладеть другим, чтобы этот невротически реальный контакт в конце концов состоялся.

«Есть потребность найти кого-то, кто примет меня таким, какой я есть, с моими светлыми и темными сторонами. Со всем. И в моем случае, после 30 лет я был очень распутным, но до этого был верен, но верен своему слову, а не своей природе. А после 30, думаю, я и своей природе не был верен, потому что трахался больше, чем следовало. Но здесь есть невротический момент, потому что я хочу, чтобы приняли мою похоть, то, что мне нравится трахать телок. В глубине лежит мысль: «а вдруг я найду кого-то, кто наконец примет меня таким, какой я есть».

БИТТОР

Я говорю о себе, что не осуждаю, но тем самым устанавливаю отношения насилия. Это как говорить: ты меня оскорбляешь, я тебя оскорблю, но прежде всего, чтобы ты оставил меня в покое.

ИРЕН

Это своего рода детское желание быть принятым «таким, какой я есть», но это желание неявно несет в себе осуждение другого, потому что «мы ищем принятия любой ценой». Суть в том, что ради принятия сексуальная Восьмерка никогда не помышляет об отказе от своих желаний. Она как бы говорит другому: «Если ты меня любишь, ты должен любить меня всем, со всеми моими желаниями, таким, какой я есть». Таким образом, собственничество также связано с тем, что другой принимает тебя «во всем», не отказываясь от своих излишеств и похоти. Можно сказать, что вместо того, чтобы поверить в то, что кто-то их принял, они продолжают свой невротический поиск принятия, что заставляет людей с этим эннеатипом постоянно испытывать своих партнёров, расширять их границы, «выводить их из себя, чтобы увидеть, примут ли они меня больше, и в итоге вы разрушаете отношения, а не строите их», – заметил один из участников рабочей группы.

Если я могу быть жестоким, а они остаются, значит, они меня любят.
И это просто кошмар.

ИРЕН

Потому что, похоже, люди с этим эннеатипом ищут принятия даже своей агрессивной стороной, потому что «когда они проявляли жестокость по отношению к нам, мы оставались», поскольку во всех их биографиях часто встречается опыт насилия или унижения со стороны своих опекунов, а в детстве им приходилось оставаться, что привело к переплетению любви и насилия.

Недостойность

В глубине души лежит глубокое чувство собственной недостойности: они поверили, что были «плохими детьми», что они не заслуживали любви, и поэтому, даже будучи взрослыми, они не верят, что их можно любить. У них негативный взгляд на самих себя. Хотя внешне люди этого характера кажутся очень уверенными и сильными, в них живет чувство недостойности и незаслуженности, подпитываемое детством, в котором их клеймили как «плохих», «проблемных» или «бунтарей», словно это делало их недостойными любви и подрывало их самооценку.

И они, кажется, говорят себе, что способ вернуть это достоинство — завладеть любовью другого человека, той самой безусловной любовью, о которой мы говорили ранее. Отсюда и это стремление получить безусловную любовь, получить любовь, несмотря на то что в них живет эта предполагаемая «испорченность».

«Чтобы доказать любовь, я стараюсь создать конфликт, потому что в конфликте я чувствую себя как рыба в воде. В повседневности я ничего не чувствую. Если есть крики — я чувствую. А секс после примирения — это нечто невероятное. Мне нужно, чтобы меня били, чтобы я мог чувствовать. Мать то и дело лупила меня, и именно в эти моменты я чувствовал свою мать и научился строить с ней отношения именно так, через эту интенсивность. Я был ее спасителем, ее дьяволом, ее Богом. В этой роли она меня видела, а не как ребенка. В состоянии мира я чувствую себя бесполезным. В конфликте есть удовольствие. День наполнен. Я не выношу дней, когда ничего не происходит».

ЖЕРАР

«В моем доме я тоже становлюсь полезен, когда возникает конфликт. Тогда я выкладываю свой член на стол и навожу порядок».

БИТТОР

Существует ассоциация любви с конфликтом, и это, похоже, порождает своего рода зависимость, как наркотик, который ищут, чтобы почувствовать разрядку и интенсивность. Это своего рода аддикция, при которой агрессивность и насилие выставляются напоказ. Это как занять место наемника, оставаясь верным тому «плохому парню» или «плохой девчонке», которыми мы себя считали, потому что это вызывает адреналин и это удовольствие.

«Мне нравится быть наемником. Если бы мы жили в Средние века, мы были бы воинами, а не болтали бы онлайн о своих эмоциях и всяком таком».

ЖЕРАР

Есть даже безумная идея о том, что собственничество связано с властью решать, жить кому-то или умереть, как будто люди этого эннеатипа резонируют с правом распоряжаться жизнью или смертью тех, кто им близок. В глубине души лежит огромная внутренняя отстраненность: существует множество слоев бесчувственности, выстроено множество защитных панцирей, и именно поэтому требуется такая высокая интенсивность, чтобы почувствовать хоть какую-то эмоцию, и в рамках этой интенсивности и находится потребность в обладании.

3. МЕЖЛИЧНОСТНАЯ СТРАТЕГИЯ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕИ

Авторы: Жерар Кастелло и Леонор Кабрера

Эннеатип 8 сексуального подтипа предстает бунтарем и превращает это бунтарство в своего рода добродетель, поскольку пропитывается им, чтобы очаровывать и пленять. Ему нравится выставлять его напоказ, демонстрировать, чтобы его видели как того, кто идет против правил, и он этим кичится: «Как приспособиться к миру, к которому невозможно приспособиться?» — кажется, говорит он своей провокационной, вызывающей, а порой и враждебной позицией, демонстрируя образ силы и уверенности, который, как мы увидим далее, на самом деле скрывает огромный страх уязвимости.

Бунтарство — это фиксация этого эннеатипа и его способ представлять себя другим: как бунтаря, который не склонится ни перед чем и ни перед кем. Сексуальный подтип наиболее открыто демонстрирует эту черту по сравнению

с остальными Восьмерками. Он самый инстинктивный и страстный, что делает его, по словам Клаудио Наранхо, воплощением «голоса дионисийского начала, и, становясь защитником наслаждения свободой и критиком репрессивного характера общества, он становится отголоском чего-то подавленного или сдерживаемого в сознании почти каждого, а потому и привлекательным персонажем».¹

Оскар Ичазо называл местью фиксацию, соответствующую похоти, что Клаудио Наранхо долгое время считал верным, поскольку Э8 демонстрирует способ интерпретации событий и внутриспсихических переживаний в свете необходимости восстановить свое доминирование над другим и таким образом подтвердить свою ценность через месть.

Мсть следует понимать не просто как акт мщения, а как мировоззрение: мстить — это логично для личности, которая идентифицирует себя с сильным, с тем, кто не может подчиняться, с человеком, который не может смириться с тем, что кто-то причиняет ему вред, оскорбляет или предает, поскольку это вернуло бы его в детство, когда он не мог противостоять взрослому-насилънику. Мсть — это основание, на которое он опирается, чтобы восстановить свою власть и таким образом почувствовать свое право на существование. Мсть и бунтарство идут рука об руку и являются частью одной и той же когнитивной программы, которая поддерживает личность, идущую против, не соглашающуюся, нашедшую свою идентичность в самоопределении себя как «плохого».

Люди этого эннеатипа видят в мести надежду свести счеты с жизнью. Они говорят себе: «Жизнь обошлась со мной плохо, мне причинили боль, и единственный способ восстановить справедливость — это мсть», и эта мсть обычно активна, поскольку сексуальная Восьмерка прилагает все усилия, чтобы эта мсть свершилась, причиняя прямой или косвенный вред другому. Если эту мсть невозможно осуществить, у сексуальной Восьмерки также есть, можно сказать, искаженная вера в жизнь, потому что, парадоксальным образом, она доверяет, что именно жизнь ее и осуществит. И мы говорим «парадоксальным образом», потому что этот характер обычно доверяет только себе, но в вопросе мести он доверяет, что жизнь в итоге приведет приговор в исполнение.

У сексуального подтипа мсть больше сосредоточена на личных отношениях и проявляется, например, в том, что он не прощает проступков самым близким

людям. Если близкий человек его подводит, он платит за это, и эта плата иногда выражается в насилии, игнорировании или гневе. Пока, по мнению людей этого эннеатипа, счета не будут сведены, он не остановится, поскольку, как мы уже говорили, для сексуального эннеатипа 8 важно не соприкоснуться со своим бессилием. Его сила направлена на то, чтобы не соприкоснуться с этим ощущением, поэтому они — большие эксперты в том, чтобы идти наперекор и вступать в бой, чтобы осуществить эту месть и таким образом возвыситься над тем, кого они в данный момент считают противником.

Первая месть, та, что увековечивается, связана с фигурой матери или отца, так как в их биографиях обычно один из них или оба воспринимались как несправедливая по отношению к ним власть, из-за которой их унижали, с ними плохо обращались или оскорбляли, отсюда и потребность возвыситься над ними.

Несмотря на важность мести для формирования этого характера, в конце своей жизни Клаудио Наранхо пришел к выводу, что более точным является рассмотрение в качестве искаженного когнитивного ядра эннеатипа 8 бунта, а не мести, что заставляет в его наиболее экспансивных формах рассматривать эти характеры как проявления антисоциального расстройства личности, по какой причине в этой книге мы будем рассматривать в качестве фиксации этого эннеатипа бунтарство.

В отличие от большинства людей, которые адаптировались к обществу, став «хорошими детьми», которые подчиняются социальным нормам, не подвергая их сомнению, для эннеатипа 8 характерна большая вера в свои природные импульсы, чем в голос властей. Поэтому он осмеливается бросать вызов не только родителям и учителям в школе, но и самой культуре и интеллектуальному дискурсу, который ее оправдывает. Отсюда его явное бунтарство.

Наранхо подчеркивает, что, хотя обычно такое антисоциальное поведение некоторых индивидов квалифицируется как патология или расстройство, он не может «не чувствовать, что в этом есть определенный героизм, когда некоторые люди способны восстать против всего мира, ведомые великой верой в свои природные импульсы. Если мир настаивает на том, чтобы называть это злом, то зло не хуже того, что называют добром, до такой степени, что "добрые" становятся лицемерами».

Среди «плохих» именно сексуальный Э8 предстает как самый «плохой», показывая себя как человека, осознающего свое малое уважение к социальным условностям или даже к таким вещам, как правда или верность, будучи при этом самым пылким и интенсивным из похотливых типов и тем, кто с наибольшим рвением воплощает роль «плохого парня» или «плохой девчонки».

Слово «бунтарство» (*rebeldía*) происходит от латинского *rebellare*, что буквально означает «возвращаться к войне». Это этимологическое происхождение идеально отражает циклическую и упорную природу этой фиксации у сексуального Э8. Бунтарство — это не единичный акт или временная реакция; это постоянное объявление войны всему, что угрожает целостности «я». Эта внутренняя и внешняя война проявляется как инстинктивное неприятие подчинения, вечное «нет» угнетению, но также и как неспособность сдаться любви и уязвимости.

Ядерная когнитивная ошибка, фиксация, выражается в множестве убеждений, которые Клаудио Наранхо называет «иррациональными идеями». Термин «иррациональные» относится к субъективному видению мира, без учета всего контекста возможных интерпретаций и, следовательно, отдаляющемуся от реальности. Мы понимаем реальность не как «объективную», а скорее как сложность, учитывающую видение других.

Если мы поищем иррациональные идеи, связанные с его фиксацией, бунтарством, то найдем широкий спектр убеждений, направленных на то, чтобы вывести его из любой ситуации, где он может почувствовать малейший намек на бессилие: «Я должен обладать властью», «Никто не может мне приказывать», «Будет по-моему, и я здесь главный» — вот некоторые из этих иррациональных идей, на которые мысленно опирается сексуальный энеатип 8, чтобы увековечить и оправдать свой характер. Эти идеи о бунтарстве, так сказать, подпитывают его искаженное видение мира, в котором быть бунтарем — единственная оправданная для него позиция, ведь «те, кто подчиняется, — бараны».

С точки зрения Наранхо, фиксация — это не просто реакция на травму: это экзистенциальная стратегия, которая увековечивается, потому что выполняет жизненно важную функцию. Для сексуального Э8 эта функция заключается в сохранении целостности «я» перед лицом мира, воспринимаемого как

враждебный. Каждый акт бунта — это крик независимости, решительное «нет» подчинению, утверждение собственной силы. Но это также и отрицание уязвимости, невозможность принять, что в глубине души стремление к связи и любви все еще живо, хотя и похоронено под слоями жесткости.

Для сексуального эннеатипа 8 «жизнь — это джунгли, и выживают только сильнейшие». Эта иррациональная идея подкрепляется тем, что для них «проявлять уязвимость — значит рисковать жизнью», поэтому одна из их главных одержимостей — чтобы их воспринимали как сильных. В этом видении жизни есть что-то очень инстинктивное, очень животное, поскольку ощущение, которое испытывают люди этого эннеатипа, на самом деле очень похоже на то, что могут испытывать некоторые животные: если их увидят слабыми или ранеными, они станут легкой добычей.

По этой причине иррациональные идеи, связанные с уязвимостью, побуждают его не поддаваться ей и казаться сильным, ведь для них «жизнь разделена на две части: сильные и слабые», и они, конечно же, находятся на стороне сильных, чтобы гарантировать себе выживание. Сексуальный эннеатип 8 считает себя не только сильным, но и умным, поскольку он также полагается на свою способность соблазнять и на, можно сказать, умственную ловкость, чтобы играть с другими, даже используя ложь, и выигрывать партии, которые он начинает в жизни. Для них «цель оправдывает средства» и, конечно же, «справедливо лгать, чтобы получить то, что я хочу».

Как сексуальные Э8 переживают бунтарство? Для них обладать властью над другим — это нечто фундаментальное, отсюда и страсть, вложенная в собственничество. Ребенок дает клятву, и эта клятва заключается в том, что никто и никогда больше не унижит и не ранит меня так, как это сделала моя мать или мой отец. Чтобы сдержать эту клятву, необходимо, чтобы никто не имел власти над ним или ней, поэтому стать бунтарем, неукротимым и связанным со своими инстинктами — это даже необходимо для их выживания. Символически, это как если бы они внутренне убили своих родителей как авторитетную фигуру, чтобы присвоить ее себе, видя даже их смерть как освобождение:

Мой отец умер, когда мне было 17 лет, а мать — когда мне было 23. Когда она умерла, я почувствовал ощущение свободы от отсутствия родителей и сказал себе: «Теперь я свободен, с

меня сняли цепь, я могу делать что хочу, и у меня нет никого, за кого я отвечаю или кто обо мне беспокоится».

ХЕСУС ПЕРЕС

Я, недавно пережившая смерть матери моего партнера, иногда с удивлением ловлю себя на том, что представляю, как умирает моя мать, и чувствую себя хорошо, освобожденной. Эта фантазия приходила ко мне.

ИРЕНЕ

В его репертуаре иррациональных идей об унижении и власти глубоко укоренилось, что он не склонится ни перед кем, ведь «склоняться — это признак слабости», а мы помним, что его характер направлен на отрицание слабости. Их уже унижали в детстве за то, что они были слабыми, и этого больше нельзя допустить: «Больше никогда они не причинят мне вреда» — вот еще одна клятва, которую они произносят про себя и на которой основывают свой бунтарский и жестокий характер, ведь «тот, кто позволяет себя унижать, становится слабым, а слабости нужно избегать любой ценой», — также говорит он себе. На самом деле, существует своего рода отвращение к слабым, неспособность их выносить, поскольку, если что-то и отрицают люди этого характера, так это то, что они когда-либо были слабыми.

Что касается унижения, то есть своего рода удовольствие и радость в унижении того, кто этого заслуживает (по их мнению, конечно), ведь в этом акте он находит способ показать свою власть. «Я имею право унижать кого угодно, он этого заслуживает» — такова была бы иррациональная идея, связанная с этим поведением, которое во многих случаях может быть даже садистским.

Невротически он убеждает себя, что может доверять только себе, — иррациональная идея, на которой зиждется эта фиксация на бунтарстве, выкованная в детстве. Таким образом, это люди, которые доверяют только себе, своему собственному инстинкту, в который они вкладывают то доверие, которое не могли вложить в своих родителей, потому что не чувствовали ни заботы, ни защиты. Они также доверяют тому, что считают своей правдой, понимая под этим свой собственный критерий ценностей о добре и зле, который они позволяют себе выставить напоказ, как если бы это был неписанный закон, с позиции которого они могут судить остальной мир и

которым руководствуются в жизни. Эта правда может включать в себя поведение, идущее вразрез с общепринятыми нормами, нарушение социальных правил, которые они считают нарушаемыми, и включает в себя обвинение в лицемерии тех, кто их соблюдает, и кого они даже могут считать баранами порочной и извращенной системы, но которую они используют в своих интересах, когда могут, считая себя из-за этого умнее других.

Люди этого эннеатипа ясно понимают, что «будет по-моему, и я здесь главный», до такой степени, что это становится навязчивой идеей в их жизни: добиться того, чтобы никто не командовал им или ею, даже если цена, которую им придется за это заплатить, — это остаться в стороне от общества и социальных норм. Для сексуальной Восьмерки одно из безотказных оружий, которое у него припрятано, чтобы увековечить свою власть, — это правда, поскольку он чувствует, что обладает ею, и любит использовать ее, чтобы нападать и противостоять тому, кто, по его мнению, относится к ней легкомысленно. «Я обладаю истиной» — вот иррациональная идея, связанная с таким использованием этой правды. Он также думает, что «все лицемеры, кроме меня», и именно это отсутствие лицемерия, которое дает ему возможность открыто проявлять враждебность и жестокость, дает ему право использовать правду по своему усмотрению.

Мир начинает функционировать только тогда, когда появляюсь я.

АНТОНИО ГУРГЕЛЬ

Я ни за что не перейду дорогу по пешеходному переходу, а если перейду на красный, то еще лучше. Я также все делаю сам. И когда меня о чем-то просят, сначала идет «нет», а потом «посмотрим». Все это — бунтарство, то есть все это — «я найду способ, который не является общепринятым, потому что те, кто делает это общепринятым способом, — бараны, а я не баран, и я найду способ по-хорошему или по-плохому, и если по-плохому, то еще лучше». То есть, если мне это будет стоить усилий, то лучше. Если это будет трудно, лучше, и если я сделаю это один, лучше. И я думаю, что здесь и кроется все бунтарство.

ХЕСУС ПЕРЕС

Часть меня — бунтарь из-за невроза, но другая часть — бунтарь из уважения к себе и к правде. Я что, буду подкармливать это дерьмо? Если мне придется его подкармливать, потому что нет другого выхода, я его подкармливаю, но если я могу этого избежать, я избегаю этого как могу. Так что, я думаю, в этом бунтарстве у нас есть здоровая сторона и очень невротическая. Я бывал в местах, где мы рисковали жизнью, нас убивали, и никто не бунтовал. Мы что, дураки? Нас посылают на смерть, и никто ничего не скажет? Есть здоровая сторона, а потом есть противоидентификация, то есть: «Если вы ведете себя как бараны, то я — наоборот».

БИТТОР

В случае сексуального Э8 за этой фиксацией стоит история ранних ран, отношений, в которых доверие было предано, любви, которой не было или которая была дана условно. Этот опыт формирует видение мира, в котором власть становится высшей ценностью. Быть сильным, быть неукротимым, быть бунтарем — становится способом выживания, но также и способом увековечить изоляцию.

«Не склоняйся ни перед кем», — говорят себе люди этого эннеатипа, для которых еще одна из их иррациональных идей — это то, что «никому нельзя доверять», только себе и, как мы увидим позже, возможно, партнеру или кому-то с очень особой связью. Сексуальные Восьмерки также ясно понимают, что «правила не для них», поэтому они тратят значительную часть своей энергии на то, чтобы их обойти или, в других случаях, проигнорировать. «Я бунтую против системы, даже находясь внутри нее, и так я могу взорвать ее изнутри», — также говорят себе эти Восьмерки, как мы видели в предыдущих свидетельствах.

В детстве людей этого эннеатипа враждебность мира — это не абстрактное восприятие; это конкретный и повторяющийся опыт. Предательство, в этом контексте, не обязательно подразумевает акт преднамеренной злобы со стороны опекунов, но систематическое невыполнение потребностей ребенка. Это может быть отец, который обещает защищать, а затем оказывается

отстраненным или отсутствующим, или мать, которая, в своем стремлении контролировать, подавляет естественное самовыражение ребенка. Этот опыт порождает глубокую рану: ребенок усваивает, что не может доверять тем, кто по идее должен о нем заботиться, как мы подробно увидим в шестой главе, посвященной более детальному исследованию детства.

Предательство также переживается в мелких повседневных жестах. Это может быть насмешка в ответ на проявление хрупкости, замечание, отрицающее спонтанность ребенка, или даже безразличие, которое обесценивает его существование. Каждый из этих моментов становится уроком: показывать слабость опасно, зависеть от других — приглашение к страданию. Перед лицом этой реальности бунтарство становится решением. Не доверять, не зависеть, не подчиняться — это стратегии, направленные на защиту того уязвимого сердца, которое лежит скрытым под слоями кажущейся силы.

Во мне бунтарство связано с тем, чтобы идти против чего-то или кого-то. С детства, например, я помню, как в школе завоевывала себе место, споря с учителями. В одном случае, мне было лет семь или восемь, я помню, как учительница Закона Божьего говорила о Боге, а я ей говорила, что она ошибается, что Бога не существует. И приводила аргументы. Так я завоевывала себе место, позицию, потому что в итоге у меня было ощущение, что учителя меня уважают. Так же я поступала и в те годы, когда работала журналистом: пыталась припереть к стенке тех, кого я считала плохими.

ЛЕОНОР

«Я не могу доверять никому, кроме себя», — должен был сказать себе ребенок сексуальной Восьмерки, чтобы выжить в определенный момент своей жизни, и с этой идеей он также пошел во взрослую жизнь, в которой недоверие играет очень важную роль, поскольку доверять не тому человеку — большая опасность и даже может поставить его под угрозу смерти. Бунтарство — это жизненная позиция, как мы видим, и сексуальная Восьмерка, кажется, также говорит себе, что именно это бунтарство дает ей место в жизни, по какой причине «я не склонюсь ни перед кем».

Бунтарство также развивается как способ символически воздать миру за полученную боль (здесь мы видим связь с Местью). Этот цикл постоянной борьбы — способ утвердить, что унижение больше не будет принято, но он также порождает искаженное восприятие отношений. Те, кто пытается сблизиться с сексуальным эннеатипом 8, могут быть восприняты как потенциальные угрозы, а не как союзники.

«Если ты не мой союзник, ты — угроза».

Однажды, лет в шесть, учительница наказала меня вместе с двумя другими мальчиками, заставив стоять перед доской лицом к классу. И мне это показалось ужасно унижительным, потому что я не понимал, что происходит. Я не понимал, почему она меня наказывает. Через некоторое время учительница спросила, раскаялись ли мы. Мои два товарища сказали «да» и сели. А я сказал «нет» и простоял так весь урок с ощущением унижения и того, что «я не сяду», то есть «я не сделаю то, что ты хочешь. Я не буду покорным». В конце урока она спросила, раскаялся ли я, и я снова сказал «нет». Учительница закончила, выключила свет, закрыла дверь, я все еще стоял, а она смотрела на меня через стекло. Потом пришли мои младшие сестры и спросили: «Что ты здесь делаешь? Почему ты еще не вышел?». Я хотел простоять там всю ночь, всю ночь там, пока они не сказали, что им холодно. Тогда у меня возникло ощущение, что из-за моего бунтарства им холодно, и тут я почувствовал себя очень глупо.

ЖЕРАР

«Если я сделаю то, что ты хочешь, я подчинюсь».

Я начал заниматься боевыми искусствами в 16 лет, потому что у меня были приступы гнева, чтобы его канализировать. Зал, в который я пошел, был очень жестким, очень в духе настоящего мастера боевых искусств. Отношение было холодным, жестким, но у меня было ощущение, что наконец-то кто-то обращается со мной как с мужчиной, потому что я был по горло сыт тем, что со мной обращаются как с идиотом. Если ты должен меня

наказать, наказывай, но говори мне все в лицо и обращай со мной как положено, обращай как с женщиной. Многие не выдержали, но для меня это было предпочтительнее, чем то, как со мной обращались в школе, как с идиотом. Нас пришло много, а вышло очень мало, но у меня было такое ощущение: «Наконец-то кто-то обращается со мной как с женщиной». В школе же я пережил ад, я чувствовал себя подчиненным, потому что со мной обращались, как с идиотом, была психоэмоциональная жесткость. Я предпочитал жесткость зала, потому что там со мной не обращались как с дураком.

БИТТОР

Парадокс бунтарства в том, что, стремясь нас защитить, оно также отделяет нас от того, чего мы больше всего желаем. Наранхо выражает это с жестокой ясностью в «Dramatis Personae»: «Бунтарь боится подчинения, потому что путает любовь с рабством». Этот инстинктивный страх потерять контроль, быть подчиненным, лежит в основе фиксации сексуального Э8. Каждые отношения превращаются в поле битвы, где автономия должна быть защищена любой ценой, даже если это означает пожертвовать возможностью близости.

Что касается иррациональных идей о любви и о партнере, здесь для сексуального эннеатипа 8 есть своего рода оазис, поскольку он думает, что «настанет момент, когда я найду кого-то, кто меня поймет и полюбит по-настоящему, даже если я плохой или плохая», и что связь, которая установится, — это то, что его или ее спасет.

Поэтому он вкладывает много усилий в этот поиск и в достижение этой настоящей связи, и когда говорится «настоящей», имеется в виду, что она будет вне времени и даже пространства, как будто это что-то из другого измерения или с другой планеты. Это стремление и движет его поиском в сфере отношений, поиском без конца, поскольку, как легко представить, такая связь никогда не наступает, или, если и наступает, то длится недолго. «Когда-нибудь меня полюбят по-настоящему, таким, какой я есть», — говорит он себе и опирается на эту иррациональную идею, чтобы увековечить свой поиск.

Невротически сексуальный Э8 думает, что единственная реальная доверительная связь, которая у него есть, — это с партнером, до такой степени,

что иррациональная идея заключается в мысли, что это «единственное место, где я могу расслабиться и показать свою нежность и уязвимость». Как будто только там он может показать своего внутреннего ребенка, потому что «он не причинит мне вреда». По этой причине, когда он чувствует малейшее нападение или потерю доверия со стороны партнера, он чувствует себя вправе нападать и действовать собственнически, поскольку то, что ставится на карту для людей этого эннеатипа, — это очень многое, и им нужно чувствовать, что у них есть контроль над другим.

В рабочей группе, которую мы создали для написания этой книги, есть пара человек, которые работали в полиции. В структуре с иерархической лестницей и, казалось бы, такими четкими правилами, они не отказались от своего бунтарства и от применения того, что можно было бы назвать их собственным законом, как мы видим в следующих свидетельствах:

Я нашел свое место в полиции, бунтуя против системы: я был полицейским против полицейских, а не полицейским против людей. Я нашел свое место, не штрафуя никого, говоря «нет» своему начальнику. Я поворачивался и смотрел наперекор иерархии, наперекор всему, и противостоял своему начальнику, говоря ему, что когда я на улице, я ничего не вижу, но про него я пару вещей вижу, и если он хочет, я ему их расскажу.

ХЕСУС ПЕРЕС

Я пошел в Ertzaintza (баскская полиция), потому что мне нужно было время для моих поисков. И я врал на экзаменах, и врал везде. Я врал тысячу раз, чтобы обмануть систему, и это никогда не создавало мне никаких проблем, в то время как обман кого-то, кого я люблю, вызывает у меня сильное чувство вины, а обман системы — нет. Когда я работал в Ertzaintza, я видел вещи, например, связанные с наркотиками, на которые закрывал глаза. Но я видел вещи, связанные с радикалами, которых я не выносил, потому что считал их мафиози, и не пропускал ни одной. Тогда мои коллеги были в шоке, потому что не понимали, как я мог иногда быть таким пофигистом, а потом не пропускать ничего. Так что, в некотором смысле, я был под законом, но действовал мой закон.

Фиксация на бунтарстве, как и все фиксации, является искажением реальности. Сексуальный Э8 живет в состоянии постоянной тревоги, интерпретируя мир через фильтр угрозы. Но это восприятие, хотя и основано на реальном опыте, не является единственной правдой. За броней, за силой, скрывается уязвимая сущность, которая ищет, чтобы ее увидели и полюбили. Однако, чтобы получить доступ к этой сущности, Восьмерка должна противостоять своей фиксации, должна подвергнуть сомнению истории, которые она рассказывала себе о мире и о себе.

Свобода выбора

Наранхо настаивает, что этот процесс непросто. Фиксация на бунтарстве настолько интегрирована в идентичность Восьмерки, что ее разрушение может ощущаться как экзистенциальная угроза. Но это необходимо. Необходимо, потому что истинная свобода заключается не в акте бунта, а в способности выбирать, действовать из подлинности, а не из страха.

Бунтарство не исчезает, оно трансформируется. Вместо того чтобы быть автоматической реакцией, оно становится энергией, которую можно направить на созидание, на создание реальных и значимых отношений. Восьмерка, которая противостоит своей фиксации, не теряет своей силы; она ее оттачивает. Она учится, что быть уязвимым — не значит быть слабым, а значит быть человеком. И в этой человечности она находит более глубокую свободу, чем та, которую может предложить одно лишь бунтарство.

Чтобы отточить бунтарство и превратить его в созидательную силу, трансформируя иррациональные идеи в мудрые, сексуальный Э8 должен столкнуться со своими самыми глубокими страхами. Один из самых значительных — это страх уязвимости. Этот страх укоренен в идее, что открыться другому, позволить кому-то увидеть скрытые раны, равносильно передаче власти. Уязвимость воспринимается как прямая угроза его автономии, как приглашение к боли и предательству. В этом процессе энеатип 8 должен научиться, что открытость не обязательно ведет к страданию, а может быть путем к подлинной связи.

Другой повторяющийся страх — это страх потерять контроль. Сексуальный Э8 часто строил свою идентичность вокруг идеи быть неукротимым, не уступать

никому и ничему. Отказ от этого контроля, даже в малых дозах, переживается как экзистенциальный риск. Однако этот крайний контроль также является бременем, поскольку он держит его в постоянном состоянии бдительности и напряжения, что истощает его эмоциональную и физическую энергию, ведь он думает, что «если я уступлю другому, я в опасности».

Страх отвержения также играет ключевую роль. Хотя внешне они кажутся сильными и непроницаемыми, внутренне сексуальный эннеатип 8 боится быть отвергнутым за свою сущность, за то, что он покажет себя таким, какой он есть. Этот страх заставляет его строить стены, которые, хотя и защищают его, также изолируют его от возможности глубоких и значимых отношений, ведь он думает, что «если я покажу себя слабым, меня бросят». Однако в сфере партнерских отношений он позволяет себе проявлять эту уязвимость, поскольку думает, что это «единственное место, где я могу расслабиться» и «быть таким, какой я есть на самом деле».

Процесс противостояния этим страхам не является легким или безболезненным. С соматической точки зрения, сексуальные эннеатипы 8 обычно несут в себе напряжение, накопленное годами внутренней борьбы. Напряженные плечи, сжатая челюсть и поверхностное дыхание — обычные физические признаки. Начав работать над своими ранами, они могут испытывать головные боли, усталость и ощущения телесного дискомфорта, поскольку тело начинает высвобождать подавленные эмоции.

На эмоциональном уровне они также сталкиваются с трудностями. Они могут испытывать грусть, замешательство и страх по мере того, как их старые защитные паттерны начинают рушиться. Этот процесс требует терпения и поддержки, поскольку Э8 нужно научиться переносить эти эмоции, не прибегая к своему привычному бунтарству как к механизму бегства.

4. ДРУГИЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СЕКСУАЛЬНОГО Е8 И ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Автор: Леонор Кабрера, при участии группы

Интенсивный.

Люди этого эннеатипа излучают интенсивность, такую, что ее даже можно ощутить в их дыхании, которое, кажется, слышно громче, чем у других. Если они что-то берут, то берут с силой; если обнимают, то обнимают крепко; если едят, то досыта, а если пьют, то допьяна. За этим поведением стоит механизм, позволяющий чувствовать себя живыми, и бегство от всего деликатного. Ребенок потерял контакт с тонкостью, поэтому теперь взрослый нуждается в том, чтобы делать все интенсивно, чтобы вернуть ощущение живости, утраченное в детстве. Интенсивность — это также способ убежать от скуки, потому что если что-то и пугает сексуальную Восьмерку, так это скука: ощущение, которое для людей этого эннеатипа является своего рода смертью при жизни.

В этом поиске интенсивности есть отрыв от любящей части: своего рода анестезия к любви. Существует переживание того, что иметь столько энергии было порой страданием, потому что они не могут перестать двигаться — особенно в молодости, — что заставляло их заниматься спортом или интенсивными видами деятельности, где они могли «сжечь» эту энергию физически. Эта интенсивность также переносится на сексуальную сферу, о чем они обычно открыто говорят и что могут использовать провокационно.

Высокомерный / Властный / Доминирующий.

Сексуальные Восьмерки считают, что обладают абсолютной истиной, и без колебаний используют ее как метательное оружие против другого, чтобы показать свое превосходство. Для них типично судить другого, будь то внутренне или открыто, превращая то, что они воспринимают как истину, в элемент агрессии. Они видят других как фальшивых, скучных и не стесняются «встряивать» их посредством прямой конфронтации, чтобы довести их до предела и заставить взорваться, потому что им нравится, когда «что-то происходит», даже если это «что-то» — взорвать другого. Через доминирование они избегают проигрыша; так они всегда выигрывают. Очень важно иметь контроль над другим и навязывать свою волю, а также казаться человеком с большой уверенностью и доминированием над остальными смертными, но не столько над собой, поскольку они позволяют себе взрываться и «устроить сцены», чтобы было видно, кто здесь главный.

Провокационный / Вызывающий / Дерзкий.

Они используют провокацию как способ доминировать над другим и получить, можно сказать, «признание». Это может быть произнесение правды, которую никто не осмеливается назвать: «Прихожу в дом повешенного и первым делом говорю о веревке», — говорил один из участников рабочей группы. Существует одержимость нарушением границ, особенно чужих, чтобы посмотреть, до какого предела они выдержат. Они постоянно испытывают на прочность близких людей, даже вступая в открытый конфликт, когда им этого хочется, и переживая этот конфликт как нечто, что дает им адреналин и ощущение власти. Бунтарство, фиксация эннеатипа 8, в случае сексуального подтипа выражается в этой тенденции провоцировать, чтобы чувствовать, что отношения живы. Кажется, они говорят: «Вот они, мои яйца, Боже!». Это удовольствие от того, чтобы «все взорвать» и «перейти черту», потому что это заставляет их чувствовать себя живыми и могущественными. И это также отчаянная попытка почувствовать, что они заслуживают, что они чего-то стоят: признание, которого они никогда не получали от своих родителей.

Вспыльчивый / Жестокий.

Их порог фрустрации очень низок, поэтому они без колебаний становятся вспыльчивыми и используют насилие как средство для достижения желаемого. Они могут говорить громко, кричать, бить по столам (а иногда и по людям),

лишь бы добиться, чтобы все было сделано так, как они хотят. Любая сцена годится, лишь бы не соприкасаться с бессилием.

Импульсивный / Нетерпеливый / Нетерпимый к фрустрации.

Это характер, в котором доминирует инстинкт, и поэтому он очень импульсивен: создается впечатление, что действие возникает раньше мысли, и что он не может ждать, чтобы выразить свои потребности или достичь желаемого. Он не понимает концепции фрустрации (и связанного с ней бессилия) и стремится получить то, что хочет, любой ценой. И это должно быть сейчас. Он будет искать любую стратегию, чтобы этого добиться, включая манипуляцию и запугивание другого.

Циничный.

Он «ни во что не верит» в том, что касается общества и его условностей, поэтому считает свою свободу и удовольствие высшим благом, подобно Диогену — сексуальной Восьмерке, — который дал имя этому философскому течению. Если мы посмотрим определение цинизма в Словаре испанской королевской академии (RAE), оно описывается как «бесстыдство во лжи или в защите и практике предосудительных действий или доктрин; бесстыдство, наглость». Всем этим кичатся сексуальные Восьмерки, поскольку чувствуют, что морально они выше остальных, так как верят, что их аморальность содержит больше правды, чем кажущаяся моральность других. Они этим хвастаются, как Диоген, который справлял все свои нужды на публике — включая мастурбацию на Агоре — и жил в бочке, как собака. На самом деле, термин «циник» происходит от *kynikós*, что означает «собачий», так как Диоген жил и вел себя как собака, лая на кого ему вздумается, даже на самого Александра Македонского. Когда тот, уже будучи царем, пришел с ним познакомиться, он спросил: «Есть ли что-то, что я могу тебе дать?». Философ ответил: «Ты можешь отойти в сторону и перестать загораживать солнечный свет», что снискало ему восхищение царя. Этот «высший» цинизм также служит броней, чтобы не впускать чувства и скрытые потребности, связанные с его детскими лишениями.

Открыто антисоциальный.

Они ставят себя вне рамок общепринятого, так как не верят ни в институты, ни в группы, ни в общество в целом, и, как следствие, кажется, что они не верят и в человечество. Их способ захвата власти — через межличностные отношения.

Кульť свободы и независимости.

Они предпочитают ни в чем не нуждаться, потому что если они нуждаются и показывают свою нужду, они чувствуют, что находятся в опасности, так как проявляют слабость. Кроме того, есть убеждение, что если они попросят, им не дадут. Поэтому они предпочитают брать то, что им нужно, идти за тем, чего хотят, и укреплять свою свободу и независимость больше, чем любые зависимые отношения. С детства они научились делать все самостоятельно и не нуждаться в родителях, поэтому сделали независимость своим знаменем. Парадокс в том, что, хотя они кажутся очень независимыми, в глубине души у них есть огромная потребность в близких отношениях, которую они проецируют прежде всего на партнера или свои сексуально-эмоциональные связи.

Антиконвенциональный.

Они предпочитают, чтобы все было по-ихнему. Есть постоянная потребность ломать схемы и шаблоны, чтобы делать то, что им вздумается.

«Плохой».

Они предстают перед другими, занимая роль «плохого» или «плохой». Существует своего рода идентификация с этой чертой и даже гордость за это. В рабочей группе, созданной для этой книги, при воспоминании о сценах, где проявлялась эта предполагаемая «испорченность», возникает удовольствие и смех, как будто идет соревнование, кто совершил самую большую «проделку». В ребенке сексуальной Восьмерки формируется интроект, что он «плохой»: кто-то важный ему это сказал, и это клеймо принимается взрослым, который делает его своим. Однако, глубоко в душе — как мы увидим в главе об эмоциональности и фантазии — существует потребность, чтобы его видели как добросердечного.

Садист.

Он наслаждается, причиняя страдания другому. Кажется, он говорит: «Если ты меня любишь, ты будешь страдать из-за меня». Есть удовольствие от того, чтобы «взорвать все дерьмо» и удовлетворение от «слома» другого, особенно тех, кого они воспринимают как контролируемых и подозревают, что они «что-то скрывают». Как будто они говорят: «Я тебя сломаю, ублюдоку», потому что заставить другого потерять контроль доставляет им удовольствие. Возникает своего рода внутренняя улыбка, когда им удастся довести другого до предела и заставить взорваться: «Он сломался, он мой, и с этого момента мы можем

договориться, потому что мы увидели истинные лица друг друга». Они наслаждаются эмоциональными страданиями другого, потому что, когда заставляют его взорваться, они чувствуют власть.

Истероидный / Эксгибиционист.

Этой Восьмерке нужно, чтобы ее видели, чтобы она выделялась на фоне других. Для этого она шумная: если говорит, то громко; если смеется, то во весь голос. Если она в группе, она находит способ привлечь к себе взгляды, даже через вызов или открытые и провокационные разговоры о сексуальности. Ей нужно завладеть чужим взглядом как способ самоутверждения. Она знает, как завладеть сценой и «устроить шоу». За всем этим стоит невротическая потребность, чтобы ее запомнили, даже если за то, что она была плохой и перешла черту.

Защитник.

Он защищает тех, кого считает своей семьей, будь то настоящая или избранная, в которую могут входить друзья, знакомые и, конечно же, партнер. В общем, тех, кого он считает своими. Эта защита включает в себя и финансовое обеспечение, это своего рода: «Я о тебе забочусь, и ты можешь спрятаться за мной, я тебя прикрою, в том числе и финансово». «Я тебя обеспечу, и рядом со мной у тебя ни в чем не будет нужды», — кажется, говорит он. Этой защитой он стремится завоевать верность других, говоря им что-то вроде: «Я тебя защищаю, а взамен получаю твою верность». Физически сексуальные Восьмерки чувствуют, что метафорически ведут людей, которых защищают, обняв их за плечо. Так они знают, что «другой меня не подведет», что, конечно же, в итоге становится бременем для другого.

Вершитель правосудия.

Они открыто выступают в роли вершителей правосудия, чтобы защитить тех, кого любят и кого они воспринимают как уязвимых, будь то дети, животные или люди. Они кичатся этой позицией вершителя правосудия, мстительной и вызывающей, оставляя в долгу человека, которого, по их мнению, они защищают, также стремясь к его верности. Быть вершителем правосудия — это часть клятвы, которую они дали в детстве, когда, казалось, сказали себе: «Больше никогда они не причинят мне вреда», клятвы, которую они теперь переносят на тех, кого воспринимают как беззащитных или кого считают своими. Есть своего рода иррациональная идея, что они смогут отомстить и совершить правосудие, защищая самых слабых.

Верный.

Верность (соучастие) очень важна для сексуального Э8, поскольку именно верность невротически защищает связь. Поэтому они патологически верны тем, кого любят, и взамен требуют того же, как если бы они могли превратить их в солдат своих воображаемых армий.

Жесткий.

Есть жесткость как внутренняя, так и внешняя. Внутренняя жесткость связана с отстраненностью от эмоций, с кажущейся сухостью, подпитываемой большим недоверием, которое испытывают люди этого эннеатипа. Не имея возможности доверять почти никому, они высохли внутри и снаружи. Эта жесткость иногда видна во взгляде — пустом, безэмоциональном — и в обычно серьезном выражении лица, с поджатыми вниз губами, так как им трудно улыбаться. Если они смеются, то делают это чрезмерно, во весь голос и выставляя это напоказ, но их самое обычное выражение — серьезность. Следует помнить, что внушать страх также стало для этой Восьмерки способом бытия в жизни и служило превентивной защитой от любого возможного нападения.

Гедонист.

Постоянный поиск удовольствия и наслаждения. То, что является обязанностью, не делается. В глубине души не признается никакая власть, кроме собственной, поэтому одна из одержимостей людей этого эннеатипа — делать то, что им заблагорассудится, в своем собственном темпе и в поисках высоких доз удовольствия и удовлетворения.

Нетерпимый к скуке.

Скучать — все равно что быть мертвым, поэтому необходимо, чтобы жизнь была интенсивной, чтобы избежать этого ощущения любой ценой. Иногда способ не впасть в скуку — это встряхнуть жизнь, и когда сексуальная Восьмерка это делает, она обычно впадает в излишества, будь то через скорость, употребление веществ или еды, секс, нарушение правил или поиск конфликта. Важно, чтобы лодка качалась, чтобы избежать ощущения отсутствия внутренней живости: своего рода смерти при жизни, с которой его связывает скука.

Обманщик и нарушитель правил.

Они нарушают правила и кичатся этим. Есть хвастовство в том, чтобы обмануть власть, и они этим гордятся, так как чувствуют себя умнее тех, кто у власти. В

биографиях этих Восьмерок часто встречается, что они выставляют как подвиг то, что списывали на экзаменах или жульничали в школе или других сферах жизни. Они рассказывают об этом как о чем-то забавном, чувствуя себя умнее других и заявляя об этом вслух, чтобы все узнали, какими обманщиками они могут быть.

Видимость уверенности и власти.

Стиль общения сексуальных Восьмерок — резкий, ясный и прямой, что создает видимость уверенности, с помощью которой они соблазняют и привлекают. Некоторые из них даже демонстрируют эту власть внешне через одежду и украшения, как будто наряд также способствует тому, чтобы казаться более могущественными. Часто люди привлекаются этой видимостью уверенности, так как это то, что они продают вовне.

Авторитарный.

Они считают, что за ними последнее слово перед любым решением, как будто их присутствие говорит: «Здесь главный я» и «Слушать нужно меня». Они не позволяют другим решать, когда у них есть ясное представление о том, чего они хотят или как должны быть сделаны вещи. Они могут быть прирожденными лидерами, но проблема в том, что это лидерство основано на страхе, так как гнев сексуальной Восьмерки может быть ужасен и повлечь за собой серьезные последствия, включая вербальное или физическое насилие.

Территориальный.

Есть очень инстинктивная часть, которая нуждается в своей собственной территории, в месте, которое она может считать своим. Они не терпят, когда в это пространство вторгаются другие люди, и могут даже драться, чтобы его защитить. Они воспринимают эту территорию как продолжение себя и нуждаются в ней, чтобы дышать. Их партнеры или коллеги по работе могут страдать от этой черты, так как, подобно животным, они метят свою территорию, чтобы было ясно, что она им принадлежит.

Биофилия, особая связь с животными и природой.

Есть любовь к открытым пространствам и к природе, как будто в этих местах они могут чувствовать себя спокойнее и уютнее, как будто там их инстинкт может отдохнуть и быть свободным, чего не происходит в городе, где слишком много людей и стимулов. Биофилия — это естественная связь, которая у нас есть с природой и животными, что очень присуще этим сексуальным

Восьмеркам, которым нужна земля под ногами, чтобы быть, зелень деревьев, чтобы видеть, и которые чувствуют животных — особенно собак и кошек — как настоящих спутников жизни, на которых они могут излить свою чувствительность и нежность, и о которых они заботятся и которых защищают. «Если я собираюсь срубить сосну, я ей об этом говорю и объясняю, почему это необходимо», — рассказывает одна из участниц группы. Есть ощущение близости и единения с природой, и некоторые из этих сексуальных Восьмерок даже рассказывают, что с детства чувствовали, что могут говорить с деревьями или с определенными животными.

Соблазнитель.

Это самый соблазнительный из Восьмерок, так как, будучи сексуальным подтипом и, следовательно, специализируясь на поиске связи с другим, он нуждается в своих собственных стратегиях, чтобы очаровать того, кого пожелает. И главная из этих стратегий — соблазнение, он может казаться добрым, уступчивым и услужливым, чтобы добиться своего и привлечь того, кто у него на примете. В этом проявлении доброты и покорности есть определенный цинизм, поскольку внутренне сексуальная Восьмерка знает, что делает это, чтобы понравиться, и что на самом деле, когда ему заблагорассудится, он сделает то, что захочет, потому что его душа — это душа бунтаря или бунтарки, фиксация, свойственная этому эннеатипу.

Романтичный / Влюбчивый.

Во влюбленности есть интенсивность, поэтому это то, чего желают и ищут. Также в глубине души есть определенная наивность, которая заставляет его верить в романтизм и желать изо всех сил прихода любви, так как в самой глубине он чувствует, что эта любовь спасет его от той внутренней смерти, которую он испытывает и от которой бежит любой ценой. Романтический идеал этой сексуальной Восьмерки — это стремление ребенка быть любимым таким, какой он есть, и надежда на то, что такая любовь наконец когда-нибудь придет.

Сексуализированный.

Он предстает как сексуализированный человек, так как сексуальная энергия очень сильна у тех, кто имеет этот подтип. Он кичится своими сексуальными достижениями и обычно говорит ясно и откровенно о том, каковы его отношения, так как считает, что это придает ему ценность. Они хвастуны в этой области и любят рассказывать, сколько они занимались любовью, с кем и с какой интенсивностью, полагая, что так они достигают особого статуса.

Маскулинизированный / Патриархальный.

Мужчины сексуальные Восьмерки обычно очень мужественны, что-то вроде «альфа-самцов». Они соперничают с другими мужчинами и нуждаются в том, чтобы выделяться. В случае женщин, они также обычно кажутся маскулинизированными, так как большое значение придается тому, чтобы быть сильными и могущественными, атрибутам, традиционно ассоциирующимся с мужским. Внутренне больше места для фигуры отца, чем для матери или ребенка. Можно сказать, что это патриархальный характер, так как ценности, с которыми он себя идентифицирует, соответствуют этому типу общества: хвастовство насилием, чувство величия, бесчувственность — особенно к слабым — и соперничество.

Соперничающий.

Еще одна из черт этого характера — открыто проявлять соперничество. Есть удовольствие и наслаждение в том, чтобы быть лучшим, побеждать, даже сокрушать того, кто встанет на пути. Это способ продемонстрировать власть и получить признание. На самом деле, среди членов группы, которую мы создали для написания этой книги, есть несколько человек, которые направили это соперничество в спорт: боевые искусства, легкая атлетика, футбол. Побеждать доставляет большое удовольствие. И также доставляет удовольствие навязывать свою волю, чувствуя себя таким образом сильнее и лучше.

5. ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И ФАНТАЗИЯ

Автор: Ирене Байон, при участии группы

«Я могу соприкоснуться с любовью, мне это трудно, но я могу; когда я соприкасаюсь, я чувствую это здесь», — говорит Леонор, нежно и интенсивно поглаживая себя по груди.

Характер Восьмерки не является особенно эмоциональным; однако, среди трех подтипов, именно сексуальная Восьмерка может проявлять или чувствовать больше всего эмоций. Мы подчеркиваем «чувствовать», потому что у этого характера даже чувства превращаются в телесные ощущения и принимают форму импульсивных действий. На любое чувство всегда будет реакция. Очень типично для сексуального Э8 спросить: «Что ты собираешься делать или что ты хочешь сделать?» после того, как кто-то рассказал о своих чувствах.

Эмоциональный мир сексуального Э8 сложно прост. Будучи характером действия, он не задерживается на эмоциях: они служат трамплином для действия. Если он осознает, что ему грустно, он спрашивает себя, что он будет с этим делать, что ему нужно сделать, чтобы перестать чувствовать грусть, или что ему нужно из-за этой грусти. Это происходит со всеми эмоциями. Те, что заставляют его соприкасаться с уязвимостью, он захочет поскорее отбросить; те, что связывают его с эйфорией или властью, он сделает все возможное,

чтобы сохранить их. И в обоих случаях — уязвимом или могущественном — переживание будет интенсивным.

Простота заключается в этой схеме «чувство-реакция», очень базовой и инстинктивной. Сложность начинается с эмоций, которые отрицаются, а их много: страх, зависть, стыд, вина, грусть, уязвимость, нежность, бессилие и фрустрация, среди прочих. Человек этого характера не осознает, что он чувствует эти отрицаемые эмоции, но факт в том, что он их чувствует. Отсутствие контакта с ними приводит к действиям или реакциям, вредным для него самого и для других.

Сексуальная Восьмерка — это контрфобический характер: отсутствие контакта со страхом приводит его к опасным для себя и для других ситуациям. А также к переживаниям высокой интенсивности, необходимым, чтобы хоть что-то почувствовать посреди такого ожесточения и бесчувственности. Существует большой страх перед контактом с уязвимостью и хрупкостью, как мы увидим. Реальность такова, что в детстве было пережито столько страха — из-за покинутости, жестокого обращения, отсутствия границ, — что уязвимость отрицается. Это отрицание происходит, во-первых, чтобы выжить, и, во-вторых, чтобы не потерять власть.

Что я действительно чувствовал, так это сильную грусть, сильное одиночество, потому что моя мать запирала меня, и я чувствовал много одиночества, много грусти, много пустоты, много страха. И я очень боюсь пустоты, одиночества, грусти. Это что-то очень глубокое во мне.

ЖЕРАР

Во многих случаях страх маскируется под недоверие — чувство, которое ставит его выше другого, в отличие от уязвимости. Также человек этого характера может облекать его в силу и доминирование, как в случае его социальной фобии, где проявляется антисоциальная черта, которая, опять же, вместо того чтобы показать его уязвимым, показывает его как того, кому наплевать на других.

В случае зависти, она не признается, не затрагивается. Тот, кому завидуют, презирается, и человек ставит себя выше, всегда находя причину, по которой

завидуемый не заслуживает того, что имеет, обычно потому, что он добился этого нечестным путем.

В случае стыда, это чувство, которое не любят даже называть. Как будто чувствовать его — удел идиотов, людей, которые не уважают себя, слабых людей.

С виной происходит нечто подобное: чувствовать вину — это почти как быть трусом, а это никогда не было бы приемлемо для сексуального Э8. Это одна из иррациональных идей, которые сопровождают и помогают отрицанию. На самом деле, он не соприкасается с виной, потому что это прямой путь к боли другого и к вреду, который этот характер причиняет, в том числе, например, через собственничество. Если он воспринимает партнера — или близкую связь — как свою собственность, он может решать и действовать в отношении него. Он овеществляет его, дегуманизируя. Если сексуальный Э8 соприкасается с вредом, который он причиняет другому, и с виной (неважно, в каком порядке) и чувствует боль, он может увидеть человека, а не вещь перед собой. Это путь отказа от собственничества. Этот отказ заставляет его напрямую соприкоснуться со страхом и раной покинутости. А они, в свою очередь, с уязвимостью и хрупкостью: двумя чувствами, не только отрицаемыми, но и переживаемыми как опасные.

Вина — это дверь к эмпатии, боли и чувствительности, качествам, которые этот характер также воспринимает как опасные. Именно поэтому сексуальному Э8 так трудно с ней соприкоснуться. Проблема не только в пренебрежении чувствами другого, но и своими собственными, что может привести к совершению поступков, идущих вразрез с его истинными ценностями.

Однако — и несмотря на описанное — сексуальный Э8 является самым эмоциональным подтипом из всех Восьмерок: «По сравнению с другими подтипами, сексуальный — самый эмоциональный, подтип самосохранения — чистое действие, а социальный — единственный интеллектуальный из Восьмерок», — объясняет Клаудио Наранхо.

Контакт с болью дается нелегко. Сердце у этого характера очень закрыто и ожесточено. До него нелегко добраться, хотя, когда это удастся, связь с происходящим — в данном случае, с болью — становится очень глубокой. Что-

то неожиданное — например, музыка — может заставить его войти в контакт с собой и погрузиться в боль, соприкоснувшись с уязвимостью и хрупкостью.

В подсознании есть иррациональная идея: уязвимость равна смертельной опасности. И в моем случае, к тому же, еще одна: плакать бесполезно.

БИТТОР

Чувствовать себя уязвимым для сексуального Э8 трудно: возникает насильственная, защитная, автоматическая реакция. Кроме того, это эмоция, долгое время отрицавшаяся, поэтому он, возможно, даже не может осознать, что с ним происходит, и уж тем более, в чем он нуждается.

Тот момент, когда ты можешь либо разрыдаться, либо раздавать тумаки. После смерти дедушки, выходя из похоронного бюро и пережив столько боли вокруг и в себе; а также желая обнять отца и не имея возможности, потому что он не позволял, и соприкоснувшись с бессилием, импульсом было пойти и заняться сексом. Раз уж я не смог выплеснуть боль нежным способом, я хотел выплеснуть ее через насильственный секс. Я этого не сделал, потому что пришла моя сестра, и я смог ее обнять, и там я разрыдался.

ЖЕРАР

В тот момент я был уязвим, осознавая, что был жертвой; и в этом состоянии я чувствую потребность вооружиться как можно сильнее. Поэтому, чтобы меня не трогали в уязвимости, и чтобы никто не подходил и не спрашивал «как ты», я этого не хочу. Меня не утешит, если ты подойдешь. Я думаю, это нежелание оставаться там, в уязвимости, в нежности, в ситуации, которая делала меня хрупким.

ХЕСУС ПЕРЕС

Перед лицом возможной боли сексуальный Э8 также может отступить, уйти в себя и казаться холодным. Это своего рода отстранение от возможности, что ему причинят боль или уже причинили.

Мне очень трудно осознать, что мне причинили боль, внезапно я замечал, что стал очень холодным, очень отстраненным. Теперь, когда я вижу себя таким, я начинаю спрашивать себя, что меня ранило, потому что мне очень трудно понять, что меня ранило, но не так трудно заметить, что я стал холодным.

БИТТОР

Я в этой ситуации, в отступлении, выпустил огнемёт. Теперь это скальпель, теперь я режу тебя ножом. Теперь это холод. Теперь я «отстранен».

ХЕСУС ПЕРЕС

Другая возможная реакция на боль — месть. Она направлена против кого-то — обычно партнера — и, пока не свершится, не находит преград. В невротическом состоянии эта месть не приносит удовлетворения; видя другого в большой боли, сексуальный Э8 может начать осознавать причиненный вред. В то же время, в этом процессе есть что-то невротическое: как будто, видя другого сломленным, он может снова приблизиться.

Когда я дохожу до этой точки разрыва, я снова ищу контакт. Как будто, вот теперь, с этого момента, может быть восстанавливающий контакт, раньше я тебе не доверяла, но теперь, когда я тебя сломала, теперь да, может быть восстанавливающий контакт.

ЛЕОНОР

Контакт с болью, с уязвимостью, с хрупкостью вызывает большой страх. Он делает чувствительным и ставит в положение, которое характер сексуального Э8 воспринимает как опасное, даже как место смерти. Это связано с тем, что в детстве во многих случаях так и было: хрупкость подавлялась, а уязвимость использовалась. Отсюда и постоянный поиск власти над другим.

При личной работе сексуальный Э8 может научиться входить в контакт со своими эмоциями, даже с самыми болезненными. Он может снова научиться плакать и чувствовать боль.

Для меня одним из самых целительных опытов было плакать. Я не плакал пятнадцать лет. В первый день, когда я заплакал, я плакал два часа подряд. Я взялся за это и захотел вернуть способность плакать, и на это у меня ушло полтора года работы.

БИТТОР

И он может быть тронут чем-то, что его задевает в данный момент, хотя самая трудная работа — это снова научиться сопереживать самому себе. Существует наказание за мягкость и нежность: они воспринимаются с большим презрением, как вовне, так и внутри. Эмоция путается с подчинением.

Если я поддаюсь неврозу, меня тошнит от овец, потому что я считаю, что из-за их гребаного подчинения я в дерьме, я и мои близкие. Что это за подчинение тому, что тебя разрушает!

БИТТОР

Что мне помогло в терапии, одним из ключей было то, что мой терапевт сказал мне: «Я даю тебе разрешение плакать». Я спросил его: «Разве это не значит склониться?», и он ответил: «Нет, это значит заботиться о себе».

ЖЕРАР

Первым, что было с мамой и папой, был гнев.

ЛЕОНОР

Специальность сексуального Э8 — это гнев. Это зафиксированная эмоция, через которую переживаются практически все события. Все может стать поводом для гнева, даже то, что вчера им не было. Это, отчасти, связано с отрывом от остальных эмоций. Гнев — это чувство, которое заставляет их ощущать власть над другим и над ситуацией, но не всегда над собой, так как если к этому

добавляется бессилие, сексуальный Э8 идет прямым к насилию. Оно может проявляться по-разному: иногда явно, иногда создавая напряжение в атмосфере. Это делается не намеренно, это происходит. Все напрягается и сгущается в убеждении человека, что он обладает истиной.

Интересно то, как мы умеем выдерживать напряженную атмосферу, выдерживать противостояние. Здесь не вопрос, кто победит в армрестлинге, это вопрос времени, я уже победил.

ХЕСУС САЛЬЯБЕРА

Я думаю, мы очень хорошо держимся в военной обстановке, а война — это большое напряжение. И не все выдерживают напряжение, это один из моих козырей.

БИТТОР

Гнев скрывает многие из ранее названных эмоций.

Я думаю, я злюсь, потому что иначе мне скучно, а я лучше умру, чем буду скучать, или потому что мне грустно, или чтобы не видеть свой страх. Я предпочитаю злиться, все ломать, трахаться. Дезорганизоваться, стать интенсивным. В этом и есть похоть. Иначе есть идея, что я умру.

ХЕСУС ПЕРЕС

Гнев может привести к ярости, взрыву и насилию, а за этим следует недоверие и, снова, «отступление». Скупость на себя. Он закрывается и становится недоступным. Мы ставим «отступление» в кавычки, потому что:

Это то, что, как мне кажется, мы себе рассказываем, но на самом деле мы не отступаем, потому что мы там, держимся, выдерживаем напор. Накаляем обстановку. Создаем напряжение.

ХЕСУС САЛЬЯБЕРА

То, что на самом деле происходит в большинстве случаев, — это то, что он чувствует боль, но поскольку она отрицается, поскольку он «не осознает», он

реагирует агрессивно против человека, который причиняет ему вред или боль. Это почти постоянный контакт с гневом. Все это происходит в основном в отношениях с партнером, в близких связях и в семье.

Что касается мира фантазий, то сексуальный Э8 не является особенно фантазийным или мечтательным характером. У этого характера могут возникать фантазии, где они чувствуют себя могущественными и восхищенными.

Я помню, как в 10 лет мечтала, что я героиня своей гандбольной команды. Это было своего рода мечтание, которым я занималась перед сном: я представляла, что мы на очень важном соревновании по гандболу, и я, несмотря на физическую боль, так как была травмирована, забиваю победный гол.

ЛЕОНОР

В этом характере есть потребность в оценке, которую нелегко и не смиренно признать. То есть, ее можно потребовать, вероятно, уже в гневе, потому что есть также убеждение, что они этого заслуживают, но другой этого не видит. Примером этой потребности являются все те фантазии, где они в итоге чувствуют себя восхищенными и, прежде всего, оцененными другими. С этой потребностью в признании нелегко войти в контакт, так как это снова ставит человека в уязвимое положение; эта потребность исходит из глубокого чувства обесценивания, возникшего в детстве.

В отношениях с партнером много фантазий о предательстве и обмане, как будто другой всегда хочет меня обмануть или уже это делает, и весь инстинкт и характер становятся на эту сторону.

Фантазия в том, что партнер уйдет, обманет меня, потому что на самом деле он в меня не влюблен.

ЛЕОНОР

Снова появляется обесценивание и избегание страха, в данном случае страха покинутости, через недоверие, которое ставит его в позицию власти, а не уязвимости:

Тут я становлюсь недоверчивой, реактивной, жесткой и давлю на нее, потому что во мне есть иррациональная идея, что если я буду ее держать и давить, она не сможет уйти. Очевидно, что в итоге я ее просто удушаю.

ЛЕОНОР

В отношениях с партнером или в близких связях, когда был получен вред, боль, или когда человек этого характера чувствует себя фрустрированным или преданным, он почти мгновенно будет фантазировать о мести тому, кто это причинил.

Это нарциссический характер в архетипическом смысле слова, поэтому появляются фантазии, где они знают, что они лучше, уникальны, иногда как будто то, что они говорят, является человеческой истиной.

Такое вмешательство как терапевта наверняка никто другой сделать не может. Только ты. Это очень нарциссическая часть, голос, который постоянно возвращает мне то, как хорошо я все делаю, какая я хорошая.

ЛЕОНОР

Такого рода фантазии мешают человеку войти в контакт с неуверенностью, с сомнением или, снова, с уязвимостью. Также такого рода фантазии связаны с подтипом: оставить неизгладимый след в другом человеке.

Такой неизгладимый, что мы даже сможем снова встретиться и узнать друг друга жизнь за жизнью, как если бы можно было переплести наши души за пределами этого существования.

ЛЕОНОР

Появляется много фантазий, где они дерутся и показывают силу, особенно когда чувствуют гнев, бессилие или боль. Фантазии, где они делают что-то плохое, и их задерживают или сажают в тюрьму, избегая таким образом контакта с виной и идя напрямик к наказанию. Последние также связаны с верой в то, что они плохие или в них есть что-то плохое.

Воображение и фантазия в целом обычно недоступны для людей этого характера, поскольку это заставило бы их признать существование мира, не являющегося непосредственно «видимым», таинственного мира, который невозможно контролировать. Это поставило бы их в небезопасное положение, которое они не могут выдержать, к тому же тайна сама по себе не поддается ничьему контролю. Следствием является то, что очень рано они могут потерять креативность, будучи слишком связанными с конкретным, осязаемым и тем, за что можно уцепиться. Слишком сильная привязанность к образу могущественного и решительного, чтобы осмелиться отдаться фантазиям.

6. ДЕТСТВО

Автор: Хесус Перес Хорхе, при участии группы

Характер похотливого типа фиксируется в генитальной фазе, последней из стадий детского развития, то есть примерно между тремя с половиной и семью годами. Пройдя все предыдущие фазы, эта стадия характеризуется потребностью ребенка найти признание себя как независимого существа, обрести место силы, как в семье, так и в обществе.

Хотя этот характер фиксируется в генитальной фазе, существуют также частичные регрессивные движения, которые структурируют психоэмоциональные и телесные защиты, соответствующие другим, более ранним фазам. К моменту достижения генитальной фазы такие аспекты, как нежность, контакт со своими нехватками и потребностями, постепенно засыпают, что в конечном итоге становится частью его самых существенных потерь для преодоления последующих этапов жизни.

Как мы видим, цена достижения генитальной фазы высока и включает в себя построение психической защиты отрицания, желание мести, недостаток собственного нежного контакта и путаницу и компульсивность в сексуальности, среди прочих характерологических «подарков». В жертву на этом пути приносятся эмоциональный контакт, невинность, нежность и уязвимость.

Как правило, в этом сексуальном подтипе, который является самым эмоциональным из трех похотливых типов, все участники рабочей группы, созданной для написания этой книги, осознают наличие важного и богатого контакта с эмоциональностью в раннем возрасте, который постепенно был вытеснен на более глубокие, даже забытые уровни по мере того, как происходили конкретные столкновения, формировавшие характер. Этот контакт с эмоциональностью уступал место выученным защитным моделям поведения, направленным как на защиту своей нежной стороны, так и эмоциональной, перед лицом восприятия внешней враждебности.

У этого подтипа фиксация на собственничестве — это осадок, оставшийся как невротическая форма. Другими словами, со стороны родителей не было нежного контакта, это была скорее навязчивая и запутанная форма отношений, воспринимаемая в какой-то мере как злоупотребление. И именно так возникает путаница между эротическим возбуждением и самой сексуальностью. Таким образом, обладание становится замещающим способом, который находит ребенок, чтобы удовлетворить свою потребность в любящем и принимающем контакте, когда на самом деле за этим скрывается недоверие к самоотдаче, к взаимности, к заботе и любви.

Когда человек похотливого характера сексуального подтипа рассказывает о своем детском опыте, самое частое слово — выживание. Выживание быстро становится насущной и необходимой потребностью, вопросом жизненной важности почти с момента рождения. Будь то из-за восприятия враждебной среды или насилия в семье (физического, сексуального и/или вербального), или потому что нет уверенности в том, что тот, кто должен заботиться, делает это должным образом.

Наш дом вибрировал от интенсивности: объятия могли растопить тебя, но и пощечина тоже. Наше детство было полно криков, брошенных вещей и ударов. Затем — извинения, слезы и поцелуи. Любовь и боль танцевали вместе, как туго сплетенные лианы. Я с ранних лет усвоила, что любовь причиняет боль, и чтобы быть в безопасности, нужно доминировать. Это стало моей моделью для подражания.

ГАЛИНА

Наша игра была заданием: работать в поле, ухаживать за животными, готовить, убирать. Любовь измерялась работой. Усердно работать означало, что тебя не побьют. В отличие от просмотра мультиков, за который можно было получить пощечину за лень. Я была маленькой, но сильной. Я носила не просто дрова: я несла ответственность. Мы с сестрой были работающими девочками из любви и ради выживания.

ГАЛИНА

С самого раннего возраста ребенок понимает, что быть сильным — единственный путь вперед: жизнь — это территория, где ты либо борешься, либо умираешь.

Нередко люди этого характера переживали сложные роды, в которых пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы родиться или остаться в живых, или имели схожий опыт в преоральной фазе (от нуля до трех месяцев). Возможно, это опыт, который, если рассматривать его символически, определил способ бытия и поведения в жизни: полный усилий, с чувством покинутости или смертельной опасности.

Не считая, что такой тип родов является причиной формирования характера, мы можем понимать его как символический опыт того, каким впоследствии было детство ребенка: полным усилий, с чувством покинутости и опасности для жизни.

Во время родов, так как я не выходила, моей матери собирались делать кесарево сечение. Ее усыпили, хотя в итоге меня извлекли щипцами. Я чувствовала, что умираю, и что мне пришлось прийти в эту жизнь, борясь. И когда я родилась, для меня никого не было, так как она спала и не могла меня принять.

ЛЕОНОР

Мою мать привязали к кровати за руки и за ноги. Ей били по животу, чтобы я вышел головой вперед. В итоге я родился с помощью щипцов, и моя мать сказала мне, что я начал плакать еще находясь в ее утробе.

ЖЕРАР

Мои роды затянулись, моя мать была уже истощена, поэтому мне пришлось делать всю работу. Так что, когда я родился, я был синего цвета, а рот и тело были покрыты пеной от усилий.

ХЕСУС П.

По мере развития, начинаются переживания, которые формируют характер. На первых порах ребенок осознает, что место и люди, в которых он нуждается и от которых зависит, которые должны быть самыми безопасными и принимающими, на самом деле являются угрожающими и опасными. Сцены, где халатность или агрессивность взрослого становятся карательными, когда на самом деле потребность ребенка была противоположной: в защите, поддержке и нежном принятии.

Я сломала ногу в трех местах, и она была сломана пятнадцать дней, потому что мой отец говорил, что это ничего страшного.

ДЖОВАННА

Я сломал нос и руку при падении, когда мне было около шести лет. Когда я пришел домой, первое, что сделал мой отец, — ударил меня.

ХЕСУС П.

Одна девочка меня ударила, и в этот момент я увидела вдалеке своего отца, идущего с работы. Я побежала к нему, чтобы рассказать, что случилось, и он ударил меня за то, что я не смогла себя защитить.

КАРМЕН

Это формирует характер, который становится все более жестким. Детская часть, со всей ее нежностью, невинностью и эмоциональностью, погребается под поведением, окрашенным в тона самозащиты, самоуправления или отстранения от определенных аспектов, которые могут стать объектом нападок или насмешек. Демонстрация силы и власти — единственный выход из пережитого насилия, что приводит к тому, что с раннего возраста наблюдаются такие установки, как соперничество, доминирование и мстительность.

Жизнь уже понимается как враждебные джунгли, где хищник пожирает добычу, а быть добычей — не вариант, поэтому главное — избежать возможной уязвимости перед лицом окружения. В частности, этот подтип делает

экспозиционизм способом показать себя угрожающим, а также средством скрыть боль, стыд и невыносимое состояние растерянности, которые считаются признаками слабости.

Демонстрация сильной, высокомерной и могущественной части — это способ отразить возможную внешнюю враждебность.

Мой отец хотел бросить стекло в мою мать и сестру. Сначала я сказал им уйти, а потом, когда они были в безопасности, я уже сам противостоял ему.

КАРМЕН

Когда мы с братом дрались, мой отец угрожающе говорил нам, что даст нам «плюху» (пощечину). Я говорил своему брату: да, шоколадную. Так я снимал его тревогу (и свою), думая: если он кого-то и ударит, то пусть это буду я.

ХЕСУС П.

Я провоцировал мать, чтобы она меня била, чтобы она меня видела, пусть даже через побои.

ХЕСУС С.

В свете этих событий ребенок начинает проявлять большее стремление к изоляции и одиночеству, где он может найти уголок покоя, расслабления и иметь свое собственное и безопасное пространство. Место, далекое от возможности быть атакованным, от насилия и от изнурения, которое влечет за собой готовность к реакции на него.

В противовес этому, когда нужно выходить в мир и общаться, ребенок учится вооружаться всем снаряжением силы, уверенности и интенсивности, которое ему необходимо, чтобы противостоять миру, в котором царит враждебность, где опасности подстерегают и с ними нужно бороться. Там, где слабые сдаются, он стремится показать дополнительную свирепость, которая на самом деле скрывает и отсекает внутреннюю реальность, где также много страха.

Все участники осознают наличие точного события в детстве, когда ребенок больше не будет терпеть агрессивное или жестокое поведение и напрямую противостоит взрослому, считающемуся агрессором. Здесь высвобождается внутренняя, реактивная и интенсивная сила, которая вырывается в виде защиты с непомерной мощью, очень агрессивно и всемогуще. Как если бы мы говорили агрессору: «Убей меня, или я убью тебя».

Это детская сцена, где по каким-либо причинам нам нужен родитель, который позаботится о нас, окажет любящую поддержку в ситуации уязвимости, а вместо этого мы получаем отсутствие заботы, враждебность и/или агрессию.

Появляются мысли вроде: «Больше он никогда так со мной не поступит», «Больше никогда я не покажу уязвимость» или «Я один в этой жизни».

От испуга, увидев кричащего отца из-за чего-то, что ему рассказала обо мне мать, я обмочился. Моя мать смеялась, я помню ее садистский, террористический взгляд. Тогда я сказал себе: здесь (в жизни) я один.

ХЕСУС С.

[Моей матери:] Что бы ты ни делала, ты не можешь меня убить.

ИРЕНЕ

Когда мне было около трех лет, мне делали операцию по удалению кисты в горле. Мне сделали местную анестезию, и мой отец пообещал, что мне не будет больно. Но мне было больно, потому что, думаю, что-то пошло не так с анестезией, и я помню, как он держал меня, чтобы я не двигался. Для меня это было настоящим предательством. Думаю, с того момента я как бы вычеркнул его из своей эмоциональной жизни, его и, думаю, также всех остальных мужчин.

ЛЕОНОР

Если у меня был кашель, я делал все возможное, чтобы не кашлять. А если меня рвало, я бежал убирать, чтобы меня не увидели. Всего этого как бы не было, было хуже сказать родителям, чем справиться самому. Я не мог позволить себе проявлять такую слабость.

ХЕСУС П.

Мы осознаем наличие ключевого, переломного момента в отношениях с одним или обоими родителями, и именно в нем признается слабость, провал взрослого-агрессора (который может совпадать с тем, кого больше всего восхищали и любили). Происходит внутренняя ассоциация, что именно демонстрация силы делает нас неуязвимыми и, следовательно, предотвращает

новые нападения. Как только эта нехватка замечена, как будто внутренне позиция ребенка (фигуры в подчинении) больше никогда не принимается. «Теперь ты слабак, а я им больше никогда не буду».

Я бросал вызов своей матери, противостоял ей. Я благодарил ее снова и снова, пока она била меня и била. Она говорила мне: ползи, я хочу, чтобы ты полз... и тогда я отключался, чтобы не чувствовать физической боли. Что бы она ни делала, она не могла меня убить, я был несокрушим. Но потом я уже не мог снова подключиться. На самом деле, я искал это отключение, в нем я был силен, неуязвим.

ЖЕРАР

Моя бесчувственность была натренирована. Я повторял себе снова и снова: я сделаю лучше, я не буду чувствовать. Я сделаю лучше, я не буду чувствовать... Пока однажды, в одиннадцать лет, отец сильно меня избил, и в тот день я действительно перестал чувствовать. Я добился этого. На каждый удар я улыбался, и он смотрел на меня, как на дьявола. И я чувствовал себя дьяволом. В конце концов он устал и спросил меня: «Ну что, хватит?». Я только с презрением посмотрел на него. Я чувствовал всю свою внутреннюю силу, думая: «Больше никогда». Так я научился не чувствовать. Мне нужно было не чувствовать. Моя бесчувственность была создана.

ДЖОВАННА

Скрытая сторона всей этой защиты основана на грубой силе, отрицании или самоубеждении во всемогуществе. Это и есть великое ожесточение, опора на собственное достижение — не чувствовать ничего — как компенсаторный выход, чтобы не сталкиваться с болью, разочарованием и полученным унижением. Тем временем страх и грусть заключаются во все более глубокие слои, доходя даже до полного отрицания.

Все это впоследствии проявляется в потребности и, следовательно, в поиске интенсивности, чтобы что-то почувствовать, почувствовать собственную жизнь внутри. Порог становится настолько высоким, что тонкие или поверхностные ощущения не проникают; поэтому, даже через физическую боль, ищутся сильные, интенсивные эмоции, которые взрослым могут считаться вызывающими. Что, в свою очередь, может снова привести к наказанию или к установлению дистанции в эмоциональной поддержке, которая на самом деле является скрытым под этим стремлением.

Весь описанный до сих пор опыт боли, незащищенности, предательства, ненависти и страха — это события, которые не проходят бесследно. Это счет, который ребенок уже ищет, кто оплатит. Махинации мести в детстве настолько сильны, что уже у ребенка возникает идея однажды убить одного или обоих родителей, будь то буквально или символически, замаскированно под поведением, таким как презрение, игнорирование или стремление быть лучше отца или матери (и идентичные установки по отношению к фигурам личной или профессиональной власти, которые появятся на протяжении жизни).

Эта фантазия очень сильна и становится очень реальной. Боль настолько велика, что, кажется, она найдет свое искупление только тогда, когда будет свергнут (убит, на том или ином, более или менее бессознательном уровне) тот, кто ее причинил. Конечно, это компенсаторный способ не оставаться в роли жертвы или уязвимого. Вера в то, что, устранив эту фигуру, воспринимаемую как тираническую и обесценивающую, мы вернем себе достойную жизнь.

*Я с детства продумывал, как убью и похороню свою
мать. ЖЕРАР*

Мой отец схватил меня за ухо перед моими друзьями и протащил несколько метров по воздуху. Позже, в машине, плача от бессилия, я подумал: если он еще раз меня тронет, я его убью. С тех пор я думал о многих способах его убить.

ХЕСУС П.

В тени этой фантазии об убийстве скрывается сильное желание умереть. Умереть как единственное убежище не только для того, чтобы причинить боль и отомстить за свою, но и для того, чтобы найти хоть какой-то покой, который освободит от стольких страданий; способ уйти и проверить, есть ли за всей этой болью хоть капля любви, контакта с жизнью.

Вся враждебная, жестокая и доминирующая позиция, проявляемая по отношению к родителям, разрастается как способ продолжать относиться к себе внутренне и относиться к другим близким людям, как если бы агрессивность кристаллизовалась не только как защита от злоупотреблений, но и как способ существования и взаимоотношений с другими как выражение любви.

Характерно стремление ускорить время, чтобы как можно скорее повзрослеть и таким образом достичь самодостаточности и силы взрослого. Вследствие этого самые благородные и невинные аспекты внутреннего мира ребенка ломаются,

рушатся и отрицаются, уступая место таким, как бунтарство и месть, которые в конечном итоге станут характерологическими фиксациями.

Моя мать загнала меня в угол и начала бить палкой. Тогда я выхватил у нее палку и сказал: «Хватит, ты меня больше никогда не ударишь». Она посмотрела на меня и улыбнулась, без слов. Тогда я начал делать это с самим собой, у меня внутри уже появился тюремщик.

ХЕСУС С.

Мы бьем людей, которых больше всего любим. Хотя мне и больно, но это для того, чтобы они стали сильными, закалились, потому что я их люблю и не хочу, чтобы они были слабыми. Я бью тебя, чтобы тебя не ударил другой. Мы делаем то, что делали с нами. Мы становимся жестокими, такими же или даже больше, чем были с нами.

НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК

Несмотря на компенсаторное восстановление через высокомерную позицию и силу и интенсивность, которые, кажется, могут все и выглядят сверхчеловеческими, внутри есть сломленная часть. За этим ожесточением скрывается интериоризированное переживание того, что ты плохой ребенок, недостойный любить и быть любимым. Мы снова и снова доводим до предела ситуации и людей, которые рядом с нами, только чтобы проверить, выгонят ли они нас или мы достойны любви.

Потому что вещи причиняют мне такую боль, я знаю, что у меня много любви.

ДЖОВАННА

Я чувствую себя как пес Божий: я остаюсь у двери. Так у меня есть место, позиция. И по крайней мере, если я пес Божий, я не раненый ребенок.

ЖЕРАР

Болезненна именно связь с любовью. Это мне больно, это очень тяжело. Я причиняю страдания своим пониманием любви, пример, который у меня был, был очень печальным.

ХЕСУС С.

Детство — это период грусти и боли, спрятанных очень глубоко, которые были преодолены с помощью интенсивности, ожесточения и силы. Но в глубине души есть большой страх снова чувствовать, выражать эмоции, потому что, если открыть эту дверь, кажется, что откроется бездонный колодец.

7. ПЕРСОНА И ТЕНЬ: ДЕСТРУКТИВНОЕ ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ ДРУГИХ

Автор: Ирене Байон, при участии группы

Тень энеатипа 8 парадоксальна, так как скрывает именно то, что другие энеатипы считают достоинствами и качествами. Похотливый тип, особенно в своей сексуальной версии, ассоциируется с персонажем «плохого» или «плохой» и наслаждается демонстрацией этого образа, открыто кичась своей жесткостью, бесчувственностью и совершенными им дикостями. В то время как другие характеры скрывают свою агрессивность или самые примитивные импульсы, Восьмерка выставляет их напоказ как знамя: власть, насилие и сила — это атрибуты, которые она беззастенчиво заявляет, скрывая противоположное, то, что она воспринимает как слабость.

Если мы рассматриваем тень как то, что характер скрывает, то у характера Восьмерки речь пойдет об эмоциональных качествах, таких как уязвимость,

хрупкость, чувствительность, страх, зависть, грусть и зависимость. Для этих людей потребность в другом сосредоточена почти исключительно на партнере, отсюда и собственничество, и характерная для этого энеатипа невротическая потребность, как мы могли видеть во второй главе. С собственничеством связана и отрицание своей собственной потребности и зависимости, потому что, хотя он и говорит обратное и даже кажется очень свободным, это зависимый характер.

Именно эта эмоциональная зависимость и заставляет его проявлять со своим партнером насилие, жесткость и отстраненность; все необходимое, чтобы не быть покинутым и не признавать эту потребность, ни перед другим, ни перед самим собой.

Зависимость, столкновение с ней, проявление зависимости, примирение с ней, борьба, отдача ей, бунт, принятие, снова отвращение к себе за то, что я такая, и, в конце концов, осознание того, что нельзя сделать ничего больше, кроме как принять себя зависимой, — это, без сомнения, был для меня путь глубокой трансформации. Это позволило мне увидеть других и себя в потребности в другом как нечто человеческое, а не как слабость.

ИРЕНЕ

За собственничеством стоит страх остаться одному, страх нуждаться в ней, страх потерять ее, страх выразить свой страх.

БИТТОР

Мы можем наблюдать, как потребность в другом является спусковым крючком, как мы уже говорили ранее, для насилия, собственничества и отстраненности. Она также вызывает уязвимость, хрупкость и слабость. Чувства, которые проявляются в интимной обстановке, с партнером, с желанием быть принятым со всем, в детском стремлении быть любимым и поддержанным.

С партнерами я чувствую, что могу проявлять собственничество, и ты не можешь уйти. Я манипулирую

человеком, чтобы он оказался в том положении, где сможет меня принять, потому что в глубине души я чувствую, что во мне есть что-то неприемлемое. Поэтому, если я завладею другим человеком, я смогу получить то, что хочу, а в глубине души это — нежность, ласка.

ЖЕРАР

В детстве зависимость абсолютна: чем мы младше, тем мы уязвимее и зависимее. Детство сексуального характера Восьмерки не было уважаемым, следовательно, не уважалась и зависимость; законная потребность в другом блистала своим отсутствием в детстве, где царили жестокие, алкоголизированные или покинувшие родители. Или родители, которые, даже при желании присутствовать, не умели устанавливать необходимые границы, снова вызывая ощущение покинутости и предоставленности самим себе в детстве.

Хотя мои родители были рядом, я чувствовала, что не могу на них положиться, что они не могут меня защитить. Так что я могла положиться только на себя.

ЛЕОНОР

Ты идешь к матери, матери нет, значит, я не буду достоин любви. Ты идешь к отцу, отца нет, значит, я не буду достоин быть ведомым, и начинают появляться твои собственные убеждения. Я вижу, что в основе лежит паника, паника плакать над раной от того, что ты идешь к груди, чтобы опереться, а ее нет, и паника плакать от боли, которую ты чувствуешь, когда идешь к жизненному проводнику, а проводника нет. И паника плакать, снова стать ребенком. Здесь сильная боль сироты. Это травма, продолжающаяся во времени, так как же ты потом прильнешь к другой груди, если не было материнской.

БИТТОР

Зависимость тогда становится признаком слабости, и не только это, но даже и вымышленной идеей, чем-то невозможным, чем-то похожим на то, что

происходит с любовью. Любое чувство, вызывающее это ощущение слабости, уничтожается через механизм отрицания.

На самом деле, одним из защитных механизмов этого энеатипа является отрицание, и хотя для других очевидно, что они чувствуют зависть, боль или неуверенность, люди этого характера убеждают себя, что это не так.

Сексуальный характер Восьмерки будет казаться миру очаровательным, настолько, насколько это необходимо, чтобы доминировать над ситуацией, как сильный, уверенный, способный, бесстрашный, бесчувственный. Однако в отношениях с партнером или в очень близких отношениях — со своими детьми, родителями или очень близкими друзьями — сексуальная Восьмерка может проявлять себя уязвимым, любящим, чувствительным. Для людей этого энеатипа неизбежно чувствовать за каждым из вышеперечисленных прилагательных слово «слабость», как будто в голове звенит сигнал тревоги: «Осторожно, так ты подставляешься».

В отношениях с партнером, который, как мы уже говорили, является главным фокусом внимания, сексуальный характер Восьмерки может быть нежным, открытым, мягким, грустным, может опереться на другого, а также, находясь в этом состоянии, может проявить себя бунтарским, циничным, жестоким или агрессивным, если партнер «не на высоте такой самоотдачи». Существует бесконечное требование внимания от другого, которое не всегда проявляется открыто и маскируется под вид свободы для себя и «для других», хотя всегда под его контролем, под всей этой демонстрацией защиты, под предложением и требованием безграничной верности. За агрессивностью и отстраненностью скрывается требование и стремление быть принятым и принадлежать другому.

Если партнер не отвечает этим ожиданиям, этой верности, этой постоянной доступности, начинается другая тень этого подтипа, который, как мы уже говорили, в обществе кажется очаровательным. Начинается наказание через «требование правды»: что-то вроде того, чтобы другой признал, что то, что я говорю, — это правда, правда, которая обычно скрывает требование, вероятно, связанное с верностью или доступностью другого.

Мой муж говорит мне, что платит очень высокую цену за то, чтобы быть любимым мной, потому что иметь мою любовь — значит следовать моей правде.

ДЖОВАННА

Если ссора продолжается и наступает бессилие, вспыхивает насилие. Это, как также говорил Клаудио Наранхо, подтип, наиболее далекий от интеллектуального, что не означает, что они неумны, а то, что, дойдя до определенной точки, они больше не думают. Если это происходит в ссоре, бессилие наступает быстро, а с ним, как мы говорили ранее, насилие, уход, цинизм, своего рода «наказание в спальне». Таким образом, все насилие приберегается для интимной среды: партнера или семьи.

Хотя уязвимость является частью тени характера, если она проявляется, обычно есть «цена, которую платит» другой. Существует настоящая трудность в том, чтобы показать это и оставаться в объятиях другого, хотя это и очень приятное ощущение.

Я был в Леоне, в поездке с женой, и она говорила, что ценит возможность держать меня в своих объятиях и то, что я позволяю себя гладить; как будто она знает — а я, должно быть, делаю все, чтобы она это знала, — что это то, чего я не делаю, не показываю уязвимость, и что делать это — ценно. Я задаюсь вопросом, должно ли это быть так, то есть, мы все уязвимы, не должно же быть привилегией для другого то, что мы так себя показываем, не так ли?

ИРЕНЕ

Нежность также принадлежит тени характера. Он может быть нежным в интимных ситуациях, в связях, которые он считает безопасными, и в отношениях, где он чувствует, что у него есть власть. В отношениях с детьми или животными, для него истинно уязвимыми существами, может проявиться нежность, хотя сострадание, более сложную для этого характера эмоцию, ему почувствовать труднее.

Нежность и хрупкость также отрицаются, хотя, когда они начинают терапевтический путь, им обычно очень целительно показывать эту хрупкость перед другими людьми в групповой работе. Хрупкость также присутствует в других эмоциональных состояниях, таких как уязвимость, зависимость, требование подтверждения или, например, зависимости. Последнее также

остается в тени характера, причем зависимость является материальным проявлением зависимости, но только если он сможет признаться себе, что он зависим от какого-либо вещества. Когда это происходит, да, возможно соприкоснуться с ощущением хрупкости и слабости.

Я чувствовал, что любовь есть у женщины, а мне нужна была любовь; я не чувствовал, что у меня есть любовь; я чувствовал, что нежность есть у кого-то, но не у меня. Я искал нежность в женщине. Я искал кого-то, кто бы меня любил, в те моменты, когда я чувствовал себя псом, мне нужно было, чтобы этот человек вернул мне образ того, что я не пес. Я не был способен сказать себе «ты не пес»... Я терапевт и веду людей к нежности и любви, но потом, когда сеанс заканчивается, я остаюсь один.

ЖЕРАР

Однажды, после инцидента во время очередной драки, который оставил меня на костылях на шесть месяцев, я была вынуждена столкнуться с правдой: это не было любовью, и эта жизнь не была нормальной. Если я не найду способ порвать со своими паттернами, они в конечном итоге меня уничтожат. Я начала искать кого-то, кто наконец успокоит бурю, которую я чувствовала внутри.

ГАЛИНА

Характер 8 сексуального подтипа предстает бунтарем, самым бунтарским из всех Восьмерок: это то, что он показывает. Однако, если сексуальная Восьмерка может доверять авторитету, она также может отдаться; не из больной верности, а из истинного доверия к учителю или учительнице. И из этого доверия она способна проявлять послушание и доверие.

Однажды я сказал своему учителю: «Ни Бога, ни господина, неповиновение государству». Он посмотрел на меня и сказал: «Это трагедия». И это было так. У меня не было никого, на кого можно было бы опереться, некого было слушать, некому было доверять, никого, в конце концов.

ИРЕНЕ

Я ни черта не знаю, я совершенно потерял; я все делаю по чистой интуиции; бью, царапаю... Так что, не знаю. Я желаю, чтобы кто-то меня научил, чтобы пришел учитель и сказал мне: «Стой здесь».

ЖЕРАР

Доброта — это добродетель, которая обычно остается в тени характера. Сексуальная Восьмерка может быть очаровательным человеком, как мы уже говорили, и щедрым. У него также может быть доброе сердце, что часто подчеркивают люди из его близкого круга. Это доброта, которая иногда облекается в жесткость или определенный истерический шарм, который может граничить с нарциссизмом и хвастовством, так же, как и с чувством справедливости. Под последним может скрываться боль от раны исключения, фундаментальной раны этого характера.

Стремление к принадлежности также относится к тени характера. В тени также находятся страх, зависть, неуверенность, неловкость или слабость. Человек сексуальной Восьмерки всегда предстает как бесстрашный, удовлетворенный или на пути к удовлетворению, уверенный и способный, сильный и смелый. Но переживание эмоций, названных в начале этого абзаца, присутствует; дело в том, что оно не признается. Эти эмоции скрываются, так как они могут привести к параличу или слабости; поэтому они должны оставаться очень скрытыми, похороненными глубоко внутри.

Это парализующие чувства, а Восьмерка — характер действия. Кроме того, это чувства, которые могут помешать демонстрации власти, поэтому они отрицаются или преобразуются в установки, которые кажутся противоположными внутреннему переживанию. Например, вовне показывается антисоциальность, но на самом деле есть страх и социальная фобия. То же самое происходит с завистью: она проявляется в форме презрения к тому, у кого есть желаемое. Также со слабостью, до такой степени, что ошибка превращается в добродетель. Это очень тонкая практика, но она работает на то же самое: скрыть все, что может ослабить человека.

Вина — это также отрицаемое чувство, с которым почти нет контакта. Это чувство, от которого убегают, так как пребывание в нем предполагает сопереживание другому или осознание причиняемого ему вреда. Но это также чувство, которое лишает его власти над любой ситуацией или человеком, а также над самим собой.

У меня есть власть, и власть для меня очень физическая; моя власть связана с обладанием плотью... Я помню, что был ответственен за своих младших братьев, будучи сам ребенком. Я их бил, чтобы они сидели смирно, потому что казалось, что они могут убежать и потеряться, и я буду чувствовать себя виноватым, поэтому я держал их очень крепко: «Не двигайся отсюда». Я не хотел чувствовать себя виноватым.

ЖЕРАР

Можно попросить прощения, но оставаться в вине — нет. Переживание больше связано с ответственностью за поступки, чем с виной; эта ответственность может быть более или менее глубокой. Эта глубина связана с тем, как долго человек характера сексуальной Восьмерки позволяет себе быть в контакте с виной. Контакт с виной за причиненный другому вред — это то, что может вызвать у сексуальной Восьмерки определенную эмпатию к другому, увидеть в нем человека. И из этой эмпатии можно перестать хотеть им обладать, так как начинает появляться осознание того, что другой — это человек, а не вещь.

Мы называли чувство исключения фундаментальной раной в биографиях людей характера Восьмерки. У сексуального подтипа это стремление к принадлежности проецируется на партнера. Видимое — это обладание партнером, которое может проявляться по-разному. В тени — стремление к слиянию, к принадлежности, к тому, чтобы быть одним целым. На свету — контроль, желание обладать и все инструменты, которые используются для этого обладания, всегда в пользу доминирования; в тени — нежность и уязвимость, отдача в интимной близости другому, мягкость и даже сладость. Также в тени есть романтизм, хотя люди этого характера больше кичатся фетишизмом.

Что касается деструктивного для самих себя, то это эмоциональная жесткость характера. Стремление быть сильными, смелыми делает их бесчувственными,

циничными, жестокими, бунтарскими, антисоциальными, недоверчивыми, оставляя людей этого характера в ситуации повторяющегося одиночества на протяжении всей жизни и с постоянным ощущением исключенности; исключенности, которую они пытаются решить, именно обладая партнером.

Ожесточение делает их бесчувственными. Это ожесточение для защиты от переживания большой чувствительности в детстве и большой боли.

В детстве я был суперчувствительным, на самом деле все причиняло мне такую боль, что я стал бесчувственным, чтобы мне перестало быть больно.

БИТТОР

Чувствительность также принадлежит тени. Расчувствоваться от фильма, растрогаться от повседневной сцены или от того, что тебе кто-то рассказывает, — это ситуации, которые снова ставят человека в уязвимое положение. Одним из последствий личной работы является восстановление связи с этой чувствительной частью.

Это ожесточение и обесчувствливание, этот цинизм ставят жизнь на службу конкретному: верится только в то, что видишь. Вера в любовь — это то, что также принадлежит тени. В нее можно поверить, также с работой, и почти всегда опираясь на конкретные факты, хотя почувствовать тонкость любви — это совсем другое дело.

Деструктивное для себя у людей этого эннеатипа связано с обесцениванием того, что мы можем назвать тонкими энергиями, такими как любовь. Существует обесчувствливание тела, которое связано с ожесточением, как эмоциональным, так и физическим. Тело ожесточается, чтобы не чувствовать боли, усталости или стресса, ощущений, которые избегаются, потому что они снова приводят человека в состояние «слабости». Таким образом, незаметно для себя, они причиняют себе вред, который оказывается саморазрушительным.

На одной из встреч, проведенных для подготовки этой книги, произошел значимый в этом смысле случай. Когда участники делились тем, какова сексуальная Восьмерка в любви, они смеялись и комментировали, что лучше найти партнера до публикации книги, потому что потом, когда их тени будут

раскрыты, это будет очень сложно. По этому поводу на этой встрече Мюриэль Монди сказала: «Мы настолько чудовищны, что способны смеяться над собственными чудовищностями».

8. Любовь

Авторы: М. Кармен Буэно Карденас и Хесус Перес Хорхе, при участии группы

Любовь — это туман, который сгорает с первым лучом света реальности.

ЧАРЛЬЗ БУКОВСКИ

Обсуждение вопросов такого уровня интимности и откровенности, особенно на такую центральную и в то же время закрытую для частной жизни тему, пробуждает страх показаться слабым и, следовательно, уязвимым. И дело в том, что любовь — один из самых сложных, с точки зрения характера, аспектов для сексуального Э8.

Поэтому любовь и все, что с ней связано, остаются в рамках строжайшего доверия и конфиденциальности внутри отношений. Демонстрация романтизма и тех форм, которые считаются «сентиментальными», скрытых за маской силы, грубости и уверенности, вместе со страхом быть преданным и выставленным напоказ перед другими, как это уже случалось в детстве, ставит сексуального Э8 в крайне заметное и, следовательно, опасное положение уязвимости: с реальной возможностью быть раненым именно там, где он поклялся больше никогда не быть задетым.

Одна из самых больших трудностей — это доверие в отношениях. Любовная связь, которая интериоризирована у людей этого эннеатипа, тесно связана с насилием, недостатком внимания, покинутостью и отсутствием любящей заботы в детстве. Это приводит к тому, что никогда не кажется, что доверия достаточно, чтобы отдаться любви.

Этот характер нуждается в интенсивности, чтобы войти в контакт со своими чувствами. Трудно оставаться, когда этой интенсивности нет. Как только этот огонь, который ярко горит и быстро сгорает, угасает, появляется внутреннее отчуждение, оцепенение; в те моменты, когда окружение приглашает обратиться к себе, поддерживать отношения больше внутренние, чем внешние, возникает избегание стабильности и покоя, так как эти моменты кажутся ему пустыми и лишенными смысла. На самом деле за этим скрывается глубокая

экзистенциальная печаль, архаичный страх не заслуживать даже самого существования. Так проявляется трудность с любовью к себе.

Невротический способ любить другого человека у сексуальной Восьмерки в основном утилитарен: человек должен быть доступен безусловно, в то время как он или она заняты собой и своими потребностями. Отсюда и возникает, в глубине души, повторяющееся ощущение, что его на самом деле не желают и не любят.

По отношению к любимому человеку существует невротическая потребность в большом внимании и его взгляде. Нарциссическая потребность, которая может привести этот характер к пренебрежению или агрессии по отношению к тому, от кого требуется удовлетворение этого запроса.

Эта тенденция чувствовать себя сильным и контролирующим направлена не только на других, но и на собственные эмоции, стремясь, чтобы они выражались в основном как проявления силы и неуязвимости. Эти эмоциональные проявления стремятся вызвать своего рода восхищение у других, избегая таким образом восприятия себя как эмоционального человека, так как у этого характера эмоциональное ассоциируется со слабостью или нехваткой.

И дело в том, что в любви, как и в любом другом аспекте, он верит, что все можно достичь силой. Он всегда видит этот ресурс как возможный в мире, где сильный — тот, кто выигрывает битву (которая и есть сама жизнь).

В частности, этому подтипу нужен человек — предпочтительно партнер, хотя это может быть и друг, член семьи или кто-то близкий, — который станет абсолютно особенной и эксклюзивной связью, способной охватить всю его эмоциональную, инстинктивную и реляционную потребность. Человек абсолютного доверия, за которого он будет цепляться до крайности, даже до удушья, и от которого он может потребовать отдать ему все.

Это характер, отмеченный страхом быть преданным. Подозрительность и недоверие к возможному будущему предательству заставляют его постоянно устраивать «проверки на любовь». Проверки, которые, явно или неявно, предъявляются снова и снова, чтобы убедиться, что его любят и что другой человек остается верен связи.

Эти проверки становятся способом облегчить тревогу от повторения болезненного детского опыта. В то же время, этот опыт нужно подтвердить, чтобы оправдать свое распутное поведение, к которому он привязан. Таким образом, рано или поздно наступит проверка, которая не будет пройдена так, как он или она ожидает, и тогда он сможет убедить себя, что никто не является достаточно верным, что никто его не любит и не полюбит. Он даже сможет заключить, что не достоин любви. И с этой позиции он вернется на свой знакомый путь похоти, как способ мести миру, который он воспринимает как несправедливый и лишенный настоящей любви.

Я не верю, что меня могут любить, такого ублюдка, какой я есть. И отсюда и то, что я прошу много доказательств любви.

БИТТОР

У меня ощущение, что я не заслуживаю, чтобы меня любили. Я должна что-то делать. Меня поражает, что меня любят.

ЛЕОНОР

Партнер

Этот характер поглощающий и зависимый по отношению к партнерским отношениям: он требует от другого человека готовности удовлетворять его телом и душой и всегда, когда этого требуют его потребности или желания, так как он считает другого человека своей личной собственностью.

Когда я с партнером, я активизируюсь; у меня нет сил для себя, у меня нет такой амбиции, я делаю это, когда нужно что-то сделать для другого человека.

ЖЕРАР

Под видимостью борьбы за власть скрывается глубокая потребность и сильный страх показать уязвимость. Чтобы позволить себе эту отдачу, ему сначала нужно убедиться, что у него есть доминирование и контроль над человеком, в котором он жаждет найти опору, как бальзам для напряжения, которое порождает сокрытие столько раз раненной уязвимости. Недоверие, плод этой раны, может стать постоянным и принимать агрессивное выражение.

Часто, занимая позицию опекуна и защитника другого человека, он отвлекает внимание от своей собственной потребности быть защищенным и опекаемым. В начале отношений очарование, которым он окутывает другого человека, может маскировать его почти хищную жажду, свойственную похоти. Однако, когда начинают появляться фрустрации, границы или «нет» со стороны другого человека, проявляется агрессивность характера, неспособного терпеть отказ: тогда возникает требование предполагаемого права собственности на другого. Восприятие неверности оправдывает захват власти силой или самоснисходительную месть, под ложным убеждением, что так восстанавливается справедливое равновесие или, по крайней мере, избегается положение «поражения».

Я вкладываю много энергии в охоту, как только добыча поймана и я знаю, что мой партнер — мой, я расслабляюсь.

ЛЕОНОР

Когда я удовлетворяюсь сексуально с женщиной, я могу понять, чувствую ли я что-то или это было просто чистое желание. Если я что-то чувствую, я делаю ее своей, если нет, я уже завладел ею и могу идти своим путем.

ХЕСУС

В функционировании этого характера можно выделить две формы насилия. Первая — очевидная: явное насилие, всегда скрытое, которое может активироваться в любой момент. В реактивном порыве можно дойти до насилия — психологического или физического — как способа навязать свое желание другому, обозначая или, вернее, навязывая границу. Когда импульсивность перед лицом желаемого выходит из-под контроля, нет ни тормозов, ни морали, ни разума, которые бы ограничили его удовлетворение.

Вторая — это более тонкое и молчаливое насилие, которое действует в тени. Это скрытое, почти незаметное, но эффективное насилие: оно передается другому без слов, что беспокоить его — не лучшая идея. Этот характер, такой полярный, может быть очень спокойным в интимной обстановке, но, вероятно, он позаботился о том, чтобы вызвать достаточно уважения или страха, чтобы

убедиться, что его не потревожат. Эта форма насилия действует как основа отношений, чтобы другой человек понял, что моменты уединения священны.

Все это формирует жесткий, нетерпимый и навязывающий тип отношений. Кажется, он даже контролирует, когда он хочет «движения», а когда ему нужно, чтобы его не беспокоили. Так и поддерживается власть. По этой причине отношения никогда не бывают равными: другой человек считается собственностью, в то время как сексуальный Э8 воспринимает себя как автономного и независимого. По крайней мере, так он себе рассказывает.

Потому что на самом деле это глубоко зависимый от другого человека и от власти, которую он осуществляет над отношениями, характер, что служит ему для избегания контакта с собственной болью.

Партнер рассматривается как объект обладания: «он мой». Он решает за него: с кем он общается, когда выходит или входит, с кем... Кроме того, он ожидает, что тот всегда будет доступен для удовлетворения его потребностей, как физических, так и эмоциональных. Он даже предполагает, что партнер будет его предвосхищать, будет знать, что ему нужно, без необходимости просить.

Если этого не происходит, он может подумать, что это не тот человек.

Войти в контакт с собственной зависимостью и признать потребность в другом — это часть процесса роста и личной работы над характером. Пока этого не произойдет, если нет внешней жертвы — кого-то, на ком можно отыграть роль палача, — сексуальный Э8 может оказаться вынужденным признать, что он сам занимает место жертвы, позицию, которую он ни не принимает, ни не терпит, ни не готов занять.

Все участники группы, участвовавшей в разработке этой главы, сходятся в одном: мы не чувствуем себя достойными или заслуживающими любви за то, какие мы есть; мы верим, что именно наши действия заставляют нас ее завоевывать. Поэтому мы устраиваем проверки, чтобы убедиться, действительно ли нас любят и с нашей тенью.

В отношениях с партнером, и в других формах связи, отдача — это трудный и полный сопротивления опыт. Отдача не сработала с родителями, и характер, кажется, поклялся больше никогда не «проигрывать» эту партию и не подвергать себя снова боли, которую влечет за собой отдача.

Поэтому наличие пути к отступлению становится самым эффективным ресурсом для облегчения тревоги перед обязательствами и страха предательства. Этот путь к отступлению позволяет ему избежать контакта с возможной потерей, болью или ощущением покинутости или предательства.

Для этого энеатипа партнер — так же как и жизнь — это поле битвы, где есть только два варианта: выиграть или проиграть. И проиграть — не вариант.

Проиграть может означать быть преданным до того, как он сам успел предать.

Если в конечном итоге он чувствует себя в невыгодном положении или побежденным, появляется месть. Мечь, которая обещает, пусть даже это иллюзия, вернуть спокойствие внутренней боли, которая остается непризнанной. Так или иначе, партнер в итоге все это воспринимает, хотя и не всегда напрямую. От него требуется соблюдать неписаный кодекс абсолютной верности и подчинения власти, которую он осуществляет.

Скрытое послание, кажется, таково: «Если ты не оспариваешь мою власть и верен мне, я буду о тебе заботиться, и у тебя ни в чем не будет нужды», хотя это «ни в чем не будет нужды» больше относится к материальному и физическому плану, чем к эмоциональному.

В терапевтическом процессе или в других близких отношениях, будь то семейные или дружеские, существует своего рода молчание относительно интимной жизни с партнером. Об этом говорят только тогда, когда есть устоявшееся доверие с другим человеком или с терапевтом, или когда отношения уже разорваны или переживают труднопреодолимый кризис.

После непропорционального, грубого или агрессивного жеста обычно следует немедленное раскаяние или какой-либо исправительный жест. Этот механизм действует реактивно и бессознательно, как стратегия восстановления баланса сил. Именно тогда проглядывают, хотя и не признаются, зависимость и страх покинутости. Нежность окрашивается манипуляцией: новая проверка, чтобы убедиться, останется ли другой человек, несмотря ни на что. Так замыкается идеальный круг: партнер остается, собственные потребности ставятся в приоритет, а характер продолжает разворачивать свой невротический паттерн.

В эмоциональных отношениях

Если учесть антисоциальность характера, нетрудно представить, что это люди, склонные поддерживать мало отношений. Эта тенденция еще больше

усиливается у сексуального подтипа, особенно когда он в паре или в подобных эмоциональных отношениях. Партнер (или созданное семейное ядро) занимает большую часть его реляционной способности, оставляя мало места для других связей. Связи, которые он поддерживает вне пары, обычно очень конкретны, основаны на верности и близости, что позволяет ему чувствовать себя в безопасности.

У него выраженная склонность к изоляции, с сильной потребностью в одиночестве и уединении. Кроме того, не так много людей, с которыми ему нравится общаться или проводить время. Ему легко избегать любых отношений с людьми, которые ему неприятны; даже с родственниками он может поддерживать дистанцию, как будто никакой связи и нет.

Он не чувствует потребности в частом контакте или в регулярном проявлении привязанности. Однако в важных или трудных ситуациях он может полностью отдаться и быть доступным с полной самоотдачей, как будто превращаясь в спасательный корабль. Что оказывается сложнее — это поддерживать непрерывность или регулярность в связи. Он защищает близких перед лицом любых невзгод, но не культивирует постоянно отношения в повседневной жизни.

Проявления нежности или ласковые жесты остаются для интимной обстановки, единственного пространства, где он позволяет себе отбросить образ неуязвимости и грубости, чтобы отдаться романтизму, характерному для этого подтипа. В своем внутреннем мире он, на самом деле, ласков, привязан, зависим и нуждается в близости. Но наружу он защищается, демонстрируя сильный, независимый и защищающий образ, как будто ему самому не нужна защита.

Он любит очень физически и территориально, как пастух, который наблюдает и защищает свое стадо. Его поза, внимание на средней дистанции, наблюдение из тени или с периферии — это способы проявления его чувств.

В эмоциональных отношениях может случиться, в любой момент и почти как порыв ветра, что все построенное будет отброшено, чтобы броситься на поиски нового приключения. Часто он идеализирует и романтизирует новую связь, погружается в завоевание и, достигнув цели, повторяет паттерн: обладать и доминировать, чтобы удовлетворить свою потребность в интенсивности и

возбуждении, чтобы затем, рано или поздно, снова начать цикл с другим человеком. Эта динамика отражает попытку увековечить интенсивность, свойственную начальным фазам связи, избегая глубокого обязательства, которое требует построение стабильной близости.

Сексуальный Э8 нуждается в том, чтобы завладеть жизнью другого. Он может с головой броситься в отношения, перевернуть жизнь другого человека с помощью соблазнения, манипуляции и демонстрации власти, направленной на завоевание восхищения. Цель: сделать другого своим, и, как только это достигнуто, снова искать нарциссического самоудовлетворения.

С той же импульсивностью и реактивностью, с какой он входит, он также и выходит. Его взгляд направлен вовне, в постоянном поиске новизны или способов поддержания интенсивности в переживании жизни.

Нет необходимости в частом контакте или в чрезмерном проявлении привязанности. Однако, в важной или трудной ситуации он может полностью отдаться и быть доступным, как будто это спасательный корабль. Что оказывается сложнее — это поддерживать непрерывность в связи.

С этой позиции он очень защищает в отношениях. Если кому-то нужна помощь, или если случается что-то срочное или важное, его реакция может быть немедленной и решительной. Трудность возникает, когда речь идет о поддержании регулярной или постоянной связи. Как будто он защищает своих близких перед лицом любых невзгод или трудностей, но без постоянной заботы об отношениях в повседневной жизни.

Проявления нежности или ласковые жесты остаются для интимной обстановки; именно там он может позволить себе отбросить образ неуязвимости и грубоosti и дать волю романтизму, свойственному этому подтипу.

Новая глава в нашей жизни началась с рождением нашей дочери. Когда я родила и услышала ее первый крик, я впервые в жизни почувствовала эйфорию. С того момента я поняла, что такое настоящая любовь. Это не была война. Это не был адреналин. Это была уязвимая часть Бога в моих руках. Только тогда я поняла, что никогда не любила никого так глубоко и безусловно. До этого момента я только убеждала себя, что люблю глубоко и страстно, но это была интенсивность и бегство от

одиночества, а не любовь. Я никогда не знала такой безграничной и неопикуемой любви, как вселенная, пока не родила свою дочь.

ГАЛИНА

В его глубокой реальности это так: ласковый, привязанный, зависимый и нуждающийся в близости. Но наружу он старается, чтобы это не было слишком заметно; он кажется сильным, независимым и защищающим, как будто ему самому не нужна защита.

Он любит очень физически и территориально, как пастух, который заботится и наблюдает за своим стадом. Его поза, внимание, которое он уделяет с некоторого расстояния, из тени или с периферии... так он выражает то, что чувствует.

В отношениях, в любой момент, почти как порыв ветра, он может отбросить все построенное и уйти на поиски нового приключения. Тогда начинается романтизация и идеализация новой связи, которой он будет постепенно завладевать, чтобы удовлетворить интенсивность и возбуждение от новой «игрушки», пока, в конце концов, не уйдет, чтобы повторить тот же паттерн с другим человеком. Это способ попытаться увековечить интенсивность в отношениях, свойственную начальным фазам, избегая таким образом столкновения с трудностью обязательств в интимности, которая постепенно укрепляется.

Сексуальная Восьмерка нуждается в том, чтобы стать хозяином и владельцем жизни другого. Он может ворваться в отношения на всех парах, перевернуть жизнь другого человека с помощью соблазнения, манипуляции и завоевания его восхищения через демонстрацию власти. «Сделать своим» другого, чтобы, достигнув этого, снова искать нарциссического самоудовлетворения.

С той же импульсивностью и реактивностью, с какой он входит, он и выходит. Есть своего рода внешний поиск новизны или форм, которые придают интенсивность жизни.

С каждым изменением в моей жизни, как будто я начинал совершенно новую жизнь... как будто все предыдущее больше не годилось для моего настоящего.

Три вида любви

Клаудио Наранхо, в своем изложении о трех классических видах любви, отстаивал необходимость интеграции трех любовных форм, которые сосуществуют в каждом из нас, для достижения полного развития, связывая их с тремя внутренними измерениями любви. Эти три вида любви: эротическая любовь, больше связанная с ребенком и любовью к себе; любовь-сострадание, связанная с материнской частью; и любовь-восхищение, которая соответствовала бы отцовской фигуре. У сексуальной Восьмерки наблюдается избыток эроса, скудное присутствие любви-сострадания и полное отсутствие любви-восхищения, так как она восхищается только собой.

У этого характера абсолютно все может быть эротизировано, не только отношения с партнером или любовниками: дружба, ситуация, отношения с животным... К любой связи привносится эротический оттенок, в широком смысле. Невроз в эротической любви проявляется в использовании другого, в обладании им, в том, чтобы сделать его своим, сжать его, чтобы выжать и получить личное удовлетворение. Отношения основаны на такого рода генитальности. Существует искажение любви к себе, интерпретируемое как право на собственное удовлетворение, без учета другого и без осознания собственной потребности в близости. Это способ скрыть возможную восприимчивость к более нежному и ласковому контакту, которого боятся и желают в равной степени.

Форма, которую принимает доминирование над человеком или ситуацией, — это истерическое и злоупотребляющее поведение, которое часто скрывает внутреннее ощущение неловкости или стыда, которое ни в коем случае нельзя показывать. Это любовь, которая вызывает у него наибольший страх.

Мы идем к генитальности из-за трусости. Что мне чаще всего повторяли: я и представить не мог, что ты такой нежный и ласковый (в интимной обстановке).

БИТТОР

Все участники заявляют, что у них очень сильна любовь-сострадание и любящая часть; правда, с оговорками, проявляя ее только одному или очень немногим

людям, всегда абсолютно доверенным. Доверие, к которому они относятся с опаской, и которое, если оно предано, они немедленно отзывают. В детстве у нас был нежный контакт, который, в некотором роде, мы чувствуем преданным одним из наших родителей. Это тип любви, который мы ассоциируем с унижением.

В детстве я дарил цветы своей матери. Она же хвасталась тем, какая она мать. Это заставило меня перестать это делать.

ХЕСУС

Унижение, перенесенное в детстве, заставило его скрыть эту любовь. Проявление ее оборачивается против него и подвергает его уязвимости, которая может причинить ему вред.

Проявления любви-сострадания он обычно переводит в выражения эротической любви как форму самозащиты. Несколько представителей этого характера утверждают, что только «в интимной обстановке мы пишем стихи, мы нежны... из-за трусости оставаться в сердце».

Лет в пять-шесть я подарила маме пепельницу с надписью: «Мама, я тебя люблю». А она мне сказала, что мне нужно меньше ее любить и больше убирать.

ЛЕОНОР

Что касается любви-восхищения, то власть, пережитая в детстве, была воспринята как злоупотребляющая и/или унижительная. Это породило не только ощущение предательства, но и глубокое разочарование в этой фигуре, поэтому восхищаться становится чем-то опасным. Подозрительность к власти может легко проявиться и саботировать любую возможность возвращения к ситуации, напоминающей злоупотребление. Трудно признать, что когда-то восхищался хотя бы одной авторитетной фигурой, но так было. И, в некотором роде, было злоупотребление этой властью, которое вызвало ощущение унижения и принуждение подчиняться ее силе.

Все это проявляется в выраженной нетерпимости к власти: ее не только не уважают, но даже изгоняют, занимая самому место власти и оправдывая это тем, чтобы больше никогда не подчиняться никакой внешней силе.

Я перестал восхищаться своим отцом, когда он начал плохо со мной обращаться.

МЮРИЭЛЬ

Моя мать говорила мне: «Если будешь таким же свиньей, как твой отец, я тебя убью». Ее раздражало, что я так им восхищался, и она блокировала мою любовь-восхищение. Если я не могу восхищаться и не могу любить, то остается только трахаться...

БИТТОР

Я восхищался своим отцом, но дать ему это место, с той властью, которая у него уже была, было опасно. Но я хотел этого места, я поклялся себе, что доберусь туда и отомщу.

ХЕСУС

Когда он снова оказывается в ловушке ситуации, которую воспринимает как подчинение власти, он может прибегнуть к угрозам, как вербальным, так и физическим.

Неудивительно, что он, в свою очередь, может стать злоупотребляющей и тиранической властью — точно такой же, как та, от которой он страдал, или даже хуже, как форма мести за свою собственную рану. Иногда некоторые свидетельства рассказывают, как фигура восхищения уступала ему трон, ставя ребенка в положение, которое ему не соответствовало. Место, которое ему понравилось и с которого он правил железной рукой.

Многие утверждают: когда мы восхищаемся терапевтом, мы быстро начинаем соревноваться или искать способ отнять у него этот «трон», чтобы занять его самим.

Дочь сексуального Э8, Ванесса Доротеа Санчес Кальво

Я выросла, думая, что мой отец — чудовище. Самым болезненным было осознать, что это чудовище также было и во мне и называлось ненавистью. Мой опыт с отцом был двойственным: он был человеком, которым я глубоко восхищалась и, в то же время, ненавидела всеми силами. Я так его боялась — хотя я и превратила это в ненависть, чтобы выдержать, — что была хорошей девочкой дома: делала все, что от меня требовалось и даже больше, была хороша в учебе, в уходе за домом, в образе, который должна была создавать... и плохой вне дома: я была жестокой и садистской, обманывала, лгала.

Моя мать, сексуальная ЭЗ, позаботилась о том, чтобы украсть у меня отца и втянуть меня в их парные отношения, выставляя его плохим, особенно из-за его сильной жестокости и непредсказуемости. Все было спокойно, и в одну секунду все могло взорваться. Ты никогда не знала, что произойдет, и это я смогла обнаружить после личной работы. Мне было очень страшно; когда он злился, казалось, что мир вот-вот рухнет. Так что я научилась не беспокоить его, я специализировалась на том, чтобы избегать его гнева, пытаюсь не дать ему выйти из себя и начать насилие. Я выросла в состоянии постоянной тревоги.

Помню, однажды, будучи подростком, он пошел со мной купить очки, которые я хотела и которые были в моде. Я хранила их два года из-за страха, что их украдут; я панически боялась его реакции.

Я выросла, исполняя его спроецированную мечту: быть всемогущей, той дочерью, которая может все, которая способна на все. И так я добилась того, что мой отец, которого я любила и ненавидела одновременно, меня увидел. Как будто в нем было два человека: один, который меня сопровождал и заботился обо мне — я смогла увидеть, что именно он дал мне структуру и присутствие, особенно в детстве: он вставал, чтобы приготовить мне завтрак, водил меня по выходным в зоопарк, в парк, научил меня кататься на велосипеде... — и, когда я росла, он также помогал мне с тем, о чем я просила, возил меня по делам, помогал с делами, свойственными подростковому возрасту, когда начинаешь выходить в мир; и другой человек, который был эмоционально отсутствующим, далеким от меня, от того, что со мной происходило, от моих самых глубоких болей. Например, говорить о том, каково это — иметь мать-алкоголичку: он всегда это отрицал. Он говорил, что она

«приболела», когда на самом деле она была пьяна, и поэтому падала с лестницы или не могла сидеть за ужином, потому что не держалась на ногах. Казалось, будто ничего не происходило перед лицом действительно серьезных

и болезненных ситуаций, потому что он все нормализовал, отрицал, пока не взрывался гневом, когда ситуация становилась невыносимой.

Но моя связь с ним, как я уже говорила, была очень двойственной: в то же время я презирала его за насилие, которое он применял к нам — я клялась себе, что никогда не буду с мужчиной, как мой отец, который бы так со мной обращался, будучи его женой, — и также клялась, что никогда не буду как моя мать: женщиной, казалось бы, без особых интересов, кроме своего имиджа, которая позволяла так с собой обращаться и не отстаивала себя перед презрением и агрессией моего отца.

Теперь я смогла увидеть, что многое из того, что я пережила, также было результатом их отношений. Что они оба несли ответственность за отношения, которые поддерживали, они не были ни хорошими, ни плохими, а взрослыми, которые выбрали такой тип отношений, в которых я выросла, полностью погруженная. И что потом я воспроизвела со своим партнером — также Э8, в данном случае самосохранения — те же отношения, что были у них. Я его преследовала, презирала, как моя мать делала с отцом, пока он не взрывался насилием, а я отвечала еще большим насилием, тем же насилием, что и у моего отца. Я требовала от него вещей, которые больше соответствовали бы отцу или матери, чем партнеру, пока однажды не поняла, что нахожусь в большой войне со своим партнером, что мы стали большими врагами, как мои родители. В отличие от них, у нас хватило смелости и ресурсов, чтобы работать над собой и достичь места уважения и близости.

Если я могу взглянуть на своего отца за рамками их отношений, он был человеком, который, хотя и имел эту жестокость и эту непредсказуемость, я смогла понять, что его трудность была с уязвимостью и страхом. Я помню, когда он меня наказывал — что было редко, потому что я специализировалась на том, чтобы быть безупречной девочкой, которая все делала идеально, — через некоторое время он успокаивался и отменял наказание. Он подходил с влажными глазами, чтобы попросить прощения за свои вспышки ярости, которые были ужасны. Так что я научилась видеть в его глазах его нежность, которая была там, хотя и очень забронированная.

9. Исторический персонаж: Чагдуд Тулку Ринпоче

«Если бы мне нужно было оставить лишь одно наследие, это была бы мудрость чистой мотивации. Если бы мне суждено было стать известным лишь под одним титулом, это был бы титул ламы мотивации».

ЧАГДУД ТУЛКУ РИНПОЧЕ

Гаргьи Вангчук родился в 1930 году в Кхаме, на востоке Тибета, и скончался в 2002 году в Бразилии, в штате Риу-Гранди-ду-Сул. Признанный в возрасте трех лет как тулку — воплощение мастера медитации — он получил имя Чагдуд Тулку, что означает «могущественный владыка танца».

Он принадлежал к последнему поколению мастеров, полностью обученных в обширной традиции тибетской Ваджраяны. В основном он относился к школе Ньингма, и его учение всегда отличалось чистотой мотивации.

Чтобы лучше понять этого мастера, Клаудио Наранхо советовал начать с прослушивания мантры, которую Чагдуд начитывал в состоянии медитативного вдохновения: ОМ А ХУМ ВАДЖРА ГУРУ ПАДМА СИДДХИ ХУМ. ОМ представляет тело, А — речь, а ХУМ — ум. ВАДЖРА — это молния просветленного ума, ГУРУ — учитель, ПАДМА — лотос сострадания, а СИДДХИ — духовные свершения. Это путь от земного мира к высшим сферам духа.

При изучении жизни Чагдуда трудно оставаться равнодушным. Это был человек, который оставлял глубокий след. Куда бы он ни направлялся — в зависимости от этапов своей жизни — он оказывал сильное влияние, заражал страстью и передавал духовный путь благодаря своему непреодолимому присутствию. Он не был тем, кто просто проповедовал; он увлекал за собой сотни людей своей внутренней силой, смирением и преданностью делу. Многие его достоинства не были зафиксированы в книгах; именно его ученики передали память о них: его безграничное сострадание, знание ума, мастерство, художественный талант и необъятное духовное влияние.

Детство

Монастыри Чагдуд Гонпа, основанные в 1131 году, были одними из немногих, кто сопротивлялся китайскому вторжению. Чагдуд был признан шестнадцатым перерождением их основателей. После детства в Тибете оккупация вынудила его бежать в изгнание: он бежал в Индию, прошел через Непал, жил в США с 1979 по 1994 год и, наконец, обосновался в Бразилии, где оставил после себя более 38 центров Дхармы в Америке, Европе и Океании.

С самого детства он проявлял то, что в Тибете признают отличительным знаком тулку: дикий характер и непреклонную волю. В своих мемуарах он описывал детство крайностей: глубокую чувствительность внутри, но огонь на поверхности. Его воспитывала чрезвычайно темпераментная и щедрая мать, которую он страстно любил, но против которой также бунтовал. Стиль его связей был очевиден: безусловная верность «своим» и холодность или презрение к тем, кто оставался за пределами его круга.

Его девиз был ясен: «Если ты для меня всё, то и я буду для тебя всем». Он демонстрировал это с самого детства. В качестве любопытного факта и метафоры того, насколько вторгающимся может быть человек с подобным характером, Чагдуд рассказывает историю о птице, которую он взял в качестве домашнего питомца. Он любил ее так сильно, что спал с ней, спрятав в свою чубу (верхнюю одежду тибетцев, которая служит запахом для их монашеской туники), а на следующее утро птица оказалась мертвой. Это укутывающая, удушающая, требовательная любовь. «Я горько плакал», — говорил он.

Боевой настрой, сильное стремление защищать «своих», а также определенный эмоциональный окрас, бунтарство и упрямство вовлекали его в детские драки — фундамент, который совпадает с чертами сексуального энеатипа 8. «Я был ужасным ребенком», — говорил он о себе с тем амбивалентным садистическим послевкусием и интроектом ощущения себя «плохим», который свойственен этому энеатипу и выжигается клеймом в самом сердце.

Будучи ребенком, он выстрелил из игрушечного лука стрелой прямо в голову партнеру своей матери. В то же время он спросил ее, важнее ли этот мужчина для нее, чем он, её единственный сын, и предупредил, что если это так, то он уйдет из дома. Это был не просто жест ревности, это была демонстрация силы: он

стремился не прогнать мужчину, а заявить о своем присутствии, пометить свою территорию и обозначить позицию перед ним.

В другой раз, почувствовав себя несправедливо обвиненным, он направился прямо к палатке своего друга и без лишних раздумий вылил целый котелок кипящего супа прямо на угли костра, подняв огромное облако пепла. Висцеральный жест, лишенный фильтров, который показывал, с какой скоростью его гнев мог трансформироваться в действие. В такой структуре характера реактивность мгновенна, месть не рассчитывается — она приводится в исполнение. Ответ на любое унижение, будь то собственное или по отношению к кому-то из его круга, является сокрушительным, вплоть до мафиозного стиля свирепой защиты.

Это был стиль жизни, отмеченный силой, нежеланием позволять кому бы то ни было вытирать о себя ноги, с позицией «я здесь главный», которая не просила разрешения, а навязывала себя. Если признание не давалось ему добровольно, он брал его сам. Его способ присутствия в мире всегда был территориальным: использовать любую возможность, чтобы обозначить себя и защитить свое пространство, будь то физическое, эмоциональное или символическое. Сталкиваясь с ощущением несправедливого обращения или презрения, он искал не понимания, а немедленного возмещения ущерба, предпочтительно с помощью удара, который четко восстанавливал бы иерархию и его позицию.

Чтобы глубже понять эмоциональное измерение этого характера, Чагдуд рассказывал, что, несмотря на огромное восхищение и привязанность к матери, когда она умерла, он не проронил ни единой слезы. Позже он описывал, как похоронная церемония, кремация, его собственное тело и весь мир казались ему нереальными, погруженными в трудно поддающееся описанию ощущение пустоты. Это было не отсутствие чувств, а типичное для этого характера эмоциональное отключение, когда боль не выражается вовне, а превращается во внутреннее переживание пустоты или дезориентации.

Преобладала не столько эмоция, сколько физическое ощущение пустоты, инстинктивное восприятие потери смысла. Отсюда у E8 возникает тенденция в определенные моменты колебаться в сторону состояний, близких к отключению, свойственному E9, когда эмоция заглушается или анестезируется. Спустя годы то же самое произошло при прощании с сыном перед долгим путешествием: ни одной слезы, хотя связь между ними была очень крепкой. Эмоции могли присутствовать внутри, но они не выставлялись напоказ и перерабатывались как внутренний дискомфорт, больше на физическом уровне, чем на уровне сердца.

Это отражает константу E8: то, что переживается внутри, может быть крайне интенсивным, но вовне не уступает ни одного миллиметра уязвимости. Показать боль равносильно тому, чтобы раскрыть себя, а раскрываться опасно в мире, который воспринимается как угрожающий. E8 предпочитает опираться на силу, отключаясь от эмоционального центра и справляясь со своими ранами в одиночестве либо возвращая их жизни в виде требований или вызова.

Перерождение тулку становится Чагдудом Тулку Ринпоче

Признанный в возрасте трех лет реинкарнацией Тенпе Гьялцена, предыдущего Чагдуда Тулку, он получил строгую, обширную и тяжелую подготовку, сопровождавшуюся постоянными ретритами и обучением различным искусствам, включая наставничество и медицину.

Он преодолел этот этап со страстью, упорством и напором, характерными для сексуального энеатипа 8. Из-за своего обучения он преодолевал бесчисленные километры из одного конца Тибета в другой, путешествуя целыми днями пешком или верхом на лошади. Часто он голодал, сталкивался с суровыми условиями и нагружал тело, которое было больше приспособлено к медитации, нежели к физической выносливости. Но его сила исходила не от тела: она опиралась на решимость и полную преданность своему духовному пути.

Такой уровень преданности и доверия отражает Е8 в процессе трансформации, поскольку подобные качества не являются естественными для характера, инстинктивно стремящегося к удовольствию, комфорту и абсолютному контролю над окружением. Броситься в неизвестность, принять неопределенность и довериться чему-то высшему вступает в прямое противоречие с базовой тенденцией Е8 верить, что только его воля и сила защищают его во враждебном мире. Эти моменты доверия и преданности раскрывают точку перелома в защитной схеме Е8: добровольную сдачу чему-то большему, чем он сам.

Характерной чертой этого типа является склонность к всемогуществу: внутреннее ощущение, что при необходимости он может взвалить на свои плечи весь мир, что нет ничего, что превосходило бы его силы, и со всем можно справиться через действие. Будучи представителем моторного (двигательного) центра триады, этот тип личности больше полагается на действие, чем на умение плыть по течению, больше на собственный напор, чем на терпение перед лицом естественных ритмов жизни. Сдача тому, что он не контролирует, чуждо ему; его вдохновляет брать командование на себя, двигаться, действовать и решать проблемы, будучи убежденным, что именно его личная сила удерживает мир в равновесии и безопасности.

Когда Китай вторгся в Тибет в 1959 году, Чагдуд вдохновил и возглавил экспедицию, которая в итоге добралась до Индии, а затем до Непала, где на протяжении более двадцати лет в различных лагерях беженцев он заботился о духовных и медицинских нуждах группы, а также руководил организацией рабочих проектов. Дело в том, что если и есть что-то типичное для социального энеатипа 8, так это то, что он заставляет вещи работать. Отсюда слово «лидер» лучше всего описывает этот характер. При этом он может не быть великим интеллектуальным, методичным или теоретическим лидером, но он — лидер, вовлеченный в работу, великий стратег и человек действия, готовый засучить рукава (в крайних случаях это может достигать до абсолютного контроля и тиранического мафиозного поведения). Социальный Е8 — первый, кто приступает к работе, и последний, кто

идет отдыхать; он тот, кто умеет быть ориентиром. Он не является энеатипом-помощником (Е2), он — спаситель, способный находить решения в самых неблагоприятных обстоятельствах. И именно таким был Чагдуд Тулку.

Обладание

«Обладание» — это ключевое слово, определяющее данный подтип, и в фигуре этого ламы оно отражено с абсолютной ясностью. В нем чувствуется тот характерный для социального подтипа импульс овладевать людьми, территориями и ситуациями, делать своим всё, что его окружает. Мы видели это в его отношениях с матерью и в его доминирующей позиции даже в лагерях беженцев. С присущей ему природной импульсивностью и неиссякаемой энергией он преодолевал огромные географические расстояния и, куда бы ни прибывал, не просто выживал: он обустроивался, организовывал, руководил. Он выполнял административные, бюрократические, медицинские и духовные задачи с сокрушительной интенсивностью.

Его паттерн всегда был одним и тем же: не оставаться незамеченным, а заявлять права на тему территории и созидать. Он основывал традиционные храмы везде, где обосновывался, сплетая прочную сеть центров линии Ньингма, которая существует до сих пор. Фонд Chagdud Gonpa продолжает свою деятельность, имея семь центров на восточном побережье США и множество других в Бразилии, Чили, Уругвае и Швейцарии. Это был его способ оставить след, установить присутствие не просто на мгновение, а навсегда: прийти, завоевать, построить, увековечить.

Для этого характера закрепиться на территории — не прихоть, а жизненная необходимость. Доминирование в пространстве поддерживает в нем жизнь, связывает его с базовым инстинктом силы и выживания. Умение позиционировать себя, понимание динамики власти, способность определять, что сделает его необходимым и значимым — все это часть его врожденного инстинкта. Рожденный победителем, интуитивный стратег, всегда готовый распознать опасность и переместиться на безопасную позицию, с которой можно руководить и контролировать.

Настоящий лама

Когда родственники, ученики и друзья спросили его о написании мемуаров, он ответил, что не хочет писать типичный намтар (жизнеописание ламы, в котором человеческие ошибки замалчиваются ради возвеличивания блеска духовных достижений). Он передал, что покажет: тулку рождаются в мире людей, и он согласен с непрерывностью духовного пути из одной жизни в другую, силой намерения трудиться на благо всех человеческих существ ради их реализации и преодоления замешательства в промежуточном состоянии (бардо) между смертью и перерождением.

В характере Чагдуда прослеживается тесный контакт и сильное влечение к конкретному, к «здесь и сейчас» без прикрас; более того, при необходимости он

без колебаний разоблачал собственный образ. Рассказывать нерассказанное, грязное, спускаться в грязь и соприкасаться с самым мирским и земным. Не столько из скромности (вспомним, что это весьма нарциссический характер), сколько из выбора самого трудного пути, который вытаскивает на свет то, что он считает правдой.

В этом характере существует явная страсть к власти, но не к публичному признанию или социальному позированию. То, что им действительно движет — это осуществление эффективной, практической власти без потребности в славе. Для сексуального Е8 типично оставаться в ложной тени: дергать за ниточки, принимать решения, осуществлять авторитет из позиции контроля, но без стремления оказаться в центре внимания или сорвать овалы.

Его сила кроется в конкретных действиях, в быстрых и категоричных ответах, без прикрас и необходимости казаться кем-то. Убедительность, откровенность и уверенность, которые он транслирует, становятся его визитной карточкой, вызывая уважение и даже восхищение у окружающих. Проецируемый им образ ясен: он не сомневается, не колеблется, он знает, что делает. Именно поэтому страх и сомнение — это эмоции, которые полностью вытеснены из его сознания; он не только не показывает их, но для него невыносимо даже признать их наличие.

Читать биографию Чагдуда Тулку — значит ясно видеть эту динамику: то, что он повествует и демонстрирует, часто является наименее впечатляющим, самым простым, однако чувствуется то, что остается скрытым, недосказанным. Существует целая теневая зона, которая остается под завесой, где, вероятно, сосуществуют не только болезненные, но и светлые аспекты, поскольку в этом характере как уязвимость, так и истинное величие обычно остаются за кулисами, защищенные панцирем твердости и самодостаточности.

В качестве еще одного характерного примера, он дал волю тому, что Клаудио определяет для этого характера как «напыщенный индюк, распускающий хвост», став первым, кто посвятил западную женщину в сан ламы. Здесь проявляется то, как движимый вождением человек следует своим собственным правилам, способный быть новатором, бунтарем и нонконформистом, следуя индивидуально разработанному паттерну, не слишком заботясь о чужом мнении, социальных или моральных правилах. Своего рода этика, созданная им самим и для самого себя.

Заключение

В качестве заключения я надеюсь, что эта работа принесет читателю не меньше пользы, чем принесла мне работа над фигурой этого великого ламы. Чагдуд стал примером сублимации характера, чьи онтические (бытийные) трудности делают несчастным явлением то, что люди с такой структурой вступают на путь серьезного внутреннего роста. Он также представляет собой яркий стереотип качеств и способности к служению, которые могут разворачиваться из 8-го энеатипа, развенчивая многие предрассудки и ложные убеждения, которые лишь мешают процессу тех из нас, кто разделяет эту структуру характера.

Я не хочу скрывать трудности, связанные с рассмотрением темы характера и его эволюции у человека, который с самого раннего возраста — еще до фиксации характера вождения — был отмечен как избранный и с тех пор шел по пути полного посвящения себя духовному служению, далекому от привычных шаблонов западной культуры. Кроме того, речь идет о фигуре, о которой существует не так много письменных документов, что связано как с особенностями тибетской среды, так и с его собственным подходом: он был больше ориентирован на духовную работу и конкретные действия, нежели на самореференцию или воспевание собственных подвигов ради социального признания. Его жизнь протекала в плоскости осязаемого, личного, духовного и человеческого.

Его поведение — от детства до пути признанного ламы — отчетливо отражает уже отмеченные черты интенсивности, страсти и мощной двигательной энергии. Это характер, способный как удерживать самодовольство, граничащее с нарциссизмом и неврозом, так и преданно отдавать себя высшему делу с той же силой и решимостью. В его случае компульсивный нарциссизм проявлялся главным образом в конкретных эпизодах детства; остальная же часть его жизни отличалась железной стойкостью, непрерывной приверженностью и непоколебимой преданностью подлинной буддийской традиции.

Бессмысленно задаваться вопросом, каким был бы его характер в другом культурном или социальном контексте, под влиянием иных моральных ценностей, подобных тем, с которыми знакомы многие читатели или я сам. Но именно в этом и заключается богатство и магия человеческого существа: возможность трансформации и роста, которую таит в себе любая структура характера.

Пусть этот путь послужит тому, чтобы каждый продолжил свой процесс самопознания и смог почерпнуть то полезное, что предлагает опыт этого человека с его уникальной структурой характера каждому из нас.

*«У меня нет крыльев, но всё же я лечу в небе.
У меня нет магических сил, но мне нравится магия.
Я путешествую по мирам, которые кажутся иллюзорными,
Сюда и туда, в девяти направлениях,
Исследуя связи моей кармы».*

ЧАГДУД ТУЛКУ РИНПОЧЕ

10. Литературные и кинематографические примеры

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ

ДЖАНГО

«Джанго освобожденный» Квентина Тарантино (2013)

Джанго — это раб, которому не хватает смирения, чтобы мириться со своим положением. В фильме он берет на себя роль охотника за головами в поисках искупления и мести. Но помимо этого, его жизнь пронизана романтической историей страстной любви — явление, весьма характерное для судеб сексуальных Восьмерок.

Этот фильм Квентина Тарантино рассказывает историю Джанго, раба, освобожденного охотником за головами доктором Кингом Шульцем в 1858 году, за два года до Гражданской войны в США. Шульцу нужна помощь Джанго, чтобы опознать некоторых преступников, и взамен он обещает ему свободу. Получив свободу, Джанго становится учеником Шульца, и вместе они создают партнерство охотников за головами.

Так он быстро переходит от рабского подчинения к положению свободного человека и охотника за головами. Он приходит к этому в силу необходимости, оппортунизма и, прежде всего, из-за мощной жажды мести, которая накапливалась годами, раскрывается по ходу сюжета и придает смысл всей его жизни.

Порой у зрителя не остается уверенности, идет ли речь о мести ради самой мести или же истинная причина кроется в боли и фрустрации от того, что его возлюбленная все еще находится под гнетом тех же рабовладельцев, которые когда-то поработили и его самого. Более того, он ни на секунду не колеблется, когда его спрашивают о том, что он сделает первым делом как свободный человек.

Его ответ ясен и лаконичен: найти жену и выкупить ее свободу. Большая часть сюжета этого персонажа строится вокруг этой амбициозной цели, которая временами кажется даже более важной, чем создание новой собственной жизни или наслаждение обретенной свободой.

Перед нами предстает грубый, упрямый персонаж, которого крайне трудно подчинить. Им движет столь своеобразная мотивация, определяющая его манеру поведения и само существование, что в сочетании с его романтическим и защищающим характером указывает на типичные черты типа личности, для которого обладание (собственничество) становится одержимостью.

Мы можем составить представление о его темпераменте в бытность рабом по сцене, где его прежний хозяин Каррукан вешает его в подобии железного намордника, устав от его постоянных попыток побега, и говорит ему: «Джанго, в тебе есть дерзость. В обезьяне тоже есть дерзость. Мне не нужен чернокожий с дерзостью».

Джанго слишком непокорен, чтобы быть «подходящим» рабом; его импульсивность перевешивает способность вести себя в соответствии со своим положением (или хотя бы притворяться), то есть быть послушным воле господина. Для сексуального энеатипа 8 подчинение слишком сильно напоминает о пережитом унижении, против которого он будет действовать открыто и демонстративно, даже если это обернется против него самого или будет стоить ему жизни.

Гордость Джанго несовместима с его угнетенным положением, поэтому он постоянно пытается бежать вместе со своей женой (Брумхильдой). Он вовсе не тот смиренный раб, который готов безропотно принимать свое положение из-за установленных в ту эпоху расовых порядков. Он бунтует, его нелегко подчинить. Именно за эти частые попытки побега они с женой регулярно расплачиваются тяжелыми последствиями: наказаниями и избиениями плетью.

И здесь в Джанго проявляется защитник: даже ценой собственной физической целостности и достоинства он пытается взять всю ответственность на себя. Он глубоко страдает, видя, как наказывают Брумхильду. Настолько, что готов принять все удары плети на себя и даже умолять о пощаде для своей возлюбленной, стоя на коленях. Хотя сам по себе он не способен покориться, ради любимой он готов умолять.

Помимо упомянутых аспектов, есть две сцены, происходящие в разное время, где отчетливо видно, как фиксация на мести или бунте, присущая характеру Восьмерки, как когнитивная одержимость придает смысл большей части его жизни. Неутолимая жажда мести становится его двигателем и вектором, направляющим его со всей доступной яростью и мощью.

С одной стороны, нам показывают воспоминание — момент, предшествующий

событиям фильма, когда Джанго еще находился на плантации. Стоя на коленях, он умоляет Джона Бриттла не пороть его жену, а вместо этого избить его самого. Тот с высокомерным и унижительным тоном отвечает: «Мне нравится, как ты умоляешь, обезьяна».

С другой стороны, в сцене, связанной с предыдущей, уже свободный Джанго, зарабатывающий на жизнь как охотник за головами, одетый в кричащий наряд (крайне необычный для темнокожего человека в то время) и ведущий себя совершенно не так, как раб, отслеживает этого человека прямо в тот момент, когда тот собирается высечь другую женщину. Больше не скрывая своих чувств, с воинственным и мстительным настроением, держа в руке угрожающий пистолет, он спрашивает его: «Ты помнишь меня?». Он стреляет ему прямо в сердце, нанося смертельную рану, и добавляет, пока тот умирает: «Мне нравится, как ты умираешь, обезьяна».

Сразу после этого он с яростью хлещет и убивает (а затем расстреливает всю обойму) его брата (еще одного рабовладельца), перед этим высокомерно и надменно бросив окружающим чернокожим рабам: «Хотите кое-что увидеть?..»

Здесь мы видим проявление эксгибиционизма, свойственного этому характеру. Недостаточно просто сделать дело — конкретные действия должны быть продемонстрированы. Это часть фаллическо-нарциссической структуры, которую Клаудио Наранхо метко описал как поведение «павлина с самым пышным хвостом».

К этому моменту Джанго уже дает себе полную волю и открывает свою скрытую сторону, свою самую искреннюю и глубокую боль, которая направляет его действия и решения на протяжении всего фильма. Он настолько раскрепощается, что при приближении к плантации, где они должны спасти его жену, Шульц (его наставник и напарник) предупреждает его не поддаваться жажде мести. Действительно, способность сохранять самообладание тает по мере приближения момента, которого он так долго ждал. Терпение и хладнокровие — особенно когда нужно совершить действие, которое буквально сжигает изнутри, — это не те качества, с которыми легко уживается данный тип личности. Это импульсивный и реактивный характер с низкой способностью к стратегическому планированию, ищущий искупления как можно скорее.

Ближе к финалу мы видим настоящий гимн мести: Джанго, имея возможность свободно уйти с женой, возвращается в дом на плантации, чтобы убить всех приспешников плантатора Кэлвина Кэнди, которые как раз справляют его поминки. Там он расправляется со всеми, кто так или иначе презирал его и его супругу. Действуя с издевкой и яростью, он не просто убивает их, но обходится с некоторыми «по-особенному»: стреляет в гениталии тому, кто ранее намеревался кастрировать его самого; убивает сестру владельца плантации (пощадив служанок) и, в довершение всего, стреляет в колени дворецкому Стивену (рабу-надсмотрщику, предателю своих), чтобы тот мучился от боли.

Еще одна характеристика этого персонажа, типичная для сексуального энеатипа 8, — экстравагантный и вызывающий способ позиционирования себя в мире. Ярче всего это проявляется в его синем костюме с белым платком, в котором просто невозможно остаться незамеченным, особенно учитывая его расу, новое социальное положение и тот факт, что он едет верхом на лошади. Во второй половине фильма мы видим, как он подавляет и даже третирует других рабов в манере еще более агрессивной и надменной, чем у белых людей. Создается впечатление, что он умеет быть еще большим тираном, чем кто-либо другой; эта роль, хоть и наигранная, ему вовсе не чужда.

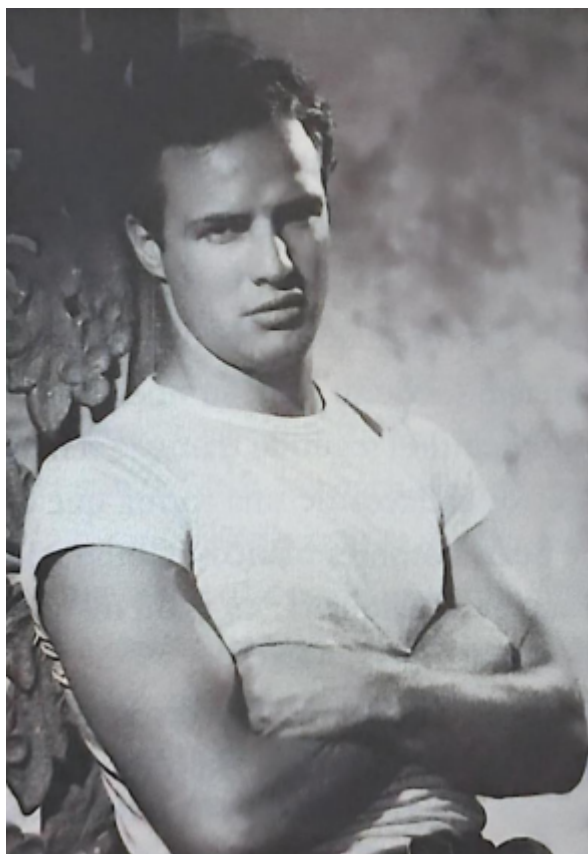
И, наконец, фильм заканчивается эффектным трюком верховой езды, который символически заявляет: «Здесь укротитель (хозяин) — я».

Исходя из всего сказанного, перед нами предстает персонаж с двумя гранями, внутри каждой из которых борются противоположные версии: мятежный и амбициозный раб, не согласный со своим подчиненным положением и готовый бунтовать даже под угрозой более сурового наказания; и наделенный властью человек, способный вести себя как настоящий рабовладелец и тиран, чье хладнокровие ищет искупления своих ран в жестокой мести.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ

СТЭНЛИ КОВАЛЬСКИ

«Трамвай „Желание“» (Элиа Казан, 1951. На основе одноименной пьесы Теннесси Уильямса)

С самого начала Теннесси Уильямс представляет Стэнли Ковальски как крайне интенсивную личность. Его появление на сцене — с криком имени его жены Стеллы и бросанием ей завернутого в окровавленную бумагу куска мяса — показывает импульсивного, висцерального человека, который идет по жизни крича и полностью подчиняясь своим инстинктам, что вполне соответствует сексуальному энеатипу 8. Этот окровавленный кусок мяса — метафора животной природы Ковальски, человека, который, как мы увидим на протяжении всей пьесы, идет на поводу у своих импульсов и вожделения, что приводит к трагическому финалу.

Название произведения говорит о желании, но мы вполне могли бы заменить это слово на «вожделение» (*lujuria*), поскольку пьеса

Уильямса пропитана атмосферой сексуального напряжения, которое неизбежно должно взорваться. В этом напряжении животная сущность Ковальски противопоставляется утонченности его свояченицы Бланш Дюбуа, олицетворяющей утонченную, но угасающую южную аристократию.

Ковальски, сын польских иммигрантов и ветеран Второй мировой войны, с самого начала пьесы (действие которой происходит в Новом Орлеане 1940-х годов) представлен как жесткий, сделавший себя сам мужчина, обладающий огромной грубой силой и уверенностью в себе — все эти характеристики напрямую связаны с сексуальным энеатипом 8.

Это импульсивный, доминантный, территориальный персонаж, движимый интенсивной энергией, которая требует противостояния, обладания и утверждения своего присутствия. Его способ общения с другими пронизан смесью силы, вождения и постоянного вызова. Стэнли живет телом и инстинктами: он ходит по дому без рубашки, швыряет предметы, громко разговаривает и не скрывает своих эмоций.

Он работает рабочим на фабрике и живет со своей беременной женой Стеллой в маленькой квартирке с общим пространством, где всего две комнаты разделены лишь занавеской. Это важная деталь для развития сюжета, поскольку по ходу действия давящая атмосфера в этом пространстве только нарастает. Ковальски показан как территориальный собственник, и неожиданный визит его свояченицы Бланш ставит под угрозу его власть над этой территорией, а также контроль над самим собой. По мере обострения обстановки он все сильнее стремится узнать правду о ней и разоблачить ее — черта, крайне характерная для этого энеатипа, который упорно использует правду как оружие для разоблачения другого человека.

Одна из его одержимостей — борьба с тем, что можно назвать социальным лицемерием, столь ярко олицетворяемым Бланш, дочерью аристократической семьи с изысканными манерами, которая, на взгляд Ковальски, явно что-то скрывает. Энеатип 8 по своей сути антисоциален, поскольку глубоко не доверяет внешнему виду и социальным условностям, так как сам в детстве стал жертвой этого общества, к которому теперь испытывает лишь неприязнь. И именно эту струну Бланш задевает в Ковальски: она олицетворяет хорошие манеры, изящный тон и социальную благопристойность.

Бланш приезжает в начале пьесы в рабочий многонациональный район Нового Орлеана, где ее сестра живет в старом здании из красного кирпича, чтобы пожить у нее какое-то время после потери семейного поместья Белль-Рив (что переводится как «Красивый сон»). Эта усадьба воплощает былое величие аристократического юга США, и ее потеря имеет двойное значение в произведении: с одной стороны, это символизирует конец эпохи и крах социального класса, державшегося на видимости; с другой — знаменует личное падение Бланш, неспособной адаптироваться к новому миру. Этот современный

мир олицетворяет Стэнли Ковальски — представитель рабочего класса послевоенной Америки: иммигрант, рабочий, ветеран войны, глубоко гордящийся своей яркой идентичностью человека, который сделал себя сам, не боится быть грубым и открыто это показывает. Этот персонаж символизирует победу практичности над сентиментальностью, что очень характерно для сексуального энеатипа 8.

Приезд Бланш нарушает совместную жизнь супругов — Стэнли и Стеллы. Стелла отдалась от своей южной аристократической семьи, уехав жить в город. Там во время его увольнительной она встретила Ковальски, и их первая встреча была стремительной, импульсивной и страстной. Эти же черты сохраняются и в их дальнейших отношениях, где конфликты, ссоры и интенсивность примирения составляют важнейшую часть их супружеской динамики, что вполне соответствует человеку с таким характером.

Первая сцена, в которой раскрывается эта динамика отношений между Стэнли и Стеллой, происходит в первом акте и помогает нам глубже понять персонажа. Действие разворачивается на кухне квартиры Ковальски, где Стэнли и его друзья — Стив, Пабло и Митч — играют в покер в атмосфере, накаленной алкоголем и азартом. Стэнли, который проигрывает, становится все более раздраженным и агрессивным. Когда Бланш и Стелла возвращаются домой, появление женщин прерывает игру, что злит Стэнли еще сильнее. Стелла пытается разрядить обстановку, но Стэнли в порыве гнева выбрасывает радиоприемник в окно и в итоге бьет жену. Стелла убегает к соседке Юнис, а Бланш идет за ней, чтобы утешить.

Позже раскаявшийся Стэнли выходит во двор и отчаянно кричит имя своей жены: «Стелла!». Здесь потребность в контроле сливается с эмоциональной зависимостью. Стелла, движимая смесью любви и зависимости, возвращается к нему, и они мирятся в интимной обстановке своей спальни.

Подобные сцены часто описываются сексуальными Восьмерками: в отношениях с партнером у них есть потребность в доминировании, но в то же время, как только возникает угроза разрыва, проявляется сильная зависимость. За этим стоит неспособность переносить фрустрацию: при малейшем намеке на нее реакция оказывается такой же, как у Стэнли в пьесе, — насильственной и доминирующей. Весь характер этого энеатипа, как можно видеть, направлен на избегание фрустрации, отсюда его импульсивная и висцеральная реакция при столкновении с ней.

Это доминирующее, недоверчивое и контролирующее отношение особенно отчетливо проявляется в его связи с Бланш. С самого начала Стэнли воспринимает ее как угрозу: она не просто нарушает его пространство, она олицетворяет мир, который он глубоко презирает — мир искусственной утонченности, эмоционального манипулирования и увядающих привилегий класса, к которому Бланш уже не принадлежит, но за который продолжает

цепляться. Перед этим хрупким и театральным образом Ковальски реагирует провокацией: он хочет сорвать с нее маску, так как подозревает, что Бланш что-то скрывает, и жаждет во что бы то ни стало разоблачить эту ложь.

Бланш пробуждает в Стэнли типичную для Восьмерки потребность вытащить правду на свет. Его одержимость желанием раскрыть истину о Бланш не случайна: это часть его потребности разрушать иллюзии, социальные маски и лицемерие. Для этих прямых и напористых Восьмерок крайне важно сорвать маску лицемерия, считая себя единственными обладателями истины. В одной из ключевых сцен Стэнли говорит: «Я навел справки о тебе, Бланш. Я знаю, чем ты занималась». Он не может выносить, когда она поддерживает образ, который он считает фальшивым, и поэтому атакует ее фактами, унижениями и взглядом, полным одновременно вожделения и презрения.

Напряжение между ними растет от сцены к сцене. Стэнли роется в ее вещах без разрешения, высмеивает ее платья и украшения, смотрит на нее со скрытым вожделением и агрессией. Она же отвечает двусмысленным кокетством, наигранной хрупкостью и едва заметными жестами соблазнения, не признавая открыто происходящего. Но эта динамика имеет четкий вектор: Стэнли должен завоевать, овладеть и уничтожить, если другой не сдается. Это очень характерно для данного энеатипа, который не остановится, пока не почувствует подчинение соперника, вплоть до того, что испытывает садистическое удовольствие и удовлетворение от чужой боли, стремясь раздавить человека, так как через это он получает власть и обладание над ним.

Кульминационным моментом произведения становится сцена, в которой Стэнли насилует Бланш, «выиграв» эмоциональную и символическую битву и утвердив свою власть самым жестоким образом. Дело не только в физическом насилии: это финальный акт процесса, в котором Ковальски стремился подчинить Бланш любой ценой. А какое подчинение может быть более абсолютным, чем сексуальное овладение? Напомним, что обладание (собственность) — это характерная невротическая потребность (страсть) сексуального энеатипа 8; обладание, цель которого — завладеть душой другого человека, чего он в итоге и добивается. В этот кульминационный момент пьяный и невменяемый Стэнли возвращается домой и находит Бланш одну, уязвимую, одетую в белую ночную рубашку. После ссоры, в которой она пытается защититься своей наигранной театральностью, он выключает свет — еще один мощный символ: свет как истина и сознание уступает место тени инстинкта — и берет ее силой. Эта сцена, помимо своей жестокости, представляет собой символический акт доминирования Стэнли над Бланш. Стэнли не просто физически разрушает Бланш, он уничтожает все, что она олицетворяет эмоционально и символически: ностальгию, хрупкость, чувствительность, романтическую иллюзию.

Бланш рассказывает сестре Стелле, что Стэнли изнасиловал ее, но Стелла ей не верит. Этот момент — один из самых болезненных и показательных в пьесе,

поскольку он демонстрирует не только эмоциональный крах Бланш, но и ту силу, которую Стэнли имеет над своим окружением и над своей женой, даже когда он переходит все мыслимые границы. Бланш находится в состоянии шока, она полностью дезориентирована. Она говорит Стелле о случившемся, пытаясь объяснить, почему больше не может оставаться в этом доме. Она не кричит, не сыплет яростными обвинениями: она произносит это сквозь боль, надломленным голосом, растеряв былую силу. Но Стелла, хотя и сомневается, решает ей не верить. Она говорит об этом прямо: «Я не могу в это поверить. Я не могу поверить в это и продолжать жить с ним».

Этой фразой Стелла делает трагический эмоциональный выбор: она решает сохранить свой дом, стабильность и связь со Стэнли ценой своей сестры. Несмотря на чувство вины и подозрения, ей необходимо отрицать случившееся, чтобы не сломаться самой.

Бланш, окончательно сломленная изнасилованием и выбором сестры, начинает уходить в параллельную реальность. Она верит, что отправится в путешествие с «благородным джентльменом», который вот-быть придет за ней. Когда приходят врачи, чтобы забрать ее, она не resists, но уже глубоко оторвана от реальности. Посреди всеобщего молчания Бланш произносит одну из самых культовых фраз пьесы: «Я всегда зависела от доброты первого встречного».

Эта болезненная и поэтичная фраза раскрывает ее глубокое одиночество, хрупкость и потребность в утешении даже в последние минуты ясности ума. Бланш — трагическая жертва общества, в котором нет места слабости, чувствительности и израненному женскому началу. Это общество олицетворяет Стэнли, воплощающий победу грубого реализма над иллюзией и красотой.

В этой пьесе Уильямса отчетливо видно, что данный субтип Восьмерки ищет не просто силы — он жаждет интенсивности, полного поглощения и доказательства своей власти. В глубине души им движет сильная потребность не чувствовать себя уязвимым и любой ценой избежать предательства. Именно поэтому он реагирует столь яростно на Бланш: она невольно обнажает перед ним все то, чего он не выносит в самом себе — эмоциональную зависимость, неуверенность, страх оказаться нелюбимым и, в конечном счете, уязвимость.

Стэнли Ковальски — это драматический пример того, как сексуальный энеатип 8 в своем самом необузданном проявлении способен уничтожить то, чего желает, если не находит способа направить свою энергию через осознанность и принятие уязвимости. Он воплощает в себе доведенные до крайности тени человеческого желания: желания, которое сокрушает все на своем пути, не признает границ и требует доминирования, чтобы заглушить страх. Его персонаж, прочитанный сквозь призму энеаграммы Клаудио Наранхо, предлагает ясный и детальный портрет сексуальной Восьмерки: мощной, висцеральной, полной жизни, но в то же время опасной, потому что при ощущении угрозы она способна уничтожить любого, кто окажется рядом,

особенно если этот человек хрупок и деликатен.

— Нам завязать вам глаза или вы предпочитаете, чтобы мы заткнули вам уши?

Мальчик:

— Мама, папа стоит у окна и говорит, что сейчас спрыгнет!

Мама на диване:

— Скажи своему отцу, чтобы не был идиотом. Я наставила ему рога, а не крылья.

Прохожий:

— Да не бей ты его больше ножом!

Мужчина с ножом:

— Ну так пусть перестанет называть меня убийцей!

терапевтические рекомендации

Авторы: Леонор Кабрера, Мюриэль Монди и Жерар Кастельо, при участии участников группы

Фундаментальным шагом для людей этого энеатипа является осознание своей интенсивности и того, как эта интенсивность бьет по ним самим и по тем, кто находится рядом, особенно по их партнерам, на которых они обычно выливают свой дурной характер и гнев. Осознание этого почти постоянного гнева также является огромным шагом, ведь сексуальные Восьмерки идут по жизни, размахивая воображаемым мечом и нанося удары всем, кто встает между ними и их желаниями.

Значительная часть процесса их трансформации связана с созданием пространства для смягчения, позволяющего этому гневу уступить место таким эмоциям, как радость или сострадание. Это связывает их с экспансивной, нежной и сострадательной любовью — той самой любовью, от которой им с самого раннего детства пришлось защищаться, выстраивая огромный телесный панцирь, потому что происходящее в их ближайшем окружении причиняло им слишком много боли. Из-за этого любовь была заменена стремлением к обладанию.

«Программа SAT открыла для меня двери. Я начала видеть безумие в своих паттернах. Бинарное мышление: сильный/слабый, правильный/неправильный, любовь/покинутость. Ярость, которую я держала как меч и щит. Мои вспышки гнева были не силой, а непроработанной болью. До SAT я путала интенсивность со связью, верность — с обладанием, силу — с безопасностью. После SAT я начала учиться сдерживать себя. Появились полутона. Как оставаться, а не завоевывать. Как присутствовать, не поглощая».

ГАЛИНА

Таким образом, трансформация сексуального энеатипа 8 проходит через обратный путь — воссоединение с невинной любовью ребенка, который любил просто так, спонтанно, с радостью и надеждой; надеждой, которую он также потерял и невротически заменил стремлением контролировать и доминировать над всеми, кто оказывается в пределах его досягаемости.

Они научились не доверять никому, и это недоверие они пытаются унять через контроль и доминирование. Поэтому восстановление базового доверия к жизни и к происходящему в ней как к чему-то естественному и гармоничному крайне важно для возвращения жизненной энергии, которая оказалась запечатанной в сильном и контролируемом теле. С потерей этой энергии исчезли также радость и спонтанность — ощущения, которые возвращаются по мере того, как человек

проходит обратный путь формирования характера. Этому процессу способствует создание безопасной среды, где они могут исследовать свою уязвимость без страха осуждения или предательства. Соматическая терапия, медитация и техники осознанного дыхания могут стать мощными инструментами для высвобождения накопленного физического и эмоционального напряжения.

Поэтому в процессах их трансформации очень важно восстановить доверие к людям, почувствовать, что для них есть кто-то, на кого они могут положиться и кто любит их, даже когда они уязвимы. Здесь терапия и групповая работа, такая как Программа SAT, играют огромную роль, помогая им учиться строить здоровые связи, в которых их любят и принимают просто так, со всеми их достоинствами и недостатками, и где они могут расслабиться и почувствовать поддержку. Напомним, что на глубинном уровне у этого энеатипа живет сильное ощущение собственной недостойности, поэтому возвращение этого достоинства через безопасные связи имеет глубокий терапевтический эффект.

Сексуальный Е8 должен принять вызов своей человечности. Это означает признание того, что уязвимость, страх, неспособность справиться со всем в одиночку или потребность в других людях не делают их слабее, а делают их более цельными. Именно в этой интеграции своих самых темных и уязвимых сторон они обретают истинную свободу — ту, которая зависит не от борьбы с миром, а от мира с ним и с самими собой.

В детстве они усвоили урок: нельзя положиться ни на чьи руки, зависеть от других опасно, обещания заботы хрупки, а те, кто должен был их защищать, подвели их. Так родился бунт — не как акт бесцельного неповиновения, а как стратегия выживания. Если никто не собирался их защищать, значит, они должны быть самыми сильными, самыми непокорными, теми, кто никогда не потеряет бдительность. Но эта сила, которая кажется их главным достоинством, одновременно является их величайшей тюрьмой. Бунт превращается в щит, который держит их в изоляции, не позволяя сдаться любви или утешению. В глубине души этот страх все еще там, ожидая, когда его обнимут, когда его заметят. Но чтобы сделать это, им нужно разрушить стены, которые они построили для самозащиты, и в этом заключается парадокс сексуального Е8: чтобы обрести истинную защиту, они должны сначала осмелиться почувствовать себя уязвимыми, признать, что они не непобедимы, что они не одни, и что, возможно, довериться чужим обьятиям не так опасно, как они думали.

«Во время одной шаманской практики я оказался перед деревом и упал на землю. Дерево показало мне моменты, когда я был жертвой: меня пытались сжечь заживо, на меня нападали. И дерево говорило мне: "Что должно произойти, чтобы ты признал себя жертвой?" Я разрыдался и начал интегрировать свою внутреннюю жертву. И действительно, как мне не быть жертвой? Мы все бываем и палачами, и жертвами».

Терапевтам, чьими пациентами являются сексуальные Восьмерки, рекомендуется видеть раненого ребенка за этой маской хвастовства, интенсивности и силы. Смотрите прямо на их рану, замечая их сердце и нежность, ведь именно этого не хватало в детстве и именно это нужно людям данного энеатипа, чтобы начать исцеление.

Также мы рекомендуем не спешить (по крайней мере, на первых порах, пока не сформирован прочный терапевтический альянс) с прямой конфронтацией. Конфронтация — это территория, на которой они чувствуют себя как рыба в воде, и это лишь сильнее укрепляет их характерную защиту. Сексуальная Восьмерка, почуяв битву, надевает доспехи и готовится к бою. Напротив, нежный контакт обезоруживает их и позволяет начать подвергать сомнению свой характер и тот вред, который они им наносят. Этот нежный контакт проникает прямо в сердце, потому что именно его им не хватало и, сами того не зная, именно по нему они тоскуют.

Другой решающий шаг — переосмысление концепции силы (власти). Вместо того чтобы видеть в ней контроль или доминирование, Восьмерка может научиться распознавать силу в открытости, аутентичности и связи. Смена перспективы позволяет бунту превратиться в созидательную силу вместо разрушительной. Сила должна вернуться на свое место — в любовь к себе, ощущение себя ценным и достойным человеком, способным признавать другого и любить его, не пытаясь им обладать.

Отказ от желания обладать всем и вся, от стремления доминировать над другими людьми и над самой жизнью необходим в процессах трансформации этих людей, равно как и преодоление чувства бессилия. Если от чего сексуальный E8 и бежит, так это от ощущения собственной беспомощности: соприкосновение с этим чувством ввергает его в состояние, близкое к безумию, и даже может спровоцировать вспышку насилия. Поэтому умение жить с сознанием того, что он не всемогущ, также является путем к исцелению.

Принятие ограничений как чего-то здорового крайне необходимо, поскольку эти люди всегда стремятся нарушить любые границы — как внешние, так и внутренние. По сути, вождество всегда ищет способ нарушить любые пределы и пресытиться опытом. Поэтому признание и уважение внешних границ, а также осознанный выбор внутренних рамок — это способ выстроить структуру, в которой можно отдохнуть, расслабиться и, конечно же, расти. Принятие границ также дает передышку их бунтарству: если они воспринимают ограничение как здоровую меру, бунт ради бунта теряет свой смысл.

Интенсивность на службе трансформации

Необходимо учитывать, что интенсивность, присущая этому энеатипу, может

выступать катализатором процесса трансформации и личностных изменений. Когда сексуальные Восьмерки направляют свою природную интенсивность на процессы личного развития, они проявляют упорство и делают этот поиск жизненно важным для себя. В глубине души живет глубокое стремление ощутить единение с Богом — стремление к трансцендентности, которое при его осознании может служить мощным двигателем перемен. На самом деле, среди десяти человек, работавших над этой книгой, несколько мужчин и женщин в начале терапевтического процесса оставили профессии, далекие от сферы личного развития (такие как служба в полиции или журналистика), чтобы полностью посвятить себя психодуховному поиску.

Энергия сексуальных Восьмерок высока по умолчанию, будто эта интенсивность вшита в их ДНК, в темперамент, с которым они приходят в этот мир. Если эта интенсивность направляется в русло психодуховного поиска и ставится на службу пути, оставленному Клаудио Наранхо через психологию энеатипов, эти Восьмерки обычно проходят глубокие и относительно быстрые процессы трансформации — столь же интенсивные, как и они сами.

«Когда мы входим в область познания, мы отбрасываем страх, идем в глубину и полностью отдаемся процессу, что позволяет нам проникать в самые сокровенные уголки своей души».

ДЖОВАННА

Опыт нашей группы показывает, что помимо невротической интенсивности, скрывающей глубокую экзистенциальную пустоту, в их глубинном ядре также существует очень высокий уровень чувствительности. На самом деле, в детстве они ощущали себя чрезвычайно чувствительными, словно всё причиняло им слишком сильную боль, включая чужие страдания. Их трагедия заключалась в необходимости заглушить свои чувства и перестать чувствовать. Поэтому на пути трансформации жизненно важно пройти этот путь назад и восстановить контакт со всем, что было заблокировано, включая любовь и сострадание. Можно сказать, снова стать чувствительными.

Терапия, медитация, групповая работа и использование энтеогенов, таких как аяуаска и другие «духовные лекарства», открывают двери к эмоциям, которые оставались замороженными под твердым — практически стальным — панцирем, выстроенным этими людьми. Смягчение через встречу с любовью, грустью или страхом представляет собой необходимый шаг в процессе их трансформации и поиска. Сексуальным Восьмеркам необходимо вернуть подавленным эмоциям их естественное течение, чтобы снова чувствовать, снова стать восприимчивыми и оставить позади невроз возжеления.

«Я помню свои первые два опыта с аяуаской, во время которых я только и делала, что плакала и плакала. В один из моментов у меня было ощущение, что внутри меня скопилось столько слез, что ими

можно было бы оросить целые долины: мне нужно было выплакать все, что я не выплакала за всю свою жизнь, чтобы исцелиться».

ЛЕОНОР

Другие отмечают практики вроде темаскаля, тесно связанные с шаманскими традициями, как ключевые моменты в своих процессах трансформации.

«Темаскаль может стать отличной практикой трансформации, но не с позиции "вытерпеть все в позе медитации, чтобы доказать свою силу", а с позиции сдачи жару, земле, позволяя камням проникнуть в тебя, давая проявиться всему, что поднимается из тела. Это активизирует мужество раскрывающегося цветка и отпускает гордость рычащего льва. Это поиск выражения и освобождения от страха, боли, плача и подавленной потребности».

БИТТОР

Как мы видим, интенсивность в личной работе увлекает их и может служить точкой входа в процесс поиска. Несмотря на то, что это часть их невроза, при правильном направлении она может стать спасательным кругом и мостом к тонкому, прекрасному и духовному. Именно эти факторы способствуют их «исцелению» и движению к своей истинной сути.

Контакт с прекрасным — через литературу, искусство или саму природу — является еще одним элементом исцеления и открытости как на эмоциональном, так и на духовном уровне.

Будучи характером действия, они учатся через практику, и от этого им легче переходить к теории. Поэтому гештальт-терапия идеально подходит для них, так как она делает упор на непосредственный опыт и на то, что происходит в настоящий момент, с которым сексуальные Восьмерки обычно имеют сильную связь, ведь это один из характеров, наиболее полно живущих в «здесь и сейчас».

Все участники этой группы сходятся во мнении, что процесс, пережитый в Программе SAT, имел решающее значение для их трансформации: осознание своего «безумия», того, как они причиняют боль другим, и невроза, стоящего за этим характером, стали ключевыми моментами для их изменений.

Несколько человек из группы, переживших в своей жизни депрессию, рассказывают о том, насколько трансформирующим оказался этот опыт, поскольку он заставил их больше заботиться о себе, ценить то, что у них есть, и сохранять бдительность, чтобы не впасть в ИЗБЫТОК.

«Когда я начала работать над собой, я жила сегодняшним днем, но без каких-либо целей. Хотелось только проживать все интенсивно, и эту

интенсивность я получала через секс, марихуану... Пройдя SAT, я начала заботиться о себе и смогла простить своего отца за боль, которую он мне причинил. Я вошла в эту боль, увидев его собственную боль, и это открыло во мне сострадание и способность плакать, что очень помогло. Я погрузилась в депрессию, которая оказалась трансформирующей, потому что я смогла позаботиться о себе, перестала впадать в избыток и стала проживать любовь гораздо спокойнее».

КАРМЕН

«На протяжении жизни у меня было несколько депрессий, после которых я научилась ценить очень многие вещи».

МЮРИЭЛЬ

Вхождение в тишину и покой

В процессах трансформации сексуальных Восьмерок также крайне важно войти в состояние тишины и покоя, остановить тело. Остановка тела позволяет им соприкоснуться с внутренним миром, к которому они обычно не имеют доступа, поскольку неподвижность сталкивает их с бессилием и последующим ощущением пустоты. Для людей, нуждающихся в постоянном движении, остановка дает возможность наблюдать и чувствовать ту интенсивность, которая живет внутри них, что может стать дверью к пиковым переживаниям и связи с Богом.

«Я попала в аварию и не могла двигать верхней частью тела от головы до солнечного сплетения. Это были семнадцать лет боли. То, что позволило мне выйти за пределы этой боли, — это дзадзэн, ведь на протяжении тридцати лет я была дзен-монахиней, и для меня было привычным медитировать по шесть-восемь часов перед стеной без движения. Я смогла пережить опыт выхода за пределы тела, и это было хорошим опытом для моего характера, поскольку сознание проявляется за пределами телесного. Из тишины и покоя я смогла соединиться с чем-то большим, с Богом. Это был мой путь, а затем — гештальт».

МЮРИЭЛЬ

Для этих страстных натур тело является дверью к более широкому сознанию, к связи с чем-то более возвышенным. Обычно они обладают высокой телесной осознанностью, поскольку с раннего детства были активны, проявляя свой инстинкт и напоминая скорее детенышей животных, чем обычных детей. Восстановление и интеграция этой телесной связи с эмоциональным состоянием и когнитивным осмыслением — это способ расти, расширять свое сознание и углублять процессы личной трансформации. Речь идет о том, чтобы перестать

воспринимать тело исключительно как средство получения удовольствия и перейти к более тонкому и полному переживанию удовлетворения и осознанности.

Связь с духовным

Тело обычно служит для них путем вхождения в более высокие состояния сознания и проживания того, что можно назвать пиковыми или мистическими переживаниями.

«У меня был опыт на одном семинаре, когда мое тело начало совершать прыжки, и прямо в этот момент я почувствовала любовь, которая наполняет меня и трансформирует, словно я маленькая девочка. Я увидела над собой облака, и там была Дева Мария, которая говорила мне: "Не бойся". В этот момент ее рука потянулась ко мне с кольцом, на котором была скульптура очень большой пчелы с огромным жалом, которым она меня уколола. Я почувствовала сильную боль, но эта боль была любовью — любовью столь огромной, что она причиняет боль. И я просила у самой себя прощения за свой недостаток любви».

МЮРИЭЛЬ

Соединение с состраданием и непосредственное проживание любви внутри себя — это глубоко трансформирующий опыт, поскольку он связывает их с надеждой и невинностью (целительной добродетелью 8-го энеатипа), которые они потеряли в детстве. Это способ почувствовать, что любовь существует и для них, и что они тоже умеют любить, ведь для них свойственно сомневаться в том, что способность любить вообще живет в их сердцах.

В свидетельствах, приведенных ниже, можно увидеть, как опыт соединения со священным облегчает связь с любовью к себе, к другим и к чему-то большему.

«Больше всего меня трансформировала работа с христовым сознанием, через которую я соединился с учителем Иисусом и присутствием Великого Отца-Творца. Однако признаю, что к ним меня привела обнаженность Великой Матери. Пока она обнимала меня своей теплой любовью, а я изливал свой гнев на Бога и Иисуса, я внезапно вошел в переживание части распятия Христа, что изменило не только мою жизнь, но и направление моего эволюционного пути».

БИТТОР

«Долгое время я сомневалась, что умею любить. Когда я начинала свой личный поиск, мне казалось, что этой способности во мне нет, что я не умею и неспособна на это. Постепенно, через работу на семинарах

SAT, медитацию и опыт работы с энтеогенами, я почувствовала, что моя способность любить огромна и у меня большое сердце. Ключевым моментом стал опыт в медитации, когда я почувствовала внутри себя любовь Девы Марии к своим детям и буквально ощутила, как звезды прорастают из моего сердца, и я заново рождаю себя из этой безусловной любви. Это стало дверью к сострадательной любви к себе и к окружающим».

ЛЕОНОР

Ощущение того, что их происхождение также божественно, и возможность вернуть себе достоинство бытия — это глубоко трансформирующий опыт. Ощущение себя детьми Божьими открывает для сексуальных Восьмерок связь с чем-то большим, место, где они могут склонить голову и где их эго может отдохнуть, поскольку теперь не все зависит только от них, как они привыкли невротически думать. Среди их безумных идей есть ощущение себя центром всего плохого и всего хорошего. Поэтому переживание того, что существует нечто гораздо более грандиозное — это единое целое, Бог или как бы мы это ни назвали, — дает им опору и покой, ведь теперь они могут перестать подталкивать реку жизни и начать просто купаться в ней.

Один из участников группы подчеркивает трансмутацию сексуального вожделения в духовность как медитативную практику, которую необходимо включить в личную работу:

«Речь идет о поиске моментов, когда максимально разжигается желание сексуального обладания, интенсивность сексуального акта. Это желание активируется для того, чтобы затем внезапно поднять эту энергию в сердце и выше макушки, стремясь выйти за пределы известного сознания и используя эту энергию как путь для трансформации».

БИТТОР

Он также рекомендует совершать то, что называет «путешествием в поисках истинного отца» без использования психотропных средств, «чтобы сдаться, а не обрести силу, стремясь к осознанному переживанию того, что мы, сексуальные Восьмерки, являемся собственностью пульсирующей Вселенной, проживая свое бытие как то, что Вселенная обладает нами, растворяясь в ней».

Контакт с природой, которая также превосходит самого человека, является необходимостью для многих из этих страстных натур, ведь там они чувствуют себя принятыми и свободными быть собой, зная, что есть земля, которая их поддерживает, и небо, приглашающее к полету. Напомним, что Восьмерка — это конкретный, буквальный характер с ригидным мышлением; ощущение неба над головой может стать приглашением позволить своему разуму взлететь и

обратиться к чему-то более творческому и легкому.

Клаудио Наранхо объясняет, что типу 8, когда он садится на подушку для медитации, полезно уподобиться типу 7, чтобы эта буквальность и конкретность уступили место более творческому видению, свойственному «гурманам» (Е7). Объясняя медитацию, подходящую для Восьмерок, Наранхо предлагает развивать чувство священного, чтобы выйти из крайней привязанности к конкретному и осязаемому.

Природа — отличное место для этих Восьмерок, поскольку она приглашает их к более размеренной, спокойной жизни, с меньшей спешкой и интенсивностью. Кажется, что способность соединяться с природой уже живет в них, возможно, благодаря инстинктивной части их характера.

«Пребывание на природе дарует мне спокойствие, я могу расслабиться. А сажать растения — это что-то очень деликатное и легкое. Мне очень интересно наблюдать за малым и за тем, как из семени рождается растение».

ФЕРНАНДА

Присутствие и сострадание

Путь трансформации сексуального энеатипа 8 — это, по сути, процесс, меняющий его способ присутствия в жизни. Его авторитет перестает ассоциироваться со страхом и уступает место естественному авторитету, основанному на присутствии, сострадании и проявляющемуся через нежность. Мы говорим об авторитете, потому что ощущение безопасности, которое излучает этот энеатип, является его неотъемлемой чертой: этот авторитет переходит от навязывания себя через насилие к излучению силы из присутствия и связи с чем-то большим.

Сексуальные Восьмерки — прирожденные лидеры. Проецируемая ими безопасность и уверенность привлекает людей, но проблема в том, что это лидерство обычно держится на страхе, который они вызывают, ведь гнев сексуальной Восьмерки может быть ужасающим и иметь серьезные последствия, включая вербальное или физическое насилие. В процессе трансформации и работы над собой это меняется, так как они обнаруживают, что для лидерства нет необходимости прибегать к насилию: они могут продолжать вести за собой людей из сострадания и любви, а не из жестокости и беспощадности.

Если им удастся обратить свой взор на собственного травмированного и пострадавшего в детстве ребенка, они могут развить глубокую эмпатию к окружающим и понять тот вред, который они причиняют, когда отождествляют себя с сильным обидчиком. В противном случае они будут воспроизводить паттерны, пережитые в детстве, увековечивая драму насилия.

Исцеляющий жест

Для невроза сексуальной Восьмерки принципиально важно обладать другим человеком. Как мы видели во второй главе, если выразить эту невротическую потребность в виде жеста, это было бы похоже на то, как человек сжимает руку вокруг птицы, пока та не задохнется. С точки зрения невроза, именно так выглядит обладание.

Исцеляющий жест — тот, который может послужить противоводом от этого невроза, — прямо противоположен: открыть ладони, повернув их вверх, отпуская все, что нужно отпустить, с верой в то, что существует нечто большее, что упорядочивает и знает всё, и перед чем остается только склонить голову и довериться жизни.

Избавление от вождения, которым они так гордятся, жизненно важно для их трансформации. Диоген, которого мы могли бы считать развитым сексуальным Восьмеркой, понимал, что истинный циник, освободившийся от своего невротического цинизма и поставивший его на службу эволюции, никогда не будет рабом своих физических или эмоциональных потребностей. Он не убоится голода, холода или одиночества. У него не будет даже стремления к сексу, деньгам, власти или славе.

Диоген был представителем сексуального энеатипа 8, сумевшим отказаться от эгоистичного желания и, следовательно, от вождения. «Диоген, должно быть, был весьма просветленным Е8, поскольку проявлял ту автономию, которая является лучшим качеством этого типа: быть самодостаточным и не быть рабом своих страстей», — отмечает Клаудио Наранхо, говоря об этом философе. И именно это необходимо этим Восьмеркам, чтобы выйти за пределы своего вождения и стремления к обладанию: овладеть собой и стать хозяевами своей страсти, направляя ее на созидательную и сострадательную жизнь.

Противоположностью бунту является сдача (принятие), но не сдача как поражение или подчинение, а как способность отпустить контроль, довериться и открыться естественному течению жизни. Для сексуального энеатипа 8 сдача представляет собой экзистенциальный вызов, поскольку она идет вразрез со всем, чему он научился для выживания. Они выросли с убеждением, что только сила и постоянная борьба защитят их. Сдача, даже на мгновение, ощущается как уязвимость перед предательством, как разрешение миру снова ранить их.

Бунт рождается как защита, как механизм, который держит их на ногах, начеку, готовыми противостоять всему. Сдача же требует того, что кажется им почти невозможным — доверия. Доверия к другим людям, к любви, к тому, что им не нужно всегда все контролировать. И это пугает, потому что означает признание того, что есть части их личности, которые они не могут защитить грубой силой, что есть раны, которые затягиваются только тогда, когда они позволяют другим приблизиться к своей уязвимости.

Им трудно принять эту сдачу, потому что они чувствуют, что, сделав это, могут потерять то, что ценят больше всего — свою автономию, свою идентичность неутомимых борцов. Ирония, однако, заключается в том, что сопротивление сдаче не делает их свободнее; оно привязывает их к бесконечному циклу борьбы и изоляции. Сдача в своем глубоком смысле — это не слабость. Это мужество признать, что они не могут контролировать всё, что они не одиноки, и что отдыхать, доверять и принимать так же сильно, как и сам бунт.

Для сексуального энеатипа 8 вера — это глубоко трансформирующая сила, хотя и колоссальный вызов. Вера не обязательно должна быть религиозной (хотя может ею быть), это убежденность в том, что за пределами их постоянной борьбы существует нечто большее: безопасное место, внутри или снаружи них самих, где они могут сдать, не будучи разрушенными. Это может быть связь с божественным, со Вселенной, с природой или вера в высшее предназначение. Главное, чтобы это было чем-то достаточно прочным, способным поддержать их, когда они чувствуют, что не могут справиться сами.

Им трудно принять веру, потому что они научились не доверять ничему и никому. Их научили тому, что зависеть от других — это риск, который они не могут себе позволить, и идея доверия (даже к чему-то неосязаемому) может казаться наивной. Но на самом деле вера — это не слабость, это убежище. Это пространство, где можно отдохнуть, когда больше нет сил сражаться. Это инструмент, позволяющий находить смысл даже посреди трудностей, сдаваться не страданию, а возможности того, что существует нечто большее, чем их страх, нечто, что поддерживает их, даже когда они чувствуют, что падают.

Чтобы трансформировать бунт, им нужна эта вера. Без нее они остаются заложниками цикла борьбы и изоляции; с ней они находят мужество сдать — не как проигравшие, а совершая осознанный выбор довериться чему-то большему, чем их собственная сила. И в этой сдаче они наконец обретают свободу, которой так жаждут.

Восстановление доверия — это мост, превращающий их бунт из разрушительной силы в созидательную: путь к связи, свободе и, в конечном счете, к миру в душе.

*«После трансформации я стала:
Страстной, но сдержанной: я знаю, когда нужно сделать шаг назад.
Уязвимой и открытой: я делюсь своими страхами без стыда.
Обладающей силой, но не доминирующей: я веду за собой по приглашению, а не силой.
Любящей без контроля: я позволяю людям быть теми, кто они есть.
Осознающей свою тень: я останавливаю себя прежде, чем взорваться».*

ГАЛИНА

«Эпилог. Феникс и Ангел: Я родилась в огне и горела годами. Но в пепле боли я нашла себя. Я — Галина, женщина из стали и души, нежности и силы. И в этой новой жизни я иду не для того, чтобы завоевывать, а для того, чтобы соединять. Сила больше не является моей маской. Она стала моим даром».

ГАЛИНА

АВТОБИОГРАФИЯ

ЦЕЛЬ ИСЦЕЛЕНИЯ, ЧТОБЫ ОТДАТЬ СЕБЯ

МИРУ

Автор: Мюриэль Монди

Я родилась в 1962 году в Тулузе. Я младшая из двух сестер. Чтобы понять мою историю, важно сначала рассказать о моих родителях; их влияние определило отправную точку моей биографии.

Мой отец, Серж, был выходцем из рабочей семьи. Прямой, энергичный, внушительный мужчина. У моего дедушки был громоподобный голос, и в том доме больше кричали, чем разговаривали. О нежности там не знали даже слова, а когда дети надоедали, в ход шёл ремень. Мой отец и его сестра выживали как могли, поддерживая друг друга среди криков отца и истерик матери, пока в очень юном возрасте Серж не решил уйти из дома.

В 18 лет он встретил мою мать. Это была любовь с первого взгляда. Неразлучные, они решили жить вместе и обосновались в маленьком домике. Это была скорее лачуга с крышей и самым необходимым для жизни: бедные, но счастливые и довольные. С ранних лет отец хорошо справлялся с жизнью, подрабатывая ремонтом в домах, и в итоге стал экспертом по укладке полов и ковровина. Проблема заключалась в том, что никто не хотел с ним работать, потому что он всё делал слишком быстро и обладал сложным характером. Он вел себя как сумасшедший и ужасно злился.

Когда я родилась, отец ждал мальчика и воспитывал меня соответственно: играл со мной в футбол, мы катались на лыжах — вдвоем, всегда, когда была возможность. Мне нравилось чувствовать, что я буду как он. Я хотела быть очень сильной и ничего не бояться. «Мир принадлежит сильным» — таков был его девиз, который он повторял постоянно. Он презирал слабых и уверял, что слова «невозможно» во французском языке не существует. А значит, возможно всё, нужно только приложить усилия.

Он никогда не бил нас, никогда не применял физическую силу против нас. В этом не было необходимости. Мою сестру он обожал, она была его любимицей. Мне же

трудно давались чтение и письмо, и из-за этого он презирал меня и подвергал вербальному насилию при каждом удобном случае. Мой отец был грубым и сильным, и, возможно, злоупотреблял алкоголем, но в детстве я этого не понимала.

Моя мать, Нану, была младшей из четырех братьев и сесен. Ее мать умерла, когда ей было два года, а отец их бросил. С тех пор они жили с бабушкой и дедушкой, которые посвятили всю свою жизнь воспитанию внуков. В разгар войны денег практически ни на что не хватало; соседи и местные лавочники помогали этой большой семье выживать.

Дедушка занимался углем, а бабушка шила. Моя мать так и не научилась читать и писать и с ранней юности зарабатывала на жизнь работой на фабриках. Всё, что она зарабатывала, уходило в семью. Моя мать была веселой и ласковой женщиной; деятельной, забавной и очень красивой. Она заставляла уважать себя словом, не прибегая к агрессии. Она всегда дарила нам безграничную любовь, словно желая компенсировать всё то, чего не получила от собственных родителей, и дать это нам в многократном размере. Она страдала из-за того, что не умела писать, как другие, и это развило в ней комплексы, хотя при этом она гордилась тем, что смогла пробиться в жизни собственными силами.

Помню, как в детстве я разговаривала с матерью и говорила ей, что «это я её мать». Она, конечно же, возражала и отрицала это, но я настаивала, и моя убежденность была настолько твердой, что со временем она решила оставить меня с моими мыслями. Она рассказывала мне, что когда я говорила на эту тему, то выглядела как взрослая девочка.

Моя сестра Марджори на восемнадцать месяцев старше меня. Она была женственной, чувствительной, пугливой и очень осторожной девочкой. Когда мы играли, мне приходилось быть очень аккуратной, чтобы не сделать ей больно. Мы были противоположностями и дополняли друг друга. Она была старшей и иногда капризничала или попадала в неприятности; я всегда бросалась ее защищать. Если мальчишка отнимал у нее конфету или обижал ее, я тут же вмешивалась, чтобы навести порядок. Моя прекрасная сестра — женственная и хрупкая, и я, вытаскивающая ее из передраг.

В детстве мы не совпадали ни в играх, ни в интересах, так как она, помимо того что была старше, развивалась гораздо быстрее, а я всегда предпочитала мальчишеские игры. Иногда я играла в куклы с сестрой, так же как и она играла со мной в пистолеты или мяч, но нам обоим не нравились игры друг друга, и мы их бросали. Мне было ужасно скучно; было очевидно, что игры моей сестры — не для меня.

Сестра меня беспокоила; я видела ее хрупкость и чувствовала себя ответственной за все, что с ней происходило. Мама рассказывала мне, что когда мы были в детском саду, трое мальчишек отобрали у моей сестры конфеты, и я вмешалась, пустив в ход кулаки. На следующий день директриса вызвала мою маму и сказала

ей: «Если уж приходится бить, пусть бьет послабее». Мама гордилась мной и шепнула мне на ухо: «Какая же ты сильная, моя малышка, и как хорошо, что ты защитила сестру!».

С годами мы стали близкими подругами, жили в одном доме и вместе работали.

Я не осознавала, что такое причинять боль; я лишь твердо знала, что если хорошенько ударить, все сразу успокоится. Я хотела быть как папа, и он мне это ясно продемонстрировал. Однажды в машине у него возник спор с другим водителем. Он выскочил как безумный, и я увидела, как он затряс того мужчину, который, разумеется, мгновенно притих. Сев в машину, отец сказал мне: «Видишь, дорогая? Таков мир. Мир принадлежит сильным». Я поняла это сразу же.

Уже с тех ранних лет я определила свое место в семейной системе: я буду сильной, как мой отец, и буду защищать маму, сестру и своих — всегда.

То, что я чувствовала себя не такой, как все, делало меня уязвимой и одновременно придавало уверенности. Я чувствовала, что готова к чему угодно, к любой ситуации еще до того, как она возникнет. В детстве я уже чувствовала себя взрослой.

В шесть лет у меня возникли серьезные проблемы с кишечником, из-за которых я попала в больницу, где мне сделали операцию по поводу перитонита. Через несколько дней мне пришлось вернуться в реанимацию из-за непроходимости кишечника. Я уже бредила и впала в кому, у меня зафиксировали клиническую смерть. На протяжении пятнадцати лет я страдала от колик, проводя дни и недели в постели, не в силах ничего делать. Я находила позы, которые облегчали мое состояние, и начала кое-что понимать в строении и работе тела. Мне пришлось годами оставаться в постели, чтобы восстановиться, из-за чего я не могла ходить в школу. Каждую неделю я брала уроки французского у логопеда. Вскоре у меня развилась сильная дислексия, из-за чего меня вообще ничего не интересовало, и у меня было ощущение, что я теряю время, потому что буквы путались в моей голове.

В девять лет, когда я наконец смогла вернуться в школу, я уже сильно отставала, так как школьная система заставила меня пропустить начальные классы, где я могла бы научиться читать и писать. Это замедлило мое обучение. Я всегда была последней в классе. Единственное, что меня интересовало, — это мои одноклассники и игра в футбол. Школьная система действительно оказалась для меня полным провалом. И все же благодаря этим трудностям мои чувства обострились еще сильнее, и сейчас я говорю себе, что у любого недостатка есть двойное преимущество.

Из того периода у меня очень живо в памяти одно воспоминание об отце. Мы с мамой и сестрой на кухне. Я пытаюсь читать с маминой помощью, повторяя снова и снова спряжения глаголов. Заходит отец, тепло обнимает нас всех. Его рука

гладит меня по спине — она кажется мне огромной, медвежьей лапой. Мне приходится цепляться за стул, чтобы не упасть. Тем не менее он говорит мне: «В спорте ты чемпионка в любом виде, у тебя невероятные способности, хотя ты никогда не станешь учительницей, дорогая. Ты слишком глупа и слишком отсталая. Бедняжка, ты никогда ничего не добьешься со своей гребаной дислексией. Тебе придется начать работать очень рано, как твоей матери; это единственное, что тебе останется. В этой жизни нужно иметь дипломы, а у нас с твоей матерью, как видишь, их нет». И продолжил: «Такова жизнь: либо ты идешь, либо умираешь. Жизнь для сильных; слабые и хрупкие — это просто дерьмовые мухи... Они ничего не стоят».

Из-за того, что я плохо читала и писала, отец плохо ко мне относился, и порой делал это при людях. Когда он начинал так себя вести, я уходила в свою комнату и плакала, если могла; если нет — терпела, сжав кулаки, ощущая горький привкус во рту.

Тем не менее в те моменты я думала: «Я добьюсь в жизни того, чего хочу. Я сама буду решать свою судьбу и не стану жить как он: работать без остановки, пить и постоянно злиться на всё и на всех».

Я недоумевала, как мама может оставаться с ним: в нем не было деликатности, он был грубым, обозленным, критиковал окружающих, у него не было ни капли терпения или сострадания. Его голос подавлял. Я часто думала, что было бы хорошо, если бы он не возвращался домой, если бы он разбился насмерть в машине (зная, что он водит как сумасшедший). Нам дома без него было бы гораздо спокойнее.

В семь лет дедушка по отцовской линии подарил мне набор для выживания. Он состоял из небольшой веревки, плоскогубцев, фляги и, самое главное, карманного ножа. Он ясно дал мне понять, что всё это очень важно, чтобы выбраться из любой передрыги, но самое главное — подчеркивал он при объяснении — всегда носить с собой нож. Когда я ходила с ним за грибами, диким салатом или цветами для мамы, я всегда пользовалась им. Остальные инструменты почти никогда не требовались.

Я также пользовалась ножом, когда сидела в хижине, которую построил мой отец на деревьях перед домом. Эта хижина была моим убежищем, где я разговаривала со своим другом-деревом и со всеми животными, которые приходили ко мне в гости (эта любовь к животным сопровождает меня всю жизнь). Там я строгала щепки и играла; дома меня звали Маугли. Нож был со мной повсюду.

Уже взрослой я работала в крупном ресторане до двенадцати ночи. Выйдя с работы и направляясь к дому, я увидела высокого мужчину, прислонившегося спиной к моим дверям. В руке он держал нож и чистил им ногти. Выйдя из машины, я заметила его; мне это не понравилось, у него был взгляд безумца. Он посмотрел на меня с презрением. Я сказала ему, что мне нужно пройти, и он

показал мне свой нож. В мгновение ока я достала собственный нож и приставила его к его горлу, коснувшись кожи. Мужчина опешил от моей скорости; он не ожидал этого. «Ну и что теперь? Сам отойдешь или помочь?» — спросила я твердым и громким голосом. Он убежал.

Когда я зашла домой, мои ноги дрожали, но голова все еще была полна адреналина. Я чувствовала себя смелой и радовалась своему инстинкту. Дрожь в конце концов заставила меня сесть в кресло. Я рассмеялась, глядя на то, как ходят ходуном и трясутся мои ноги. Мой живот подсказал мне, какой страх я испытала, хотя в тот момент я его не осознавала.

Было ясно, что этот ножичек служит мне для всего, и я всегда носила его с собой, пока не обрела осознанность и не отпустила его. Я отложила его на какое-то время, когда начала погружаться в мир терапии и личного роста; мне было 35 лет. Сегодня, в свои 63 года, я ловлю себя на том, что в кармашке моей сумки всегда лежит нож.

В восемь лет я очень отчетливо помню один случай: у нас был семейный обед с дядей, тетей и кузенами. Перед их приходом я услышала, как родители обсуждали, что дядя ударил тетю. Во время ужина дядя сидел напротив меня, полупьяный, как обычно, и нес всякую чушь, словно ничего не произошло. Я не могла перестать думать о том, чтобы схватить хлебный нож и убить его; для меня было очевидно, что он это заслужил. Мама посмотрела на меня, увидела мою ярость и мое намерение. Она встала из-за стола и попросила меня пойти с ней помочь на кухне. Когда мы остались вдвоем, она попыталась объяснить мне, как могла, что это не способ решать проблемы. Я осталась при своем мнении и пыталась убедить ее, что лучше всего покончить с ним, тогда он больше никогда не побеспокоит мою тетю и кузенов, которых, как я знала, он тоже бил.

Когда я смотрю назад и думаю о себе, я полностью себя узнаю. С самого детства я была очень решительной и дерзкой, особенно когда чувствовала, что должна защитить более слабого. На самом деле, все казались мне слабее меня, а значит, я должна была защищать всех. Я должна была защищать тех, кто на моей стороне, потому что остальные были плохими, и, судя по всему, работы у меня хватало.

По мере того как я осознавала свои особенности, способности, свои «суперсилы»... что ж, остальные казались мне медлительными и неуклюжими. Я словно видела их погрязшими в жизни, которой я не понимала, интересующимися вещами, которые не имели ко мне отношения, и оставляющими в стороне то, что для меня было самым главным. Я чувствовала себя более связанной со Вселенной, со всем, что меня окружало, чем с другими людьми. Все остальное меня мало заботило, за исключением моей семьи и самых близких друзей, и, думаю, так остается и по сей день.

Май 68-го года потряс всю Францию. Я помню, как видела по телевизору феминисток, выходящих на главные улицы, будоражащих даже мертвых своей

силой и решимостью. Плечом к плечу, мужчины и женщины, объединенные борьбой за равные права человека. Голоса, требовательные к сексуальной свободе, финансируемым государством абортam, и протест против военной элиты и бюрократии. Это было народное восстание, охватившее всю страну.

Мы жили в Тулузе, пока мне не исполнилось шесть лет, как раз в 1968 году. В тот момент родители решили купить участок земли примерно в двадцати километрах от города и начали строить наш загородный дом. Окружающая природа была прекрасна: деревья, цветы и даже небольшая речка, протекавшая через наш участок.

После дома наступила эпоха фургона. Мои родители оборудовали красивый фургончик для продажи блинчиков и вафель по выходным. Они вместе с сестрой занимались едой и напитками. Мне же ставили небольшой прилавок, где я продавала бутерброды, сладости и дешевые игрушки. Я с большой нежностью вспоминаю те дни, хотя, сама того не зная, я начала свою трудовую жизнь будучи совсем маленькой.

Когда мне было десять лет, родители прицепили к фургону жилой прицеп, и в течение двух летних месяцев мы начали путешествовать с турне радиостанции Sud Radio. На протяжении пяти лет мы кочевали как цыгане, каждый день на новом месте, объездив все города юга Франции. Там мы жили бок о бок со звездами шоу-бизнеса и еще примерно пятнадцатью людьми из съемочной и технической группы. Мы были большой семьей, которая все делала вместе. Мы монтировали сцену, расставляли прицепы полукругом. В центре шоу всегда была звезда (Шарль Азнавур и Далида), а магия начиналась с Филиппа Кастане, радиоведущего, который разогревал публику конкурсами, играми и розыгрышами.

Я помню, как три деревенских мужика могли нарядиться в балетные пачки и порадовать зрителей сюрреалистичным танцем из «Лебединого озера» взамен на призы, например, электрическую фритюрницу марки X и так далее. И все это под смех и аплодисменты публики.

Когда я вспоминаю то время, мне кажется, что это было ближе всего к счастью. Жить в прицепе с родителями и сестрой, спать всем вместе, проводить дни в компании всего этого цирка... для ребенка моего возраста это было чистым наслаждением. Из тех поездок я вынесла важные уроки. Общение со самыми разными людьми, включая тогдашних знаменитостей, помогло мне понять, что слава мимолетна. Некоторые не справлялись с падением с этой высоты и кончали жизнь самоубийством. Мой отец объяснял это просто: «Чем выше взберешься, тем больнее падать». В том юном возрасте я уже многое узнала о жизни.

Когда мы с сестрой были подростками, в возрасте от 14 до 19 лет, мы работали на городских ярмарках и рынках. Помню, я быстро научилась отстаивать наше место, особенно перед мужчинами, которые пытались отобрать у нас арендованный клочок площади. Однажды один парень пришел забрать наше место и... бедняга! Я

послала его к черту, без всякой пощады, и ясно дала понять, что ему не поздоровится, если он продолжит: «Если попробуешь еще раз, я буду кричать еще громче». И это было правдой: в таких ситуациях ко мне никто никогда не лез. Это завоеванное уважение было для меня игрой власти. У меня выработались уверенность и сила характера, столь же прочные, как и мой голос — громкий и мощный, совсем как у отца. Мне нравилось заставлять этих типов затыкаться. Я чувствовала себя сильной, непобедимой.

К моим 23 годам родители уже развелись. Мама ушла из семейного дома. Поскольку отец сошел с ума от алкоголя и развода, мы втроем решили навещать его по выходным, чтобы успокоить его расшатанные нервы и депрессию. В один из дней, ожидая его возвращения с рынка, я услышала звук подъезжающей машины. Внезапно, сама не зная как и почему (я была в бассейне), я выскочила и направилась прямо к нему, не дав ему даже выйти из машины. На заднем сиденье я увидела заряженное ружье 22-го калибра, а на его лице отражалось полное безумие, глаза были полны боли и ярости. Я быстро позвала маму и сестру и убрала заряженное ружье подальше.

Я обняла отца, говоря, что очень люблю его и что он мой дорогой папа. Он разрыдался как ребенок и потерял сознание. Он приехал с намерением убить нас. Нам пришлось положить его в лечебницу — известную в народе как «дом умалишенных». Отцу потребовалось около четырех лет, чтобы восстановиться, и в этот период он то ложился в больницу, то выписывался. Наш инстинкт выживания и моя интуиция — вот что спасло нас троих. Я не чувствовала страха ни до, ни после. У меня всегда было ощущение, что какая-то сила заставила меня подняться.

Мои первые отношения с парнями начались в 18 лет. Вскоре я поняла, что мой взгляд, мои вибрации и мое притяжение направлены на женщин. К счастью, у меня не возникло серьезных проблем с семьей из-за этого. Они знали, что я *garçon manqué* (пацанка) — французское выражение для обозначения мужеподобных девушек. Тем не менее я была женственной, спортивной и довольно привлекательной, чтобы проживать свою сексуальность на полную катушку.

В то время я отлично проводила время. У меня были девушки, отношения с которыми длились по несколько лет, а также постоянные любовницы и случайные связи. Каждую ночь в моей постели была новая женщина. Это был настоящий водоворот страстей! Заканчивая работу, я отправлялась на ночные вечеринки, много пила, обожала танцевать и флиртовать... Я была молода и погружена в бурлящую атмосферу восьмидесятых годов, в свободную любовь, на улицах или под арками. Это было постоянное ощущение безграничного наслаждения и вожделения! Я жила сексуальной свободой без осуждения. Всё было удовольствием, наслаждением любовью.

В 20 лет я была с сестрой и подругами на Коста-Брава, в Испании. Мы пришли в бухту, где была очень большая и высокая скала. Там было много людей, и парни прыгали сверху, а некоторые даже ныряли головой вниз. Конечно же, я быстро

поднялась на скалу и прыгнула рыбкой. Мне тут же захотелось прыгнуть снова, адреналин разливался по всему телу, и ощущение было фантастическим. Я не видела опасности, да и вообще никогда ее не замечала. Я захотела прыгнуть снова; сделала это, но перед самым соприкосновением с водой мои руки не успели защитить голову. И когда моя голова ударилась о воду (после прыжка с высоты более двадцати метров), я услышала сильный хруст в шее и почувствовала ужасную боль. Моя голова вывернулась назад, и я потеряла сознание в воде, вернее, мгновенно умерла.

Мое существо вышло из меня, я увидела себя вне тела, наблюдая, как оно медленно опускается в глубину моря; я смотрела на это безжизненное тело, которое было моим. Помню, мне нравилось смотреть на себя со стороны... я снова испытывала те же ощущения, что знала в детстве при непроходимости кишечника, поэтому не удивлялась. Мне было очень хорошо, я не чувствовала ни страха, по сути, ни боли. Я ничего не чувствовала... было только тело, бывшее моим, но без признаков жизни. Внезапно я поняла, что, должно быть, мертва; мне было очень комфортно с этим чувством. И я сказала себе: «C'est fini, ma chérie (Всё кончено, дорогая), я возвращаюсь туда, откуда пришла, я возвращаюсь на небо». Вдруг я снова вошла в свое тело, увидела, как двигаются мои ноги, и сказала себе: «Но я же не мертва!».

Мне нужно было подняться к скалам на поверхности с помощью рук. В тот момент я поняла, что прыгнула с очень большой высоты. Из воды, на самой вершине скал, я увидела сестру, которая делала знаки; она казалась очень встревоженной тем, что я долго не выныривала. Действительно, я не знаю, как смогла взобраться на эти скалы. Думаю, это позволило мне сделать шоковое состояние. Помню взгляд сестры, когда я поднялась к ней. Я не знаю, сколько времени пробыла под водой, но по ее реакции поняла, что прошло слишком много времени. Посмотрев на мое лицо, она поняла, что что-то не так, а я старалась ее не пугать. Я сказала ей, что нам нужно ехать в больницу, что мне плохо и я повредила шею.

Мы быстро поехали в больницу. После нескольких часов ожидания мне сделали укол в ягодицу, чтобы я могла терпеть боль, и надели фиксирующий воротник. Доктор сказал, что мне нужно отдыхать и ничего не делать, что это, скорее всего, сильное растяжение шейных связок и ничего серьезного. Через неделю я вернулась во Францию, домой. Я чувствовала, что мне совсем нехорошо, у меня ужасно болело от шеи до середины позвоночника, и я начала замечать, что мои движения становятся все более ограниченными. Я вернулась к рутине и работе официантки. Через двадцать дней я уже не могла продолжать работу. На самом деле у меня была сломана шея, и я находилась в шаге от паралича всех четырех конечностей. Вся верхняя часть тела была полупарализована, я не могла удержать даже стакан воды.

Здесь начались мои поиски исцеления. Годами я посещала множество врачей, специалистов, ревматологов и т. д. Некоторые хотели вставить мне штифты в шею,

не гарантируя при этом, что это что-то исправит.

Из-за последствий аварии в 23 года мне сделали операцию по уменьшению груди. Врачи сказали, что операция облегчит нагрузку на шейный отдел и это будет лучшим решением для меня. Хотя мне не нравилась эта идея, я знала, что многие женщины прибегают к этой операции из-за боли в шее. Операция оказалась полным провалом. Я ложилась на операционный стол трижды. Из груди 120-го размера я получила два сплюснутых «яйца». Помню, когда мне делали вторую операцию под местной анестезией и пытались прочистить дренаж аспиратором, боль была невыносимой. Не раздумывая, я крепко схватила доктора за гениталии и сказала, что больше не могу терпеть это варварство. Он, удивленный и ошеломленный, тут же приказал все прекратить, пока медсестры смотрели на это (некоторые сдерживали улыбку). Он сказал, что операция будет проведена на следующий день под общим наркозом.

Мне потребовалось четыре года, чтобы восстановиться. Я ежедневно практиковала визуализацию и массаж. Мне было трудно видеть себя обнаженной в зеркале; я переживала эту операцию как кастрацию.

Долгое время я хотела отомстить этому человеку, причинить ему ту же боль. Я даже фантазировала о том, чтобы кастрировать его, чтобы он почувствовал то, что испытала я. Поэтому я решила больше не встречаться с ним после операций; я предпочла пройти терапию, чтобы преодолеть эту травму.

Примерно через пять лет непрерывных поисков я пришла к убеждению, что никто не может мне помочь. Я не могла вернуться к работе. Было невозможно даже удержать стакан воды. Машину я водила коленями. На руль я установила специальное устройство, чтобы было легче поворачивать, потому что все давалось мне с невероятным трудом, и каждое движение сопровождалось сильной болью, находившейся на грани терпимого. Я несколько раз говорила себе, что если так пойдет и дальше и я не найду решения, то долго не протяну. Я не раз думала о самоубийстве. Я не хотела, чтобы кто-то беспокоился обо мне, поэтому нашла способ делать дела, не вытягивая рук, чтобы казаться абсолютно нормальной. И действительно, я была великим чемпионом во лжи.

В это время я познакомилась с мадам Поль Верн, софрологом. Я провела с ней три года, изучая и практикуя софрологию и йогу. Однажды она посоветовала мне практиковать дзен-медитацию, что я и сделала.

И вот один друг приглашает меня на лекцию тибетского монаха, который, по идее, должен был говорить о том, как выйти «за пределы боли и страданий». Лекция проходила в Тулузе, где неподалеку от города располагалась община. На лекции мне показалось очень интересным слушать его учение. Ближе к концу беседы монах задает вопрос залу: «Кто хочет перестать страдать?». Он просит нас поднять руки. С большим трудом, с помощью друга, мне удается поднять руку. Монах смотрит на меня, указывает пальцем и преподносит то, что я считаю своим первым

уроком на этом пути.

Он говорит мне: «Ты не хочешь больше страдать... тогда медитация — вот истинное освобождение от любых страданий. Медитируй и много практикуй, и только так ты сможешь обрести истинную свободу, к которой все стремятся. Истинное освобождение существа связано с прохождением сквозь боль, будь то физическая или психологическая. Только так мы можем достичь состояния будды в своей полноте».

Конечно, после лекции я осталась под глубоким впечатлением и быстро нашла центр для медитации. Я нахожу додзё дзен-медитации, в котором с этого момента начинаю ежедневные практики и интенсивные занятия по выходным. Там я познакомилась с той, кто станет моей близкой подругой, спутницей и сестрой — Аник.

Ежедневная практика состояла из двух 45-минутных сессий дзадзэн — неподвижного сидения перед стеной. Для моего сильного, импульсивного характера, обладавшего бурлящей жизненной энергией, это стало настоящим событием. Сидеть без дела так долго, день за днем, в итоге изменило меня радикально.

Помимо ежедневной практики, я также присоединяюсь к ретритам в храме, где провожу полные два месяца в году. Медитация лишила меня возможности убежать от боли и трудностей. Выпрямить позвоночник, дышать спокойно и глубоко, не двигаться. Самым сложным вызовом было именно не двигаться. В моем случае не двигаться означало не убежать. Оставаться там и чувствовать то, что шевелилось во мне, то, что действительно болело, и не заглушать это никакими импульсами к действию (какими бы они ни были). Неподвижность стала даром для эволюции моего характера; она дала мне время, чтобы увидеть себя так, как никогда раньше, заметить свои автоматические механизмы заглушения любого дискомфорта через действие и, конечно же, осознать все то осуждение, которое я несла в себе по отношению к себе и другим.

В начале практики все казалось битвой с самой собой, со своим эго, и именно через принятие своих трудностей я начала лучше понимать свой механизм «акция—реакция». Это то, что действительно позволило мне отдаться практике тишины и оставить тело в покое в той неподвижности, которая с каждым разом казалась мне все более глубокой и богатой. Я чувствовала, как расширяется мое внимание. До того как прийти к этому, я ощущала себя диким конем изнутри и говорила себе, что моя обязанность — укротить эти импульсы.

Несмотря на все эти изменения и познание своего существа, я продолжала чувствовать себя не такой, как все, и значительно превосходящей других во всем.

С практикой моя интенсивность, импульсы и бунтарство начинают утихать, и я обретаю некоторый покой внутри себя. Вместо постоянного поиска сильных

ощущений я начинаю стремиться к спокойствию и тишине. Это также начинает сказываться на моей манере говорить; я больше не тороплюсь, беру паузы, и способность слушать других тоже расширяется.

Во время общинной работы (саму) я помогаю на раздаче еды; в столовой нас около четырехсот человек. Все едят в тишине. Есть один парень, который помогает нам ставить тарелки на тележку. Мне кажется, что он делает это очень плохо и слишком медленно. В конце работы я подхожу к нему и говорю без всякого сострадания:

— Ты ни на что не годен! Витаешь в облаках, и у тебя напрочь отсутствует интуиция. Кроме того, здесь нельзя шуметь, а ты без конца гремишь тарелками. Совершенно не заботишься об аккуратности. Нужно вести себя тихо, черт побери!!!

Я говорю это с огромным гневом и злостью. Он лишается дара речи, в глазах стоят слезы.

— Надо же... еще и чувствительный, — иронизирую я.

На самом деле я уничтожила его, сама того не замечая. Моя подруга, которая невольно стала свидетельницей этой сцены, заставила меня увидеть, что я натворила. Мне становится очень плохо, я чувствую себя фашисткой и испытываю вину за то, что обошлась с ним подобным образом. Мне не трудно извиниться в тот момент, но и делать это не слишком комфортно. Я смогла увидеть его боль и почувствовала ее в себе. Благодаря ему я начала вести себя по-другому, умерив свое презрение к людям и принимая особенности и трудности каждого. Это был простой и великий опыт для моего энотипа.

Порядок в храме и все правила практики позволили мне гармонизировать отношения с другими и следовать космическому порядку: «молчать, не спорить и практиковать в тишине». Постепенно дисциплина проникла в мой характер и изменила меня. Я оставила любые порывы к провокациям, ведь раньше провоцировать было тем, чем я наслаждалась с вожделением, чувствуя себя непобедимой, видя чужую беззащитность... как делал мой отец и как он меня научил.

Несколько лет спустя, в храме, я почувствовала необходимость стать частью сангхи, попросив о посвящении в бодхисаттвы. Частью этого процесса является то, что каждый будущий посвященный шьет вручную свой собственный ракусу, стежок за стежком. Еще одно испытание терпения для меня: столько точности в этом ритуале, в каждом стежке... Конечно, я не раз была готова все бросить и уничтожить в процессе. Недостаток терпения заставлял меня видеть это действие как невозможное. Через несколько лет я приняла посвящение в дзен-монахини, чувствуя себя полностью единой с учением и практикой. Сангха превратилась в «мою сангху». Когда я впервые надела монашеские одежды (кеса и коромо), я действительно почувствовала свою принадлежность, почувствовала себя защищенной, одной из них, я была счастлива.

Спустя годы опыт изменился. Я увидела и почувствовала, что одежда дает мне власть и что эта власть раздувает мое эго. В своей особенной одежде я снова начала чувствовать себя не такой, как все, и выше других. Я этого не хочу.

«Я дзен-монахиня»... и я снимаю монашеские одежды и продолжаю практиковать с группой в додзё, снова становясь равной среди других.

Все эти годы практик и ретритов позволили мне выйти за пределы боли и пережить внутреннее различие между болью и страданием.

В 27 лет я познакомилась с кунг-фу. Жених моей подруги пригласил нас на показательные выступления, и я мгновенно поняла, что это для меня. Сочетая медитацию, телесную реабилитацию и это искусство, я смогла двигаться почти нормально, хотя и не без боли. Через год после знакомства и начала занятий боевыми искусствами я выиграла чемпионат Франции (два раза подряд) и заняла второе место на чемпионате мира на Тайване.

Однажды, за годы до приезда в Барселону, мне посчастливилось познакомиться с остеопатом и физиотерапевтом, который помогал мне на протяжении семнадцати лет. Я ходила к нему на прием минимум дважды в неделю. Это позволяло мне выживать со своей инвалидностью, справляться с болями в тройничном нерве, которые парализовали мое лицо. До сих пор, честно говоря, я не знаю, как могла выдерживать эту ситуацию.

В 1995 году наш дзен-мастер приглашает нас в Барселону для проведения семинара по дзадзэн. Он влюбляется в этот город, и ему нравится идея открыть там додзё. Он сообщает мне об этом. Два месяца спустя, в возрасте 33 лет, мы с моей подругой Аник приезжаем жить в Барселону. Мы оказываемся в районе Грасиа и обосновываемся в помещении на первом этаже недалеко от парка Гуэль. В этот первый период я каждый день хожу в парк, после медитации гуляю и занимаюсь «своим садом»; мне нужно чувствовать землю, вдыхать запах травы, ощущать поцелуй ветра, слушать птиц. Садовники спрашивали меня, что я делаю в саду, а я отвечала им:

— Я дочь земли, мне это нужно, это жизненно важно для меня...

Они много смеялись, видя меня на четвереньках, пропалывающей траву и убирающей мусор.

Перед дверью додзё дзен-медитации (которое также было нашим домом) мы вешали рекламу и так начали заявлять о себе. Я вела занятия по кунг-фу, массажу и софрологии.

Быстро мы познакомились с жителями района и окрестностей. Практикующие из разных групп дзадзэн и то, что предлагала каждая из нас, позволяли нам жить на скромные средства: оплачивать аренду и еду, и ничего более. Мы обе шли по

этому пути с одинаковой верой, одинаковой любовью и одинаковым желанием проживать свою судьбу. Для нас было более чем достаточно открыть этот город и посмотреть, куда приведет нас это приключение.

У меня всегда были трудности с тем, чтобы доверять мужчинам в целом, но с Клаудио я почувствовала доверие мгновенно. Я ощущала его тепло и заботу, чувствовала себя защищенной и любимой, и кроме того, могла делиться с ним своими мистическими переживаниями. Именно в его присутствии у меня пробудилась кундалини. С того дня мое тело и дух постоянно совершали произвольные движения в его присутствии. И каждый раз, когда я видела его, моя безусловная любовь становилась все больше. Я не понимала, как возможно, что через мое маленькое тело проходит столько энергии, как она переполняет меня, и я ничего не могу с этим поделать. Именно Клаудио помог мне и поддержал меня в эти моменты растерянности, с одной стороны, и огромного раскрытия к бесконечной преданной любви, с другой.

Несмотря на всю растущую духовную связь и мою ежедневную практику растяжки и боевых искусств, физические боли продолжались; они оставались очень сильными и парализующими. Мои поиски исцеления длились более двадцати лет, и когда я уже почти теряла веру, Клаудио познакомил меня с доктором Марио Фиоре. Я говорила Клаудио, что не смогу больше так жить, что даю себе еще один год жизни, а потом выброшусь из окна; я дошла до предела, когда мне уже было все равно.

То, как я сейчас переживаю свой несчастный случай и этот процесс физической боли, заключается в том, что боль закаляла меня изнутри и снаружи; это был единственный способ, который я нашла, чтобы держаться.

Доктор Фиоре вылечил меня за три сеанса, три дня подряд. В первый раз, когда он положил свои руки на мою шею, из меня вырвался почти нечеловеческий крик, родившийся из глубокого удушья. Спустя время я поняла, что это был крик, который я удержала в воде, во время того падения, которое изменило мою жизнь. Я почувствовала огромное физическое облегчение и начала плакать. И я говорю «начала», потому что не могла остановиться месяцами. Все мое тело плакало. Мои слезы лились сами собой, без каких-либо мыслей или образов, как из открытого крана. Я чувствовала, что плач освобождает меня от всего, что я терпела, от всего накопленного напряжения.

Клаудио открыл мне дверь сердца. И с открытым сердцем, после процесса SAT, я встретила человека, с которым сочеталась браком и с кем разделяю свою жизнь с тех пор, вот уже более пятнадцати лет. Я больше никогда не хотела встречаться с другими женщинами; мне приходилось отказывать некоторым, кто мне нравился, и это не составляло труда... что меня саму удивляло! Что-то радикально изменилось во мне. Мне нравится быть верной, быть только с ней, полностью вкладываясь в «наше». Я осознала необходимость найти спутницу своей жизни.

Сейчас, в свои 63 года, я живу с целью делиться тем, чему научилась. За годы обучения я стала терапевтом и преподавателем тибетской вертебральной практики, унаследованной от доктора Фиоре (с которым я не расставалась после знакомства). И на приемах, и в терапии я продолжаю учиться бесконечно.

АВТОБИОГРАФИЯ

ВСТРЕТИТЬ ДЬЯВОЛА И ОТОМСТИТЬ БОГУ

ЖЕРАР КАСТЕЛЬО ДУРАН

Моей матери было 16 лет, а отцу 21, когда я был зачат. У них уже была маленькая дочь, и жили они в скромном, несколько уединенном сельском доме, где мой отец держал небольшую свиноферму. Во время беременности моя мать часто рассказывала, что ей несколько раз являлся дьявол. Не в виде какой-то конкретной фигуры, а как тень, которая возникала в комнате и шептала, что я буду его. Она молилась, в отчаянии пытаясь прогнать это присутствие.

Моя тетя тоже говорила о странных событиях. Она уверяла, что видела ту же самую тень, и говорила, что ясно чувствовала, как по дому бродит злое присутствие.

Мое рождение тоже было необычным. У моей матери отошли воды в 1:30 ночи 2 февраля 1977 года. По дороге в больницу роды ускорились; я уже начинал рождаться. Все происходило слишком быстро. Однако по прибытии врачи решили вмешаться. Вместо того чтобы помочь родам, они попытались остановить их, заталкивая меня обратно в матку, чтобы подождать — как они говорили — процедуры.

В этот момент, по словам моей матери, что-то изменилось. Она говорит, что я развернулся. Что я отступил по собственной воле, как будто решил не выходить. Моя мать запаниковала; она кричала, что я разрываю ее изнутри, и что она хочет немедленно уйти оттуда. Ее привязали за ноги и руки к каталке, и акушерка даже ударила ее, чтобы она успокоилась, пока мать отвечала им оскорблениями. Врачи били ее по животу — ну, скорее массировали его — пытаясь вернуть меня в правильное положение. В конце концов им пришлось использовать щипцы, чтобы извлечь меня. Моя мать всегда рассказывала, что я начал плакать, еще находясь в ее утробе.

Между нулем и семью годами произошло много всего. Я помню себя маленьким, ползающим по полю; наша мать оставляла нас очень свободными, возможно, слишком свободными. Однажды мы видели очень большую змею, ползающую вокруг дома. Мы искали ее, чтобы поиграть с ней, пока она в конце концов не укусила мою сестру Т. Тогда мой отец, вне себя от ярости, кричал, упрекая мать в том, что она плохо за нами смотрит.

Я помню темный дом. Я также помню, что когда мы заканчивали мыться, мой отец хватал меня за шкуру и поднимал в воздух, а затем давал мне упасть. Мне это было страшно, но так как это был единственный физический контакт с ним, я

пытался улыбаться, надеясь, что он так останется со мной. Мне тогда было около года.

Моя мать говорила, что в мои первые ночи я рычал во сне, и она садилась рядом со мной с миской святой воды, слегка окропляя меня, повторяя снова и снова: «Сатана, выйди».

Мои родители развелись, когда мне было три года. Нас было трое: Т., старшая; я, средний; и С., младшая. Ссоры между ними были постоянными. Моя мать не выносила мысли, что заперта дома, пока отец проводит дни, работая на ферме. Когда они наконец развелись, они были первой парой в деревне, сделавшей это, что вызвало шквал критики, сплетен и осуждений. Люди говорили, указывали пальцами. Мою мать сразу заклеямили: называли «шлюхой».

Она, со смесью гнева и смирения, отвечала, что, возможно, так и есть. Она говорила, что поскольку мой отец не мог платить алименты — по его словам, у него не было денег — у нее не оставалось другого выбора, кроме как ложиться с мужчинами, чтобы нас прокормить. С тех пор отношения с ней стали запутанными и болезненными. В моем случае я стал центром ее ожиданий. Я должен был стать ее идеальным мужчиной, ее утешением, ее безоговорочной верностью.

Она принуждала нас говорить, что мы любим ее больше, чем отца. Если мы колебались или не отвечали так, как она ожидала, она теряла контроль: кричала, плакала, выгоняла нас из дома, как предателей. Я помню одну ночь, мне было пять лет, когда моя старшая сестра заметила, что ей тоже нравится бывать с папой. Этого было достаточно, чтобы разразился хаос. Она выставила нас за дверь, и мы провели ночь на лестнице, замерзая, ожидая, пока она успокоится.

Наша мать начала переписываться с мужчиной, который сидел в тюрьме, и со временем начала его навещать. Нам не нравилось сопровождать ее; каждый раз, когда мы шли, прежде чем попасть в тюрьму, нам приходилось проходить через дом его матери — темное место с тяжелой атмосферой, которая нервировала нас. Там наша мать запиралась, чтобы поговорить с этой женщиной, пока мы ждали снаружи. Затем они выходили и просили нас позволить положить маленькие пакетики — с белым порошком, который мы не совсем понимали — в наши носки или нижнее белье. Как только мы оказывались в тюрьме, наша мать доставала эти пакетики и передавала их своему парню. Я помню, что однажды мы сказали ей, что не хотим продолжать это делать, что нам от этого плохо, грязно и запутанно. И она, возможно, впервые, прислушалась к нам: пообещала, что больше не будет так делать. И сдержала обещание.

Когда тот мужчина вышел из тюрьмы, мы прожили с ним почти год, запертые в новой квартире, без мебели, без ничего. Пустое пространство, совсем не похожее на дом. Наша мать уходила с ним по утрам, оставляя нас одних в этой

пустой квартире на целый день, без еды и без присмотра. Для нас эти часы казались бесконечными. Голод был таким сильным, что мы снова и снова открывали холодильник, хотя знали, что там ничего нет. Чтобы унять голод, мы отковыривали кусочки льда из морозилки и сосали их, притворяясь, что это макароны, мясо или что-то еще, что заставило бы нас чувствовать себя менее пустыми. Когда они наконец возвращались, они приносили начатую, холодную, полупустую пиццу, и мы пожирали ее, пока они занимались сексом повсюду. Сначала это началось с того, что они делали это в спальне с приоткрытой дверью; моя сестра увидела их и позвала нас. Мне это не казалось правильным — мужчина со спущенными штанами и моя мать, «оседлавшая» его на кровати. Мне казалось, что они делают друг другу больно или ссорятся. Я открыл дверь, и моя мать, увидев наши лица, сказала нам, что ничего страшного не происходит, что ей очень хорошо (продолжая при этом «скакать»). Затем я видел, как они принимают душ вместе, и как этот мужчина был голым, когда наша мать купала нас, и я чувствовал отвращение к «этому мужчине», который меня пугал.

Я чувствовал, что моей матери очень хорошо с ним, но нам казалось, что этому мужчине нельзя доверять, и мы не знали, как сказать ей, что мы в опасности, что чувствуем себя брошенными и голодными.

Спустя некоторое время наша мать — возможно, осознавая, что происходит, или, по крайней мере, причиняемый нам вред — отвезла нас к своим родителям. Она сказала нам, что не может о нас заботиться, хотя снова и снова повторяла, что глубоко любит нас и что мы для нее самое важное. Затем она ушла. Мы не видели ее почти год.

Бабушка с дедушкой

Наши бабушка и дедушка по материнской линии приняли нас без вопросов, с теплотой, которая трогает меня до сих пор. Они отвели нас к врачу, и годы спустя рассказали нам, что тогда мы страдали от недоедания. Несмотря ни на что, я вспоминаю те месяцы с ними с глубокой нежностью. Они заботились о нас, как о собственных детях.

Моя бабушка готовила нам горячую еду, укрывала нас на ночь, а когда мои сестры простужались, растирала им грудь ментоловой мазью, чей аромат до сих пор вызывает у меня странное чувство утешения. Я никогда не болел, или, по крайней мере, не так, как они, но от всей души желал, чтобы она сделала мне эти теплые растирания, согревающие грудь и спину. И она это замечала. Не говоря ни слова, она медленно подходила и спрашивала: «Ты тоже хочешь?». Я отвечал «нет», что я не болен. Тогда она улыбалась и говорила: «Неважно... хочешь?».

Какое наслаждение было чувствовать это тепло в груди! Это было как объятие изнутри. И когда она выключала свет и оставляла нас в кроватях, меня охватывало сильное желание заплакать. Не от боли, а от странной смеси

удовольствия и грусти. Как будто кто-то, наконец, по-настоящему заботился о нас. И в то же время больно было осознавать, как сильно мы нуждались в этой заботе.

Они записали нас в школу. Мы втроем ходили в один класс, больше похожий на детский сад, где мы начали понемногу возвращать себе частичку детства.

Мне там не было совсем комфортно. Во мне было что-то, возможно, из-за всего пережитого, что заставляло меня всегда быть настороже. Я чувствовал, что должен защищать своих сестер от всего, что могло случиться. Я глубоко любил своих сестер. Видеть их счастливыми доставляло мне радость, которую я не мог объяснить, как будто их смех поддерживал меня изнутри. Но иногда я злился на них, особенно когда они по невинности причиняли себе боль: спотыкались, падали, ударялись, и тогда меня охватывал иррациональный гнев, не только на них, но и на пол, о который они ушиблись, как будто я мог обвинить мир в том, что он не защитил их. Это была странная смесь нежности и ярости, с которой я не умел справляться.

Моя тетя — младшая сестра моей матери, работавшая социальным педагогом — очень любила нас, а ко мне относилась с особой чуткостью. Она уделяла мне внимание, которое порой меня смущало. Она говорила мне, что, несмотря на мое лицо, будто я хочу ее убить, я очень хороший мальчик. И это злило меня еще больше. Я не понимал, почему она настаивает на том, чтобы видеть добро там, где я чувствовал только смятение и гнев. Но она никогда не переставала так говорить. Мне не нравилось, когда говорили, что я умный, потому что для меня это означало быть уязвимым, манипулируемым, как будто интеллект был открытой дверью для мира, чтобы войти и причинить мне боль.

Часто я чувствовал внутри гнев, своего рода бесформенный огонь, который не знал, как выпустить. Я ждал, почти желал, чтобы что-то случилось, чтобы можно было взорваться, чтобы у этого гнева был предлог выйти наружу. И когда он выходил, мои реакции были непропорциональными, чрезмерными, как будто боль причиняло не только то, что только что произошло, но и все, что было до этого. Я обычно ни с кем не играл.

Однажды я нечаянно подслушал, как моя тетя говорила с бабушкой. Они говорили, что это позор, что наша мать бросила нас, живет в той же деревне и не приходит нас навестить, ходит по вечеринкам каждую ночь, пока мы здесь. Моя бабушка, устав от молчания, пошла в один из деревенских клубов, чтобы попросить мою мать хотя бы иногда навещать нас. И она пришла. Однажды она появилась, и мы очень обрадовались. Она сказала, что много работает, чтобы дать нам самое лучшее в мире, что ее отсутствие было для нашего же блага, что все, что она делает — хотя это и больно — делается для того, чтобы в конце концов мы были вместе, как счастливая семья.

Она попросила нас попросить что-нибудь. Я попросил велосипед. Через несколько дней велосипед появился. А она — нет. Но мы втроем — Т., С. и я — повторяли друг другу, что ничего страшного, что мама занята важными делами, что она вернется, что все это имеет смысл. И это каким-то образом давало нам надежду.

Однажды, без всякой видимой причины, я почувствовал себя хорошо. Я расслабился. У меня появились друзья в школе — самые странные, «ботаники», которых никто не выбирал первыми — и впервые за долгое время я почувствовал себя ребенком. И тут я заболел. Я лежал в кровати, весь в жару, и моя бабушка — как и много раз до этого — растирала меня той самой ментоловой мазью.

Но в ту же ночь все изменилось. Я услышал крики. Я открыл глаза и увидел свою мать. Она появилась внезапно, охваченная непонятной спешкой. Она укутала меня одеялом, взяла на руки и понесла к машине, где за рулем ждал мужчина. Моя бабушка кричала ей, чтобы она не забирала нас, что у меня жар, что нельзя так делать. Моя мать твердо ответила: «Это мои дети, и я делаю с ними, что хочу». И забрала нас с собой. Вот так, просто. Мы долго не видели наших бабушку и дедушку. Когда мы спрашивали о них, наша мать отвечала, что они плохие, что хотят манипулировать нами, пытаются убедить нас любить их больше, чем ее. Мы никогда не знали, что и думать.

Новая жизнь

Она отвезла нас в город, в Жирону, который для нас был как другая планета, далекая от всего, что мы знали и понимали. Там она записала нас в школу. Мне уже было достаточно лет, чтобы быть в обычном классе, отдельно от сестер. Но это меня не успокаивало. На переменах я искал их взглядом издалека. Я наблюдал за ними, как они играют, не приближаясь, как будто не хотел нарушать их радость. Мне казалось, что если я подойду слишком близко, то могу их испачкать. Как будто во мне было что-то, заряженное своего рода злом, которое я чувствовал очень реально.

Однажды я остался кидать камни на крышу огромных мусорных контейнеров во дворе школы. Я не услышал звонка, возвещающего о возвращении в класс — или я так говорил. В тот момент ничто не казалось мне важнее, чем попытаться бросить большой камень и попасть прямо в крышу контейнера. Со мной остались два одноклассника. Затем пришла учительница, разъяренная. Она завела нас внутрь и наказала. Она поставила нас перед доской, лицом к остальным детям, как пример для наказания. Я не понимал, зачем такое наказание. Я почувствовал себя захваченным врасплох. И меня переполнила ярость.

Она подходила время от времени и спрашивала: «Ты раскаиваешься?». Двое других парней ответили «да» почти сразу. Я покосился на них и мысленно

осудил их как слабаков. Как они могли так легко лгать? Как они могли говорить то, чего не чувствовали? Когда настала моя очередь, я посмотрел ей в глаза и сказал «нет», я ни о чем не жалею. Она снова оставила меня там, как статую, и продолжила урок. Позже она снова настояла, и я снова сказал «нет». В конце концов, в отчаянии и растерянности, она сказала мне, что ей все равно, и велела сесть. Я отказался и продолжил стоять, жесткий, как скала. Я не чувствовал усталости. Все мое тело было сдерживаемым напряжением, я дышал через нос, как зверь, готовый сопротивляться. Урок закончился. Дети вышли. Учительница сказала, что я могу идти. Я не двигался. Тогда она позвала других учителей. Я видел, как они обменивались взглядами, не зная, что делать. Наконец, они выключили свет и закрыли дверь. Они смотрели на меня через окно в двери. Я продолжал стоять.

Прошло несколько минут. Дверь открылась, и вошли мои сестры. Они мягко подошли и спросили, что со мной. Я не ответил. Они спросили, жду ли я чего-то. Я кивнул. Тогда они сказали, что подождут со мной. Меня охватило странное чувство, похожее на оттепель. Я посмотрел на них и почувствовал ту болезненную нежность, ту любовь, которая делала меня хрупким. Ту прекрасную невинность, которая заставляла меня страдать. Через некоторое время С. сказала: «Давай, Жерар, нам холодно и хочется домой». Тогда я почувствовал что-то очень сильное, другую вину, мягкую, почти сладкую. Как будто у моей железной потребности не поддаваться был предел: не причинять вреда тем, кого любишь. Я ушел с сестрами. Весело.

Я чувствовал себя мягким, хрупким, как будто во мне что-то снова расстроилось. Я снова заболел. На следующее утро я не смог пойти в школу и остался дома, в постели моей матери. Ей нужно было уйти, и она попросила подругу прийти присмотреть за мной вместе со своими детьми. Женщину звали Лола. Это была неопрятная, очень говорливая женщина с хриплым от курения голосом. Она привела троих своих детей: Исаака, Африку и Альбу, трех, двух и одного года соответственно. Они были маленькими, поэтому еще не ходили в школу. Я помню, как лежал там, в кровати, в полусне, с температурой, пока дом наполнялся детскими голосами, запахом сигарет и странным ощущением заброшенности под видом заботы. Все вокруг казалось мне чужим, шумным, расплывчатым.

Я спал в маминой постели, когда странное ощущение разбудило меня. Мне казалось, что кто-то говорит со мной с другой стороны окна. Я выглянул, но никого не увидел. Однако голос, мягкий, как шепот, ясно сказал мне: «Выйди отсюда». Я подумал, что он просит меня встать, и я встал. Я снова выглянул, но снаружи по-прежнему никого не было. Тогда я повернулся и увидел тонкую струйку дыма, выходящую из угла. Я не понял, что это, подошел и открыл дверь. Внезапно все погрузилось во тьму. Густой, черный дым заполнил все, и я ничего не видел. Я вспомнил, что дети были в нашей комнате. Я попытался добраться до них ощупью. В темноте я коснулся чьей-то руки и крепко схватил ее: это был Исаак. Я попытался добраться до комнаты, но не смог. Дым был слишком

густым. Тогда мне пришлось выбирать. Я повернул к входной двери, ощупывая стены темного коридора, таща за собой бессознательного Исаака. Дверь не открывалась. Лола ушла и заперла ее. Я отчаянно заколотил в нее.

Внезапно меня охватило странное спокойствие. Как будто все мое тело отключилось. Я упал на пол. В этот миг дверь высадили, и нас вытащили пожарные. Едва переступив порог, я начал кричать изо всех сил: — Там две девочки, там две девочки внутри!

Я был голым и очень замерз. Пока они реанимировали Исаака, я остался в дверях соседской квартиры, дрожа, наблюдая за трубками, окружавшими место происшествия, за пожарными,двигающимися сквозь дым. Я только хотел увидеть, как выносят девочек. Но их не выносили.

Тогда появилась вина. Я чувствовал, что должен был быть сильнее, что должен был продержаться еще немного, добраться до комнаты. Я был убежден, что мог бы это сделать, но не сделал. Потому что почувствовал себя слабым. Я думал снова побежать в дом, сам найти их. Дрожа, я безмолвно молил Бога не наказывать их за мою вину. Если кто и должен быть наказан, так это я.

Сначала вынесли Альбу, с маской на лице. Я думал, она мертва, но нет. Она была жива. Затем, слишком поздно, вынесли Африку. Она была мертва. Она спряталась в шкафу.

Африка была самой жизнерадостной из всех. Самой счастливой. Солнышко. Когда пришла ее мать, она издала дикий вопль. Я не знаю, что ей сказали, но думаю, она поняла — или решила, что поняла — что это я устроил пожар. На самом деле это был Исаак. Он играл с зажигалкой матери и поджег одеяла. Но она бросилась ко мне, вне себя, и начала меня бить. Она кричала, что я убил ее дочь, что умереть должен был я. Я не защищался. В глубине души я чувствовал, что она права. Мне было всего шесть лет.

Пробуждение сексуальности

Наша мать открыла брачное агентство — что-то вроде сегодняшнего Meetic — в квартире, которую подарил ей ее отец с условием, что она будет жить в той же деревне, что и они. Они хотели держать нас рядом, под контролем. Каждый день после школы мы ходили к бабушке с дедушкой на полдник, пока наша мать занималась своими свиданиями, своими артистами, своими стихами. В восемь мы возвращались домой. Иногда уже было темно, и если мы не заставали ее, мы выходили искать ее по деревенским барам. Она говорила нам: «Я сейчас приду», а мы ждали.

Ее любовники входили и выходили, как будто в доме была вращающаяся дверь. Но один из них остался. Это был молодой парень, всего семнадцати лет, который жил с нами какое-то время, пока нам не пришлось признаться матери,

что когда ее нет, он трогает нас за гениталии, одновременно мастурбируя себе. Она выгнала его из дома, переспав с ним в последний раз.

После пожара мне начали сниться ужасные кошмары. Я просыпался среди ночи с бешено колотящимся сердцем и комком в горле, мне было страшно. Тогда я выходил из своей комнаты и бесшумно шел в спальню матери. Я стоял рядом с кроватью, ожидая, пока она проснется и подвинется, чтобы дать мне место рядом с собой, только чтобы почувствовать ее тепло и снова спокойно уснуть.

Однажды ночью, пока она не двигалась, я сам забрался в кровать. Я свернулся калачиком на краю, ища убежища, и вдруг почувствовал, что мы не одни. Чьи-то чужие руки начали гладить меня. Я подумал, что позади меня лежит монстр. У него были длинные и старые руки, и при этой мысли меня захлестнула волна отвращения. Но я также подумал, что если моя мать спит с монстром, значит, все в порядке. Хотя мне не было хорошо. Эти руки также касались ее, и она стонала от удовольствия. Я свернулся калачиком и крепко прижался к телу матери. Я закрыл глаза и ждал. Я ждал, что это пройдет. Но это не только не прошло, а усилилось. Я чувствовал, как вытянутый член мужчины трется там и сям, и как моя мать говорила мне: «Спокойно, Жерар, секс — это хорошо». Я не хотел дышать; я просто хотел свернуться калачиком, прижаться и остаться незамеченным. Я пытался доверять матери, но не мог.

Я не помню ничего больше, кроме того, что с этого момента во мне пробудилась сексуальность. Дома все было свободной любовью: моя мать ходила по дому голой, и мы тоже, и смотреть на нее в душе было возбуждающе, просто от одного взгляда. Мои первые сексуальные фантазии, по сути, были связаны с тем, как я ласкаю себя с матерью. Я помню, что это был «наш секрет», это ощущение власти над тем, чего другие дети боялись, что делало нас важными. Мы трогали друг друга, как я видел это делали так часто. Это было очень волнительно, потому что мы были старше, хотя мне было всего семь. Я знал, что в конце концов буду делать те вещи, которые мама делала со своими мужчинами, и что я буду ее мужчиной и мужчиной моих сестер. Более того, когда в классе меня спрашивали, кем я хочу быть, когда вырасту, я говорил, что моя мечта — иметь публичный дом. Это возбуждение, когда моя мать видела мой растущий пенис и касалась себя и меня, гордо, было самым близким к ощущению тепла от бабушкиного крема, но в области гениталий.

Наша мать водила нас на лекции евангелистов и на самые странные мероприятия «Нью Эйдж». Я не понимал этих людей, которые пели с гитарами и закрытыми глазами, славя Яхве. Это казалось мне неприятным, почти липким, как будто в воздухе было «слишком много любви», но холодной, отстраненной, которая заставляла меня закрываться еще больше. Наша мать ходила с Библией в руке, цитируя стихи, говоря о Боге, ища его в каждой фразе, в каждом жесте. И в некотором роде, в этих моментах тоже была красота. Какое-то время мы ходили в школу, и хотя все казалось стабильнее, для меня это было как тюрьма. Удушающая рутина, из которой я хотел сбежать каждый день. Я мечтал сбежать,

исчезнуть. Но она просила меня не делать этого. Дать ей слово. И это обещание, хотя и рожденное страхом, имело в себе что-то священное.

Враг в доме

Наша мать флиртовала со многими мужчинами, но остановилась на одном. Он был высоким, худым, молчаливым и интровертным. Однажды он пришел в брачное агентство в поисках пары. Он был нумерарием Опус Деи и провел десять лет на службе Богу. Теперь он говорил, что хочет создать семью. Через три дня они познакомились, понравились друг другу, и мы переехали жить к нему. Он нам не особенно нравился, но он делал нашу мать счастливой, и нам казалось, что это самое главное. К тому же, мы каждую ночь молились о хорошем отце, который бы любил и заботился о нас. Я, в частности, всегда добавлял: чтобы я стал его доверенным лицом.

Перемены были резкими. Ошеломляющими. С первого же момента меня отделили от сестер и отвели спать в маленькую, без окон, комнату для глажки, где огромный, заставленный книгами стеллаж, казалось, угрожающе нависал над моей головой. В ту же ночь стеллаж рухнул и упал на меня, пока я спал. Никто не заметил. Я был один и испуган.

Мужчина, который нас приютил, казался мне устрашающим: очень высокий, отстраненный, лишенный привязанности. Все в нем были правила. Бесконечный каталог запретов: «не делай этого», «не трогай то». Он был садовником, и его сад был полон прекрасных деревьев, которые манили меня залезть на них. Я сделал это однажды, и меня наказали. Меня также наказывали за игру в мяч, за пение, за танцы и даже за то, что я нечаянно разбил тарелку. Любое спонтанное движение было нежелательным. Для него идеальным было бы, чтобы я ничего не делал, только сидел на диване и ждал. Чего ждать? Я никогда не знал. Нас забрали из школы, потому что, говорили они, там преподавали анатомию человека, а видеть обнаженные тела было грехом. К тому времени я уже чувствовал себя глубоко сбитым с толку.

Моя мать превратилась из шлюхи в монахиню. И должен сказать, она была очень агрессивной монахиней. Как она всегда рассказывала нам о своих сексуальных встречах со всеми подробностями, так она рассказала и о том, что ее мужчина — назовем его Хавьер — трахает ее плохо, что он быстро кончает. Я подумывал предложить нашему отчиму трахать нашу мать получше — если он не хочет увидеть ее худшую сторону — но не сделал этого. Я просто принял перемены.

Дом быстро превратился в своего рода монастырь. Наша мать проводила дни в молитвах, пытаясь искупить свои грехи, забыть свое прошлое. Мы больше не могли обниматься или прикасаться друг к другу. Говорить о сексе было запрещено. Это был грех! Мы замкнулись внутри дома и перестали ходить в

школу. Наше детство застыло, как будто нас отправили в своего рода внутреннее изгнание.

Наш биологический отец, узнав о ситуации, пришел за нами. Он хотел, по крайней мере, чтобы мы продолжили учебу. Но они контратаковали. Однажды ночью, без предупреждения, они вывели нас в темноте и увезли в дом, затерянный в горах. Именно там начался настоящий ад. Мой отец выиграл суд. Родительские права были переданы ему: суд признал нашу мать «неспособной». Однако он так и не воспользовался этим правом. Прошло пятнадцать лет, прежде чем мы снова увидели его.

Наша мать забеременела, и с тех пор ее характер резко изменился. Она становилась все более агрессивной. Она била нас, наказывала с жестокостью... особенно меня. Я стал ее врагом. Во мне было что-то, что отказывалось подчиняться, упрямство, которое она решила искоренить. В моменты наибольшего конфликта мой разум полностью блокировался: они могли бить меня, угрожать, кричать... но я не отступал. Она избивала меня с жестокостью, которую мне до сих пор трудно описывать. Она ломала швабры о мою спину, пинала меня в ярости и кричала: «Я хочу видеть, как ты ползаешь!». Но ей это никогда не удавалось. Я всегда снова вставал. Я смотрел на нее в упор, в глаза, со сдерживаемой яростью, не двигаясь. Тогда она тащила меня за волосы и запирала без еды, с хлебом и водой, чтобы «изгнать дьявола», который, по ее словам, жил во мне. Я мог бы выйти из этого заточения, если бы просто попросил прощения. Мои сестры говорили со мной из-за двери, умоляли меня сделать это, хотя бы ради стратегии. Я беззвучно плакал, сдавливая горло. И не просил прощения. В отчаянии я раздевался и забирался под кровать на ледяной пол, пытаясь вызвать у себя жар, простуду, что-то, что пробудило бы в них хоть каплю сострадания. Но это тоже не работало: я никогда не болел.

Моя мать начала рожать детей одного за другим, и мы, старшие, превратились в ее слуг. Она рожала, и как только возвращалась из больницы с новорожденным, забота автоматически переходила в наши руки. Это мы занимались всем: кормили из бутылочки, успокаивали его плач, меняли подгузники, следили за его сном. И, конечно, за всем остальным. Мы вставали в шесть утра, чтобы одеть младших, приготовить завтрак, убрать дом, позаботиться о каждой мелочи повседневной жизни. Она же, напротив, не появлялась до половины одиннадцатого. Затем она звонила в свой колокольчик и говорила, что хочет на завтрак. Она считала, что мы принадлежим ее прошлому и что мы какие-то грязные, поэтому решила, что наша миссия в жизни — заботиться и воспитывать наших младших братьев и сестер, потому что они были чистыми. Всего нас было шестнадцать братьев и сестер. Нам меняли имена и фамилии, чтобы никто не мог нас найти, и мы исчезли из мира. Наш биологический отец продолжал искать нас, поэтому мы переезжали из дома в дом, во все более отдаленные места, без электричества и телефона. Нам вешали на шею табличку со всеми нашими обязанностями, и когда наша мать видела нас в месте, где нас не должно было быть, она сурово наказывала нас. Наказания были неумолимы:

больше работы, бесконечные страницы «чистилищ» (наказаний, написанных от руки) и, в самых тяжелых случаях, заточение в темной комнате без еды.

Наступает кризис

В то время наша мать пережила глубокий кризис, который привел к тому, что она заперлась в своей комнате на девять месяцев. Она не выходила и никого не впускала, и только по ночам она ненадолго появлялась, молча, чтобы посидеть и почитать. Она не хотела видеть нас, не хотела говорить с нами. Она говорила, что мы разрушили ее жизнь. Мы, в своем замешательстве, пытались сделать все возможное, чтобы искупить вину, как будто мы действительно совершили грех, требующий искупления. Наш отчим спал на диване.

По истечении девяти месяцев этой рутины, когда она наконец вышла из комнаты, она сказала нам, что получила откровение и с тех пор имеет прямой контакт с Иисусом, может говорить с ним. Мне было трудно притворяться заинтересованным. С этого момента ее жизнь стала чем-то священным. Она посвятила себя записи этих предполагаемых откровений и провозгласила себя своего рода духовной королевой. Мы должны были обращаться с ней как с таковой: с почтением, абсолютным послушанием, почти так, как если бы мы служили божественной фигуре. Мне все это казалось абсурдным — не знаю, казалось ли это другим — но я даже не пытался скрыть свой скептицизм.

Мы с сестрами чувствовали себя как в тюрьме. Нам было запрещено мясо — оно было слишком дорогим, говорила она — но мой отец ел его каждый день, а нам приходилось довольствоваться тем, что мы обглаживали кости, которые он оставлял, в поисках остатков вкуса или какой-либо пищи. При любой возможности мы запирались, чтобы оплакать наше несчастье. Наша мать, становясь все более подозрительной, хотела держать нас под контролем: она была убеждена, что мы замысливаем против нее заговор — немыслимо для того, кто считал себя образцовой матерью — и наказывала нас суровыми побоями. Перед лицом вечного отсутствия моего отчима — запертого в своем кабинете, окруженного книгами и хламом, которым он не пользовался и не давал пользоваться другим — я стал защитником моих братьев и сестер.

Он обращался со мной как с недоумком, потому что — несмотря на все ограничения — я продолжал тайком залезать на деревья, бегать и прыгать. Моя жизненная сила вызывала у него презрение. Он утверждал, что Бог открыл моей матери, что я одержим демоном по имени Зога. По ночам он кропил меня святой водой и читал экзорцизмы, как в моем детстве. Божественный голос, говорил он, диктовал ему наказания, которые он должен был мне наложить. И вскоре моя мать начала повторять то же самое: «Этот ребенок каменный. Ничто на него не действует». Раненный до глубины души, я укрылся в урне бесчувственности, в панцире, куда ничто не проникало. Только сны могли пробить его.

Каждое утро я поднимался в горы рубить дрова. Это было единственное место, где я чувствовал что-то похожее на покой. Соседи из разбросанных по округе домов смотрели на нас так, как будто мы были с другой планеты. Поскольку я часто подходил довольно близко к их участкам, они начали называть меня Тарзаном. Иногда я встречал кого-то, кто искал грибы. Если это был взрослый, я вежливо улыбался ему. Но если это был парень моего возраста, я смотрел на него с яростью, как бы говоря: «Это моя территория. Убирайся отсюда».

Однажды я сделал нечто, что сильно разозлило мою мать, которая тогда была беременна. В порыве гнева она схватила меня за волосы и начала тащить вверх по лестнице. На полпути она споткнулась. Она с силой упала на пол. Сразу же она начала жаловаться на сильную боль в животе. Лежа на полу, с глазами, полными гнева и тревоги, она закричала на меня голосом, который я никогда не забуду: «Твоя злоба заставила меня упасть. Теперь мой сын умрет».

Я выбежал в лес в отчаянии. Я упал на колени среди деревьев и молился. Я умолял Бога забрать меня, позволить ребенку жить. Я сказал ему, что злой — это я, что он ни в чем не виноват. Но он не услышал меня. Эта сцена врезалась в мою память как открытая рана. Ее тело, корчащееся на полу, ее обвиняющий взгляд, эти слова, брошенные как кинжалы — все это преследовало меня долгие годы.

Много ужасных вещей произошло в этом так называемом святилище святости. Я помню это заточение как состояние постоянного эмоционального наблюдения. Каждый день начинался с немого вопроса, застрявшего в голове: «Какое у нее сегодня настроение?». Если она хотела говорить, мы говорили. Если она хотела смеяться, мы смеялись. Все вращалось вокруг того, чтобы сохранять ее спокойствие, избегать ее гнева. Все было организовано так, чтобы ей было хорошо, даже если мы разваливались изнутри. Что злило меня больше всего, так это необходимость притворяться и говорить ей «да» на все, когда все внутри меня кричало: «Нет!». А притворяться у меня никогда не получалось хорошо. Я не умел лгать ни лицом, ни голосом.

Все было окутано одиночеством и тьмой, закутанными в религиозный «свет», который ослеплял нас. Мы молились по четкам каждый гребаный день, с бесконечными молитвами, новеннами и литаниями. Моя мать чувствовала себя святой. Она утверждала, что когда-нибудь ей поставят памятник за свет, исходящий из ее сердца.

Иногда все успокаивалось на несколько часов, когда мы наконец могли вздохнуть. И вдруг, без предупреждения, она взрывалась, показывая свою самую истеричную, самую безумную сторону, как внезапная буря, сметающая все на своем пути. Я стал экспертом в предсказании приступов моей матери. Я научился читать знаки, малейшие жесты, паузы в ее дыхании. Я пришел к выводу, что она больна, и эта мысль, вместо того чтобы отдалить меня от нее, позволила мне сохранить какие-то крохи любви к ней.

Я же тем временем повторял про себя, что должен быть сильным. Что я должен найти способ выбраться оттуда, прежде чем мы все сойдем с ума, как она. Иногда я смотрел на своих сестер, кивающих с такой абсолютной покорностью, что меня ужасала мысль, что они действительно верят ей. Что они тоже теряют себя. И, к сожалению, с большинством моих братьев и сестер так и случилось. Эта боль не проходит. Что я не смог их вытащить. Не смог им помочь. Не был достаточно силен. Я никогда не видел, чтобы моя мать готовила, застилала постель, мыла посуду, играла или воспитывала нас. Я видел ее только кричащей, жестокой и требовательной. Но поскольку я не знал другой формы материнства, я пришел к выводу, что иметь мать — это пытка.

Бог все уладит...

Один из моих братьев родился с гидроцефалией и множеством других проблем. Врачи были категоричны: они рекомендовали моей матери прервать беременность. Они сказали ей, что этот ребенок не сможет жить. Но она, после одного из своих божественных откровений, объявила, что этот сын родится, чтобы искупить грехи трех старших. Что его боль очистит нас. Что его жертва даст нам доступ к тем «правам», которые, по ее словам, есть у других детей.

Когда родился Рикард, он провел одиннадцать месяцев в больнице. Наша мать осталась там с ним. Мы не видели его все это время. Нам только повторяли, что он сильно страдает, что разбивало нам сердца. Мы втроем любили его с глубиной, которую никто не понимал. Мы плакали вместе о нем, о его страданиях, о жестокости Бога, который допускал это. В течение этого года наша мать забыла о нас. Мы остались одни, вели хозяйство и воспитывали младших. Мой отчим жил в своем мире: он покупал еду и все. Расходы покрывали некоторые его родственники, которые наблюдали за всем издалека, как люди, смотрящие на пожар, не в силах его потушить.

Наконец, наша мать вернулась домой с Рикардом. У него была распухшая, непропорционально большая голова. Он не мог держать ее. Это было гротескно и в то же время глубоко священо. Его глаза почти не открывались, а когда открывались, его взгляд был как бездонный колодец. Мы все заботились о нем. Через три дня его снова увезли в больницу. Клапан, регулирующий его почки, отказал. Инфекция убила его. Я не смог попрощаться. Я не смог обнять его в последний раз. Я не смог поблагодарить его за то, что он искупил мои грехи, не смог сказать, что мне жаль. Что я понимаю, зачем он пришел. И что он никогда не должен был приходить для этого.

Похороны прошли далеко от нас. Нам даже не разрешили попрощаться как семье. Когда наша мать вернулась, мы умоляли ее снова посмотреть на нас, вспомнить, что у нее все еще есть другие дети, которые тоже в ней нуждаются. Но она была в другом мире: между мистическим экстазом и молчаливой яростью к миру, который не признавал святости события, которое, по ее словам, она только что пережила. Она заперлась, чтобы писать «Воспоминания о

Рикарде», вкладывая в уста этого сломленного ребенка христовы слова, откровения и трансцендентные страдания, которые никогда не были его. Она создала для него напыщенный и ужасный голос, как будто Рикард пришел в этот мир только для того, чтобы страдать за нас.

Я стал существом, полным ярости. Я решил, что если не могу быть лучше, то стану хуже. Хуже, чем она. Хуже всего. С отчимом, который прятался каждый раз, когда моя мать кричала, я, будучи еще очень молодым, бросался на нее. Я хватал ее за руки, валил на пол и кричал с полной убежденностью, что если она снова обрушит стул на кого-то из моих братьев, я убью ее. И это не была пустая угроза. В такие моменты я чувствовал что-то странное: да, страх, но также своего рода возбуждение. Как будто я наконец был в своей стихии. Я превращался в дикого зверя, чьим миром было насилие.

Несуществование

Между 14 и 21 годом со мной произошло много всего. Священник из деревни, который видел, как мы каждое воскресенье приходим на мессу, а затем исчезаем, подал на нас жалобу за то, что детей не отправляют в школу. Социальные работники пытались связаться с нами. И тут пришло очередное божественное откровение моей матери: мы должны притвориться, что не существуем. Мы целыми днями держали окна закрытыми, детям не разрешалось выходить играть, никто ни с кем не разговаривал. Только я мог выходить — рубить дрова. Охота и поимка длились целый год: письма из суда, уведомления, настойчивые визиты. Их просовывали под дверь, но моя мать даже не открывала их. Она говорила, что Бог заверил ее, что с нами ничего не сделают, что мы — святое семейство. Я предупреждал их, что это бомба, и если она взорвется и что-то случится с кем-то из моих братьев и сестер, они будут иметь дело со мной. Моя мать тогда обвинила меня в отсутствии веры в силу Бога.

Она начала отдаляться от меня и делать различия между мной и моими сестрами. Она разговаривала с ними наедине, просила ничего не рассказывать мне об их беседах и настаивала на том, что я одержим.

Я превратился в существо, полное ярости, но все еще находил утешение в нежности моих братьев и сестер. Они были моим якорем. Они и Тигре — моя собака, которая была моим единственным другом: большое дикое животное, к которому только я мог приблизиться. Я приседал рядом с ним, говорил с ним тихо, и мы оба успокаивались. Мы уходили в лес, бегали голыми, с топором в руке, я залезал на деревья, прыгал по колючкам. Я возвращался весь в синяках, но с душой на месте. Это было похоже на победу над чем-то темным внутри меня. Я чувствовал свободу через дикость, гротеск, необузданность.

Однажды, возвращаясь с рубки дров, я услышал крики. Я бросил бревна и побежал к дому. Три полицейских фургона и дюжина агентов увозили моих

братьев и сестер. Они преследовали их, как преступников. А. удалось сбежать, и она бежала плача. Л. прижималась к П., дрожа. С. тащили за запястья, пока она плакала, видя, как увозят остальных. Они выбили дверь и забрали всех детей школьного возраста. Нас троих не тронули, так как нам уже было больше 16.

Моих родителей не было дома; они уехали в деревню за покупками. Я сошел с ума. Я набросился на фургоны, когда они отъезжали. Меня избили дубинками. Несмотря на это, я вырвался от них и побежал в лес. Я спрятался среди деревьев, слушая оттуда плач моих братьев и сестер. Я пошел к дому, и С. с Т. рассказали мне, что случилось. Мы были в ступоре. У нас не было мобильных телефонов, поэтому мы не могли позвонить родителям.

«Бог все уладит», — сказала наша мать, и это переполнило чашу моего терпения. Я сказал им, что заставлю их почувствовать всю ту боль, которую сейчас чувствуют наши братья и сестры, что они должны быть нашими родителями и заботиться о нас, а они только портили нам жизнь своими безумствами. Они очень испугались меня и не пустили в дом. Я ушел в лес со своей собакой и оставался там несколько дней. Мне не было страшно. Я не чувствовал вины. Впервые я не беспокоился о том, чтобы сохранять спокойствие, чтобы ничего не сломалось: все уже было сломано. Во мне поднималось что-то новое, энергия, рождающаяся в груди, сырое возбуждение, грубая сила. Я чувствовал себя неуязвимым. Я принял свою сущность. И вместе с ней пришло огромное желание свободы и найти Бога, чтобы отомстить ему.

После месяца переговоров власти обязали мою мать и ее мужа отправить детей в школу. Но я уже был не тем. Что-то во мне затвердело, и моя семья боялась меня. Меня боялись даже мои сестры, которые до этого были моим убежищем. Только самые младшие осмеливались приближаться ко мне.

Выход в мир

Вскоре мне пришла повестка на военную службу. Я объявил себя отказником по соображениям совести. Моя мать просила меня ничего не говорить и сидеть дома. Но я решил иначе: пошел в Красный Крест. Директор был очень хорошим человеком со мной. Он знал мою историю и относился ко мне с достоинством, как к равному. Однако товарищи смотрели на меня, как на инопланетянина. И, в некотором роде, так оно и было. Я не жил так, как они, не знал их культуры. Вещи, которые для них были обыденными — сходить в кино, послушать живую музыку — меня ошеломяли. Лишали дара речи. За пределами моего дома было столько жизни... и она была прекрасна.

Как бы моя семья ни настаивала, что за порогом дома меня ждет только дьявол, я чувствовал непреодолимое желание встретиться с ним. Познать его. Это был этап, отмеченный открытиями, обучением и ненасытной жаждой понимания. Я также столкнулся лицом к лицу со смертью. Я был в канаве. Там лежал мужчина, сбежавший из психиатрической больницы, у него был СПИД, и он был в

критическом состоянии. Я не знаю, что еще его мучило, но его тело было просто костями, кожа рвалась при малейшем прикосновении, и он дышал с трудом. Он был одним из двух братьев; другой уже умер от той же болезни. От него пахло разложением.

Когда мы поднимали его в скорую помощь, он прошептал мне на ухо: «Оставьте меня, я хочу умереть». Сирены выли, пока мы мчались на полной скорости. Он повторял снова и снова: «Я хочу умереть». Это был не стон, это была мольба. Хорди, отличный товарищ, метался туда-сюда, пытаюсь стабилизировать его. Затем мужчина схватил меня за футболку и притянул к себе: «Я умираю, сеньор», — сказал он. И я вдруг понял, что он ищет не спасения. Он просто хотел, чтобы кто-то составил ему компанию в его последнем пути. Я попросил Хорди, одного из моих товарищей, на мгновение остановиться. Я взял руку мужчины, посмотрел ему в глаза и почувствовал глубокий, потрясающий покой. Я приблизился к его уху и прошептал: «Грехи твои прощены тебе, брат. Иди с миром». Он тихо плакал. Я не отпускал его руку, пока мы не доехали до больницы Хосеп Труэта. Когда мы прибыли, он уже не дышал.

Этот опыт изменил меня. Он показал мне, что, несмотря ни на что, жизнь прекрасна. Я вызвался помогать в домах престарелых и домах без присмотра. Я занимался тем, что поднимал, умывал и одевал пожилых людей перед возвращением на свой пост в Красном Кресте. Был один старик, который не выносил, когда его трогали. Он был задирой, и я отвечал ему тем же. Он позволял мне надевать на него компрессионные носки, мы разговаривали. Однажды я спросил его: «Ты был таким плохим отцом, что твои дети никогда не навещают тебя?». Он ответил мне сухой правдой: «Я не умел делать лучше».

У меня была особая злоба к моему отчиму. Я уже говорил, что он не выносил, когда я бегал, лазил по деревьям, выдумывал что-то, рисовал. Однажды я хотел построить бассейн для моих братьев и сестер. Я попросил у него тачку. Он отказал мне. Он сказал, что у нас уже есть надувной бассейн, но он даже не давал нам им пользоваться. Я взял корзину и носил землю на плечах, рейс за рейсом. Когда я закончил, мои братья и сестры смогли пользоваться бассейном. Пока я не ушел. Тогда он засыпал его землей.

Однажды он сказал мне, что моя собака сбежала. Позже я нашел ее закопанной в канаве. Мой отчим дал ей крысиный яд. Он признался в этом без колебаний: было ошибкой заводить эту собаку. Я плакал от немой ярости.

Одержимая энергия

В глубине души я верил, что чтобы сбежать из того дома, я должен сначала прорвать лед. Так и случилось: как только я получил права, первое, что я сделал, это поехал навестить бабушку с дедушкой. А затем — найти моего отца. Я нашел его. Он стал успешным бизнесменом. Я пошел к нему. Я представился без обиняков: «Я твой сын».

Он рухнул. У него дрожали ноги. Он был взволнован и не мог в это поверить. Я же, с другой стороны, не почувствовал никаких эмоций, лишь ощущение свершившейся справедливости.

Я закончил свой этап в Красном Кресте, который был для меня инициатическим обучением. Я был готов. Я считал, что единственный способ помочь своим братьям и сестрам — это помочь себе самому, прорвать лед в этой пещере и выйти. Я сказал моему отчиму, что хочу уехать в Барселону, получить аттестат зрелости, изучать кино... и найти дьявола. Он сказал, что не будет меня поддерживать. Что самое главное — сохранить «мир в семье». Он сказал, что если я хочу это сделать, мне придется уйти и никогда не возвращаться. Я думаю, это был единственный настоящий разговор с ним в моей жизни.

Говорят, что моя мать, узнав об этом, сказала: «Гнилые яблоки нужно выкидывать из корзины, чтобы они не заразили остальные». Но то, что действительно задело меня, было сообщение, которое Т. передала мне от имени всех:

«Когда ты будешь умирать с голоду, когда у тебя все пойдет плохо и ты увидишь, что мир — дерьмо, ты вспомнишь, как хорошо тебе здесь жилось. Но ты уже не сможешь вернуться. Так что подумай, потому что если мы увидим тебя в Барселоне, просящим милостыню, мы ничего тебе не дадим. Человек, отвергающий самое прекрасное в этом мире — иметь мать, которая его любит, — не заслуживает жизни».

Я спал две недели на улице, потому что мне пришло в голову проиграть все сбережения уличным шулерам. У меня были родственники, к которым я мог бы обратиться, но мне даже в голову не пришло сделать это — я хотел полагаться только на себя, почувствовать жизнь.

Я устроился на работу мойщиком посуды в дешевом ресторане. Полиция застала меня на дереве на Рамблас и сказала, что залезать на него запрещено, что казалось мне абсурдным. Они также отобрали мой нож. Они сказали, что носить мачете длиной в ладонь, свисающее с пояса, не разрешается. Я ответил, что если они хотят мой нож, пусть придут и заберут его, что никто не заберет его у меня просто так. Я оказался в полицейском участке. Меня спросили, есть ли у меня кто-то, кому я могу позвонить, и я вспомнил о тете, по линии моего отчима. Я позвонил ей, и она приехала за мной. Она пригласила меня пожить у нее хотя бы несколько дней. Это было хорошее время. Моя тетя была предпринимателем, в разводе, и у нее было трое детей, которые жили с отцом. Она научила меня многим простым, но важным вещам: что, даже если я счастлив, не следует свистеть в ресторане, что не надо говорить громко, что если я собираюсь лазить по деревьям, лучше, чтобы меня не видели. Она отвела меня покупать одежду. В ботинках и кожаной куртке я уже не выглядел таким деревенщиной. Она говорила, что я хороший парень, просто немного грубоватый.

Я начал получать аттестат зрелости по вечерам и работать днем официантом. Я хотел накопить на учебу в киношколе. И я хотел независимости. Несмотря на то, что мне было хорошо с тетей, я всегда чувствовал себя в долгу, и это меня тяготило. Я переехал в студенческую квартиру, находил время для рисования, начал изучать режиссуру... Наступил момент, когда я не мог одновременно платить за квартиру и за школу, поэтому я переехал в квартиру нумерариев Опус Деи. Я знал управляющего, и, видя мою ситуацию — и надеясь направить меня на путь истинный — он разрешил мне остаться при условии, что я буду участвовать во всех религиозных мероприятиях Образа. Там мне каждый день проверяли комнату. У меня конфисковали порножурналы, которые я хранил рядом с Библией. Я купил новые в тот же день. Я испытывал огромное любопытство к женщинам и одержимую энергию, которая концентрировалась в моем пенисе.

Конференция птиц

В то время я был неспособен поддерживать разговор с кем-либо. Я не понимал — и так и не понял — футбол или офсайды, я также ничего не понимал в политике или в том, что считается «нормальным». Когда я открывал рот, я говорил о Платоне, об Аристотеле, о Гансе Кюнге, об энцикликах, об апокрифах, о Фоме Аквинском, о Блаватской, о раннем христианстве, о эссеях и о тысяче других понятий, которые беспорядочно роились в моей голове и требовали порядка через проявление. Слишком много часов, проведенных в библиотеке, особенно по ночам.

Ужины в той квартире были настоящими издевательствами надо мной и моими вопросами, которые были язвительными, но в то же время наивными, и были направлены на понимание таких вещей, как аллегория пещеры или буквальный смысл некоторых арамейских стихов в Новом Завете. Я помню, что после множества предупреждений за мои непристойные мысли о девственности, кто-то спросил меня: «Ты когда-нибудь говоришь своими собственными словами?». Этот человек был прав, спрашивая меня, потому что я был неспособен говорить из своего собственного опыта и вести нормальный разговор о чем-то, кроме трансцендентного. Короче говоря, мне было больно от того, что я так и не научился концепции удовольствия.

В некотором смысле, этот дом тоже был похож на тот, который я оставил: там были тишина, сдерживаемое напряжение и трудно уловимые негласные правила. Однако кое-что было иначе. Я чувствовал, впервые за долгое время, что меня ценят, хотя я и не знал, как правильно ответить, особенно надзирателю квартиры, Антонио Бальбоа, старому, прямому и твердому человеку с гневом наготове, которого я очень полюбил и которому звонил каждое Рождество до самой его смерти.

В киношколе происходило что-то похожее на то, что было в квартире: я был чудаком, дикарем. Я говорил о своей жизни с почти полным отсутствием стыда,

и это вызывало у других неловкую смесь очарования и страха. Я не пил, не курил, не смеялся легко. Все во мне было жизнью или смертью, без полутонов. Когда мне удавалось выйти с однокурсниками, я внимательно наблюдал за ними, пока они болтали о легких, почти банальных вещах. Меня поражала их способность связывать тривиальные темы, смеяться без причины, просто быть. И тогда мне страстно хотелось побыть одному.

Каждый триместр проводился конкурс сценариев для короткометражного фильма, который мы должны были снимать, и все три года я выигрывал все конкурсы. Я защищал свои тексты с почти болезненной убежденностью, как будто подвергать их сомнению было личной угрозой. Как режиссер, я был столь же непреклонен. Свет должен был находиться в определенном месте, камера — в другом, и импровизации не было места. Неохотно мои товарищи в конце концов признавали мою правоту. Однако оценки были плохими: я бунтовал против обязательной программы. Если книга по теории меня не интересовала, я не сдавал экзамен. Вместо того чтобы изучать Сида Филда, я писал язвительные рецензии, которые выводили преподавателей из себя, и чтобы понять, как руководить актерами, я предпочитал читать DSM-II или «Конференцию птиц», полностью игнорируя Дэвида Мэмета и Михаила Чехова.

Мой первый короткометражный фильм был о психиатрической больнице. Я вызвался туда волонтером и потребовал, чтобы мои актеры сделали то же самое. Я не хотел, чтобы они играли: я хотел, чтобы они были там. В другом короткометражном фильме, о перевернувшейся лодке с мигрантами, приехал актер-негр, мажор, в середине февраля. Мы закончили тем, что плавали вместе ночью. У него онемели ноги. Он кричал мне: «Я больше не могу, Жерар». А я кричал ему из воды: «Держись». Он сказал, что это был худший опыт в его карьере. И лучшая игра.

Я помню, что на тех съемках у меня был помощник режиссера, который слепо верил в меня. Однажды ночью один из ведущих актеров не появился, и этот помощник режиссера — который только что вышел из шестимесячной депрессии — сломался. Меня разбудили и сказали, что он принял таблетки и дрожит как амеба. Я пошел к нему. Он был напуган. Он говорил мне: «Прости, я не могу». Я обнял его. Его сердце бешено колотилось. Я сказал ему: «Делай что нужно. Вырви эти таблетки. В восемь утра я хочу видеть тебя на ногах, готовым к съемкам». И ушел. Через полчаса я увидел, как он бежит кругами. В восемь утра он был там, с планом съемок в руках, раздавая указания. Мы только раз взглянули друг на друга. Он кивнул. Мы не говорили на эту тему до многих лет спустя. Он сказал мне, что это был преобразующий опыт, и что я сукин сын. Я вспоминаю это с волнением. Мы выпили по пиву.

Укрощение зверя

Через год после начала учебы в киношколе мне удалось устроиться на работу в кинопроизводственную компанию благодаря сеньору Бальбоа, который каким-

то образом открыл мне дверь. Компания называлась Pasoalto и имела ярко выраженную религиозную направленность. Я вошел с парадного входа: на собеседовании меня спросили, знаю ли я что-нибудь о скрытой рекламе. Я ответил «да», хотя понятия не имел, что это такое. В тот же вечер, уже будучи нанятым, я сидел в библиотеке, пытаюсь выяснить, что, черт возьми, такое скрытая реклама.

То, что началось как ложь во спасение, превратилось в одержимость: я погрузился в семиотику, в психологию образов, в объективное искусство и в ту почти алхимическую способность говорить непосредственно с подсознанием. Это была огромная, тонкая сила, которая очаровала меня с первого момента. Спустя годы я в итоге читал лекции по этой теме в той же школе, где учился.

Я провел несколько лет в Pasoalto, с хорошей зарплатой и некоторой стабильностью. Однако в киношколе что-то начало меня беспокоить: актеры. Мне казалось, что все должно вращаться вокруг них. Вместо того чтобы планировать кадры, а затем вписывать в них актера, я предпочитал делать наоборот: позволить сцене рождаться из их движения, из их энергии, и только тогда решать, где должна стоять камера. Это не было обычным делом. Обычно актер подстраивался под техническое устройство, под план. Но для меня эта логика убивала персонажа еще до того, как он успевал родиться.

Поэтому я начал изучать актерское мастерство и режиссуру актеров. Я поступил в другую школу, AICB (ныне несуществующую), которой руководил сумасшедший чилиец по имени Луис Лопес. Там, вместе с Даниэлой Девекки и Бояном Ивичем, мы изучали метод, совершенно новый для Барселоны. Я уже читал о «методе» и был очарован тем, как строить персонажа изнутри. Ли Страсберг был учеником Станиславского, но, как и в случае с Юнгом и Фрейдом, каждый в итоге пошел своим путем. Меня впечатляли работы Стеллы Адлер, и так я попал в грязную школу, где практиковали то, что называли «непристойным искусством». Это было радикальное изменение в моей жизни: работа над характером полностью вошла в мой мир. Меня также увлекали Гротовский и Питер Брук. Я даже ездил в Италию на магистратуру по «бедному театру». Вся эта вселенная, эти искусства каким-то образом успокаивали мою тревогу, мой импульс укрощать зверя.

За пределами учебы я устал от того, что люди из Опус Деи пытались контролировать мою жизнь. Их интерес ко мне превратился в принуждение: они хотели, чтобы я следовал их догмам, вписывался, «исправлялся». А я хотел иметь семью, но не хотел отказываться от «правды». Я не мог говорить «да», когда думал «нет»; это вызывало большие споры, во время которых они доходили до того, что называли меня «сатанинским». Я ушел из той квартиры, когда страсти немного улеглись. Меня там больше не хотели, или, возможно, мне самому там было некомфортно, потому что они видели, что уперлись в камень.

Я снял очень маленькую квартиру в районе Грасия и погрузился в нищету. До этого я не соприкасался ни с покинутостью, ни с одиночеством зверя. Сам импульс новизны мешал мне соприкоснуться со своим собственным образом. Теперь, в этой камере, я запустил себя: бросал грязную одежду, не ел, одержимо писал. Я проводил ночи, сочиняя ужасные вещи, романы, рассказы, все более странных, мрачных, темных персонажей. Я сошел с ума. Наступило Рождество, и мне не с кем было его встретить.

Рождество

Рождество, кстати, для меня очень болезненная тема.

Много лет назад, когда я был с братьями и сестрами, моя мать в приступе ясности сказала, что Бог поручил ей совершить жертвоприношение: «Мир прогнил, и я уничтожу его. 25 декабря я уничтожу мир». Моя мать спросила Бога, есть ли альтернатива, и этот тип ответил ей, что хорошим вариантом, если говорить о жертвах, было бы, чтобы вся семья целиком самосожглась в гостиной в ночь на 24-е. Возможно, тогда Он не обрушит свой гнев на мир. Моя мать была полна решимости стать святой, и нас в течение всего предыдущего месяца охватывал ужасный страх. Мы приготовили баллон с бутаном и туристическую газовую горелку в гостиной, надели белые одежды и прочитали очистительные молитвы, которые, по ее словам, были продиктованы ей Богом. Это было ужасно, потому что ты не мог даже проклясть Бога, который, по определению, был тем, кем был. Я много раз говорил с матерью, чтобы она отвернулась от всего этого. Это был первый раз, когда я сказал ей, что считаю ее безумной.

Она собрала нас и спросила: «Кто из вас думает, что это безумие? Кто считает, что я сумасшедшая? Пусть скажет сейчас». Тот, кто сказал бы, был бы исключен из «путешествия». Никто ничего не сказал, кроме моей матери: «Ты можешь остаться один в этом грязном мире, а мы отправимся на небеса». Я согласился на самосожжение, потому что не хотел бросать своих братьев и сестер.

В рождественскую ночь мы сели в круг вокруг газового баллона, закутанные в белые одежды. Моя мать молилась. Мои сестры тихо плакали, как будто уже были наполовину мертвы. Я думаю, это образ, который я ненавижу больше всего в своей жизни: эта смесь страха, веры и смирения. Мы прочитали все четки, все пятнадцать гребанных тайн, одну за другой, как будто повторяя заученные молитвы, мы могли обмануть садистского Бога. Прошел час с половиной. Оставалось всего несколько минут до того, как «Бог» подвергнет нас испытанию. Затем моя мать вошла в экстаз. Она сказала, что Бог говорил с ней и что наша вера спасла мир. Не будет разрушения. Не будет жертвы. Мы выдержали испытание, как Авраам, и самосожжение больше не требовалось. Были смех, слезы, песни, объятия. И Бог раздал дары. Мне Он дал дар исцелять своими руками. С того дня я не могу оставаться под крышей в рождественскую ночь. С тех пор я провел все Рождества один, на улице. Мои партнеры никогда этого не понимали. Мне потребовалось много лет, чтобы сказать об этом.

Так что каждое Рождество я либо прячусь, либо выхожу искать риска, опасности, как если бы я был Богом. Я не могу оставить себя в покое, не могу насладиться святой ночью. Это нерационально. Я знаю, что в такие моменты я опасен. Или, по крайней мере, я так думаю. Я обычно ухожу в лес или на скамейку в парке, чтобы переждать ярость, пока ко мне не вернется глубокая печаль.

Первый секс

Я пробовал обращаться к нескольким психологам. Первый выслушал меня всего несколько минут и сразу же перенаправил к другому специалисту, сказав, что не может мне помочь. Второй был более прямолинейным: он рекомендовал мне обратиться к психиатру. Мне всегда было трудно заставить их поверить мне. Мне приходилось предоставлять доказательства, фотографии, все что угодно, чтобы сделать мой рассказ правдоподобным. С третьим было по-другому: он не захотел слушать мою историю, предпочел провести серию тестов. В итоге он сказал мне: «У тебя синдром Аспергера». Я вышел оттуда немного разочарованным, но главным образом очень одиноким. На самом деле, я просто хотел поговорить о себе, с кем-то, кто готов меня слушать.

Какое-то время я также работал в компании, которая организовывала девичники. Я начал в отделе «Скрытая камера», исполняя гротескные пародии на горцев, чтобы рассмешить гостей. Нас было несколько комиков, а затем наступала очередь мальчиков-стриптизеров. Именно тогда я решил попробовать себя в роли стриптизера: они зарабатывали более чем в два раза больше нас. Я мало что понимал в том, что делал; я был девственником и знал только, что у меня сильное тело и большой член. Я выходил переодетым лесорубом или пожарным, раздевался, делал то, что от меня ожидали. Я научился мастурбировать, использовать резинку, чтобы поддерживать эрекцию, двигаться как шлюха.

Сначала я относился к этому как к игре. Я не связывал это напрямую с сексом. Некоторые женщины писали мне свой номер на руке, и меня это не беспокоило; я смеялся, получал деньги и возвращался домой с чувством, что хорошо заработал. Но со временем что-то начало меняться. Мне стало некомфортно, я чувствовал себя выставленным напоказ, как будто они вторгались в интимность, которую я сам до конца не понимал. Глухой дискомфорт, все более присутствующий, который иногда превращался в ярость. Тогда я становился провокационным, почти агрессивным, как форма защиты. В конце концов я бросил это.

Мой первый «сексуальный» опыт, так сказать, был с парнем, профессором университета. Я пил кофе, когда мы начали разговаривать. Я понятия не имел о сигналах, о соблазнении или о чем-либо еще. Он спросил, не хочу ли я попробовать кое-что, и я сказал «да». Я пошел к нему домой и отсосал ему, но не связывал это с сексом. Для меня это было просто физически возбуждающе и не более того. В какой-то момент он заметил что-то вроде того, что мы

«занимаемся сексом», и это меня удивило. Для меня секс был с женщиной; я не считал это сексом, а какой-то глупостью, способом скоротать время, даже немного скучным. Я сказал ему это, и он обиделся. Выходя, я начал думать, что если это был секс, то я нарушил свой обет девственности, и разозлился на себя за то, что был таким наивным. И тут же я разозлился на того парня — он хотел снова встретиться, а я хотел только разбить ему лицо за то, что он обманул меня.

Пробуждение сексуальности

В актерской школе я влюбился в Мириам, рыжеволосую зеленоглазую девушку, которая ослепила меня с первого взгляда.

Тогда я был девственником и гордился этим: я был убежден, что мой первый раз должен быть с любовью. Мы с Мириам стали очень хорошими друзьями. Я познакомился с ней однажды днем, и в ту же ночь, во время кастинга, мы вышли выпить. В порыве я сказал ей, что когда-нибудь она станет моей девушкой. Она рассмеялась своим ироничным смехом, но не отстранилась. Наша дружба росла, мы работали вместе, и между нами была настоящая, ощутимая связь. В конце того года, незадолго до выпускного вечера, я принял странное решение: я обратился к услугам проститутки. Я сделал это не для того, чтобы потерять девственность, а потому что хотел научиться целоваться. Джессика — так ее звали — рассмеялась, когда я объяснил ей свои намерения, но согласилась. Как ни странно, после этого мы поддерживали хорошие дружеские отношения. Я попрактиковался с ней, а затем пошел на вечеринку. В ту ночь я поцеловал Мириам. И переспал с ней. Это был ошеломляющий опыт. Мне это понравилось. Все: кожа, дыхание, прикосновения. Было такое чувство, будто я занимался этим всю жизнь. Я был в своей стихии, в восторге, изумлен, очарован. Это был мой мир. И впервые я обитал в нем полностью.

У меня больше не было контакта с семьей. Я не хотел оглядываться назад. Но они нашли меня. Они узнали, где я работаю, и отправили письмо моему начальнику, предупреждая, что было бы желательно уволить меня, потому что, по их словам, я был злым человеком. Мой начальник показал мне его. Полагаю, именно он, возможно невольно, передал им мой номер телефона, потому что вскоре мне начали приходить угрожающие сообщения, и мне пришлось сменить номер.

Внести вклад в мир

Внутри продакшн-студии я был чем-то вроде любимчика, «гения», как меня часто называли. Мы работали над важными кампаниями для таких брендов, как Nestlé, Danone и других транснациональных корпораций, а также производили образовательные программы для детей. Мне нравилось. Проблема была в том, что я не умел устанавливать границы: работа была всей моей жизнью.

Какое-то время я также работал с Легионерами Христа в ассоциации под названием Soñar Despierto (Мечтать наяву). Там мы были связующим звеном

между семьями и детьми, помещенными в государственные центры после лишения родителей родительских прав. Эта ситуация вызывала у меня большую печаль: у детей не было возможности быть усыновленными, они могли только мечтать проводить некоторые выходные с «нормальными» семьями, что, честно говоря, я не знаю, было ли для них так уж полезно. Я чувствовал, что посвящаю свое время попытке исправить «ошибку» — уход из дома и оставление братьев и сестер. Общение с этими детьми помогало мне понимать их. Я создал проект под названием «Репортеры ценностей», где мы учили детей снимать кино. Мы просили их выбрать ценность — щедрость, дружбу, настойчивость — и создать короткометражный фильм, вдохновленный ею. Незаметно для себя, ребята начинали говорить о себе через то, что снимали.

Параллельно мне предложили работу в школе Xaloc в Оспиталете. Каждую субботу я занимался с группой подростков, испытывающих трудности в учебе и в семье. Это были бунтарские, немотивированные ребята, которых считали плохими учениками. Я учил их снимать, писать сценарии, и постепенно, через то, что они создавали, я входил в их жизнь. То, что они не могли сказать вслух, они говорили через камеру.

Однажды у нас возникла проблема с романтичным и застенчивым парнем по имени Рубен. Ему нравилась одна девушка, но он не решался подойти. Мы много говорили о ней, пока он наконец не набрался смелости и не пригласил ее на свидание. Она была тупой чикой, которая ответила ему, что «ей нужен мужчина». Рубен, убитый горем, порезал себе вены, но как в кино: поперек. Я навел его в больницу. Там были его родители. Мы поговорили, но в итоге поссорились из-за того, как грустно они унижали своего сына во всем, что он делал. Вскоре после этого родители поговорили со школой, и группу закрыли. Директор сказал мне: «Ты не можешь так сильно вовлекаться в жизни людей».

Дикая энергия

Моя сексуальная жизнь тоже начала портиться. То, что было чем-то прекрасным — праздником любви и связи — стало грязным и механическим. У меня появилась преждевременная эякуляция. Встречи казались мне пустыми, поспешными, пародией на то, что когда-то было реальным. Каждый раз, когда я брал свой член, чтобы проникнуть, меня охватывало чувство страха, оторванности, как будто мое тело и я больше не были одним целым.

Мы с Мириам начали отдаляться. Хотя она все еще жила в квартире — за которую я продолжал платить — я решил снять маленькую квартиру в Барселонете. Я не был способен полностью разорвать отношения. Я просто ждал. Я ждал чего-то неопределенного, трудного для названия: знака, перемены, магического решения, которое исправило бы все без моих действий.

Однажды, через несколько месяцев, я решил пройти мимо ее работы. Это была плохая идея. Я видел, как она вышла, целуясь с каким-то типом, и села с ним в

серый Ягуар. С тех пор я ненавижу эту машину. Я помню, как бродил без цели, шатаюсь, будто земля уходила из-под ног. Печаль была настолько велика, что я не мог ее сдержать. Я не дошел до дома. Я упал в обморок посреди улицы. Я не умел плакать. Я не знал, как выплеснуть все, что душило меня изнутри. И я рухнул.

Я думал, что мне нужна помощь, но не хотел снова идти к психологу, поэтому в один уик-энд я попробовал тантру Рональда Фукса. Все было для меня новым и странным. Они говорили о любви и сексе так, как будто это одно и то же. Идея мне нравилась, но я был очень заблокирован.

В период без Мириам я пытался исцелить свой член, участвуя в частных оргиях или трахаясь с женщинами, которых только что встретил. Все это было очень грустно, безотраднo. Я чувствовал себя беззащитным. Мой пенис уже не был прежним: теперь я мог войти в секс только через злость. Тогда я набирался энергии и трахал все, что попадалось на пути. Это был способ трахаться или злиться на свою собственную блокировку.

Я продолжал посещать семинары Рональда, и однажды мы сделали дакадакини. Мне досталась женщина-француженка немного старше, которая в момент проведения ритуала превратилась в богиню. Она вырвала из меня самую глубину ужасную боль. Я чувствовал, что умираю. Я начал плакать, кричать и извиваться, пока она нежно гладила меня и занималась со мной любовью. С тех пор я стал очень хорошим другом Рональда, которому я скрашивал курсы своей дикой и веселой энергией.

Помимо некоторых инцидентов, тантра стала лучшим лекарством для моей души. Я полностью посвятил себя этому пути, до такой степени, что организовывал семинары по всей Испании для того, кого считал в то время великим учителем. Я почитал его почти с благоговением, пока однажды он, глядя мне в глаза, просто не сказал: «Убирайся и лети».

Рассказы Вельзевула

Я продолжал исследовать. Я участвовал в семинарах с Дэвидом Дейдой, Чарльзом Мьюиром и Дэниелом Одье, у которых я научился таким практикам, как рандава и тантра-крийя-йога. Каждая встреча открывала новый уровень сознания, как будто тело наконец начинало говорить на языке, который всегда был там, ожидая, чтобы его услышали.

В профессиональном плане, после провала ArticFilms, Алекс нанял меня писать сценарии для телесериалов. Это была работа, требующая настойчивости: много минут сценария каждый день. Но она меня завораживала. Мне нравилось изолироваться, погружаться в сюжеты, жить с персонажами, давать им голос, ритм и глубину. В этот период я также укрепил связь с Пау, моим преподавателем сценарного мастерства. У нас была большая творческая синергия, и в итоге мы объединились как скрипт-доктора. К нам приходили

сценарии, которым требовался новый взгляд: реструктуризация, альтернативные финалы, более точные повороты, лучше проработанные конфликты. Нам нравился вызов — вмешиваться в чужие истории и находить в каждой лучший способ заставить их дышать заново.

Однажды утром, проснувшись, чтобы идти на работу, я открыл дверь и увидел свою мать на пороге. Она стояла там, неподвижно, с ножом в руке. В глазок я видел ее идеально. Я не решался выйти. Я думал, что меня раскрыли, хотя не знал, как именно. В 9:30 мне позвонил Алекс, мой начальник. Но вместо его голоса я услышал только фразу, которая повторялась без конца: «Я убью тебя». Три дня я не мог выйти из дома. Каждый раз, когда я подходил к двери, моя мать все еще была там. И каждый раз, когда звонил телефон, я слышал только ту же угрозу: «Я убью тебя». Мне не приходило в голову, что я схожу с ума. Я был убежден, что это реально. Я чувствовал висцеральный, парализующий страх. Паника жила во мне. По ночам я был уверен, что кто-то пробрался в дом. Я спал с ножом под подушкой, готовый использовать его, если понадобится. Я думал, что это был мужчина. Я видел его тень, проходящую перед дверью моей комнаты. И каждую ночь я бесшумно вставал с кровати, с ножом в руке, полный решимости поймать его. Но ему всегда удавалось спрятаться. Этот ублюдок умел ускользать. Я был убежден, что рано или поздно поймаю его.

Директор школы, где я изучал актерское мастерство и режиссуру, хотел нанять меня управляющим. Я согласился. Там был хаос. Денег поступало много, да, но Луис, директор, тратил их бесконтрольно. Долг перед Социальным страхованием был настолько велик, что уже была назначена дата конфискации. Меня, вместо того чтобы обескуражить, все это мотивировало. Я купил уже существующее общество с ограниченной ответственностью и совершил символическую покупку за один евро, передав собственность от одной компании к другой.

В день, когда Налоговая инспекция пришла с полицией, я сказал им, что это место теперь мое. Инспектор посмотрел на меня с ненавистью: он прекрасно знал, что я сделал. Поскольку они не хотели уходить, я сам вызвал полицию. Я помню этот момент как триумф над властью, своего рода личное искупление. Теперь моим домом был этот притон: школа, погрязшая в абсолютном экономическом и структурном беспорядке. И я решил поставить ее на ноги.

Я делился с Пау — ветераном Ошо, который был в Пуне в 70-х — своими открытиями о тантре. Однажды у него дома, роясь в его огромной библиотеке (моя привычка), мне в руки попала книга: «Рассказы Вельзевула своему внуку». Это был шок. Что это, черт возьми, было?

Одно название уже привело меня в замешательство. Я начал читать и наткнулся на плотный текст, полный символизма, написанный неким Георгием Ивановичем Гурджиевым. Это был не роман и не обычное эссе: это была своего рода философская эпопея, замаскированная под фантастический рассказ, в

которой Вельзевул, далекий от злого демона, выступал как мудрец, передающий своему внуку критическое видение человечества и вселенной. Это была беспощадная критика состояния сна, в котором мы, люди, живем. Заинтригованный, я продолжил исследовать и нашел «Фрагменты неизвестного учения», написанные П. Д. Успенским, одним из учеников Гурджиева. Эта книга была яснее: она описывала учения, которые Гурджиев передавал своему ближайшему кругу, говоря о необходимости сознательной внутренней работы, о практических методах пробуждения, о вселенских законах, управляющих нашим существованием. Это была не абстрактная философия: это был призыв к трансформации самой жизни.

Именно через эти книги я дошел до Оскара, приветливого человека, поначалу окутанного тайной. Меня представили ему как монаха, хотя сегодня, с дистанции, я не мог бы сказать, был ли он им на самом деле. Монах он был или нет, он стал моим учителем. Оскар рассказал мне о Четвертом Пути — пути, предложенном Гурджиевым, который не требует ухода из мира, как факир, йог или монах-затворник, а предлагает пробуждение в повседневной жизни, используя каждый опыт как инструмент для внутренней работы. Я рассказал ему о своих ночных страхах, о невозможности заснуть иначе, как прижавшись спиной к стене, боясь нападения среди ночи. Оскар спокойно выслушал меня и с присущей ему невозмутимостью спросил: «Хочешь увидеть своих монстров?»

Начало Работы

На рождественские праздники Оскар предложил мне провести эксперимент, который заключался в том, чтобы запереться в темной комнате на две недели. Он приходил каждый день, оставлял еду, спрашивал, как я, и уходил. Он рассказывал мне о психосинтезе — психологическом направлении, разработанном Роберто Ассаджолли, которое не только стремится исцелить раны бессознательного, но и интегрировать все части человеческого существа — свет и тень — для построения более сознательного, творческого и свободного «Я». Он также упоминал Сальвадора Рокета, одного из своих учителей, который исследовал интенсивные процессы внутренней конфронтации для пробуждения. Я не знал, чего ожидать от всего этого.

Сначала я почувствовал покой. Тишина, темнота... все казалось спокойным. Но вскоре разум начал работать сам по себе, как неуправляемая машина, и я испытал самый страшный страх: страх сойти с ума. Я хотел выйти. Это был ад. Я потерял чувство времени, не знал, день сейчас или ночь, и сколько я там нахожусь. Да, мои призраки нанесли визит.

Моя мать и братья и сестры явились, чтобы обвинить меня, побить, убить. Я не защищался. Я позволил себе умереть, потому что не хотел больше бороться. Я плакал и просил у них прощения, пока в какой-то момент что-то не сломалось: внезапно все стало светом, огромным, очень ярким белым светом. Я почувствовал глубокий покой. Я прошел через многие внутренние места,

пересек много сцен, как будто путешествовал по неведомым мирам. Однажды ночью, в состоянии полудремы, я почувствовал, что в моем животе появился маленький человечек. Это было слишком реально. Он начал пожирать меня изнутри, разрывая, я видел кровь... и изнутри меня эта фигура прошептала, что я — Христос.

Когда я вышел из этого опыта, Оскар отвез меня в отдаленный уголок Монтсеррата. Я вырыл яму и лег в нее. Меня засыпали землей и оставили маленькую трубочку для дыхания. Я пролежал там всю ночь. Оскар оставался рядом. Иногда, в темноте, я слышал его пение.

Я решил уйти из киношколы. Я сказал своему начальнику, что не хочу продолжать, что верность меня связывает, но я больше не могу. Слишком много головных болей, слишком много стресса, слишком много хаоса. Слишком много вечеринок, слишком много алкоголя, слишком много наркотиков. И я больше не хотел быть частью этого мира. Мне нужно было что-то другое. Что-то более тихое. Что-то более реальное.

Я вернулся к садоводству. Я заказал визитки и обошел Саррию, предлагая свои услуги. Вскоре появились заказы на сады. С каждым заказом я покупал новые инструменты и чувствовал себя более связанным. Я снова был с растениями, говорил с ними, слушал их. Я чувствовал, что они понимают меня. Это был способ вернуться к себе.

Я помню, что в течение нескольких месяцев я стриг газон в саду одного из руководителей Danone — человека, с которым я встречался на нескольких совещаниях в мой предыдущий период. Он никогда меня не узнал. И я ему ничего не сказал. В этой анонимности было что-то освобождающее. Как будто я наконец-то мог начать все сначала.

В свои времена в киношколе я купил телевизор, чтобы заполнить ночи и не мучить голову, но в какой-то момент я буквально выбросил его в окно. С тех пор я посвятил себя только чтению, медитации и посещению рабочих групп.

Я каким-то образом не мог остановиться, потому что во мне всегда была печаль, которая иногда превращалась в приятное счастье: печаль одиночества. Я думал о прекрасном, о красивом, что я ощущал далеким, как о том, чего у меня нет. Мне не хватало того, что я искал на курсах: женского начала.

Оскар сказал мне, что важно присоединиться к рабочей группе, связанной с Четвертым Путем. Я последовал его совету и начал исследовать разные пространства. Я прошел через несколько групп, одни более ортодоксальные, другие явно более либеральные, пока наконец не нашел место, где почувствовал принадлежность: ортодоксальная школа под названием La Tesa. Сначала синкретизм группы сбил меня с толку. Мне казалось, что я вхожу в секту. Но часть меня чувствовала притяжение. Мне нравилось.

Мастер, Джованни Мария Квинти, понравился мне с самого начала. В нем я нашел не только наставника, но и настоящего товарища по пути. В La Tesa я открыл для себя сплоченное, преданное, странное и глубоко человеческое рабочее сообщество. Им я обязан жизнью. Я обязан им своим сердцем.

Меня прозвали «черным монахом», потому что я постоянно ссылался на учения Оскара. И мне позволяли быть таким. У всех у нас были свои странности. Мы собирались, чтобы изучать «Рассказы Вельзевула своему внуку», расклеивать плакаты, проводить публичные лекции, медитировать и, главное, танцевать. Священные танцы Гурджиева были центром нашей практики: танцевать и танцевать без усталости. Это был глубоко творческий, питательный и преобразующий период. Там я нашел своих людей: разговоры, питающие душу, молчание, которое тоже учило, и внутреннюю работу, которую каждый вел по-своему. Было трение, да. И трение приветствовалось. Никто не лез к тебе, но все были зеркалом. В этом, в трении и нагревании, я был экспертом.

С Джованни у меня сложилась крепкая дружба. Он тоже изучал Грофовского, и многие из наших работ были пропитаны театральностью. Каждая школа Четвертого Пути склонна специализироваться на одном типе практики, и в La Tesa фокус был на танцах и актерском мастерстве. Со временем школа изменилась. Это уже не то гнездо самонаблюдения, каким была в начале. Но, возможно, это тоже часть процесса.

Согласно Четвертому Пути, наступает момент, когда ученику нужно дать пинка под зад, чтобы он ушел жить своей жизнью. Так задумано: не для того, чтобы оставаться, а для того, чтобы пробудиться. Также говорят, что для получения этого знания нужно быть хорошим вором — но все же вором, — потому что школы Четвертого Пути ничего не дают. Отсюда синкретизм: верные Гурджиеву, Работа — это не поглаживание эго, а осада. Беспощадная атака. Хотя — как и все человеческое — иногда Работа тоже становится эгоичной. И этому меня тоже научили: сомневайся. Сомневайся всегда. Потеряй надежду. Это, говорят, истинное начало Работы.

Исцеляющая тантра

В тот день, когда я приехал в центр Namasté в Валенсии, я встретил девушку, которая меня очаровала. Она была прекрасна. Я подошел к ней и спросил, как ее зовут; она сказала, что ее зовут Марта. Она мне очень понравилась. Хотя она не обращала на меня внимания, ее привлекал мой постоянный поиск. Я сказал ей, что хочу с ней встречаться, но она отвечала «нет» снова и снова. И это, как ни странно, мне нравилось. Каждый раз, когда я приходил в Namasté, я искал ее взглядом. Она казалась мне ангелом, чувственным и совершенным. Мне нравилось быть рядом с ней. Она говорила мне, что не будет встречаться с таким парнем, как я, потому что я похож на бабника (хотя я им не был, только выглядел так), и я старался показать ей, кем я был на самом деле.

Когда я приезжал на семинары и не видел ее, у меня пропадало желание оставаться. Я терял интерес к материалу дня, особенно потому, что почти всегда все заканчивалось динамиками, где мы в итоге оказывались голыми, обнимая друг друга. А я уже немного устал от всей этой нью-эйдж-ерунды, где наличие стыда, казалось, было синонимом подавленности. По иронии судьбы, в итоге все они были более распутными, чем я. Я ни с кем не крутил... ну, с четырьмя или пятью, но они не считались: это были практики. Все шло с желанием секса и нарушения табу. Мне это не нравилось. Я смотрел на них с некоторым презрением, потому что я уже входил в тантрическую тему: любовь, уважение, восхищение.

Я поцеловал ее на крыльце, под звездами: какой поцелуй у нас был! Она была на 9 лет старше меня, и у нее была 8-летняя дочь, но меня это совсем не волновало, я был влюблен и любил ее так сильно, что убил бы льва ради нее, если бы она попросила. Не нужно было так много, нужно было просто любить ее. Целый год мне пришлось ждать! И я вложил в нее как никогда. Я был медленным, с уважением, с любовью, дал ей пространство, позволил ей увидеть, кто я есть, слушал ее.

Я долго искал того, кто вырвет из моего члена ту грязь, которую я чувствовал. Учитель Мокша говорил, что пенис и вагина — это отражение и дверь к сердцу, сердцу, которое было больным и исцелилось через майтхуну. С Мартой мы еще не были парой, только тантрическими партнерами. Сексуальное исцеление мужчина дает женщине и наоборот. Нас было мало, всего четыре пары. Сексуальное исцеление проводилось в группе, и это был прекрасный опыт. Я позволил ей увидеть то, что я держал наиболее закрытым и защищенным, а она показала мне свое. Именно тогда мы начали встречаться как пара.

Ее дочь не любила меня, и, по правде говоря, она мне тоже не очень нравилась. Она била меня, когда я целовал ее мать, и устраивала сцены, чтобы заставить ее чувствовать себя виноватой. Хуже всего была не она, а видеть, как Марта страдает от каждого ее слова. В ресторанах она поперхивалась, не зная, как реагировать, в то время как я сдерживался, борясь с искушением вмешаться.

Однажды я решил установить ей границы. Я твердо сказал ей, чтобы она больше не била меня. Я чувствовал себя в неловкой роли, вынужденный молчать, чтобы не беспокоить. Но однажды, выходя из кино, девочка снова ударила меня после поцелуя. Я спокойно предупредил ее и, после новой пощечины с ее стороны, отреагировал инстинктивно: дал ей пощечину. Она застыла в шоке, удивленная, что кто-то установил ей границу. Она больше так не делала.

На следующий день ее отец пришел с претензией. Марта смотрела на меня со страхом, но я чувствовал себя спокойно, как будто защитил свое место. Как ни странно, с тех пор девочка начала относиться ко мне с нежностью, даже с некоторой игрой в соблазнение. Я всегда держал дистанцию. Я знал, что не мое место воспитывать ее.

Эта дистанция росла и с Мартой. Я был всего лишь «мамин парень». Я хотел создать семью, но семья уже была готова. Марта не хотела больше детей. Она не хотела общего дома. Она уже прожила все то, что для меня было еще мечтой. И это не сработало.

Энеатипа Восьмой

В Валенсии Антонио Пачеко приехал, чтобы провести для нас курс о смерти, и упомянул, что он участвует в программе SAT. Я уже знал энеаграмму по своему опыту в Четвертом Пути, и нам с Мартой показалось, что это хороший способ провести августовские каникулы. Мы всегда ходили на семинары личностного роста; это было частью нашей жизни. Но SAT оказался некомфортным, даже мучительным опытом. Сначала я определил себя как энеатип Семь, но что-то не совпадало. Я был слишком физическим, слишком импульсивным. Мои шутки не были «ментальными», как у Семерок.

Затем меня определили как энеатип Восемь. Именно Сьюзи Строк открыла эту возможность. Я не думал, что я настолько инстинктивен и что моя жизнь была настолько экстремальной. Одна только мысль вызывала у меня тревогу. И все стало хуже, когда я услышал описание сексуального Восьмого. Я почувствовал глубокий, висцеральный стыд, как будто кто-то проник в ту часть меня, которую я годами прятал. Сьюзи спросила, не чувствует ли кто-нибудь себя идентифицированным. Я ничего не сказал, но она подошла ко мне, пристально посмотрела и спросила: «Ты?». Это было похоже на признание греха. Я кивнул. С этого момента я заметил изменение во взглядах. На меня смотрели иначе: со смесью страха и уважения, как на прирученного дикаря, сдерживаемого насильника... но так и не вступая со мной в настоящий контакт.

Я чувствовал себя потерянным. Каждые выходные я ездил в Пеньисколу, работал садовником и спрашивал себя, не привело ли меня все пережитое к этому. Затем одна католическая группа связалась со мной, чтобы создать телеканал в Барселоне. Без опыта, но с энтузиазмом, я бросился в проект, возглавляемый аргентинским священником, который мне никогда не нравился. Мы создали Sant Josep TV из подвалов церкви, вещая без лицензии. Все шло хорошо, пока я не обнаружил священника с несовершеннолетней. Я не промолчал: я сообщил епископу и взял управление в свои руки, перенеся канал при поддержке Ассоциации Эммауса. Но приключение пошло наперекосяк. Мне перестали платить, я стал украшением, и канал умирал.

Не имея дохода, я в итоге оказался в приюте. Один индийский бизнесмен хотел купить у меня телевидение, но я отказался. В качестве последнего акта я загрузил все на YouTube и ушел в закат вместе с проектом. Сегодня, оглядываясь назад, мне трудно понять, как Марта выносила меня в то время. В глубине души все это родилось из желания донести послание до моих братьев и сестер: я хотел показать чистую христианскую веру. Но я одержим до такой степени, что заболел. У меня была пневмония. Врачи сказали, что меня нужно

госпитализировать: 70 % моих легких были инфицированы. Я ушел из приюта Conferencias и в итоге спал на улице, пока друг из школы Четвертого Пути не узнал об этом и не дал мне приют в своем доме.

Я не хотел, чтобы кто-то знал о моей неудаче, даже Марта. Я чувствовал себя сломанной куклой. Я все время спрашивал себя, для чего я нужен и какова моя миссия в мире.

Однажды на телевидение пришла пожилая женщина, донья Мерседес. Она была в разводе и, хотя тело ее было согбено годами, у нее был детский взгляд. Со временем я узнал, что ее сын, всего 18 лет, повесился на люстре в своей комнате, как раз когда она вышла на минутку выбросить мусор. Я пошел к ней и в течение шести месяцев навещал ее каждое утро: я вытаскивал ее из кровати, купал, причесывал и читал ей отрывок из Библии. Она не хотела, чтобы кто-либо переступал порог ее дома, говорила, что впустит только дьявола. Поэтому я сказал ей, что я и есть дьявол. И с тех пор она называла меня так.

Однажды я принес ей котенка, которого нашел на улице. Сначала она почти не смотрела на него, но постепенно начала обращать на него внимание. И в конце концов стала заботиться о нем. И о себе.

Кафе-терапия

Однажды я встретил одного сумасшедшего. Его звали Махабаджу Даса, он был из Малаги и говорил, что был наркокурьером: много денег, никаких угрызений совести. По его словам, он потерял все, пока Харе Кришна не изменили его жизнь. Он основал небольшую ассоциацию под названием Kesaba, и я начал ее посещать. Мы собирались, чтобы петь мантры, практиковать Бхакти-йогу, йогу преданности. Мы пели Кришне, Христу, Любви под любым именем. Мы делили прасад — освященную пищу — и называли друг друга прабху — братья. Мы были, по большей части, мужчинами без направления, изгоями системы, париями без дома и уверенности. И, тем не менее, там мы узнавали друг друга. Там было тепло, смирение, утешение.

В Четвертом Пути у нас была практика: сопровождать людей в терминальной стадии до самой смерти. Быть с ними, навещать их, просто оставаться там, пока они не покидают тело. Это был один из самых интенсивных опытов в моей жизни. Держать их за руку в этот последний момент, видеть, как они уходят. Как исчезают. Как и все мы, рано или поздно. И единственное, что требовалось, — это быть. Быть присутствующим.

Однажды мне позвонил Джованни. Он сказал, что собирается открыть филиал в Мадриде и хочет, чтобы я руководил филиалом в Барселоне. Но я уже устал от проектов, от собственных порывов, и сказал «нет». Тогда он сказал: «Черный монах, твой дом внутри тебя».

И я ушел из школы. Я оставил все позади. Я был учителем священных танцев, но я бросил это. Я вернулся к садоводству. Я хотел вернуться к началу. Я не нашел своего места, и ничто не удерживало меня нигде.

В то время я прошел курс, который обычно не стал бы проходить: сказкотерапия. Идея заключалась в исцелении через сказки. Его вел Лоренсо Эрнандес Пальярес, обаятельный мурсиец, который сбил меня с толку, потому что позволял нам делать все, что мы хотим, без требований. Он садился как дедушка и рассказывал нам истории, маленькие, казалось бы, незначительные вещи, но которые таинственным образом оставляли во мне глубокий след. Это было то, что я искал, кажется: не нужно прилагать усилий, не нужно противостоять или копать. Просто позволить прикоснуться к чему-то мягкому. Погладить внутреннего ребенка, обратиться к магическому, символическому мышлению. Мое сердце загоралось. Я чувствовал себя ребенком. Ребенком, которым я никогда не был. Лоренсо привязался ко мне. Он говорил, что я похож на тигренка. Сказки вернули мне потерянного ребенка.

Я участвовал в течение года в школе Четвертого Пути, которой руководил мексиканец Карлос де ла Гарса, находившийся под влиянием Джона Беннета и Мориса Николла. Я сотрудничал, делая их веб-сайт и редактируя секретные рукописи для посвященных. Там использовались символические имена, животные силы и ритуалы с растениями. Я пробовал пейот и Сан-Педро без особого эффекта, но айяуаска и яге потрясли меня. В конце концов я ушел из-за разногласий и усталости от мантры «сознательное усилие и добровольное страдание». Что-то во мне больше не хотело идти по этому пути.

В то время Марта часто повторяла мне, что я должен быть терапевтом. Она говорила, что то, что иногда отталкивает людей — то, что создает мне конфликты и одиночество — может быть, если правильно направить, стать даром. Эта идея крутилась у меня в голове, пока я не решил организовать курс по тантре. Пришло десять человек... и шестеро ушли до полудня. Я был очень нервным. Я чувствовал, что не знаю достаточно, что не хочу повторять чужие теории, а хочу говорить из собственного опыта. Не из того, чему меня научили, а из того, что я прожил и интегрировал. Но то, что вышло, было чем-то странным, хаотичным, неуклюжим. Вторая попытка тоже не сработала. Третья — еще меньше.

Параллельно я начал практиковать своего рода «кафе-терапию» с некоторыми товарищами по Четвертому Пути. Это была форма исследования, разведки. Они хотели попробовать мое лекарство. Я предлагал им сеансы ребёфинга (перерождения). Я уже несколько лет практиковал перерождение, в воде и в сухом виде, с тех пор как прошел обучение. Я даже работал с некоторыми пациентами только через этот процесс. Это была не психотерапия, максимум десять сеансов.

Начало в Гештальте

За два лета до этого я прошел ретрит с Леонардом Орром, а также завершил трехлетнее обучение. Я глубоко верил в этот подход, хотя интуитивно чувствовал, что мне нужна предварительная база: хотя бы минимальная психотерапия, чтобы знать, куда вести пациента. Поэтому я начал экспериментировать на своих собственных подопытных кроликах. Сеансы длились около двух часов, после я записывал свои впечатления и начал строить схему работы. Сверху вниз: сначала ум, затем эмоция, и наконец тело. Я записывал сеансы и просматривал их в поисках закономерностей. Постепенно я добавлял элементы Четвертого Пути и тантры, и дело начало налаживаться. Хотя, честно говоря, 80 % моих подопытных уходили. Они говорили, что это слишком. Нужно действовать мягче. Это выводило меня из себя. Я не умел их ждать.

Однажды Лоренсо, учитель сказкотерапии, рассказал мне об одной довольно своеобразной группе, связанной со школой Э. Дж. Голда. «Группа сумасшедших», по его собственным словам. Это разожгло мое любопытство. Я поехал в Севилью, чтобы познакомиться с ними, и в итоге стал ездить туда каждый месяц. Там, в этом творческом хаосе, я начал вынашивать и упорядочивать свои терапевтические процессы. В этом пространстве была как раз та доза безумия, которая мне была нужна, чтобы исследовать свое призвание терапевта через призму Четвертого Пути.

Именно в этот период я решил начать личный терапевтический процесс, в соответствии с одним из фундаментальных принципов Четвертого Пути: «не доверяй себе». Я решил работать с гештальт-терапевтом, отчасти потому, что он не был мне близок. Как раз поэтому: еще один принцип Четвертого Пути предлагает делать то, чего склонен избегать, и наблюдать за собой. Лоренсо порекомендовал мне Альфонсо Кастро, гештальт-терапевта и аксиолога. Я не ожидал многого от этой связи, но, хотя наши отношения были краткими — он умер вскоре после этого — они оказали решающее влияние на мою жизнь.

На нашей первой сессии он провел мне тест Хартмана. Закончив читать его, он посмотрел мне в глаза, перекрестился и сказал: «Ты уже здесь, сын мой». Эта фраза, сопровождаемая простым, но многозначительным жестом, глубоко тронула меня. Я боролся с желанием заплакать, но безуспешно. Я позволил себе, впервые за долгое время, эту эмоциональную разрядку. Альфонсо молча сопровождал меня, поглаживая по голове и повторяя ту же фразу, как мантру: «Ты уже здесь». Именно благодаря ему я решил поступить на обучение гештальт-терапии. Его смерть вскоре после этого лишь укрепила ценность той короткой, но значимой встречи.

Курсы по тантре начали работать. В Барселоне, Мадриде, Валенсии и Мурсии — там особенно, во многом благодаря поддержке Лоренсо, который открыл для меня двери своих людей. Я оставил садоводство и начал жить за счет проблем людей. В Барселоне у меня тоже были пациенты. Я чувствовал себя все лучше. Наконец, я зарабатывал деньги, и на то, из-за чего я их терял. Я знал, что не хочу

создавать никаких других ассоциаций, школ, компаний или чего-то еще. Все, чего я хотел, — это быть скромным, работать своими руками и ничего больше.

К тому времени у меня больше не было амбиций. Во мне было стойкое, почти структурное чувство неудачи, с которым я научился жить с определенным достоинством. Это не острая печаль, а скорее восприятие жизни с малой интенсивностью, как будто цвета всегда немного блеклые. Своего рода тихая пустота. И в то же время, как ни странно, ко мне начали приходить первые пациенты.

Смотреть на Бога без требований

Как я уже говорил, я хотел создать семью с Мартой. Но я не знал, способен ли я, с моей историей и несколько дикой натурой, действительно заботиться о детях. Поэтому я решил начать с чего-то более близкого, более управляемого: завести собаку.

Я узнал, что щенка бультерьера вернули в питомник с пометкой «упрямый». Я написал им письмо. Я написал, что хочу дать ему шанс, что моя цель — обучить его собакой-терапевтом. Хотя на самом деле я просто искал друга.

Тем летом я уехал на месяц на обучение по терапии с животными и взял с собой Казана, которому было всего шесть месяцев. Когда его увидели, инструкторы были категоричны: они сказали, что он не годится. Что бультерьеры похожи на акул: непредсказуемы. Я не послушал их. Я работал с ним каждый день, с терпением, настойчивостью и решимостью, которая удивляла меня самого.

Казан постепенно завоевывал сердца всех. Он был медленнее других собак, да, и гораздо более упрям, но у него была особая невозмутимость. В итоге он стал отличной собакой-терапевтом. Его спокойное присутствие внушало детям уверенность; они подходили к нему без страха. К тому же, его необычный вид делал его уникальным. Незабываемым.

Как ни странно, другие собаки не очень его любили. Казан был другим. Его внешность сбивала с толку стаю, и он не прилагал никаких усилий, чтобы интегрироваться. Ему было все равно. Он всегда был таким: независимым, невозмутимым.

С тех пор он сопровождает меня на многих сеансах. Он мой котерапевт. Он представляет мою самую нежную часть, ту, которую мне иногда трудно показать. Он способен забраться на колени к пациентам, и с каждой лаской, которую он получает, он приглашает их расслабиться, заговорить, ослабить свою броню. Он превратился в 45-килограммовую собаку с телом танка и душой плюшевого мишки. Правда, упрямым он остался. И очень. Но он также, без сомнения, один из лучших товарищей, которые у меня были.

После разрыва с Мартой я снова обратился к айяуаске. Я снова вернулся к Великой Матери. Один тайта из Путумайо, которого я знал много лет, пригласил меня на одну из своих церемоний, чтобы я помогал и пил яге. В течение года, каждый раз, когда он приезжал в Испанию, я организовывал встречи и пил с ним. Это был интенсивный период. Дедушка яге довел меня до предела. Приемы были жесткими, глубокими, жестокими. Я катался по земле, снова и снова сталкиваясь со своей животной сущностью: этим древним страхом потерять контроль, причинить вред, чтобы что-то внутри меня вырвалось наружу. Это был мой настоящий ужас: подозрение, что во мне живет что-то темное, и я годами пытался это контролировать. Пока на одной церемонии я не перестал бороться. Я освободил зверя. Я увидел себя голым, грызущим бревно, как левенок. И тогда я понял: во мне не было злобы, только грубая, дикая сила, да, но невинная. Я вспомнил фразу Клаудио Наранхо на SAT об энеатипе Восьмом: «Инстинкт невиновен».

Я вернулся к терапии, но с другим настроем. Я оставался, даже когда все во мне кричало о побеге. И в этом непрерывном пребывании без пафоса, в этой тихой сдаче, я начал думать, что не хочу снова причинять боль другой женщине. Я не хотел снова пытаться, чтобы потом потерпеть неудачу. Я решил быть только терапевтом. Ничего больше. Без партнера. Без секса. Без целей. Поверженный, да. Но в мире. И это принятие, вместо того чтобы сломать меня, поддерживало меня.

Я познакомился с женщиной по имени Лилиана в кругах работы с энеаграммой и Четвертым Путем в Мурсии. С самого начала у нас сложилась хорошая дружба, хотя я держал некоторую дистанцию. Она занимала руководящую позицию в группе, и это, вместе с моим личным решением вести более аскетичную жизнь, заставляло меня избегать любых эмоциональных или двусмысленных вовлечений. Я знал, что она питает ко мне симпатию, но я не чувствовал себя готовым исследовать что-то за пределами дружбы. Тем не менее, мы часто разговаривали. Со временем я начал открываться. Я доверял ей свои печали, противоречия, аспекты, которыми редко делился. Между нами выстраивалась искренняя близость, без претензий, основанная на слушании и эмоциональной интимности.

Пока однажды я не устал от самого себя. От своего контроля, своего сопротивления, своей хронической неспособности доверять жизни. И я решил отпустить. Не как обдуманый акт, а скорее как капитуляцию. Лилиана уже давно предлагала мне навестить ее деревню, и я всегда отказывался. В тот день я сказал, что больше не буду противоречить вселенной, ни бунтовать против того, что жизнь предлагает мне. Я не буду больше навязывать решения своему пути. Я просто хотел быть покорным, позволить вести себя. И я так и сделал. Я позволил унести себя к берегу.

Все это произошло, во многом, благодаря смерти моей матери. Ее уход положил конец внутренней войне, которую я вел годами. Бог — или жизнь, или что-то

еще — забрал ее прежде, чем я смог осуществить то, что так долго было моей бессознательной целью: победить ее, что-то доказать ей, противостоять ей до конца. Но ее смерть оставила меня без противника. Больше не было кости, которую можно грызть. Внутренний огонь, пожиривший меня, погас.

Я оплакивал ее. Я любил ее. И впервые, искренне, я сказал ей: «Покойся с миром». И произошло нечто любопытное: мертвая, от нее осталось только хорошее. Как будто остальное — боль, напряжение, обида — растворилось в другом измерении.

Однако это был не чистый и не мгновенный процесс. Кошмары вернулись. Мне снилось, что она на самом деле не умерла. Что она входит в мой дом, пока я сплю, что она закалывает меня ножом. Это было настойчивое, повторяющееся присутствие, как будто что-то не было до конца закрыто.

В этой суматохе Лилиана была настоящим ангелом. Ее отношение было спокойным, понимающим, сдержанным. Но я все еще не доверял полностью. Я смотрел на нее с подозрением, таща за собой старую паранойю: в каком-то темном уголке моего разума я даже подумал, что, возможно, она была посланницей моей матери, кем-то, кто должен был заставить меня опустить бдительность.

Семья Лилианы приняла меня тепло. Она была счастлива со мной, а я, здоровый парень с севера, был хорошо принят в том доме, где было семь братьев и одна сестра. Меня удивило, как сильно мне понравились простые деревенские вещи: их обычаи, их неторопливый ритм, честность в жестах, ясность в сути. Я наконец почувствовал себя частью чего-то большего и скромного.

Я женился на Лилиане. Ее братья с энтузиазмом и любовью организовали мне мальчишник в загородном доме. Не было излишеств или бесконтрольности. Со временем я еще больше интегрировался в жизнь деревни, где мы жили. Я начал играть на лютне в местном духовом оркестре. Петть и играть с ними было на удивление вдохновляюще. В игре музыки в группе, в ощущении общего ритма, в принадлежности к коллективному выражению есть что-то глубоко жизненное.

Ощущение себя обычным человеком — не нужно ни выделяться, ни прятаться, быть частью повседневного мира — дало мне внутреннюю устойчивость, которую я не знал. Неожиданное спокойствие. Как будто я наконец стал частью человеческой расы.

Написано в 2010 году.

La Mesías (обновление, пятнадцать лет спустя)

На днях вечером мне позвонил Давид Барба. Какие это были времена, когда мы встретились на SAT... Он сказал мне: «Мы заканчиваем книгу о Восьмом, не хочешь написать что-нибудь о сериале La Mesías?».

La Mesías — это мини-сериал 2023 года из семи эпизодов, где сюжет начинается вокруг вирусного видео христианской поп-музыкальной группы, состоящей из нескольких сестер, которое влияет на жизнь Энрика, мужчины, мучимого детством, отмеченным религиозным фанатизмом и гнетом матери с мессианскими бреднями.

Энрик — это я.

Уф... Не знаю... Во-первых, мне так приятно говорить с Давидом... Он вытаскивает меня из моей пещеры, полной костей, и приглашает заняться тем, что, само по себе, мне в тягость. Я сказал ему «с удовольствием» и забил на задание. Мне всегда трудно соединяться с прошлым, потому что, если нужно говорить о прошлом, нужно быть в контакте. И я откладывал это день за днем, ожидая крайнего срока, или чтобы Давид или Леонор сказали: «Не нужно, прошло слишком много времени». Мне не нравится соединяться со своим прошлым, это всегда одно и то же, всегда трудно и всегда полезно. Когда я ходил на семинары личностного роста и они говорили: «Соединитесь с внутренним ребенком, который есть в каждом из нас, это хорошее место», я думал: «Дерьмо для меня». Это место проходит через Аид, и проходить через подземный мир никогда не приятно.

Даже сегодня я убегаю от своего прошлого, пытаюсь забыть его, даже зная, какую пользу мне приносит воссоединение с ним. Господин Гурджиев говорил о «самовоспоминании», и нельзя вспомнить себя, не вспомнив ВСЕ. Слово «вспоминать» происходит от латинского *recordari*, образованного от *re* (снова) и *cordis* (сердце). Вспоминать означает гораздо больше, чем иметь что-то в памяти. Это значит «снова пропустить через сердце».

Итак, приступим, и я начну с сегодняшнего сна. Я был в центре большой войны, в окопе. Я не знаю, что я там делал; я упал туда внезапно. Вокруг была война, а я стоял как будто и смотрел, не понимая, что происходит. Вероятно, я был из противоположного лагеря, потому что из окопа начали выходить солдаты и бросаться на меня. Я не понимал, что происходит, но начал защищаться. В моей руке была челюсть осла, и я начал бить ею подходящих солдат. Я разбивал им головы, а они все продолжали идти. Я не знал, что происходит, но поспешность и свирепость, с которой они приближались, были настолько велики, что у меня не было времени сказать им: «Я пришел с миром, я не хочу вам зла». Но я выглядел как дикарь, как Тарзан, с длинными волосами, голый и оборванный.

Я начал отчаиваться, солдаты подходили все быстрее и быстрее, я был их врагом. Я пытался крикнуть им, что я не враг, но шум был оглушительным. Приходило все больше и больше солдат, и я начал испытывать разочарование. Это было четкое эмоциональное ощущение, эмоция грусти: я не мог перестать защищаться, но я убивал невинных людей, которые считали меня угрозой, хотя я был таким же невинным, как и они. У меня начали течь слезы, пока я разбивал черепа, и я чувствовал себя таким расстроенным, таким беспомощным от того,

что не могу остановить эту бессмысленность, что я бросился на них в отчаянии и ярости и начал их пожирать, отрывал куски мяса от их животов зубами, яростный и дрожащий от эмоций. Я чувствовал силу и слабость одновременно, это было очень странное сочетание. Я бы сказал, что в моих действиях была любовь. Солдаты, видя меня таким угрожающим, удваивали усилия, чтобы сразить меня, испуганные. Я чувствовал глубокую связь с ними. Все было так кроваво, так грустно... но я выжил в той войне.

Однажды Клаудио Наранхо рассказал мне: «В детстве у моей тети была кошка, она родила котят. Она кормила их, и вдруг, неизвестно почему, кошка вытащила одного котенка из корзины и отложила в сторону, чтобы он умер. Я не понимал такой жестокости. Я взял котенка и отнес обратно к матери. Кошка снова вытащила его, и я снова положил его обратно в помет, не понимая такой враждебности к беззащитному котенку. Оказалось, у котенка была инфекция, он заразил материнское молоко, и все котята умерли». Клаудио посмотрел на меня и сказал: «Инстинкт невиновен».

Когда война закончилась, все были мертвы, кругом были трупы, а я все еще отрывал куски мяса, яростный и грустный, плача. Больше не приходили солдаты, но я продолжал бить и пожирать мертвых. Я не хотел останавливаться, потому что не хотел смотреть и осознавать, что все уже кончено, я выжил вопреки всему, и это была слишком высокая цена, с которой я не знал, как жить. Тех, кто стонал, я добивал укусом. Что чувствует выживший, который выжил за счет смерти других? Я чувствовал себя в долгу. И дар выживания стал проклятием. Ты благодаришь Бога или проклинаешь его за то, что он сделал тебя инстинктивно сильнее? Я проклинал его. И долгое время я испытывал это выживание, ища, чтобы Бог обращался со мной, как с собакой, но я здесь.

Клаудио, прочитав мою биографию, сказал мне: «Твои братья и сестры спасли тебе жизнь». Понятия не имею, что он имел в виду. Я думал только об одной сцене из моего детства, которая повторялась много раз в ту эпоху. Когда я чувствовал себя расстроенным и отчаявшимся, я хотел кричать, но на самом деле это был подавленный плач от отсутствия защиты, место, где можно было бы излить отчаяние от того, что я больше не мог. В этом месте я смотрел на небо и говорил Богу: «Дай мне причину, по которой я не должен уничтожить мир». Полагаю, в моем детстве идея уничтожить мир была не чем иным, как эмоциональным порывом, ведомым телом. На самом деле я хотел сказать «уничтожить мой мир», броситься в водоворот разрушения. Возможно, теперь я мог бы назвать это мстью: поддаться зверю, который, по словам моей матери, был во мне, и сдаться самой очевидной логике, судя по окружению, в котором я жил: что я родился, чтобы быть Энкиду (моя мать безуспешно пыталась быть Шамхат), и позволить, чтобы во мне сошлись разочарования и обиды моей больной семьи, то есть в конце концов поддаться «реальности», что в глубине души я — ЗЛОЙ.

Это сопровождало меня так долго... Я помню, что в амазонских джунглях Тайта Хуан смеялся надо мной, когда я, глубоко испуганный, говорил ему: «А если выйдет дьявол, который во мне?». «Спокойно, щенок, если выйдет, мы привяжем его к дереву». Ужасные ночи я заканчивал голым, грызя стволы деревьев или выкапывая место, чтобы заснуть, всегда голый. Тайта Хуан подходил ко мне со смехом и накрывал одеялом, говоря: «Я прикрою твою задницу, она указывает на алтарь». И так каждую ночь, борясь с тем, чтобы не выпустить своего дикого зверя, а затем, оказываясь не более чем ребенком, ребенком, который никогда не вышел наружу.

Плохо было, по мнению моей матери, то, что я был ребенком: я должен был быть ее боевой собакой, это было мое место. Я помню, как она наказывала меня, привязывая цепью с оливково-зеленым ошейником снаружи дома, рядом с моей собакой, которую тоже никогда не отпускали. «С собаками нужно обращаться как с собаками». И все имело смысл: провести ночь там с моим братом-псом имело смысл, это было мое место, это было место. Я родился, чтобы быть животным; принятие места всегда приносит относительный мир. Идентичность приходит после принадлежности к территории: это была моя территория, и в ней не было места для ребенка. Я до сих пор не могу сказать тебе, что такое игра, я не могу сказать, чувствовал ли я игру с кем-то, кроме игры с самим собой. Я также не могу сказать, был ли я когда-либо счастлив. Счастье для хороших детей, по словам моей матери, а я не был хорошим, по словам моей матери. Я пытался, пытался быть хорошим мальчиком, но во мне был непокорный зверь, который не позволял мне быть лицемером, и я навлекал на себя наказание за наказанием из-за неспособности сказать матери «я тебя люблю». Я не мог сказать ей этого. Я планировал убить ее, когда представится случай, ее и моего отчима; это была наиболее убедительная альтернатива. Я не мог вынести мысли провести 50 лет своей жизни запертым в этом безумии.

Сериал появился самым случайным образом. Мне позвонила Мария, журналистка. Я все еще прятался где-то, живя на дне психотерапии. Я был в SAT, в Индии, прячась от света и крадя у судьбы мысль о том, что ребенок, не бывший счастливым в детстве, никогда не может быть счастлив. Но я все еще прятался, боясь, что меня в любой момент раскроют, укажут на меня и усомнятся: «Ты сын сумасшедшей, уф... ты похож на нее, ты был ее любимым сыном, она не успокоится, пока ты не вернешься и не займешь свое место, так что тебе не следует быть здесь, ты плохой». Так что прятался я не очень хорошо.

Меня нашли: «Ты тот самый блудный сын Марии Дуран де Бельидо? Мы хотим снять сериал о вашем детстве рядом с матерью». Кому, черт возьми, придет в голову снимать сериал о таком? Но потом я понял: они собирались сделать сериал о милых христианских детях, которые благодаря своей матери сохраняют веру в лесу, изучая здоровый образ жизни на природе и хорошие манеры, что-то вроде «Капитана Фантастика». Я рассмеялся ей в лицо, сказал, чтобы она больше не звонила, и повесил трубку.

В течение трех недель Мария пыталась связаться со мной, пока я не согласился поговорить с режиссерами, Los Javis, восходящими талантами, которых я не знал, потому что я прятался, помнишь? А прятаться также означает не смотреть наружу. Так что у меня не было телевизора, и я не знал о существовании хороших вещей в мире. Для меня это было просто чем-то, чего не существовало: этого не было в моем детстве; мне было легче игнорировать общество, чем обращать на него внимание.

Я почувствовал их честность на первой видеоконференции: приятные, симпатичные и, казалось, готовые слушать. «Если я буду говорить, то только чтобы сказать правду». Они открыли свои папки и включили диктофон, и я рассказал правду. Нет, наше детство не было похоже на семью фон Трапп из «Звуков музыки», как бы моя мать ни старалась продвигать это видение, а скорее на «Мизери». Первая сессия длилась три часа, я плакал, вспоминая, они плакали вместе со мной. «Если хочешь остановиться...» Нет, я не хотел останавливаться, я хотел рассказать все. Я хочу рассказать, что произошло, я хочу сказать правду, я хочу перестать быть запертым, даже сегодня запертым, спрятанным. Я хочу перестать быть очаровательным животным и стать выжившим человеком. Легче следовать судьбе, чем противостоять ей, а я слишком долго противостоял Богу или игнорировал его. Пришло время говорить о моей хрупкости, о страхе, который я чувствовал, об отчаянии и кошмарах, которые не отпускали меня годами. Пришло время, потому что так должно было быть, потому что в конце концов прятаться бесполезно: нас всегда находят, и нужно встретиться лицом к лицу с правдой. Я собирался встретиться не только со своей правдой, но и со своей семьей, с бабушкой и дедушкой, с тетями и дядями, с моими братьями и сестрами. Да, братья и сестры мои: все это было. Бесполезны фантазии, в которые нас погрузили наши родители: удары есть удары, наказания есть наказания, любовь — это не запирает тебя, любовь — это не манипулировать тобой, любовь — это не принуждение. Пришло время, чтобы правда была известна.

И правда стала известна. Детство и юность были переданы именно так, как я рассказывал: сцены, диалоги, атмосфера... Уф... Мне было трудно смотреть это, это была смесь тоски и отвращения.

Однако центральный персонаж Энрик во взрослом возрасте... я не очень понимаю, почему они сделали его таким. У меня есть свои предположения. Возможно, нужно было создать правдоподобный антагонизм. Энрик во взрослом возрасте был диаметрально противоположен моей матери... но это не так. Я очень похож на мою мать по характеру. Меня раздражало видеть его таким: пьяным? Я никогда не был им. Пассивным? Никогда. Лаконичным? Тоже нет. Однако я могу это понять: одетый в черное, я большой и сильный, у меня пронзительный взгляд, крепкий голос и резкие жесты... это не вызывает сострадания. И в этом великая печаль нашего характера, черт возьми: мы не вызываем жалости.

И, похоже, чтобы быть жертвой, нужно выглядеть таковой. Похоже, моя походка не была походкой жертвы насилия, а я выглядел как насильник. Быть бунтарем тоже не является признаком уязвимости, как выяснилось. И поэтому, несмотря ни на что, похоже, что тот, кто не выглядит уязвимым... не является таковым.

И в итоге сексуальные Восьмые верят в эти концепции, и, видимо, чтобы не быть жертвой, нужно не выглядеть ею. И так мы становимся Злыми. «Если он жил в сумасшедшем доме, он сумасшедший». «Тот, кого насиловали, сам становится насильником». «Тот, кого били, сам начинает бить».

Сериал имел огромный успех, он был очень хорош. Я боялся смотреть его, я не знал, что делать. Смотреть или нет?

Как и все системы, ничто не происходит случайно: оно приходит, чтобы гармонизировать место, и поэтому все должно перераспределиться, чтобы освободить место для новой пришедшей парадоксальности. В данном случае — проявление сырой и решающей реальности. Однако я был готов к тому, что это не изменит мою жизнь. Я не хотел быть предметом сплетен и любопытных взглядов; я научился оставаться в тени, и у меня неплохо получается прятаться. Поэтому адвокаты Los Javis натренировали меня, как вести себя, когда журналисты останавливают меня на улице или приходят ко мне домой в поисках сенсационного лица для эксклюзива: «Правда ли, что вы были заперты годами в лесу с сумасшедшей?». Я закрыл свои социальные сети и ускользнул, но ничто не ускользает от приспособления к встрече.

Я помню, что был закрытый показ. Я не пошел; я хотел держаться подальше от всего этого. Сериал уже не был целью: целью было рассказать правду. И правда должна была выйти наружу. Я чувствовал себя как ребенок из «Нового платья короля», один на один с миром.

Я начал тревожиться. У нас с матерью был договор, негласная сделка: я ее не беспокоил, и она не беспокоила меня. Я позволял ей рассказывать миру свою ложь, а она оставляла меня в покое. И я нарушил этот договор, я вторгся на ее территорию, чтобы сказать «король-то голый», и это имело организмические последствия. Без сомнения, Я БЫЛ ПЛОХИМ.

Моя мать умерла несколько лет назад. Я не знаю, что хуже: находиться внутри тела или иметь возможность быть везде на бессознательном уровне. Поэтому я чувствовал, что злю мать, и теперь придет ее истерический ответ. И поскольку моя мать теперь была существом, принадлежащим моему бессознательному, наказание могло прийти откуда угодно.

И я ждал этого.

Я больше не был жестким и сильным существом, теперь я был нежным, я стал уязвимым человеком, потому что «уже не было ничего, что могло бы мне навредить». Мир никогда не казался мне таким враждебным. Но моя мать... она

приводила меня в очень детское, слишком детское, слишком хрупкое место. Я больше не мог брать от дьявола, у меня его больше не было. Черт! Теперь я был во власти моей матери, теперь да.

У меня начались панические атаки. Я никогда раньше не чувствовал этого, я изучал это, но чувствовать... нет, правда нет. Кошмары вернулись, ужасные. Моя мать входила в мой дом, пока я спал, и доставала нож, который я много лет назад прятал под подушкой на случай, если наступит этот момент. Он наступил, и я был не готов. Я не мог спать, я боялся каждый раз, когда садилось солнце. Неопишуемая паника, я чувствовал себя вне себя, это был не я. У меня парализовало левую половину тела, я не помнил этого ощущения, и ко мне вернулась память тела: да, это были те моменты перед наказанием. Твоя мать запирала тебя в темной комнате, на хлебе и воде, в ожидании наказания. Это ожидание могло длиться днями, пока не приходило наказание. Хуже всего было не наказание, а неопределенность, ожидание. Мама была в ярости, и моя голова металась туда-сюда: «Каким будет наказание за разрушение ее наследия?».

Я оставался взаперти в своем доме несколько дней. Я прятался на лежанке своей собаки, пытаюсь успокоиться под ее храп. Я подумал: «Пришло время открыться настоящей уязвимости». Я сел на самолет и поехал к своей партнерше. Она встретила меня в ярости: я несколько дней ничего ей не говорил, не отвечал на звонки. «Мне нужно, чтобы ты меня обняла». «Не могу, я хочу, чтобы ты ушел». Я ушел, охваченный нарастающей панической атакой: ничто и никто не могли меня удержать, для меня не было места, я был злым и, как таковой, должен быть наказан. Наконец... моя мать была права.

Я спрятался в своем доме. Опытный терапевт, отложивший терапию в сторону, спрятанный на лежанке своей собаки. Я был потерян. Я нашел собачий ошейник и надел его. Меня успокоило: «Ты собака». Я продолжал ждать дни напролет, запершись в своем доме, пока придет наказание от моей матери.

Сериал выходил с огромным успехом. Каждую неделю выходила новая серия, и люди сходили с ума. Я отключил телефон. Я ждал наказания за разрушение мира, который построила моя мать: наказание должно было быть соразмерным. Я начал думать, что должен покончить со своей агонией, и решил, что я сам ускорю ожидание. Я накажу себя, чтобы выйти из комнаты паники. Какое наказание соразмерно разрушению посмертных воспоминаний матери, которая жила и дышала славой, которая пожертвовала всем своим миром и семьей, чтобы считаться святой, доброй и достойной супругой Христа?

Я подумывал выброситься с балкона. Высота была небольшой, и с моей силой я вряд ли сильно пострадаю. Мне нужно было покончить с этим, и я не знал как. Моя мать пыталась меня. Крысиный яд! Это должно было стать наказанием. Я молил Бога не наказывать меня. Бог и моя мать стали одной семьей. Я умолял о

легком наказании, но чтобы они перестали пытаться меня, и Бог, и она. Пожалуйста, мне нужно было перестать чувствовать себя уязвимым.

Ужасно уязвимым, во власти. Это был конец. Я больше не мог защищаться.

В этой агонии я умудрился записать видео: «Жерар, все будет хорошо, ты не плохой, ты не сделал ничего плохого, успокойся, не наказывай себя». Я включал запись по кругу. Я чувствовал, что забуду, и это будет конец. Большая часть меня была похищена детством: я был сломленным ребенком во взрослом теле. Одна десятая часть была взрослым, который говорил: «То, что происходит, не по-настоящему, Жерар». И в этой агонии я чувствовал себя во власти великой и жестокой власти, с которой я всегда боролся, и которая теперь, да, держала меня слабым и поверженным. Я только ждал приговора, проходя через пытки, и знал, что он не будет милостивым. Он никогда не был, как и я.

Дни проходили в этой агонии, пока я получал письма поддержки от друзей и знакомых, которые видели на экране полный рассказ о тех обрывках, которые я им рассказывал. Я не отвечал, не мог. Я был заморожен, пойман в ловушку травмы, которую не мог видеть, потому что был в ней.

Это был конец.

И однажды, после недель агонии без возможности плакать, испуганный, прячущийся в самых неожиданных углах дома, проводящий долгие часы под кроватью, в духовке или дрожащий под кухонным столом, голый, я наконец подумал: кто защитит меня? Я был защитником своих братьев и сестер, своей семьи, своих партнеров. Где был мой отец?

Я начал умолять отца спасти меня. Я не знал, как это сделать, это было как озарение: это был недостающий кусок пазла, которого я никогда не замечал. Это была фигура, о которой я не задумывался, у меня ее не было, и я не скучал по ней. И теперь, теперь мне нужно было, чтобы кто-то защитил мое место, пока я не мог, пока я погружался в уязвимость.

Много говорят о нежности, но мало о защите, о великой любви, которая есть в защите. Эта мужская фигура — будь то мужчина или женщина, хотя чаще всего мужчина — понимая тонкую разницу между защищать и оборонять, где защита укрывает любимый объект, а оборона направлена на атаку.

Мне нужна была защита.

Я оглянулся вокруг: я был тем, кто защищал других, я был козлом отпущения, и не было никого, кто мог бы поддержать меня. Я подумал о своем терапевте и попросил о встрече. Мой терапевт — верх беспристрастности, самый гуманный терапевт, которого я только мог себе представить. Годами я ненавидел его, пока не научился этому доброму подходу. Он увидел меня с перекошенным лицом; он сразу понял серьезность ситуации. Он выпрямился на стуле, как я никогда его

не видел, властный и защищающий. Он больше не улыбался, он взял на себя ответственность и сказал мне: «Ты можешь плакать».

Это было не приглашение, это был приказ. Я чувствовал, как он положил мне руку на голову и заставил опустить ее до самого пола. И там, уф... наконец, коснуться пола. Его рука не отрывалась от моей головы, он сильно давил, я чувствовал это. Начали течь слезы, о существовании которых я не знал, отчаянный детский плач. Это был испуганный и перепуганный всхлип. Время от времени я смотрел на экран компьютера и видел своего терапевта, защищающего это место, твердого как мачта. Его тело было горой, а лицо — длинными кипарисами, колеблющимися на вершине от ярости ветра. И я снова погружался в плач: это был призыв о помощи, где я умудрялся сказать: «Пожалуйста, помоги мне. Не дай ей найти меня, не дай ей убить меня, защити меня от зла».

Это было открытием ящика Пандоры. После стольких терапий... когда нечто такого масштаба, как ПРАВДА тайны — которую я так часто видел, но так редко воплощал — выходит на свет, становится видимым, перенастраиваются такие скрытые пространства, о существовании которых я даже не знал.

Настал момент Истины. У всех нас бывают такие моменты в жизни. Это был момент, которого я так боялся много лет: снова встретиться с кровоточащей раной и ответить настоящей мудростью, которая требовалась. Дело было не в том, чтобы казаться; теперь сходства не работали. Роль конфронтирующего терапевта здесь не работала. Только Истина, один на один с Истиной, не материнской и не сексуального Восьмого: а Истиной.

Мой терапевт сказал мне не быть одному, рассчитывать на друзей, позвонить им, и я так и сделал. У меня мало друзей, но они настоящие. Я помню, что двое из них только что вернулись в те выходные с семинара «Любить» Луиса Фусте. Они были переполнены доброй любовью. Один взял меня за руку, посмотрел на меня и сказал: «Покажи нам то место, которого ты так боишься». Хорошо, Жерар, настал момент Истины: покажи им разбитую, огромную бездну внутри тебя. И я сделал это. Я закрыл глаза и погрузился в глубину, во тьму, в самую глубокую темноту. Я чувствовал руку друга, я знал, что он там, присутствует. «Покажи им место, которого ты так боишься». И я погружался в бездонные глубины. Паника была ужасной, глубокое опустошение, безумие безумия. Внутри был заблокированный ребенок, в шоке, полностью потерянный в глубокой тьме, без идентичности, без защиты. Настал момент увидеть то, что я всегда прятал, включая себя.

Как сказал мой терапевт: «Ты сломленный ребенок». Долгое время это наполняло меня мексией, яростным бунтом: я восстану против того, кто сломал меня, и уничтожу его... Неважно, я останусь сломленным ребенком. Ты защищаешь или обороняешься, Жерар? Я не умел защищаться, только обороняться хорошей атакой, одной за другой, с челюстью осла, как Самсон.

Ребенок был там, в глубине: голый, темный, безумный, ничтожный, беспомощный, опустошенный. Он не кричал, не было никого, кого можно позвать; он не прятался, не было никого, от кого прятаться. Он съел всех, и в пещере, в которой он оставался, не было ничего, кроме костей. И теперь, наконец, он позволил мне пройти, войти в эту священную пещеру, полную мертвых «я», совершенно пустую, занятую только безумной тьмой и оборванным ребенком, привязанным цепью с оливково-зеленым ошейником, худым, со спиной, полной шрамов от стульев, сломанных об меня, нетронутых, не заживших, гноящихся так долго, что они уже превратились в гнойники.

Я подошел к нему, раненый, как и он, сломленный, как и он, неспособный помочь ему выйти, погружаясь вместе с ним. «Нам не очень хорошо сдали карты». И впервые это я просил приюта в пещере. «Я потерян и напуган». Ребенок посмотрел на меня. Я был им впервые. Это место было единственным, что у меня оставалось: пещера, в которой я прятался от мира, чтобы спастись от него. У меня не было другого места, куда идти, не было территории, где защититься, кроме той, где жил мой сломленный ребенок. И я сел там: оба разбитые, оба голые, оба мертвые.

Маленький Маугли, с длинными грязными волосами, научил меня быть в этом месте, возвращаться туда, когда я захочу: он будет там, сын божий, маленький, примитивный, но организованный, функциональный в своих разрушениях. Он перевязывал себя каждый день, снова и снова, терпеливо, без отдыха. Раны не перестанут гноиться. Казалось, что он был единственным, кто принял карты, которые я отвергал снова и снова: что будет страх, что будет грусть, что будет одиночество, что нужно будет зашивать, делать более или менее подходящие протезы, но вместе, единые.

Я вышел из глубокого колодца, и там были мои друзья, глядящие на меня. Я принес себя с собой: хрупкого, сломленного, но функционального, решительного, несовершенного, но меня. Я плакал с друзьями, новым плачем — я даже не знал, сколько форм может принимать плач — плачем облегчения, гармонии. Что-то упорядочилось, и я не знал что, я знал только, что это было андрогинно: плач перешел в смех, мои друзья плакали вместе со мной, смеялись, мы обнимались. Я вошел в безумие, и само безумие показало мне путь выйти оттуда.

Все это время, пока сериал и интервью с Los Javis заполняли обложки: «Какой великолепный сценарий!» «Да, все выдуманно, да». Мне было все равно на невероятное решение скрыть правду об авторстве рассказа. У меня была своя награда: признать свой ад, научиться вешать шляпу в нем, ходить по нему и искать в нем комфорт. У них была слава присвоить себе изображение сокрушительной реальности.

Мои друзья, мои братья и сестры дежурили у моей кровати каждую ночь. Я был как младенец, не зная, как справиться с такой уязвимостью. Мне нужна была

защита. Сидя у моей кровати, они несли вахту; они сменяли друг друга, чтобы бодрствовать, пока я не засыпал. Они купили мне огромную подушку, чтобы прислонить спину: хватит прижиматься спиной к стене, лучше что-то мягкое, теплое, пушистое. Они принесли мне плюшевую игрушку, речную выдру, которая проецировала звездочки света и плакала, как ребенок, мягко и нежно, пока я засыпал с новым ощущением. Я чувствовал удары по спине, но они смягчались большой подушкой.

Так долго я был старшим братом; теперь я учился быть младшим братом.

Там я восстановил фигуру отца, ту фигуру, которую никогда не понимал, ту фигуру, на место которой меня поставила моя мать. Я был маменькиным мужичком, а теперь мой отец заботился обо мне. Я был ребенком, и это было правильно и имело смысл.

Я отступил в сторону и принял силу подчинения, быть на службе у чего-то большего, непознаваемого. Возможно, единственное правдоподобное определение Бога — это Спиноза. Для него Бог не выбирает и не принимает решений, как человек. Вместо этого Бог действует в соответствии со своей собственной природой, не подвергаясь влиянию извне. То есть то, что делает Бог, необходимо, но в то же время свободно, потому что ничто вне Его им не управляет.

Эта фигура пришла, чтобы остаться, и моя жизнь изменилась, потому что мне тоже пришлось освободить место для авторитета. Полагаю, бунт теряет смысл, когда я следую за отцом. Я понял еврейскую концепцию «силы подчинения»: быть второстепенным актером, быть на службе, делать жизнь легче, ассоциироваться с Богом вместо того, чтобы противостоять Ему, будучи Богом, по сути, непознаваемой частью самого себя.

Мой море (учитель) на уроках иврита процитировал мне слова пророка Элияху: «Десять Сфирот проявляются каждая в соответствии со своим порядком: атрибут доброты, за которым следует атрибут строгой справедливости, а затем атрибут милосердия, который их гармонизирует, и ты управляешь ими». То есть, чтобы быть добрым, нужно быть справедливым, а чтобы быть справедливым, нужно уметь прощать.

Мой терапевт сказал мне, что когда кто-то умирает, единственное, что поднимается на небеса и остается там, — это добрая часть, и что поэтому моя мать была бы сокрушена болью, которую она нам причинила, видя все теперь со своей доброты. (Забавно, как в такие моменты с нами нужно говорить, как с детьми: это единственный язык, который доходит, магическое символическое мышление Юнга — это словарь для разговора с бессознательным). Евреи тоже не верят в ад, поэтому тема наказания — это концепция, связанная с верой в то, что человек по своей природе зол. Мой терапевт сказал мне зажигать свечку каждый день в память о матери и позволить ей помогать мне: «Скажи ей, чтобы

она помогла тебе решить проблему, которую она создала, помоги ей обрести покой, восстановив вред, который она причинила тебе своей неспособностью справиться со своим страданием».

Наконец я смог посмотреть сериал, в окружении друзей, товарищей, которых теперь я видел как равных. Я плакал в таких сценах, как пожар, где глубина реальности превосходила экранную сцену. И я почувствовал новый покой, как будто история наконец была рассказана. Я оглянулся вокруг: я больше не был один, я больше не был потерянным ребенком в темноте. Я был в компании, защищен, поддерживаем. И я понял, с мягкой и спокойной уверенностью, что Бог всегда был со мной — в маленьких жестах, в дружеских руках, в общем смехе. Это я долго не мог Его узнать. И теперь, наконец, я мог отдохнуть.

Не все было так красиво, как кажется. Иногда я рассказывал о хорошем, чтобы не быть объективным и оправдать свои импульсы. Я развелся через год после свадьбы: это оказались конфликтные отношения с обеих сторон. Я недолго был один, а затем три года был с Восьмой, такой же интенсивной, как я, и похотливой, как я. Там я не выглядел таким неумеренным, таким фантастическим, но я продолжал вписываться в роль спасителя, которая так тяготила меня позже, и снова впадал в прокрастинацию и грусть, когда фейерверки заканчивались. Пока, дав себе время, я наконец научился быть один, принимать свою недостаточную связь и чувство изоляции, и мне нечем было «заняться». Тогда я посвятил себя тому, чтобы попытаться наладить хорошие отношения с самим собой.

В тот момент я обнаружил, что наказываю себя, неспособен наслаждаться радостью жизни, всегда перевозбужден и апатичен. И я обнял себя вместо того, чтобы обнимать, и спас себя вместо того, чтобы спасать. Я погрузился в отшельническое одиночество, как энеатип Пять, и там мне было хорошо, принимая свою кротость, пока даже это объятие не стало интенсивным, настолько глубоким, что отключило меня от мира: интенсивность даже в затворничестве.

Для меня было и остается большим пространством учиться балансировать, но однажды мой терапевт сказал мне: «Ты так наказывал своего Восьмого, что тебе нужно восстановить его, не все в нем было плохо». И снова мне пришлось учиться равновесию, уф, какая мука.

Я чувствовал себя счастливым, не «охотясь» ни на одну женщину. Все было «нет» старым формам отношений, и я прожил так несколько лет. Мой терапевт говорил мне: «Это хорошо, Жерар, что ты познаешь себя и открываешься духовной стороне, что ты обнимаешь и заботишься о себе и следишь за собой, но это не место, чтобы оставаться, с этим нужно выходить в мир».

Главный вызов все еще в том, чтобы выходить, не теряя себя, создавать связи, никого не поглощая, быть в мире, но не принадлежать ему. Занимать свое место, не занимая место другого.

От топора к скальпелю: путь терапевта – сексуального Восьмого (в качестве эпилога)

I. Конец невинности.

Что заставляет невинность исчезать? Невинность, понимаемая как душа, свободная от вины. Как можно вернуться к невинности, когда ты ее потерял?

Недавно я перечитал биографию, которую написал после прохождения SATs и завершения обучения гештальт-терапии. Я читал ее так, как будто это был комикс, написанный кем-то другим. Я не помнил ее хорошо. Прошло около пятнадцати лет с тех пор, как я ее написал, в один из моих пиков эйфории, за которыми рано или поздно следовали глубокие состояния апатии.

Я постоянно лавировал между этими двумя мирами. Просто мои состояния пустоты были менее обсуждаемы. Я посвятил всю свою жизнь тому, чтобы не попадать в эту яму, и для достижения этой цели я всегда прибегал к интенсивности. Неважно было что: важно было оставаться перевозбужденным. Мне нужны были дела, сильные эмоции, конфликты, вызовы... что угодно, лишь бы отвлечь меня от пустоты, которой я всегда боялся.

II. Сломленный ребенок.

Однажды на терапии мой терапевт сказал мне: «Ты сломленный ребенок». Мне это не понравилось. Что-то сломанное не может перестать быть сломанным. Меня это разозлило. Глубоко ранило. И все же, в глубине души я знал, что он был прав.

Что-то сломанное не чинится, его несешь с собой. Я всю жизнь старался не выглядеть сломленным. Я даже хвастался этим. Я рассказывал о своем прошлом так, как будто был избранным, как будто это превратило меня в лучшего человека. Но это было неправдой. Я научился рассказывать свою жизнь так, будто это сильная, интенсивная история, но не реальная. Эмоции, которые я вкладываю в рассказ, не являются подлинными; это способ вызвать у другого образ силы, преодоления... и, прежде всего, интенсивности. Но нет, моя жизнь не была интенсивной. Она была напряженной. Это одна из больших ложей, которую мы, сексуальные Восьмые, рассказываем себе: иллюзия преодоления.

III. Иллюзия интенсивности.

Даже мои медитации были интенсивными, захватывающими. Ходить на терапию, не рассказывая приключений, не провоцируя, просто пребывая в своей

настоящей трудности, было настоящим вызовом. Мы не такие интенсивные, как рассказываем. Зато мы красноречивы. У нас вызывающая осанка. Но суть другая.

Когда я начал практиковать как терапевт, я искал, чтобы на сессиях что-то происходило. Я хотел встряхивать, конфронтировать, вызывать слезы. Возможно, это был мой способ не чувствовать себя таким сломленным, подтверждать, что все мы таковы. Я утверждался в своей теории, что моя работа — в грязи, спускаться в ад, чтобы искать братьев.

Но со временем я увидел, что терапия не может строиться с этой позиции. Конечно, мы вызываем определенное очарование. Вытаскивать темные стороны у нас получается хорошо. Но полезно ли это? Или это просто свидетельство нашей собственной раны?

Я романтизировал ад. Я превратил конфронтационную терапию в способ сделать мою недостаточность желаемой для других. Но мне трудно быть на сессиях, где ничего не происходит, где просто строится связь, где зарождаются повседневные взаимодействия. Возможно, потому что я боюсь любви, которую это порождает.

IV. Страх перед раем.

Я говорю о лицемерии общества, потому что мне неудобно представлять, что мир может быть хорошим местом. Если бы это было правдой, у меня не было бы места, и я снова почувствовал бы себя... сломленным ребенком.

Мне трудно принять, что то состояние, за которое мной восхищались — моя страстность, моя дерзость, моя неумеренность — было для меня также катастрофой. Это не сила. Это недостаток любви к себе, замаскированный под презрение к «нормальному». Даже в чувствительности я нахожу способ создавать интенсивность.

Я сделал из своей истории источник восхищения... для себя самого. Меня ищут, чтобы решать проблемы, и когда я их решаю, они уходят. Я не наслаждаюсь «хорошим моментом». Я никогда не хотел этого делать. Я хвастаюсь тем, что прошел через ад, но когда пациенты находят рай, я их бросаю. Они мне больше не нужны.

Рай пугает меня. Я чувствую себя неспособным обитать в нем. Я не знал бы, как себя вести. В аду я король, но в раю я чужак. Самозванец.

Иногда я думаю о Моисее, который привел свой народ в землю обетованную, но сам не ступил на нее. Я идентифицирую себя с ним. Я придал мистицизм тому, что на самом деле является ошибкой в восприятии моей собственной идентичности.

V. Стыд и принадлежность.

В глубине души я чувствую себя плохим. Во мне есть что-то не так. Это старая мысль, запечатленная во фразах, которые я слышал в детстве и в итоге в них поверил. Я не думаю, что сексуальные Восьмые — бунтари. Мы покорны перед ярлыками, спроецированными на нас. Мы становимся тем, чего от нас ожидали, чтобы иметь возможность принадлежать. Потому что больше, чем любовь, нам нужна принадлежность.

Зло — это не состояние, это место. Это место, где я чувствую себя принадлежащим. И я верен этому месту. Верность территории становится идентичностью. Вот почему мы такие территориальные. Не из-за ревности, а из-за верности. Мы не исследуем новые миры, мы только кружим по одной и той же территории. Раньше я думал, что пациент приходит на мою территорию. Сегодня я понимаю, что это я иду на его.

VI. От топора к скальпелю.

Раньше я начинал сессии с разговоров, читал лекции. Сегодня я говорю: «Я весь твой. Что тебе нужно?». Я больше не пытаюсь распушить хвост, чтобы мной восхищались. Теперь я позволяю вести себя, слушаю, чувствую его территорию. Я не хочу оставлять след. Я не хочу, чтобы помнили меня, а не его процесс.

Раньше я был охотником. Сегодня я тот, на кого охотятся. Раньше я был лесорубом с топором. Теперь я пытаюсь быть хирургом. Чем меньше раны, тем лучше. Чем меньше крови, тем лучше восстановление. Меньше конфронтации — больше интеграции.

Настоящая перемена — это не катарсис. Это шов. Заштопывание. «У нас одно платье, и дело не в том, чтобы выставлять напоказ разрывы, а в том, чтобы зашивать их. С терпением. С вниманием к деталям».

VII. Обладание и связь.

Когда я чувствую обладание, внутри меня тревога. Тогда у меня есть два варианта: либо тревожиться, либо злиться. То, чем я не могу обладать, я отвергаю. Я презираю это. Я стараюсь, чтобы мной восхищались за то, что делает меня незаменимым. Другое, то, что я не контролирую, угрожает мне. На самом деле, я не доверяю: я доминирую. Нет доверия, есть контроль.

Я претендую на роль короля там, где никто не правит. Идти в подземный мир, чтобы править. Я презирал доброту из страха не соответствовать ей. Я становлюсь самодостаточным. Я ни в ком не нуждаюсь. Я презираю того, кто не нуждается во мне, и желаю того, кто нуждается. И так одиночество становится хроническим.

Альтернативой было бы подчинение, но в этом месте я становлюсь тревожным, зависимым, испуганным. Хорошим мальчиком, но тоже больным. Ни тот, кто

вытащил меня из ада, ни тот, кто держит меня взаперти, не являются здоровыми.

VIII. Полярности и интенсивность.

Все во мне — полярности. Наполовину сын Божий, наполовину сукин сын. Где же середина? Мне трудно дается равновесие. Все черное или белое. Я живу закаленным, всегда стимулированным. Мне нужны высокие дозы, чтобы чувствовать себя живым. Всегда есть остаток гнева, ощущение превосходства, которое защищает меня от мира.

Я претендую на умеренность, но постоянно перестраиваюсь. Я могу обманывать себя так же легко, как обманываю других. Я следую импульсам, не подвергая их сомнению. Но что движет мной? Это настоящий вопрос.

IX. Тревога, которой я не вижу.

Сомнения вызывают у меня тревогу. Но я учусь. Делать паузу. Взвешивать. Идти на компромисс. Быть в постоянно меняющейся средней точке.

Я боюсь себя. Своей способности очаровывать, пленять. Брать бразды правления в свои руки и забывать о себе. А мой внутренний сад все еще остается неухоженным.

Да, раньше я был лесорубом. Теперь я пытаюсь быть хирургом. Терапевтический процесс — это не резать, это зашивать. Не впечатлять, а сопровождать. Не выделяться, а оставаться незаметным, чтобы другой мог сиять.

X. Боль и наслаждение.

Сексуальные Восьмые фантазируют о том, что мы особенные. Что мы своеобразные. Но внутри... внутри мы все одинаковы.

Однажды одна женщина в школе Четвертого Пути сказала мне: «Мы все страдаем одинаково». Это сбilo с меня спесь. Мои переживания были красноречивы, да. Но боль... боль универсальна.

И это помогло мне. Я прослушал тысячи часов терапии. И на каждой сессии пациент говорит что-то мне.

Мы не так уж и отличаемся. Разные одежды. Но одно и то же тело-боль.

Боль делает нас братьями.

И это подводит меня к вопросу: может ли наслаждение тоже сделать нас братьями?

Это мой вызов. Принять наслаждение. Как нечто здоровое. Как нечто зрелое. Как нечто осознанное.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЭННЕАТИП 8, СОЦИАЛЬНЫЙ ПОДТИП

Координатор

Эвания Райхерт

Соавторы и редакторы

Реме Монтеро, Луис Рока, Адриан Галиндо де Пабло, Марилена Ди
Буккианико, Луана Чезаре и Энрике Кошта

Переводы

Факундо Пиперно

1. СТРАСТЬ В СФЕРЕ ИНСТИНКТА: КАК ПОХОТЬ ПРОЯВЛЯЕТСЯ У СОЦИАЛЬНОГО ПОДТИПА

Когда похоть ассоциируется с социальным инстинктом, можно сказать, что мы имеем дело с характером, который кажется противоречивым (контратип): это «антисоциальный социал», как определяет его Клаудио Наранхо. Человек, который занимается социальными вопросами и интересуется ими, но который выступает против социальных норм, поскольку считает их фальшивыми и несправедливыми. Бунтарь и нонконформист, он вкладывает свою энергию в то, чтобы заставить мир идти по его пути, и, прежде всего, в борьбу с лицемерием и установленной властью. Его раны и жизненная история заставляют его идентифицировать себя с исключенными, маргинализированными и угнетенными, с импульсом спасти их и вернуть им власть, которую они по праву заслуживают.

В детстве они часто сталкивались с жизненными несправедливостями: бедностью, социальным унижением или жестоким обращением, и взяли на себя миссию противостоять и защищать мир от этих тираний. Эта миссия проявляется как живой и прямой импульс, не знающий сомнений, способный двигать вещи, жизнь, что угодно... Активация этой интенсивной энергии полна энтузиазма, идеалов и мощи.

Но социальная Восьмерка — это само по себе противоречие в терминах; это как ребенок, который стал жестоким, защищая свою мать от насилия отца или от

социального, угнетающего и унижительного насилия. Его насилие проистекает из солидарности, которая ведет к защите обездоленных.

Похоть у социальной Восьмерки пронизана героическим нарративом. Этот подтип ищет не просто физическое удовольствие или эротическую интенсивность, а своего рода эпическое безумие: ему необходимо чувствовать, что его жизнь служит чему-то большему, какому-то делу. Жизненное возбуждение достигается в борьбе с несправедливостью, в столкновении с коррумпированной властью, в нарушении тиранических норм. Это тип, который наслаждается конфронтацией, который воспламеняется в столкновении, который чувствует себя живым, когда у него есть враги, на которых можно указать, и структуры, которые можно подорвать. Отсюда и экспансивный, ненасытный характер его похоти, не только в физическом, но и в политическом, идеологическом и экзистенциальном плане.

Я уже много лет работаю над собой, чтобы умерить чрезмерные траты энергии на социальные битвы и направить часть этой энергии на личные дела, такие как мои книги, которые тоже являются активистскими. Но в 2015 году, когда фашизм и военные снова начали править в Бразилии, основной столп моего эго проснулся, как гигант. Это были годы внутреннего напряжения перед лицом социальных опасностей, пробуждавшихся в Бразилии. Социальное захватывает меня с ощущением вопроса жизни и смерти.

ЭВАНИЯ

Почти невидимая черта отделяет добродетель энтузиазма от страсти похоти. В мгновение ока кровь наполняется адреналином, и, словно стимулирующий наркотик, этот человек ищет все больше и больше. Это та же самая добрая и живая энергия, которая растет и, не зная границ и пределов, превращается в сокрушительную, доминирующую энергию, которая переполняет все вокруг и часто давит на людей и на самого себя. Это происходит в любовных и дружеских отношениях, на работе, во всем.

Похоть тогда становится неудержимым движением к действию. Недостаточно чувствовать негодование, необходимо действовать; недостаточно интуитивно ощущать несправедливость, обязательно ее разоблачить. Поэтому социальная Восьмерка всегда мобилизована, всегда готова сделать еще один шаг, пойти дальше, воплотить свою личную версию справедливости. Эта компульсия к действию, хотя и может иметь положительные социальные последствия, обычно сопровождается презрением к паузе, слушанию или глубокой рефлексии. Созерцанию нет места, когда кровь кипит. Таким образом, похоть

интенсивна в социальном плане, когда необходимо разоблачать и пытаться изменить несправедливые вещи: лицемерие, ложь и социальные несправедливости. Это его способ искупить злоупотребление властью, которое он пережил в детстве.

Социальные Восьмерки тратят большую часть своей энергии на реализацию предложений по социальным преобразованиям: социальная инклюзия, глубокие изменения на образовательном, культурном и экологическом уровнях... И они не сдаются, не останавливаются, не молчат и переходят черту, где должны были бы остановиться. На политической арене они действуют, разоблачая то, что не так, прямо, все время. Власть, конечно же, воспринимается как злоупотребляющая и эксплуатирующая: это та власть, которую он пережил в детстве, когда у него не было сил ей противостоять. Следовательно, любое учреждение или человек у власти — потенциальный враг и опасность; только он сам может обеспечить «справедливую» власть.

Внутренний мир социальной Восьмерки пронизан структурным недоверием ко всему устоявшемуся. Любая норма подозрительна, любая власть нелегитимна, любое учреждение виновно, пока не доказано обратное. Этот боевой взгляд, подпитываемый страстью похоти, приводит к постоянному состоянию внутренней мобилизации, бдительности, готовности. Во многих случаях эта позиция приводит их к форме структурного одиночества: хотя они и окружены людьми, они чувствуют, что только они видят то, чего не видят другие, только у них хватает смелости разоблачать, только они — хранители истины.

С юных лет я понимал, что в мире все не так, что все безропотно принимают абсурдные правила, что агрессия — самая обычная форма отношений. Я никогда не любил молчать, когда видел злоупотребления, и иногда доходило до драк, чтобы усмирить агрессора. Я не доверяю власти, полиции, потому что слишком часто видел, как они злоупотребляют. Иногда я чувствую себя очень одиноким в своем взгляде на мир.

ЭНРИКЕ

Часто с детства субъекты этого характера начинали работать, поддерживая семью и занимая позицию взрослых, с властью и авторитетом в доме. У социального подтипа нетерпимость к подчинению находит свой выход в лидерстве в группах: он берет свою власть и ожидает, что группа признает ее без возражений. Кроме того, он защищает свою группу в соответствии с тем, что, по его мнению, является потребностями других, и взамен просит и ожидает безоговорочного союза. Мир делится на «своих» и остальных. Как и у других подтипов, обладание другим является условием для того, чтобы чувствовать

себя признанным. Лишенный эмпатии, он не спрашивает, чего хочет другой; правда в том, что он «знает», или так думает, и его действия — независимо от того, хороши они или вредны — не могут иметь границ.

В повседневной жизни похоть социальной Восьмерки проявляется не только в битве с крупными системами или структурами, но и в малых жестах: в необходимости лидировать в любой группе, в которой он участвует, навязывать свое мнение, обеспечивать, чтобы динамика регулировалась его ценностями. Эта тенденция к присвоению окружения может вызывать восхищение и уважение, но также страх и отторжение, так как переполняющая энергия социальной Восьмерки сметает все на своем пути, если ее не сдерживать.

Люди, которые узнают себя в этом характере, имеют автоматизированное стремление быть в центре внимания. Адреналин — это топливо интенсивности, как в удовольствии, так и в боли. Это характер, импульсивный к действию: любая идея или эмоция импульсивно требует проявления в конкретном действии, находя для этого оправдание в абсолютной «истине» своих идеалов.

Хотя его критика может иметь большую ценность, способ действия этого подтипа преувеличен, с избытком энергии, без передышки, в постоянной борьбе за изменение мира в соответствии с тем, каким он, по его мнению, должен быть, и, очевидно, без ощущения необходимости слушать другие точки зрения, которые он априори считает ложными, обманчивыми или корыстными.

Результатом является личность, живущая в вечном поле битвы, где повседневная жизнь пронизана логикой борьбы и победы. Отдых подозрителен, нежность может быть опасной, удовольствие без причины может показаться пустым. Жизнь превращается в крестовый поход, в героическую миссию, где всегда есть что-то или кто-то, с кем нужно бороться.

В моменты, когда на кону его власть, он вполне способен оставить позади хороший гражданский активизм, чтобы его эго взяло верх: полный «благих намерений» и с убеждением, что он вершит правосудие, он тогда безжалостно бросается разоблачать то, что не так.

В семейных отношениях, среди друзей и в рабочих группах я действую, много работая, но также создавая пространства удовольствия, с вечеринками, встречами... Мне очень нравится быть рядом и предлагать людям моменты большого удовольствия, общения, празднования жизни, дружбы, любви в нашей семье. После вечеринки мне нужно побыть в тишине, в одиночестве.

ЭВАНИЯ

Среди Восьмерок социальный подтип — самый интеллектуальный, что в данном случае следует интерпретировать как поиск с целью воплощения своих идеалов справедливости. Он сам часто определяет себя как «вершителя правосудия». Это подтип, который также характеризуется своим культурным поиском и интересом к знаниям, при условии, что они связаны с его идеалом изменения мира.

Это интеллектуальное развитие не обязательно подразумевает гибкость ума. Скорее, социальная Восьмерка накапливает чтения, данные и теории как оружие для своих битв. Культура — это инструмент на службе борьбы. Информация — средство для противостояния. Эрудиция — щит для защиты от уязвимости.

Проблема в том, что его идеалы, хотя и могут быть достойными уважения, подвержены влиянию импульса к доминированию и мести. Мечь, о которой мы поговорим позже, может быть жестокой и разрушительной, так как она служит поддержанию равновесия его собственной идентичности и, кроме того, помогает не соприкасаться с подавленными и диссоциированными чувствительными частями: хрупкостью, низкой самооценкой и чувствами унижения.

Я всегда чувствовал, что пришел в этот мир, чтобы бороться с несправедливостью. Я изучал философию, историю, политику... не из любви к знаниям, а потому, что мне нужно было понять систему, чтобы противостоять ей. В молодости я был очень интенсивным. Гнев дает мне силу, а знания — оружие.

ЭНРИКЕ

В конечном счете, похоть у социальной Восьмерки создает персонажа сильного, стремительного, смелого, но также закрытого, доминирующего и эмоционально слепого к собственной уязвимости. Это характер, который живет в постоянном напряжении, запертый в логике силы и борьбы, где любой признак хрупкости воспринимается как угроза, а любая пауза — как потеря времени. Его мир воспринимается через призму противостояния, а его идентичность укрепляется в интенсивности действия, борьбы и завоевания.

2. ХАРАКТЕРНАЯ НЕВРОТИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ. СОУЧАСТИЕ

Соучастие характеризует отношения этого подтипа, будь то эмоциональные или социальные. Это стратегия эго, бессознательная и автоматическая: негласный пакт о верности и взаимной защите, направленный на контроль и доминирование в близких или групповых отношениях. Это скрытый союз или молчаливое попустительство по отношению к сомнительным, вредным или нечестным действиям или установкам, а также по отношению к стратегиям защиты беззащитных. В таком понимании, это соучастие может включать злоупотребление властью, манипуляции или любую другую форму несправедливости, даже если они не являются преступлениями. Эти негласные союзы присутствуют как у Восьмерок, борющихся за социальную справедливость, так и у Восьмерок-мафиози, где, в случае предательства, они приводят к крайней мести: смерти предполагаемого предателя.

Это соучастие может проявляться в поддержке, оправдании или закрывании глаз на ситуации, вредные для других, или в пактах, которые утверждают, что справедливость можно вершить своими руками. В конечном счете, невротическая динамика — это не столько конкретный поступок, порой даже благонамеренный, сколько попустительство, отсутствие этики, целостности, чтобы поставить предел тому, кто использует соучастие для навязывания своей воли или доминирования.

Это соучастие, в таком понимании, является отражением соучастия, которое ему пришлось проявлять в детстве, будь то с матерью, чтобы защитить ее от отца или от враждебного мира, или соучастия со всей своей семьей по причинам, которые часто вращаются вокруг защиты от насилия, нищеты или покинутости. Очень часто в биографиях этих людей мы находим истории социальных трудностей из-за бедности, социального статуса или трудных и опасных сред (диктатуры, войны, преступность). Таким образом, социальной Восьмерке уже с детства пришлось чувствовать, что она должна защищать униженных, исключенных и социально подавленных. К таким людям она чувствует верность, готовность заплатить любую цену, чтобы восстановить их право и их ценность принадлежать к миру. Ее социальные амбиции преследуют именно эту цель: вернуть несправедливо утраченное место.

Я вырос в районе, где, если ты не был соучастником, ты был жертвой. Я с детства научился держать рот на замке и становиться сильным с сильными, даже если знал, что что-то не так. С годами этот гнев превратился в политическое понимание. Иногда я все еще выхожу из себя и действую жестко. Я склонен видеть в этом верность обездоленным. И я также стараюсь не превращаться в того типа человека, которого я ненавижу.

ЭНРИКЕ

Социальный инстинкт, пронизанный похотью, выражается здесь в форме интенсивной, пламенной, почти одержимой верности, которая предлагается, но прежде всего требуется. Это не просто симпатия или альтруистическое желание улучшить мир: это инстинктивное обязательство, союз, который переживается как священный. Социальная Восьмерка не устанавливает поверхностных связей; ее узы — это узы огня и крови, и любое предательство этих уз переживается как непоправимое оскорбление. Ее страсть заставляет ее переживать отношения через негласный кодекс чести, где принадлежность — это молчаливый и абсолютный контракт.

Соучастие, в котором этот характер чувствовал себя связанным, он предлагает тем, кого любит, будь то родственники или члены его группы. Члены его группы не имеют права нарушать пакт, у них нет свободы разорвать связь, так как это означает предательство. А разрыв соучастия — это всегда тяжелый акт. Человек этого характера не может позволить себе чувствовать боль; если союз предан, нет другого решения, кроме как превратить это в акт мести. И самая большая месть — это удалить человека из своего сердца, из своего круга общения. Он может изолироваться и полностью закрыться от другого, питая свое недоверие

ко всем. Он может объявить его социальную смерть, маргинализировать его в сообществе и т.д.

За жестокостью этой реакции скрывается фон примитивной раны: предательство не обрабатывается рационально, а напрямую воздействует на самые архаичные регистры инстинкта. Это активация, которая происходит ниже уровня мышления, как автоматическая реакция, которая разрывает связи, блокирует эмоцию нежности и заменяет ее броней гордости. Боль не признается: она преобразуется в холодность или гнев. Чувствительность погребается под маской жесткости.

Его выживание было связано с пактом верности, который превратился в идеал окружения себя безопасными и невредными людьми, не осознавая, что он интерпретирует как предательство любое движение дистанции или несогласия с тем, что он думает или хочет. Группа верных друзей — это реализация его идеала семьи: группы, где он не чувствует себя подавленным.

Для социальной Восьмерки принадлежность — это не спонтанный факт, а конструкция власти. Его группа — это не только убежище, но и бастион: место, где можно оказывать влияние, метить территорию и чувствовать себя защищенным по своим собственным правилам. Доверие строится на испытаниях, на поступках, на постоянном присутствии. Нет места для двойственности: ты либо с нами, либо нет. Серый цвет кажется им подозрительным.

Его концепция дружбы подвержена влиянию невозможности быть по-настоящему эмпатичным, то есть признавать боль и потребности другого. Поскольку он бесчувственен к своим самым интимным частям, он так же относится и к другим. Страхи и раны не могут быть двигателями людей, это чувства слабых; решение — в чрезмерном действии, любой ценой. Людям с этим характером пришлось очень рано стать бесчувственными, чтобы справиться с жизнью, своей и своих близких.

Эта эмоциональная анестезия проецируется на их способ установления связей: они не выносят хрупкости, не терпят жалоб, не умеют поддерживать с нежностью. Они предпочитают сильные связи, ясных людей. Они не выносят виктимизации или зависимости. Соучастие измеряется актами присутствия, прямыми вмешательствами, тем, чтобы быть рядом в борьбе, а не в сладости или эмоциональной поддержке.

Это тема, полная полярностей, болей, любви. Я ясно понимаю происхождение формирования этой черты в моем детстве. В детстве я пережила различные ситуации в отношениях с

людьми: с одной стороны, как ребенок, я испытала на себе удар внезапного краха в моей семье, за которым последовал сильный психологический кризис моей матери перед лицом полной потери безопасности, того, что мы остались без дома, без кровати, без ничего. С другой стороны, я думаю, что травма, рана, связанная с темой соучастия, связана с детскими друзьями, которые оказались фальшивыми и оставили мое сердце очень восприимчивым к страданиям от отсутствия верности, искренности и настоящей, чистой дружбы. Мое сердце навсегда остывает и теряет доверие перед лицом предательства в дружбе. Думаю, это моя самая хрупкая детская боль, которая приводит меня к движениям изоляции и недоверия.

ЭВАНИЯ

Когда один из этих близких людей совершает «предательство», каким бы малым оно ни было, или допускает «этическую» ошибку, даже не очень серьезную, социальная Восьмерка чувствует все это как очень усугубленное, и в его глубине активизируется тревога. Часть сердца охватывает очень сильная, но скрытая детская боль. Эти люди способны справляться с большими событиями, у них есть сила и большая способность противостоять злу, причиняемому другим, даже людям, которых они не знают; однако они оказываются недееспособными перед лицом малых повседневных предательств или нарушений доверия, которые иногда случаются в отношениях. Они чувствуют эти повседневные события, как если бы это были удары кинжалом, ранящие душу беззащитного младенца. В такие моменты происходит смерть доверия, порождая на лице и в груди ледяной камень, который виден всем. В такие моменты кажется, что доверие никогда больше не вернется.

Будучи очень молодым, я рассказал своему лучшему другу, что отец так сильно меня ударил, что отправил в больницу. Я никогда никому об этом не рассказывал. Через несколько дней, в середине разговора с другими, он выболтал это со смехом, как еще один анекдот. В тот момент я почувствовал себя голым, выставленным напоказ, униженным. Я ничего не сказал. Я дождался его на выходе и сломал ему нос ударом кулака.

АНОНИМ

Этот паттерн выявляет перевернутый порог чувствительности: бесчувственные к собственной боли, гиперчувствительные к неверности. Их эмоциональный аппарат натренирован сопротивляться внешним невзгодам, но чрезвычайно хрупок перед любым эмоциональным движением близкого человека.

Предательство действует как детонатор накопленной обиды, как эхо никогда не зажившей раны. Реакция не ограничивается эмоциональной дистанцией: она может включать активное презрение, исключение и резкое отвержение.

Если люди признают свою ошибку с искренностью, то они могут забыть и перевернуть страницу; но, когда этого не происходит, возникает та же детская боль, роковая боль, теперь уже охваченная также отвращением и неприязнью. Тогда что-то в глубине души остается в недоверии навсегда к тем, кто его «подвел». В любом случае, восстановление связи возможно только при определенных условиях: явное признание ошибки, символическое подчинение моральному авторитету Восьмерки, видимое возмещение ущерба. Когда эти условия не выполняются, другой становится «мертвым» для социальной Восьмерки. Он может присутствовать физически, но он был стерт из эмоциональной сферы, изгнан из его внутреннего мира.

Если кто-то меня ранит, мне недостаточно разозлиться или больше никогда его не видеть, он должен умереть.

АНОНИМ

Так формируется реляционная вселенная, управляемая абсолютизмом: максимальная верность или максимальное наказание, все или ничего, безусловная связь или эмоциональное изгнание. Похоть, которая в других формах может выражаться в завоевании или эротическом избытке, здесь принимает форму символического обладания связью. Любить — значит обладать другим в рамках жесткого союза, а предавать — значит заслуживать изгнания без права на апелляцию. Сложность этого реляционного паттерна делает социальную Восьмерку характером крайностей, где страсть переливается через край как в созидании, так и в разрушении связей.

Такой тип страстной связи частично объясняет восхищение, которое социальная Восьмерка вызывает в своем окружении: легко восхищаться ее самоотдачей, ее присутствием, ее радикальной приверженностью. Но также легко бояться жестокости ее приговоров, скорости, с которой можно из ее протеза превратиться в исключенного из ее круга. Отношения с социальной Восьмеркой

— это опыт интенсивности, похотливой интенсивности: столь же плодотворные и живые, сколь и свирепые и разрушительные, когда невидимые кодексы верности нарушаются.

3. МЕЖЛИЧНОСТНАЯ СТРАТЕГИЯ И ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕИ

Ядро когнитивного искажения, фиксация, характера Восьмерки — это месть. Далее мы рассмотрим, как эта фиксация работает у социального подтипа.

Как и все Восьмерки, социальные тоже, столкнувшись с раной или предательством, наказывают и закрывают свое сердце, возможно, навсегда. Мстить — это не столько действие, сколько определенное видение: интерпретация происходящего в том смысле, что переживания боли не могут оставаться открытыми, с обнаженной раной. Это было бы невыносимо для этого столь бронированного характера. Восьмерки не остаются вынашивать обиду или злобу, чтобы отомстить когда-нибудь в будущем. Их месть — мгновенна, в тот же час, когда их доверие было подорвано. Обычно они реагируют немедленно, чтобы прояснить ситуацию и разоблачить тех, кого они считают «предателями, лжецами или злоупотребляющими властью». В плане дружбы и близких отношений они закрывают свое сердце, становятся холодными и перестают чувствовать ту привязанность, которую испытывали. Таким образом, они отключаются от сокрушительной боли и от «преданной» связи.

Связи Э8 тесно ассоциируются с переживанием незащищенности, пренебрежения и/или злоупотребления властью. Мстить за причиненный вред и человеку, его причинившему, — это способ, которым этот характер восстанавливает свою власть, свое чувство ценности, а также способ поддерживать стабильность своего эмоционального мира, даже если это мир, недоступный для сознания.

У социальных Э8 месть активизируется, когда принципы, этика соучастия — свойственная их характеру — предаются; когда пакт верности, объединяющий сеть их референтной группы, по мнению этого эннеатипа, не соблюдается, и когда они наблюдают социальные несправедливости по отношению к незащищенным или беззащитным людям.

У социального подтипа чувство соучастия возводится в священный принцип. Речь идет не просто о функциональных союзах, а о негласных пактах чести, имеющих почти мистический вес. Социальный Э8 живет по внутреннему кодексу, своего рода «племенному закону», который делит мир на тех, кто достоин доверия, и тех, кто предал общее дело. Эта перспектива порождает глубокую идентификацию с теми, кого он защищает, и инстинктивное отвращение к тем, кого он воспринимает как оппортунистов или предателей.

От мстительного импульса к идеологическому знамени

Месть занимает важное место, если речь идет о борьбе с дискриминацией и злоупотреблениями в отношении людей, у которых нет власти противостоять и добиться признания своих прав. Здесь мы снова подчеркиваем важность иметь уважаемое место в мире и то, как люди этого характера могут верить, что перед лицом этих социальных злоупотреблений месть — это «справедливо», месть, которая может не иметь границ, быть слепой.

Это объясняет, почему многие социальные Восьмерки могут играть заметную роль в движениях протеста и социальном активизме. Мстительный импульс превращается в идеологическое знамя. Разоблачение — это не просто этическая позиция, а потребность восстановить нарушенное равновесие. Со своей точки зрения, социальный Э8 чувствует, что его моральная обязанность — противостоять тем, кто злоупотребляет властью, даже если это подразумевает постоянные столкновения и непоправимые разрывы. Отсутствие снисхождения или жесткость оправдываются как прямое следствие нанесенного ущерба, проецируемого как на личное, так и на коллективное.

Я мщу людям или социальным группам через прямое разоблачение недостатков в их поведении. Речь не об этической морали, не об оценке ошибок или ограничений других. Это для меня не имеет большого значения. Мне важно знать, насколько люди верны, особенно перед лицом трудностей. И знать, может ли их поведение измениться из-за личного, экономического, сексуального интереса или даже перед лицом давления или опасности. Важно знать, реальна их верность или фальшива. Этика соучастия — это чтить соглашения, особенно неформальные, и всю жизнь признавать тех, кто был справедлив и добр в трудные моменты. Я никогда не забываю таких людей.

ЭВАНИЯ

Социальные Восьмерки, когда они воспринимают неверность, нарушение соучастия, ложь или игру интересов со стороны близких им людей или других, чувствуют глубокую молчаливую боль, разочарование в самом хрупком месте — в доверии. Для них трудно восстановить важные отношения, когда происходит такое поведение. Боль остается молчаливой, но в то же время охлаждает их чувства, в полном разочаровании, до такой степени, что снова доверять становится невозможно. Как будто другой человек только что умер в их сердце. Для окружающих их людей это — их самая жестокая месть. На социальном уровне месть проявляется в том, чтобы оставаться на стороне тех, кто страдает от социальных несправедливостей, и радикально противостоять предателям жизни, справедливости, человечности. Месь — это продолжать разоблачать это интенсивно и без пауз, пока что-то не изменится.

Исключение — одно из самых беспощадных оружий социального Э8. Наказание не всегда видимо или скандально, но оно радикально: когда кто-то предает доверие, он исчезает из его эмоционального мира. Эта «эмоциональная смерть» может быть окончательной, потому что для социального Э8 одно предательство стирает годы связи. Восстановление доверия почти невозможно, потому что боль от предательства ранит саму основу его психологической структуры: принцип верности и соучастия, на котором он строит свое чувство принадлежности и власти.

Однажды я услышал, как мой однокурсник издевался над знакомой нам транс-женщиной. Все смеялись. Я нет. Я ничего ему не сказал, не хотел его воспитывать или спорить. Я просто понял, что он больше никогда не будет рядом со мной. С тех пор я без шума исключил его из своего мира. Не было ни драки, ни слов. Он просто перестал существовать для меня и для моих друзей, потому что я позаботился о том, чтобы ликвидировать его социально.

АНОНИМ

Иррациональные идеи

Фиксация проявляется в невротически искаженных идеях, которые Клаудио Наранхо называет «иррациональными идеями», так как это когнитивные объяснения, которые отклоняют от полного видения реальности и не учитывают иные точки зрения, мнения, чуждые собственной когнитивной программе. «Безумие» заключается в том, чтобы верить, что это субъективное видение является объективным, единственным способом придать смысл внутренним и внешним переживаниям.

Далее мы опишем некоторые типичные для этого характера иррациональные идеи:

- **«У меня есть сила, чтобы двигать людьми и ситуациями, чтобы изменить все, что нужно изменить».** За этим убеждением стоит всемогущий образ себя, вера в то, что он может управлять людьми и ситуациями, как если бы они были объектами, всегда в его распоряжении. В то же время, уверенность в знании «того, что нужно изменить». Превосходство Э8 сильно отличается от превосходства Э1, хотя мы можем почувствовать тот же привкус превознесения себя, веря, что у него есть единственный верный критерий для оценки того, как устроен мир и что ему нужно. У социального Э8 эта идея обычно сопровождается компульсией к групповому действию. Речь идет не только об изменении мира с позиции бунтарского индивидуализма, но и о мобилизации своей группы, своих союзников. Всемогущество не только личное, но и коллективное: «мой клан, моя группа, мое дело может изменить все». Социальный Э8 чувствует, что если он возглавляет верную

сеть, он способен бросить вызов любой структуре власти, даже если это восприятие преувеличено.

- **«Если я опережу события, больше шансов, что все пойдет по справедливому пути, то есть так, как я считаю хорошим для всех».** Мы знаем, что Э8 живет здесь и сейчас: ожидание не для него, удовлетворение его потребности не может быть отложено, это открыло бы переживание нужды или нехватки, которое этот характер не терпит, так как это поставило бы его в положение хрупкости, согласно его опыту и внутреннему переживанию. опередить — значит сделать немедленный шаг к действию, компульсия к решению проблемы прямо сейчас! Если есть решение (действие), нет проблем, нет тревоги или беспокойства. Не найти решения — этого нет на его карте, фрустрация — это эмоциональное состояние, которое привело бы его к слабости, которой он избегает, а также к ощущению своей бесполезности для других. Социальный Э8 склонен путать «справедливое» и «то, что я считаю правильным», порождая мессианские импульсы. Его убеждение в том, что он защищает благородное дело, дает ему право всегда опережать события, не учитывая нюансы или сложность ситуаций. Он чувствует, что его сокрушительная энергия — это тот ответ, который нужен слабым, и, сам того не зная, может подавить других своей чрезмерной вовлеченностью.
- **«Люди доказывают, что им можно доверять, в ситуациях потерь, беспомощности».** Так же, как он сам не позволяет себе отдыха или неопределенности, так и другие, которые медлят действовать в пользу «дела», — это люди, не имеющие ценности. В момент нужды нет места страху или беспокойству о последствиях. Думать о последствиях — это удел трусов, людей без достойных принципов. Э8 не хочет рассматривать последствия действий, так как это означало бы иметь границы и подавлять свой жизненный импульс. Чувства иногда у него замерзают, он становится холодным в качестве защиты. У социального подтипа эта идея приобретает особую силу, когда приходится сталкиваться с опасностями и социальными несправедливостями. Дело здесь не в суждении о необходимости действовать и открывать глаза на проблемы мира, а в абсолютной бесчувственности к тому, как может двигаться внутренний мир каждого человека, в зависимости от его собственных обстоятельств или жизненной истории.

Это порождает форму эмоционального дарвинизма: социальный Э8 оценивает ценность других по их способности к борьбе, силе и безоговорочной самоотдаче. Чужая эмоциональная хрупкость не вызывает сострадания, а вызывает презрение. Только те, кто демонстрирует стойкость в бурю, заслуживают принадлежать к его кругу уважения.

- **«Мало кому можно доверять, большинство думает только о себе и не будет выполнять обещанного. Необходимо проверять, вмешиваться».** У социальной Восьмерки очень интересная концепция эгоизма: с одной стороны, правда, что мы живем в мире индивидуалистов, где каждый больше думает о своем маленьком личном мирке; в то же время, импульс, который чувствует Э8, удовлетворяя свои потребности и навязывая свои идеи, очень эгоистичен. Но этот личный эгоизм ему трудно признать, так как его действия движимы потребностью защищать других и спасать их, и это кажется ему достаточным основанием для того, чтобы устанавливать, что хорошо или справедливо. У социального Э8 возникает моральный парадокс: он осуждает эгоизм других, действуя при этом из оправданного эгоизма, облеченного в идеалы. Этот механизм защищает его от самокритики и делает нетерпимым к чужим слабостям. Его потребность постоянно проверять верность окружения в итоге создает атмосферу недоверия, где часто сбываются его пророчества о предательстве, подпитывая порочный круг бдительности и исключения.
- **«Если я ослаблю бдительность, мир меня раздавит: единственная защита — это постоянная сила».** Это глубоко укоренившееся убеждение поддерживает компульсивную потребность всегда быть начеку, всегда готовым к любой угрозе, реальной или воображаемой. Социальный Э8 не терпит идеи уязвимости, потому что ассоциирует эмоциональную открытость или расслабление своего характера с немедленным риском быть раненым или использованным. Постоянная сила — будь то в телесном выражении, в голосе, в поведении или в решениях — становится непробиваемым щитом, гарантирующим его выживание и доминирование. Искаженное видение заключается в том, что мир — это враждебная среда, где доброта — синоним слабости, а слабость — верный приговор. Трагичность этой иррациональной идеи в том, что она увековечивает состояние постоянного напряжения, где любой признак

расслабления воспринимается как неминуемая угроза. Таким образом, социальный Э8 ожесточается не только по отношению к другим, но и к самому себе, подпитывая хроническую оторванность от своих самых человеческих потребностей в отдыхе, нежности и подлинном общении.

- **«Конфронтация обычно раскрывает правду: конфликты — хорошее средство для познания реальности».** Исходя из этой иррациональной идеи, социальный Э8 убеждает себя, что отношения и групповая динамика очищаются только через прямую конфронтацию. Он считает продолжительную гармонию фальшивой почвой, обманом, скрывающим скрытые намерения или трусость. Он твердо верит, что истинные лица людей проявляются только тогда, когда их подвергают давлению, когда дестабилизируют их уверенность или загоняют в угол в предельных ситуациях. Поэтому социальный Э8 может намеренно провоцировать конфликты, не только чтобы проверить свое окружение, но и чтобы подтвердить свое подозрение, что за любой связью скрываются потенциальные предательства, которые может выявить только трение. Эта фиксация приводит его к искажению восприятия: он интерпретирует отсутствие конфликта как фальшь или лицемерие, в то время как насилие или напряжение рассматриваются как доказательство подлинности. Таким образом, он становится самопровозглашенным хранителем истины, который, парадоксальным образом, затрудняет построение связей, основанных на доверии и спокойствии.
- **«Защита слабых дает мне право игнорировать собственные границы и потребности».** В этом когнитивном искажении социальный Э8 эмоционально и физически перегружает себя идеей быть щитом для самых уязвимых. Он верит, что пока в мире есть несправедливость, он не имеет права отдыхать, наслаждаться или заниматься своими внутренними процессами. Коллективное дело преобладает над личной жизнью до такой степени, что превращает ее в бесконечный крестовый поход. Жертва рассматривается не как случайный выбор, а как постоянная обязанность. С этой искаженной точки зрения любое проявление заботы о себе может быть внутренне заклеено как эгоизм или предательство группы, дела или принципов справедливости. Ловушка здесь двойная: он тонет в самоналоженных обязанностях, которые не может выдержать в долгосрочной перспективе, и в то же время скрывает свои собственные желания и хрупкость за маской

моральной неуязвимости. Это порождает жесткую идентичность, где истощение и оторванность от самого себя рассматриваются как законная цена, которую нужно заплатить за коллективный идеал.

- **«Одиночество предпочтительнее предательства: лучше остаться одному, чем рисковать разочарованием».** Исходя из этого убеждения, социальный Э8 развивает глубокий цинизм по отношению к человеческим отношениям, будучи убежденным, что любые важные отношения рано или поздно закончатся предательством, неверностью или покинутостью. Чтобы избежать этой боли, он бессознательно предрасположен разрывать связи при первом же признаке разочарования, будучи убежденным, что отстраненность — это форма защиты. Эта иррациональная идея заставляет его жить в постоянном парадоксе: он желает настоящих связей, спутников жизни и совместной борьбы, но в то же время поддерживает позицию постоянной бдительности и осуждения, которая саботирует эти самые связи. Таким образом, он находит убежище в одиночестве как в безопасной территории, путая независимость с изоляцией, а силу — с отрицанием законного желания companionship. Последствием может стать жизнь, отмеченная кругами разорванных отношений, все во имя идеализированной верности, которую, по его восприятию, могут выполнить немногие.

4. ДРУГИЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОДТИПА И ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Доминирование и иерархия

Если сексуальный Э8 превращает интенсивность в способ самоутверждения, то социальный Э8 делает власть и иерархию полем битвы, где он подтверждает свое место в мире. Для этого характера человеческие отношения — это карты силовых позиций, территория, где измеряется завоеванное или утраченное уважение. Каждый взгляд, каждый жест и каждое слово могут быть истолкованы как признак подчинения или вызова.

Социальный Э8 измеряет, взвешивает и классифицирует людей по их полезности, верности и способности внести вклад в его дело. Он обычно предстает как прирожденный лидер, тот, кто берет на себя ответственность, не дожидаясь просьб, и кто оказывает влияние не только силой своей воли, но и прагматичным пониманием человеческой природы. Но в основе этого лидерства лежит страх перед потерей контроля: ему нужно доминировать, потому что он боится хаоса, ему нужно наводить порядок, потому что он боится, что мир, как в его детстве, снова обернется против него.

Утилитарность связей

Для социального Э8 отношения основаны не на уязвимости, а на взаимной пользе и безоговорочной верности. Дружба — это негласный пакт о поддержке и преданности, где предательство непростительно, а неверность — худшее из преступлений. В рамках этого видения привязанность становится разменной монетой: я защищу того, кто верен, и ударю того, кто предаст.

Существует постоянный, хотя и отрицаемый им самим, расчет: «Что я могу из этого извлечь? Что мне дает этот человек?». Это порождает эмоциональную дистанцию, которая маскируется харизматичной близостью и щедростью, но в которой социальный Э8 редко позволяет кому-либо коснуться своих уязвимых зон. Даже его жесты щедрости иногда скрывают желание укрепить позицию власти, создавая сети зависимости, где его фигура становится незаменимой.

Требовательность и жесткость по отношению к другим

Заметной чертой этого подтипа является крайняя требовательность к окружающим. Социальный Э8 презирует слабость и некомпетентность, так как они напоминают ему о тех частях себя, которые он не может принять. Он обычно жестко обрушивается на тех, кого считает не выполняющими свои слова или не проявляющими необходимой силы, чтобы устоять в мире, который он воспринимает как враждебный.

Эта жесткость может проявляться в словесной суровости, в сарказме или в прямых столкновениях, в которых он стремится проверить прочность других. Часто в рабочих или общественных структурах он становится персонажем, которого боятся и уважают, но редко любят, так как его присутствие создает атмосферу напряжения, «быть начеку», чтобы не подвести его.

Защита племени и территории

В отличие от других подтипов, социальный Э8 склонен расширять свое чувство защиты за пределы собственного «я», распространяя его на свою группу, сообщество или племя. Этот защитный инстинкт, который у других мог бы показаться альтруистическим, у социального Э8 заряжен интенсивностью, граничащей с паранойей: «Если ты тронешь одного из моих, ты тронешь меня».

Эта черта создает атмосферу, в которой верность становится постоянным испытанием и в которой любое инакомыслие может быть истолковано как

угроза сплоченности группы. Социальный Э8 ожидает от своих такого единомыслия, которое на практике может быть удушающим.

Культ контроля

Центральной характеристикой социального Э8 является его культ контроля. Контроль над ситуациями, ресурсами, людьми, нарративами. Ему необходимо предвидеть, что может произойти, чтобы не оказаться в невыгодном положении, и поэтому он редко позволяет себе ослабить бдительность. Эта постоянная гипербдительность видна в деталях его повседневной жизни: он наблюдает, проверяет, спрашивает, допрашивает, остается присутствующим и внимательным ко всему, что считает важным для поддержания своей власти.

Этот контроль также распространяется и на него самого: на его эмоции, на его усталость, на его уязвимость. Социальный Э8 презирует рассеянность и потерю фокуса, требуя от себя всегда быть в выигрышном положении, даже ценой постоянного внутреннего напряжения.

Психодинамика жертвенности

На глубинном уровне структура социального Э8 строится вокруг самопожертвования: идеи о том, что для выживания группы кто-то должен взять на себя командование и бремя. И этот кто-то — он или она. Жертвенность становится столпом идентичности, придающим смысл жизни и цель.

Однако эта жертвенность становится ловушкой. Потому что, хотя она и позволяет ему чувствовать себя незаменимым, она также мешает ему признать, что эта позиция увековечивает его изоляцию. Часто социальный Э8 жалуется, что «никто не делает ничего правильно», «никому нельзя доверять», «никто не выдерживает давления», укрепляя нарратив о том, что только он может нести эту ответственность, когда на самом деле за этим стоит неспособность отпустить контроль и позволить другим ошибаться и учиться.

Эта жертвенность также скрывает молчаливую обиду на тех, кто не несет такую же тяжесть. Он может презирать тех, кто выбирает более легкую жизнь, обвиняя их в трусости или эгоизме, когда в глубине души таится непризнанная зависть к свободе, которую он видит в тех, кто позволяет себе отпустить поводья.

Запугивание как инструмент контроля

Социальный Э8 прибегает к запугиванию как к стратегии управления человеческими отношениями. Часто он этого не осознает, так как считает свою манеру ясностью, прямоотой или твердостью. Однако для окружающих его пристальный взгляд, напористый голос или вторгающийся язык тела могут ощущаться как скрытая угроза, которая блокирует возможность несогласия.

Это использование запугивания не всегда проявляется в криках или физическом насилии; часто оно осуществляется через напряженное молчание, острые вопросы или жесты, которые ясно дают понять, что социальный Э8 оценивает другого человека и не потерпит предательства или посредственности. Его присутствие может заполнять пространство и вызывать дискомфорт у тех, кто не привык иметь дело с интенсивной энергией этого характера.

Запугивание позволяет социальному Э8 подтвердить свою иерархическую позицию, отфильтровать, на кого можно рассчитывать, и поддерживать структуру власти, необходимую для чувства безопасности. Однако этот механизм усиливает одиночество: окружающие могут следовать за ним, но вряд ли приближаются к нему с доверием и открытостью.

Справедливость и мораль: судья и палач

Социальный Э8 обычно строит свою собственную, жесткую и лишенную нюансов мораль, с позиции которой он оценивает других и мир. Он склонен видеть ситуации в терминах справедливости и несправедливости и присваивает себе роль судьи, а иногда и исполнителя этой справедливости.

Он чувствует себя призванным защищать слабых, но одновременно презирает тех, кто воспринимается как жертва. Он присоединяется к делам и группам, которые считает достойными защиты, но может стать беспощадным к тем, кого воспринимает как врагов или предателей этого дела. В этой динамике социальный Э8 находит свою идентичность: того, кто наводит порядок в несправедливом мире, пусть даже силой.

Это чувство справедливости не всегда лишено противоречий: он может требовать слепой верности, нарушая при этом нормы, которые считает несправедливыми, и может жестко наказывать за поведение у других, которое позволяет себе, если считает его необходимым для блага группы. Идеал справедливости, таким образом, становится инструментом самоутверждения,

который позволяет ему легитимизировать свою жесткость и свое доминирование.

Страх предательства

В основе структуры социального Э8 лежит инстинктивный страх предательства. Этот страх не абстрактен, а связан с ранним опытом предательства или покинутости: авторитетные фигуры, которые не сдержали своего слова, опекуны, которые не смогли его защитить, ситуации, в которых он обнаружил, что не может доверять тем, кто должен был о нем заботиться.

Этот страх превращается в систематическое недоверие к людям и институтам. Социальный Э8 редко доверяет сразу; он наблюдает, проверяет и напрягает окружающих, ища признаки слабости или фальши. Этот постоянный досмотр может привести его к эмоциональной изоляции даже от самых близких союзников, так как страх быть преданным заставляет его не раскрывать полностью свои карты и свою уязвимость.

Парадоксально, но этот страх предательства может привести его к созданию условий, которые его провоцируют: его жесткость, его контроль и его требовательность могут стать настолько удушающими, что окружающие вынуждены лгать ему или дистанцироваться от него, подтверждая таким образом нарратив о том, что никому нельзя доверять.

Эмоциональная изоляция за жесткостью

Социальный Э8, в своем стремлении защитить себя и свою группу, возводит стены жесткости, которые в итоге изолируют его от других. Он может быть окружен людьми, которые его уважают или боятся, но редко находит пространства, где может показать себя уязвимым или неуверенным, не чувствуя, что теряет контроль или авторитет.

Эта изоляция переживается неоднозначно: с одной стороны, она укрепляет его идентичность силы и независимости; с другой — порождает глубокое одиночество, которое может проявиться в моменты усталости или болезни, когда он обнаруживает, что ему не с кем поделиться своими страхами или болью. В такие моменты он может чувствовать гнев на себя за то, что стал неспособным просить о помощи, или презрение к другим за то, что они не на его уровне.

Психодинамика всемогущества

В глубине души социальный Э8 поддерживает фантазию о всемогуществе как стратегию выживания. Он верит, что если будет сохранять контроль и силу, то избежит боли и бессилия своего детства. Его всемогущество защищает его от страха беспомощности, но в то же время держит его в состоянии постоянного напряжения, неспособного отпустить контроль и отдохнуть.

Это чувство всемогущества укрепляется с каждой ситуацией, в которой ему удастся навязать свою волю, решить проблему или контролировать других, но трескается в моменты неудачи или предательства, когда может всплыть интенсивная боль, которую он быстро скрывает за гневом или презрением. Чтобы поддерживать фантазию о контроле, он может избегать ситуаций, где у него нет доминирования или где ему нужно зависеть от других, ограничивая таким образом свой опыт и возможности для роста.

Страх неудачи и потери статуса

Социальный Э8 живет со скрытым страхом потерпеть неудачу и потерять статус в своей группе или сообществе. Хотя он этого не показывает, он боится потерять уважение и авторитет, которые он с таким трудом построил, так как это столкнуло бы его с невыносимыми для него ощущениями бессилия.

Этот страх неудачи обычно толкает его к постоянной гиперактивности, к тому, чтобы брать на себя больше, чем он может осилить, и к беспощадной требовательности к себе, чтобы не ошибиться. Он может работать без отдыха, брать на себя больше обязанностей, чем ему положено, и отрицать собственную усталость, будучи убежденным, что уступить или остановиться равносильно проявлению слабости.

Когда неудача случается (потому что она неизбежна), он может отреагировать гневом, обвиняя других, или ожесточенным молчанием, которое скрывает боль от разочарования в себе. Именно в такие моменты его броня становится еще жестче, а его недоверие к другим возрастает, подтверждая его убеждение, что только он может все выдержать.

Для социального Э8 действие становится способом компенсировать свою непризнанную хрупкость. Он может с головой уйти в политический активизм, общественную работу или защиту социальных дел, строя таким образом идентичность борца, которая дает ему чувство принадлежности и цели.

Этот активизм может иметь искреннюю основу, но также становится стратегией отрицания уязвимости: пока он борется за других, ему не нужно смотреть на свою собственную потребность в заботе и отдыхе. Он убеждает себя, что его жизнь служит высшему благу, но на самом деле он защищает себя от взгляда внутрь, от создания пространств для паузы, где он мог бы почувствовать свою пустоту.

5. ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И ФАНТАЗИЯ

В целом, Э8 имеет диссоциативную защиту от эмоций. Диссоциация — это примитивная защита, которую ребенок развивает как решение проблемы избытка стимулов, которые он не может сдержать, из-за значительного отсутствия заботы со стороны родителей, и часто не только отсутствия, но и пренебрежения или жестокого обращения. Ребенок не получает поддержки в регуляции своего эмоционального мира: интенсивность и сбивающая с толку эмоциональная изменчивость матери не позволяют ему регулировать свои чувства или придавать им значение. С первых месяцев жизни не хватало сопровождения. Он не только отрицает эмоции, но и отрицает чувствительность тела, принимая жесткую физическую и психическую броню для защиты своей уязвимости.

Чувствительность проецируется вовне и превращается в защитное действие против страданий угнетенных или исключенных.

Когда я чрезмерно активна или когда я обижена на кого-то, я полностью отключаюсь от эмоций. Мне нехорошо, если я

отключена от своих эмоций. Кажется, что это не я, я становлюсь жесткой снаружи и очень больной внутри. Меня трогают очень простые вещи, например, заметить маленький цветок на улице, посмотреть на красивый день или поэтический закат. Мое сердце легко подступает к слезам при виде беззащитного ребенка на улице.

ЭВАНИЯ

Можно сказать, что все эмоции, связанные с уязвимостью, виной и потребностью в заботе и любви, отрицаются. Гнев — это эмоция, которую можно выразить легче всего. Гнев, который проявляет социальный Э8, окрашен яростью вершителя правосудия: он принимает форму очень сильного требования против несправедливого мира. Прямым следствием является *acting out* (отыгрывание) против того, кого он воспринимает как угнетателя. Он не может чувствовать более интимный гнев, тот, что исходит непосредственно из его раны. Собственный гнев, связанный с его тяжелой историей, выражается в социальных битвах.

Несомненно, самые отвергаемые и отрицаемые эмоции — это грусть, страх и стыд.

Грусть — это то, что он, возможно, мог чувствовать в детстве, но что очень быстро ему пришлось отрицать, так как она связана с чувством безутешной покинутости. Многие Восьмерки не осознают боли, которую им причинила физическая и эмоциональная покинутость их матерей. Грусть — это эмоция, которая может открыть дверь в депрессию, а это для них означало бы потерю энергии и самооценки, с которыми они глубоко себя идентифицируют. Эта грусть может проявиться в контакте с людьми, страдающими от злоупотреблений, пыток и других преступлений. В такие моменты сердце социальной Восьмерки может открыться и внезапно превратиться в гнев и импульс к восстановительному действию.

Думаю, что больше всего меня всегда трогает солидарность людей, верность друга, мужество того, кто делает что-то для мира. Например: я плачу, глядя на суда НПО, которые в настоящее время выходят в море в поисках беженцев, даже с риском оказаться в тюрьме из-за своей великой человечности.

ЭВАНИИЯ

Страх — это эмоция, с которой Э8 могут войти в контакт, но только как с легкой физической вибрацией, которую нужно быстро обезболить. Испытывать страх — и, прежде всего, чтобы это было заметно снаружи — означало бы подвергнуться опасности быть раненым, осмеянным или униженным. Они идентифицировали себя с могущественным и сильным образом, способным на все, и не хотят доставлять другому удовольствие, вызвав у них малейший страх. В борьбе за власть проявление страха означало бы проигрыш битвы, а вместе с ней — образа жесткости и силы. В своей миссии по спасению мира и в своей частой роли лидера, социальный Э8 должен скрывать страх и хрупкость, так как их проявление поставило бы под сомнение его право на лидерство и его способность защищать своих.

Стыд — это глубоко невыносимая первичная эмоция для Восьмерки. В полярности между социальным Э8 и социальным Э4 мы наблюдаем, что, в то время как стыд является доминирующей страстью для подтипа Четыре социальный — экзистенциальное состояние, с которым он себя отождествляет и которое его движет, — для социального Э8 чувствовать стыд — это внутренний монстр, ахиллесова пята персонажа, идентифицированного с властью. Его экзистенциальная потребность — спастись от социального унижения. Чувствовать стыд означало бы подтвердить, что он не имеет ценности и места в мире, и признать правоту тех, кто его унижал и исключал.

Другая запретная эмоция — это нежность, хотя социальный подтип и является наименее жестким из трех подтипов. Чувствовать нежность означало бы войти в контакт со своим раненым и покинутым ребенком и признать эмпатию без необходимости в оправданиях. Социальный Э8 превращает нежность и эмпатию в солидарность и соучастие: боль должна быть устранена, и он обязуется устранить ее и для других, особенно для тех, кто является жертвой авторитарной и тиранической власти.

Идеалистическая фантазия

Этот характер очень связан с конкретным, материальным, видимым. У социального Э8 фантазия проецируется на его идеалы: мечтать о лучшем мире, быть человеком, который вызывает перемены и исцеление от зол мира. Это мечты, которые не остаются в воздухе и не являются просто ментальными проектами, как это могло бы быть у социального Э7; социальный Э8 действует,

он в мире и пачкает руки. То, что он защищает, не может быть предано. Он может развивать художественную чувствительность, хотя ему и трудно отдаться этому, так как он всегда чувствует себя призванным к земной битве. Когда он открывается творчеству и тайне, может проявиться чувствительное сердце и богатое воображение.

В моей жизни одной из самых важных вещей была социальная борьба, изменение мира через самые маргинальные или трудные группы. Видеть себя как кого-то, кто создает перемены, и что день за днем мы группой находились в состоянии бунта против несправедливого, заставляло меня чувствовать себя живой. Когда прошли годы, и видя, каков мир сегодня, на меня нашло большое разочарование и уныние. Выиграть эту битву означало быть на вершине власти и, в то же время, отомстить за детские раны.

РЕМЕ

В социальной сфере, перед лицом жалоб, отсутствия солидарности или отсутствия коллективной борьбы, он обесценивает другого, будь то через сарказм или унижение. Здесь агрессивность принимает решительную форму.

В книге «Игнорируемый корень зла души и мира» Клаудио Наранхо говорит о патриархальном парадоксе социального Э8:

Он действует с насилием против насилия, призывает слабых быть сильными, обесценивая их, пытаясь помочь. Привыкший к состоянию постоянной бдительности и борьбы, он проявляет сильный импульс провоцировать, показывать свое раздражение и неуважение, обращаясь с другими пренебрежительно, как с низшими, способствуя созданию тех неравенств, которые, с другой стороны, как вершитель правосудия, он яростно борется.

Говоря словами одного из свидетельств из книги:

В своей активистской деятельности и на собраниях я использовала очень жестокие и агрессивные тона, презирая и

унижая тех, кто был не согласен. Я поняла это после многих лет терапии. Для меня это было очень тяжело, так как мне пришлось перестать посещать собрания: все это поведение давало мне много власти. На самом деле, я работала на патриархат его же оружием.

РЕМЕ

6. ДЕТСТВО

Автор: Луис Рока

В детстве социального эннеатипа 8 поле битвы готовится рано: с тех пор, как ребенок высовывает голову в мир. Многие представляют, что Восьмерка всегда рождается в хаосе ударов и криков, но у социального подтипа это не всегда так. Скорее, ребенок растет в театре противоречий: с одной стороны, у него часто есть семья с деньгами, фасадами порядка и статуса; с другой — эмоциональная пустыня, холодный эмоциональный климат, болезненные отсутствия, насилие, которое вспыхивает, когда его меньше всего ждешь, и произвольная семейная справедливость, которая оставляет ребенка в эмоциональном одиночестве.

Роды и кормление грудью, если оно было, не всегда были адом, но климат был токсичным: родители, которые женятся, потому что не умели пользоваться презервативом, матери, выгоревшие дотла, отцы, уходящие в бар или возвращающиеся домой пьяными и с желанием подраться... Ребенок социального Э8 быстро усваивает урок: «Здесь каждый сам за себя, и если я не

позабочусь о себе, никто не позаботится». Таким образом, он рано впитывает, что само его существование подразумевает бремя и что он должен научиться справляться сам, так как никто не спасет его задницу.

Я родился очень маленьким, чуть не попал в инкубатор. Моя мать почти всегда отсутствовала, работала, справлялась со своей трудностью быть настоящей. Мой отец был сильным, могущественным, но сумасшедшим, жестоким, непредсказуемым. Между ними двумя, одним отсутствующим и другим опасным, я научился заботиться о себе с самого раннего возраста.

ЛУИС

С момента выхода из утробы ребенок интуитивно чувствует, что мир — это ринг, где выживает только тот, кто кусает сильнее. Никаких сказок, никакого «все будет хорошо». Здесь правило ясно: если ты мягкий, тебя раздавят.

Среда, которую он впитывает, — это родители, которых нет, которые исчезают в своих несчастьях, которые бьют друг друга, которые эмоционально исчезают и снова появляются с навязываниями, подарками или насилием, уча его, что нежность — это небезопасная роскошь. Ребенок учится, что любовь и забота непостоянны и что сила — единственный язык, который защищает. Глубокие несправедливости оставляют свой след.

Моя мать была слабой, отсутствующей, делала что могла. Мой отец говорил мне, что любви не существует, что жизнь — это вопрос власти и денег. Однажды он ударил меня по голове, я помню кровь и как я потерял сознание. Таков был мир, я не удивлялся, не ожидал другого.

ЛУИС

Научиться не нуждаться

Мать, часто воспринимаемая как слабая или недостаточная, или прямо как эмоциональная катастрофа, порождает у ребенка социального Э8 преждевременный защитный импульс. Но это не мягкий защитный инстинкт, а инстинкт надзирателя. Возникает инстинкт, что «если я не позабочусь о ней,

никто не позаботится». Ребенок развивает радар для контроля над средой, предотвращения угроз и постоянной оценки того, у кого есть власть причинить вред. Он становится всевидящим оком, тем, кто рассчитывает, кто вот-вот потеряет контроль, кто измеряет уровень угрозы в комнате.

Я видел свою мать как кого-то, кто не может позаботиться о себе. Я начал готовить, потому что никто этого не делал, начал следить, чтобы все было в порядке. Я научился брать на себя ответственность, потому что не было другого выбора.

ЛУИС

Этот ребенок не становится защитником из любви, а потому что страх заставляет его брать бразды правления, контролировать то, что он может, в хаосе, который угрожает поглотить все.

Отец — это другая история: могущественный ублюдок, которого боятся, которым восхищаются и которого ненавидят одновременно. Ребенок хочет, чтобы он его видел, чтобы он его признал, даже если это происходит, когда он дает ему пощечину или кричит так, что это годами отзывается в голове. Он учится, что быть сильным — это единственное, что имеет значение, и когда отец говорит ему «ты как я», это врежется в него намертво, к добру или к худу. Отец обычно периодически признает ребенка как «сильного, другого, особенного», что закрепляет зародыш нарциссизма в его характере.

Мой отец всегда говорил, что мы одинаковые, что мы отличаемся от других. Иногда он говорил это, крича на других или ударяя меня. Иногда он рассказывал мне сказки, и это было странно, особенно. Я хотел быть как он, но лучше, без его ошибок.

ЛУИС

Между родителями ребенок видит войны, предательства, презрение и подчинение. Мать плачет и в то же время лижет сапоги отцу; отец унижает ее за слабость. Так ребенок учится, что любить — это рискованный спорт, что зависеть от кого-то — значит рыть себе могилу, что доверять — удел идиотов.

Произвольная справедливость и урок жесткости

Социальный Э8 растет в цирке, где иногда есть роскошь и привилегии, но все пропитано напряжением от того, что в любой момент может взорваться бомба. Родители, которые покупают привязанность дорогими вещами, игнорируя тебя; матери, которые обнимают тебя один день, а на следующий оставляют одного со своими демонами. Дома со спорадическими моментами нежности, за которыми следуют вспышки насилия. Невнимание и покинутость...

Мой отец водил меня в лучшие рестораны мира, сделал меня членом Поло-клуба, а потом исчезал или устраивал скандалы, крича на всех. Моя мать жила в хаосе, между зависимостями, мужчинами, которые приходили и уходили. Между ними двумя я научился справляться сам.

ЛУИС

В этой среде ребенок социального Э8 воспринимает несправедливость как нечто нормальное: плохую шутку, где правила применяются в зависимости от настроения взрослых. Правила стоят столько же, сколько желание того, кто их навязывает, «я обещаю» означает «мне плевать, выполню ли я это». Жесткость становится его броней, потому что он знает, что если он ослабит бдительность, его раздавят, а насилие оправдывается речами о справедливости или о том, что «такова жизнь». Этот ребенок рано начинает надевать броню жесткости, презирать чужие слабости и не доверять обещаниям.

Когда моя сестра погибла в аварии, я думал, что мой отец все исправит, но он не смог. Это был момент, когда я понял, что даже сильные терпят неудачу, что нет безопасности, что нужно всегда быть начеку.

ЛУИС

Детская рана

Детство социального Э8, таким образом, оставляет рану, которая становится основой его взрослого характера: смесь недоверия, цинизма и защитного нарциссизма. Ребенок усвоил, что мир опасен и что люди подводят, поэтому он не может позволить себе быть уязвимым. Так, недоверие становится линзой, через которую он наблюдает каждое взаимодействие: он анализирует

намерения других, ожидает предательств и, чтобы защитить себя, эмоционально дистанцируется.

Когда моя сестра Йоланда умерла на моих глазах, и я не смог ее спасти всего на волосок, я понял, что никто не может тебя защитить. Даже самый сильный человек, которого ты знаешь, не может предотвратить худшее. В тот день я усвоил, что жизнь несправедлива и что нужно всегда быть готовым. За год я изменился и стал большим и сильным.

ЛУИС

Этот энеатип учится ни во что не верить: ни в «я тебя люблю», ни в «я тебя никогда не подведу». Он знает, что слова — это воздух, и что за каждой улыбкой может быть нож, готовый вонзиться. Дело не в том, что он хочет быть недоверчивым, а в том, что если он не будет недоверчивым, его поимеют.

Цинизм — это не украшение, это щит. Он устал видеть, как взрослые обещают любовь, заботу и защиту, а потом уходят, лгут или продают его. Поэтому он решает, что не будет тем дураком, который на это поведется. Он учится смеяться про себя, когда слышит красивые слова, потому что знает, что у всего есть цена. Он чувствует, что все пропитано интересами, что у каждого жеста есть цена, и что если он не позаботится о себе, его поглотит мир. Этот цинизм питает его эмоциональную изоляцию и его тенденцию защищать свою уязвимость агрессией или сарказмом.

Защитный нарциссизм формируется как ядро «я могу сам», которое дает ему гордость и идентичность. Этот нарциссизм не всегда грандиозен; часто он молчалив, внутренний, это убеждение, что ему никто не нужен и что правила на него не распространяются, потому что он другой. Это нарциссизм, который согревает его, когда его некому обнять.

Я не доверял никому, но и не хотел оставаться один. Поэтому я создавал группы, банды, проекты, где я мог контролировать, где я мог защищать своих, где я мог быть сильным. Но всегда с дистанцией, с недоверием, что в любой момент меня предадут.

ЛУИС

Ранняя сексуализация и эмоциональная анестезия

Детство не всегда отмечено явными сексуальными злоупотреблениями, но когда они случаются, они глубоко влияют на формирование его жесткости и на характерную для этого характера эмоциональную анестезию. Эти злоупотребления не всегда переживаются как травма в момент: часто они обернуты в игры, в особое внимание или в ложное чувство соучастия, порождая у ребенка эмоциональную амбивалентность, которая нормализует неприемлемое.

Когда мы говорим о злоупотреблении, я вспоминаю не сам вред, который я перенес от своего насильника, а то, что было потом. Во время злоупотребления было внимание, были игры, был мотоцикл, был спорт. Это не был человек, который причинял мне вред как таковой, это был кто-то, с кем мне было весело. Важны были последствия: жесткость, которую он во мне оставил, способность отключаться от того, что я чувствовал, проглатывать то, что происходило, ничего не говоря.

ЛУИС

Такого рода опыт, или подобный ему, формирует у ребенка эмоциональную диссоциацию: он учится отделять то, что происходит, от того, что он чувствует, скрывать боль под слоем нормальности и связывать внимание и привязанность с фоном вторжения и злоупотребления властью. Он отключается от отвращения и страха, проглатывает свою эмоциональную рвоту, чтобы выжить, поэтому не регистрирует злоупотребление как таковое. Ребенок развивает раннее осознание того, что, чтобы выжить, нужно справляться с тем, что переживаешь, в одиночку, не ожидая спасения или понимания. Так начинает строиться эмоциональная анестезия характера: не чувствовать становится способом защиты.

Агрессивный импульс: гнев, месть и справедливость

Гнев — это двигатель. Это не просто детский каприз, это вопрос выживания. Это способ, которым он обозначает территорию, говорит «хватит, ублюдки», защищает себя, когда никто другой этого не сделает. В среде произвольной несправедливости, отсутствия и злоупотреблений гнев становится силой, которая позволяет ребенку этого характера провести границу с окружением и

установить ощущение контроля. В то время как другие дети замыкаются, социальный Э8 наносит ответный удар.

В девять или десять лет, в школе у священников, я помню, как сказал одному священнику, чтобы он бил меня сколько хочет, что я его потом на улице поймаю. Я научился не отступать, не плакать, не просить пощады. Я научился, что больше никогда не буду слабым.

ЛУИС

Дело не в том, что социальному Э8 нравится драка ради драки. А в том, что он усвоил: если кто-то на тебя наступает, нужно вцепиться ему в лодыжку до крови, потому что иначе тебя будут давить снова и снова. Гнев становится его двигателем справедливости: если кто-то злоупотребляет, он наносит ответный удар, пусть даже с процентами.

Ребенок обнаруживает, что насилие не всегда несправедливо. Иногда это единственный способ уравновесить чаши весов, когда мир — это цирк несправедливости, лицемерия и нарушенных обещаний. В школе, на улице, дома гнев дает ему ощущение контроля, которого он не находит больше нигде.

Я воровал у богатых детей из школы Сан-Игнасио. Я не видел в этом воровства, я видел в этом справедливость. У них было с избытком, у меня нет. И у моих друзей — тем более. Все было так просто. Я чувствовал, что поступаю правильно.

ЛУИС

Использование им своей идеи справедливости для оправдания своего гнева становится зародышем его морального нарциссизма: ребенок оправдывает свое насилие во имя равенства и баланса сил и таким образом укрепляет внутренний нарратив о том, что его гнев служит высшему благу, что он не капризен, а является его способом восстановить равновесие в прогнившем мире. Если нужно разбить кому-то лицо, особенно для защиты того, кто не может себя защитить, это делается. И точка.

По мере взросления ребенок совершенствует этот импульс: его агрессивность становится контролируемой, стратегической, все более стратегически

используемой для «защиты слабых» или «наказания обидчиков», а также для поддержания своей позиции лидера и уважения в окружении.

Становление защитника

С тех пор, как он себя помнит, этот парень чувствует, что должен стать защитником своего мира, своих людей. Эта защита проистекает не из нежности, а из убеждения, что «если я не вершу правосудие, никто его не вершит». Так он становится защитником, тем, кто устанавливает правила того, что хорошо и что плохо на его маленькой территории.

Это лидерство, которое проявляется дома, в школе, на улице и становится его идентичностью.

В 12 или 13 лет я защищал группу фриков в своей школе. Однажды один скинхед наехал на них, и я засунул его в мусорный бак, закрыл на замок и спустил с горки. После этого их больше никто не трогал. Я был защитником тех, кто не мог себя защитить.

ЛУИС

Этот паттерн укрепляет чувство власти ребенка социального Э8 и закаляет его характер в направлении, которое отдаляет его от уязвимости и нежности. Его справедливость окрашена реактивной агрессивностью: он не начинает насилие, но готов ответить на него с такой решительностью, которая парализует других. Речь не о том, чтобы быть хулиганом ради хулиганства. Речь о том, что если нужно устроить заварушку, чтобы оставили в покое тех, кто не может себя защитить, она устраивается. И кто осмелится это оспорить, пусть готовится выдержать свинцовый взгляд и, если понадобится, удар кулаком.

Его справедливость — это не справедливость красивых речей: это справедливость улицы, справедливость «если ты ударишь, я ударю сильнее», «если ты тронешь моих, я тебя похороню». Его насилие становится предупреждением для всех: он не ищет драки, но если ты ее принесешь, он ее закончит.

Моя позиция — это не позиция моего отца, который кричал и угрожал с порога. Моя такова: если нужно убивать, мы будем

убивать, но я не сдвинулся с места. И если ты нападешь первым, тогда да, пути назад нет, я тебя уничтожу.

ЛУИС

Школа и улицы становятся первыми тренировочными площадками этого защитника. Он учится строить верность, поддерживать уважение, создавать союзы, которые обеспечивают ему позицию силы в каждом пространстве, которое он занимает.

Вступление в подростковый возраст: избранная семья

Когда наступает подростковый возраст, социальный Э8 понимает, что кровная семья — это шутка, которая его подвела, поэтому он создает свою: приятели, банды, коллективы, группы, где он становится лидером, потому что он единственный, кто чувствует в себе силы принимать решения, «когда это необходимо». Он строит свой мир вокруг избранной семьи, и его лидерство становится способом восполнить эмоциональные дефициты детства. Верность становится абсолютной ценностью, а предательство превращается в худшее из оскорблений.

У меня всегда был лучший друг, кто-то, кто был моим братом, моей семьей. Позже это превратилось в группы: политическое движение, банда, коллективный проект. Это было центром моей жизни. Это был способ чувствовать себя сильным, чувствовать, что я принадлежу к чему-то, найти свое место в мире.

ЛУИС

Его участие в группах — это не дань моде или позерство. Он делает это, потому что ему нужно место, где он чувствует себя живым, где его сила полезна, где его личная справедливость может действовать без лицемерия взрослых. Его подростковый возраст — это не этап наивного исследования, а поле утверждения власти и поиска идентичности через действие и лидерство. Молодой социальный Э8 тянется к социальным делам, к проектам справедливости и к миссиям, где он может доказать свою ценность и свою способность защищать других. Так он ищет ощущение, что у него есть место в мире, в жизни.

Но он не обманывается: он знает, что в любой момент его могут предать, поэтому он всегда начеку, с одним глазом открытым, даже когда смеется. Его принадлежность всегда условна: он будет бдительным, готовым к предательству, внимательным к любому признаку неверности или несправедливости. Группа — это его семья, но также и его эмоциональное поле битвы.

Преждевременная автономия и выученное недоверие

В подростковом возрасте этот эннеатип закрепляет свою позицию самодостаточности и недоверия как защитные механизмы против мира, который он воспринимает как враждебный и непредсказуемый. Детство научило его, что нельзя ни от кого зависеть, что обещания не выполняются и что власть взрослых хрупка и часто лицемерна. Таким образом, подросток социального Э8 укрепляет свою автономию, будучи убежденным, что если он чего-то хочет, он должен взять это сам.

В ситуации абсолютной покинутости я научился заботиться о себе сам. Я был один. Я помню удары отца, крики матери... Я был мажором несколько дней в неделю и изгоем в другие. С ранних лет я знал, что никто не будет обо мне заботиться, что я должен заботиться о себе и о тех, кто со мной.

ЛУИС

То, что многие видят как гордость, для него — необходимость: он не хочет быть никому обязанным, потому что знает, что потом ему выставят счет. Он становится своим собственным отцом, своей собственной матерью, своим собственным стражем.

Эта преждевременная автономия сопровождается презрением к власти: родители, учителя и фигуры власти наблюдаются с критическим взглядом, постоянно оцениваются и, если замечаются несоответствия или несправедливости, без страха оспариваются.

Подросток социального Э8 развивает внутреннюю ясность «я никому ничего не должен», укрепляя свое чувство личной справедливости и свой внутренний кодекс, часто в противоречии с социальными нормами. Его уважение к власти равно нулю. Он смотрит на родителей, учителей и всех, кто хочет ему что-то

навязать, глазами снайпера. Если он видит, что их власть фальшива, он ее обходит, бросает ей вызов, унижает своим взглядом «не вешай мне лапшу на уши».

Я видел, как мой отец кричал на всех, унижал их, и мне было противно. Я хотел быть сильным, но не как он. Я хотел уметь делать вещи, не будучи жестоким и чрезмерным, но и не быть слабаком, как моя мать. Я хотел быть лучше их обоих.

ЛУИС

Ожесточение и эмоциональная анестезия

В подростковом возрасте эмоциональная анестезия закрепляется. После многих лет управления гневом, столкновения со злоупотреблениями и предательствами, ощущения, что мир — это поле битвы, социальный Э8 учится отключаться от боли, страха и грусти. Для него эмоции опасны, потому что они делают его уязвимым, а уязвимость может быть использована против него.

Я помню, что когда меня били, я научился смотреть им в глаза и говорить, чтобы они продолжали, что мне все равно. Наступил момент, когда мне действительно стало все равно. Важно было только не уступать, не показывать страха, не показывать боли.

ЛУИС

Это ожесточение становится окончательной броней социального Э8. Оно позволяет ему действовать решительно, принимать трудные решения и сталкиваться с рискованными ситуациями, не моргнув глазом. Но оно также изолирует его от возможности получить подлинную любовь и жить в настоящем мире.

Выживший в собственном детстве

Социальный Э8, таким образом, становится выжившим в собственном детстве и подростковом возрасте. Он развил железную силу, но также и стену, которая отделяет его от любви и мира.

Если кто-то и должен был вершить правосудие, то этим кем-то был я. Жизнь мне ничего не подарит, а люди всегда хотят

что-то взамен. Так что я научился жить один, даже если был окружен людьми.

ЛУИС

Его гнев, его чувство личной справедливости и его потребность в контроле становятся его компасом, но также и его тюрьмой. Он остается сильным, потому что не выносит мысли о том, чтобы снова стать тем беззащитным ребенком, которым он был.

Меня одерживала справедливость, но это была не настоящая справедливость, это была моя справедливость. Я решал, кто заслуживает защиты, а кто нет. Я решал, когда нужно действовать. Мне было все равно, согласны ли люди, я делал то, что считал нужным.

ЛУИС

Ковка доспехов

Так он выживает в своем детстве, но ценой строительства стены, которая отделяет его от возможности любить и быть любимым, доверять, показывать свою уязвимость. Он становится воином, но также и изгнанником из своей собственной человечности.

Детство, которое является кузницей огня, несправедливости и противоречий, сжигающей все мягкое. В результате чего ребенок, а затем и юноша, учится жить в мире, где любовь прерывиста, насилие возможно в любой момент, а несправедливость нормализована.

Его преждевременная автономия, его недоверие, его цинизм и его эмоциональная анестезия — это его доспехи. Его личная справедливость, его гнев и его способность действовать, когда другие срут от страха, — это его меч.

Таково детство социального 8: непрерывная тренировка, чтобы выдержать мир, который он считает опасным, становясь защитником, которым он должен быть, чтобы больше никогда не чувствовать себя слабым.

7. ПЕРСОНА И ТЕНЬ: ДЕСТРУКТИВНОЕ ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ ДРУГИХ

Автор: Луис Рока

Эннеатип 8 не приходит просить разрешения. Он врывается в бар жизни, вышибая дверь ногой, встает с таким видом, который говорит: «Со мной шутки плохи», и раздает приказы так, будто раздает тумаки. Социальный Э8 к тому же ясно понимает, что он — лидер, защитник, тот, кто лезет туда, куда другие отворачиваются, потому что «кто-то должен это делать». Такова его маска: защита слабого, сила, справедливость, тип, который держит мир на своих плечах, пока ты жалуешься в Твиттере.

Я не выношу вялости людей. Я встаю раньше всех, делаю то, что нужно, беру на себя ответственность за группу, а потом слушаю, как эти жалуются на усталость. Меня это бесит.

АНОНИМ

Социальная Восьмерка противоречива: социал, который не доверяет группе, хотя и нуждается в ней. Или «социальный антисоциал», как определял его Клаудио Наранхо... Он презирует сентиментальность, называя ее слабостью. Он становится ребенком, который вступает в союз с матерью против отца, будучи убежденным, что сила — это любовь, и что так он победит несправедливость тирании и патриархата. Он отвергает власть, но иногда сам становится тиранической властью. Он издевается над правилами, но требует абсолютной верности. Он предпочитает искать удовольствие и доминировать, чем подвергаться риску быть раненым, ожидая чего-то от других.

Таким образом, он становится тем, кто использует справедливость как предлог для доминирования. Он становится судьей и исполнителем приговоров своего собственного внутреннего трибунала. Он решает, что справедливо, а что нет, кто заслуживает, а кто нет, кто живет рядом, а кто остается за бортом. Но справедливость, переживаемая таким образом, — это лишь декорация. За ней стоит эго, ищущее подтверждения, отвергнутый, ищущий безопасности, гнев, ищущий предлога.

«Я для других» — это реально, но не бесплатно. Потому что за каждым героическим поступком стоит невидимый счет: верность, послушание, восхищение. Если не заплатишь, готовься к огненному дождю. Все оправдывается во имя дела: помочь району, защитить коллегу, защитить слабого. Но за этим всегда стоит «я», которое питается этой властью.

Мы идеалисты, да, но «идеалисты-антиидеалисты»: наш идеализм — это бронезилет для эго. То, что «хорошо для всех», в итоге оказывается тем, что дает нам власть спать спокойно, чувствуя себя полезными и нужными. И могущественными. Потому что мы не выносим быть ненужными или немогущественными. И если ты социальная Восьмерка, ты это знаешь: осуществлять лидерство — это единственный способ выдержать гнев, который кипит внутри тебя каждый раз, когда ты видишь, как люди ведут себя как жертвы. Или как палачи. Или ведут себя так, будто они свободны делать все, что им вздумается.

Меня бесит видеть людей, жалующихся на то, что «жизнь несправедлива». Я беру и делаю так, чтобы вещи происходили. Но, конечно, когда ты подаешь им руку, они повисают на ней, а когда отпускаешь, смотрят на тебя, как на ублюдка.

АНОНИМ

Так что ты надеваешь маску «щедрого лидера», в то время как внутри кипит потребность в доминировании, которая маскируется под «приверженность». Маска силы — твой алтарь, и если ты ее снимешь, ты чувствуешь, что не существуешь.

Огр за спиной героя

Тень социального Э8 — это его ненасытная жажда доминирования. Эта тень питается соучастием тех, кто боится ему противостоять, цинизмом, который скрывает его потребность в нежности. Маска власти скрывает страх не быть достойным любви. Он презирает уязвимость, которой втайне жаждет. Он жертвует нежностью, чтобы не чувствовать себя слабым, в то время как его ярость защищает рану покинутости.

Твоя тень хочет власти не для того, чтобы хвастаться, а потому что твоя система не умеет дышать, не будучи у руля. Но этот контроль становится ядом: ты оправдываешь свой гнев как справедливость, свою месть как равновесие, свою жесткость как «необходимую правду». Социальный Э8 может уничтожить, не моргнув глазом, и спать спокойно, потому что, в его уме, вершится «справедливость».

В твоей тени «благодетель» скрывает диктатора. Когда кто-то нарушает свою верность, когда предаёт твой кодекс, гнев превращается в пожар, который сметает все. И самое хреновое: это удовольствие от «вершения правосудия» становится наркотиком, местью, которая рядится в героизм. Ты чувствуешь этот разряд, когда навязываешь свое мнение, когда затыкаешь рты, когда даешь понять, что «с тобой шутки плохи».

Отношения как поле битвы

Гнев у социального Э8 — это как танк, проходящий по всему, что необходимо для восстановления «порядка». Но этот гнев — чистая месть, сведение счетов с тем, кто осмелился тебя предать.

Дело не в том, что ты не чувствуешь любви, а в том, что тебе противно чувствовать, что ты в ней нуждаешься. Так что, когда ты любишь, ты любишь с условиями. Ты любишь того, кто тобой восхищается, кто за тобой следует, кто признает тебя королем стаи.

Любовь маскируется под защиту, под «заботу о тебе», но мы знаем, что в глубине души тебе нужно командовать. И когда кто-то не играет по твоим правилам, любовь превращается в гнев, в наказание, в отказ в привязанности.

Отношения социального Э8 — это арены власти. Если кто-то его интересует, он его измеряет, оценивает, подвергает испытаниям. Если тот проходит испытание, он позволяет ему приблизиться, но всегда с мечом в руке. Если другой осмеливается его оспорить, меч опускается без предупреждения.

Восхищение — это разменная монета. Без восхищения нет связи. Верность не подлежит обсуждению. Близость измерена, контролируется. Секс становится единственным пространством, где он позволяет себе некоторую уязвимость, но это также и территория, где он может осуществлять доминирование, где он может убедиться, что другой все еще здесь, доступен, покорен.

Если другой отдаляется, ты обвиняешь его в том, что он «не выдержал». Если другой остается, ты подвергаешь его игре постоянного напряжения.

Социальный Э8 презирает того, кто не действует, кто сомневается, кто не вовлекается. Он считает, что его интенсивность — это мерило ценности других.

Различие во мнениях интерпретируется как личное нападение, угроза его доминированию.

Совещания превращаются в монологи с видимостью дебатов. Решения — в навязывания, замаскированные под консенсус. Помощь, которую он предлагает, — в вечный долг. Если кто-то бросает ему вызов, он его сокрушает. Если кто-то ему подчиняется, он требует большего.

То, что остается в тени, — это глубокое ядро обесценивания, ощущение себя недостойным человеком, не заслуживающим внимания или любви. В темноте скрывается его потребность в любящем и уважительном взгляде, и очень сильна неуверенность в своей принадлежности. Эти компульсивные действия по доминированию и защите пытаются компенсировать болезненную рану от ощущения себя не частью чего-то.

Потребление людей

Для социальной Восьмерки мир — это враждебное место, полное предателей, слабаков, некомпетентных и трусов. Он и его банда здесь, чтобы это исправить, навести порядок, «сделать то, на что никто не решается». Он живет в убеждении, что без его вмешательства все пошло бы к черту. Его сила — в знании, что многие сделают для него все, что угодно.

Это чувство вечной миссии питает видение жизни как борьбы. Мир кажется ему подозрительным. Гармония — ложью. Мягкость — приглашением к злоупотреблению. Поэтому он остается жестким, готовым к бою, убежденным, что всегда есть что-то, что нужно завоевать или защитить. «Если я ослаблю бдительность, меня сожрут».

Он ищет конфликта, риска, действия, чтобы воспользоваться возможностью. Если не находит, он ее провоцирует. Если нет врага, он его создает. Все, чтобы не чувствовать пустоту, подстерегающую в паузах.

После каждого достижения наступает скука. После каждой победы — пустота. Так что он продолжает искать, продолжает потреблять, продолжает навязывать свою волю.

Социальный Э8 потребляет не только вещества или опыт: он потребляет людей. Он использует их, чтобы чувствовать себя сильным, чтобы поддерживать ощущение контроля, чтобы избежать одиночества. Отношения становятся сделками. Даже когда он помогает, он ждет чего-то взамен: верности, уважения, благодарности, подчинения. Если не получает этого, он обрывает, наказывает или исчезает. Нет места для серого. Это «если они не со мной, они против меня».

Ловушка интенсивности

Социальный Э8 зависим от интенсивности, как и все подтипы Восьмерки. Если жизнь не острая, у нее нет вкуса. Скучное невыносимо. В своей худшей версии он ищет конфликта, страсти, излишеств. Ты ввязываешься в ненужные споры, создаешь трения, подвергаешь себя абсурдным рискам. Ты предпочитаешь драку молчанию, крик — спокойному разговору. И когда естественной интенсивности не хватает, ты ее создаешь: алкоголь, наркотики, работа без отдыха, секс без тормозов, спорт на пределе. Тело ломается, но по крайней мере ты чувствуешь, что живешь. Я говорю о худшем из тени.

Ты пожираешь людей, проекты, дела. Все, что дает тебе эту искру ощущения жизни. Но ничто не заполняет пустоту. Ничто не успокаивает это ощущение, что чего-то не хватает. Потому что не хватает не большего действия, а способности чувствовать себя в мире с самим собой.

Увидеть тень — значит признать, что ты не непобедим, не незаменим, не хозяин всего. Тебе нужно научиться останавливаться. Садиться с самим собой без мобильного, без музыки, без отвлечений. Чувствовать свое тело, слушать свои мысли, выдерживать огонь тревоги, который говорит тебе встать и что-то сделать.

Проведи жестокую инвентаризацию: кого ты унизил во имя справедливости? Кого ты уничтожил «ради его же блага»? Сколько групп ты тиранил, чтобы чувствовать себя сильным? Сколько раз ты использовал щедрость, чтобы доминировать над людьми?

Тень — это также очернение хрупкости, оправдание своего насилия, наличие двойных стандартов, для своих и для остальных. Твоя нарциссическая мораль — это всего лишь нарциссизм. Перестань маскировать свой гнев под «справедливость». Начни различать то, что справедливо на самом деле, и то, что является твоим эго, требующим мести. Тень — это чувствовать себя неуязвимым. Тебе не нужно, чтобы все тебя боялись, чтобы заслужить уважение. Твоя настоящая сила проявится в тот день, когда ты сможешь показать свою слабость, не маскируя ее под жесткость. До тех пор ты останешься рабом своей собственной личной легенды.

Годами я жил в постоянной буре. Если что-то не ускоряло мне пульс, я это провоцировал: споры на совещаниях, глупые вызовы, ночи секса и алкоголя, которые заканчивались дракой, потасовками и даже парой визитов в камеру...

ЭНРИКЕ

Тело, гнев, желание

Тело социального Э8 — это поле, где смешиваются гнев и желание. Гнев появляется при любой угрозе его власти. Желание, как ненасытный голод, требует большей интенсивности, большей власти, большего опыта. Оба питают друг друга: гнев подталкивает желание, желание порождает гнев, когда не удовлетворяется.

Гнев — это не мимолетная вспышка: это фоновый огонь, постоянная вибрация в животе, брови, которые внушают страх, когда хмурятся. Он оправдывается во имя справедливости, но в глубине души это неспособность переносить фрустрацию, предательство, медлительность других.

Желание также не только сексуальное или материальное: это желание тотальности, иметь все, доминировать над всем, чувствовать все. И ничего не бывает достаточно.

Социальный Э8 не рассматривает созерцание. Его религия — действие. Делать, двигать, вмешиваться, решать, бороться, достигать, завоевывать, защищать, наказывать, помогать. Все, в постоянном движении. Отдых — это смерть.

Его идентичность строится в зависимости от того, чего он достигает. Если не достигает, его нет. Поэтому он не может остановиться. Поэтому тело трещит, но продолжает. Поэтому связи рвутся, но он продолжает. Поэтому его взгляд жесток, а его энергия неумолима.

«Справедливые дела»

В социальной маске социальный Э8 присоединяется к «справедливым делам», потому что они дают ему право делать все, что ему вздумается. Защищать слабых, бороться за справедливость, все это хорошо, но это также и идеальная сцена для навязывания своего мнения, сокрушения своих соперников и оправдания своей жесткости.

Ты становишься героем, который выходит вперед, пока другие прячутся. Но за этим стоит зависимость от власти, от уважения, от ощущения себя незаменимым. Так ты плетешь сеть уважения и страха, восхищения и зависимости, подпитывая рассказ о том, что ты делаешь это «ради справедливости». Ты считаешь себя непобедимым, и это твоя ловушка. Компульсия делать, защищать и решать — это не смелость, это страх остановиться и почувствовать. Пока ты занят организацией, спасением других, выкрикиванием приказов, заставляя мир двигаться в твоём ритме, тебе не нужно сталкиваться со своим собственным внутренним состоянием.

Я не могу остановиться. Если я останавлиюсь, я умру. Однажды я уехал в отпуск, и на третий день мне хотелось выброситься с балкона от скуки. Так что я позвонил в офис и вернулся. Там, по крайней мере, я чувствую, что для чего-то годен.

АНОНИМ

Но этот адреналин, который ты чувствуешь, когда «берешь бразды правления в свои руки», — это наркотик, который тебя убивает. Потому что ты не умеешь отдыхать. Ты не умеешь сидеть в тишине с самим собой, не чувствуя, что на тебя надвигается поезд вины, гнева и пустоты. Ты саморазрушаешься под флагом силы.

Ты взваливаешь на себя больше, чем можешь унести, ввязываешься во все заварушки, становишься опорой для всех, тем, кто всегда доступен. А потом злишься, потому что никто не заботится о тебе, потому что никто не выдерживает твоего ритма, потому что все кажутся слабыми. И худшее: ты смотришь на них с презрением, в то время как в глубине души единственное, чего ты хочешь, — это получить любовь, но такую любовь, которая не подразумевает ослабления бдительности.

Ты в итоге взрываешься: напряжение в теле, мигрени, бессонница, гастрит, та боль в спине, которая уже стала частью тебя. Хронический стресс становится единственным способом чувствовать себя живым. И когда тело не выдерживает, ты идешь в спортзал, в секс, в работу, в политику, в наркотики, в драки. Что угодно, лишь бы не останавливаться.

Я предпочитаю быть в хлам, но в движении, чем чувствовать себя бесполезным, валяясь в кровати.

АНОНИМ

Ты выгораешь с людьми, с проектами, с отношениями. Начинаешь со страстью, заканчиваешь обидой, потому что «никто не вкладывается так, как я». Так что ты убеждаешь себя, что лучше быть одному, чем с кем попало. И вот ты идешь, в своей броне воина, делая вид, что ты Робин Гуд.

Разрушительное воздействие на других

Твоя сила увлекает за собой. Твоя энергия увлекает. Люди следуют за тобой, потому что ты, кажется, знаешь, что делаешь, потому что внушаешь уважение, потому что даешь уверенность. И да, многие извлекают выгоду из твоей силы. Но есть и цена: твоя потребность в доминировании требует верности, которую трудно выдержать.

Я помогаю всем своим, но когда они не делают то, что я говорю, мне хочется послать их на хер или еще похуже.

АНОНИМ

Ты берешься спасать другого, но не оставляешь ему пространства для роста. Ты вступаешь в группы и в итоге доминируешь над ними, задавая темп, требуя вовлеченности, критикуя тех, кто не соответствует твоему стандарту. Потому что, будем честны: для тебя верность не опциональна, это религия.

Люди устают от тебя, даже если восхищаются тобой. Потому что за каждым жестом щедрости они чувствуют обмен: «Я тебе помогаю, ты мне должен». Иногда ты становишься невыносимым, с этой интенсивностью, которая давит, которая требует, которая не дает передышки. Люди уходят, но ты говоришь себе, что это потому, что они «не выдерживают правды» или «не выносят моей силы». Реальность в том, что они не выносят, какой ты навязчивый и требовательный.

С партнерами то же самое. Ты хочешь кого-то, кто тебя выдержит, кто тобой восхитится, кто отдастся. Но когда этот человек хочет своего пространства, когда ему нужно что-то другое, ты становишься стеной. Ты используешь секс, чтобы сбросить избыток энергии: пока есть интенсивность, ты чувствуешь, что доминируешь. Но в конце, когда секс заканчивается, остается неловкая эмоциональность, ищущая любовь, в которую она не верит.

Импульс к разрушению присутствует постоянно. Подземное течение власти, смешанное с гневом, которое требует выхода. Разрушить то, что не служит, устранить то, что мешает, отбросить то, что не приносит пользы, сломать то, что стоит на пути. Иногда в форме слов, иногда в форме молчания. Иногда жестами, иногда полным отсутствием.

Когда кто-то меня разочаровывает, я исчезаю. Я стираю его из своей жизни. Как будто он умирает. Я объявляю его социальную смерть.

АНОНИМ

Цена маски

Этому импульсу не всегда нужно моральное оправдание, и он не обязан его находить. Во имя справедливости, во имя эффективности, во имя уважения, во имя «вот такой я спонтанный». Разрушение становится законным, если тот, кто его совершает, чувствует себя хозяином истины.

Сила, которая зажигает борьбу, также сметает того, кто ее несет. Социальный энеатип 8 разрушает не только вовне: он также ломается изнутри. Но он не останавливается, чтобы посмотреть. Потому что посмотреть означало бы признать, что есть трещины.

Так что, в глубине души, это характер, который обычно очень одинок. Даже окруженный людьми, его ощущение изоляции — это бетонная стена. Он знает, что немногие выдерживают его интенсивность, что немногие могут следовать его ритму, что немногие понимают огонь, который им движет. Он окружает себя людьми, но держит дистанцию. Он спит с телами, но держит дистанцию. Он говорит, организует, лидирует, но держит дистанцию.

Одиночество не выбрано: это цена за поддержание его силы. Он живет в мире потенциальных врагов. Не потому, что все они таковы, а потому, что так настроен его радар. Он обнаруживает трещины, слабости, еще не произошедшие предательства, отговорки.

Любой взгляд сомнения может быть угрозой. Любое несогласие — атакой. Любая просьба о заботе — ловушкой.

Он завоевывает, но опустошается. Он командует, но изолируется. Он защищает, но тиранит. Он любит, но следит. Он наслаждается, но потребляет. Он движется, но бежит. Он ожесточается и не видит другого.

Так он живет.

Так он умирает

8. Любовь

Автор: Хавьер Миранда

Клаудио Наранхо разработал теорию «трех видов любви» как способ исследования фундаментальных измерений человеческой любви. Он взял за основу классическую греческую классификацию: эрос (эротическая или страстная любовь), филия (дружеская или восхищенная любовь) и агапэ (сострадательная или безусловная любовь). С его точки зрения, каждый человек — особенно каждый характер в эннеаграмме — склонен испытывать большую легкость с одним типом любви и большие трудности с другим, в зависимости от его эмоциональной истории и защитной структуры. В своей книге «Эссе по психологии эннеатипов» он предлагает применение этого триадного видения любви к эннеатипам и подтипам, а также анализ того, как эти три качества любви искажаются под влиянием невроза.

Принадлежа к триаде характеров Действия (9, 8 и 1), Э8 является тем из них, кто обладает наибольшей способностью к эротической любви, то есть к удовольствию, чувственному сближению и любви к себе. Но важно понимать, что в контексте характера эта эротическая любовь принимает невротизированную форму, превращаясь в интенсивную похоть. Она становится безудержным поиском немедленного удовольствия, без способности к отсрочке или эмоциональной интеграции. Эннеатип 8 чувствует острую потребность удовлетворять свои желания, превращая удовлетворение в постоянную срочность.

Также следует учитывать, что социальный Э8, возможно, является одним из самых парадоксальных в своем отношении к любви. Со стороны он может казаться самым экспансивным, самым щедрым, самым способным строить связи и поддерживать узы защиты и самоотдачи. Однако под этой могущественной внешностью бьется глубокая трудность в самоотдаче, яростное сопротивление ослаблению эмоциональной бдительности и бессознательный страх оказаться в ловушке, преданным или манипулируемым чувствами.

Любовь для социального Э8 — это одновременно и потребность, и угроза. Он глубоко жаждет связи, но боится, что эта связь лишит его силы, свободы и суверенной идентичности.

Кроме того, будучи характером, который развивается из эмоциональной отстраненности и трудности психической проработки своего опыта, эротическая любовь не подразумевает истинной заботы о себе. Скорее, она выражается в убеждении, что интенсивное удовлетворение равносильно «благополучию».

Эрос для меня — это существенный жизненный импульс, который наполняет жизнь красками и страстью. С подросткового возраста я прожила жизнь, полную многих и интенсивных любовей, с живой сексуальностью и глубокими процессами связи, пронизанными эросом. В моей природе эрос всегда был важен. Я не представляю себе жизни без него.

АНОНИМ

В поиске сексуальной интенсивности Э8 канализирует потребность быть любимым и быть увиденным, оставляя любовь-сострадание и любовь-восхищение скрытыми и отодвинутыми на второй план. Это две формы любви, которые обычно были повреждены или отсутствовали в его жизненной истории.

Эротическая любовь глубоко связана с властью, поскольку первичные связи были отравлены злоупотреблением. Мать или отец, которые должны были гарантировать любящее и безопасное пространство, во многих случаях были источником насилия и унижения. Таким образом, сексуальность ассоциируется с доминированием, с осуществлением контроля над другим как способом избежать уязвимости. Существует потребность «побеждать» или никогда не оказываться в невыгодном положении. Это может приводить к отношениям, где эротическое наслаждение становится полем для соревнования, а не пространством для истинного слияния.

Ребенок Э8 преждевременно теряет детство, а вместе с ним и чистую и невинную эротическую любовь. Уже в подростковом возрасте он обычно погружен в интенсивные сексуальные переживания, часто переживаемые с избытком. Эти переживания, в то же время, когда они возвращают ему энергию и ощущение власти, толкают его к саморазрушительному поведению, как по отношению к себе, так и к своим партнерам. Сочетаются беспорядочные связи, подчинение и доминирование, без истинной эмоциональной интеграции.

Часто в историях социальных Э8 встречаются переживания сексуального насилия в детстве. Из-за сильной эмоциональной отстраненности им могут потребоваться годы или глубокие терапевтические процессы, чтобы признать причиненный вред. Во многих случаях они не помнят этого сознательно или поддерживают защитный нарратив на службе у эго: «ничего не случилось» или «мне это понравилось». Эта отстраненность — одна из самых больших трудностей в процессе исцеления социального Э8 и Э8 в целом, так как она подразумевает демонтаж защитного механизма, который позволил ему выжить. Любовь-сострадание остается на задворках эмоционального мира социального Э8. Слишком много недоверия к людям, которые, по идее, должны были о нем заботиться, но не сделали этого, или делали это поверхностно, чисто практически и часто сопровождая жестоким обращением. Нежность была исключена из первичного опыта заботы, а вместе с ней исчезла и возможность доверять бескорыстной привязанности.

В сфере агапэ социальный Э8 проявляет любопытную амбивалентность. Его защитный инстинкт побуждает его заботиться, поддерживать, жертвовать собой ради тех, кого он считает частью своего «племени» или близкого круга. Он может быть глубоко щедрым, преданным и способным на великие альтруистические поступки, но всегда при условии, что он не чувствует себя униженным или принятым за слабого. Его агапэ имеет воинственный оттенок: он заботится, да, но с позиции силы; он отдает, да, но с позиции суверенитета. Ему трудно предложить безоружную, невинную любовь, без ожиданий взаимности. В глубине души он боится, что если он полюбит без оговорок, его используют или презреют.

Материнская любовь воспринималась как нечто опасное, потенциальная ловушка, и ребенок был вынужден забыть о своих эмоциональных потребностях, чтобы выжить, заморозив стремление к теплоте объятий или сострадательному взгляду. Со временем он даже научился презирать эти потребности, считать их слабостью. Это презрение на самом деле является защитой: за ним скрывается глубоко голодный по любви ребенок, который не хочет снова испытать боль отвержения.

Социальный Э8 — самый интеллектуальный энеатип среди Восьмерок, являясь контр-течением антисоциального инстинкта. Это относительное

подавление антисоциальности делает его более дружелюбным, более чувствительным к сообществу, но также позволяет ему выражать свое «сострадание» с особой позиции: не как эмпатическое чувство, которое связывает с другим, а как идентификацию с угнетенным, с тем, кто страдает от злоупотреблений. С этой позиции он принимает на себя роль вершителя правосудия или спасителя.

Этот нюанс существенен: социальный Э8 смягчается не от нежности, а от воинственной идентификации. Его сострадание окрашено гневом и борьбой. Он не ласкает, а защищает; вместо того чтобы сочувствовать, он предпочитает возмущаться.

На своем пути личностного роста я обнаружила свой огромный страх глубоко отдаться любви, страх отпустить себя и быть раненой, любить и стать зависимой, любить и в итоге оказаться подчиненной. Страсть всегда была знакомым, более легким путем, аффективно-сексуальным уравнением без больших рисков. Соблазнять, переживать интенсивность страстей было легко и увлекательно. И когда любовь настаивала на том, чтобы остаться, у меня начинался любовный кризис... и я уходила.

ЭВАНИЯ

Это свидетельство ясно раскрывает защитное уравнение: социальный Э8 может отдаться желанию, но не любви, потому что желание дает власть, в то время как любовь несет в себе максимальный риск потери и подчинения.

Любовь-восхищение более доступна для социального Э8, но она глубоко искажена. Опыт общения с властью был отмечен разочарованием и скептицизмом. Власть не была благосклонным проводником или надежным ориентиром; во многих случаях ребенок, которым он был, вынужден был очень рано взять на себя роль взрослого, неся ответственность, несоответствующую его возрасту: защищать других, поддерживать семью или посредничать в насильственных ситуациях.

Во многих случаях мы находим социальных Э8, которым приходилось защищать мать от насилия отца или брать на себя функции, свойственные отцу

или матери — независимо от пола, — чтобы обеспечить эмоциональное или материальное выживание семейного ядра. Иногда это означало взятие на себя экономических задач; в других случаях — быть эмоциональным защитником, опорой или решателем проблем.

Таким образом, социальный Э8 с самого раннего возраста вынужден занимать позицию власти, «уважения». Здесь любовь-восхищение извращается: речь идет уже не о восхищении другим, а о поиске восхищения собой.

Устанавливается преждевременное недоверие к любой фигуре власти, и ребенок учится относиться к бунтарству как к знамени, подтверждая свою власть над другими, чтобы чувствовать себя ценным.

Восхищаться мне было чрезвычайно трудно: послание, которое я получала, заключалось в том, что любовь-восхищение подразумевает слабость. Гораздо лучше было быть объектом восхищения, окружать себя чужой слабостью и развивать созависимость.

МАРИЛЕНА

Если социальный Э8 чувствует, что его власть признана, он гарантирует защиту и отдает все за тех, кого считает частью своей группы. Можно сказать, что он продает защиту в обмен на то, чтобы его видели, чтобы он был нужен, важен. Соучастие, которого он требует, абсолютно и безоговорочно: он защищает, обеспечивает, отстаивает, но группа должна подчиняться его правилам и не оспаривать его доминирующее положение. Это патерналистский и патриархальный характер, даже когда речь идет о женщинах, способный жертвовать собой до изнеможения ради своих, при условии, что его признают неоспоримым лидером.

Как женщина социального Э8, мне особенно очевиден сексистский аспект патриархального мышления. С юных лет я развила как чувствительность, так и бунтарство по отношению ко всем социальным посланиям и нормам, которые намекали на мою неполноценность из-за того, что я женщина. Я упрямо стремилась доказать свою ценность, прежде всего, демонстрируя и развивая качества, которые я видела вознагражденными и прославленными в патриархальном

обществе: сила, мужество, автономия, интеллект, компетентность, навыки, способность решать проблемы, лидерство... типично мужские черты. Я делала все, что считалось «трудным для женщины», но в то же время у меня были отношения любви и ненависти к моему маскулинизированному социальному образу.

МАРИЛЕНА

Это искажение любви-восхищения проявляется особым образом у женщин социальных Э8, которые принимают традиционно мужские характеристики, чтобы завоевать уважение, но ценой отрыва от своего собственного уязвимого аспекта.

Любовь-восхищение у социального Э8 сублимируется в преданность великим идеалам: справедливости, защите угнетенных, спасению невинных в опасности. В этих идеалах социальная Восьмерка не знает границ; она отдается с яростью и страстью. Но есть ловушка: узы верности жестки. Тот, кто предает идеал, кто нарушает кровный пакт группы, рассматривается как враг. Социальный Э8 может чувствовать себя глубоко преданным, если люди, которых он защищает, не остаются верными принципам, которые оправдывают его защиту. Таким образом, самая глубокая ловушка социального Э8 — это бороться с несправедливостью, воспроизводя те же паттерны жесткости, оставаясь в ловушке логики власти, которую он так презирает.

Прекрасный пример патриархального парадокса: я с насилием выступала против насилия, призывала слабых быть менее слабыми, презирала их в своем стремлении помочь, подавляла свои собственные слабости, чтобы с силой аргументировать против несправедливости. Я не умела делать ничего другого, кроме как бороться изнутри больной системы, принимая ее послания и одновременно борясь с ними... как слепая рыба в воде, в которой она плавает.

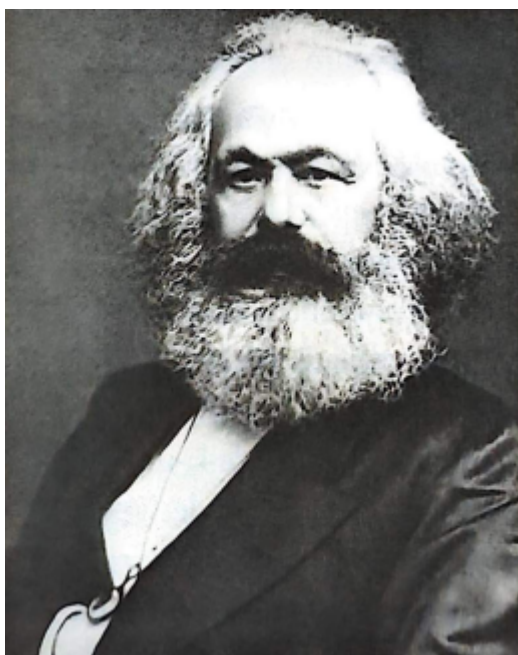
МАРИЛЕНА

Таким образом, любовь у социального Э8 становится минным полем противоречий и внутренних напряжений. Страсть превращается в компульсию, нежность — в презренную слабость, восхищение — в потребность быть признанным. Жажда интенсивности скрывает первичную рану детства, отмеченного недоверием и эмоциональным одиночеством. Любовь становится

территорией власти, а не встречи; пространством, где отдача переживается как угроза, а зависимость — как унижение. Так, тот самый жизненный импульс, который мог бы открыть его для полноты, искажается в защитную стратегию, увековечивающую изоляцию под видом силы.

9. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ: КАРЛ МАРКС

Автор: Адриан Галиндо де Пабло

Карл Маркс родился 5 мая 1818 года в Трире, считающемся древнейшим городом Германии. Он появился на свет в период относительного затишья в зажиточной семье. Его дедушка по отцовской линии был раввином, а один из его сыновей, Гиршель (отец Маркса), изучал правоведение, стал адвокатом, а затем советником юстиции в Трире, где в 1824 году принял христианство и взял имя Генрих Маркс. По материнской линии Карл происходил из длинного рода раввинов; его мать, Генриетта Прессбург, была голландской еврейкой. В браке родилось много детей, и Карл был вторым ребенком после первенца-дочери. Его мать, посвятившая себя дому, заботливо опекала мужа и детей. Более тесные и теплые эмоциональные связи у Маркса сложились с родственниками матери из Нидерландов.

Его отец, еврей, рейнландец, юрист и прусский патриот, был человеком, воспитанным в буржуазной культуре, с рационалистической идеологией «безупречной порядочности». В силу прусского законодательства он, как и многие в то время, был вынужден сменить религию, чтобы сохранить работу. Этот вынужденный переход в христианство, навязанный в 1824 году всей семье по закону и под давлением жестких антисемитских преследований, лишь укрепил в Генрихе Марксе культуру свободного человека, освобожденного от религиозных догм. Именно это фундаментальное наследие он и передал своему сыну.

С самых ранних лет родители возлагали на Карла огромные надежды, подчеркивая его «великолепные природные дарования». Отец питал надежду, что он поставит свой ум на службу человечеству; мать уверяла, что он

счастливчик, у которого всё получается. Однако эти надежды вскоре омрачились постоянными интеллектуальными столкновениями между отцом и сыном.

Страстный и озорной юноша, Маркс посвятил себя изучению классики и литературы. По воле отца он поступил в Боннский университет на юридический факультет. В то же время он предался богемной жизни, что сильно беспокоило родителей: его привлекали к ответственности за пьянство и ночные дебоши, и он даже провел ночь в тюрьме. Не обходилось и без драк с сокурсниками.

В 18 лет, во время одного из возвращений домой из университета, он начал встречаться с подругой детства Дженни фон Вестфален, которой посвятил несколько любовных стихотворений, свидетельствовавших о его пылком характере. Дженни, которая была на четыре года старше, отличалась красотой, талантом и мягким нравом. Она была из обеспеченной семьи, и ее отец, высокопоставленный чиновник, в итоге благословил их отношения.

Следуя решению отца, Маркс продолжил изучение юриспруденции и камеральных наук в Берлинском университете, куда поступил в 1836 году. В эти годы окончательно сформировался характер молодого Маркса: упрямая личность, готовая до изнеможения сражаться за правду, с ненасытной жаждой знаний, неиссякаемой работоспособностью, духом суровой самокритики и боевым темпераментом, который определил всю его дальнейшую жизнь.

В годы учебы он проявлял мало интереса к официальным дисциплинам; историю и философию — вот что по-настоящему захватывало его внимание, особенно философские дебаты. У него начал развиваться огромный талант к автодидактике: изучая правоведение, он переводил классические книги на немецкий язык и самостоятельно учил английский и итальянский.

Со второго семестра Маркс погрузился в изучение множества дисциплин, среди которых выделялась философия Гегеля, что привело его в докторский клуб младогегельянцев — его первый и настоящий интеллектуальный колизей. Несмотря на эти открытия, Маркс хотел вернуться домой, но отец настаивал, чтобы он продолжал учебу в Берлине.

В эти годы выковались черты, которые сопровождали его всю жизнь: неустанная борьба за правду, боевой дух и висцеральное нежелание отворачиваться от страданий человечества. Он жаждал лучшего мира и стремился воплотить свои идеалы, войдя в круг левых гегельянцев — радикальной и революционной группы.

Вскоре после того, как ему исполнилось 20 лет, в 1838 году от болезни печени скончался его отец. Карл всегда хранил к нему глубокое чувство благодарности и хранил его портрет до конца своих дней. На протяжении следующих трех лет Маркс продолжал учебу в Берлине и начал сотрудничать с различными журналами и газетами, публикуя философские размышления о главных дебатах своего времени.

Несмотря на свой юный возраст, едва достигнув 20 лет, Маркс стал естественным лидером гегельянского кружка — и это будет повторяться на протяжении всей его жизни всякий раз, когда он будет входить в контакт с новыми группами. Даже соратники, многие из которых были на десять лет старше, признавали его интеллектуальное превосходство и лидерские качества. Атмосфера в этом кружке пропитывалась жесткой критикой религии.

Его растущая политическая активность и трения в Берлинском университете на фоне масштабных преобразований в Пруссии привели к тому, что он перевелся в Йенский университет, где в 1841 году, в возрасте 23 лет, защитил докторскую диссертацию.

Только что получив степень, Маркс столкнулся с суровой реальностью: внутренняя политическая борьба в университетах помешала ему и его группе получить профессорскую кафедру, а его планы по основанию радикального журнала провалились. В начале 1842 года он начал свою политическую карьеру, с критическим пафосом сочиняя статьи для различных изданий. Его первые тексты касались цензуры и свободы печати в Германии. Уже тогда проявилась характерная для всей его карьеры сложность: его скрупулезность и исчерпывающий подход приводили к тому, что статьи выходили гораздо больше запланированного объема, задерживая сроки сдачи. Кроме того, поток его идей и постоянное неприятие компромиссов вызывали дискомфорт у читателей, коллег и редакторов. Тем не менее его талант внушал уважение даже тем, кто был старше его.

В этот период он выработал один из принципов, определявших его жизнь: «Безусловно, писатель должен зарабатывать своим пером, чтобы иметь возможность писать, но он ни в коем случае не должен писать для того, чтобы зарабатывать деньги». Эта позиция создавала бесчисленные финансовые проблемы как для него самого, так и для его близких, но он никогда не предавал этот идеал.

Постепенно его работы уходили от чистой философии и сосредотачивались на

материальных вопросах: государстве, обществе, экономике. Его взор всё больше обращался к условиям жизни бедняков и угнетенных слоев, направляясь к борьбе за экономическое освобождение пролетариата.

Первые публичные выступления Маркса совпали с многочисленными личными трудностями, особенно в отношениях с Дженни, которую он упрекал за беспокойство о проблемах, казавшихся ему тривиальными по сравнению с великими конфликтами человечества. Несмотря на эти трения, они поженились в 1843 году и первые месяцы супружеской жизни провели в доме семьи матери, пока Маркс не был выслан в Париж.

В французской столице он завязал дружбу и вел жаркие споры с выдающимися фигурами эпохи, такими как Луи Блан, Руге, Леру, Бакунин и Прудон. Там же он познакомился со своим самым верным соратником — Фридрихом Энгельсом. В то же время у Маркса сформировалась ключевая цель, которая будет сопровождать его всегда: историческая необходимость организации критической мысли и объединения главных преобразователей вокруг единого революционного проекта.

Для его работы на этом этапе характерна чрезвычайная интенсивность, с которой он отдавался чтению и письму, хотя ему было трудно завершать свои тексты: он оставлял многочисленные неоконченные рукописи и постоянно барахтался в море книг, доходя порой до раздражения и вспышек ярости, работая до изнеможения и часто болея. Для него было привычным делом работать по четыре ночи подряд без сна.

Во время парижского изгнания Маркс прожил плодотворный этап, возможно, самый значительный в годы его формирования. Он развивался интеллектуально и политически, у него родилась первая дочь, и он встретил своего главного союзника — Фридриха Энгельса. С ним он выковал дружбу и союз, которые никогда не распадутся. Вместе они отличались беспощадной критикой современников, прокладывая четкую разграничительную линию между «нами» и «ими». Энгельс сыграл фундаментальную роль в жизни Маркса, служа ему постоянной опорой не только на интеллектуальном и эмоциональном уровне, но и на финансовом, помогая смягчать регулярные материальные лишения его семьи. Сам Маркс всегда оставался скверным распорядителем денег.

Репрессии не заставили себя долго ждать, и в 1845 году, прожив во Франции чуть более года, Маркс был выслан из страны. В 27 лет он переживал уже второе изгнание, переехав в Брюссель. С самого приезда его преследовала цензура.

Политическое преследование заставило его отказаться от прусского гражданства, и он так и не принял больше никакого другого подданства. Это были годы нарастающей нищеты, в которые он сталкивался с отказом издателей публиковать его работы и постоянным цензурным гнетом. Энгельс всеми силами пытался исправить финансовое положение своего друга, организуя сборы среди единомышленников по движению, когда его собственных средств не хватало.

Несмотря на всю свою суровую критичность, Маркс не раз демонстрировал потрясающую солидарность, даже по отношению к своим оппонентам. Известны эпизоды его невероятной щедрости к идеологическим противникам, переживавшим трудные времена, даже посреди его собственной бедноты. Это доказывает прочный союз, который он выстраивал со своей группой, и его приоритет защищать нуждающихся выше любых личных неурядиц. Для Маркса социальный идеал всегда стоял выше любого индивидуального интереса.

Экономические лишения не смогли остановить его интеллектуальный труд: он всегда публиковался, когда выпадала возможность, и вел активную переписку с главными коммунистическими центрами Европы. Организация движения всегда оставалась на его горизонте. В эти же годы произошел его разрыв с одним из прежних авторитетов — Пьером-Жозефом Прудоном. Эта тенденция повторялась на протяжении всей его жизни: Маркс без колебаний рвал связи с бывшими учителями или соратниками, если возникало идеологическое разногласие; в таких случаях он не скупился на критику, даже если раньше глубоко восхищался человеком. Такая позиция привела к разрушению многих дружеских и союзнических связей: когда пакт рушился, полумер для него не существовало.

К 1847 году, в возрасте 29 лет, Маркс уже признавался одной из самых ярких фигур формирующегося европейского коммунистического движения. О нем говорили с огромным уважением, хотя он вызывал как восхищение, так и неприязнь у друзей и врагов. Именно в этот период он начал научно разрабатывать основы материалистического понимания истории, считающегося его главным теоретическим вкладом, сопоставимым с дарвиновской революцией в естествознании. Маркс доказывал, что, хотя человек и обладает духовным измерением, он обусловлен материальными потребностями, и только при их удовлетворении он может полноценно развиваться на интеллектуальном и социальном уровне. Как утверждал он сам: «Жить — значит прежде всего есть и пить, иметь жилище, одежду и кое-что еще. Первое историческое действие — это создание средств для удовлетворения этих потребностей».

Брюссель стал удобной ареной для консолидации международного пролетарского движения. Там Маркс отточил свои организаторские и ораторские таланты, что вылилось в создание Союза коммунистов, где он играл ключевую роль. Марксу и Энгельсу было поручено составление «Манифеста Коммунистической партии», заложившего основы европейского коммунистического движения. Это произведение стало вехой в политической и литературной истории, увековечив лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Его интеллектуальная работа чередовалась с пропагандистскими кампаниями и активным политическим участием: он читал лекции и выступал на митингах по всей Европе, выступая в роли настоящего агитатора и страстного критика. Вскоре проявился его талант вести за собой людей и его решающий вес в революционных организациях. Его называли «душой» организаций, в которых он состоял. Едва достигнув 30 лет, он уже считался непререкаемым лидером одной из главных социалистических школ своего времени.

Маркс умел окружать себя идейными и талантливыми людьми, привлекая к себе внимание, где бы он ни появлялся. Его выступления признавали за их убедительность, ясность и логику. Однако многие неизменно отмечали его высокомерие, амбициозность и авторитарный характер. Его лидерство одни видели твердым и спокойным, другие — разрушительным и диктаторским, что провоцировало расколы в коллективах, где он участвовал.

Личные жертвы Маркса были огромны: время, здоровье и финансовые ресурсы. Не раз он вкладывал те скудные деньги, которыми располагал, в издательские проекты или революционную деятельность, доходя даже до распродажи полученных наследств. Эта ситуация тяжелым бременем ложилась на его семью, которая росла с появлением троих детей: Дженни, Лауры и Эдгара. Репрессии вынудили его покинуть Брюссель и направиться в Лондон после прямого участия в революционных движениях в Германии и Париже.

Обосновавшись в Лондоне, Маркс взялся за амбициозный проект основания новой газеты. В это время многие фигуры, сыгравшие ключевую роль в его становлении, стали объектом его самой лютой критики. Однако Маркс не был злопамятным человеком: как только борьба завершалась, разногласия оставались позади. Он был верен своим друзьям, хотя и беспощаден к тому, что считал предательством.

С переездом в Лондон в жизни и трудах Маркса начинается решающий поворот.

После поражения революций в Европе и внутренних расколов в Союзе коммунистов он сделал выбор в пользу ухода в научные исследования. Начался этап зрелости, отмеченный изоляцией от публичной жизни и научной работой, при осознании физического упадка и истощения, накопившегося за годы политической борьбы.

В ноябре 1849 года родился его четвертый ребенок, Гвидо, который после тяжелого и болезненного года жизни умер из-за нищенских условий, в которых жила семья Маркса. Ситуация становилась все более отчаянной из-за отсутствия средств, и семья почти полностью зависела от закладывания последних вещей: драгоценностей, мебели или одежды. По словам Дженни, несмотря на эти бедствия, Маркс сохранял бодрость духа и уверенность в будущем; он искренне радовался, видя свою жену и детей счастливыми. Он был семейным человеком, который, когда выпадала минутка, получал огромное удовольствие от общения со своими близкими.

Его научный труд продолжался, ведь в нем он находил убежище и утешение. Почти каждый день он проводил целые дни за исследованиями в Британском музее, с девяти утра до семи вечера. Ему было глубоко больно от того, что его не признают как автора и что его идеи не получают широкого распространения.

Финансовые трудности подкосили его здоровье: он часто болел, страдал от геморроя и болей в печени, которые считал наследством от отца. Бедность доходила до того, что несколько раз он не мог выйти на улицу из-за того, что его одежда была в ломбарде, его дети болели без возможности оплатить врача, у него не было даже бумаги для написания статей или ответов на нападки клеветников, а в магазинах накопились долги, из-за чего семье приходилось подолгу питаться только хлебом и картошкой. Нестабильность и тревога сопровождали всю его взрослую жизнь.

Хотя эта ситуация отчасти была следствием его непреклонной приверженности политическим принципам, это не избавляло его от страданий и мучений при виде того, как его семья лишена самых простых радостей. Энгельс, его самый близкий друг, отмечал, что главной проблемой Маркса была его собственная бескомпромиссность: движимый грандиозным идеалом социального преобразования, Маркс оставался слеп к собственным потребностям и нуждам своей семьи. Он чувствовал себя эгоистом, если думал о личном благополучии раньше, чем о общем деле.

Бедствия продолжались: в 1852 году от острого бронхита умер еще один из его

детей. Положение было настолько нищенским, что им пришлось просить у соседа деньги на гроб. В 1855 году родилась его дочь Элеонора, и к тому времени Маркс уже отошел от политических кругов, почти полностью посвятив себя научной работе, прерываемой лишь семейными моментами. Он был отцом, которому нравилось играть с детьми, и он часто говорил: «Именно дети должны воспитывать своих родителей, а не наоборот». Однако в том же году его постигла новая утрата: его девятилетний сын Эдгар скончался, оставив в душе Маркса рану, которая затягивалась годами.

В 1857 году он пережил потерю еще одного ребенка, умершего при рождении. Это был уже четвертый ребенок, скончавшийся буквально у него на руках. Погруженного в нищету и боль, продолжать жить его заставлял лишь экономический кризис в Англии и подъем рабочего движения; как выражался он сам: «Кризис, я уже чувствую это, доставляет мне то же физическое удовольствие, что и купание в море». Эта обстановка снова подстегнула его, и он вернулся к учебе, работая до четырех часов утра.

Маркс продолжал писать, публиковаться и бороться до тех пор, пока позволяло здоровье. Его проблемы с печенью стали хроническими, к ним добавились карбункулы и фурункулы, причинявшие ему непрестанные мучения на протяжении многих лет. Несмотря ни на что, он продолжал находить в мыслительном процессе один из главных источников наслаждения.

Человек противоречий, он был абсолютно неорганизованным в быту, но прагматичным гением в вопросах политики и истории. Неспособный вести семейный бюджет, но обладавший непревзойденным талантом создавать, организовывать и руководить международным политическим движением, Маркс всегда ставил общее дело выше личного благополучия. Его преданность идее была абсолютной и неиссякаемой.

Его политическая и теоретическая деятельность протекала во враждебной обстановке, под цензурой, преследованиями и постоянными угрозами. Он был одним из самых ненавидимых и оклеветанных людей своего времени, и даже сегодня остается объектом критики, на которого возлагают ответственность за последующие бедствия. Тем не менее его влияние оказало решающее значение.

В эти годы Маркс вынашивал свой главный труд — «Капитал», в котором подытоживались десятилетия философской и политической борьбы. Он опубликовал первый том в 1867 году, в возрасте 49 лет. Эта работа совершила революцию в общественных науках и политической мысли, став первой

рациональной теорией о заработной плате и функционировании капитализма. Маркс вывел закон капиталистического накопления и заложил основы анализа экономической эксплуатации, всегда стремясь дать рабочему классу интеллектуальное оружие в его освободительной борьбе. Второй и третий тома остались неоконченными и были изданы посмертно Энгельсом.

Он основал и возглавил Первый интернационал — первую международную рабочую организацию, которая на протяжении десятилетия задавала политический вектор Европы и способствовала завоеваниям современного рабочего движения. Хотя Интернационал пережил свой упадок, его наследие сохранилось сквозь время как символ пролетарской организации.

К 1873 году, истощенный и больной, Маркс почти полностью ушел в интеллектуальный труд. Он страдал от мигреней, бронхита, плеврита и был на грани инсульта. Моменты просветления сменялись длинными периодами болезни с болями в желудке, нервными депрессиями, бессонницей и физической слабостью. Он неизменно отвергал рекомендации врачей отдохнуть, считая их несовместимыми со своим долгом перед человечеством. Маркс никогда не прекращал работать, порой забывая даже поесть, держась на железной воле и типичной эмоциональной анестезии перед лицом физических страданий.

В повседневной жизни он был общительным, веселым человеком, полным юмора и остроумия, всегда готовым принять гостей и дать совет. Больше всего поражала его способность переходить от бурного негодования к глубокому спокойствию без какого-либо видимого перехода.

Последние годы были особенно тяжелыми. В конце 1870-х годов его здоровье окончательно подорвалось. Его жена Дженни пережила долгий и мучительный рак и скончалась в 1881 году. Два года спустя, в январе 1883 года, умерла его дочь Дженни — удар, погрузивший Маркса в беспросветную печаль. С каждым днем он слабел всё больше, пока 14 марта 1883 года, в возрасте 65 лет, не скончался в своем кресле в Лондоне.

Карл Маркс был холодным и строгим ученым, способным анатомизировать общество с хирургической точностью, но одновременно и страстным борцом, человеком действия, всегда стоявшим во главе освободительной борьбы. Его величие заключалось именно в этом уникальном сочетании: светлого мыслителя и неутомимого бойца. Его самое глубокое наследие — это развитие критического мышления и самокритики. После христианства марксизм стал

идеологическим течением, сильнее всего изменившим западный мир в XX веке. Среди его заслуг — основание Интернационала, формулирование научного социализма, разработка материалистического понимания истории и открытие закона прибавочной стоимости, объяснившего динамику капитализма. Его главной целью всегда оставалось одно: не просто объяснять мир, а изменять его. И его гуманизм воплотился в одной из самых известных его фраз: «Ничто человеческое мне не чуждо».

Если бы мы рассматривали только характерологический аспект Маркса, то могли бы увидеть человека, считавшего себя вправе требовать от жены и детей жертвы всей их жизни ради воплощения своих великих идеалов. Он сам утверждает, что удовлетворение первичных потребностей является основой для развития духовной жизни, хотя, кажется, это правило не распространялось ни на его близких, ни на него самого. Верность социальным принципам всегда оставалась для него приоритетом.

В то же время Маркс заложил важнейшую основу в философии и обществе, оставив наследие, которое до сих пор вдохновляет путь «спасения» для людей, отвергнутых и эксплуатируемых капиталистической и патриархальной властью. Его мышление было одновременно провидческим и научным, а его экономический анализ и критика содержат гуманистическое видение человека, не потерявшее своей актуальности. Можно сказать, что перед нами человек, поставивший свой характер на службу благу мира, заплатив за это огромную цену

10. ЛИТЕРАТУРНЫЕ И КИНЕМАТОГРАФИЧНЫЕ ПРИМЕРЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ

ПЕДРО ПУЛЯ

«Генералы песчаных карьеров», Жоржи Амаду (1937)

Автор: Энрике Кошта

Латинская Америка — это земля, раздавленная эксплуатацией, неравенством и попранием прав человека. Возможно, в качестве реакции на эту суровую социальную реальность здесь родилась целая галерея завораживающих народных антигероев. Это неоднозначные фигуры, которые, находясь на обочине общества, в мире преступности или бунта, заявляют о себе как о защитниках бедных и символах сопротивления против правящей власти. От благородного разбойника Хесуса Мальверде в Мексике, превратившегося в неофициального святого для наркоторговцев, до мифического Гаучито Хилия в Аргентине; включая Педро Наваху — уличного преступника, увековеченного Рубеном Блейдсом, или даже грозного Пабло Эскобара, которого многие в Медельине боготворят как благодетеля народа.

Эти персонажи воплощают глубоко латиноамериканское напряжение между законом и справедливостью, властью и бедностью. Литература также возводит их в этот статус: Педро Парамо, Зорро или беспризорные дети из «Генералов песчаных карьеров» находятся на этой зыбкой границе между героем и преступником. И это не случайно: в обществах, отмеченных структурным неравенством, институциональной коррупцией и историей колониального господства, народ склонен проецировать свои стремления к справедливости и достоинству на фигуры, бросающие вызов порядку — пусть даже из беззакония, — воплощая отчаянную, порой поэтичную форму символического

восстановления власти.

Одним из самых мощных среди таких персонажей является Педро Пуля, главный герой романа «Генералы песчаных карьеров» (1937) — раннего произведения бразильского писателя Жоржи Амаду. Педро Пуля — прирожденный, харизматичный, защищающий и свирепый лидер. Беспризорный уличный мальчишка, брошенный на произвол судьбы, тем не менее развивает в себе глубокое чувство чести и справедливости. Его профиль в точности соответствует социальному подтипу 8-го энеатипа (социальной Восьмерке) в энеаграмме: боевая фигура, которая защищает своих, противостоит несправедливой власти и направляет свой гнев в русло защищающих и преобразующих действий.

Еще будучи совсем ребенком, он успел столкнуться с суровостью жизни, научиться защищаться и пробивать себе дорогу:

«У Педро Пули был шрам на лице — память о драке с матросом, который пытался его обмануть. Его светлые, почти золотистые волосы казались необычными для мулата, а в его стальных голубых глазах читалось выражение недоверия и вызова. Он ходил как человек, готовый в любой момент ринуться в бой, со сжатыми кулаками и напряженным телом, словно дикий зверь. Он был красив, но этой суровой, опасной красотой».

Жоржи Амаду (1912–2001) был одним из самых влиятельных бразильских писателей XX века. Будучи убежденным коммунистом на протяжении большей части жизни, он с ранних лет писал о социальном неравенстве, расизме, эксплуатации и жизни отверженных. Роман «Генералы песчаных карьеров» был опубликован, когда Амаду исполнилось всего 25 лет, и уже тогда в нем проявилась радикальная солидарность с угнетенными.

Консервативные круги обрушились на роман с жесткой критикой. В 1937 году сторонники режима Жетулиу Варгаса публично сожгли экземпляры книги на площади. И неудивительно: Амаду осмелился изобразить героями группу нищих детей, воровавших ради выживания. Но больше всего власть предержащих раздражал не сам факт воровства, а очеловечивание малолетних преступников, обличение системы и возможность их искупления через социальную борьбу.

Его литература — это страстная защита достоинства бедных, особенно женщин, чернокожих и беспризорных детей. В образе Педро Пули он проецирует утопический образ маргинала, который, несмотря на окружающее его насилие, способен выработать собственную этику и превратиться в борца за

справедливость.

Так, «Генералы песчаных карьеров» рисуют жизнь банды из примерно сорока осиротевших детей и подростков, выживающих на улицах Салвадора-ди-Баия. Они укрываются на старом заброшенном пакгаузе около порта. Они воруют, мошенничают, дерутся с полицией, но также играют, заботятся друг о друге и создают собственный мир со своими законами.

Это дети, изгнанные обществом, раздавленные нищетой, институциональным насилием и отсутствием возможностей. Автор не романтизирует их положение, но дает ясно понять: если они воруют, то лишь потому, что им не оставили другого выбора.

«Они перебегают пустынную улицу. Бесшумно, как тени, скользят в открытую дверь склада. Кот светит фонариком, указывая дорогу. Богомол караулит у двери. Педро Пуля указывает пальцем: сахар, рис, мясные консервы. За несколько минут они наполняют два мешка. Выходят по одному, так же тихо, как вошли. Их никто не видел. Город спит. Они — Генералы песчаных карьеров».

Структура романа представляет собой вереницу сцен, раскрывающих характер каждого члена банды. Однако эмоциональным, этическим и повествовательным центром остается Педро Пуля — их бесспорный вожак. Именно через его эволюцию роман предлагает путь искупления и трансформации: от ребенка-вора до молодого революционера. Он не навязывает свой авторитет грубой силой, хотя мог бы; его лидерство рождается из этического авторитета, выкованного в испытаниях.

Будучи сыном докера, убитого во время забастовки, Педро с колыбели несет в себе наследие социальной борьбы. Он не знает об этом в начале истории, но его гнев и обостренное чувство справедливости не случайны. Они унаследованы от боли и сопротивления его отца.

Его характер проявляется в том, как он общается с другими членами банды. В отличие от простых задир или авторитарных вожаков, Педро Пуля защищает, поддерживает и организует. Он как старший брат, стратег, воинственный лидер с глубоким сердцем.

Одна из первых сцен, где раскрывается его характер, происходит при защите Доры — единственной девочки, примкнувшей к банде. Ее появление вызывает трения среди парней, некоторые пытаются надругаться над ней. Педро

пресекает это твердо и без колебаний:

«Педро Пуля поднялся, его голос прозвучал резко и сухо: — Если кто-то хоть пальцем тронет Дору, я лицо ему искромсаю. Я не полицейский и не судья. Но теперь она — наша сестра».

Педро Пуля не терпит насилия и предательства внутри банды. Его чувство справедливости висцерально. Хотя он живет вне закона, у него есть этика, которой он не торгует. Когда один из парней, Безногий, проявляет трусость или действует из личной выгоды, Педро без колебаний противостоит ему:

«— Здесь все равны, — сказал Педро Пуля, испепеляя его взглядом. — Никто не продается за кусок хлеба. Если хочешь оставаться с нами, у тебя должно быть достоинство».

Его характер также виден в том, как он организует кражи и побеги: он думает обо всех, планирует, следит, чтобы никто не отстал. Племя — на первом месте. И когда кто-то попадает (например, Профессор, схваченный полицией), Педро делает все, чтобы освободить его, ищет союзы, договаривается, но никогда не унижается:

«Он не плакал и не молил. Педро Пуля не умел стоять на коленях. Но он оставался у стены исправительного дома как часовой, как верный пес, как вожак, который никогда не бросает своих».

Будучи ярким представителем этого характера, Педро Пуля заботится о своих и смело противостоит власти. Его главные враги — не другие банды, а полиция, судебная система, исправительные приюты и бездушные, коррумпированные взрослые.

В одной из самых сильных сцен книги Педро попадает в плен и отправляется в «исправительное» учреждение. Там вместо перевоспитания он подвергается издевательствам и унижениям. Но он не ломается. Его бьют, но не могут сломить. И когда ему удастся бежать, он возвращается к своим товарищам, туда, где его место: «Больше они никогда не возьмут его живым. Теперь он знал, как бороться. И на этот раз борьба шла не за него одного, а за всех Капитанов».

Эта перемена знаменует решающий шаг в его эволюции как социальной Восьмерки: гнев трансформируется в коллективное сознание. Его делом становится не просто личное выживание, а справедливость для всех. С этого момента он начинает сближаться с революционными идеями, с активистами,

которые рассказывают ему о классовой борьбе и социальной организации. Пуля слушает, учится и начинает планировать будущее за пределами уличных краж.

Любовь как откровение

Одно из самых значимых измерений в эволюции Педро Пули — это встреча с любовью в лице Доры, единственной девочки в банде. Их отношения складываются непросто, они далеки от романтики в привычном понимании. Оба выросли в суровых условиях, в эмоциональном вакууме. Но между ними рождается близость, которая открывает еще одну грань характера Педро: способность к глубокой нежности, которой он доселе в себе не знал.

В одном из эпизодов книги Дора тяжело заболевает, и Педро, до этого сохранявший почти непробиваемую броню силы, проявляет свою боль напрямую — без лишней сентиментальности, но глубоко трогательно:

«Педро Пуля не отходил от ее постели. Иногда он сжимал руку Доры в своих мозолистых ладонях, и тогда странная нежность струилась из его глаз. Никто не осмеливался смеяться. Даже Кот помнил, что Педро когда-то спас его от удара ножом на пристани, и держал рот на замке.

— Ты поправишься, Дора. Ты должна поправиться.

Она улыбалась пересохшими губами:

— Да, Педро... чтобы остаться с тобой...

И Педро чувствовал, как что-то сжимает ему грудь изнутри. Будто не хватало воздуха. Он никогда не знал страха. Но теперь...»

Она олицетворяет ту нежность, которую Педро научился подавлять в себе, и теперь, видя ее болезнь, на поверхность выходит глубочайшая человечность его существа: защитник, любя, обнаруживает собственную уязвимость.

Символическая и трагическая смерть Доры делит жизнь Педро на «до» и «после». Он больше не будет прежним. Но он не ожесточается, в отличие от некоторых других представителей энеатипа 8, впадающих в обиду на весь мир. Педро не становится циником. Напротив, он превращает свою боль в преданность делу.

Опыт улиц, исправительного приюта, любви и утраты готовит его к глубокой трансформации. В финальной части романа Педро знакомится с активистами, которые посвящают его в социалистические идеи. Педро распознает в них то, что уже проживал интуитивно: идею коллективной борьбы, справедливости для всех, этического бунта.

В один из финальных моментов, став юношей, он прощается со складом и со своими товарищами по улице. Он принял решение. Это символически мощный момент:

«Педро Пуля в последний раз повернулся к морю.

— Когда-нибудь Генералам песчаных карьеров больше не придется воровать, — тихо произнес он. — Когда-нибудь у них будут работа, дома, школы.

Он пошел вперед, не оборачиваясь. Шаги его были твердыми, как у человека, нашедшего путь, который больше не сотрется».

С этого момента Педро больше не ворует, чтобы прокормиться: теперь он борется за то, чтобы ни одному ребенку не приходилось этого делать. Родился революционер.

Этическая мужественность

Чтение «Генералов песчаных карьеров» до сих пор глубоко трогает меня... Педро Пуля — не идеальный герой, а человек, который борется за то, чтобы не стать жестоким, несмотря на то, что жестокость нанесла ему глубокие раны.

Этот баланс между твердостью и нежностью придает глубину его характеру. Педро Пуля воплощает в себе возможность этической, боевой мужественности, которой не нужно подчинять других, чтобы чувствовать себя сильной, а которая защищает, чтобы чувствовать себя цельной.

Роман, написанный в эпоху, когда социальный реализм был формой политического сопротивления, предвосхищает многие современные дискуссии: о беспризорных детях, криминализации бедности, роли государства и этической силе тех, кто был изгнан из системы. «Генералы песчаных карьеров» — это, по сути, революционная притча, а Педро Пуля — ее архетип коллективного искупления.

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ

ТЕМУДЖИН (ЧИНГИСХАН)

«Монгол», Сергей Бодров (2007)

Темуджин парадигматически воплощает в себе черты социального энеатипа 8: это лидер, чья жизнь отмечена коллективной миссией, движимый потребностью защитить свой народ и восстановить утраченную справедливость. С детства он проявляет бунтарство против навязываемых правил, непоколебимую уверенность в себе и боевую энергию, направленную на защиту своих, даже вопреки традициям. У него гордый характер, устойчивый к унижениям, способный преодолевать рабство и физические страдания без потери вектора своей главной цели — объединить монголов под действием нового закона. Страсть вождения проявляется в его непреодолимом импульсе завоевывать, подчинять и доминировать, неся в себе коллективный идеал справедливости, верности и достоинства для своего народа.

Но социальная Восьмерка Темуджина узнается также в его моральной бескомпромиссности перед лицом предательства, презрении к подчинению и природном инстинкте осуществления власти. Он никогда не принимает подчинения, даже перед друзьями или бывшими союзниками, потому что его авторитет строится на верности своему делу, а не на традиционных иерархиях. Его путь — это путь вершителя правосудия, который спасает своих через силу, мужество и организацию, превращая боль личного унижения в крестовый поход за коллективное достоинство.

Фильм начинается с закадрового голоса самого Темуджина, который время от

времени комментирует свой путь на протяжении действия картины, завершающейся его провозглашением Великим Ханом монгольского народа. Мы переносимся в Тангутское царство, 1192 год. Темуджин заперт в клетке в неприступной тюрьме.

Двадцатью годами ранее в степи девятилетний Темуджин едет со своим отцом и другими воинами к племени меркитов, чтобы выбрать невесту согласно монгольской традиции и во исполнение обязательства, взятого его отцом перед меркитами. Они останавливаются в дружественном племени, и там Темуджин встречает Борте, которая на год старше его. Она просит выбрать её. Он наблюдает за дружеским поединком своего отца с Дарбатаем, воином-вассалом. Темуджин сообщает отцу о решении выбрать жену в этом племени и, вопреки воле отца, публично объявляет о своем выборе в пользу Борте, тем самым разрывая договор с меркитами. В конце концов отец соглашается, и они празднуют помолвку.

Когда они возобновляют путь, то сталкиваются с группой татар, традиционных врагов. Они делят трапезу в рамках кажущегося дружеским обмена, но татары отравляют хана, который на последнем издыхании назначает своим преемником сына Темуджина. После его смерти Дарбатай берет власть в свои руки и разграбляет имущество хана. Он пытается убить Темуджина, но мать мальчика напоминает ему о монгольском запрете убивать детей. Дарбатай решает оставить его в живых и держать в плену, пока тот не вырастет, но Темуджину удается бежать.

Темуджин отправляется на поиски Борте, которая встречает его словами своему отцу: «Я должна идти с мужем». Вместе они возвращаются в дом матери Темуджина. Борте тепло принимают его мать и братья, и они проживают идиллические моменты.

Во время праздника в степи меркиты нападают на их дом. Темуджин получает ранение стрелой во время бегства; Борте подгоняет его лошадь, пока сама не попадает в плен и не оказывается в лагере врагов. Раненый Темуджин возвращается домой, где его выхаживают мать и сестра. Он проявляет высокомерие и бесчувственность, пренебрежение к другим и к самой жизни.

Вскоре он получает наказ матери отомстить за смерть отца, убив Дарбатая. Он пытается укрыться на священной горе, чтобы попросить помощи у бога Тенгри, но во время бегства проваливается под лед озера. Затем мы видим его на снегу у озера, где его спасает Джамуха — ключевой персонаж в его судьбе. С

Джамухой они заключают кровный союз: оба делают надрезы на ладонях и капают кровь в молоко, после чего выпивают его и перевязывают руки. Этот ритуал скрепляет их братство и соучастие, окрашенное жестокостью, присущей их миру.

Темуджин навещает Джамуху, ставшего могущественным ханом, и преподносит ему ценный подарок. Он просит помочь вернуть жену. Джамуха напоминает ему, что традиции запрещают воевать из-за женщины, но Темуджин настаивает: «У меня есть меч, и я могу собрать немного людей». Джамуха сомневается, но в итоге соглашается.

Они совершают набег на меркитов. Темуджин проникает в лагерь врага, замаскировавшись, и после кровавой битвы освобождает Борте, которая теперь беременна от вождя меркитов — плод мести за нарушенный когда-то брачный договор. Темуджин принимает ребенка как своего, и они празднуют победу грандиозным пиром.

Ближе к концу пьяные Джамуха и Темуджин празднуют свое братство, но Темуджин решает не оставаться под властью Джамухи и уходит вместе с Борте и своими людьми. Борте говорит ему: «В одном котле нельзя сварить две бараньи головы», намекая на то, что вождь может быть только один. Некоторые воины Джамухи дезертируют и присоединяются к Темуджину.

Увидев дезертирство, Джамуха вступает в конфликт с Темуджином. После напряженного спора они расходятся. Вскоре после этого брат Джамухи нападает на Темуджина, чтобы угнать его лошадей, но погибает в стычке.

Дарбатай приходит к Джамухе с просьбой о мести, и тот, уязвленный смертью брата, соглашается. В последующем сражении Темуджин защищает своих людей за импровизированной баррикадой. Битва разгорается ожесточенная, и в итоге Темуджин попадает в плен.

Оказавшись в плену перед Джамухой, Темуджин ведет себя вызывающе, не прося о пощаде, верный своей гордости. Он отказывается подчиниться, и Джамуха продает его в рабство, где его сажают в клетку и подвергают публичному унижению. Здесь обостряется внутренняя трансформация Темуджина, подпитываемая унижением.

Будучи рабом, Темуджин проявляет свою свирепость, убивая охранника даже в неволе. Год спустя его выкупает знатный человек из Тангутского царства и сажает в клетку в назидание другим, под охраной собак и стражников.

Тангутский монах из сострадания приносит ему еду и в итоге помогает бежать. Темуджин отдает ему амулет Борте, чтобы тот передал его жене, и обещает не разрушать монастырь, в котором хранятся священные свитки.

Пользуясь бурей, Темуджин совершает побег, добирается до священной горы и, по преданию, освобождается от колодок с помощью бога Тенгри. Монах погибает при выполнении своей миссии, но Борте находит его тело и амулет, понимая, что ее муж жив.

Борте внедряется к торговцам и благодаря своей хитрости и самоотверженности находит и освобождает Темуджина. У них рождается еще одна дочь, которую Темуджин также принимает. Наконец, Темуджин воссоединяется с семьей, но вскоре осознает свое предназначение. Здесь вновь заявляет о себе идентичность воина, зов степи. Он прощается с Борте и детьми и отправляется объединять монголов.

Вскоре он сталкивается с Джамухой в решающей битве. Несмотря на меньшее число воинов, Темуджин побеждает благодаря своей стратегии и мужеству, не испугавшись даже грозы, которой так боялись монголы. Он берет в плен Дарбатаю, но казнит его убийцу за предательство своего вождя, утверждая свой новый закон абсолютной верности.

Джамуха также взят в плен, и Темуджин прощает его, хотя Джамуха отказывается принять прощение: «Ты освобождаешь не брата, ты освобождаешь врага». Темуджин отпускает его.

В финальной сцене с Борте Темуджин смеется, вспоминая, что это она выбрала его. Затем он отправляется исполнять свое предназначение: объединить все монгольские племена под властью нового закона. Его спрашивают, хочет ли он знать свою судьбу, на что он отвечает: «Мне не нужен твой ответ, старик, потому что я и так знаю свое будущее».

В 1206 году Темуджин провозглашен Великим Ханом всех монголов. Он разрушает Тангутское царство, но щадит монастырь, выполняя данное обещание.

Финал картины укрепляет мифический образ непоколебимого героя, лидера, который поднимается из унижения и невзгод, чтобы изменить судьбу своего народа. Честолюбие Темуджина носит не только личный характер: он воплощает коллективную судьбу, объединение монголов под знаменем справедливости, верности и нового закона. Так замыкается круг: от мятежного мальчика к

Великим Хану, от униженного раба к освободителю, от чужака без племени к основателю великой нации.

11. АНЕКДОТЫ И КАРИКАТУРЫ

— А те, кто не

согласен, пусть сделают шаг вперед.

— Мы свергли

тирана!

— Можете
продолжать
работать.

Правитель:

— Или мы, или хаос!!

Толпа:

— Хаос! Хаос!!

Правитель:

— Всё равно, хаос — это тоже мы.

12. ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ И ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Путь трансформации социального энеатипа 8 — это прежде всего процесс гуманизации и выравнивания в правах с другими людьми. Этот подтип,

определяемый страстью вождения, видоизмененной социальным инстинктом, склонен выстраивать свою жизнь вокруг миссии, силы и защиты. Его компульсивное стремление вращается вокруг заботы, опеки, поддержки и защиты.

Однако под этим фасадом защитного всемогущества бьется эмоционально голодный ребенок, испытывающий глубокое недоверие к миру и обладающий чувствительностью, которую часто отрицают, подавляют или превращают в грубую силу. Социальный Е8 живет в постоянном напряжении: импульс защищать и доминировать делает его столпом своей общины, но эта же ответственность отдаляет его от самого себя. Окружающие теряют для него человеческие качества, превращаясь скорее в объекты его собственности. Соучастие, к которому он стремится, представляет собой односторонний пакт, который только он волен заключать и расторгать.

Первый шаг к трансформации — это признание истощения от жизни по такому шаблону. Когда социальный Е8 начинает осознавать, что его образ жизни становится ригидным, контролирующим или авторитарным, открывается пространство для самоосознания. Самообман под лозунгом «я делаю это ради других» больше не работает, когда в глубине души его реакции пропитаны потребностью в доминировании, гиперактивностью и страхом перед уязвимостью. Путь изменений для социального Е8 заключается в том, чтобы оставить позади зависимость от интенсивности и гиперстимуляции — будь то в работе, сексе или активизме, — и обрести менее реактивную силу: более спокойную, менее агрессивную и более любящую.

Прежде всего, человеку этого энеатипа необходимо осознать, что его способ защиты авторитарен в том смысле, что он не принимает во внимание мысли и чувства другого человека и может его подавлять. Поэтому ему придется признать ошибку восприятия в своей интерпретации реальности, согласно которой его действия всегда опираются на неоспоримые доводы и непреложные истины.

Трансформация начинается с возвращения себе права на покой. Это возвращение к телу, к дыханию, к безмятежности, к наслаждению здоровой интенсивностью без впадения в крайности избытка или в скуку пустоты. Социальный Е8, который привык отождествлять себя с идеалом справедливого воина, начинает открывать для себя прелесть того, что не нужно воевать из-за всего на свете, мудрость невмешательства и облегчение от того, что больше не нужно нести на своих плечах миссию по удержанию всего мира. Он учится отличать осознанный, смиренный и основанный на сотрудничестве авторитет от

защитного, реактивного и собственнического доминирования.

Но это непростой переход. Первое серьезное препятствие — недоверие к жизни и к людям. Панцирь социальной Восьмерки выстраивался именно на реальном (пусть и не вполне осознанном) опыте враждебного мира, в котором открыться означает пойти на риск, а потерять бдительность — быть уничтоженным. В терапии ключевая задача состоит в создании достаточно безопасного, аутентичного и доверительного пространства, где этот панцирь может начать ослабевать. Главное — не говорить Восьмерке, что она должна доверять, а позволить ей постепенно прочувствовать на опыте, что она может показать свою уязвимость, не будучи поглощенной или униженной. Контакт с искренним, прозрачным и лишенным двуличия терапевтом или группой — это первое великое лекарство.

По мере того как социальный Е8 начинает расслабляться, он может пережить неизведанное ранее ощущение: мягкость. Перед ним открываются двери в эмоциональный регистр, который годами считался признаком слабости. Трансформация не подразумевает потерю силы, она заключается в интеграции силы с нежностью, мощи с восприимчивостью. Когда избыток уходит, природная сила Е8 предстает в своем самом прекрасном выражении, смешиваясь с деликатностью и спокойствием.

Этот процесс требует, однако, разрушения ряда внутренних убеждений. Социальный Е8 должен научиться распознавать, когда его импульс защищать исходит из защиты, а когда — из подлинных ценностей. Ему необходимо пересмотреть свою потребность быть впереди, всегда вмешиваться, брать на себя ответственность за всё. Придется поработать с зависимостью от контроля и избытка: дышать перед тем, как действовать, выдерживать паузу перед принятием решений, заменять «я должен» на «хочу ли я и нужно ли мне это делать?». Практиковать отдых как акт самосострадания, а не как предательство своей роли защитника.

Телесная практика имеет ключевое значение на этом пути. Социальная Восьмерка накапливает энергию подобно ядерному реактору; ее тело постоянно гипертонично, всегда готово к бою. Техники глубокого расслабления, медитация, йога, свободный танец, осознанное дыхание и соматические практики помогают снять физический панцирь, позволяя ослабить и эмоциональный. Для воссоединения с некомппульсивным удовольствием, внутренним благополучием и физиологическим покоем рекомендуются занятия, способствующие выработке серотонина и окситоцина: массаж, физический

контакт, осознанная сексуальность, сенсорное наслаждение.

«Большей частью своего возвращения к жизни в теле я обязана месяцам, проведенным в Эсалене — через театр, импровизацию, танец, служение и общину, которая стала семьей. Ирония судьбы заключалась в том, что рак пришел как раз на пике этого возвращения в тело. В том лесу ключевым моментом стала медитация. Тем не менее мне потребовалось много лет, чтобы обрести по-настоящему новое начало, потому что до этого я годами медитировала без глубокой связи, цепляясь — из доверия к Клаудио — за то, чему на самом деле еще не научилась. Но я соединилась с этим, как это часто бывает, благодаря толчку от боли утраты и страха».

МАРИЛЕНА

По мере продвижения социальной Восьмерки в процессе трансформации перед ней встанет задача примерить на себя радикально иную социальную роль. Речь теперь идет о том, чтобы вести за собой людей не через пугающую силу или непререкаемый авторитет, а через осознанное присутствие, активное слушание и сотрудничество. Один из важнейших уроков заключается в открытии того, что можно оказывать влияние, не подавляя, защищать, не контролируя, и направлять, не навязывая.

Это требует глубокой внутренней перестройки. Необходимо пересмотреть бессознательную веру в то, что единственный способ поддерживать своих близких — быть неуязвимым и всемогущим. Через терапевтическую работу — особенно в групповых пространствах — человек обнаруживает, что может внушать больше доверия, показывая свои сомнения, признавая свои ограничения и оставляя место для ошибок. Когда он способен открыть свое сердце, показать свою человечность без масок, его харизма становится мощнее, потому что теперь она наполнена теплотой и подлинностью.

Когда социальный Е8 достигает лучшего управления своей энергией, когда он культивирует больше пространства для покоя и снижает интенсивность, его сила воспринимается другими без чувства вины, потому что это больше не подавляющая сила, а твердая, любящая и основанная на сотрудничестве энергия.

Центральной частью трансформации являются отношения с гневом. Для социального Е8 гнев долгое время был двигателем жизни: он защищал

справедливость, указывал на коррупцию, оберегал слабых. Но часто он также служил панцирем, мешающим соприкоснуться с грустью, нежностью или страхом. Терапевтическая работа помогает отличить здоровый, утверждающий, справедливый гнев от гнева защитного, реактивного и разрушительного. Научиться чувствовать его в теле, дышать им, выражать его без насилия, сдерживать его, когда он несоразмерен, и направлять в конструктивное русло — это важнейший шаг.

Еще один фундаментальный аспект — отношения с группой. Социальная Восьмерка склонна защищать свою общину, но часто делает это с позиции превосходства. Внутренняя работа заключается в том, чтобы отказаться от роли «всемогущего отца» и стать частью племени. Открыть для себя горизонтальные отношения, разделять обязанности, делегировать полномочия, давать слово другим и получать удовольствие от коллективного роста. Такие пространства, как групповая терапия, участие в совместных проектах или вовлечение в общинную деятельность, где он выступает не как единственный лидер, а как равный среди равных, оказывают глубокое трансформирующее действие. В конечном счете трансформация принесет свои плоды в виде перехода от авторитарного патернализма к истинному служению другим.

«В начале процесса переход от индивидуальной терапии к групповой сыграл решающую роль, позволив мне признать внутренние противоречия, признаться себе в склонности к двуличию, обнаружить проекции и безумные идеи. Я слишком привыкла доминировать в спорах и выстраивать удобные для себя нарративы, чтобы развиваться в индивидуальной терапии. В группе же я чувствовала себя совершенно дезориентированной и во многих отношениях хрупкой».

МАРИЛЕНА

Практический ключ к облегчению этих изменений — развитие активного слушания. Социальному Е8 трудно по-настоящему слышать другого: он склонен прерывать, поправлять, договаривать за других. Умение слушать, не забегаая вперед, без необходимости во что бы то ни стало быть правым, без навязывания своей точки зрения открывает новое пространство в отношениях. Ассертивное общение, честное выражение эмоций без нападок и обесценивания, осознанное использование языка тела (расслабление доминирующей позы) — это навыки, укрепляющие лидерство, основанное на сотрудничестве.

Тело по-прежнему остается важнейшим порталом в этом процессе. Занятия, интегрирующие тело, эмоции и разум, позволяют социальному Е8 почувствовать силу через внутреннюю связь, а не через внешнее давление. В этом помогают осознанные боевые искусства (такие как айкидо), практики свободного движения (например, «5 ритмов» или экстатический танец), тантрические практики, гармонизирующие мощь и чувствительность.

Деликатный аспект — это воссоединение с уязвимостью. Привыкнув отрицать свои слабости, социальный Е8 может быть склонен к гиперкомпенсации или к возникновению чувства вины при соприкосновении со своими самыми хрупкими зонами. Крайне важно понять, что проявление человечности не ослабляет его перед группой, а делает его более надежным и заслуживающим доверия. Самосострадание становится ключевым инструментом: важно научиться быть добрым к самому себе, признавать свои потребности в отдыхе, нежности, поддержке, не впадая в безмерную требовательность к себе.

Трансформация социальной Восьмерки также влечет за собой глубокий экзистенциальный пересмотр. Этот характер обычно настолько занят защитой, решением проблем и удержанием своих дел, что забывает спросить себя, в чем же заключается конечный смысл его жизни помимо борьбы. Именно здесь открывается плодотворное поле для духовного роста. Духовность социального Е8 на начальном этапе обычно не является созерцательной: она выражается в борьбе за справедливость, преданности своим близким, преобразующих действиях. Однако процесс исцеления приглашает его пойти дальше действия, открыть для себя красоту тишины, созерцания, надеяния.

«Последовавший за этим кризис идентичности поначалу шел по болезненному пути признания и деидентификации, особенно с патриархальной системой, но оставался слишком неудобным, болезненным и потенциально отчуждающим, если только не сопровождался конструктивной работой по повторной идентификации с чем-то. На этом этапе я заменила грандиозность грандиозным самопрезиранием, которое, однако, едва не превратилось в тщеславие монстра».

МАРИЛЕНА

Практика медитации, особенно направленная на заземление и присутствие (такая как светская осознанность, випассана или дзен), глубоко целебна для трансформации интенсивности в питательную энергию. Эти практики помогают

социальному Е8 выйти из своего компульсивного шаблона вмешательства и прочувствовать на опыте, что жизнь может течь сама по себе без его постоянного надзора. Прямое переживание настоящего, без осуждения и контроля, облегчает доступ к внутреннему состоянию мира и открытости. Следующий шаг будет заключаться в переходе к медитативной форме, которая включает в себя восхищение любовью, созерцание священного и принятие тайны.

«Медитация — это повторная идентификация со своим истинным "Я", с тем, кто наблюдает за маской и моими интегрированными субличностями, которые не должны довлеть; с тем, у кого есть пространство и время перед тем, как отреагировать и погрузиться в чувство; кто бережно возвращает терпение, чтобы позволить изменениям происходить без манипулирования ими, без управления ими или их ускорения. Медитация — это мягкая школа неудач, которая исцеляет не только от овеществления, но также от амбиций и стыда любить себя. И больше нет ожидания "достичь чего-то"».

МАРИЛЕНА

Работа с трансцендентностью позволяет социальной Восьмерке отпустить фантазию о всемогуществе. Признание того, что он не контролирует всё вокруг, что жизнь движется в более обширном порядке, чем его воля, дарует ему внутренний покой. Это переход от защитного всемогущества к смиренной сдаче. Из этой точки Е8 открывает для себя зрелую духовность: он больше не борется за то, чтобы изменить абсолютно всё, а открывается глубокому доверию к процессу жизни. Это изменение снижает уровень стресса, чувство вины и компульсивное стремление постоянно вмешиваться.

Другой важный аспект в этой точке — пересмотр личной миссии. Социальный Е8 живет в ловушке идеи о том, что он незаменим, что без его участия все рухнет. Трансформация подразумевает открытие того, что мир продолжает вращаться, даже когда он отдыхает, что его ценность обусловлена не тем, что он делает, а тем, кем он является. Многие люди этого характера с удивлением обнаруживают, что их наибольший вклад в мир происходит тогда, когда они находятся в покое, когда они вдохновляют своим безмятежным присутствием, а не компульсивным напором. Обращение к философии недвойственности может оказаться весьма откровенным в этом отношении.

Еще одно важное измерение — это возвращение к получению удовольствия. Постоянная интенсивность привела к тому, что социальная Восьмерка потеряла чувствительность к простым радостям жизни. Возвращение способности радоваться повседневным вещам — важная веха в его трансформации: наслаждаться разговором без необходимости в чем-то убеждать собеседника, неторопливой едой, бесцельной прогулкой. Заново учиться удовольствию без жадности, отдыху без чувства вины, паузе без тревоги. Здесь очень полезна интеграция осознанных гедонистических практик: массаж, общение с природой, кулинария, негенитальная сексуальность, художественный или сенсорный опыт, ориентированный не на результат, а на чистое наслаждение.

Телесный аспект по-прежнему остается центральным: такие техники, как терапевтический массаж, холотропное дыхание или биоэнергетическая работа, позволяют снять хроническое напряжение, разблокировать эмоции и воссоединиться с живым, а не только функциональным телом. Телесная терапия помогает разрушить панцирь, который человек носил годами, способствуя более подлинному контакту с самим собой и с другими. Это помогает пробудить онемевшее и закаленное тело к более тонкой чувствительности, которая служит для воссоединения физических ощущений с эмоциями, так чтобы человек учился давать себе необходимое время для осмысления пережитого, не поддаваясь импульсу к действию.

Отношения с сообществом также трансформируются. Социальный Е8 учится не нести всё на своих плечах, делегировать полномочия, доверять силе сети. Он может почувствовать на опыте, что ему не нужно быть видимым лидером, чтобы оказывать влияние, что его присутствие может поддерживать процессы из тени, через содействие, через вдохновение. Некоторые социальные Е8 после глубокой внутренней работы находят удовлетворение в более спокойных ролях, таких как наставник, мудрец, друг, вместо того чтобы увековечивать фигуру вождя или начальника.

Финальный ключ на этом отрезке процесса — работа с понятием границ. Социальному Е8 необходимо заново понять, что отстаивание границ не всегда является синонимом конфронтации. Он может сказать «нет» из соображений заботы о себе, без необходимости проявлять жесткость. Точно так же открытость не означает растворение в другом: он может любить и быть любимым, может плакать и показывать свою чувствительность, не теряя достоинства. Задача состоит в том, чтобы оставить позади ригидность, не впадая в незащищенность; открыть для себя новый способ присутствия в мире: сильный и нежный, твердый и сострадательный, лидер и соратник.

Терапевтические рекомендации

Терапевтическое сопровождение этого характера должно обладать очень специфическим качеством: любящей твердостью. Этому характеру необходимо чувствовать ясную, стабильную, честную и безопасную обстановку, чтобы начать ослаблять бдительность. Он не реагирует на угодничество или снисходительность, но отвергает нападки, навязывание правил или манипуляции. Терапевт, проявляющий цельность, не скрывающий свою человечность, способный поддерживать прямые и честные отношения, облегчит этот процесс.

В клинической практике наиболее эффективны направления, сочетающие телесную, эмоциональную и когнитивную работу. Гештальт-терапия, благодаря своей способности идти напрямую в «здесь и сейчас», конфронтировать из аутентичности и открывать пространство для эмоций, особенно полезна. Биоэнергетический подход или глубокие телесные терапии могут помочь разблокировать мышечные зажимы, в которых социальный Е8 хранит невыраженный гнев или подавленную уязвимость.

Работа в группе обладает огромным потенциалом для этого подтипа. Хотя поначалу это может вызывать сопротивление — из-за страха предательства, осуждения или проявления слабости, — как только группа доказывает, что является безопасным и аутентичным пространством, социальный Е8 получает огромный ресурс от этого взаимодействия. Опыт того, что он может разделять лидерство, что ему не нужно быть первым или самым сильным, что он может проявлять себя со всех сторон, не будучи отвергнутым, оказывает глубокое исцеляющее действие.

В числе наиболее полезных инструментов выделим следующие:

- Активная медитация, например практики Ошо или осознанные движения, помогающие переработать избыток энергии перед переходом к тишине.
- Медитация осознанности (майндфулнес), облегчающая присутствие без необходимости контролировать происходящее.
- Развитие чувства священного. Открытость к восхищению другим человеком и тайной жизни.
- Осознанное дыхание, включая холотропное дыхание или техники интегративного дыхания, для высвобождения накопленных эмоций.

- Терапевтическое письмо, помогающее различать, когда импульсы продиктованы защитой, а когда являются выражением подлинных ценностей.
- Терапевтический театр, особенно клоунада, помогающие социальному Е8 посмеяться над собственной ригидностью и драматизмом.
- Тантрическая работа, не обязательно связанная с сексуальной сферой, а направленная на сенсорное раскрытие, связь с телом и полное присутствие.
- Терапии повторного родительства, такие как Процесс Хоффмана, помогающие установить контакт с израненным внутренним ребенком, привнося сострадание и регуляцию в структуру характера.
- Практика добродетели невинности. Признание того, что он был ребенком, а будучи ребенком — чистым и невинным; освобождение от самоопределения себя как «плохого». Признание невинности в других людях, чтобы разрушить безумную идею о том, что любой, кто действует не так, как он ожидает, предаст его.

Что касается терапевтических отношений, терапевт должен сохранять баланс между тем, чтобы не подчиняться власти Е8, и тем, чтобы не бороться с ней. Речь идет о том, чтобы открыть пространство для его чувствительности и уязвимости, не пытаясь сломить его. Юмор — очень мощный инструмент: совместный смех разоружает защиту быстрее, чем прямая конфронтация. Также важно помнить, что социальный Е8 нуждается не в постоянном исправлении, а в сопровождении на пути поиска более мудрого способа выражения своей колоссальной энергии.

«Путь с Клаудио Наранхо открыл двери из тюрьмы силы, обнажив цену ношения панциря, вред, наносимый отношениям, воинственное использование искренности и, прежде всего, ту великую нежность, которая ускользнула вместе с жизнью».

МАРИЛЕНА

Трансформация закрепляется, когда социальный Е8 больше не чувствует потребности быть «больше», чтобы обладать ценностью; когда он открывает для себя радость покоя; когда его сила становится благосклонной, а не подавляющей; когда его лидерство осуществляется через слушание и

сотрудничество; когда сообщество признает его как за его мощь, так и за его человечность.

Именно тогда социальный E8 обретает свою истинную силу: способность любить без страха, поддерживать без гиперопеки, направлять без доминирования и вести за собой, не затмевая никого вокруг.

Интегрируясь, социальный E8 становится маяком достоинства и нежности, лидером, чье безмятежное присутствие успокаивает и укрепляет группу. Ему больше не нужны адреналин или компульсивная интенсивность, чтобы чувствовать себя живым. Он находит полноту в равновесии: силе, которая заботится, не вторгаясь; страсти, которая не поглощает; щедрости без самопожертвования. Именно тогда его огонь, прежде бушевавший без контроля, превращается в теплое солнце, которое дает жизнь, освещает и направляет из подлинности и любви.

Свидетельство трансформации: краткое интервью с Эванией Райхерт

(интервьюер Давид Барба)

Что изменилось? Что осталось в прошлом?

«Я изменила очень многое: сегодня, в свои 70 лет, я более центрирована, менее склонна бросать вызов, испытываю меньше потребности в бунтарстве, меньше убеждена в своей правоте и силе. Я стала спокойнее, моя жизнь стала лучше.

На протяжении многих лет я работаю со словом "ожидание", позволяя вещам идти своим чередом без постоянного вмешательства. Хотя я все еще задаюсь вопросом: как не действовать, когда действие необходимо? Я продолжаю исследовать этот вопрос.

Я полностью избавилась от зависимости от адреналина в скорости, сексе и работе. Теперь я предпочитаю мягкую интенсивность жизненной силы, которая отличается от бурлящего адреналина».

Что вам помогло и что бы вы порекомендовали другим социальным E8?

«Я думаю, что личностный рост проходит через познание наших автоматизмов и сокращение компульсивных действий. Мне нужны мир и покой, чтобы быть собой. Мне нравится думать о себе как о сильной женщине, когда эта сила смешивается с деликатностью и

спокойствием. Проблема заключается в избытке: это как перегрузить лицо слишком ярким макияжем, из-за чего теряется естественная красота.

Моя работа состоит в том, чтобы уменьшать избыток, меньше действовать, иметь меньше стопроцентных уверенностей, дольше выдерживать паузу перед действием. Также важно переносить скуку, которая возникает, когда спадает интенсивность. Я проживаю парадокс: я отвергаю прежний адреналин, но также не выношу скуки статики. Я ищу точку саморегуляции: быть живой и интенсивной, но при этом спокойной и умиротворенной».

В чем заключаются сопротивления социального Е8 проявлению уязвимости?

«Главное сопротивление — это недоверие к миру, который не уважает уязвимость. Есть страх открыться, довериться и быть преданным, почувствовать себя беззащитным. Чтобы открыться, Восьмерке нужно почувствовать, что другой человек надежен, искренен, уважителен и не использует ее уязвимость против нее самой».

Какие практики самосострадания могут помочь социальному Е8?

«Ключ — это покой, снижение интенсивности и ненасытности. Фундаментально важно глубокое самопознание, включающее тело: нужно понять, кто именно живет в этом теле, заряженном адреналином, но испытывающем дефицит спокойствия.

Медитативные практики, осознанная сексуальность и все, что способствует безмятежности, открывают сердце Восьмерки, облегчая искреннее сострадание к себе и к миру. В безопасном терапевтическом пространстве Восьмерка обнаруживает, что обращение к своей чувствительности не делает ее слабее; напротив, это позволяет ей выражать свою здоровую силу без необходимости доминировать».

Как отличить подлинные ценности от защитных механизмов?

«Когда человек навязывает свое мнение или проявляет сарказм, он находится на службе у своего эго, стремясь показать себя сильным и доминирующим. В контакте с подлинными ценностями у него нет необходимости выделяться или быть лучше кого-то. Он может находиться на позиции лидера, но это лидерство будет

демократичным, справедливым и основанным на сотрудничестве, объединяющим людей и помогающим другим благодаря его широкому и точному видению вещей».

Как получать удовольствие от отдыха без чувства, что предаешь свою роль?

«Понимая, что он не контролирует ни жизнь, ни этот мир. Признавая, что его правда — это не истина в последней инстанции; что его способ делать вещи и действовать в мире может быть очень хорош, но он не единственный. Что существует множество других, совершенно иных путей, которые также могут привести к той же цели — возможно, гораздо более легким путем, чем его собственный».

АВТОБИОГРАФИЯ

СЛАДКАЯ И СУРОВАЯ БОРЬБА ЗА ТО, ЧТОБЫ СТАТЬ СОБОЙ

Автор: Эвания Райхерт

Я родилась на крайнем юге Бразилии, в колонии немецких иммигрантов, через десять лет после окончания Второй мировой войны. Говорят, я родилась самой холодной ночью зимы 1955 года. Это были естественные роды, на дому. Моя мать, Люсия, и мой отец, Арлиндо, уже имели другого ребенка, моего единственного брата, которому тогда было восемь лет. Они жили в простом деревянном доме, выкрашенном белой известью, окруженном множеством цветов, которые выращивала моя мать. Дома мы говорили только по-немецки, как и все остальные потомки иммигрантов. Я тоже говорила так до четырех лет.

Люсия, моя мать, была душой художника. Все, что она делала, было красивым и творческим: цветы, которые она сажала, сладости, которые готовила, воображаемая одежда, которую шила, вышивки, вязание. Она шила прекрасные шелковые платья для моих кукол. Со временем она стала признанной портнихой, шившей свадебные платья. Однако Люсия никогда не чувствовала себя счастливой. Все, что она делала и переживала, сопровождалось страданиями, усилиями, жалобами и слезами. Многие дни она заливала все вокруг взрывами своего гнева.

Я провела свое детство, пытаюсь — тщетно — облегчить страдания моей матери. Дома я носилась туда-сюда, чтобы все оставить чистым и красивым. Я копила весь год, чтобы купить к каждому Рождеству новую кастрюлю для кухни. Я заворачивала ее в специальную бумагу, с елочными шарами и красными атласными лентами, как на картинках в журналах. Но мне так и не удалось увидеть ее счастливой, ни разу. Люсия, несомненно, была E4 самосохранения. Сегодня я понимаю, что она не знала, не могла показать себя счастливой. Мне потребовалось много времени, чтобы понять, что, как бы я ни старалась, я не могла изменить это в ней. Что это не зависело от того, что происходило снаружи, ни от меня, ни от кого-либо еще.

Арлиндо, мой отец, был спокойным человеком, неспособным сказать «нет», пассивным, рассеянным, отстраненным. Он любил море, хорошие вещи в жизни, общение с людьми, с семьей. Я думаю, моя мать использовала его, чтобы оправдать свою привязанность к страданиям, но он же был тем, кто облегчал ее боль. Когда ее охватывала ярость, он шел следом, как пожарный, тушить пламя. Я думаю, он был 9 социальным. В моем детстве отец был моим островком покоя и радости. Его спокойствие позволяло мне отдыхать. Я интерпретировала его пассивность как великую добродетель: чистую доброту, думала я.

Мне потребовалось довольно много времени, чтобы обнаружить, что бездействие и пассивность Арлиндо сыграли решающую роль в том, что я очень рано развила в себе преобладающие черты автономии и независимости, до такой степени, что, будучи еще ребенком, я стала одной из опор дома. Моя асимметричная спина появилась в семь лет. Сегодня я понимаю, что боли в спине были сигналами: я была слишком мала, чтобы нести такой груз. Но в то время мои родители не могли этого видеть. Именно в этом возрасте мы потеряли все, даже дом, где жили. В тот момент моя мать впала в глубокую депрессию. Из-за этого я перестала говорить о своих болях.

Говорят, что в первые годы я была очень нежной и спокойной девочкой, в отличие от моего брата, который постоянно выводил мать из себя. Дома был один кожаный предмет, почти мифический: белый тапок, символ материнского наказания. «Лучше веди себя хорошо, а то получишь белым тапком», — угрожала моя мать. Мой отец никогда не кричал и не бил нас. Но он и не мешал маме — в моменты ее ярости — оставлять на нас жгучие следы, особенно на моем брате, который получал больше всех. Возможно, поэтому, когда мне исполнилось три года, я начала убегать из дома.

У меня есть смутные воспоминания о желании выйти на улицу. И о том, как я тайком брала мамины портновские ножницы, чтобы перерезать сизалевую веревку, закрывавшую ворота. Не знаю, делала ли я это на самом деле. Просто рассказывают, что я убегала много раз. Во время одного из худших побегов я ушла довольно далеко от дома и несколько часов просидела в картонной коробке в здании почты. У меня есть смутное воспоминание об этой коробке, об ощущении течения времени, о том, как я представляла, что родители ищут меня, и о страхе остаться там одной.

Люсия и Арлиндо были частными предпринимателями, приехавшими из деревни в город в поисках лучшей жизни. Оба заботились о детях, о доме и о семейном доходе. В моем доме работа не делилась по гендерному признаку, как было принято в то время. Мой отец тоже готовил, мыл посуду и делал все по дому. Моя мать тоже работала вне дома, стараясь увеличить доход. Мы с братом должны были помогать по дому. Он всегда уклонялся от обязанностей, и каждый раз, когда он это делал, чувствовал жар белого тапка. Иногда удары получала и я, не сделав ничего плохого. В отличие от брата, я старалась, много работала и организовывала все. Так я завоевывала уважение, ценность и власть в доме.

Страдания и нервное состояние моей матери были центральными в моем детстве. Люсия, через свою постоянную боль, была главной героиней нашей

жизни. Сейчас, когда я пишу, я думаю, что мы с отцом жили как вертолеты, кружащие вокруг нее. Он — как пожарный; я — в превентивной роли, делая все возможное, чтобы она снова не расстроилась. Мой брат, самый критикуемый, самый наказанный, не хотел ничего знать. Сколько я себя помню, он всегда был как намыленный карп: ускользал от боли, от обязанностей, от семьи. Я думаю, он был E7 самосохранения.

Я никогда не могла бы сказать, что не получала любви и ценностей от своих родителей. Я думаю, в этом корень противоречия, которое живет во мне. Искренняя любовь моих родителей не смогла защитить меня от них самих, преданных собственными чертами характера, активной бессознательностью их личных историй. Оба честно старались, я знаю. Но в те годы, когда я была ребенком, они не смогли. Из-за ограничений, сформировавших их характер, но также из-за социально-политических и экономических условий, которые отметили большую часть моего детства.

Пока я пишу, я осознаю, что чувствую вину за раскрытие этого секрета: что они не смогли защитить меня из-за своих личных ограничений, своего характера. И что дело было не только в том, что послевоенный период, диктатура или банкротство лишили их возможности заботиться обо мне. Я признаю, с едва отрицаемым стыдом, что я была девочкой, которая начала защищать своих родителей с очень раннего возраста. И что я, как ребенок, не должна была занимать это место. Мне до сих пор трудно сказать так, публично, что я была незащищенным ребенком.

Решимость, сила и контроль формировались во мне как мера предосторожности. Чтобы предотвратить что-то еще худшее, что могло обрушиться на нашу семью. Это не входило в мои детские идеалы и не умещалось в моем детском теле. Перед лицом такой миссии я сжимала в груди печаль, страх, стыд и ярость. До сих пор часть меня чрезвычайно хрупка и чувствительна. Та, что не могла быть тем, кем была на самом деле. Потому что ей пришлось свернуть с пути своей сущности, своей изначальной природы. Ей пришлось сменить свои шелковые платица на прочную, грубую одежду, способную выдержать лавины жизни.

Я всегда использовала аргумент социальной реальности, чтобы оправдать свою детскую незащищенность. Я всегда борюсь за социальные и политические преобразования, как будто именно они — и только они — являются истинными виновниками того, что происходит с семьями и незащищенными детьми мира. Я вижу, что моя склонность — отрицать небрежность моих родителей, преуменьшая их ответственность за то, что я стала взрослой, будучи еще

ребенком. Моя ярость легко проецируется на политическую и социальную систему. Легко указывать пальцем на мир. У меня есть веские аргументы, чтобы обвинять систему, правительства и общество в жестокости по отношению к незащищенным.

В начале этого текста я сказала, что родилась через десять лет после окончания Второй мировой войны, потому что это важно. Нацизм Гитлера вызвал глубокие социальные травмы у потомков немцев в регионе, где я родилась и выросла. Туда не долетели физические бомбы, но долетели психологические. Даже простые фермеры, по другую сторону мира, которые даже не знали, что значит быть нацистом или фашистом, страдали от косвенных последствий войны. На юге Бразилии иметь немецкий акцент или не уметь говорить по-португальски стало синонимом нацизма и причиной стигмы и преследований.

В 1941 году был введен запрет на использование немецкого языка в Бразилии, что привело к закрытию школ и культурных клубов немецких общин, где подавляющее большинство людей говорило только на своем родном языке. Наши дома с фахверковыми конструкциями, типичными для немецкой архитектуры, были быстро облицованы цементом, чтобы скрыть происхождение. Страх, унижение и стыд заставили людей замкнуться в своих маленьких убежищах безопасности. Чувство неисправленной несправедливости было покрыто толстым слоем гордости.

В германо-бразильской культуре, где я родилась и выросла, стены домов мыли и красили каждый новый год. А сады всегда были цветущими и ухоженными. По крайней мере, в этом не было разницы между бедными и богатыми. Однако существовали заметные расовые различия, полярности, отмеченные стигмой. Народные поговорки, такие как «чистый дом, полный цветов — это по-немецки» и «грязный, неорганизованный дом без цветов — это по-бразильски», подкреплялись внутри семей. На другом полюсе, за пределами колоний, сепаратизм, сопровождаемый насмешками и хохотом, говорил: «немцы грубы, не умеют говорить по-португальски, все нацисты».

Полярность, культурная стигма сохранялись в послевоенные десятилетия. И немецкие общины еще больше замкнулись в своих убежищах. Когда я пошла в начальную школу, в шесть лет, я все еще говорила с немецким акцентом. Другие девочки и мальчики тоже, но некоторые ребята из центра города хорошо говорили по-португальски. Они смеялись над нами каждый раз, когда мы говорили дера вместо терра. Когда я перешла во второй класс, я познакомилась с Вани. У нее были красивые волосы и светлые глаза, но она носила слишком мешковатую одежду, была неуклюжей и имела лишний вес. Поэтому она

страдала от травли каждый день. Мальчишки толкали ее в лужи на школьном дворе и стирали наши рисунки на песке.

Однажды на перемене мы с Вани рисовали улиток на земле, и снова пришли мальчишки. Они спустили моей подруге юбку, оставив ее в нижнем белье. Кроме хохота, они кричали: «Толстая Вани, страшная Вани!». Я не совсем понимаю, как мне удалось сделать то, что я сделала. Но когда один из них снова подошел, чтобы толкнуть Вани, я подбежала к нему, оттолкнула его и закричала: «Хватит!». Мальчик упал на землю, удивленный силой моего толчка. Я тоже удивилась. С дрожащим телом и глазами, полными ярости, я встретила их, пока моя подружка плакала. На некоторое время они перестали унижать Вани.

В дополнение к послевоенной атмосфере сепаратизма, в марте 1964 года в Бразилии произошел военный переворот, установивший особенно суровый диктаторский режим, продлившийся более двух десятилетий. В день переворота мне было восемь лет. Вскоре после этого экономический кризис поразил мою семью. У моих родителей уже был собственный дом, довольно красивый, с огромным осиным гнездом. Говорили, что оно приносит удачу, защищает от сглаза. Моя мать решила оставить гнездо там. Но гнездо нас ни от чего не защитило. В этом доме мы пережили полный крах за несколько лет.

Я думаю, мой отец, возможно, сделал шаг, к которому был не готов. Он купил дом, который, возможно, был слишком дорогим, построил обувную фабрику на заднем дворе. Он стал мелким предпринимателем. Я так и не поняла до конца, что привело нас к банкротству. Скорее всего, Арлиндо был слишком щедрым или наивным. Некоторые его обворовали, другие обманули. Он обанкротился. Он задолжал, но расплатился со всеми работниками. Мы потеряли все: дом, фабрику, машину, кровати, телевизор, радио и холодильник. В то время это было так: в случае банкротства кредиторы могли забрать абсолютно все.

Я помню, как сегодня, с полной ясностью, сильных мужчин, вошедших в наш дом. Я пряталась в комнате, с выключенным светом, подглядывая в щелку двери. Моя мать стояла в гостиной и плакала, пока мужчины грузили мебель в грузовик. Мой отец пытался успокоить ее, но был так же взволнован, как и она. Они забрали все, оставив только матрасы, кухню, кастрюли, тарелки и столовые приборы, а также несколько картонных коробок с нашей одеждой. Мне также оставили моих кукол. Я спрятала их в своей плетеной коляске, накрыв одеялом.

В моей памяти это последняя сцена, которую я помню в том доме. Я много раз пыталась вспомнить, что произошло, когда те мужчины — казавшиеся мне великанами — уехали на своем опустошающем грузовике. Что я увидела? Что я

почувствовала? Где мы спали? Где мы ели? Что чувствовали мои мать и отец? Как долго мы еще оставались в этом пустом доме? До сих пор мне никогда не удавалось восстановить эти воспоминания. Это белое пятно во времени. Провал в памяти.

Между восемью и девятью годами я уже укрепились как опора для своих родителей. Когда пришло экономическое банкротство, за которым последовала глубокая депрессия мамы, я стала опорой для всех. В этом хаосе я не просила, чтобы обо мне заботились, ни физически, ни эмоционально. Мне удалось быть опорой благодаря паре соседей, которые помогали мне своей верной и щедрой дружбой. Я никогда не забывала их. Настолько, что страница в моей книге о детстве наполнена благодарностью к этим друзьям моего детства. До сих пор они занимают священное место в моей груди. И дружба стала для меня чем-то важным.

С другой стороны, я думаю, что моя самая глубокая рана, связанная с сообщничеством, уходит корнями в первые дружеские отношения, свойственные второму детству, когда мы начинаем выбирать, кто наши лучшие друзья. До сих пор я помню острую боль в груди, которую я почувствовала, когда Беатрис, моя восьмилетняя подруга, жившая напротив моего дома, начала игнорировать меня без всякой причины. Я пошла к ней поиграть, чтобы облегчить свою печаль, через день после того, как грузовик с сильными мужчинами увез все, что у нас было. Я считала ее своей лучшей подругой, но когда я пришла, она выбежала, убежала. На следующий день она снова убежала. Она не смотрела на меня, не говорила со мной и пряталась, когда видела, что я прихожу.

Не в силах понять, я плакала несколько дней. Я не понимала, что произошло и почему Беатрис так со мной обращается. Когда я смогла взять себя в руки, я пошла к ней домой, чтобы поговорить с ней. Я помню эту сцену так, будто она была вчера, хотя прошло уже шестьдесят лет. Ее мать открыла дверь и сухо сказала мне, что Беатрис нет дома, не пригласив меня войти, как обычно. Она также сказала, что после того, что случилось с моей семьей, Беатрис больше не будет со мной играть. Самым сильным было увидеть голову моей подруги, выглядывающую из-за дивана. И понять, что она не злилась и не грустила на свою мать. Напротив, она была согласна.

Беатрис стала символом раны, которая глубоко затронула мое чувство сообщничества и дружбы — ключевых слов при рассмотрении тональности социального подтипа E8. Когда я думаю об этом, я вижу, что для меня сообщничество — это тема, полная контрастов, пронизанная болью и любовью.

С одной стороны, предательство Беатрис и других неверных людей, которых я встречала на протяжении жизни. С другой — поддержка и искренняя дружба настоящих друзей, которые всегда были для меня важны и остаются до сих пор.

Сообщничество, по сути, — это огромная и чувствительная тема внутри меня. Меня трогает, когда оно переводится в солидарность. Я эмоционально реагирую, когда вижу его между людьми. Когда я чувствую эту дружескую связь других людей со мной. Я плачу от любой сцены солидарности по телевизору, а также когда вижу людей, которые рискуют, чтобы спасти беженцев в открытом море. Я чувствую себя сообщницей всех, с кем у меня есть близкие связи: моей помощницы, моих подруг, моих друзей и моих родственников.

С другой стороны, я становлюсь очень чувствительной, когда сообщничество банализируется. Когда я обнаруживаю, что человек, которому я доверяю, совершает маленькое предательство, этический проступок, когда он лжет или говорит гадости за спиной, я чувствую себя раненой. Часть моего сердца чувствует себя уязвленной. Это детская, глубокая и молчаливая боль. Любопытно, что когда это происходит — чужие предательства или легкомыслие — это всегда застает меня врасплох. Снова и снова я прихожу к одному и тому же выводу: что мое доверие действительно наивно, похоже на доверие моего отца.

То, что я ношу в себе, противоречиво. Я способна противостоять большим событиям. У меня есть сила и способность противостоять злу, причиняемому другим в социальной сфере, даже когда речь идет о людях, которых я совсем не знаю. Но я чувствую себя неспособной — как беспомощный младенец — противостоять маленьким предательствам (если такое существует) людей, которым я когда-то доверяла. Когда это происходит, я теряю доверие. И мои чувства и эмоции замораживаются. Я становлюсь холодной, ничего не чувствую. Без эмоций, без желаний, без гнева, без ничего. Мне очень плохо, когда эмоции покидают меня. Это не я.

Я не могу спать, если остаются неразрешенные недоразумения. Поэтому я обычно беру инициативу в разговоре с людьми. Если вопрос проясняется, я забываю о нем. Я не затаиваю обиду. Если только человек не остается фальшивым, лживым, недостойным моего уважения и доверия. В этих случаях — к счастью, редких — я уже не могу снова доверять. В отношениях с друзьями я предлагаю верность. Я товарищ и в празднике, и в трагедии. И хотя я не говорю этого открыто, я ожидаю полной верности от друзей. Во всем. У меня очень низкая толерантность ко лжи и тонкий нюх на манипуляции.

Страсть к сообщничеству, столь характерная для социального Е8, — это своего рода подразумеваемый кровный договор, скрепленный в интимности любых близких отношений. В нем есть клятва взаимной верности. Это клятва, никогда не оформленная официально, детская фантазия, идеализирующая верность как меру любви. Сообщничество становится молчаливым договором между двумя предполагаемыми верностями. Договор — это стратегия безопасности, поручительство, подписанное в тишине, без слов, клянущееся только взглядом: «мы вместе, всегда, до смерти».

В этот момент, когда я пишу, я замечаю драматизм своих слов. Там есть боль, но и невроз, родившийся в подвалах незащищенной девочки, которая превратила верность в знамя жизни. Но которая, из-за неуверенности, стала подписывать договоры верности, скрепленные в облаках, но видимые для любого, кто хочет их увидеть.

Когда я анализирую это, я понимаю, что добродетель верности не нуждается в договорах. Что верность — это человеческое качество, свободное и рожденное из взаимного доверия между людьми. И что сообщничество — это своего рода обязательная верность, договорная, поклявшаяся, рожденная из недоверия в поисках взаимной защиты.

Разрыв договора сообщничества ощущается мной как худшее из оскорблений, сопровождаемое чувством удара ножом в спину. И это может произойти легко, иногда из-за мелочей: если друг раскрывает мою тайну другим; если он играет на два фронта, манипулируя в своих интересах; когда я вижу, что людей, которых я люблю, предают или используют общие знакомые; когда договоренности нарушаются легкомысленно. Короче говоря, во мне установлен детектор мошенничества, который быстро срабатывает при малейшем запахе предательства или неверности.

Я понимаю, что моя форма мести за предательство сообщничества — это удалить этого человека из левой стороны моей груди, навсегда. Мое водянистое сердце затвердевает, становится льдом. Я становлюсь холодной и твердой, как камень. Я не поддерживаю видимость, я даже не умею этого делать. Я не могу скрыть свое разочарование. Я много раз пыталась понять и простить. Я продолжаю пытаться. Я даже понимаю, что побудило человека так поступить: его ограничения, контекст и т. д. Если человек признает свою этическую ошибку, я могу сосуществовать с ним в социальном плане. Но я знаю, что мое доверие осталось как треснувшая фарфоровая вещь. Оно никогда не восстанавливается полностью.

Сообщничество — это центральная характеристика социального подтипа E8, имеющая много граней. Оно также работает как способ мобилизации групп людей вокруг цели, идеала или веры. Что-то вроде «вместе мы можем все!» или «ради справедливости надо бороться!». Сообщничество объединяет, создает силу, мобилизует людей на проекты и дела. Когда оно служит благородным идеалам, оно способно двигать массы. Но когда оно поставлено на службу мафиозным интересам, тем, кто действует из криминала, сообщничество становится инструментом контроля и господства над другими. В мафиях цена за предательство сообщничества — это устранение предателя, через физическую смерть. Договор прост: абсолютное сообщничество или смерть.

Для интегрированных социальных E8 этика сообщничества и приверженность доверию также являются частью их жизненных принципов. Символическая цена предательства этого доверия аналогична той, что в мафиях. Перед лицом предательства, перед лицом банального разрыва сообщничества, предатель эмоционально устраняется из сердца социального E8, который говорит: «этот человек умер для меня». Тот, кто нанес ущерб священному сообщничеству, перестает существовать в его чувствах. Связь, прежде теплая, разрывается с холодностью и презрением. Доверие редко удается восстановить.

Я возвращаюсь к воспоминаниям своего личного фильма. После того как мы потеряли все и потеряли также дружбу Беатрис, мы с родителями вынуждены были покинуть наш белый дом, тот, что с осиным гнездом. Мы перевезли наши скудные пожитки в маленький, необработанный деревянный домик, отмеченный паводковыми водами, без краски и цветов, на окраине соседнего города; то, что мой отец смог снять. Одна из комнат дома стала мастерской, где мои родители подготавливали разрезы кожи, которые затем сшивались и превращались в обувь. Эта комната имела общую деревянную стену с наружным туалетом, в который можно было попасть через крытую зону. В этом туалете я принимала самые важные решения своего второго детства.

Я помню с ясностью безоблачного неба, как сидела на полу в туалете с закрытой дверью и плакала молча, как делала каждый раз, когда не могла больше выносить печаль, царившую в доме. Если бы я плакала при матери, ей стало бы еще хуже. В то время, после банкротства, у нас не было денег ни на что. Многие дни у нас был только хлеб и бананы. Мы никогда раньше не жили так. Мой отец уходил искать больше работы. Моя мать плакала, стуча маленьким молоточком по мраморному камню, который использовался для склеивания скошенных краев кожи перед сшиванием. Люсия ни на минуту не переставала работать. Так продолжалось недели, возможно, месяцы. Я не могу сказать точно.

Моя память возвращается к туалету в глубине двора. Это важная сцена. Я понимаю, что она была определяющей в формировании моего характера. Я снова сидела на полу, плача, пока моя мать тоже плакала в соседней комнате, в ритме маленького молоточка по мрамору. Я помню, что воздух был наполнен невыносимой тяжестью, и я чувствовала глубокую тревогу. Я хотела исчезнуть, умереть. Слыша плач матери, стук молоточка и приглушенный звук моего собственного плача, я сказала себе, что больше не могу так жить. Все было слишком драматично, тяжело, депрессивно, без выхода. Я должна была найти решение.

Я помню, как встала с пола, посмотрела на себя в зеркало, вытерла слезы и приняла решение: после школы я пойду работать, делать что-то, что принесет деньги в дом. Я отчетливо помню чувство приподнятости и уверенности, охватившее меня, когда я решила пойти работать. Мне было девять лет, но в то время детский труд не был преступлением. И между работой и валянием на полу в туалете, без сомнения, было более многообещающим начать работать вне дома.

Напротив нашего дома было небольшое агентство недвижимости — Rangel. Из окна своей комнаты я видела мужчин, которые несли деревянные таблички с надписями «Продается» или «Сдается». Я причесалась, перешла улицу и попросила поговорить с владельцем агентства, который сразу же принял меня. Я сказала ему, что могу делать очень красивые таблички «Продается» и «Сдается» и что мне нужна работа, потому что у моих родителей нет денег. Я помню, что он был тронут. Я увидела, что у него навернулись слезы на глаза. Мне стало стыдно, потому что думаю, он тоже увидел мои, все еще покрасневшие. Он ответил, что как раз нужна новая партия табличек для агентства.

Мой отец купил доски, нарезал их по размеру, а я покрасила их в белый цвет. Затем, с помощью металлических трафаретов, я нанесла красные буквы на таблички «продажа» или «аренда». Я также начала работать, два раза в неделю — когда у меня не было физкультуры — у одной соседки, помогая по дому и присматривая за двухлетней девочкой. Дни шли, дома все начало налаживаться, папа и мама нашли больше работы, и нам даже удалось посадить несколько цветов в саду. Но у нас все еще были очень ограниченные ресурсы. Мы считали каждую монету.

Чтобы добраться до школы, мне нужно было сесть на автобус. В дни, когда у нас была физкультура во второй половине дня, это означало оплатить два билета туда и обратно. Именно тогда Мария да Граса — моя одноклассница — начала приглашать меня обедать к себе домой. Со временем ее родители начали

приглашать меня каждый день. Это была большая семья, с тремя дочерьми и бабушкой с дедушкой. «Где едят семеро, там едят и восемь», — говорила любящая мать Марии. И так как я торопилась помыть всю посуду и подбадривала Марию, младшую дочь, помочь их вытирать, ее родители начали дарить нам несколько монет. Это было как раз на мой автобус.

Семья Марии да Граса никогда не давала мне почувствовать, что делает мне одолжение. Кроме того, время от времени они приносили мне красивое платье, на Пасху, на Рождество, на день рождения, а иногда под предлогом «это платье тебе так пойдет, что мы не смогли удержаться». Эти люди очень мне помогли, не только едой и билетами. Даже не красивыми платьями. Они помогли мне уважением и достоинством, которое они мне предложили, потому что никогда не давали мне чувствовать себя в долгу. Я никогда их не забывала. Я испытываю к ним своего рода вечное благоговение. За их величие, за их этику.

Вдохновленная идеалами моего поколения в 60-х и 70-х, я вступила в подростковый возраст в разгар бунта. Ничто меня не сдерживало, кроме меня самой. С тех пор как я стала опорой семьи в столь юном возрасте, я постепенно лишала своих родителей их власти надо мной. В 16 лет я убедила отца подписать мое освобождение — официальный документ, дающий мне юридически право совершеннолетия. Поскольку у меня не было никого, кто мог бы установить мне границы, я сама устанавливала их. В глубине души, хотя я никогда об этом не говорила, я хотела показать родителям, что я могу все сделать сама, не потеряв себя, сохранив свое достоинство... и их тоже.

Я знала, что мне нужно быть очень осторожной в мире, по которому я хожу. Особенно потому, что я ходила без сопровождения родителей или родственников, как было принято в то время. Я ходила одна, с друзьями, без того, чтобы кто-то устанавливал мне границы или контролировал меня. Я не потерялась, не саморазрушилась, не впала в наркотики, хотя многие из моего поколения так и сделали. Но я прожила сексуальность, искусство и свободу в полной мере, несмотря на диктатуру. Я провела свою юность в борьбе за экологию, культуру, образование и демократию в Латинской Америке. К счастью, в те времена не было СПИДа, и нашей мечтой поколения была естественная жизнь, свободная любовь и мир.

Заканчивая эту автобиографию, я поняла, что написала очень мало о моем брате. Я возвращаюсь сюда, чтобы включить его. Думаю, это потому, что он долгое время был далеко. Ему пришлось остаться в казарме, потому что в 19 лет он уже стал отцом, и зарплата в армии была хорошей. Он стал сержантом и попросил перевод в другой штат. Сейчас, когда я пишу, я вспоминаю рану,

которую моя мать хранила к нему, потому что, когда мы были разорены, он никогда не приезжал нас навестить и не помогал. Он был хорошим человеком, но думал больше о себе, о своих делах. Я думаю, он тоже чувствовал себя брошенным, потому что он тоже полностью бросил нас. Он был заклеен как тот, кто всегда создает проблемы, ошибается и не берет на себя ответственность.

Несмотря на то, что армия платила ему фиксированное жалованье, мой брат всегда жил с серьезными финансовыми проблемами. Он умер молодым, вскоре после выхода на пенсию, сбитый грузовиком. Он был старше меня на восемь лет. У меня нет воспоминаний о том, чтобы мы играли вместе. На самом деле, у нас никогда не развилась братская близость, я не знаю почему, ни в детстве, ни после. Я помню только, что уже в зрелом возрасте он проявлял ко мне некоторое восхищение. У меня такое чувство, что его уважение рождалось из молчаливой вины за то, что он держался в стороне и не присутствовал в самые трудные дни после банкротства. В конце концов, он был старшим братом. Мы никогда не говорили об этом. Не было времени. Он умер слишком рано, как и наша мать.

Я чувствую сейчас — когда пишу эту строку — что я очень долго молчала о разрыве сообщничества с моим братом. Это первый раз, когда я говорю об этом. Мой взрослый разум понимает, что он уехал жить далеко, чтобы сбежать от постоянной критики, которую получал дома с детства, что, возможно, у него не было эмоциональных или финансовых ресурсов, чтобы приехать и сделать что-то для нас. Но мое детское сердце никогда не понимало такого безразличия. Он мог бы прислать открытку, думаю я. Я чувствую, что там обитает рана, тоже отрицаемая, и до сих пор никогда не раскрытая.

Как социальный подтип, интеллектурал Е8, я люблю читать и писать. Это интеллектуальность, совершенно отличная от интеллектуальности ментального энеатипа, того, кто ищет эрудицию ради самой эрудиции. Для меня поиск знаний претендует на то, чтобы впитать как можно больше из этого мира и таким образом иметь больше ресурсов. Я читаю, чтобы знать, куда я ступаю, с кем имею дело, как лучше всего сообщить то, что срочно и важно. Короче говоря, моя интеллектуальность находится на службе. Чтобы через слова у меня были лучшие оружия и, следовательно, больше власти в битвах, которые я хочу вести.

За исключением поэзии, музыки и искусства — которые питают и волнуют мою душу — знания и информация, которые я всегда искала и продолжаю искать, являются специфическими, хотя и разнообразными и широкими. Я ищу то, что

мне нужно для моей борьбы, то, что может быть инновационным и более эффективным в борьбе идей, то, что будет иметь решающее значение в битвах, которые я веду, чтобы изменить вещи. Я вижу, что я не скромна в своих мечтах и легко выражаю амбициозные желания, не меньше, чем изменить мир. У меня непоколебимая вера в силу желания, в настойчивость поиска и, в особенности, в коллективную способность менять парадигмы. И в этом смысле письмо всегда было входной дверью для превращения моих мечтаний в реальность.

Читать и писать ради чистого интеллектуального удовольствия — для меня роскошь, которую я в этой жизни, думаю, никогда не смогу себе позволить. Все мое чтение и письмо — ежедневное, интенсивное и приятное — всегда служит чему-то. Моя интеллектуальность имеет цель и точное направление. Она активистская, утилитарная, стратегическая: чтобы ясно общаться, чтобы информировать и мобилизовать людей, с претензией пробудить этот мир, который спит, оцепеневший.

В лучшем случае — особенно когда человек работает над собой и трансформирует часть своего характера — интеллектуальность социальных Е8 становится на службу миру. В своем худшем, невротическом проявлении, она становится хитростью, инструментом господства, контроля и власти. Важно отметить, что это практическая, конкретная интеллектуальность, и она существует только пока выполняет функцию. Без социальной функции она просто теряет либидо, свою жизненную пульсацию и воодушевление. Она исчезает, перестает существовать.

В 17 лет я уже была учительницей начальной школы, училась и занималась театром. Именно тогда я начала писать о культуре, образовании и поведении в местной газете. Я получила работу в газете не ища ее, после разговора с директором, чтобы пожаловаться на недостаток освещения культурного движения в городе. Тогда он пригласил меня делать то, на что я жаловалась. Удивленная предложением, я согласилась. И воспользовалась этим. Через несколько месяцев я создала разделы Культура, Образование, Детство и Экология в этой газете.

Некоторое время спустя я вышла замуж за главного редактора издательской компании. Газета была нашим главным оружием трансформации. Мы были страстно преданы тому, что делали. Я требовала широких мест для культуры и экологии в каждом выпуске. И боролась за то, чтобы эти новости были на первой полосе, наравне с футболом. У меня были хорошие аргументы. Я добивалась этого. С таким ежедневным пространством в СМИ культурное и экологическое движение выросло огромными шагами. Это были хорошие времена.

Через несколько лет я довольно сильно проявила себя как журналист-активист. Я стала известным редактором газет, журналов и книг. Мне нравилась эта роль, потому что я могла использовать журналистику для своей борьбы, то есть для изменения вещей. Тем временем я поступила на факультет изобразительных искусств, затем на факультет журналистики. До этого, в 17 лет, я начала изучать психологию, которая была моим первым желанием. Но с первых занятий уже не разрешали говорить о «проклятом» Вильгельме Райхе. С 15 лет я носила в рюкзаке несколько его книг. Он и Уолт Уитмен были учителями моего поколения. Я запротестовала и бросила этот лицемерный факультет, который родился старым. Я вернулась туда десятилетия спустя.

Мне было почти 20 лет, родился мой первый сын, Исмаэль. Через полтора года родился Аленкар, а через два года — Франсиско. Они делили со мной свободную, племенную и интенсивную жизнь, которую я вела. Много дорогих друзей, кружки музыки, поэзии и походы. С моими сыновьями я испытала самую большую любовь, которую можно испытать, и прожила самые красивые и веселые годы своей жизни. Они были и остаются великими спутниками этого существования, глубокими друзьями, хорошими людьми. Вместе мы поняли, что жизнь — это время, чтобы прожить его интенсивно. И что любовь в семье — наше величайшее сокровище, священное и незаменимое.

С тех пор как я вступила в подростковый возраст, сексуальность стала для меня путем празднования многих любовей, которые мне посчастливилось чувствовать и пережить. В 14 лет я встретила свою первую большую любовь. Меня ослепило открытие интенсивности трансцендентных ощущений, рождающихся из встречи любви и чувственно-сексуальной страсти. Я не могла понять, почему мои подруги боятся чего-то столь прекрасного. Без страсти нельзя жить, думала я. Главенство эротической любви сохранялось на протяжении всей моей жизни, очень близко следуя за сострадательной и идеалистической любовью.

Для меня эрос — это жизненно важная сущностная пульсация, которая наполняет жизнь красками, страстью и вдохновением. В любви, в работе, в творчестве, во всем. Поиск вдохновленной и страстной жизни был маяком в моих любовных отношениях. Поэтому я никогда не могла оставаться в отношениях, где была только красивая связь сострадательной и восхищенной любви. В моей личной природе энергия эроса важна. Всегда. Я не представляю себе жизни без нее.

По мере того как я продвигалась в своей работе по личностному росту, по мере того как я взрослела, раскрывался огромный страх, который я испытывала перед глубокой отдачей в любви: страх отдаться и быть раненой, любить и стать

зависимой, быть контролируемой, быть подчиненной. Страсть всегда была знакомым путем, аффективно-сексуальным уравнением без больших рисков. Соблазнять, переживать интенсивность страстей было легко и увлекательно. Но когда любовь настаивала на том, чтобы идти дальше, когда она начинала пересекать границу страсти, я настораживалась. Всегда, когда я чувствовала какую-то эмоциональную неуверенность, страх быть преданной, или даже когда я предвидела минимальное снижение страстной интенсивности, я быстро заканчивала отношения.

Мой страх отдаться любви причинил много страданий людям, которые влюблялись в меня и любили меня по-настоящему. Прекрасным людям, которых я ранила этой динамикой отношений. Моя манера любить была подавляющей, интенсивной в чувствах, в общности и в сексуальности, но могла быть внезапно прервана. Обычно, вскоре после окончания отношений, я уже была вовлечена с другим человеком. Однажды кто-то сказал мне: «Ты заканчиваешь отношения в три часа дня!». На самом деле, я уже показывала признаки неуверенности, но, возможно, они не были очевидны. Расставание казалось вопросом выживания. Страх потери, хрупкости и зависимости мешал мне отдаться полностью.

До 35 лет большинство моих романтических отношений были с людьми, над которыми я сохраняла определенный уровень контроля и власти, обычно через интенсивное соблазнение и общность. Подразумевалось, что другой должен полностью отдаться нашей любви, до такой степени, чтобы не создавать ни малейшей неуверенности в своей полной страсти ко мне. Если этого не происходило, я не продвигалась в отношениях. Когда это происходило, отношения продвигались немного дальше, но вскоре мой эротизм к покорному или пассивному человеку полностью угасал. И отношения заканчивались.

Когда мне исполнилось 36 лет, я почувствовала желание изменить эту модель. Я решила взять академический отпуск на год. Я пришла к этому решению из чистого истощения от поисков любви всегда этим путем. Сама по себе страсть больше не была для меня достаточной. Я хотела выйти из этого повторяющегося и болезненного цикла в моих отношениях. С юности я никогда не была без пары или эмоционально-сексуальной связи. Я решила, что мне нужно провести время с самой собой, выдержать некоторое время одиночество, сделать что-то действительно эволюционное в этом смысле. Я также чувствовала, что для моих детей — которые всегда создавали прекрасные связи с моими партнерами — было бы хорошо иметь возможность углубить эти отношения, не прерывая их. Этот уход от страстей дался нелегко, но я чувствовала, что это необходимо.

Чтобы повзрослеть, было важно, чтобы я встретила лицом к лицу со своим страхом отдачи, со своим страхом любви.

Вскоре после этого года, когда наступила осень и деревья начали терять листья, в моем доме появился один человек, приглашенный Нандо, моим большим другом и братом по духу. Мы жили вместе — мои сыновья, Нандо и я — в красивом белом доме, окруженном цветами и природой. Нандо был музыкантом и журналистом. Там мы проводили наши дни, пища, распевая и заботясь о детях. Когда гость Нандо прибыл в наш дом, я впервые почувствовала страх влюбиться. Я держалась на расстоянии, неохотно, несколько некомфортно от присутствия гостя как раз на той неделе, когда мы заканчивали книгу. Бесполезно было нажимать на тормоза. Это была любовь с первого взгляда. Я подумала: «Уф, мой годовой уход ничему не научил». Алхимический эрос затопил всю мою жизнь, почти не давая мне шанса сбежать.

К силе нашей сексуальности и жизни на природе добавились наши устремления к знаниям, общей работе, музыке, поэзии, книгам, терапии, телу и любви к искусству. И, превыше всего, забота и веселая жизнь с нашими детьми. У меня трое, у него один, все мальчики. Было много культурной и экзистенциальной идентификации. Однако на уровне характера мы были полярными противоположностями. Он был социальным Е5, а я социальной Е8. Два соблазнителя и, в то же время, два человека, находящихся в состоянии готовности, чтобы не быть подчиненными другим.

С внутренним вызовом перестать быть трусихой перед лицом любви, наконец-то повзрослеть и продвинуться в своем личном процессе, я осталась с этим человеком. К счастью, мой партнер тоже был готов принять вызов и остался со мной. Мы прожили интенсивную, богатую и вдохновляющую жизнь, постоянно пересматривая самые закоренелые личные черты, которые проявлялись в наших отношениях. Мы продвинулись далеко, оседлав волны повседневности. С годами мы все больше плавали по спокойным морям. Но время от времени появляются дни с красными флагами, сильными ветрами, напряженными и требующими внутренней работы моментами.

Эрос все еще очень жив между нами, но также есть много сострадательной и восхищенной любви. Возможно, поэтому мы все еще вместе, без обещаний, без идеализаций, только с жизнью здесь и сейчас. Мы до сих пор не поженились. Лучше не оформлять, потому что «а если не сработает?». Это даже смешно, спустя три десятилетия вместе. Наша взаимная приверженность остается той же, что и в первый день: прожить хорошую жизнь, полную любви, мира, творческой

работы, живой учебы и самопознания. И, как бы это ни казалось нам невероятным, прошло уже 34 года.

Когда я познакомилась с энеаграммой в 1991 году с Алаором Пассосом в Бразилии, мне казалось очевидным, что я сексуальная Е2: соблазнение, интенсивность, гордость. По мере углубления работы я увидела, что я более плотная, чем Е2. Что мое соблазнение иное, что оно не относится к типу того, кто провоцирует и отступает. Затем я рассмотрела возможность быть сексуальной Е6 и оставалась там с 1993 по 1995 год, когда я была с Клаудио в течение десяти дней, живя в одном доме. Это было, когда мы организовывали SAT Cono Sur, пригласив Клаудио, Рамона, Феррару, Хуана Карлоса и Гарригу. Мы собрали людей с юга Бразилии, из Уругвая, Аргентины и Чили. Это было осенью 1996 года.

Спустя несколько дней совместной работы, среди поездок, SAT и отдыха, Клаудио сказал мне, что они с Феррарой проанализировали мою автобиографию и что они не узнают меня ни в Е2, ни в Е6. Что у меня нет ригидности Е6 и нет кокетливого соблазнения Е2. И что моя история жизни — это история Е8, вероятно, социального подтипа. Это был удар. В моей голове начали проноситься наложенные образы, быстрая ретроспектива. Я вошла в туннель времени. И меня охватил огромный стыд. Это было ощущение, что что-то кривое, грубое и очень уродливое в моей личности было раскрыто. Я почувствовала себя кем-то, кто подавляет других своей интенсивностью и скоростью. И кто претендует на контроль над течением вещей, жизни, всего и всех вокруг.

Перечитывая свой характер через призму Е8, я зашла в тупик. Я была потрясена, молчалива. Этот образ жизни, который я понимала как качество, нечто очень позитивное во мне — и что спасло мою семью в детстве — на самом деле был ужасом из ужасов. Я подумала: «Теперь мой партнер больше не будет меня любить, мои друзья отвергнут меня». Я почувствовала такой сильный стыд, что не помню, чтобы чувствовала что-то подобное раньше или позже. Я провела недели с общим недомоганием, потерянная и сбита с толку. У меня развилась кривошея, которую ничто не могло вылечить. Было очень трудно прийти к Е8.

До того как я встретила Алаора Пассоса и Клаудио Наранхо, еще в 1991 году, я чувствовала определенный резонанс с Е8. Я прочитала описание энеатипов в размноженной на мимеографе брошюре, которая попала мне в руки. В тот раз я почувствовала немедленную идентификацию с похотью Е8: детство, интенсивность, бунт, обличение лицемерия, правдолюбивый профиль и контролирующая динамика. В этой плохо напечатанной брошюре этот энеатип

был первым, который меня мобилизовал. Однако та карикатурная характеристика E8, как кого-то всегда очень сильного, бесчувственного, типа мужика, который не чувствует страха и тем более вины, не совпадала со мной. У меня тоже были и есть неуверенности. И я чувствую свирепую вину всякий раз, когда случаются несправедливости и я ничего не делаю.

Я, внутри, очень чувствительна. У меня мягкое сердце, хотя оно часто замерзает перед лицом неверности и несправедливости. Все эти аспекты меня самой не соответствовали карикатуре, описанной в брошюре. В то же время это был энеатип, с которым я чувствовала наибольшее сходство с точки зрения истории жизни и детских решений. С годами, благодаря эволюции великолепного практического изучения энеатипов, проведенного на SAT, через опыт с Клаудио и, в особенности, с пониманием подтипов и их важных различий, процесс идентификации продвинулся далеко и вглубь.

Мне посчастливилось начать свой путь поиска в начале девяностых, когда группы на SAT не превышали 40-50 человек. Клаудио был нашим терапевтом. Это он заботился о нас, брал меня за руку и садился рядом, когда плач вырывался из глубины меня, разрушая мои защиты. Я никогда не получала от него ни единой конфронтации. С Клаудио я чувствовала себя увиденной, понятой, принятой. С ним я смогла открыть свою грудь, снова довериться, быть спонтанной, быть собой. Клаудио понимал, что во мне нет ничего devotionalного, но что мое присутствие и моя отдача были реальными, твердыми и священными. Я чувствовала его любовь, его внимание и его заботу. Я также получала что-то очень похожее от Алаора и Сьюзи.

Когда я вспоминаю, особенно первые двадцать-двадцать пять лет школы SAT в Бразилии, я испытываю волнение. Там было много любви, свободы, творчества, открытости и подлинности, собранных вместе. Плодотворные, негэнтропийные, благоприятные времена. Подавляющее большинство из нас чувствовало себя очень хорошо, когда мы были вместе. Было место для всего и для всех, и поэтому это были такие плодотворные и гостеприимные годы. Я испытываю огромную благодарность к Алаору, но также и к Сьюзи, за то, что они создали эту живую и любящую энергию. За то, что привезли Клаудио в Бразилию. За то, что они были одним из самых больших сатианских сообществ в истории, живой школой человеческого развития.

Однажды я говорила Клаудио о своей трудности с преданностью. Я никогда не смогла бы быть преданной, как я признавала это в других попутчиках. Сначала я думала, что это либо моя гордость, либо что-то в эго, что не позволяет мне получить доступ к преданности. Я рассказала, что сопровождаю буддийские

ритуалы и многие другие, с глубоким уважением к обрядам. Но внутри меня это было так, как будто я смотрю фильм. Какая-то завеса отделяла меня от эмоции ритуала. И он ответил мне с любовью: «Это не имеет значения, преданность — это лишь одна из многих форм чувствовать священное».

Затем Клаудио начал рассказывать мне об одной из своих многочисленных встреч со священным. Что много лет назад он был приглашен на встречу с группой молодых революционеров в Париже. И что, войдя в зал, полный людей, желавших изменить социальную реальность, он почувствовал, что вошел в храм — настолько велика была святость, которой дышало это место, во взглядах этих молодых людей. Он сказал мне: «Священное не только в храмах». Он улыбнулся и медленно пошел прочь, как он всегда делал.

Признав священный характер той встречи молодых революционеров, Клаудио признал и меня. Своей способностью видеть за формами и стереотипами, свободный от духовного материализма, он растопил лед в моей водянистой груди. Он смог проникнуть в мое сердце изнутри, не конфронтируя меня, не активируя мои защиты. Он стал моим учителем, когда с нежностью и уважением коснулся первичности нежности во мне, покрытой семью тысячами вуалей. С тех пор моя жизнь пошла по-другому. Теперь я могла быть сильной и чувствительной, открывать и закрывать свое сердце, любить и быть любимой. Это было определяющим в моем личном процессе. Это произошло в 1998 году, согласно моему дневнику, записанному в одной из многих тетрадей SAT.

На протяжении моего процесса самопознания, до и особенно после встречи с Клаудио, я пришла к пониманию многих вещей о своем детстве, родительских отношениях и формировании черт моего характера. Я поняла, как сурова я была со своими родителями, не раскрывая им того, что было в моем сердце. Я очень рано лишила их власти направлять меня в моем втором детстве и юности. Я делала то, что хотела и что считала правильным, не прося помощи, совета и даже разрешения. Чрезмерная детская автономия, несоразмерная моему возрасту, питала мой подростковый бунт. Это также было моей мстью за беспомощность детства: если никто не заботился о моем детском сердце, пусть теперь не приходят заботиться.

В 15 лет я приводила своих парней спать ко мне в комнату, что тогда не было обычным делом. Я не лгала родителям и не скрывала того, что делала, хотя это было трудно для всех. Благодаря молодежи моего поколения ценность девственности снижалась, но она все еще оставалась единственным местом чести для девочек-подростков. Я представляю, как трудно было Люсии и Арлиндо входить в комнату своей дочери-подростка и видеть

противозачаточную таблетку, висящую на зеркале. Я не думаю, что им было легко мириться с моей бунтарской независимостью и продолжать доверять мне.

Когда я повзрослела, я поняла, как хорошо Люсия и Арлиндо вели себя со мной в подростковом возрасте. Они выносили мой бунт, не кастрируя мою силу и мою свободу. Даже моя мать терпела, что не могла шить красивые платья для своей дочери. Я ходила по улице, вдохновленная хиппи: босиком, с несколькими метрами ткани, обернутыми вокруг тела. Без единого шва. Мои родители были людьми, выросшими в деревне и имевшими мало образования, но они несли в себе трогательную мудрость о жизни, каждый по-своему.

Со временем, благодаря личной работе, мне удалось открыть родителям свое сердце. Мы стали близкими, интимными, в мире. Для меня было важно понять, что моя мать никогда не намеревалась причинить мне боль. И что у нее не было личных ресурсов, чтобы исцелить свои собственные раны, и тем более те, которые она причинила мне. Я также поняла, что пассивность моего отца не была такой уж положительной, как я интерпретировала это в детстве. Его бездействие и отстраненность были на самом деле тем, что больше всего беспокоило мою мать. И именно это бездействие заставило меня занять взрослое место, которое мне не соответствовало, будучи еще такой маленькой.

Мне удалось пересмотреть роли каждого и признать любовь и щедрость моей матери, задолго до ее смерти в 59 лет. В глубине души, несмотря на свою эмоциональную нестабильность, она была сильной женщиной, которая прилагала огромные усилия, чтобы заботиться о нас, о доме и о семье. И она была любящей и очень важной, когда родились мои сыновья. Она шила мягкую и красивую детскую одежду. Она научила меня вышивать шелковыми нитками наволочки для моих малышей. Она также помогала мне заботиться о них всякий раз, когда мне это было нужно, с новорожденным спокойствием, абсолютно новым и щедрым. На дни рождения моих детей именно она делала самые красивые торты.

Люсия «страдала от варикоза и нервов», как говорили раньше. Она также провела несколько лет с болезненными свищами в области таза, которые то появлялись, то исчезали. В конце концов ей диагностировали начальную стадию рака шейки матки. Но, по словам врачей, она не умрет от этого, если будет прооперирована. Ей даже не понадобилась бы химиотерапия. Однако она умерла через несколько недель после операции, на моих руках, от генерализованной инфекции, вызванной врачебной халатностью. Люсия не заслуживала таких страданий в свои последние дни.

Я также смогла признать, что мой отец действительно был человеком огромной доброты. И что он искренне желал нам хорошей жизни. Он любил праздновать дни. У него была добродетель простоты, с почти детской радостью. Арлиндо был незабываемым дедушкой для моих сыновей: другом, нежным, веселым. Благодаря ему и свободе, которую он всегда мне давал, я избежала участи быть подавленной, кастрированной и несчастной девушкой-подростком. Сегодня я понимаю, что его отстраненность была регрессивной детской защитой, эмбрионального или раннего возраста. И что у него не было инструментов и осознания, чтобы заметить эту черту. У него не было такой возможности.

В конце жизни моей матери, в те бесконечные недели страданий, мой отец снова стал полностью отсутствующим, витающим в облаках. Это я, снова, взяла на себя задачу заботиться о ней и хоронить ее. Тем не менее, он очень помогал: он играл и с нежностью заботился о моих детях, пока я проводила дни и ночи в зале ожидания реанимации. На этот раз ни моя мать, ни я не обижались на его бездействие. Мы уже знали, что когда боль становится для него невыносимой, отстраненность и отсутствие были его защитой. Мы чувствовали, что он присутствует, по-своему, как мог. Мой отец прожил еще много лет, снова женился и был счастлив. Он умер в 76 лет, естественной смертью.

Я признаю, что Люсия и Арлиндо были замечательными людьми: хорошими, этичными и достойными. И очень любящими, по-своему. Они были глубоко ранены в своем детстве и, несмотря ни на что, никогда не теряли достоинства. Мне повезло вырасти в доме с небольшой ложной моралью и небольшим количеством подавления. Мой отец всегда говорил моей матери, когда речь заходила о моей подростковой свободе, моих коротких юбках и моей чувственности: «Ах! Дай ей пожить жизнью».

Из-за решения моего эго и всего, что произошло в нашей жизни, но также потому, что я всегда получала любовь от родителей, особенно в раннем детстве, я думаю, что смогла развить большую устойчивость, чем мои мать и отец. Я до сих пор не знаю, было ли это хорошо или плохо в моей жизни. Это было так, я знаю. Но я чувствую, что могло бы быть иначе, если бы социальный и политический контекст моей страны был более справедливым, и если бы я не прожила детство и юность под военной диктатурой.

Политическая история Бразилии — так же как и нацистские преследования в послевоенный период — оказала большое влияние на наши жизни. Это было причиной травм, кризисов и препятствий, с которыми столкнулась моя семья. И, как следствие, вызовов, которые мне пришлось преодолевать в детстве и юности. Жизни в непрерывной борьбе: за выживание, за справедливость, за

достоинство, за мир. В этом контексте, вдоль моей стрелы времени, формировалась социальная Е8, со своим светом и своей тенью. Со своей собственной формой, укорененной в своей истории жизни, отмеченной культурой и социальным и политическим контекстом, в котором она родилась и выросла. Возможно, несколько далекая от первоначальной карикатуры и более близкая к реальному.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ Е8: САМОСОХРАНЕНИЯ,
СЕКСУАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ**

Леонор Кабрера, Марлис Ильзе Мейер,
Биттор Унамунсага и Энрике Коста

В книге «Характер и невроз» (1995) Клаудио Наранхо подчеркивает, что Е8 «защищает себя от влияния других и от собственного чувства слабости через установку силы, вызова и отрицания любой зависимости». Эта структура сопровождается восприятием реальности как поля битвы, где необходимо сохранять бдительность, чтобы не быть раненым или манипулируемым.

Для этого он использует защитные механизмы, такие как отрицание, проекция и смещение внимания на действие, чтобы избежать контакта со своей уязвимостью (Наранхо, 1995). Эта защита создает характер, который кажется неуязвимым, подавляя страх быть раненым или преданным. Отрицание выражается в структуре характера, стремящейся контролировать окружение, чтобы сохранить автономию и чувство безопасности, отрицая зависимость от других и от собственных «мягких» эмоций.

Эвения Райхерт (2011) в книге «Детство, священный возраст» подчеркивает, что эти черты часто берут начало в детстве, где человек преждевременно принимает на себя защитную роль перед лицом хаотичного окружения или фигур привязанности, воспринимаемых как слабые или отсутствующие. Для ребенка стать сильным и бросающим вызов может быть единственным способом психического выживания и установления связи с миром, порождая структуру характера, которая ассоциирует любовь с контролем и защитой.

Джон Боулби (1988) утверждает, что ранние разрывы в привязанности порождают в людях ядро недоверия, которое может привести к паттернам жесткой самозащиты — как это происходит у Е8. Страх предательства и раннее разочарование превращаются в хроническое недоверие, и ребенок учится ни от кого не зависеть.

В книге «Наши внутренние конфликты» Карен Хорни (1945) описывает паттерн «движения против людей» как характерный для личностей, стремящихся к власти и контролю, чтобы избежать ощущения собственной уязвимости, что совпадает с динамикой Е8, склонного навязывать себя окружению, прежде чем оно сможет причинить ему вред.

Клаудио Наранхо в «Эссе по психологии энеатипов» (2016) применяет к каждому из подтипов три психические инстанции, описанные Хорни как паттерны движения к, против или от, в результате чего у Е8 подтип самосохранения выбирает стратегию «движения прочь» или изоляции, сексуальный — «движения против других», а социальный — «движения к другим».

Мультипроблемные семьи

Ребенок Е8 живет в контекстах насилия, где его обычно игнорируют или атакуют, а часто даже подвергают жестокому обращению со стороны подавляющей власти. Он не получает должной заботы, необходимой ребенку; часто присутствует халатность в воспитании, питании... Мы не всегда говорим о структурных семьях, хотя это повторяющаяся ситуация, но скорее об отсутствии границ или структурах, где родители не осуществляют свою власть. Перед лицом этой ситуации ребенок пытается лавировать между потребностью в защите и недоверием и вынужден быстро становиться взрослым.

Согласно Луиджи Канчини, исследователю концепции «мультипроблемной семьи»:

Часто эта совокупность условий встречается в семьях, определяемых как «мультипроблемные», характеризующихся наличием большого числа патологий и глубокой дезорганизацией их структуры.

Юнг, Хиллман и Фромм

С точки зрения типологии личности Карла Юнга, мы можем сделать вывод, что Е8 соответствует экстравертному сенсорному типу, согласно восьми психологическим типологиям, которые он предложил в своей работе «Психологические типы» (1921). Этот тип характеризуется ориентацией на внешний мир (экстраверсия) и использованием функции ощущения как основной или доминирующей. Он чрезвычайно восприимчив к физическому и сенсорному окружению, живет, обращенный к внешнему миру, ища непосредственные переживания, сильные или приятные ощущения, прагматичен и реалистичен. Это человек, который идентифицирует себя с телом, но также вкладывает в него силу своей веры, поэтому легко понять, что он презирает все тонкое, такое как эмоции, интеллект или духовность.

Согласно Юнгу, экстравертный сенсорный тип:

Является любителем осязаемой реальности и мало склонен к рефлексии. Его развитая способность к наслаждению делает его хорошим собеседником, и то, к

чему он стремится больше всего, — это усиливать свои ощущения. Для него единственная полезность объекта — стимулировать его ощущения.

Энеатип 8 обычно соответствует типам MBTI, таким как ESTJ, ENTJ и ESTP, из-за их доминирующего, энергичного и ориентированного на контроль характера. Он разделяет с ними такие функции, как экстравертное мышление (Te) и экстравертное ощущение (Se), которые благоприятствуют прямым действиям и лидерству. Хотя есть сходства, энеаграмма и MBTI объясняют различные аспекты личности.

E8 интегрирует определенные аспекты архетипа Воина и Защитника, согласно системе, описанной Джеймсом Хиллманом (1996). Как и E8, они ценят действие выше интроспекции и считают, что истина проверяется опытом. Их эволюционная задача состоит в том, чтобы направить свою энергию конфронтации на защиту жизни и справедливости, вместо того чтобы превращать ее в доминирование или тиранию.

Эрих Фромм (1947) отмечает, что «эксплуатирующая ориентация личности» — также совместимая с E8 — держится на вере в то, что жизнь — это борьба за власть и контроль; она исходит из бессознательной предпосылки, что благо, любовь, знание или удовольствие находятся вне человека, и он может получить их, только отняв. Продуктивная ориентация (единственно здоровая) знает, что полнота исходит изнутри, и ищет выражения силы в созидании и защите жизни.

E8 исцеляется, активируя свою ценность пребывания в состояниях открытости и уязвимости, где нечего защищать. Но это существо, когда оно охвачено иллюзией храбрости, лишено этой ценности, поэтому оно само блокирует получение даров жизни или новых преобразующих энергий, чтобы затем жаловаться, что жизнь ничего ему не дает. Возможно, поэтому Фромм определяет «эксплуатирующую ориентацию личности» как ту, которая:

Не ожидает получить что-то от других в качестве дара, а присваивает это силой или хитростью, и ее отношение окрашено смесью враждебности и манипуляции.

Ссылаясь на эквивалент этого характера, Карен Хорни говорит нам:

Для того, кто так изолирован и враждебен, как он, важно, конечно, не нуждаться в других, отсюда он развивает ярко выраженную гордость за свою собственную, квазибожественную самодостаточность.

Райхианская перспектива

Вильгельм Райх (1949) говорит нам о двух типах, которые могут быть связаны с Е8. Стало популярным приравнивать Е8 к фаллическому ригидному типу Райха — паттерну личности, который развивается во время фаллической стадии развития, когда ребенок проходит через сложные эдиповы динамики. Согласно Райху, это люди с установками превосходства и высокомерия, потребностью выделяться, показывать себя сильными, с гипертрофией эго и идентификацией с пенисом или сексуальной энергией. Их характеризует раздутая телесная поза: выпяченная грудь, выставленный вперед таз, вызывающая походка, трудности в эмоциональной отдаче... Их поведение никогда не бывает сжатым, а обычно высокомерным, сдержанным или презрительно-агрессивным, и они упредят любую неизбежную атаку своей собственной. В этом характере агрессия выражается меньше через то, что он говорит, и больше через то, как он действует.

Второй райхианский тип, совместимый с Е8 — хотя обычно его чаще связывают с Е6 и Е3, согласно Хуану Хосе Альберту (2017) — это психопатический тип. Этот характер отличается доминирующим, соблазнительным и стратегическим отношением. Это люди, склонные контролировать окружение и других, часто прибегая к манипуляции и обману. Этот паттерн формируется на основе раннего опыта, где имели место предательство, обман или инструментальное использование привязанности со стороны значимых фигур. Этот ранний опыт питает недоверие и потребность осуществлять власть как способ защиты. Телесные напряжения психопата имеют тенденцию распределяться по всему телу, с особым акцентом на область шеи и плеч, как выражение защитного панциря, ориентированного на контроль и постоянное наблюдение.

Биоэнергетика

Александр Лоуэн (1982) в «Биоэнергетике» описывает психопатический характер в терминах, схожих с райхианскими. Он также рассказывает, что ригидный характер формируется, когда ребенок подавляет свои аффективные или сексуальные импульсы из страха отвержения или потери любви родителей. Внешне он проявляет самоконтроль, вежливость и эффективность, но внутренне борется со страхом эмоциональной отдачи.

Ригидный фаллическо-нарциссический подтип — который Лоуэн заимствует у Райха, интегрируя элементы психологии эго и нарциссизма по Фрейду — характеризуется вызывающим, уверенным и конкурентным отношением, с сильным желанием выделяться и быть admired. Его энергия направлена на завоевание, достижение и утверждение своей ценности через результативность или соблазнение. В теле напряжение фиксируется в раздутой грудной клетке и

сдерживании таза, поддерживая образ силы и соблазна. Оба тела показывают ригидность: одно — чтобы доминировать, другое — чтобы впечатлять.

Эта энергия выражается во взрывах гнева, которые действуют как регуляторы внутреннего напряжения, поддерживая чувство силы перед лицом любой угрозы. Е8, в биоэнергетических терминах, склонен блокировать выражение нежных эмоций и уязвимости, направляя свою энергию на действие и внешний контроль, с бессознательной целью защиты своего жизненного пространства.

Лоуэн подчеркивает, что эти физические панцири являются защитой от страха быть раненым или униженным, и что гнев, хотя внешне направлен наружу, защищает ядро боли и страха перед бессилием.

Перспектива Луиса Пелайо

Луис Пелайо, ученик Александра Лоуэна и основатель биоэнергетики в Испании, передавал, что фаллическо-нарциссические личности относятся к тому, что он называл «вторичными моделями» (теми, которые формируются примерно между 6 и 14 годами жизни) и страдают обсессивно-компульсивным расстройством (ОКР). Например, у ригидных навязчивой идеей является привлекательность. У психопатического типа навязчивой идеей являются ум и власть.

Так же как психопатический Е6 вкладывает силу веры (приверженность, доверие и настойчивость) в идеологии вместо себя, создавая мир фанатизма, психопатический Е8 вкладывает силу веры в свою витальность вместо себя, создавая мир доминирования и конфронтации. Для обоих их (невротический) центр — это в равной степени их ум, несмотря на то, что Е8 описывается как витальный; поэтому Луис Пелайо называет их менталоцентристами и определил их как «гигантов на глиняных ногах».

В случае Е8 страх показаться нежным и укорениться в своей подлинной идентичности заставляет его отдаваться гневу, поскольку через него он создает ощущение всемогущества и нечувствительности к боли, уязвимости, ранам, ущербу, вине и т. д. Возможно, Шольц имел в виду нечто подобное, когда использовал термин «моральная анестезия» для описания характеристики личности, которую он связывает с психопатией, поскольку эта анестезия помогает поддерживать безумную идею или антихристианское убеждение в неуязвимости. Позже психопатия определяется Крепелином как «моральное безумие», а Куртом Шнайдером — как «психопатические личности».

Е8 легко идентифицирует себя с силой, которую дает ему этот гнев, в сочетании с силой его воплощенного ума. Он верит, что если у него сильное и способное тело, то и он силен, что приводит его к навязчивой потребности укреплять свое тело. Шелдон (1940) определял эту потребность как соматотонию, описывая этих людей атлетического телосложения:

Напористые поза и движения, энергичность, потребность и удовольствие от упражнений, любовь к физическим приключениям, к господству и власти, любовь к риску и случаю, смело-прямые манеры, физическая смелость в борьбе, агрессивная конкуренция, клаустрофобия, психологическая нечувствительность, отсутствие сострадания, отсутствие щепетильности, общая шумность, внешняя сверхзрелость, потребность в действии при возникновении проблем, ориентация на цели и юношеские устремления.

Управление инстинктом

Метафорически, в случае Е8 мы имеем дело с сыном с телом мужчины, но без матери и отца. Его сила — в неканализированном взрыве, поэтому для них характерен взрывной темперамент. Курт Шнайдер в своей описательной модели определяет черту, совместимую с Е8: «взрывная личность»:

Они непослушны и бросают вызов, и при малейшей провокации приходят в ярость и даже становятся жестокими, не проявляя ни малейшего соображения — реакция, которая была названа коротким замыканием.

Е8 ставит свой инстинкт (сына) выше своего сознания (отца), поэтому он может создавать только беспорядок вовне. Это делает его отцеубийцей — именно теми, кто в определенный момент мог бы сказать ему: «Если ты надеешься разрушить то, что Бог упорядочил, и не создавать страданий, значит, ты глуп». Вышесказанное вызывает, среди прочего, то, что у Е8 есть способ жить и строить отношения, где агрессивность становится компасом.

Так же как ложное «я» Е4 сдуто, ложное «я» Е8 раздуто, но оба — лишь воздушные шары с большим или меньшим количеством воздуха, и что любопытно, эти энеатипы находятся на противоположных полюсах. В определениях Карен Хорни есть подходящее описание для обоих до определенной степени: «открыто агрессивная мстительность» или «мстительная личность»:

Люди, которые идентифицируют себя больше с тем, что в них есть славного, чем с тем, что презренно. Для них привлекательность жизни состоит в том, чтобы презирать ее.

Оскар Ичазо уже говорил об этом карающем или мстительном отношении, и хотя он называл это эго-вендж (месть), он говорил, что Е8 отвечают так быстро и той же монетой, что их поведение нельзя назвать местью, так как они не питают обиду долго, в отличие от Е4 и Е6. Так что, возможно, было бы более уместно называть это эго-наказание или карающая личность.

Психопатическая и антисоциальная личность

В психиатрии XX века часто говорили о психопатической личности (Клекли, «Маска здравомыслия», 1941), которая характеризовалась антисоциальным поведением и отрывом от человеческих и духовных чувств, что приводило к тому, что субъект не связан с виной — чувством, которое, будучи здоровым, может помочь нам увидеть зло, которое мы совершаем, чтобы исправить ошибку в нашем намерении освободиться.

Психиатрическое описание психопатии эволюционировало с десятилетиями. Теодор Миллон (1996) отмечает, что структуры личности с преобладанием активного-автономного полюса могут испытывать трудности в установлении зависимых связей, избегая проявления слабости и чувствуя себя комфортно в ролях конфронтации и лидерства, что согласуется с паттерном Е8. В своей классификации он приближается к Е8, описывая «активную-независимую личность» и определил черты, которые позже стали основой описания, которое DSM дает как «антисоциальная личность», — так была переименована психопатическая личность.

В своем дезинтегрированном аспекте некоторые черты Е8 напоминают характеристики, которыми Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (DSM-V) описывает упомянутое «антисоциальное расстройство личности» (АПА, 2013), совместимое с патологическим полюсом Е3. Согласно этому основополагающему психиатрическому труду, это расстройство характеризуется устойчивым паттерном пренебрежения и нарушения прав других. Оно включает такие поведения, как обман, импульсивность, раздражительность, агрессивность, стремление к власти и безразличие к собственной и чужой безопасности. Люди с этим расстройством проявляют постоянную безответственность и отсутствие раскаяния после причинения вреда другим.

Люди с антисоциальным расстройством личности воспринимают себя сильными, независимыми и борющимися с миром, воспринимаемым как враждебный. Другие воспринимаются как объекты для эксплуатации или угрозы, от которых нужно защищаться. Дисфункциональные убеждения сконцентрированы на

доминировании и мести, а соответствующие эмоции включают гнев, презрение и скуку. Они принимают манипулятивные и агрессивные стратегии, им не хватает эмпатии и чувства вины.

Их основные симптомы:

- Неспособность удержаться на работе, быть ответственным родителем, иметь стабильные отношения, быть сексуально верным.
- Трудности с принятием социальных норм и законов.
- Агрессивность и раздражительность.
- Лживость и невыплата долгов.
- Неспособность планировать будущее.
- Безрассудность.
- Враждебная аффективность, вспыльчивый темперамент, жестокость.
- Самоуверенный образ «я», упрямство.
- Межличностная мстительность: они получают удовольствие от унижения и принижения других. Они презируют гуманистические ценности.

Соблазнение, чтобы доминировать

В то время как Клаудио Наранхо использовал слово «доминантный» для обозначения Е8, Луис Пелайо использовал слово «навязывание» для обозначения психопатического типа и учил, что есть два типа:

а) Навязывающий, тот, кто навязывает себя другим явно: «это так, потому что мне так хочется, черт возьми». Телесно у них обычно более выражена форма перевернутого треугольника, эта конфигурация чаще встречается у сексуального подтипа, более близкого к фаллическому нарциссическому, и у подтипа самосохранения, более близкого к садистической личности.

б) Соблазнитель, который сначала пытается соблазнить, чтобы навязать себя, но если это не срабатывает, делает это силой. Эта черта может чаще обитать в социальном подтипе, который имеет больше совпадений с нарциссизмом, описанным Фрейдом.

Любое навязывание (психопатическое) или соблазнение/отвержение (ригидное) нарушает интеграцию или сущностное действие проживания трансформации, чтобы снова соединить в Боге то, что невротичный человек дезинтегрировал. В этом суть энеаграммы: не просто остановиться на каком-то номерке.

От компульсии к воздержанию

В клинической практике Е8 обычно приходит на терапию из-за конфликтов в отношениях, взрывов гнева или проблем со здоровьем, вызванных постоянным напряжением. Он обычно проявляет недоверие к фигуре терапевта, проверяя его твердость, ясность и способность удерживать рамки, не поддаваясь давлению своей интенсивности (Альберт, 2017).

Наранхо (1995) указывает, что Е8 проявляет первичное сопротивление признанию своей уязвимости и аффективных потребностей, маскируя их под самодостаточность. Его трудность в просьбе о помощи связана с его бессознательным страхом предательства и потери контроля.

Райхерт (2011) подчеркивает, что работа с Е8 требует от терапевта твердого, теплого и ясного присутствия, способного сдерживать интенсивность, не подавляя ее и не поддаваясь ей. Это помогает разоружить защиты и открыть пространства, где Е8 может соприкоснуться со своей болью и потребностью в заботе.

Процесс интеграции Е8 подразумевает переход от компульсии к осознанному присутствию, как предполагает Наранхо (1995). Он требует работы с обидой, недоверием и компульсией к контролю, преобразуя гнев в ясность и защитное действие, а жесткость — в сострадание.

Альберт (2017) подчеркивает важность культивирования воздержания как интегрирующей добродетели Е8, понимаемой как способность регулировать энергию и импульс, не подавляя их, превращая мощь в доступность для жизни и для других.

Райхерт (2011) подчеркивает важность работы с пренатальными воспоминаниями и воспоминаниями о рождении, которые породили защитный панцирь Е8, позволяя его постепенное растворение, чтобы открыться для получения заботы.

Изучение Е8 с этой точки зрения позволит терапевтам, преподавателям и людям, находящимся в процессе самопознания:

- Понимать глубокую структуру Е8, выходя за рамки поверхностных ярлыков «агрессивности».
- Признавать мощь Е8 как преобразующей жизненной силы, когда она направляется с осознанностью.
- Идентифицировать сопротивления, защитные механизмы и реальные эмоциональные потребности, скрывающиеся за панцирем Е8.

- Интегрировать это понимание в клиническую, образовательную и сопровождающую практику, создавая более эффективные и человечные интервенции.